СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторах 4

ЛИСТАЯ ПОЖЕЛТЕВШИЕ СТРАНИЦЫ

Д. Н. Садовников. Наши землепроходцы 5
О Камчатской экспедиции 1758 года 130
Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана 159

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

С. В. Гаврилов. Море кормит, море хоронит 360

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

В. А. Бахтин. «Воровский» на охране дальневосточных рубежей 370
С. В. Гаврилов. Камчатрыбфлот: от транспортного к производственному (1972—1975 гг.) 393

ИСТОРИЯ КАМЧАТКИ В ДОКУМЕНТАХ

А. П. Пирагис. В. П. Кусков и его диссертация «Топонимика Камчатки» 484
В. П. Кусков. Топонимика Камчатки 489

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бахтин Василий Александрович, капитан 1-го ранга запаса. Служил в морских частях пограничных войск на Северо-Востоке России (на Камчатке). Награждён орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени, медалями «За отличие в охране государственной границы», Ушакова, ведомственными знаками отличия. В 1990—1992 гг. — заместитель командира пограничного сторожевого корабля 1-го ранга «Воровский». Живёт в г. Санкт-Петербурге.

Гаврилов Сергей Витальевич, преподаватель мореходного факультета Камчатского государственного технического университета. Области научного интереса: история морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор тринадцати книг, член Союза писателей России, Камчатского морского собрания. Лауреат историко-краеведческих премий им. С. П. Крашенинникова и Е. В. Гропянова. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Пирагис Александр Петрович, старейший камчатский краевед, писатель, полковник милиции в отставке. Области научного интереса: история камчатской милиции, г. Петропавловска-Камчатского. На Камчатке с 1954 г., автор четырёх книг, свыше ста пятидесяти статей. Первая краеведческая публикация вышла в 1977 г. Действительный член Русского географического общества, лауреат историко-краеведческой премии им. С. П. Крашенинникова. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Камчатское морское собрание
Министерство культуры Камчатского края

КАМЧАТСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Выпуск 5

Петропавловск-Камчатский
Издательство «Камчатпресс»
2016

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(2Камч)
К18

Камчатский летописец. Выпуск 5. — Петропавловск-
К18 Камчатский: Изд-во «Камчатпресс», 2016. — 592 с., ил.

ISBN 978-5-9610-0269-0

Пятый выпуск историко-краеведческого ежегодника включает четыре рубрики. Первая — «Листая пожелтевшие страницы» — воспроизводит редкие книги и документы, впервые опубликованные в 1802, 1874 и 1906 гг., рассказывающие об освоении россиянами Сибири и Северо-Востока России в XVI—XVIII вв. В рубрике «Чтобы помнили» продолжена публикация списка погибших в море, начатого в предыдущих выпусках. Авторские статьи рубрики «Из истории освоения Северо-Востока России» сообщают об одном из первых на Дальнем Востоке пограничном сторожевом корабле «Воровский», характеризуют особенности преобразования морского транспортного флота Камчатрыбпрома — Камчатрыбфлота — в организацию, занимавшуюся наряду с грузоперевозками приёмом и обработкой рыбы-сырца (Рыбхолодфлот). В рубрике «История Камчатки в документах» повествуется о некоторых вопросах топонимики полуострова Камчатка.

Издание предназначено для музейных работников, историков, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей освоения Северо-Востока России и Камчатки.

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(2Камч)

Редактор-составитель С. В. Гаврилов
Оформление обложки О. В. Осиповой

ISBN 978-5-9610-0269-0

© Гаврилов С. В.,
составление, 2016
© Авторы, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторах 4

ЛИСТАЯ ПОЖЕЛТЕВШИЕ СТРАНИЦЫ

Д. Н. Садовников. Наши землепроходцы 5
О Камчатской экспедиции 1758 года 130
Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана 159

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

С. В. Гаврилов. Море кормит, море хоронит 360

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

В. А. Бахтин. «Воровский» на охране дальневосточных рубежей 370
С. В. Гаврилов. Камчатрыбфлот: от транспортного к производственному (1972—1975 гг.) 393

ИСТОРИЯ КАМЧАТКИ В ДОКУМЕНТАХ

А. П. Пирагис. В. П. Кусков и его диссертация «Топонимика Камчатки» 484
В. П. Кусков. Топонимика Камчатки 489

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бахтин Василий Александрович, капитан 1-го ранга запаса. Служил в морских частях пограничных войск на Северо-Востоке России (на Камчатке). Награждён орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени, медалями «За отличие в охране государственной границы», Ушакова, ведомственными знаками отличия. В 1990—1992 гг. — заместитель командира пограничного сторожевого корабля 1-го ранга «Воровский». Живёт в г. Санкт-Петербурге.

Гаврилов Сергей Витальевич, преподаватель мореходного факультета Камчатского государственного технического университета. Области научного интереса: история морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор тринадцати книг, член Союза писателей России, Камчатского морского собрания. Лауреат историко-краеведческих премий им. С. П. Крашенинникова и Е. В. Гропянова. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Пирагис Александр Петрович, старейший камчатский краевед, писатель, полковник милиции в отставке. Области научного интереса: история камчатской милиции, г. Петропавловска-Камчатского. На Камчатке с 1954 г., автор четырёх книг, свыше ста пятидесяти статей. Первая краеведческая публикация вышла в 1977 г. Действительный член Русского географического общества, лауреат историко-краеведческой премии им. С. П. Крашенинникова. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ ПОЖЕЛТЕВШИЕ СТРАНИЦЫ

Ниже вниманию читателей предлагаются две книги, вышедшие в 1802 и 1874 гг., и фрагмент повторяющегося издания 1906 г. Все они посвящены одной теме — освоению Северо-Востока России и выстроены в хронологическом порядке описываемых событий. Открывает рубрику книга «Наши землепроходцы» русского фольклориста, этнографа и поэта Д. Н. Садовникова, вышедшая первым изданием в 1874 г. в Москве, в типографии А. И. Мамонтова и К° как приложение к «народному» журналу «Грамотей». Этот журнал, издававшийся в 1861—1876 гг., был основан И. Н. Кушнерёвым, редактировался Н. Ф. Савичем. Второе издание книги предпринято в 1897 г., уже после смерти автора. В ней в популярной манере рассказывается о почти полуторавековом движении русских людей «встречь Солнцу» — от Уральских гор к побережью Тихого океана.

Д. Н. САДОВНИКОВ

НАШИ ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ

(Рассказы о заселении Сибири)
1581—1712 гг.

Садовников Дмитрий Николаевич родился 25 апреля 1847 г. в г. Симбирске в небогатой дворянской семье. Первый литературный опыт приобрёл в девятилетнем возрасте, составив сборник прочитанного им по естественным наукам «Жаркие страны», затем сборник «Космос для детей», занимался стихотворными подражаниями русским поэтам. После смерти в 1861 г. отца был определён в Симбирскую гимназию. Учась в пятом классе, в 1864 г. начал печататься: две первые корреспонденции из Симбирска были опубликованы в журнале «Северная пчела». В 1867 г. переехал в Москву, где долго не мог найти подходящих занятий и заработка. Затем поступил на службу к богатому купцу в качестве учителя английского языка и с ним отправился за границу. Вернувшись из поездки, жил в Москве, затем переселился в родной Симбирск и стал домашним учителем в помещичьем семействе. После шестилетней супружеской жизни овдовел, оставшись с тремя малолетними детьми. Поручив их попечению родных, жил то в Москве, то в Петербурге, печатался в разных изданиях. Был весьма стеснён материально, пытался поступить на казённую службу, но это ему не удалось. Неудачи сломили его некрепкое

здоровье. Скончался 19 декабря 1883 г. в г. Санкт-Петербурге после тяжёлой болезни. Основные сочинения: «Русская земля. Жигули и Усолье на Волге» (1872), «Подвиги русских людей» (1873), «Наши землепроходцы. Рассказы о заселении Сибири» (1874), «Загадки русского народа» (1875), «Из летней поездки по Волге» (1883), «Сказки и предания Самарского края» (1884), а также множество статей, этнографических рассказов и стихотворных переводов.

Рыба ищет — где глубже,
а человек — где лучше

От автора

Составитель этой книжки пользовался преимущественно дополнениями к историческим актам (т. II, III, IV, VI, VII и VIII, а также трудами гг. Фишера, Миллера, Карамзина, Словцова и Соловьёва, Энциклопедическим словарём (т. V) и некоторыми другими сочинениями.

I. Движение русских на Северо-Восток. Известия о Югорском крае

Мы иногда не прочь похвастаться величиной русской земли, которая, на самом деле, удивит хоть кого. Если от Москвы начать укладывать вёрсты всё дальше и дальше на восток, в Сибирь, то уложится их, шутка сказать, до десяти тысяч! От Петербурга и ещё больше. Обыкновенным шагом человек уходит в час около пяти вёрст. Для того, чтобы пройти такую великую путину, ему понадобилось бы чуть не полгода, если бы даже он шёл, нигде не отдыхая, и день, и ночь.

Но всегда ли русская земля была такой обширной? Нет. Она постоянно росла, и даже до сих пор ея рост увеличивается новыми землями.

Впереди мы будем вести речь о тех людях, которые в несколько лет прошли от Уральских гор до далёкой оконечности Сибири, терпя всевозможныя лишения: и голод, и холод, и непогоду. Люди эти совершали ту великую путину, о которой я говорил, покоряли дорогой разныя племена, прибавляли к нашей земле новые края и населяли их.

Но посмотрим сначала, чем была Русь за тысячу лет назад. Теперь самое большое протяжение ея с запада на восток; в те же далекия времена она, наоборот, тянулась больше с севера на юг, полосой очень широкой. На севере был Новгород; на юге — Киев.

Предки наши, славяне, и тогда говорили про свою землю, что она *велика и обильна.* Порядка в ней только не было, но это ещё не велика беда: было бы лишь где и чем жить и что устраивать, а за людьми, которые придут и порядки заведут, дело не станет. И вот пришли иноземные князья. Славянския племена стали им дань платить и селиться по лицу родной земли, прозванной Русью. Гор никаких не было, в ином месте хоть шаром покати. На севере — леса, болота, вдоволь воды и речной, и озёрной, а на юге — степи.

В то время как леса рубились на избы, а поля засевались, степи эти, на беду нашу, давали приют разным кочевым народам: печенегам, половцам, татарам, которые нападали на русския деревни, жгли их, били людей, угоняли скотину, топтали хлеб и потом скрывались опять в привольныя степи. Народа русскаго было тогда ещё мало, защиты — тоже, и люди бегали в леса. Тем, которые пахали землю, сеяли хлеб и ждали урожая на будущий год, было очень непокойно на юге около Киева, потому что не проходило года, чтоб из обширных соседних степей не налетали конные люди — нехристи.

Были из наших предков такие, которые могли подраться и дать отпор, но их было меньше, чем людей мирных, земских. Вот этимто приходилось искать места попокойнее юга. На севере, в Великом Новгороде, шла оживлённая торговля с разными народами. Болота и леса охраняли его от татар, а близость моря познакомила с западом Европы и развила торговлю; на юге же русской земли не было ничего подобнаго: везде была одна помеха мирному труду.

После Рюрика князей на Руси завелось очень много, между собой они редко ладили, каждому хотелось быть старше другаго, а потому начались ссоры да кровопролития. Иной князь разсердится на когонибудь, а силы-то своей не хватает, вот он и зовёт на подмогу иноземца. Придёт иноземец в Русь, приведёт своё войско, и начнётся резня. Плохое совсем тогда было житьё. Тут ещё татары приспели и заполонили всю русскую землю. Мирные люди отступали понемногу от степей на северо-восток, где стояли густые леса.

Кому выгоднее было оставаться на старой украйне, тот оставался. В северных лесах люди были не такие безпокойные, как степные грабители, от севера мы не терпели такой обиды. На юге впору только жить одним головорезам, пусть и живут. Оттуда пошло в Русь всякое удальство и молодечество, на север же отошли главным образом пахари, люди домовитые.

«Заведём, — думали они, — хороший порядок в русской земле, такой, чтобы никто нас из степей не обижал, наберёмся этим временем силы, да им же потом дадим себя знать». Так и сделали.

Столицами нашими скоро стали сначала Владимир, а потом Москва — оба города северные. В Москве особенно крепко сели русские князья, *собиратели русской земли* под одно начало.

Не будь Северной Руси, будь в ней такая главная же сумятица и неурядица, как в южной, Киевской, не скоро бы мы выбились из-под татар, которые чуть не триста лет держали нас в страхе.

С этой-то поры стала заметно расти наша родина, и начали мы пробираться дальше и дальше на северо-восток обширной равнины, всё больше по рекам. В то время это были самыя широкия и удобныя дороги.

Особенно рано познакомились с некоторыми краями русской земли жители Новгорода. Они были нашими первыми *землепроходцами*. Их заводила в разныя далекия места корысть: новгородцы были народ торговый. Увидали они, что на самом севере лежит холодное, неприветное море, такое, что и конца ему не видать. На северо-востоке встретились им высокия горы — каменныя, покрытыя снегом. Прозывались эти горы Угрскими, а земля, лежавшая за ними, Югрой или Югорской. Про неё ходили чудные рассказы, занесённые в Русь всё теми же новгородцами.

Один из них, по прозванию Гюрата Рогович, говорил, что югорские люди немы (то есть язык их был непонятен русским, отсюда слово *немец*) и живут на севере вместе с самоядью (про народ этот думали, что они друг друга едят, отсюда и названье пошло); что дальше есть очень высокия горы, в которых шумят и копошатся люди. Сидят они внутри горы и что-то кричат чрез небольшое прорубленное окошко, но что кричат, понять нельзя. Очень любят железо, просят его знаками, а сами дают за какой-нибудь ножик или топор дорогие тёплые меха.

Говорили ещё более удивительныя вещи: будто в Югре, всё равно как у нас дожди или снега, выпадают разные звери, особливо олени и белки. Это такая же небылица, как в русской сказке о *шуте Максимке,* где говорится о говяжьем облаке, упавшем с неба среди поля.

Дело в том, что ещё очень давно новгородцы, пробираясь по северной украине русской земли, собирали дань с тамошних народов (печоры, перми) и захватили в свои руки меновой торг, бывший у них с Югрой. В неё путь лежал дальний и трудный. Даньщики (собиратели дани) ходили по северу *ватагами*, под начальством *ватаманов*. Югра была, как я уже сказал, самою далёкою волостью у Новгорода, и даньщикам, которые в неё забирались, приходилось иногда плохо: на севере многих из них побивали.

Было, однако, из-за чего и забираться в такую даль. Кроме мехов получали новгородцы золото, серебро и узорочье (дорогия ткани).

Так шли эти смелые люди по северным пустыням, переходили Угрския горы (назывались оне ещё Каменным поясом или Камнем. Это — теперешния Уральския горы. По-татарски Урал значит *пояс*) и разсказывали диковинки про тамошния места.

Занимавшиеся главным образом земледелием, московские люди подвигались тоже на северо-восток, но потише. Немало требовалось времени на то, чтобы земля дала хлеб, надо было её обрабатывать, строить селенья и, понемногу раздвигая полями сосновые и берёзовые леса, подаваться вперёд. Леса позволяли нашим предкам заниматься охотой, а реки — рыбною ловлей.

Попадавшиеся на пути народцы (чудь) были слабее русских, не знали они веры христианской, не имели у себя таких порядков, какие были у последних, жили розно, как мы в старину, а уж это хуже всего. Московские люди садились на своих местах прочно, не то, что новгородцы. Те в северных краях только дань собирали: соберут — и дела им ни до чего нет, домой уходят. В Великой Перми (лежала около Уральских гор. Теперь на ея месте Вятская, часть Вологодской и Пермская губернии. «Пермь» значило — гористое место), например, не осталось после них никаких сёл, никакого жилья.

Сколько ни распахивали земель московские люди, их оставалось всё-таки ещё очень много. Заселить такия пространства было некем, народу мало. Чем дальше от Москвы, тем места становились глуше, леса гуще, селенья реже.

Не одна сотня лет прошла до той поры, когда московские люди, пробираясь на северо-восток, встретились с новгородцами, которым удалось раньше узнать его. Москва стала Новгороду поперёк дороги. Ей самой захотелось вести с северными народами выгодныя торговыя дела.

Был тогда царём в Москве Иван III. Новгородцы, имевшие до этого времени отдельные от Москвы порядки, были их лишены. Пермь и Югра присягнули нашему царю. Сотни четыре лет назад царские воеводы зимой с великим трудом перешли через теперешния Уральския горы. Оне показались им ужасно высокими («А Камени, — говорили русские, — в оболоках не видать. Коли ветряно, ино оболоки раздирает»). За горами встретили русские югорских князьков. Ехали князьки в санях, на оленях. Воеводы не хотели кончить дело миром, схватили их и пошли разорять югорские городки. Разорили до сорока городков, много князьков

в Москву отослали. Стали про Югру разсказывать небывалыя вещи и московские люди:

«Засыпают, — говорили они, — тамошние народы в Юрьев осенний день и спят до весенняго Юрьева дня. Ведут югорцы торг с соседними племенами и перед тем, как спать, кладут свои товары в назначенное для этого место. Приходят гости — купцы (отсюда пошли слова: «гостиный двор», «гостинец». Так как купцы были люди приезжие из чужих краёв, то гостями стали после называть всякаго приходящего в дом или заезжаго человека), берут эти самые товары и взамен кладут свои. Бывает так, что проснутся югорцы, и покажется им, что товаров дали мало, тогда война пойдёт, кровь льют. Богатств в Югре сметы нет: и золото, и серебро, и дорогие камни. Бога не знают, а молятся золотой какой-то бабе».

Вот что знали о Югре. Югорцы на самом деле много лили своей крови, вели частыя войны, вообще жили вовсе не дружелюбно. Этим воспользовались татары. Пришли они, как и к нам, с юга и покорили югорцев. Стали им дань платить и вогуличи, и остяки, и самоядь. Были и такие, что не платили. Признав над собою власть Ивана III, югорцы давали свой ясак неисправно, потому что сидели за горами, далеко от Москвы. Татарские князья больше над ними силы могли иметь, чем мы. Только звание одно было, что покорны. К тому же в то время русскому царю было не до них.

Русские люди были уже у самых гор, строили городки и сёла, расчищали леса. Случалось, что из-за Каменнаго пояса приходили вогуличи и грабили их не хуже степных разбойников. Царём раздавались пустынныя места для заселения (между Камой и Северной Двиной). И русские люди, отстаивая своё добро, дрались с вогуличами. Жить в тех местах было дёшево и выгодно, только подчас безпокойно.

Я уже говорил, что новгородская торговля мехами с Югрой была перехвачена московскими поселенцами. Имея дела с загорными людьми, русские неминуемо должны были рано или поздно столкнуться с татарами, которые держали Югру в руках. Так и случилось. Когда царём московским стал внук Ивана III, Иван Грозный, по порядку четвёртый, Русь стала сильнее. Взяты были два татарских царства: Казань и Астрахань. Услыхал об этом сибирский (земля, носившая прежде название Югры, стала с приходом татар носить другое название — Сибирь, от главнаго татарскаго города того же имени) князь Едигер и обещался нашему царю платить дань собольими шкурками на условии — получать взамен оборону от других князей, которые были против него. Из степей

выходило ведь много татарских *мурз* (князьков). Один из них, Кучум, убил Едигера и взял себе его царство. Иван Грозный стал требовать и от него положенной дани, а тот возьми да и убей нашего посла. Стали после этого подвластные татарам вогуличи и остяки чаще нападать на Великую Пермь.

Иван Грозный больше чем прежние цари начал раздавать русским людям земли, чтоб иметь Москве защиту с северо-востока. Но этим дело не могло кончиться. Югра была под боком, вплоть, и нашим предкам скоро пришлось поближе познакомиться с этим краем. Случилось это в конце царствования Грознаго, и вот при каких обстоятельствах.

II. Василий Тимофеев, Ермак по прозванию

Из русских поселенцев на северо-востоке богаче и известнее всех были братья Строгановы. При Иване Грозном к прежним их владениям прибавились ещё земли около Камы (самый большой приток Волги, он впадает в неё ниже Казани), всего вёрст на сто пятьдесят. Позволено было царскою грамотой рубить чёрные леса, заселять пустыри, устраивать соляныя варницы и звать на них рабочих людей. На двадцать лет избавлялись Строгановы от пошлин.

За все эти льготы должны они были защищать русскую землю от нападений зауральских народов; на свой счёт обязывались строить *острожки* (маленькия крепости), держать *наряд* (пушки) и ратных людей. У Строгановых были деньги на это дело, сделка была выгодна и для них, и для царя.

Поселенцы были люди умные и предприимчивые. В отличку от других слыли они *именитыми* людьми. Рабочий народ шёл к ним с радостью, потому что житьё у Строгановых было хорошее. Разбогатели *именитые* люди ещё больше, но мало им было этого: рукой подать, за горами лежал Югорский край, про который, как мы знаем, ходило столько разсказов и откуда шли в Русь дорогие меха разных зверей.

Черно-бурыя лисы и соболи соблазняли Строгановых. В 1573 году судьба чуть не привела столкнуться с войском царевича сибирской земли (Югорской) Махметкула. Услыхал он, что недалеко от Урала русские люди городки строят, пошёл их разорять, да испугался слухов про большое число ратных людей и вернулся назад.

Строгановы воспользовались этим. Их земли до этого нередко терпели от набегов сибирских народцев, и они склонили Ивана Грознаго дать им льготную грамоту, подобную той, что получили

они на камския земли, дозволить идти за Уральския горы, строить крепости, покупать *огненный наряд*, вспахивать и засевать поля. Опять брались Строгановы делать всё это на свой счёт. Прибавляли они в своей просьбе царю, что народ остяцкий, живущий за Уралом, готов платить ему дань (*ясак*), только бы он, царь, оборонил его от сибирскаго *салтана*. Этим Строгановы указывали царю на те выгоды, которыя он мог получить через них.

Ивану Грозному было на самом деле выгодно дать Строгановым грамоту с прежними льготами, и он дал. *Именитым промышленникам* для покорения Зауральскаго края нужны были люди надёжные, а таких у них было мало. Но тут Строгановым помог случай.

Триста лет назад Русь была уже не в пример больше той Руси, о которой я говорил в начале, а порядок в ней всё-таки был плох. На юге, как известно, остались жить головорезы, люди, привыкшие к опасностям, у которых удальство переходило в разбой. Жили они на краю русской земли, в подданстве у наших князей и царей, только подданство это было из таких, что надеяться на народ было трудно. Прозывались они позже *казаками* (в старину значило просто наёмник, бездомный человек) и скоро стали величать себя людьми вольными, то есть такими, которые, пожалуй, не прочь и послушаться русскаго царя, только если это им выгодно, а если нет, так сделать по-своему. Постоянное соседство с кочевыми народами степей не располагало казаков к мирным занятиям. Идти в Московскую Русь им было неудобно, потому что к русским границам на юге сплывало оттуда всё, не уживавшееся с тамошними порядками. Инаго надо было судить за какой-нибудь проступок, и он убегал к казакам, у которых завелись свои порядки. Там выбирались атаманы (старшие), а общия дела решались в *кругах*, причём казаки сходились и советовались между собой. Завелись такия устройства по южным русским рекам Днепру, Дону, Яику (нынешняя рыбная река Урал), а потом и в других местах.

Казаки могли бы на юге быть нашими защитниками от татар, всё равно как Строгановы на северо-востоке, и земским людям хорошо бы было жить за казаками: всё-таки народ свой, в обиду иноверцам не даст. Вышло, однако, не так. Появились *вольные люди* на Волге. Пришли они туда с тихаго Дона, а Волга в то время была большим торговым путём. Ездили по ней купцы с товарами и послы с подарками. Казакам это было на руку, и не стало от них свободнаго хода по Волге. Пошли жалобы на непорядки, грабежи. Шайки южных удальцов-разбойников обирали всех без разбора — и своих, и иноземцев.

Особенно сильно шалила одна большая шайка, чуть не в тысячу человек, атаманами которой были Ермак Тимофеев, Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещеряк. Первый из них пользовался особенным уважением за ум и распорядительность. Росту Ермак был средняго, коренаст и плечист, глаза были светлые, быстрые, волоса — чёрные, как смоль, и кудрявые. Окладистая борода красила смышлёное казацкое лицо.

Дед Ермака жил в Суздальском посаде (всё равно, что пригород, жильё, расположенное около внутренней крепости, собственно города) и был человеком очень бедным; звали его Афанасьем Алениным. Нужда в работе принудила Афанасья переселиться во Владимир. Тут ему малость повезло: стал он извозом промышлять. Славились тогда разбоями большие Муромские леса, около Оки, недалеко от Владимира. Случалось не раз Афанасью Аленину возить лесных грабителей на своих лошадях, причём ему, конечно, перепадала деньга. Несдобровали как-то разбойники и попались, а с ними угодил и Афанасий в тюрьму. Недолго, однако, насидел он в ней. Он бежал и жил некоторое время в Юрьевце Повольском, где и умер.

После него осталась жена с детьми. Надо было жить чем-нибудь, куда-нибудь деваться. Услыхав, что Строгановы занимаются на Каме промыслами и имеют нужду в рабочих людях, дети Афанасья Аленина перебрались к ним на Чусовую реку, что впала в Каму. Скоро они переженились и имели сами детей. Всех бойчее был Тимофеев сын Василий. Смолоду ещё отличался он силой и был речист. Прозывался Василий, как и отец, Повольским (прозванье это взяли себе дети Афанасья Аленина, переехав к Строгановым). Про прежния занятия Василья известно, что он одно время ходил по Каме и Волге бурлаком, был в кашеварах и получил от товарищей кличку *Ермака*, что значило «артельный таган».

Скоро работа на *стругах* (лодка, судно) наскучила, и Ермак ушёл к вольным людям, донским казакам, и здесь его за удаль сделали старшиной одной *станицы* (казацкое селенье). Но Ермаку хотелось больше простору, и он решил идти на Волгу с несколькими из донцов, которые были непрочь от разбоя. На знакомой реке ему нетрудно было собрать значительную шайку и стать ея главным атаманом. Волгу знал Ермак хорошо; он знал, где раскинуть стан, где выбрать место для нападения на проезжавшия суда. В одном месте река эта делает большой, очень крутой изгиб, правый берег котораго покрыт горами и лесами. Здесь-то, по преданию, живал знаменитый казак, и даже одна деревенька носит до

сих пор его имя. Проведал о разбоях на Волге Иван Грозный, приказал изловить атаманов и повесить. Отряжен был воевода с войском.

Услыхал недобрую весть Ермак с товарищами и поплыл из Волги в Каму, на родныя места, где провёл молодые годы. Слышал и он много про Сибирское царство и про то, что Кучум дани русскому царю не платит. Захотелось ему попытать счастья в нерусской земле. Казаки, пришедшие в строгановския именья, были народ решительный, смелый, готовый на всё. Недаром говорили про них, что они *безстрашные к смерти, непокоримы и к нуждам терпеливы.* Таких-то людей и нужно было Строгановым для того, чтобы покорить Сибирское царство за Уральскими горами.

Они просили сначала у Ермака защиты от вогуличей и татар, а потом показали казакам царскую грамоту, которою дозволялось строить по ту сторону гор острожки и селить людей. Ермака с казаками это раззадорило. Лестно было думать, что к Русскому царству можно, пожалуй, прибавить ещё богатую и обширную землю. Такое дело было бы славнее и выгоднее грабежа на Волге и стояло только за деньгами и припасами, но всё это обещались выдать богатые Строгановы. Ермак согласился с радостью на их предложение и твёрдо решил перейти горы и покорить малоизвестную страну. Выходило по пословице, что «нет худа без добра», и бывшие разбойники задумали употребить свои силы на более полезное дело.

Ратников у Ермака было, как говорят, перед походом более восьмисот человек, в том числе и сборная дружина из русских, татар, немцев и литвы, выкупленных Строгановыми из плена у ногайцев (одно из татарских племён на юге). Всем было роздано оружие и съестные припасы, состоявшие из муки, крупы, толокна, сухарей, масла, ветчины и соли. Ермак был назначен воеводой. Первым после него был Иван Кольцо, человек смелый, безстрашный.

Медлить было нечего, лодки были давно готовы и осмолены. Началась грузка. Немного взяло времени укладыванье припасов и огнестрельных снарядов, между которыми были и лёгкия небольшия пушки и длинныя *семипядныя* (пядь равнялась нынешней четверти) пищали (пядь равна 17,78 см. — *Ред.*). В числе отправлявшихся были провожатые три попа, толмачи (переводчики) и какой-то беглый монах. От Строгановых взяли ещё иконы стараго письма. После молебна Строгановы наказали казакам *«идти с миром очистить землю сибирскую и выгнать безбожнаго салтана Кучума»*. 1 сентября 1581 года сел Ермак со своею дружи-

ной в лодки и отплыл вверх по реке Чусовой при громкой трубной музыке.

Иван Грозный ничего об этом не знал, и Строгановы чуть не попали в беду. Как на грех, в тот самый день, когда уплыли казаки, на строгановския именья напали вогуличи и много пожгли сёл, многих забрали с собой. Донесли Ивану Грозному, что Строгановы держат у себя беглых казаков и что в день нападения вогуличей казаки эти ушли за Уральския горы. Разсердился царь и послал сказать *именитым людям*, чтоб они не смели у себя держать воров и немедленно воротили их с пути, в противном случае грозил немилостью. «Хорошо ещё, — говорит, — если б они у вас жили и защиту давали от сибирских народов, а то они теперь в Сибирь ушли и, пожалуй, только мне всё дело испортят. Остяки согласились Русскому царству дань платить, а увидят казаков, откажутся от нея. Коли беглые воры хотят у меня в милости быть, пусть воротятся».

Строгий наказ не подействовал, потому что пришёл поздно. От Москвы до Строгановских земель известие шло больше месяца. Ермак был далеко. Не скоро подвигались казаки по Чусовой реке, потому что надо было грести против воды, река же быстрая и кругом высокие скалистые берега. Сильно приустали гребцы, захотелось им немного отдохнуть. Видят на берегу большой камень, а под ним чернеет какая-то нора. Вышиной камень сажен в двадцать, а в ширину и того больше. Пристали казаки к берегу и вошли в большую пещеру. Здесь, говорят, и зазимовали. Про это поётся даже и в одной песне. Камню с той поры по Ермаку и кличка была дана. И теперь на Чусовой показывают *Ермаков камень.*

В народе ходит слух, что бывший атаман удалых разбойников в бытность свою на Волге успел награбить и скопить большия богатства. Говорили, что Ермак зарыл богатый клад в одной из пещер, на северном берегу Чусовой. Тамошние крестьяне знали будто бы даже место, где зарыты деньги, и искали их, но ничего не нашли.

Четыре дня плыли казаки по Чусовой реке. Вдали уж виднелись Уральския горы, а когда вошли в речку Серебрянку, что пала в Чусовую, горы эти потянулись и справа, и слева. Серебрянка текла по камням, вода была в ней светлая, чистая, как серебро. В ином месте береговыя горы были покрыты большими кедровыми лесами. Страшныя, крутыя скалы висли над самою водой. Два дня плыли Серебрянкой, пришлось под конец остановиться, потому что лодки были тяжелы и дальше не подвигались: воды было мало. Говорят, что Ермак поднялся на выдумки. Пришло ему на

ум запружать речку, перехватывать её парусами, вследствие чего вода в берегах поднималась и пропускала суда.

Долго плыл Ермак со своею дружиной, вышел и на *сибирский путь*, а ещё почти никого на дороге не встретил. Разсудив, что впереди не известно, он велел, для всякаго случая, если придётся назад отступать, так чтобы было, где укрыться, делать земляной городок. Скоро поспел городок, потому что вырыть ров и насыпать вал на четыре стороны — дело нехитрое. Стало прозываться место это *Кокуй-городком*. Лодки вытащили из воды и поволокли до небольшой речки Жаравли, а из нея попали в Тагил, которая принесла русских в Туру, реку Сибирскаго царства. До этого времени если и попадался им какой народ, так всё больше кочевой, а тут стал появляться народ оседлый, земледелец. Его надо было опасаться. Жившие по реке татары, вогуличи и остяки, у которых был свой князь, Епанча, покорный сибирскому царю Кучуму, встретили смельчаков стрелами с берега.

Народцы эти и не знали, что такое ружьё и порох; бой у них был *лучной*. Зарядили казаки пушки и выстрелили. Те от страха пустились бежать без оглядки, думали, что гром ударил. Ермака это подзадорило, велел он пристать к берегу и пустился за ними в погоню. Много улусов (деревень) разорили казаки и много перебили народу.

На реке Тавде, что в Туру пала, поймали они татарина по имени Таузака и стали допрашивать, где Кучум, потому что татарин выдал себя за служащаго при сибирском царе. Хотелось, видно, Ермаку попугать Таузака. Приказал он своим ратным людям стрелять из ружей по железной кольчуге (рубашка из мелких железных колец), и пули пробивали кольчугу насквозь. «Говори всё, что знаешь, а то тебе худо будет!» — стращали пойманнаго.

Испугался татарин и разсказал, что царь сибирский живёт на реке Иртыше (главный приток сибирской реки Оби) в городе Сибири, или Искере, что у стараго и слепаго Кучума состоит в подданстве много разных князьков, и что сильнее и лютее всех родственник царя Махметкул — такой богатырь, что не найти другаго, ему равнаго, во всей сибирской земле.

Узнал Ермак, что Кучума не любят за то, что он язычников в Магометову веру хочет обратить. Остяки же и вогуличи молились разным идолам, которых сами делали из дерева и одевали в платья. Самоеды, например, обмазывали своих божков кровью для того, чтобы те были к ним милостивее. Каждый из этих народцев стоял за свою веру и был против Магометовой.

Говорил татарин, что и войска много у Кучума, только нет таких удивительных луков, и что сибирский царь ведёт с разными народами большой торг мехами. А плыть до города Сибири надо по Тавде в Тобол, а из Тобола — прямая дорога в Иртыш.

Когда отпустили Таузака, Кучум скоро узнал, что к нему в гости идут русские люди и несут с собой такия стрелы, от которых гром слышен и спастись ничем нельзя. Как все дикие народы, Кучум был суеверен, слушал всё, что ему говорили сибирские *шаманы* (жрецы), и теперь стал припоминать их пророчества и разсказы. Уверяли они, что на небе было много знамений: кто город с церквами видел, кто кровавую воду в Иртыше. Говорили, что белый волк выходил драться с чёрною собакой, что пришёл волк с Иртыша, а собака — с Тобола-реки. Думали так, что всё это к войне. Удивляться этому нечего: и у нас в народе ходят теперь нередко разные слухи о голоде или большом наборе, когда на небе появляется комета с большим хвостом или огненные столбы (северное сиянье).

Стал царь Кучум собирать войско. Высланы были татары против казаков, плывших Тоболом. Кучумовы данники, чтобы помешать гребцам, перегородили в узком месте всю реку железными цепями, а сами тем временем задумали напасть на Ермака. Татар было много. Три дня отбивались русские с лодок. Ермаку наконец удалось перехитрить нехристей. Велел он казакам набрать хворосту, навязать из него большие пучки и одеть их в лишние казацкие кафтаны. Так и сделали. Разсажали чучел по лодкам, а сами тайком вышли на берег и бросились на неприятеля. Увидали татары, что русских прибыло, и на берегу-то они, и на воде! Взяли да и побежали.

Узнал Кучум, что с малыми силами ничего не сделаешь, кликнул клич по всему царству, и собралось большое войско. Махметкула с конными людьми выслал он против Ермака, а сам сел под Чувашьей горой за высокий земляной вал, в засеку, неподалеку от своей столицы. Надеялся Кучум на своего родственника, что тот в обиду себя не даст.

Возле одного урочища (Бабасана) Махметкул бросился на русских со своею конницей. Вооружены были татары стрелами и короткими копьями. На первый раз казаки малость сробели. Если бы не Ермак, так татары, пожалуй бы, верх над ними взяли. Стал он ободрять своих ратников и первый вперёд кинулся. Пошёл кровавый бой. На каждаго из наших, говорит *Строгановская летопись*, приходилось от десяти до тридцати человек татар, но порох и свинец повернули опять дело в нашу пользу. В то время как

поганые (так мы называли всех, кто был не православной веры) бросали в русских стрелы и копья, русские люди стреляли *из пищалей* (очень длинное и тяжёлое ружьё, вдвое длиннее обыкновеннаго. Стреляли из таких ружей с особых подпорок) *и пушек скорострельных и из дробовых, и из затинных* (затинныя пушки, то есть небольшия), *и шпанских, и из аркобузов* (аркобузы, аркебузы — вроде обыкновенных нынешних ружей; вообще они лёгкое огнестрельное оружие). Многие из ермаковой дружины были убиты. Стало Ермаку жалко и людей, и пороха. «Сядем, братцы, в лодки, сказал он, — татары нам на воде ничего не сделают».

Опять поплыли казаки по Тоболу, а с крутаго берега так и сыплются стрелы, только большаго вреда от них не могло быть, потому что на казаках были железныя кольчуги. Проездом взят и ограблен был один татарский городок. Казаки много вывезли из него золота, серебра и царскаго меду и с богатою добычей доплыли до Иртыша. На Тоболе казакам ещё было втерпеж от татарских стрел, а при устье стали нехристи на берегах показываться и конные, и пешие, видимо-невидимо. С крутых берегов ловко было стрелять по казакам. В воздухе свистели целыя тучи стрел.

Улучат русские минуту, выстрелят вверх, и татары поотстанут малость, но потом опять пускают стрелы вдогонку. Не стерпел Ермак, велел причалить к берегу, и давай драться с татарскою силой. Казаки принялись за дело дружно, прогнали неприятеля, сели опять в свои лодки и поплыли Иртышом вверх. После таких передряг как им было не устать. Не давали им сибирцы отдыха. До города Искера меж тем было не так далеко. Русские были возле Чувашьей горы. Кучум, заслышав про их победы, стал на ней с большим войском, а в засаду отпустил Махметкула.

Укрепился Ермак на ночлег в одном татарском городке, только выспаться казакам не дали. Увидали они, что от Чувашьей горы идёт к ним татар не одна тысяча. Стали ночью, по казацкому обыкновению, совет держать, в круг собрались. «Что делать?»

Одни стали говорить, что уходить надо подобру-поздорову, другие, напротив, разсчитывали на удачу. Большинство хотело ехать в лодках назад, ссылаясь на то, что и так далеко зашли, пора и честь знать, а то, пожалуй, в чужой земле и головы сложишь. Стал Ермак с другими атаманами уговаривать и стыдить казаков; говорил им, что дурная про него с ними пойдёт слава. «Вот, мол, разбойники, так они разбойники и есть. Куда их ни пусти, они пограбят, да и уйдут, а сделать хорошаго ничего не сделают. Да опять, куда же идти, — говорил он, — реки уже смерзаются».

Подумали, подумали казаки и согласились остаться. Было это дело в глубокую осень, на пятьдесят третий день после выхода их из Руси. Утром 23 октября бросились казаки к засеке. Начался неравный, кровавый бой. Татары теснили наших отовсюду. Впереди небольшой толпы казаков были Ермак и Иван Кольцо. Долго рубились саблями, кололись копьями. Русские держались плотною стеною и, не переставая, стреляли по татарам из пищалей. «С нами Бог!» — кричали они, дружно отстаивая свою жизнь. В жаркой схватке Махметкул был ранен пулей, и татары увезли его на другой берег Иртыша. Войско неприятельское, потеряв начальника, обратилось в бегство.

Когда Кучум узнал, что русские победили и на этот раз, то сам в отчаянии бежал в Ишимския степи, бросив в столице своей, Искере, много всякаго добра и казны. Победа стоила русским недешево — много казаков было убито. Ермак не досчитался ста семи человек. Зато это была самая важная битва, после которой вся сибирская (прежде Югорская) земля, от Уральских гор до реки Оби и Тобола, отошла к нам.

20 октября Ермак вошёл в брошенный Кучумом город. Искер стоял на высоком берегу Иртыша. С одной стороны защищён он был крутым обрывом, с другой — тройным глубоким рвом и земляным валом. Городския жилища были построены всё больше из дерева, но кроме изб были ещё мазанки, крытыя дёрном. Говорят, что казаки много нашли в Искере разных богатств и всё разделили между собой поровну. Были тут и парчи, и меха, и золото, и много чего другаго. Долго казаки не верили, что город пустой стоит, всё думали, нет ли где засады какой. Подходили они к нему с опаской. Но на самом деле оказалось, что в Искере нет живой души. Не совсем это было для русских выгодно: припасы съестные подходили к концу, а на золото, найденное в городе, не у кого было купить корки хлеба.

Втащили казаки на городской вал свои мелкия пушки, укрепились и сели ждать. 30 октября пришли, наконец, остяки со своим князем, принесли подарки и запасы. Говорили они, что будут верны и просили милости. За ними пришли татары. И те и другие были отпущены в свои *юрты* (жилища). Была, однако, взята с них небольшая дань.

Присягали они русскому царю, каждый по своему обычаю. Остяки клялись на медвежьей шкуре (этот зверь до сих пор в большом почёте у остяков), татары подходили и целовали окровавленную саблю Ермака. Он, говорится в летописи, не позволял своим

казакам обижать иноверцев. Ермак любил порядок и строго взыскивал за худыя дела. Так, если кто был ослушником или обращался в бегство, того топили в реке, завязав в мешок, набитый песком и каменьями. За малыя вины насыпали в платье песку и сажали в воду на несколько часов. Вот какия наказания клал Ермак за всякое *студное дело.*

Пользуясь наставшею тишиной, казаки занялись охотой и рыбною ловлей. Опасность, однако, не миновала. Махметкул выздоровел от тяжёлой раны и в первых числах декабря месяца неожиданно напал на русских, ловивших рыбу в одном озере. Казаков было двадцать человек, и все до одного были избиты. Узнав про это, Ермак пустился в погоню за Махметкулом и, разгромив татар, отмстил за своих товарищей.

Давно стояла глубокая, снежная зима со страшными морозами и вьюгой (по-сибирски *пургой*); целыя тучи снега заносили все пути, так что идти дальше и думать было нечего. Отложили это дело до весны. Вся зима прошла в собирании *ясака*, охоте и рыбной ловле. Казаки этим кормились, потому что хлеба в тех местах не было.

Вогуличи сами вызвались платить русскому царю ясак и во многом помогали казакам как проводники.

В апреле 1582 года рано открылась сибирская весна. Ермаку сообщили, что Махметкул недалеко, и что с ним очень мало народа. Атаманы отрядили шестьдесят самых смелых казаков, которые врасплох напали на неприятельский стан, полонили самого Махметкула и привезли его в Искер. Ермак принял царскаго родственника ласково, радуясь, что получил в свои руки такого важнаго человека, в случае нужды — заложника.

На стараго, слепаго Кучума тем временем обрушилось много бед. Мало того, полонили его богатыря, шёл ещё на него сын убитаго им князя Бекбулата с войском. Изменил, вдобавок, близкий ему человек, вельможа Карача.

Ермаку всё это было на руку. По рекам Оби и Иртышу пришлось ему ещё воевать с некоторыми остяцкими князьями, так как они не все были покорны. Особенно упорствовал князь их Демьян. Он сидел в своей крепости с двумя тысячами ратных людей на крутом берегу Иртыша. По дороге к ней Ермак привёл в русское подданство (обложил ясаком) несколько татарских племён. Долго не могли казаки взять крепости князя Демьяна. Говорят, что в остяцком *городке* стоял золотой идол, завезённый будто бы из старой Руси, когда ещё наши предки *молились пенькам.* Идола этого остяки держали в большой чаше, из которой

для храбрости пили воду. Один чувашенин вызывался украсть у них его, да не мог, потому что и день, и ночь около идола был народ. Казаки не пожалели пороху, и крепость наконец сдалась. Никакого идола русские в ней не нашли.

Плывя Иртышом, они встречали языческих жрецов. Те приносили жертвы своим богам и просили у них помощи от русскаго *грома*. Видя казаков, жрецы бежали в леса. На Иртыше, в том месте, где его теснят очень высокие берега, напали на наших смельчаков вооружённые люди, но убежали при первом выстреле.

Оставался ещё самый сильный из остяцких князей, Сачар. Соединился он с другими восемью князьками и готовился к бою, решив дать отпор казакам, зашедшим в далекую Югорскую землю. Погубила только его неосторожность. Рано, чуть свет, бросились русские на спящий стан остяцких князей. Самар проснулся и был убит, остальные разбежались и стали платить ясак.

При взятии главнаго остяцкаго города, Назыма, убит был атаман казацкий Никита Пан и несколько казаков. Ермак дошёл до Оби, захватил ещё несколько небольших крепостей, построенных на ея берегу остяками, и дальше идти не захотел.

Дорогу перегораживала большая сибирская река, шириною версты в три-четыре, по обе стороны которой виднелись пустынные, укрытые снегом берега. Ни кустика нигде, ни деревца, а один только болотный мох. Обь текла на север, к неприютному морю, покрытому чуть не целый год льдом.

Ермак поехал обратно, в Искер, к оставленным там казакам. Ехал он с музыкой. Русские были одеты в дорогия, блестящия платья. К Ермаку все относились с уважением, как к человеку недюжинному. Покоренные жители встречали победителей с почестями.

Только теперь Ермак решился послать к Строгановым известие о том, что сибирския дела идут на лад. В грамоте, посланной им, он извещал, что *султан* покорился, а Махметкул полонён, что земли их взяты, а народы сибирские обложены ясаком. Другую грамоту послал Ермак царю Ивану Грозному, в которой раскаивался в прошлых грехах и говорил, что к Русскому царству прибавилась ещё новая земля — сибирская. Писал Ермак, что ждёт указа и присылки воевод. Повёз в Москву грамоту осуждённый Грозным на смертную казнь через повешение бывший разбойничий атаман Иван Кольцо.

Узнав об удачном исходе сибирских дел, Строгановы обратились к царю с просьбой присоединить к своему царству вновь добытыя *землицы*. Они сами не могли бы их удержать: мало было

на это средств. Подоспели и сибирские послы — Кольцо с казаками. Они *били челом* царю Ивану Грозному *царством сибирским, дорогими соболями, черно-бурыми лисами и бобрами.* Москва и царь радовались. Только и речи у всех было, что об Ермаке, о богатом его посольстве, да о том, сколько он народов покорил, сколько разнаго добра добыл. Много раздарил Грозный казакам денег, сукон и цветных камок (турецкая шёлковая материя с рисунками). О прежнем гневе не было и помину.

В Сибирь был отправлен воевода Семён Болховской и служащий Иван Глухов с пятью сотнями стрельцов (пешее и конное войско того времени). Ивану Кольцо разрешено было подыскивать охочих людей для заселения новой земли. Отправлено было за Урал десять попов с семьями. Воевода отправился со стрельцами тем же самым путём, как и Ермак Тимофеев.

Покорение Сибири малым числом казаков было делом необыкновенным, выходящим из ряда вон. Потому и немудрено, что про подвиги русских за Уральскими горами ходили небывалые рассказы. Так, даже в одной летописи того времени говорится, что недалеко от какого-то вогульскаго городка встретили они великана, ростом сажени в две, который разом давил человек по десяти в своих здоровых лапах. Живаго, говорится там, взять его не могли, так пришлось застрелить такое чудовище из ружей. Между тем, известно, что вогуличи — народ малорослый и вдобавок очень робкий. Они, как мы знаем уже, почти без сопротивления вызвались платить дань русскому царю.

Первыя известия о Югре были сказками, в которых едва ли возможно было различить хоть что-нибудь похожее на правду, но вот триста лет назад казаки перешли через горы, забрали много земли, своими глазами видели всё, многим из них удалось вернуться на родину, а всё-таки ходили в народе сказки про сибирскую землю. Народ верит бывалым людям, даже если они и прихвастнут немного. Пройдёт какой-нибудь слух через десять человек, каждый прибавит своё — и загуляет по свету небылица. Такия вот небылицы попадали в то время и в летописи о том, что случалось на Руси из года в год. Пора, однако, вернуться в Сибирь, к Ермаку.

Приехавший воевода навёз казакам подарков. Царь прислал Ермаку Тимофееву шубу со своего плеча, две брони и серебряный литой кубок. Величал, говорят, Иван Грозный беглаго донскаго казака *князем сибирским.* Пришлым стрельцам с воеводой дан был казаками пир на славу. Между тем стояла суровая сибирская зима. Жильё было сырое, открылась страшная болезнь — цинга

(в этой болезни у человека дёсны становятся мягкими, и из них сочится кровь, причём отделяется невыносимый запах. На коже появляются багровыя пятна, ноги пухнут, во всём теле чувствуется боль. От потери крови больной, наконец, умирает. Цинга появляется преимущественно в северных краях, там, где воздух бывает холоден и сыр. Солёная пища помогает от цинги). Воздух в казацких избах и землянках был спёртый, нездоровый. Прежде всех заболели стрельцы, присланные из Москвы, а после них слегли многие и из казаков, проложивших путь в Сибирь. Люди умирали в страшных мучениях.

Подоспела на подмогу первой другая беда: в пище был недостаток. Прежде хоть охотой можно было достать и дичи, и рыбы, а тут поднялись вьюги, стали страшные морозы, дороги заносило снегом, и из соседних юрт нечего было ждать подвоза хлеба. Пришлось терпеть голод. Болезнь от этого ещё более усиливалась, и в числе умерших был сам воевода царский, Болховской. Беда миновала только весной, когда стало теплее, и русским привезли хлеба. Пленный царевич Махметкул отправлен был Ермаком в Москву, причём казак-завоеватель просил у царя скорой помощи для удержания новой земли в своих руках.

У русских оставался ещё в Сибири один сильный враг — князь Карача. Силён он был хитростью и лживостью. Показывал Карача вид, что дружен с русскими, посылал Ермаку разные подарки, прикидывался верным слугой, а тем временем искал все средства, как бы насолить русским, а не то и вовсе прогнать их из сибирской земли. Ермак, не догадываясь, доверял Караче и раз послал ему на подмогу против ногайских татар сорок удальцов с любимым атаманом Иваном Кольцо. Казаки пришли в тарский *улус* князя Карачи и все были перерезаны.

После такой неудачи русских поднялись на Ермака все покорённые сибирские народы. Татары и остяки пошли на город *Искер* (Сибирь) и окружили его множеством обозов. Защита у сидевших в городе была плохая: стены были деревянныя, складенныя на скорую руку, да вал земляной. Пальба из пушек помочь не могла, потому что неприятель стоял с обозами далеко в поле, на вылазки людей было жалко. Карача хотел казаков сморить голодом, но они не дремали.

Тёмною ночью 12 июня 1584 года под начальством атамана Матвея Мещеряка прокрались русские в стан Карачи сквозь татарские обозы и перебили много сонных людей, в том числе двух сыновей князя. До полудни другаго дня шла жаркая битва. Карача

не мог выбить казаков из своего обоза, в котором они засели, и бежал за реку Ишим к Кучуму.

Опять покорились русским бунтовавшие до этого сибирские народы. Чтобы задать им страха, Ермак пошёл следом за Карачей и стал забирать иноземные городки. Говорят, что один татарский князь предлагал ему в жёны свою красавицу-дочь, но Ермак не согласился взять к себе бабу. Казацкое ли было дело с бабами возиться? Не обошлось без битв. В них Ермак вымещал за своих умерших друзей и товарищей: Никита Пан был убит в бою, Иван Кольцо зарезан, Яков Михайлов тоже убит при разъезде вместе с пятью казаками. Остался только один Мещеряк.

Усмирив татар, Ермак вернулся в Искер.

В те два года, которые выжили казаки в Сибири, заведена была торговля с далёкими азиатскими землями. Бухарцы привозили в Искер свои товары и меняли их на пушистые меха. Ермак знал, что бухарские купцы должны скоро прибыть на искерский торг, и ждал их. В это время прошёл слух, что Кучум не пропускает их к русским. Тогда Ермак с пятьдесятью казаками пошёл навстречу азиатским купцам. Целый день проискал он напрасно: не было видно ни Кучума, ни торговаго каравана. На обратном пути заночевал Ермак на берегу Иртыша. С одной стороны была широкая и быстрая река, с другой —неглубокая, наполненная водой, *перекоп*. Давно ещё кем-то была она вырыта и видна, говорят, до сих пор. Раскинули казаки шатры и легли спать, даже караульнаго не поставили. Это была большая оплошность со стороны Ермака — он знал, что Кучум недалеко.

В ночь разыгралась страшная буря на Иртыше. Лодки оторвало и унесло вниз, ветер ревел, волны хлестали в берег... Пошёл проливной дождь. Казаки спали мёртвым сном, потому что сильно утомились за день. Между тем, царь Кучум с татарами был на том берегу Иртыша. Он не решался идти в русский стан, не верил, чтобы русские спали, и послал одного татарина разузнать дело и что-нибудь принести в доказательство того, что они спят. Надо было к тому же отыскать брод. Посланец принёс, одни говорят, три пищали, другие — три лядунки с порохом, первое, что под руку попалось.

Тогда Кучум, пользуясь непогодой, неслышно переехал со своею конницей через ров, напал на спящих и перерезал их. Только двое проснулись во время резни: Ермак и один из казаков, который принёс своим печальную весть. Несколько татар было убито Ермаком. Видя, что нет спасенья, он кинулся к лодкам, но лодок

не было — их далеко унесло ветром. В отчаянье бросился Ермак в глубокий и быстрый Иртыш, надеясь доплыть до них, но тяжёлое вооружение потянуло его ко дну, и он утонул. Случилось это 5 августа 1584 года. Через неделю около одного татарскаго селенья прибило труп Ермака. Татарин, удивший рыбу на берегу, увидал в воде чьи-то ноги, закинул петлю и вытащил человека. На утопленнике была надета железная броня с медной оправой, на груди был золотой орёл. Все признали казацкаго атамана.

Говорят, что татары злобно потешались над покойником, положили его на рундук и пускали в него стрелы. Приехал, будто бы, и Кучум с остяцкими князьями смотреть на это поругание. Народная молва передаёт, что хищныя птицы, слетаясь на запах трупа, не трогали Ермака и только с резким криком вились над ним в вышине; будто стали татарам сниться страшные сны, представляться видения, и что эти сны и видения принудили их схоронить Ермака на кладбище, под кудрявою сосной. В день похорон зажарены были в честь ему и съедены тридцать быков.

Верхняя кольчуга, по преданию, досталась жрецам белогорскаго идола, а нижняя — одному *мурзе* (князю), Кандаулу, кафтан казацкий — другому мурзе, Сейдяку, а сабля и пояс — Караче. Над могилой Ермака, под развесистой сибирскою сосной пылал по ночам, говорил народ, столб огненный, и напуганные татары постарались скрыть место, где был схоронен знаменитый казак.

Лет семьдесят спустя кольчуга Ермака какими-то судьбами опять досталась русским. Ея размеры, говорят, были громадные. Она была железная, в два аршина (аршин равен шестнадцати вершкам, или 71,12 см. — *Ред.*) длины; шириной в плечах пять четвертей. На груди и спине — по золотому орлу, на рукавах и подоле — медная опушка в три вершка (вершок равен одному с тремя четвертями дюйму, или 4,45 см. — *Ред.*) шириной.

Про самого Ермака разсказывали ещё много небылиц. Говорили, например, что самая земля с его могилы исцеляла от недугов, делала человека непобедимым и прочее.

Теперь про него знают во всей Сибири. У многих тамошних крестьян есть плохо намалёванные портреты Ермака, а про могилу никто не знает. Зато в Тобольске, построенном вскоре после его смерти, стоит Ермаку памятник. Низ у памятника гранитный, в полсажени вышины, верх мраморный в семь сажен. Со всех четырёх сторон написаны слова. С одной: *«Покорителю Сибири Ермаку»*; с другой: *«Воздвигнут в 1839 году»*; на остальных двух сторонах помечены годы: *1581* (год выхода из Руси в Сибирь)

и *1584* (год смерти Ермака). У прежних сибирцев считался он непобедимым храбрецом, таким же слывёт Ермак в народе, и теперь много сложено про него песен.

После смерти любимаго атамана решили казаки идти в Русь. Без него они не знали, что им и делать с татарами. Нехристей много, пожалуй, всех перебьют, а казаков и без того много убыло и от холода, и от татарских стрел, и от болезни. Искер был брошен, и русские ушли с присланным из Москвы Глуховым. После ухода их в покинутый город пришёл сначала сын Кучума, Алей, а за ним и сам старик-отец. Недолго, однако, в нём они насидели. Подошёл с войском один князь, по прозванию Сейдяк, и, отплачивая за прежние Кучумовы грехи, выгнал слепаго старика из Искера.

Бежавшим в Русь казакам попался на дороге воевода Мансуров. Он шёл на подмогу с сотней людей и с одною пушкой. Иван Грозный не был в живых, на царском престоле сидел уже сын его, Феодор. Пришлось казакам ворочаться опять в Сибирь. Подошли они к Искеру, но взять его не могли и заложили на Оби другой городок. Стали под него подступать остяки, не радуясь возвращению старых знакомцев, и сильно молились своему идолу, *Славутею*, чтоб он помог им.

Однако дело у них на лад не шло. Русское ядро попало в идола и разбило его в мелкия дребезги. Трусливые остяки ушли и со страху больше не показывались.

Между тем, из Москвы пришёл ещё воевода Чулков, человек умный и ловкий. Привёл он с собой триста человек и заложил в шестнадцати верстах от Искера городок Тобольск. Князь Сейдяк продолжал всё сидеть в прежней сибирской столице. Чулков ссориться с ним не хотел. Только Сейдяку не нравилось, что русские пришли и недалеко от него новый город заложили. Пригласил он Карачу да с ним и пошёл к Тобольску.

Поднялись оба князя на хитрости: для отвода ястребов стали выпускать, будто на охоту едут. Увидал Чулков, что дело неладно, послал к ним гонца звать для переговоров насчёт замирения. Пришли князья, и Кучум с ними. Думают: вот, мол, русские струсили нашей татарской силы.

Подали обед, а гости и куска в рот не берут. Чулков-то и говорит им:

— Что, неужто вы хлебом-солью брезгаете?

— Нет, — отвечают те, — не брезгаем.

— Так выпейте, — говорит.

Стали гости пить, поперхнулись и закашлялись. Тут Чулков-то и закричал:

— А, вы с худым умыслом пришли сюда... Ребята, вяжи!

Связали гостей. Побросались, было, татары к окнам, выскочить хотели. Вышла драка, многих перебили. Слепой сибирский царь всё не сдавался, писал после к царю грамоту, замирения просил. Царю Кучума бояться было нечего, и он звал его на свою царскую службу. Махметкул в то время уж справлял её.

Скоро всю Кучумову семью отослали в Москву, где пленников приняли милостиво. Сибирский же царь на старости лет не захотел неволи и бежал к ногайским татарам, а те взяли да и убили его. Сделали они это потому, что боялись русских, как бы те на них не осерчали. Скажут, пожалуй, вот, мол, врага нашего прикрываете. Так и погибли Ермак с Кучумом не своею смертью. Сибирская же земля осталась в наших руках и стала, как увидим, заселяться русскими.

Казаки пошли дальше, на восток.

III. На трёх великих реках Сибири

Первый шаг в незнаемую Сибирскую землю был удачен, хотя обошёлся и недёшево. За Уральскими горами встретили казаков татары. Это был народ посильнее остяков и самояди, которые платили дань более сильным пришельцам с юга. Татары смыслили кое-что в военном деле и умели лучше обороняться, чем разбросанные по сибирской земле народцы. У татар, при нужде, собиралось большое конное войско, у них был свой сильный султан Кучум, на Иртыше стоял большой город — *столица* Искер, кроме того, немало было разных поселений — *улусов*. Татары отчасти были уже знакомы с оседлою жизнью.

Пришлые из-за *Камня* служилые люди (ратные, воинские чины. «Кто убился? — Бортник. А кто утонул? — Рыбак. А в поле убитый лежит? — Служилый человек». — Пословица) встречали от них не покорность, а целыя тучи стрел. Против казаков высылались большие конные отряды. Мы знаем, как один раз эти смелые и выносливые люди, завидя несметную татарскую силу, поколебались, призадумались над своею судьбой и даже решили (хоть и не все) идти назад, в Русь. Не будь Ермака с товарищами-атаманами, они бы и ушли. Трудно, выходит, было проторять сибирские пути.

Смелость и удальство, которыми запаслись казаки, живя постоянно на безпокойной русской украйне, помогли им совладать с татарскою силой. Но одного удальства да смелости было для этого, пожалуй, и мало, ведь и у татар выискивались лихие наездники-

богатыри; стоит вспомнить Махметкула. Было что-то ещё, что давало силу пришельцам из-за Уральских гор. Дело в том, что русские *знали* больше сибирских татар и покорных им народцев. До многаго один человек иной раз сам и не додумается, или если додумается, так не скоро, надо, чтобы кто-нибудь ему разсказал да показал. Недаром говорится: ум — хорошо, а два — лучше. Есть близкий, знающий человек, придёт и укажет, или прямо, без указки, переймёт от него по нужде. Так бывает и с целым народом. Случается, что люди долгое время живут в глуши и мало до чего могут додуматься сами, своим умом. Бывает это от разных причин, а главное от того, что нет у народа знающих соседей, либо трудны и далеки к этим соседям пути.

У русских жили по-соседству, на западе, знающие люди. Хоть и лежала Русь далеко на восток, однако в неё давно был доступ всяким *немцам*, от которых подчас нужда заставляла кое-что и перенять. Самое нужное, само собою, бралось прежде всего, а что для нас было всего нужнее в то время, когда на западе жили знающие и сильные этим знанием люди, а на юге безпокоили степные разбойники? Ясное дело, что оружие. Соседи давно выдумали зелье (порох), давно им кидались тяжёлыя ядра, против которых плохо защищали железныя латы и деревянныя стены. В конце четырнадцатаго века (1389 г.) завёлся огненный бой и у нас. Стали после отливать не одни колокола, понадобились пищали да пушки. Отсюда и то понятно, почему сибирцы не могли осилить пришлых казаков, и какая-нибудь горсть смелых людей с плохим огнестрельным снарядом прогоняла тысячную толпу иноверцев. Были, как увидим после, и другия причины. Татарских ратных людей огненный бой застал врасплох, они не могли понять, в чём тут сила. Перенимать его у русских не было времени, потому что русские сами хотели стать хозяевами в сибирской земле и на мирныя сделки не шли. Надо было поневоле уступить им место. Татары ушли скоро после того, как казаки полонили Сейдяка. Ни разу после не удавалось им набраться силы и постоять за кучумово царство, хоть они и старались об этом.

Русские люди покоряли новыя земли не набегом, как кочевые народы, они, как люди, привыкшие к оседлой жизни, старались закрепить их за собою. По ту сторону Уральских гор покинуто ими было государство, города и сёла, известный *порядок* жизни, котораго они держались вот уже сколько лет. Из Москвы наказывалось казакам идти сибирскою землёй, отыскивать «*новыя землицы*», брать *ясак* со встречных людей, приводить их под высо-

кую государеву руку, ставить жилыя места. Последними-то и закреплялась за нами сибирская земля с самаго начала. Ещё Ермак из осторожности, на всякий случай, оставил позади *Кокуй-городок*, чтобы было куда отступить и где укрыться; то же делали казаки и после Ермака. Они шли, оставляя за собой ряд небольших крепостей (острогов). Из них они расходились потом небольшими артелями в разные концы Сибири. До самой Оби была она уже в наших руках, но пробирались и дальше. Большия реки со многими притоками помогали казакам подвигаться довольно скоро. Их путь лежал не прямой, а ломанною линией, его можно, пожалуй, сравнить с обёрнутою вверх ножками славянскою буквой *мыслите* (W). По текущим с юга на север рекам они то спускались до промёрзлых северных болот, по которым ходили кочевники со своими оленями до самаго моря, то поднимались до густых, неоглядных лесов на юге, до Каменных хребтов. Весною и летом плыли по рекам на нехитро устроенных *кочах* и дощаниках (большое судно с одною мачтой и с палубой. Коч был сажен в двенадцать длины; маленькой коч звался кочетком. — *Авт.*; встречаются написания *коч*, *кочь* и *кочa*. — *Ред.*).

В этих посудинах иной раз не было ни одного железнаго гвоздя, ни одной железной скобы. Даже якори были деревянные, и для тяжести к ним привязывали камни. Канаты делали из оленьей кожи; из нея нарезывались ремни и сплетались. Вместо парусов за недостатком холста развешивали сыромятныя оленьи шкуры. Когда подходила зима, суда оставлялись на каком-нибудь волоке, и строилось зимовье.

Промышленники, забиравшиеся на север часто раньше казаков, ставили его больше в лесу или около него, к зверю ближе; казаки же — по рекам, а иной раз где придётся. Зимовьем звалась простая курная изба с большою глиняною печью, со слюдой в окнах, а то и просто с куском льду. Жило в такой избе самое малое — шесть казаков; коли надо было, так избу огораживали. В отличие от *соседей-нехристей* около зимовья ставился большой деревянный крест. Выпадали глубокие снега, в поле вьюжило, трещали страшные морозы... Зимовье часто кругом заносило высокими сугробами, и только небольшая струйка дыма указывала по временам, что в занесённой одинокой избе есть люди. Казаки и промышленники подвязывали к ногам длинныя *лыжи* (две в два с половиной аршина и меньше дощечки. Их подвязывают к ногам для ходьбы по глубокому снегу. Лыжи нешироки, с немного вздёрнутыми кверху носками. Для того чтобы не скользить

при спуске, их подбивают дешёвым мехом оленя или выдры) и пускались на них по лесам и равнинам — одни за зверем, другие — за сбором царёва ясака. Припасы везли на оленях или собаках, запряжённых в лёгкия *нарты* (узкия санки длиной до шести аршин).

Из простаго огороженнаго зимовья вырастал *острожек*, а потом острог. Так называли всякое обнесённое тыном место. Тын, или частокол, делался из свай, которыя, будучи врыты стоймя острыми, обтёсанными концами, торчали кверху. За острожным тыном, который поставить было делом скорым и немудрёным, рубились избы или копалось жильё в земле. Такия укреплённыя места были обыкновенно расположены в начале какого-нибудь волока с одной реки на другую или около речнаго устья. Так как строили их на скорую руку и неумело, то иные острожки стояли недолго: подгнивали или вовсе разваливались; случалось, что их истреблял пожар. Поджогов боялись сильно, да они страшны были в местах, где кругом стояли леса. Леса эти часто горели, а тушить их никто и не думал. В любом жилье только одна печь клалась из битой глины, а остальное всё — смолистое дерево, так долго ли до греха. Если в остроге скоплялось довольно много народу, то случалось, что ставили и маленькую церковь на место прежней часовни. *Города рубились* отдельно, но бывало и так, что острог с городом стояли вместе: снаружи острожный палисад (тын), а внутри, с деревянными *рубленными* стенами и башнями, — городок. Невелики были эти жилыя места. Так, в Таре (на Иртыше) городок всего был в сорок две квадратных сажени; острог, который шёл кругом, был в длину до двухсот, а в ширину до полутораста сажен.

Между его тыном и городком жили обыватели. Тесно было — так селились и за тыном, в поле. В городке стояли церковь, воеводский двор, *зелейные* (пороховые) погреба, казённые амбары. Русь поставляла в сибирския поселения всё, что нужно, а мало ли что надо было прислать в какой-нибудь городок или острог? Кроме разных необходимых для жизни припасов, поставленному воеводе требовалась бумага для отписей в Москву, при бумаге писец, подьячий, в церковь (если была) нужен был священник, причт, книги, ризы, образа, сосуды, да кроме того ещё мелочи разныя, всех не перечтёшь. В одной записи того времени говорится, например, что послано в такую-то церковь «ладану три фунта, да три фунта темьяну (тимьян, или чабрец — полукустарник, использующийся в качестве пряно-ароматической добавки. — *Ред.*), пуд воску, да ведро вина церковнаго». На низенькую деревянную колокольню высылали колокол в какие-нибудь *три пуда без дву гривенок*

весом, и сибирцам можно было обедню справлять, помолиться. Служилым и рабочим людям, плотникам, кузнецам и прочим требовались топоры, тесла, ножи, всякий завод. Без топора нельзя было в Сибири и шагу сделать.

Для поселений выбирали место повыше — на пригорке или на речном юру, чтобы весной сильная сибирская вода не затопляла. Коли место было удобно, то о нём отписывалось, что оно «*угоже и крепко, и рыбно, и пашенка не велика есть, и лугов много, и где стояти городу и то место высоко — большая вода не поимает* (не заливает. — *Ред.*)». Города строили казацкие головы, сотники, боярские дети. Постройка их обходилась на нынешния деньги очень дёшево: сажень палисада — 20 копеек (сажень равна трём аршинам или 2,13 м. — *Ред.*), башня — рубль (рубль стоил вдвое против нынешняго. Рубля-монеты не было. Рублём звали сто копеек, от слова рубить. Прежде за товар платили серебром, на вес; отсюда: рубль — отрубок серебра известной цены. Гривна рубилась начетверо, то есть на четыре рубля. Рубль звали ещё тин, отсюда слово «полтина»).

Число поселений увеличивалось с каждым годом, а вместе с ними и число переселенцев из-за Уральских гор. Между ними к концу пятисотых годов были в Сибири не одни служилые люди-казаки да промышленники. Из северных русских городов (Устюга, Тотьмы, Сольвычегодска) шли охотой и высылались ещё пашенные люди и торговцы. Нам известно, что ещё при жизни Ермака Иван Кольцо набирал в Сибирь охочих людей. В 1586 году при сыне Грознаго царе Феодоре Ивановиче из Сольвычегодска (уезднаго города нынешней Вологодской губернии) посланы были в покоряемую страну пашенные люди с лошадьми, коровами и сохами. Промышленники и торговцы, забираясь на север Сибири, украдом вели выгодный для себя и убыточный для казны торг. Сначала это им сходило с рук, а после проведали о проделках в Москве и приказали стеречь государево добро и людей безведомо не пускать. До вступления на престол Михаила Феодоровича Романова у русских в Сибири было уже несколько городов (Тобольск, Тюмень, Пелым, Берёзов, Тара, Томск и другие). Для возки хлеба высылались из Руси ямщики; суда строили тоже присыльные, *умеющие топором* люди.

Жители сибирских поселений кормились охотой и рыбною ловлей; где было можно, там заводили пашни. В начале шестисотых годов русские далеко отошли от северных тундр и Уральскаго хребта. В 1604 году построен был Томск, он лежал довольно

близко от юга Сибири. Как населялись тогда города, видно из того, что, например, для Томска приказано было набрать пятьдесят человек охочаго люда и дать им по два рубля с полтиной, хлеба — по четверти (одна четвёртая ведра, или 3,08 л. — *Ред.*) муки, по половине круп да столько же толокна. Наказывалось прибрать молодцов *добрых*, которые бы стрелять умели. Работы этим молодцам было немало: они должны были расчищать дороги, ровнять пеньки после вырубленных лесов...

При Михаиле Феодоровиче, а после при царе Алексее Михайловиче в Сибири, особливо в южной ея половине, было не покойно. Кроме туземцев вставали против русских татары и киргизы, а позже не было покоя от калмыков. Кочевники жили на юге Сибири, и казакам-поселенцам приходилось от них так же терпеть, как в прежние годы русским крестьянам от татар. Кочевники приходили и жгли остроги, угоняли скот, били людей. На краю степей, которыя лежали на юго-западе вперемешку с горами, надо было ставить крепости посильнее, заводить пушки, сажать ратных людей побольше, но народу в Сибири было ещё очень мало. Киргизския и калмыцкия толпы приходилось разбивать по частям. Города Тара и Кузнецк служили русским защитой от этих разбойников, а между тем в Таре для охраны плодородной Барабинской степи было всего шестьдесят казаков.

Кочевники двигались с юга на север и занимали покорённыя казаками места, потому что их самих теснили другие народы. Поэтому русским, как увидим, было труднее идти югом, чем севером, и опаска заставляла их строить города больше на юге, чаще у верховья реки, чем у устья. К приходившим калмыкам, татарам и киргизам примыкали нередко и сибирские народцы; как всякому человеку, и им хотелось воли, но так как не хватало своей силы, то они и клали надежду на других. Приливы кочевников с юга вместе со страшными разливами рек были долгое время просто неизбежными. Много лет спустя после занятия Сибири, Тобольск, город всё-таки северный, лежащий далеко от юга, со страхом ждал прихода калмыков. Он даже приготовился к осаде. На юге многие остроги были сожжены; русские уже не раз дрались с калмыками. Осталось целое описание, чем и как хотел обороняться Тобольск против людей *с лучным боем* (русским невыгодно было драться с кочевниками в поле, а за стенами они могли отбиться). Было расписано всё, кому какую башню *ведать* или какие ворота.

Говорилось в описи: «У *сына боярскаго и атамана (такого-то) под началом четыреста восемьдесят человек. Пушка на баш-*

не по длине девять четвертей, по выбрасываемому металлу 2½ фунтов (фунт равен 409,8 г. — *Ред.*). *При ней сорок пуль (небольших ядер) железных, 22½ фунта пороху пушечнаго, на затравку ручною полфунта. Пушкарь (такой-то); для поворота (пушки) два крестьянина пашенных; у боевых окон четыре казака пеших»* и т. д.

Эти опасения и приготовления к осаде в таком большом городе показывают нам, во-первых, что в Сибири ещё мало было русских людей, даже спустя шестьдесят лет после Ермака; во-вторых, можно по описанию составить понятие о тех хороших *средствах*, которыя были тогда у русских под руками. Почти в каждом небольшом поселении была одна пушка, а то и больше: выгнать русских людей из Сибири кочевникам было не под силу.

Казаки шли и севером, и югом, везде их можно было встретить. Случалось так, что на севере поставят острог или зимовье (ясачное) и ходят из него за ясаком к югу; южнее другая казачья артель поставит свой острожек и идёт собирать ясак на север. Сборщики столкнутся, и выйдет ссора. Кончались эти ссоры обыкновенно тем, что вырастет большой воеводский город, и прикажут служилым людям ходить за ясаком только из него, свозить ясак государев в его амбары. Старательно собирались казаками дорогия шкурки сибирских зверей: соболей, черно-бурых лис и песцов. С каждым годом увеличивались доходы казны. Так, в 1586 году с остяков взят был двухгодичный ясак, всего по четырнадцать соболей, а лет через тридцать сбор стал получаться громадный. Бывало так, что лыжи вместо оленьей или выдровой шкуры подбивали соболями; на плечах простых казаков надеты были иной раз собольи шубы. В 1640 году доходу было больше ста семидесяти сороков соболей, а это выходит около семи тысяч шкурок.

Укрепившись на Оби и ея притоках, казаки дошли к двадцатым годам семнадцатаго века до другой великой реки — Енисея и в 1621 году поставили Енисейский острог. Он скоро развалился, потому что строили его не мастера; срублены были новыя стены и небольшая церковь. В несколько лет город вырос, и в нём стала скопляться государева казна, назначаемая в отправку до Москвы. Из описания города видно, что за тыном выстроены были, кроме казённых, два хлебных амбара, съезжая изба да таможенная. В Енисейске бывал большой торг, на который съезжались окружные народцы и русские торговые люди — менять разныя поделки на меха, потому кроме воеводскаго двора был и гостиный. В тыну стояла и тюремная изба.

НАШИ ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ

(РАЗСКАЗЫ О ЗАСЕЛЕНІИ СИБИРИ).

(1581—1712 гг.).

1896

Рыба ищетъ—гдѣ глубже,
а человѣкъ—гдѣ лучше.

Д. Садовникова.

1899

Ермакъ.	Власьевъ.
Бугоръ.	Поярковъ.
Хабаровъ.	Нагиба.
Степановъ.	Вуза.
Вулдаковъ.	Дежневъ.
Стадухинъ.	Морозко.
Атласовъ.	Анцыферовъ.

Ex libris
М. А. Сергеева

Изданіе народнаго журнала „Грамотей“.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1874.

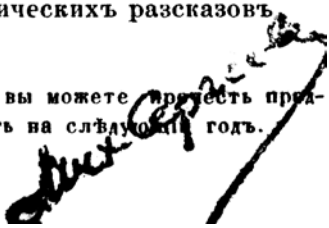
Титульный лист книги Д. И. Садовникова «Наши землепроходцы» (из собрания библиотеки Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН)

редъ *), можемъ ихъ предсказывать. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: возьмемъ какой-нибудь простой примѣръ для доказательства. Если я по опыту знаю, что послѣ дождя, идущаго во-время, хлѣбъ на хорошей почвѣ родится тоже хорошій, — почему же мнѣ не предсказать плохой урожай, когда я не вижу тучъ на небѣ въ то время, когда ихъ надо? Точно также я могу, если онѣ прольются обильнымъ дождемъ, когда слѣдуетъ, предсказать хорошій урожай. Въ обоихъ случаяхъ я, всего вѣрнѣе, не ошибусь, и мои предсказанія сбудутся. А вѣдь на самомъ дѣлѣ все это очень просто: я вывелъ свои заключенія, сдѣлалъ выводы изъ опыта, изъ наблюденій; я знаю, благодаря послѣднимъ, одинъ важный законъ, по которому хлѣбное растеніе не можетъ жить на совершенно сухой почвѣ, не можетъ налить колосъ. Объ этомъ мнѣ даже не разъ приводилось читать въ книгахъ, гдѣ на каждый мой вопросъ давался точный и подробный отвѣтъ, отчего книга читалась съ бо̀льшимъ интересомъ, чѣмъ какая-нибудь другая. Въ ней говорилось о природѣ, и то, чему она научала, помнилось долго и рѣдко забывалось.

Въ русскомъ языкѣ есть одно часто употребляющееся слово: *такъ*. Нерѣдко приходится его слышать при разныхъ случаяхъ. Видите, напримѣръ, вы, что человѣкъ боленъ и говорите своему знакомому, что онъ вѣрно вчера простудился, потому что, напившись чаю, вышелъ на вѣтеръ. Вамъ отвѣчаютъ, что это *такъ*. Ребенокъ кричитъ благимъ матомъ и мать говоритъ нянькѣ: «поищи, нѣтъ ли на немъ блохи, что онъ какъ кричитъ», — а нянька совершенно покойно отвѣчаетъ: *такъ*, что-нибудь. У меня была очень скромная цѣль, когда я дописывалъ эту послѣднюю главу: я хотѣлъ какъ можно меньше этого *такъ* при чтеніи историческихъ разсказовъ.

---

*) Такъ въ любомъ большомъ Календарѣ вы можете прочесть предсказаніе о затмѣніяхъ, которыя должны быть на слѣдующій годъ.



Заключительная страница книги с экслибрисом М. А. Сергеева

«Землицам» всё ещё конца не виделось. Посланные их отыскивать писали воеводе о своих походах, а воевода доносил в Москву об осмотре таких-то мест, о сборе ясака с таких-то людей и ждал указов. Народ из Руси продолжал высылаться на обширныя сибирския пустыни. В 1630 году из-за Уральских гор отправлены были до Тобольска пятьсот мужиков и сто пятьдесят баб с девками. Выселены были они из ближних к Сибири мест.

За Енисеем всё сильно изменилось: стало больше лесов и болот, погода становилась всё непостояннее и суровее, часто показывались горы (камень). Ясак приходилось брать с тунгузов и *брацких мужиков*: с местами менялись и люди. Прошло с основания Енисейскаго острога ещё лет десять... Доносили казаки, что найдена ими третья великая река — Лена, и течёт эта река тоже на север, как первыя две реки (Обь и Енисей). Алексей Михайлович приказал поискать на Лене пашенных мест. Кто хотел селиться, тем выдавали из казны денег на одну лошадь, без отдачи, а на другую лошадь верили в долг на два года. Из казны же давали пашенным людям серпы, косы, сошники. На государя шла седьмая десятина. Дело воеводы было оповестить, сколько на каком месте можно поселять людей. Кликали на рынках клич и на другия реки, в том числе на Илим. Река эта пала в верхнюю Тунгузку, что пала в Енисей; от нея до Лены было вплоть. Кругом виднелись покрытые лесом хребты... Илимским поселенцам были тоже льготы на целыя пять лет, а после этого государю шёл пятый сноп.

На самой Лене русские нашли якутов. Прошёл между казаками слух о народе *еко*; ещё давно и казацкому голове Василью Мартынову удалось его объясачить. На Лене добыли много соболей. В 1630 году один Васильев привёз их оттуда до двух тысяч. У якутов сохранилось одно любопытное предание о том, как пришлые с запада люди выстроили якутское зимовье. Оно говорит, что зашли раз в якутскую землю несколько странников, просили они у старшины (начальника рода) небольшаго клочка земли. «Нам, — говорили пришельцы, — надо немного, самую малость, вот, сколько можно укрыть этою воловьей шкурой». Согласились якуты, позволили взять столько земли. Обычай был у них давать клятву у стоящаго на корню дерева, дали они и клятву, что впредь земля эта будет на веки вечные принадлежать пришельцам. Последние, как только получили согласие, взяли воловью шкуру и разрезали всю на тонкие ремни, а потом и охватили этими ремнями изрядный-таки участок. Стала эта земля русская. Новые

владельцы вкопали, где граням надо быть, столбы и уплыли вверх по Лене. Ветер дул им в зад и расправлял паруса. Немало дивились якуты и хитрости чужих людей, и тем белым пузырям, на которых они плавали против воды. Немного спустя дикари увидали, что к берегу пристали новыя лодки, а в них — новые люди. И много было этих людей — гораздо больше, чем в первый раз. Русские привезли с собой на свою землю товарищей: были тут и крестьяне-хлебопашцы, и казаки. Позади лодок шли привязанные плоты, а на плотах чего только не было! Как есть, всё обзаведенье: брёвна для изб, припасы, орудия разныя. Из привезённаго леса казаки чуть не в одну ночь, всё одно как в сказках, дворцы ставят, вывели стены. На дёшево добытой земле появился острожек — крепость. Якутский князь *Тоём* велел своим людям пускать в русских стрелы, о порохе он, как дикарь, не имел понятия. Выстрелили в якутов холостыми зарядами, но не испугались якуты; зато, как только первая пуля убила человека наповал, они отказались от своей воли и стали платить ясак.

Такая простота и доверчивость могут встречаться только в далёких, глухих местах. Сначала хитрость казаков, о которой говорит предание, удивила якутов, а потом испугала. Мало ли что после этого могут сделать эти люди? То, чего мы хорошенько не знаем, нас нередко пугает. Вздумали дикари обороняться, и тут увидали своё безсилие... Ни до проделки пришлых хитрецов, ни до их *огненнаго боя* они ещё не имели средств додуматься. И то, и другое их застало неожиданно, врасплох, принудило покориться.

Якутск был выстроен лет через десять с небольшим после прихода на Лену. Место было ровное и песчаное. С двух сторон виднелись невысокия горы, кое-где были разбросаны озёра и темнели леса. Скоро город этот стал главным местом в восточной, Заенисейской Сибири. Из него, поднимаясь по рекам Алдану, Мае и Юдоме, казаки дошли к 1640-м годам до высоких гор с голыми вершинами и увидали перед собой много воды, без конца много... Это было *Тунгузское* (Охотское) море. Прозывалось оно так по народу, который около него жил, а у сибирских племён известно было под именем *Ламы* (что значило — вода).

Не часто, а приходилось до этого казакам плавать по морю, прилегающему к северной стороне Сибири. Знакома была им Обская губа и та часть *солёной воды*, что около нея; в другом конце, в то время как якутские казаки переходили через горы и упёрлись в *Ламу*, немудрящия русския суда плавали мимо Ленскаго устья.

Позже, как увидим, немало довелось победствовать казакам на том море, которое теперь они, собираясь идти назад, дойдя до восточнаго края сибирской земли, окинули только глазами. Пройденная путина от Оби до Восточнаго моря мерялась не вёрстами, как у нас, а *днищами*. Много сибирской земли было под нашим началом, к концу царствования Алексея Михайловича десятки мелких племён подведены были под высокую руку московскаго государя...

Не легко, а с потом и кровью заселялось обширное Сибирское царство, много терпели казаки ещё при первом походе с Ермаком, много бед было ещё впереди... Но не терпели ли и самые сибирские народцы? Как с ними обращались казаки? Старые грехи здесь скрывать не место: правдой и добротой русским тогдашним людям хвастаться было нельзя. Мы знаем, что за народ были казаки. В родной стороне от них было жутко, да и им подчас тоже. Казаки были всё одно, что огонь, которым и обогреться можно, и обжечься, кашу сварить и село спалить. Разойтись такой силе было просторно на сибирских равнинах. Незадолго перед этим мне приходилось говорить о том, что *знали* русские люди, или, скорее, что имели в руках; теперь время потолковать о том, чего они *не знали*, или, если и знали, так мало. Простые люди того времени были совсем тёмными людьми. Русская сторона была такая, что надо было работать, в поте лица добывать хлеб, а о другом до времени оставить и думы. Всякому приходилось помышлять об одном — как бы сытым да тёплым быть. И эти две вещи не всегда давались. Давно крещён был русский народ, но далеко не все понимали и держали в сердце великую христианскую правду: *«Люби ближняго своего, как самого себя»*. Вначале некому было простым языком растолковать эту правду бывшим язычникам, а после многое мешало понимать её. Уметь отличить доброе от худаго да удержаться от этого худаго — это дело мудрёнее грамоты. Грамоте вон иной в век не выучится, или и знает, да плохо. Но ведь и то сказать, и грамоте у кого-нибудь тоже надо учиться. Доброте да правде — всё одно. И неграмотному человеку можно быть правдивым, только для этого надо либо с добрыми людьми пожить, либо самому уж таким родиться. Русскому простому человеку трудно было в то время научиться правде.

Я, помнится, говорил, что плохое было иной раз житьё на Руси, когда были междоусобья, когда приходили татары... Русский народ жил прежде постоянно в страхе за своё добро, а потом в неволе. Неволя всякому известна; известно и то, как с невольниками обращаются. От дурнаго, несправедливаго обращения выходило

много и дурных, несправедливых людей. Они и не знали, что худо, что добро. Добром считали только то, что им самим ладно, а до других им дела не было. Иначе не могло и быть. Выходили подчас мало того, что неправдивые, но и жестокие люди. Русский простой человек в те времена, о которых мы говорим, не знал ещё и азбуки, и ей ему не у кого было путём выучиться, да и времени досужаго не было.

Всякий знает, что совсем бедному человеку нужна прежде всего не азбука, а хоть малыя средства к жизни. После, когда будет время свободное, придёт и грамота. Долго работал и трудился русский народ, пока не достал себе досуга. Можно ли, выходит, сильно обвинять тёмных людей в их несправедливостях? Они часто жестоко обращались с иноверцами и со своими земляками. Ясак уплачивался связками соболей в сорок штук; казаки приходили за ними и требовали нередко больше, чем следовало, брали силой, дрались. Не было мехов налицо, назначали срок. Меха и так шли почти задаром, променивались на какой-нибудь нож или топор. Случалось, что ясачные люди за получку меднаго котла накладывали его доверху соболями, но казакам и этого было мало. Между сборщиками и инородцами часто бывали большия драки. С опаской ходили казаки в иныя места, боясь отместки. Зашли они в глубь сибирской земли, далеко от царскаго страха, и смотрели на покорённых людей, как на подневольных.

Из Москвы наказывалось между тем не чинить обиды ясачным людям, но до царя было не близко. В 1617 году открылись в Сибири кружечные дворы, завелось пьянство. В 1622 году патриарх Филарет писал к тобольскому архиепископу Киприану и указывал на то, что в Сибири казаки крестов не носят, постных дней не хранят, живут с некрещёными жёнами, при отъезде закладывают их на срок, а если нечем выкупить, так на других женятся...

IV. Сибирская нужа. Федька Недострел. Громленья

Путина, по которой мы шли за казаками вдоль Сибири до нынешняго Охотскаго моря, была главною путиной. На ней построены были все три больших сибирских города того времени: Тобольск, Енсейск и Якутск (Иркутск основан гораздо позже). Из Енисейска разсылались люди на юг, к Байкальскому озеру, к *брацким людям*; из Якутска шли на северо-восток и тоже на юг, пришли, как увидим, на Амур-реку и добрались до берегов Восточнаго моря.

Помянутые города были серединными местами: к ним тянули зимовья и острожки, к ним сходилось и народу больше, чем в других местах. Лена со своими притоками была самою бойкой, большою дорогой всюду. По ней, ближе к верховьям, и население было гуще, земли распахивалось довольно много. Густоту населения не надо мерить на теперешний аршин: сибирский посёлок от другаго посёлка лежал иной раз на сотню и больше вёрст, и то ладно. Людское жильё было разбросано тогда кое-где, по лесам и берегам рек, поближе к кормежке, промыслу. К северу оно встречалось реже, к югу же — чаще. Жизнь ютилась на холодной сибирской тундре по нужде. В раскиданных по равнине зимовых избах перебивались больше промышленники. Надо было пройти чуть не тысячу вёрст, чтобы напасть на острог.

Людей было мало, всё одно, что капля воды на целое море. Кругом везде болотистыя пустыни, леса на сотни вёрст, степи. Хозяевами этих лесов, болот, рек и степей считались разные сибирские народцы, издавна ловившие на этих местах рыбу, зверей, пасшие своих оленей. Надо было ладить с ними, сталкиваться из-за земли. Много было работы служилым людям. От Москвы до строгановских имений на Каме, как известно, шло известие целый месяц. Сколько же времени должно оно было идти от Москвы до Якутска? По дороге было много задержек и остановок, ехали целый год. Долго шли приказы московскаго царя и ещё дольше шли в Москву сибирския вести. Случалось так, что и вовсе до царя не доходили.

Получат московский указ в воеводском городе, прочитают и затем посылают сбирать ясак с таких-то людей, наказывают приискивать такия-то земли. Ведёт казаков в дальний путь какой-нибудь десятник или пятидесятник, а то и сотник (начальник сотни служилых людей. Полусотнями распоряжались пятидесятники и т. д.). Так справлялась служилыми людьми государева служба по всей Сибири. Для обращика я приведу один из воеводских наказов в коротких словах. В нём говорится, что «по указу царя Михаила Фёдоровича велено десятнику Осипку Боярщине и целовальнику (сборщику пошлин, идущих в казну) Дёмке, прийдя на Купу и на Куту и на великую реку Лену, и по тем рекам сыскивая, с тунгузов с разных родов сбирать на государя ясак и поминки, соболи и лисицы, и шубы, и ожерелья, и *пластины* (хребтовыя части) собольи, и шубы горностальи, и бобры, и выдры на нынешней (такой-то) год и недоборный ясак за прошлые годы, с великим раденьем, ласкою, а не жесточью... Подростков, их детей, и братью, и племян-

ников, и захребетников (тут следует понимать в смысле беднаго, пришлаго батрака-бобыля) проведывать и сыскивать накрепко, и, сыскав ясак, имать потому ж (столько же), как и с их братьи, ласкою, а не жесточью, смотря по их мочи, и учинить бы во всём государю перед прошлыми годами в нынешнем году в том государевом ясачном сборе прибыль, которая бы прибыль была прочна и стоятелна. А собирать ему, Осипку, с тунгузов соболи добрые и не драные, и не *плелые* (то есть гнилые), с пупки и с хвосты, чёрных лис — с лапы и с хвосты... А самому ему и служилым людям теми соболями и мягкою рухлядью не корыстоваться».

Тех зверей, которых казаки поймают в лесу сами, осматривал в таможенной избе (где сидели сборщик государевых пошлин, целовальник и оценщик) ценовщик, и в казну шла десятая часть с рухляди, добытой на *свой запасишко.*

Тележные и санные пути были в Сибири плохи. Это видно из того, что находили более удобным двигаться по речкам. Места пустаго так было много, что какой-нибудь кучке казаков не мудрено было совсем затеряться, пока не выведет из беды случай. И теперь бывает иногда в той Руси, которую зовут Великою Русью, что не успевают вовремя подвезти хлеб в неурожайныя места, сделать так, чтобы тамошний народ миновала беда, не посетил голодный год. Хорошие пути для подвоза, особливо железные — здесь теперь дело первой важности. Что при бездорожье идёт какой-нибудь месяц, здесь идёт день — разница. В Сибири тогда везде, как только ступил на берег, так и бездорожица. По узким конным тропам груз тоже не скоро довезёшь.

Уж было говорено, что на Руси Московской бывали плохие порядки: царю нельзя было за всем усмотреть. Одни распоряжения не исполнялись, другия трудно было исполнять. Про Сибирь, выходит, и говорить нечего. За Каменным Поясом вся власть была в руках воевод. Припасы шли с Руси и часто не доходили до того места, куда следовало, потому что разбирались в подорожных городках. Послан, к примеру, хлеб енисейским людям и с ним жалованье, но мало ли поселений до Енисейска? В хлебе оказывается нужда и в Тобольске, и в Таре, и в других местах. Из московской посылки забирается в счёт то, другое, а там после — енисейские, сносись об ней, своди свои счёты. И путаница выходила, да и хлеб-то не получался, кем следовало. Недалеко, пожалуй, время, когда и кору придётся глодать или с мукой её мешать. Надо посылать за запасами туда, где они ещё водятся, а такия места опять далеко. Разосланным в разные концы для сбора ясака служилым

людям приходилось очень плохо: из города выслать им было иной раз нечего. Нужда заставляла или сидеть без всего, или тратить жалованныя деньги, покупать дорогою ценой то, что при других обстоятельствах можно бы было получить из казны.

До Москвы доходили челобитныя служилых людей, где описывались *казацкое горе и нужа.* Вот одна из них, писанная в 1640 году служилыми людьми Енисейскаго острога, посланными на Лену. Обо всём пишут казаки царю подробно, простым, нехитростным языком и разсказывают о своей нужде так:

«Посланы мы были, холопы твои, на государеву службу, на Ленуреку с атаманом с Осипом Алексеевым Галкиным и в нынешнем году, сентября в шестой день, пришли мы, холопы твои, под Ленский волок и с судов твою государеву казну выносили и свои запасенка выносили ж, и по твоему государеву указу тот атаман Осип Галкин нас, холопей твоих, из-под Ленскаго волока на твои государевы дальния службы разослал тотчас, не мешкая, для твоего государева ясачнаго сбора, и мы, холопи твои, государь, подымаючись на твою государеву дальнюю службу и своих запасенков продавали дешёвою ценой, пудов по десяти и больше, а за волок наймовали под свои запасенка дорогою ценою, с пуда по полтине и по двадцать алтын, а лыжи, государь, покупали рубля по три и больше, а топоры, государь, покупали по рублю и по полутора, а сукна покупали с собою для всякой своей нужи: белаго аршин — с гривной по двадцать алтын и по пятнадцать алтын и котлы — фунт с гривной по десяти... А будучи на твоей государевой службе недель по тридцати и больше, ободралися, государь, мы, холопи твои, на тех твоих государевых дальних службах, наги и босы. И будучи, государь, на твоей государевой службе, те топоренка приломали, а новых нам, государь, холопям твоим, купить нечем... А преж сего посыланы были мы, холопи твои, на твою государеву службу, в Брацкую землю, рядом года по два и по три» и т. д.

Дальше говорилось, что таким-то вот служилым людям было дозволено торговать после ясачнаго сбора, а им — нет. На иноверцев жаловались, что те пограбили у них *топоренка* и ножи, шубы и котлы, и зипуны. *«Мы, холопи твои, нужны и бедны»*.

Дано было, говорилось в челобитной, нам хлебное и денежное жалованье на два года, а соляное не дано. Отпущенных на всякий дощаник ста двадцатцати аршин холста не хватило, довелось прикупать его — на каждаго человека аршин по тринадцати и больше. Покупали холст на государево жалованье, холсты подрались и погнили. «Будучи посыланы за государевы недруги, измолоть

жалованный хлеб (рожь и овёс) не изоспели; запасенка, идучи по *шиверам* (камни, торчащие из реки, перекат) и по порогам, подмочили, и тот наш запасенко у нас, холопей твоих, погнил. Пороху и свинцу тоже не было давно, и порох со свинцом покупали под волоком дорогою ценой: фунт по полтине и по двадцать алтын, а свинцу фунт — по полуполтине и по десять алтын».

«Пришёл твой указ, — писали служилые люди, — и в твоем государевом указе писано, что велено ему, атаману, отдать из своего войска, из служилых людей, из тридцати и из дву человек шестнадцать человек, и он отдал нас, холопей твоих, нужных и бедных и не заводных и *топором неумеющих*; а мы, холопи твои, вконец разорены и пограблены; нам, холопям твоим, государь, будучи у твоей государевой работы у судов, свои достальные запасенка придержать и достальные лапотьишка придрать и впредь твоей государевой службы служить не за чем (то есть не с чем). Царь государь, смилуйся, пожалуй!»

Этими словами заканчивалась челобитная. Ждать по ней распоряжения из Москвы надо было года два, а часто и больше этого. Если у посланных объясачивать хватало запасов, так остановка бывала за дорогами. Тогда отписывали казаки воеводам о трудностях своего пути. Говорили, почему замешкались в таком-то месте.

Так от того же (1640) года дошло известие, что в походе на Лену (в верхния ея части) припасы и пушки обносили на себе (на пороге Илимском и других); старым судам были поделки, шли долго. «На тунгузских порогах многая была мешкота и простой; взводили суда по канатам, человек по семидесяти и осьмидесяти одно судно, за волок. На Лену идти было не можно: грязи большия, речка каменистая, мелкая. На плотах надо, и то в омутах тонут».

Часто хлебные запасы и свои оклады волочили служилые люди за волок *великою нужей*, на себе, нартами, по четыре пуда на нарте и меньше. Пушки, церковное строенье, *вино горячее*, пушечные запасы и всякие государевы запасы возили на лошадях торговых и промышленных людей.

По мелким речкам случалось идти, как в былое время шёл Ермак. Казаки жаловались тогда, что «за сухменным летом вода выпала вся, а плотишки промышленные люди делают малы, только подымают пудов по двадцати, и везде бродя с камени те плотишки сымают *стегами* (то есть шестами), а речки, идучи, перед собой прудят парусами, и как запрудят и воды накопят, на той запрудной воде до инаго паруснаго запора и сойдут».

Известно, что так не дойдёшь скоро.

Не одни служилые люди терпели. Промышленные, за которыми они подвигались, терпели не меньше их. Крестьяне жаловались тоже на то, что хлеб иной год весь льдом вытирало, вымывало полою водой. Жить в ясачных и промысловых зимовьях, в одиноких избах было небезопасно: кругом чужие бродячие люди да пустыня.

Раз плыли с Чечюйскаго волока на соболиный промысел по Лене Федька Недострел с промышленным человеком Ваською Каретиным. Была осень. Плыли они сам-друг, на небольшом плоте. Доплыв до стараго, заброшеннаго зимовья, они остановились около него, вынесли все припасы на берег и порешили провести здесь холодную сибирскую зиму. Два дня никого не было видно кругом, на третий поутру подъехали к зимовью якуты (шесть человек), привязали своих лошадей, а одного послали к избе высмотреть. Посланный скоро вернулся к товарищам и те с *палмами* (вож на древке, рогатина) вошли в зимовье и разселись но лавкам. Думая чем-нибудь отделаться от непрошенных гостей, Федька дал им две ковриги печенаго хлеба да варёной рыбы. Якуты разломили хлеб, поели малость, а потом стали на него плевать и говорить, что хлеб нехорош. Догадался Федька, что якуты не за добрым делом приехали, и вышел из избы в сени — хоронить от воров-якутов свой *борошень* (припас).

Как только Федька вышел, товарища его якуты связали, после пошли искать самого Федьку, втащили его из сеней в избу и привязали к печке, к столбу. Тут начался грабёж. Воры обшарили везде, даже подняли в избе половицы, потом вынесли награбленное на двор. На Федьке надет был шёлковый пояс, а на поясе висел нож. Один якут взял его и ранил Федьку в плечо, а после ударил в грудь и прорезал зипун. Около зимовья начался у якутов шум да крик. Разсуждали, видно, о том, что не надо русских в живых оставлять. С надворья один из воров выстрелил из лука по связанному Ваське через окончину и поранил его в спину.

Поговорив между собой, якуты опять вошли в избу с палмами и стали русских всячески мучать и надругаться над ними. Ваську схватили за волосы, и один якут занёс уже топор — отрубить Ваське голову. Зло взяло Федьку. Развязал он себе зубами руки, схватил с шестка нож *клепик* (так называется чеботарный нож и нож, которым рыбу чистят), которым прежде того квашни оскрёбывал, и, *боясь смерти, учал тем ножом тех якутов резать.* Воры бросились из избы вон, он — за ними. Глядь — зимовье горит. Стал Федька тушить пожар. Якуты, пока он в избе связанный был, взяли, кругом зимовья наклали дров, да и зажгли. Ваську

Федька развязал и стащил на нагородку избы огонь гасить, но в голову и без того слабаго от раны Васьки угодила якутская стрела, и он от этой новой раны упал в зимовье. Полымя стало выбивать из окон, потолок провалился. Федька, боясь горячей смерти, выбежал из зимовья в одной рубахе и побежал под гору, к плоту.

За ним в погоню пустились трое якутов с луками, и когда Федька отпихивался от берега, ранили его под левую пазуху железницей. От раны той он упал, и плот понесло теченьем. Якуты с берега продолжали стрелять, и ещё три раза ранили Федьку в ногу, от чего тот обмер и не помнит уже, что с ним было.

Плот несло вниз по реке с израненным Федькой до другаго зимовья. Восемь человек, которые жили в нём, решили взять земляка и внести в избу. Только на другой день пришло известие, что якуты одно зимовье ограбили, на другом людей перебили. Испугались, должно быть, промышленные люди, бросили в зимовье Федьку замертво, одного, а сами ударились бежать вверх по Лене. Вылежал Федька у того зимовья, в лесу, целую неделю, а очнувшись, пошёл вверх к другим промышленным людям, и те люди спровадили его в лодке к пашенному мужику Сергуньке, и лежал он у этого Сергуньки всю зиму. Такие случаи, как разсказанный, были не редкость.

Все это, вместе взятое, делало население Сибири трудным подвигом, а путь Сибирью — *нужным*, трудным путём.

Я уже говорил, что русские шли на юг тоже по рекам, против воды. О нём доходили слухи от инородцев к казакам, а от казаков — к городским воеводам. Сибирские воеводы извещали Москву, посылали на него служилых людей, давали им наказныя записи. Так, служилым людям — Максиму Телицину *с товарищи* дана была якутскими воеводами запись, в которой велено было «смотреть накрепко, которыя реки впали устьем в море и сколько от которой реки, от устья до устья, ходу парусом или греблей, и расспрашивать про те реки подлинно, как те реки словут (то есть называются) и откелева вершинами выпали, и какие люди по тем рекам и по вершинам живут и чем кормятся, и скотные ли люди, и пашня у них есть ли, и какой хлеб родится, и зверь у них соболи есть ли, и ясак с себя где платят, и в которое государство и каким зверем: собольми или бобрами, или лисицами. И в том государстве какой бой: лучной или огненный, и товары к ним какие приходят, и на какие товары с ними иноземцы торгуют...»

Придя в землю, наказывалось говорить, что царь прислал на реку Лену стольников (так назывались чиновные люди, которые

прежде должны были прислуживать царю за столом) и воевод. Если не будут слушаться, то велено пугать неясачных людей присылкой большой рати и пушек.

Верховья Енисея и Лены с их притоками заводили русских людей в новыя места. Около них встречали они и знакомых уже тунгузов и незнакомых *брацких людей* (теперешних бурят). Доводилось идти мимо высоких каменных гор, покрытых лесом, и переправляться через каменистыя реки. Вода в их берегах шла не так покойно, как на север, где одни равнины. Дорогу воде перебивали перекаты; в ином месте были большие *падуны*, то есть вода падала с каких-нибудь больших камней, ставших поперёк реки. Около таких падунов был сильный шум, вода высоко плескалась, ломала о камни казацкия суда, топила людей, подмачивала припасы.

Казацкому сотнику Бекетову с трудом удалось объехать один такой падун на Ангаре и обложить ясаком брацких людей. Падун был большой — с версту длины. Брацкие люди нелегко покорялись. Земля у них была плодородная, на хороших лугах можно было скот заводить. Кроме рыбы, которая шла в корм северным сибирским народцам, здесь были разные сорта хлеба и мясо.

Стоя за свою волю, тунгузы и брацкие люди нередко отказывались платить ясак — поднимались. В их землях ещё задолго до основания Якутска поставлены были остроги Илимский и Брацкий. В случае сильнаго непослушания служилых людей посылали на инородцев *громить их немалым разореньем*. В 1641 году послан был служилый человек Василий Власьев на брацкую землю, чтобы тунгузов и брацких людей привести под государеву руку. Люди эти не давали ясака. Не зная, как пройти, Власьев ловил тунгузов в вожи. Поймал какого-то шамана и повёл с собой. Брацкие люди, видя беду, решили драться, сколько сил хватит. С ними заодно были и тунгузы. Много было *куячных* (куяки — всё одно что латы. Они были или чешуйчатые, или наборные из кованых пластинок по сукну) и конных людей. Долго дрались брацкие люди с русскими; в лесу они упорно отстреливались из-за деревьев. Сели от них русские в засеку и насилу отбились.

После Власьев доносил, что он ходил на брацких *мужиков* и что Чепчугуев улус *погромили*, убили человек с тридцать, а живком взять ни одного не удалось, потому что тунгузы сели в юрты в осаду. Уговаривали русские Чепчугуя, чтобы сдался, а он кричал им в ответ: «Жив вам, казаки, в руки не дамся!» Силён был и ловок Чепчугуй: на ком были куяки, он и куяки пробивал. Как ни стреляли русские, сколько пороху ни тратили, но сделать

с ним ничего не могли. Взяли казаки, да и зажгли Чепчугуеву юрту. Силач Чепчугуй сгорел в ней со своим сыном, а жену с другими детьми верхом выкинул. Писалось потом, сколько чего взято, что досталось.

В донесении Василья Власьева попадаются подробности о самом деле. *«Трёх человек*, — доносил казак, — *схватали, и коня подо мужиком схватали, и куяк с мужика сняли»*.

Посылан был ещё на государевых изменников и непослушников брацких мужиков (то есть людей) казачий десятник Василий Бугор со ста тридцатью человеками. Доносилось после, что *«Божиею милостью и государевым счастием от тех больших брацких мужиков* (их было больше пятисот) *государевы служилые люди устояли и государю служили и бились с теми брацкими людьми, на том бою не щадя голов своих»*. В конце донесенья прилагался послужной список тех казаков, которые бились *явственно*. Василий Бугор сел с восемьюдесятью человеками в обоз и бился оттуда; затем перечисляется по именам, кто и как бился: *«Поспелко Осипов бился и мужика убил... Якунка Кудрин бился и мужика ранил, а у него в то время коня ранили... Гришка Иванов Тапурин бился, мужика убил, а его, Гришку, на том бою другой брацкий мужик из лука ранил в рожу, пониже леваго глаза»*. Про другаго писалось, что тот *«на тёмной драке мужика срубил»* и прочее. От брацких людей было на казаков три *напуска*. Высчитывалось по порядку, кто в каком напуске бился и что сделал. Люди, как видно, дрались, разбирая с кем, и больше все врукопашную, «схватившись за руки», как во времена Ермака. У брацких людей бой был лучной, копейный и сабельный. Порох казакам был дорог и тратился в крайности. Случалось, что брацкие люди приходили под острог *всей землицей*, на копях, *збруйны*, в куяках и шишаках (железные наголовники, шлемы).

Выводило из терпенья брацких людей то, что казаки любили очень корыстоваться их добром, брали вдвое и втрое против положеннаго. Так, атаман Колесников раз самовольно разгромил их, и они, не зная, у кого найти на него расправу, взялись за свои стрелы и копья. Перед этим только что был изъят с них ясак, а тут вдруг ещё Колесников пришёл и требует. Понятно, брацким людям это не могло понравиться. «Что ж это, — говорили они, — от одного господина приходят к нам двойные люди?»

Не раз придётся нам припоминать сказанное прежде о *тёмных* людях. Там, где они считали себя господами, сильными, бывали примеры жестокаго обращения, зверской грубости. И теперь

русский народ где-нибудь в глуши свободно дерётся на кулачки, находя в этом удовольствие; в городах и сёлах часто можно видеть также, как он бьёт попавшагося вора — не на живот, а на смерть, колотит свою жену, без пощады стегает лошадь... Всё это ещё следы стараго тёмнаго времени и незнания. Грубость, которую вскормило долгое невежество, и за которую сильно винить русскаго простаго человека трудно, заставляла его иной раз равнодушно смотреть даже на смерть своего ближняго, как на смерть какого-нибудь комара.

В одном донесении вот как описываются последния минуты одного молодаго князька из тунгусов, Айги: «И того Айгу настиг казак Ивашко Матвеев, и он Айга на него Ивашку из лука двою (два раза) стрелял, а Ивашко коня под ним подстрелил, и он Айга с коня слез и стоит у дерева, а якут шаман на него Айгу вскричал: "Сдайся великому государю и вину свою принеси!" А он, Айга, не сдался, и казак Федотко Калмак *приехал со стороны из иной дороги* и того Айгу из лука стрелой стрелял же и ранил против сердца, и после того он Айга лук и стрелы покинул, и его Айгу поймали и посадили его Айгу на лошадь, и руки и ноги связали чуть жива. И *наехал* на него казак Степан Лаврентьев, палмою утычь бросил и ранил его палмою, Айгу, связана, на коне, чуть жива, и ножом его колол в ногу, и тот Айга умер».

V. Слухи об Амуре. Василий Поярков

Прежде чем подвигаться за казаками на юг или северо-восток Сибири и отмечать время, когда открыта такая-то земля и объясачен такой-то народ, не мешает сказать несколько слов о том, что руководило казаками в таких трудных и дальних походах, которые по всей правде можно назвать подвигами.

Что их завело в Сибирь — мы знаем, а что вело по ней — можно догадаться.

Простому русскому человеку часто приходится на своём веку быть в дороге. Идёт он, хоть, к примеру, в Киев, на богомолье, и идёт впервой. Родился и полвека прожил в Вятской губернии; идти довелось к хохлам, в Киевскую. Недаром вот, сколько уже лет говорилось и говорится у нас, что *язык до Киева доведёт*, — и идёт странник да спрашивает, как ему на такой-то город пройти. Отошёл от роднаго места с сотню вёрст, глядь — и всё кругом незнакомое, да и земля-то словно не та: вон, вправо село какое-то, возле села зеленеет бор, к самому просёлку подошла речка, а влево, на горке,

виднеются ещё два села с белыми церквами. Отроду в этих местах не доводилось быть. «Где мне, родимый, на столбовую выйти?» — спрашивает странник какого-нибудь прохожаго. «А вот этою самой дорогой ступай, никуда с нея не сворачивай до третьяго перекрестка, а там возьми влево. Сосновые выселки будут, от них большая дорога вплоть, всякий укажет», — толкует прохожий. Выслушает странный человек и побредёт по указанному пути с котомкой за плечами. От одного города доберётся он до другаго, много увидит новых лиц, новых мест, новых разговоров. Пристанет к другим пешеходам-попутчикам и идёт с ними, а в конце концов добредёт до Киева.

Незнающему и небывалому человеку иначе и идти нельзя. Приходилось так подвигаться и сибирским казакам. Грамотный в наше время мог бы ещё, пожалуй, на карте посмотреть ту дорогу, по которой ехать или идти приходится, а бывалый человек по памяти бы что ли стал соображать, припоминать виденныя места. В те времена, когда шли сибирскою землей служилые тёмные люди, в этом случае и грамота была бы не впрок. Карты снимаются со знаемых, виденных мест, а не бывавши в земле, какую же карту можно написать? Много десятков лет прошло, как собрали все сибирские чертежи да учёные люди нанесли сибирския горы и реки на бумагу. Памятовать можно только опять-таки о том, что пройдено и видено; и память в новых местах была, значит, ни при чём. Приходилось расспрашивать и *сыскивать новыя землицы* не по своей, а по чужой памяти, по слухам и росказням.

Шли казаки от одного привала до другаго, от одного волока до следующаго, лесом и чистым местом, сухим путём и мокрым. Ставили они по дороге жилыя места, чтобы приметнее было, от котораго места дальше пробираться и было куда собранное сносить. Так намечались во всех концах сибирские пути. Когда случай заводил казаков не туда, куда следует, когда боялись долго проплутать, тогда ловили в *вожи* какого-нибудь иноверца и расспрашивали, о чём надо. Заслышат о хороших местах, где прибыльно людей объясачить, и ищут их, сядут в лодки, поднимаются вверх по рекам. Днём идут по солнцу, примечают, где полуденная, где полунощная сторона, ночью идут по ярким звёздам. У знающих людей для того, чтобы в лесу либо в другом месте не заблудиться, когда день пасмурный, морем ли, степью ли идёшь, компасная стрелка есть. Куда ни поставь ящичек с этою стрелкой, везде она одним концом укажет на север, а другим на юг. У русских людей ничего тогда такого не было. Для памяти приходилось деревья

тесать, когда лесом путь лежал, да по другим заметкам идти. Сухим путём так пробираться — ещё туда-сюда, а по морю — вовсе плохо: русские люди на нём терялись.

Поднимались, говорю я, они по рекам, по ленским и енисейским притокам. Тянула их близость более тёплых мест, о которых доходили до них тёмные слухи. В тёплыя места тянет всякаго человека, особливо если он успел нахолодаться да наголодаться. На юге привольнее жить. Возьмём дерево: и то к теплу, к солнцу из холоднаго места сучьями тянется; птица от стужи к тёплому югу летит. Не по одному тому гуще селились русские по южному краю Сибири, что юг был непокойнее севера, а и по тому ещё, что земля на нём была получше, места были хлебороднее и больше укрыты от вьюг и ветров, которым было где разгуляться на тундре. На севере остановило казаков море — идти было некуда, на юге же они пробирались по рекам всё дальше и дальше, безостановочно. Нет нужды, что приходилось идти на этот юг бечевой, с трудом, часто биться с людьми, в то время как на север сама река несла казаков, хоть вовсе не работай в вёслах. Впереди сулила тёплая сторона много...

Дошли русские люди до брацкой земли и до Восточнаго моря. Ещё чаще доходить стали слухи о богатом крае, что лежит по соседству с царством Китайским. Разсказывали, что, поднявшись по такой-то реке да перевалив через высокия горы, можно было найти людей, которые укажут, где лежит благодатная сторона.

Горы, которых на юге Сибири было много, наводили пришлых казаков на мысль о золотой и серебряной руде, скрытой под этими камнями, в чаще зелёных лесов. Из городов наказывалось спрашивать и разведывать о тех местах, где водятся руды серебряныя и другия, нет ли где соли и прочее. Встречные тунгузы разсказывали казакам про какого-то Батогу. «Живёт он, — говорили они, — на Витим-реке, юрты у него рубленыя и скота много всякаго, у того князца и соболя и серебро-де есть, и то-де серебро и камки покупает он, Батога, на Шилке-реке у Ладкая». Говорили ещё тунгузы, что на Шилке живут даурские конные люди и много хлеба сеют.

Василий Власьев, что громил брацких мужиков, после угощал и дарил полонённых в бою, только бы разсказали про море, про мугальских людей: есть ли у них города, какой бой, какою рекой в Китай ходят и далеко ли Шилка, далеко ли Ладкай-князь и хлеб какой на Шилке родится. За сведения дарил он оловянныя блюдца, ножи, разныя мелочи.

Казак Максим Перфильев (предок второго по счёту от В. С. Завойко камчатского губернатора В. В. Перфильева. — *Ред.*) сам видел у тунгу-

зов круги и пуговицы из серебра. От тунгузов, живших по берегам Восточнаго моря (Ламы), казаки слышали разсказы про большую реку *Джи* (Зею). Разсказывали иноверцы, что ведут меновой торг с тамошними людьми: отдают за хлеб своих соболей. Джи, по слухам, пала в *Силькар*, а Силькар — в *Мамур*, а эта река пошла в море.

Передавала народная молва и о других людях (натках), которые получали от кого-то золото и серебро, бисер и дорогое шёлковое узорочье, медные котлы... В Якутск такие слухи доходили часто. О наказных записях, которыя давали воеводы служилым людям, уже была речь.

Роспись о всех землицах и пройденных реках и *всяких мест чертежи* — всё это подаваться должно было в городской съезжей избе. Максим Перфильев, о котором я перед этим говорил, *проведывал* в первой половине шестисотых годов (1638) реку Витим, приток Лены с правой стороны. Шёл он бечевой, провёл на Витиме целую зиму, попал в небольшую речку Цыпу и узнал от тамошних тунгузов про Силькар. На этой реке, по разсказам, жили *дауры*; у них два князя: Ладкай и Батога, *бой у них лучной и огненный.* Скот, хлеб и серебро даёт даурский народ тунгузам, а от этих берёт соболиные меха и отдаёт их каким-то другим людям за шёлковыя материи. По *разспросным речам* служилаго человека Максима Перфильева, который говорил, что одна серебряная руда, по слухам, лежит в утёсе, а другая в воде, на реке Уре, послан был из Якутска на Шилку и Зею-реку (Джи) письменный голова (лицо, состоявшее при воеводе. На нём лежали все письменныя дела) Василий Поярков. Он должен был розыскать, проведать, нет ли серебряной, медной и свинцовой руды, привести под царёву руку новых людей.

По реке Витиму, на юг же, послан был ещё Еналей Бахтеяров. Поярков поплыл рекой Алданом к востоку от Витима, и вот что известно из бумаг о походе этого человека.

15 июня 1643 года, в самый разгар сибирскаго лета, выступил Василий Поярков из Якутска после разспросов о пути на реку Шилку. Было с Поярковым служилых людей сто двенадцать человек, пятнадцать *гулящих людей* — охотников, два целовальника, два толмача, два кузнеца, *«да для угрозы немирных землиц пушка железная, яром полфунта, да на четыреста выстрелов и на запас, и служилым людям для службы восемь пудов шестнадцать гривен зелья, а свинцу — тожь»*.

Из Якутска до устья Алдана шёл Поярков вниз двое суток, по Алдану тянуться стали бечевой, и тянулись целых четыре недели до устья речки Учура. Дорогой вожами были тунгузы, которых

забирали с собой то ласками, то угрозой. Кроме того, из Якутска отпущен был тунгуз-проводник особо.

Чем дальше поднимались казаки по реке Учуру, тем теснее обступали и надвигались кругом каменные хребты. Через десять дней добрались до порожистой речки Гономы. Долго на ней мучились: разбирали пороги (а их было сорок два, да *шиверов* с лишком двадцать), запружали досками воду и шли. Одно судно у казаков заметало; свинец, который везли, свалился в воду, и достать его оттуда не могли. Всё это отняло много времени. Зима была на носу. Не дошли казаки до одной речки (Нюемки) *шесть днищ*, как надо было лес рубить, ставить зимнее жильё. На скорую руку ставились срубы или копались землянки. Не один холодный месяц приходилось выжить в этих местах.

Занятий на зиму было вдосталь: понадобились нарты для перевозки припасов и езды; по слухам, пошла охота за зверями, а тем временем спросы да разведки. Благодатная сторона с Шилкой-рекой была, по слухам, недалеко. Поярков был, как видно, нетерпелив — прожил в зимовье только две недели. Взяв с собой девяносто человек, он покинул остальных около судов и казны, наказав им идти весной с запасами за волок, а после плыть к нему по Зее. Сам же, проплыв речку, пошёл волоком и стал подниматься на Камень (теперешний Яблоновый, или Становой хребет. Он идёт с юго-востока Сибири далеко на север). Переходили, по обыкновению, на лыжах, груз везли на нартах. Переход через *Камень* был не из лёгких, потому что идти надо было по глубоким снегам, целиком. Две недели шли казаки водою и волоком, насилу перевалились на ту сторону гор, к речке Брянде, что пошла в Зею. Лёд ещё не трогался. На берегу ея казаков ждала другая работа — строить суда. Они были готовы к тому времени, как по реке пошёл лёд, и Поярков спустился весной в Зею.

На одном из ея мелких притоков поставили казаки острожек и стали дожидаться своих товарищей. В первый раз в этих местах увидали они даурских людей, о которых столько слышали прежде. Дауры (дагур) приняли их хорошо — не так, как врагов. Но это было только сначала. Скоро поняли иноверцы, что к ним пришли не даром и не в гости. Еду казаки получали от них, но потом стали той еды даурские люди им не давать. Казацкая *нужа* росла, а припасов не подвозили. По разсказам самого Пояркова, служилые люди, числом семьдесят человек, отпросились из острожка в поле, к даурам, для ясачнаго сбора и корма. Отпустив их к двум иноверческим князькам, он наказал вызвать их из

городка лаской и взять в заложники (аманаты). Вёл казаков какой-то Юшка.

За версту вышли встречать русских даурские князьки Досий и Колпа. В *городок свой* они их не пустили, говоря, что там могут им *учинить какое дурно*, а отвели Юшке с казаками особыя юрты. Оба князька сели в заложники. Съестных припасов дали казакам довольно. Привели *десять скотин*, отпустили сорок кузовов овсяных круп. Не послушались русские люди князьков: пошли раз в городок и их с собой взяли. Дело кончилось боем. Выдержал Юшка с товарищами целую осаду от даурских людей, потерял человек десять и *пошёл в отход*, к Василью Пояркову. Дорогой кормились сосной да кореньями. Померло, говорил Поярков, от голода и болезней разных человек сорок, потому что есть было почти нечего: с волока ничего не везли. Тянулись страшные дни.

Перед этим Поярков распрашивал у даурских людей и про руду, и про синюю краску, и про дорогия камки. Они говорили, что этого у них нет, но что получают такия вещи через торговлю с *ханом*. На тех же людей, что с ним в торг не входят, посылает, говорили они, хан на Зею и Шилку-реку своих людей и воюет годом *подвожды и потрожды* (по два и по три раза), а приходит *Барбой* людно: тысячи по две и по три. Разсказывали про хана Барбоя, что он держит всех окружных людей в руках, живёт сам в большом городе, а около города стена деревянная и вал. Бой у хана и лучной, и огненный. Ясак Барбой берёт соболями, вино из хлеба курит, и зовётся то вино по-ихнему *арак*. Скота у хана много.

Наконец пришли служилые люди с перваго зимовья и привезли припасов. Положение Пояркова с казаками стало немного лучше. Скоро поплыл он с ними вниз по Зее, дальше. По берегам, среди холмов, укрытых местами лесом, виднелись даурские улусы-острожки, чернелась вспаханная земля, на лугах бродил и пощипывал траву разный скот. Дауры тут были народ *сидячий*, оседлый, имели дома, пашню. Доплыли до устья Зеи, выплыли на широкую реку. По обеим ея сторонам шли довольно ровные берега. Поярков так и думал, что это та самая Шилка (или по-тогдашнему Силькар), на которую его послали. На самом же деле он выплыл в Амур. Места на нём показались казакам раем. Увидали они здесь и груши, и много орешнику; разсказывали, что видели яблоки, овощь разную и прочее. По Амуру жили разные народцы. Князьки их были в подданстве у сильнаго манджурскаго князя, а этот зависел от китайскаго хана. Русских принимали амурские люди за леших, потому что их удивляли большия казацкия бороды и длинные

волосы, а рост пришлых людей казался черезчур высоким. Сами они, надо заметить, были больше все безбородые и малорослые. Огненный бой им был незнаком, и они пугались выстрелов.

Три недели шёл Поярков до устья другой большой реки *Шунгала* (теперь эта река зовётся Сунгари). Скоро начались так называемыя *Щёки*. Щёками и теперь в Сибири зовут крутые каменные берега, между которыми приходится пробиваться речной воде. Река в таких местах сжата, и течение быстро. Вёрст двести шли казаки такою тесниною до Шунгалскаго устья, которое было вправо. С этого места, как думал Поярков, начинался Амур. Сделан был роздых, стоянка. Зная, что Амур идёт в море, Поярков послал проведать солёную воду двадцать пять человек из своей команды. Из них вернулось только двое: остальные были убиты на ночёвке на возвратном пути *дучерами* (один из приамурских народцев). Дучеры жили между рекой Шунгалом и другою рекою Уссури, до которой казаки доплыли через неделю. Уссури впадала в Амур тоже с правой стороны. Неизвестно, что донесли уцелевшие двое о море и видели ли они его, только Пояркова не испугали неудачи: он поплыл дальше.

Через месяц зазимовали смельчаки в устье широкаго, покрытаго островами Амура. По дороге, за дучерами, жили, по описанию Пояркова, *натки*, а дальше, к самому морю — рыболовы *гиляки*. Гиляков Поярков обложил ясаком; до этого же, как он говорил, никому они подвластны не были. Голод ждал русских и в устье Амура. Кормились по зиме от охоты да рыбной ловли, а по весне рыли коренья луговых трав и ели.

Пришло и лето. Надо было ворочаться в Якутск, но каким путём? Старым Пояркову не хотелось — опасно. Выбрали новый путь — морем. Казаки, как известно, добрались до Восточнаго моря (Охотскаго) около сороковых годов (1636). Вот этим-то путём и разсчитывал Поярков дойти до Якутска, только бы переплыть море. За неимением нужных для морскаго пути инструментов надо было держаться как можно ближе к берегам, не выпускать их из виду. Обыкновенныя речныя суда с плоским дном пущены были в дело, а такия посудины вовсе непригодны для морскаго хода: их того и смотри что опрокинет. Только отчаянные, смелые люди могли решиться без всяких знаний и средств на такой путь.

Что было с казаками, чего они натерпелись, кроме голода, трудно представить и страшно сказать. Их носило по морю около двенадцати недель, занесло сначала на большой остров, с котораго они опять пустились в море. Ветер их далеко отбил от берега и играл,

как щепками. Нескоро выбросило казаков на неприветный сибирский берег. Суда, понятно, разбились, а уцелевшие пловцы, оборванные, голодные, еле волоча ноги, доплелись до устья маленькой речки Ульи и нашли здесь старую зимовую избу. Кормились по дороге, чем придётся, что выкинет на берег море.

После небольшаго отдыха служилые люди подвязали лыжи и пошли опять через *Камень* к истоку реки Май. Зачиналась весна. Шли чуть не целиком две недели. На берегу реки, к которой вышли, пришлось строить новыя суда. До Якутска — путь знаемый. Работу кончили до вскрытия рек. Выплыли в Алдан, а из него на хорошо знакомую Лену.

Вернулся Поярков в Якутск в 1646 году. Был, стало быть, он в отъезде три года. Привёз Поярков с собой двенадцать сороков соболей и несколько гиляков. Говорил он, что Амур покорить не так трудно: стоить только взять три сотни людей да выстроить три острожка и в каждом посадить с полусотню народа, а остальные полтораста пусть ходят и объясачивают. Складно и хорошо выходило у Пояркова, когда он говорил про *Пегую орду* (так назывались тогда Приамурския земли). Рекам сделаны были чертежи, слышанное и виденное описано. Погибло казаков далеко больше половины (восемьдесят человек). Поход Василья Пояркова был один из самых бедственных, несчастных походов. Вдобавок, он был безполезен, потому что мы в Приамурских землях не укрепились.

Что за человек был сам Поярков? Кроме того, что это был, несомненно, сильный, решительный и смелый казак (трудности похода говорят за себя), не известен ли он с какой другой стороны? Хоть и мало знаем мы подробностей о сибирских удальцах, всётаки кое-что удаётся и можно собрать о некоторых по слухам да по бумагам.

Оказывается, что служилые люди, бывшие под его началом, подали мирскую челобитную, жаловались на Пояркова, как на человека жестокаго. Разобравши дело, мы видим, что в этом казаке-атамане соединены были многия тёмныя стороны русскаго тогдашняго человека, о которых мы уже говорили прежде. Горькая правда о Пояркове не отнимает у него силы воли, смелости, славы совершеннаго труднаго дела; но она, как увидим, показывает также, чем мог сделаться *незнающий многаго* простой русский человек (Поярков был роду простаго, только звание его было выше обыкновеннаго служилаго человека), получив над кем-нибудь власть. Недаром в прежние годы, когда было ещё крепостное право, неволя, много, иной раз даже больше, чем от чужаго, терпели

крестьяне, когда попадал в управители либо прикащики свой брат — из мужиков.

Надо радоваться, что мы живём не в те времена, в которыя был простор многим своевольствам, особливо на таких далёких краях от Москвы. Тем, что хвалят всё старое, не мешает прочесть жалобы бедных казаков на своего собрата. Вот оне:

«Служилых людей Поярков бил и мучил напрасно, и, пограбя у них хлебные запасы, из острожка их вон выбил и велел им идти есть убитых иноземцев, и служилые люди, не желая напрасною смертью помереть, съели многих мёртвых иноземцев и служилых людей, которые с голоду померли, и приели человек с пятьдесят. Иных Поярков своими руками прибил до смерти, приговаривая: “Не дороги они, служилые люди! Десятнику цена десять денег, а рядовому два гроша”. Когда он плыл по реке Зее, то жители тамошние его к берегу не припускали, называя русских погаными людоедами. Когда весной в устье Амура снег с лугов сошёл и трава обтаяла, то остальные служилые люди начали корень травной копать и тем кормиться, но Поярков велел своему человеку (Дениску) выжечь луга, чтобы служилые люди покупали у него запас дорогою ценой.

На допросе Поярков ни в чём не сознался. Один промышленный человек, уцелевший после посылки к морю, разсказывал, что Поярков, выслав из острожка около Зеи на дауров семьдесят человек казаков, ожидал, что они с чем-нибудь придут. «Что, с добычей пришли?» — спросил он, когда Юшка с товарищами были уж у ворот. «Не то что с добычей, а и своё потеряли», — отвечали, будто бы, казаки. Поярков пустил их в острог, но так как пищи было мало, а народу ещё прибыло, то настал страшный голод. Люди стали умирать один за другим.

«Кому неохота в остроге с голоду помереть, пусть идёт *на луг* к убитым иноземцам и кормится, как знает!» — отдал приказание Поярков. Выискалось таких охотников всего десять человек, и в том числе сам разскащик. Так как у вышедших был с собой запас, то оставшиеся в острожке просили Пояркова, чтоб он обыскал охотников идти на луг и отобрал у них запасы, какие были. У кого сыскалась гривенка (фунт), у кого — две, а у кого гривенок пять. Из тех, что мёртвыми телами кормились, иные поправились, ожили, а иные померли.

Вот как дорого обошлось служилым людям первое знакомство с Амуром, с Пегой ордой — с благодатным югом. Посмотрим, удачнее ли был поход другаго человека.

VI. Ерофей Павлов Хабаров

Недалеко от Киренскаго острога, на реке Лене, жил в описываемое нами время один зажиточный человек по имени Ерофей (Ярко) Павлов Хабаров. Родился он крестьянином города Устюга Великаго (уездный город нынешней Вологодской губернии), держал одно время соляныя варницы в Сольвычегодске, а потом, в 1636 году, переселился с братом Никифором и сыном Павлом в Сибирь, на Енисей, где стал землю распахивать, сеять хлеб. Хабаров слыл за человека оборотливаго, *опытовщика*. На Енисее долго он жить не остался: прошёл слух о богатом соболином промысле на Лене, и Хабаров переехал промышлять деньги туда. Было это через два года после выхода из Руси.

Сборы на новыя места были немалые. Нанял Хабаров двадцать семь человек *покрученников*, то есть таких работников, которым вперёд уплачено, взял из казны две тысячи пудов муки, сети для рыбной ловли, бархатные кафтаны, куски сукон, несколько слитков меди, всего тысячи на две рублей. Поселясь на Лене, стал Хабаров торг вести, заниматься соболиным промыслом. На охоту посылались покрученники, человек по десяти; расходились они по лесам и подстерегали осторожнаго пушистаго зверька.

Дела пошли хорошо, и Хабаров продолжал *пытать дело*, расширял его. Завелись у него пашни на реке Илиме, возле самаго волока, на котором хабаровские люди занимались извозом до реки Лены. Это была тоже выгодная статья. Через два года после переезда на Лену завёл, было, Хабаров соловарню и пашни на устье речки Куты, но завод скоро отобрали в казну. Хабаров, однако, не унывал. В 1641 году проезжал в Якутск воевода Головин, и он подал ему просьбу о дозволении завести пашни около устья другой речки (Киренги); он просил лишь об одном льготном годе, после котораго обещал давать казне по десятому снопу. Может статься, хабаровские покрученники ходили до самой вершины реки Олекмы, что пала в Лену, или заносились слухи от других промышленных людей, бродивших в той стороне, только Хабарову известна была более короткая дорога на юг к князю Лавкаю.

О богатстве земель, лежащих по реке Шилке, много ходило россказней после Бахтеярова и Пояркова. Немудрено, что *старому опытовщику* запала в голову новая мысль. Взяться за большое дело Хабарову было с чем, а такого дела он искал давно. Одиннадцать лет выжил Ерофей Павлов в Сибири, на его глазах *пытали дело* казаки, ища *новых землиц*. Не приходилось такому

деятельному и решительному человеку оставаться при старых занятиях на занятой уже русскими земле. Выгода и слава подсказывали ему идти в Лавкаево царство, обложить его людей ясаком, добыть великую прибыль и царю, и себе. И вот в 1649 году подал Хабаров челобитную новому якутскому воеводе Дмитрию Францбекову. В ней он писал, что в прежние годы посылан был на князя Лавкая казак Еналей Бахтеяров, который не знал прямаго пути и плыл не по той реке. Он же, Хабаров, ведает *прямой* (короткий) путь по Олекме и просит дозволения набрать человек с полтораста или сколько доведётся. Содержать артель он берётся на свой счёт и даст ей денег, хлебных запасов, судов, фузей (ружей), зелья и свинцу.

Как в былые годы промышленные люди Строгановы указывали царю Ивану IV на выгоды от покоренья Кучумова царства, так и промышленник Хабаров упоминал о великой прибыли царю Алексею в случае, ежели удастся объясачить *захребетных государевых непослушников.* В *памяти*, данной Хабарову, наказывалось идти на непослушника Лавкая и его улусных людей. Оружие дозволялось пускать в ход только в крайности, подчинённых наказывалось унимать от всякаго дурна, потому что ясачные люди частенько жаловались на русских.

На Шилке Хабаров должен был поставить острожек и из него *ходить в походы*; в особую книгу — вписывать ясак и людей, принявших присягу по своей вере. Если выйдет безчинство какое или своеволие, то просьбы слать в Якутск к воеводе. Велено ещё было в случае, если Лавкай и другие князья покорятся охотой, обложить их ясаком и оставить, как были, обещая государеву защиту. Вдобавок наказывалось описать всех живущих по реке *людей* и представить *чертежи.*

Хабарову удалось набрать только семьдесят человек охотников, и с этою небольшой толпой пустился он Леной к устью Олекмы. Дело было весной 1649 года. Не миновал и Хабаров опасных сибирских падунов. Река Олекма была быстрая; идти приходилось против теченья, а потому тянулись медленно. На порогах совсем из сил выбились. Ерофей Павлов был грамотный, что великая редкость в то тёмное время, и вот как описывал он эту трудную бечеву: *«В порогах снасти рвало, слопцы* (так назывались корма и руль у судна) *ломало, людей ушибало; но Божиею помощью и государевым счастьем всё кончилось благополучно»*. До устья реки Тугира, что пала в Олекму с левой стороны, тянулись целое лето; наконец добрались до Тугира и зазимовали. Когда

подошёл январь месяц, казаки понаделали *нарты*, поклали на них все свои припасы и весь *борошен*, собираясь идти льдом до Становых гор. Волоклись казаки с немалым трудом: на горах лежал глубокий снег, а на лыжах подниматься в гору не так-то легко. Хребет был из высоких, не раз заставала в горах непогода, не раз задували вьюги, того и гляди, что людей растеряешь или в какой овраг свалишься. Дорожные следы виднелись только позади, а перед глазами — нетронутые белые снега. Перевалив через *Камень*, хабаровцы скоро вышли и на Амур-реку. Шёл 1650 год. Они угодили прямо к улусам Лавкая, которые стояли на берегу небольшой речки — Урки. Хабаров, как думают, пошёл левым берегом (на нём видны следы бывших городков).

По дороге встретили казаки сряду пять больших поселений. Это были настоящие *города*, обведённые стеной и окопанные рвом. Первый город был срублен из брёвен, и шёл вокруг него глубокий ров; в стене было пять башен, и в пятой — широкие ворота; в стенах понаделаны были подлазы для вылазок. Город стоял на мысу между Амуром и его небольшим притоком. К воде были сделаны *тайники* (потаённые выходы). Дома за стеной — все каменные, окна в них большия, вышиной в два аршина, шириной в полтора, а заместо слюды бумагой затянуты. В каждой такой светлице с бумажными окнами могло поместиться до шестидесяти и больше человек.

Не ожидали казаки такого хорошаго города, особливо после своих-то острогов да городов. Он им *знатным* показался. Удивило только всех немало, что в первом городе не было живой души, во втором и в третьем — то же самое. Это напоминает вступление Ермака в пустой Искер. В третьем городе Хабаров остановился отдохнуть после труднаго и долгаго пути. На всякий случай поставлены были караульщики, которые скоро оповестили, что к городу едут конные люди — пять человек. Стали с подъехавшими разговор вести через толмача. Один из конных людей был сам старик Лавкай, а остальные — два его брата, зять и холоп.

— Что вы за люди и откуда пришли? — спросил Лавкай.

— Мы пришли с вами торг вести. У нас много подарков, — отвечали казаки через толмача.

— Зачем обманываешь нас, — отвечал Лавкай. — Мы казаков знаем: перед вами был у нас один казак, так он сказывал, что вас идёт с полтысячи, а следом за вами ещё люди. Вы нас побить всех хотите, ограбить наше добро, а жён с детьми полонить — оттого мы и города бросили.

Хабаров спросил князя Лавкая, не хочет ли он идти русскому царю в подданство.

— Платите ясак, и вам русский царь защиту будет давать, — соблазнял толмач.

— Хорошо, — отвечал Лавкай, — посмотрим, что вы за люди.

Повернули иноземцы своих коней и ускакали. Только их и видели. После этой встречи Хабаров пошёл берегом дальше. Целое *днище* шли до четвёртаго города, который был тоже пуст. На другой день, когда солнце вышло на серёдку неба, вошли в пятый брошенный городок. Только в одном доме разыскали, говорят, старуху, сестру Лавкая. Стали её по тогдашнему обычаю пытать, на огне поджаривать, чтобы правду сказала, где брат и что замышляет. Узнали, что Лавкай со всеми родственниками, другими князьями и слугами ждёт русских в двух неделях езды от города, в котором живёт богатый князь Богдой. У Богдоя город земляной, на стенах — пушки. В городе торг по лавкам идёт, и товаров много; хороший ясак берёт Богдой со всех *даурских* (дауры, жившие по Амуру, были одного племени с тунгузами, вели торг с китайцами) князьков. У Богдоя на его землях есть руды разныя — золотая и серебряная, камни дорогие, оружия многое множество: и пищали, и сабли — всё с золотой, дорогою насечкой. Про соболей и говорить нечего. Ест и пьёт Богдой всё на золоте да на чистом серебре, и есть ещё князь, которому сам Богдой покорён.

Дальше пятаго города Хабаров идти не решился. Он вернулся в первый и оставил в нём немного ратных людей, сам же поехал в мае 1650 года в Якутск. Донёс он воеводе, что по Амуру живут даурские люди, что одни из них землю пашут, другие же скот пасут, что в реке Амуре рыбы много, особливо осетров, которые крупнее волжских, да и рыбы в Амуре больше, чем в Волге. По берегам его большие луга и поля, *леса тёмные, большие* и столько всякаго зверя, что можно хороший ясак брать с даурских людей. О хлебах доносил, что родится ячмень, просо, овёс, греча, горох и конопляное семя. Хорошо отзывался Хабаров о даурской земле, говорил, что места по Амуру не то, что по Лене-реке, что хлеба у дауров много, и казаки немало находили его по ямам. Как побежали иноземцы из своих городов, позабыли и про запасы, всё бросили.

«Коли покорятся дауры, — доносил Хабаров, — и будут ясак платить, так в Якутске казне и хлеба не надо будет присылать: от Лавкаева города до острожка, что я на Тугире поставил, всего волоку сто вёрст, а из острожка до Якутска *по плаву* две недели; Амур будет прибыльнее Лены, да и во всей Сибири такого места

украшеннаго и изобильнаго не найти». Одна беда — людей мало, добавил Хабаров воеводе в своём донесении о реке Амуре. Надо тысяч шесть, тогда можно покорить всю даурскую землю.

Такого войска при сибирском безлюдье набрать было нельзя. Пришлось опять собирать охотников до приключений, людей терпких и готовых идти, куда поведут, лишь бы пожива была. Набралось больше полутораста человек. В Якутске и его окрестных местах многих расшевелил разсказ об амурских угодьях. Воевода отпустил с Хабаровым во второй поход двадцать казаков, дал три пушки и зелья со свинцом, обещая в случае нужды прислать подмоги, сколько можно будет.

Осенью 1650 года Хабаров вернулся на Амур. Пустых городов он не нашёл: дауры решили отпор дать, не пускать в свою землю казаков и ясак им не платить. Люди, оставленные Хабаровым на Амуре, выдержали не одну осаду: дауры им не давали покоя, только сделать ничего не могли со своим лучным боем. Недалеко от городка *Албазина* встретил Хабаров даурских ратных людей. Завязалась драка с самаго полудня и кончилась только к вечеру. Двадцать казаков было ранено, но русские выгнали дауров из городка и, найдя в нём много хлеба, остались в нём. Албазин стоял неподалеку от того волока, по которому лежал русским путь к Амуру. Укреплён он был справно, стоял на удобном месте.

За бежавшими из него даурами погнались на лёгких стругах больше сотни казаков. Напуганные дауры бросали своё жильё, зажигали его, а сами спасались на конях.

Встречаясь с ними, казаки забирали много скота, везде одерживая верх. Зимой построил Хабаров городок *«в угожем месте, под волоком, где переходить русским людям пешею ногою только два дни»*. Оставлено было в нём пятьдесят человек, из коих двадцать должны были пахать землю, а остальные — сбирать ясак. Городок этот был, как думают, тот же Албазин, только Хабаров укрепил его получше и настроил в нём изб. От полонённых родственников одного князька узнали хабаровцы, что по Амуру, начиная с его истоков, живёт девять владельцев. Все они данники богдойскаго (то есть китайскаго) *Шамшахана,* а сам Богдой — данник другаго, у котораго имя ещё мудрёнее.

Зимой Хабаров ходил на дауров сам с казаками и *нарядом*, который везли на санках. В десятый день пути привелось биться с конными людьми с утра до ночи. Бежали конные люди. Во всём была Хабарову удача, и *старый опытовщик* написал донесение воеводе Францбекову о том, что сделал в даурской земле. Завладеть ею,

писал Хабаров, можно, и будет тогда эта земля великому государю вторым Сибирским царством. Если что, так можно, добавлял он, послать большое войско и на богдойскаго Шамшахана, и на того, кем он в ханы посажен. Прокормить в даурской земле можно хоть двадцать тысяч людей. Шамшахана подвести под высокую государеву руку выгодно, потому что в его царстве есть серебряная гора, и только семь дней езды до нея с Амура; сторожей около горы стоит с полтысячи. Жемчугу ещё много у Шамшахана и дорогаго каменья; только справа с ним будет не такая лёгкая, как с даурскими людьми, потому что у него каменные и деревянные города есть с пушками, и на бой выходят с копьями и кривыми саблями, не считая луков. Около истоков Амура, в вершине его, живёт всё народ слабый, бежит он от русской силы к нижнему Амуру, поближе к сильным людям, которые, слышно, ясака никому не платят.

Весть о Хабарове дошла до Москвы. Посланы были на Амур сто тридцать два человека из служилых, охочих и промышленных людей. Дали им тридцать пудов свинцу, зелья столько же, да ещё стопу писчей бумаги (в то время товар этот был на редкость, потому что письменнаго дела меньше было); со стопой бумаги отправили к Хабарову и писаря. Казачьи начальники должны были, сдав людей, везти от воеводы грамоту к царю Шамшахану. В ней прописано было, что в таком-то году подвластные ему князьки, Лавкай и другие, хотели наших ратных людей побить, но что не могли устоять *против царской грозы и нашего бою.* Затем добавлялось, к слову, что и Шамшахану против него не устоять и с русскими не сладить; что лучше, не гневя государя, прямо давал бы золота и серебра, и узорочья, каменьев дорогих и мехов, сколько в силу. *«А наш государь царь Алексей Михаилович силён и велик и страшен, но милостив и праведен, кровей не искатель. А у государя в одном Сибирском царстве ратных людей многое множество, к ратному делу навычных, и бьются они, не щадя голов своих».* Так стращала грамота. Посольство с ней не дошло: дауры убили русских дорогой.

На следующее лето (1651 г.) Хабаров пошёл опять вниз по Амуру, только не берегом, как в первый раз, а на судах. Дорогой много виднелось по берегам сожжённых даурских поселений. К вечеру одного дня подошёл Хабаров к уцелевшему городку князя Гуйгудара. Княжеские люди стояли у воды и не пускали казаков, а когда с судов выстрелили по ним и многих убили, тогда они побежали в свой городок и заперлись. Хабаровцы бросились за

ними. Город был тройной: около одного землянаго вала шёл другой, а около этого ещё третий. Стены были из дерева, двойныя, внутри землёй набиты; под стенами — подлазы, а ворот нет. Подлазы понаделаны для того, чтобы можно было из одного городка в другой переходить, коли понадобится. Кругом тройнаго города — два рва по сажени глубиной, и в те рвы — тоже подлазы, для напуска ратных людей. Скот и *ясырь* стояли во рвах (ясырями прозывались невольники, купленные на деньги или вымененные на товар. Было время, когда их продавали на базарах за небольшую цену. Так, бабу-ясырку можно было иметь за десять рублей и дешевле).

В толпе врагов были и ещё какие-то люди; биться они не бились, в городок не вошли, а стояли в поле и смотрели. Были на них надеты дорогия шёлковыя платья. Это хан богдойский прислал своих манджурских людей. Князь Гуйгудар хотел постоять за даурскую землю и пустил такую тучу стрел, что казаки не могли подойти близко к первому городку. Хабаров через толмача уговаривал князя покориться и дать ясак. «Мы даём ясак богдойскому (китайскому) хану. Какого ещё вам ясака? Хотите такого что ли, который мы бросаем своим последним ребятам?» — отвечал Гуйгудар.

Начали казаки по приказу Хабарова палить из ружей и пушек. Пушки били в башню, а ружья — в стены. Около городка, в поле, из даурских стрел словно нива стояла насеяна, по выраженью Хабарова, но «*свирепые дауры*» не устояли. Рано утром, когда ещё солнце только показалось, пробили башенную стену. Первые ворвались в городок кольчужники, а за ними и другие казаки со щитами в руках. Дауры ушли и заперлись сначала во втором городке, а когда их выбили и отсюда, то в последнем, третьем. Казаки и туда пробились. Стали драться на саблях и копьях, рукопашьем. Сколько ни было дауров, все остались на месте; а было их, говорят, больше шестисот человек. Хабаров не досчитался четырёх казаков, да с полсотни было раненых. В городке полонили русские много девок и баб с детьми; скота всякаго захватили голов с тысячу.

Полонённые сказывали, что люди в шёлковых платьях с них ясак собирают. Присылает их Шамшахан, и живут они у них каждый год человек по пятидесяти. На другой день один из манджуров пришёл к Хабарову для переговора. «*Платье у богодойскаго мужика* было *камчатное и малахай соболий*», — описывал после Хабаров. Трудно было вести разговор с иноземцем: язык

был вовсе незнакомый, а переводить слова некому. Кое-как добились-таки смысла: царь Шамшахан не приказал воевать манджурским людям с русскими, велел только спросить их, зачем они пришли в эту землю. Ответить Хабаров ничего вернаго не ответил, зато угостил посла и подарков ему дал.

Полтора месяца выжил Хабаров в городке. В подданство ему никого привести не удалось. От *проведчиков* узнали казаки, что в трёх днищах пути с левой стороны впадает в Амур река Зея, и около ея устья стоят ещё городки. Поплыли к одному из них и застали князей врасплох. Сидели они на лугу, за городом, и пировали. Один бежал, но двоих полонили; пришли в город к присяге за своими князьями и люди их, принесли они с собой только шестьдесят соболей, но обещались русским ясак платить. Мало принесли оттого, что не так давно Шамшахану много отослали, а за это время ещё не наловили. Лучших людей Хабаров отобрал в залог. Только мало времени спустя одни улусники отказались от подданства и побросали свои улусы. Князья их были у Хабарова в руках, стало быть, бояться нечего — вернутся. Вышло не так. Когда стали князьков спрашивать, почему их люди разбежались, те сказали, что они и знать не знают, почему, что приказу такого они им не давали. «На то их воля, а не наша, — отвечали князья. — Чем нам всем помереть (всему роду), так лучше мы одни помрём за свою землю, когда уж к вам в руки попали». Пытали князьков на огне, а добиться ничего не добились. С другими сибирскими народцами ничего такого прежде не случалось. Бывало, как возьмут князя в залог, так весь род и платит ясак, покорен становится. Дауры же не столь за князя своего стояли, сколько за свою землю да за самих себя.

Зазимовать в покорённом городке было нельзя: с голоду умерли бы. Хабаров поплыл с казаками дальше, вниз по Амуру, а городок зажёг *и дым пустил*. По берегам виднелись местами даурские улусы — в пять, в десять *юрт* (то есть жилищ). Четыре дня плыли смельчаки до крутых каменных утёсов (щёк), между которыми пробивался Амур к морю. Больше двух *днищ* плыли теми щёками, за которыми показались опять жилыя места *дучерских людей*. Всё это время казаки только и делали, что приставали к берегу, выходили и дрались. Доплыли до устья большой реки Шунгала. Дучеры были народ смирный, потому с ними нетрудно было ладить казакам. Улусы заставали они пустыми, зато можно было в них поживиться и скотом, и хлебом. Казаки всю дорогу кормились грабежом, удержать их от этого было нельзя.

За дучерами пошёл другой народ — *ачаны*. Потянулись их улусы. Ачаны рыбачили и были похитрее да и похрабрее своих соседей-пахарей. Они везде давали отпор. Сентября 22-го Хабаров доплыл до одного большаго селенья и решил провести в нём зиму. На скорую руку срубили город и перенесли в него всё, что было на судах. Ачаны вызвались платить русскому царю ясак, притворились покорными, а на самом-то деле хотели они высмотреть, сколько русских, какое у них оружие, ладно ли укреплён городок. В припасах у Хабарова оказалась недостача, и он отправил вниз по Амуру сотню людей промыслить у ачан побольше рыбы. Народ этот, почитай, что одною рыбой и жив-то был.

После отъезда казаков, рано, чуть свет, ачаны напали на русский городок. Было их сот восемь. Дучеры ещё на подмогу пришли. Если бы не часовые, так русские и не услыхали бы ничего: спали крепко. Ачанам было на руку, что одна сотня наших уехала рыбу *промышлять*; только страшно было идти на приступ, лезть на стену. Знали ачаны и дучеры про пищали и пушки. Принесли они с собой соломы да разной суши и хотели подпалить русских. Тогда вышло из города семьдесят человек казаков, и начали они ачан рубить и колоть, а со стен ядра кидали, из пищалей громили, «и напал на них, собак-иноверцев, страх Божий, и против царской грозы и нашего бою устоять не могли и побежали врозь, а мы за ними побежали и в тыл их многих побили и *языков* (полонённые люди, у которых можно было выведать о неприятеле) многих перехватали, и в струги они, иноверцы, побросались и на великую реку Амур отгребали, а струги у них большие и с выходами, и крашеные, а в один струг садится по пятидесяти, по шестидесяти человек».

Так писал Хабаров.

Прозван был городок *Ачанским* городком. Посланные за рыбой вернулись благополучно, и казаки ещё сильнее укрепили своё зимовье. Ачан видно не было, попадались только их зимние пути, по которым они ездили на собаках. Стали по этим путям следить и поймали двух *важных* людей. Ачаны снова понесли русским свой ясак. В таких делах прошла у хабаровцев и вся зима.

Можно догадаться, как вели себя казаки с приамурскими людьми. Ачанам, что называется, житья от них не было. Хабаров был не виноват, что его люди делали им разное лихо: углядеть, как я говорил, за ними было нельзя, да и сам *опытовщик*, как говорят, многое позволял себе при своём горячем и подчас самоуправном характере. При случае он нещадно бил провинившихся палкой,

а то и просто расправлялся кулаком; сила же, по слухам, была у него порядочная. Не имея возможности справиться с пришельцами, ачаны пошли к манджурскому князю подмоги просить. Шамшахан велел князю *Исинею* собрать две тысячи конных людей, взять с собой шесть пушек, тридцать ружей многоствольных, только без замков, несколько глиняных, начинённых порохом ядер-пинард («А в тех пинардах порох кладен, а кладено пороху в тех пинардах по пуду», — писал Хабаров) для того, чтобы стены рвать и захватить русских живьём.

Весной 1652 года подошло манджурское войско под Ачанский городок, и хабаровцы проснулись от неожиданнаго страшнаго грома. То палили манджурския пушки, только пушкари около них были плохие и никакого вреда не могли сделать своими орудиями. Русские в первый раз столкнулись с людьми огненнаго боя. Вышел сильный переполох. Вот как красно описывал Хабаров битву под Ачанским городком:

«Марта в 24-й день, на утренней заре, сверх Амура-реки славныя ударила сила из прикрыта на город Ачанский, на нас казаков, сила богдойская, все люди конные и куячные, и наш казачий есаул закричал в город, Андрей Иванов, служилый человек: “Братцы казаки! Ставайте наскоре и оболокайтесь (одевайтесь) в куяки крепкие!” И метались казаки на город в единых рубашках на стену городовую, и мы казаки чаяли из пушек из оружия бьют казаки из города, ажно (а на место того) бьёт из оружия и из пушек по нашему городу казачью войско богдойское. И мы казаки с ними, богдойскими людьми, войском их дрались из-за стены с зори до схода (всхода) солнца, и то войско богдойское на юрты казачьи пометалось, и не дадут нам казакам в те поры пройти через город, а богдойские люди знаменами стену городовую укрывали. У того нашего города вырубили они, богдойские, люди три звена стене сверху до земли. И из того их великаго войска богдойскаго кличет князь Исиней царя богдойскаго и всё войско богдойское: не жгите и не рубите казаков, емлите (берите) их, казаков, живьём! И толмачи наши те речи князя Исинея услышали и мне, Ярофейку, сказали, и услыша те речи у князя Исинея, оболокали мы казаки все на ся (на себя) куяки и яз (я), Ярофейко, и служилые люди и вольные казаки (Сибирское казачье войско составилось из потомков товарищей Ермака, на реке Иртыш), помолясь Спасу и Пречистой Владычице нашей Богородице и Угоднику Христову Николаю Чудотворцу, промеж собою прощались и говорили то слово яз, Ярофейко, и есаул Андрей Иванов и всё наше

войско казачье: умрём мы, братцы казаки, за веру крещеную и постоим за дом Спаса и Пречистыя и Николы Чудотворца и порадеем мы казаки государю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руссии и помрём мы казаки все за один человек против государева недруга, а живы мы казаки в руки им богдойским людям не дадимся. И в те стены проломныя стали скакать те люди богдоевы, и мы казаки прикатили тут на городовое проломное место пушку большую медную и почали из пушки по богдойскому войску бити и из мелкаго оружия учали стреляти из города и из иных пушек железных бити ж стали по ним богдойским людям. Тут и богдойских людей и силу их всю, Божиею милостью и государевым счастием и нашим раденьем (стараньем), их, собак, побили многих. И как они богдои от того нашего пушечнаго бою и от пролому отшатились прочь, и в ту пору выходили служилые и вольные охочие казаки сто пятьдесят шесть человек в куяках на вылазку богдойским людям за город, а пятьдесят человек осталось в городе, и как мы к ним богдоям на вылазку вышли из города, и у них богдоев тут под городом приведены были две пушки железныя, и, Божиею милостью и государевым счастьем, те две пушки мы казаки у них богдойских людей и у войска отшибли и у которых у них богдойских людей у лучших воитинов (ратных людей) огненно оружье у них взяли. И нападе на них богдоев страх великой, покажись им сила наша несчётная, и все достальные богдоевы люди от города и от нашего бою побежали врозь. И круг того Ачанскаго города смекали мы, что побито богдоевых людей и силы их шестьсот семьдесят шесть человек наповал, а нашие (нашей) силы казачьи от них легло от богдоев десять человек, да переранили нас казаков на той драке семьдесят восемь человек».

Хоть и осилили казаки *богдоевых людей*, и не в привычку этим людям было, как видно, обращаться с *нарядом*, только плыть дальше вниз по Амуру показалось Хабарову небезопасным. У богдойскаго царя (китайского богдыхана) войска много, казаков он в господа на своей земле не пустит, вышлет ежели войска ещё более прежняго, что тогда? От полонённых узнали, что царю Шамшахану, который был *наместником* у китайскаго государя, была на казаков жалоба. «Русские нас бьют и грабят, жён с детьми отнимают, — говорили дучеры, — а сделать против них мы ничего не можем». И на самом деле, казаки не имели жалости к иноверцам: они смотрели на них как на рабочую скотину, глядели, как бы побольше пользы от нея добыть.

Говорили ещё полонённые в бою, что в походе они были три месяца, что к востоку от шамшахановых земель лежит ещё земля и есть в ней золотыя и серебряныя руды, а по рекам жемчугу много, и ломают те руды железными ломами. И шёлк есть, и бумага хлопчатая в той земле; делают из шёлка атласы, а из бумаги — кумачи.

Без малаго через месяц после осады Хабаров поплыл с казаками вверх по Амуру, назад. Было это весной, в апреле 1652 года. Тянулись хабаровцы на шести дощаниках.

VII. Приключения Нагибы. Возвращение Хабарова. Онуфрий Степанов

Долго не было вестей от Хабарова, и из Якутска послали ему небольшую подмогу. Не сразу нашла она смелаго *опытовщика*. Тренка Чичегин, который вёл казаков, послал весной одного из них, Ивана Нагибу, с товарищами искать Хабарова по Амуру. Вот чем кончились Нагибины поиски: каким-то случаем Иван Нагиба разъехался с теми, кого искал. По островам, которых очень много на Амуре, он оставлял заметки, или записки, на всякий случай, а сам с товарищами плыл по речке всё дальше и дальше. Много было приключений дорогой. Раз его окружили со всех сторон дучеры и натки и не давали им, казакам, ни к берегу пристать, ни на остров выйти. По берегу ездили иноверцы на конях, а по реке — на стругах. Стругов было больше двадцати и в каждом сидело человек сорок, а то и больше. На этот раз даурские люди не напали, а после были с ними бои; *напускали дауры из острожков по двожды и по трожды, скрадывали* в ночное время людей.

Надо полагать, что и в этот раз, несмотря на свою малую силу, казаки, плывя по Амуру, хозяйничали, потому что просили Нагибу плыть дальше, вниз, к самому устью. Нагибе же велено было плыть не больше десяти дён. Через три недели после описанной встречи с даурами Нагиба плыл уже гиляцкою землёй, близко от моря. «*Иноземцы*, — говорится в донесении, — *скоп учинили во многих стругах и со щитами от улуса до улуса провожали*». Кто-то сказал казакам, что Хабаров — в гиляцкой земле, и за это ложное известие Нагиба с товарищами чуть не поплатился жизнью. В одном месте он был *обсажен* гиляками со всех сторон, так что нельзя было двинуться ни взад, ни вперёд. Пришлось выстоять среди реки две недели. Инородцы были не из храбрых: ровно четырнадцать дней смотрели они на небольшое казачье судно, которое с горстью казаков стояло на якоре, и не решались напасть. Гиляки

были в своих рыбачьих лодках, на воде. Когда казацкие припасы все вышли и настал голод, нужда заставила смельчаков собраться с последними силами и пробиться за кормом на берег. Смелость города берёт, а тут ещё в подмогу ей порох со свинцом. И пробился Нагиба с своими к берегу, человек тридцать уложил, выкрал у гиляков много провесной рыбы (из-за нея и бой-то весь был) и опять — на воду. Расправа с иноверцами была у казаков обычная. *«Мужиков с улусу сбили и юрты с конца зажгли»*, — писалось в одном донесении. *«И мы их в пень рубили»*, — говорилось в другом.

Дня через три выплыл Нагиба к морю, в широкое устье Амура. Хабарова с казаками нигде не было; надо было ворочаться назад. Старою дорогой смельчакам ехать не хотелось. Смастерили казаки новое судно и порешили плыть Охотским морем до речки Ульи. Казацкая нужа в походе Пояркова во время его плавания по неприветной солёной воде их, видно, не испугала. Перед отплытием ещё раз довелось отбиваться от гиляков, которые кинулись на русских в своих лёгких лодках. Одну из них казакам удалось пробить; человек сорок иноверцев легло на месте.

На море ждала Нагибу с товарищами новая беда. Никуда она от казаков не уходила во время разведки да расчистки обширной Сибири. О морской нуже осталось донесение такого рода: «И оттуда (из устья) мы, холопи государевы, пошли по морю на гребях (на вёслах) и выгребли из губы (небольшой залив. Здесь же надо под губой разуметь широкое устье Амура) на море, и понесло нас, холопей государевых, во льду на море и носило нас во льду десять дней и принесло на берег, на пустое место, и тут нас, холопей государевых, к берегу льдом (притерло), раздавило судно, и судно потонуло, и мы, холопи государевы, на берег пометались душею да телом. Хлеб и свинец, и порох потонул, и платье всё потонуло, и стали без всего. И оттуда мы, холопи государевы, пошли пеши, подле моря, и шли мы, холопи государевы, пешею ногой, подле моря, пять дён, а питалися мы ягодами и травою и находили на берегу по край лося битаго, зверя морскаго *нерпу* (нерпой зовётся в Сибири тюлень) да моржа, и тем мы душу свою оскверняли, нужи ради питалися, и дошли мы, холопи государевы, до речки и тут мы стали суднишко делать и пошли по морю».

Из этого видно, что Нагиба первою неудачей не пронялся и опять пустился морем, *на авось*, отыскивая речку Улью. Ветер на этот раз не унёс казаков от берега, и полунагие плаватели, голодные и перемёрзшие, добрались до какой-то другой речки. Дорогой они

отнимали у тунгузов рыбу. Казаки, видно, мало походили на людей, потому что пугали поморцев и не встречали у них отпора. На речке Нагиба провёл осень, *осеновал*. Отсюда с великим трудом добрался до *Камня* (Становых гор), перевалился через него, на вершине одной реки построил опять судно и водным путём вышел в Лену. Шли казаки через волок больше месяца.

Немало служилых людей терпело такия мытарства, как Иван Нагиба, немало ещё нам встретится их впереди, а о скольких казаках не доходили вести, сколько имён пропало вместе с бумагами, в которых описывалась казацкая нужа!

Подмогу, высланную из Якутска, хабаровцы встретили, пройдя амурския щёки. Но не велика была помощь от небольшой горсти людей да одной пушки. Вернуться вниз нечего было и думать: там, по словам Хабарова, вся земля была *в скопе*. Около самаго устья Шунгала ждало их большое манджурское войско, тысяч в шесть, с пушками и ружьями. Не подуй ветер-попутник, не избыть бы Хабарову беды. На счастье, подул, да ещё сильный, и казаки на всех парусах прошли серединой Амура. Дорогой забирали коекого из иноверцев и слышали от них недобрыя вести. Кто говорил, что собирается на русских войско в десять тысяч, а кто — и ещё того больше. По слухам, Шамшахан хотел вовсе выгнать казаков из своей земли и набирал для этого людей — ни мало, ни много сорок тысяч. Полонённых пытали и выведали от них, что даурские люди ясака платить не хотят. Жаловались дауры также, как и брацкие люди, что ясак казакам отдашь, а казаки всё-таки грабят. «Соберём войско там, где они зимовать станут, тысяч десять, либо больше, и *давом их задавим*», — говорили дауры.

1 августа 1652 года Хабаров остановился около устья реки Зеи и стал казаков спрашивать, где бы город поставить. Вышла разноголосица. Одни ответили: «Где будет годно и где бы государю прибыль учинить, тут и город станем делать», а другие разохотились грабить, *«радеть своим зипунам и нажиткам»*, сели на три посудины, а на судах была казна государева, пушки, порох, свинец, куяки казацкие, и уплыли вниз по Амуру. Переманили непослушники-воры, а может статься, и силком взяли человек тридцать вольных казаков. Две пушки кинули: одну на берег, другую — в воду; часть казны тоже покидали. Всех уплывших было сто тридцать шесть человек. Два казака, не желая быть заодно с беглыми, кинулись с судна в воду и выплыли на берег, к товарищам. Хабаров остался с какими-нибудь двумя сотнями. Полтора месяца пробыл он на Зее-реке и сзывал инородцев; только не шли они,

не давали русским людям веры, не глядели и на то, что аманаты были у них в руках. «Вы всё нас обманываете, — говорили инородцы, — вот и теперь ваши люди уплыли и наши земли громят».

Беглые казаки много повредили хабаровскому делу. Ерофей Павлов, не зная, как выйти из беды, послал четверых в Якутск — донести воеводе, что *воры учинили государевой службе поруху, иноверцев отогнали и землю смяли.* Посланцы должны были сказать, что людей у Хабарова мало, и с ними взять землю сил нет: людей на земле живёт много; опять же у которых и бой огненный есть, а без царскаго указа Хабаров уйти не смеет.

Казаки тем временем подвигались вверх по Амуру и собирали, где можно, ясак. Последний раз получена в Якутске весть о Хабарове от 5 августа 1652 г. Он просил подмоги. «Если повести на дауров шесть тысяч войска, так можно всякую даурскую силу погромить», — доносил Хабаров. Неизвестно, что после этого делал он в Приамурском крае и где провёл зиму: в бумагах якутских ничего об этом не найдено.

Весть о дальнейших подвигах устюжанина Ерофея Хабарова уже давно успела дойти до Москвы. Из нея велено было отправить на Амур три тысячи стрельцов и воеводу. Наперёд послали дворянина Зиновьева, наказавши раздать смелым казакам не одну сотню золотых денег, пятьдесят пудов пороху и привести людей. Кроме того, должен он был узнать, велика ли вражья сила, приготовить место для стрельцов и позаботиться о еде. Из Москвы до Якутска — год ходу. За это время широко прошла молва про амурския богатства. Около ленской вершины и реки Илима жили русские переселенцы. На далёкое разстояние друг от друга разбросаны были по обширным пустырям их поселенья, в какия-нибудь две-три избы. У русских людей за привычку стало *землиц искать*, только бы земли были хлебородныя. Немудрено, что как только заслышали они про Амур, так и припала им охота переселиться на него. На Лене житьё было плохое: и холодно, и не сытно. Иные взяли жён с детьми, побросали свои избы и ушли на Амур. Посылали за ними людей в погоню остановить, но посланцы зачастую пропадали и сами, шли заодно с беглыми всё туда же. Вышел приказ — на Олекме заставу устроить и людей на Амур не пускать.

Дорогой дворянин Зиновьев нашёл таких беглых человек со сто. Они промышляли тем же, чем в старые годы товарищи Ермака и сам Василий Тимофеев. Нашёл Зиновьев Хабарова около устья Зеи. Много довелось старому опытовщику вынести от московскаго

посланца. Зиновьев бранился, драл Хабарова за бороду, говорил, что он казну утаил, даже велел ему ехать в Москву. Говорят, что будто даже вёз его до нея скованнаго по рукам и ногам. Неизвестно, насколько виноват был Хабаров, но причины обвинения могли быть разныя: Зиновьев просто из зависти мог начать целое дело. О Хабарове он слышал как о человеке незнатном, но богатом. По некоторым известиям, Хабаров жил в своё удовольствие, любил пышно одеваться, кафтаны носил бархатные, шапки из дорогих соболей. Он ни в чём не любил себе отказывать, и был, что называется, полным господином на Амуре. Поперёк сказанное слово могло рассердить царскаго посла, а Хабаров, как известно, был из горячих.

Казакам Зиновьев не понравился. Пороху со свинцом он им не привёз (зарыл где-то по дороге), роздал триста двадцать золотых денег, и больше от него казаки никакой милости и ласки не видали. Вёл себя с ними Зиновьев самовластно, отдавал строгие приказы, а это было вольным казакам не по вкусу. Так, велел он им три острожка поставить и землю пахать. До этого казаки хлеб у дауров брали, а тут работай: паши да ещё строй. Обращение Зиновьева с атаманом им тоже не было по сердцу.

Приехал Хабаров в Москву зимой 1655 года. Пошёл суд, и стараго опытовщика признали невиновным. Пожалован был Ерофей Павлов *сыном боярским* и сделан государевым *прикащиком* (управляющим, исполнителем воеводских приказов) над поселениями по Лене, но на Амур его не воротили. Умер Хабаров, кто говорит в Верхне-Илимске (теперь заштатный город Иркутской губернии), а кто — в *Хабаровке, на Лене*, недалеко от городка Киренскаго, — дело тёмное. Хабаров оставил по себе память у сибирских поселенцев и много чудных разсказов о своих подвигах, но, пока не нашли его отписей к воеводе, многие из учёных людей думали, не сказки ли ходят о каком-то Хабарове, и не верили даже, жил ли он когда на свете. Потомки его есть в Сибири и теперь.

После отъезда стараго опытовщика в Москву ясак передан был Онуфрию Степанову, который сделан был *приказным человеком великой реки Амура — новой Даурской земли.* Мало впереди хорошаго видел Степанов: дела на четвёртой великой реке Сибири не были приведёны в порядок. Иноверцы должны были плохо принять новых гостей. В верховьях Амура не было ни хлеба, ни лесу, чтобы промыслить и того, и другаго Степанов уплыл вниз. Достав хлеба на устье Шунгала, он поплыл дальше и зазимовал у дучеров, с которых собирал обычный ясак. В 1654 году, летом, он опять поплыл к Шунгалу за хлебом и 6 июня встретил боль-

шое богдойское войско со всяким огненным боем и на конях, и на стругах. Как ни палили богдойцы в русских, последние-таки *выбили* их из лодок на сухопутье. На берегу неприятель засел в крепком месте, окопался. Казаки пытались взять его приступом, но их отбили, и Степанов, не достав хлеба, побежал, спасаясь от богдоев, вверх по реке.

Начались неудачи, и пошли оне одна за другой. Полонённые иноверцы разсказывали, что богдойский царь отрядил три тысячи ратных людей с тем, чтоб они три года стояли около устья Шунгала и не пускали русских. Кроме того, главная беда была ещё та, что богдойский царь положил иноземцам запрет сеять по берегам Амура хлеб и отдал приказ переселиться на другую реку, южнее.

Онуфрий Степанов поднялся до устья Камары и зазимовал здесь в полуразвалившемся остроге вместе с подошедшим сотником Петром Бекетовым. Осенью начали укреплять *городок*. Насыпан был вал с четырёх сторон, по углам вала поставлены *быки* (батареи). Земляные работы были тяжелы: мороз так заковал землю, что приходилось растаивать её кострами, потом рубить кирками и *наваливать*. Ров был в сажень глубины и две — ширины. Около него поле было усеяно *чесноком* (железныя, шестиногия колючки. Если бросить на землю, то тремя ногами оне вонзались в неё, а другими тремя торчали кверху. Делали чеснок из неприятельских стрел и прикрывали рыхлою землей и листьями). Изнутри города сделано было возвышение, от котораго шли раскаты на четыре стороны. На нём стояли пушки, хватавшия через вал, в поле. На случай пожара шли желоба от вырытаго неподалёку колодца, по валу тянулся частокол, внутри котораго насыпан был крупный песок. Ночью стены освещались горящими лучинами.

Не напрасно поставил Степанов такую справную крепость: 13 марта 1655 года подступили к ней манджуры; их было десять тысяч. Много навезли манджуры огненнаго *наряда*. Кроме пятнадцати пушек были с ними ещё лестницы, багры, дрова, солома, дёготь, щиты, обитые войлоком и кожей, да длинные-предлинные (сажен по двадцать) мешки, в оглоблю толщиной, набитые порохом. Русских было пятьсот человёк. Поставили манджуры два укрепления и с утёса речнаго стреляли, только ничего не сделали. Чтобы зажечь острог, пускали на стрелах *огненные заряды*, а 24 марта пошли на приступ на все четыре стены разом. На каждую приходилось, выходит, чуть не по три тысячи человек. На телегах повезли к городу большие деревянные щиты и лестницы, которыя на одном конце были с колёсами, а на другом с палками

и железными гвоздями, чтобы можно было за стену чем задеть. Много было всяких *приступных мудростей*. Били по острогу из пушек и день, и ночь.

4 апреля неприятель отошёл, потому что ничего не мог сделать. Миновала грозившая беда, но другая была уже за плечами: скоро оказался недостаток в самом нужном — в припасах, в хлебе. Приамурские жители были разорены ясаком и разными поборами казаков. Дорогой попадались одни сожжённые улусы. Чтобы не умереть с голода, надо было самим пахать землю. Воровския, разбойничьи шайки грабили по Амуру, что попадалось (так, у Сорокиных было под началом человек триста головорезов). Русским приходилось вовсе плохо. Берега Шунгала опустели. Степанов рад был бросить Амур. Есть было почти нечего. Отсылая ясак с полусотней казаков, он писал, чтоб их ему не возвращали, потому что нечем кормить. Пришла из Москвы к Степанову милостивая грамота, но положение казаков не стало от этого лучше. Казаки, недовольные нуждой, стали не слушаться и разбегаться. Что было делать Онуфрию Степанову? Помощи ждать неоткуда. Царские переговоры с богдойским ханом ни к чему не привели. Ниже устья реки Шунгала 30 июня 1658 г. манджуры на сорока семи лодках окружили Степанова. Храбрости у казаков убыло: одни бежали, другие сдались, оставшиеся же двести семьдесят человек погибли вместе с самим Степановым без вести, вероятно, в жаркой схватке. Русские были разбиты, что называется, на голову. Из казаков, бывших у Степанова под началом, успели как-то спастись с небольшим двести человек. Соболиный ясак попал в руки богдоям — китайцам. Уцелевшие казаки разбрелись розно; некоторые из них попали в Якутск и Москву.

Амурския дела кончились несчастно, якутские походы не удались, и великая река после гибели Степанова была до времени оставлена. При тогдашних силах и тогдашнем порядке с китайцами тягаться нам было мудрено, хотя в Москве и не теряли надежды пробраться на Амур с верховья Шилки, где были поставлены русскими новые городки.

VIII. На реках Северо-Востока. Походы Бузы, Бугра, Катаева и Стадухина. Тимофей Булдаков на Ледовитом море

Меньше было помех казаками идти по северной окраине Сибири, и покорение, или, скорее, занятие земель шло там успешнее. На более плодородном юге, где население инородцев было гуще,

сильные соседи китайцы не дали русским людям ходу, и племена с *лучным боем* нашли, как нам известно, защиту у народа, который знал порох и пушки. Племенам, жившим около Байкальскаго озера (целое море сладкой воды; оно длиной шестьсот вёрст, ширины различной — от тридцати до восьмидесяти. В иных местах до восьмисот сажен глубины. Принимает несколько рек. Чистыя, прозрачныя воды его окружены красивыми горами) и по берегам Амура было всё-таки на кого надеяться в случае нужды, и вот почему на юге русским пришельцам с запада было труднее укрепиться, несмотря на то, что ратных и всяких людей было на нём больше, чем на противуположном конце Сибири. Хабаров не пошёл вниз по Амуру, говоря, что около устья вся даурская земля была *в скопе*; из чего видно, что даурцы, например, действовали при случае дружно, не врозь. Не то мы видим на северном поморье: там, по обширным равнинам и лесам *бродило* и *сидело* негустое, разбросанное населенье, между которым много было ссор и всякой розни из-за разных кормовых мест, жён и многаго другаго; больше было нужды.

Ещё Ермак умел пользоваться такими несогласиями. Сильных соседей у племён сибирскаго северо-востока, на подмогу которых можно бы разсчитывать, не было. Ледовитое море, на чей неумолчный шум сбегались с высоких южных хребтов широкия, многоводныя реки, давало береговым жителям корм, и только. Оно не выступало на смелых пришельцев из своих границ, перетирало плохия казацкия суда, лишь когда они сами забирались в его ледяныя владения. Спастись дикарям от русских с каждым годом становилось всё труднее, потому что казаки пробирались берегом всё дальше, переходили с одной реки на другую. Куда было уйти дикарю? На север — везде вода без конца, по которой не заносило к нему ни одного человека; на юг — там сильные люди с деревянными и каменными городами, оружием и всяким обзаведеньем, и чем дальше на юг, тем народ всё сильнее, поселен гуще. Опять же, кто захочет уйти от стараго промысла и обсиженных изстари мест?

Казаки теснили инородцев с каждым годом всё больше, ставя их в то невыгодное положение, в котором бывают весной зайцы, когда охотник прижмёт их в самый конец затопленной кругом *гривы* (высокое место на речном острове, редко затопляемое полою водой). Казацкая пищаль делала своё дело — покоряла дикарей под высокую руку царя, а дикари, видя свое безсилие, пускали в ход всё, что имеет под руками более слабый человек: и обман,

и убийства, и поджоги. В иных далёких краях необъятной Сибири, где русская жизнь только что начинала заводиться и была особенно малолюдна, жить приходилось постоянно настороже, начеку. Не платя до прихода казаков дани ни одному из более сильных народов, дикари северо-востока, заброшённые в далёкую глушь Сибири, сначала сопротивлялись, как и все, а потом понемногу теряли свою волю, вымирали, уступая свои места более сильному и способному племени. Подробнее об этом я поговорю после, когда речь пойдёт о том, что за народцы жили по лицу сибирской земли, а теперь буду разсказывать дальше, собственно про казацкие походы и открытия новых земель на северо-востоке.

Если на юге казакам было мудрено пробраться в иныя места по случаю более густаго и дружнаго населенья да сильнаго соседа, то на далёком севере, при русском малолюдье, были ещё страшные морозы с пронизывающим ветром, ничем не защищённыя, открытыя места, нужда в самом необходимом по случаю трудности подвоза, и частыя, как увидим, несчастия на неприветном море. Это — главное, остальное будет видно из разсказа.

Путь, как всякий казацкий путь, начался и лежал по рекам. Из них на северо-востоке главными были (считая вправо от Лены) Яна, Индигирка, Колыма и Анадырь. Знакомство с этими холодными местами началось почти в одно время с движением русских на реку Шилку и дальше.

В 1636 году был отправлен из Енисейска казачий десятник Елисей Буза с приказом осмотреть реки, текущия в Ледовитое море, и справить обычную казачью службу. С Бузой пошло всего десять человек, но после зимовки в Олекминском остроге (поставлен енисейскими казаками за год до этого, в 1635 году, на притоке Лены — Олекме) набралось промышленных людей до сорока, и полусотня русских двинулась дальше. Из этого видно, что путь Бузы лежал водой, по Лене. В тот же год вышел на северныя реки ещё другой отряд казаков под началом Ивана Посничка, другим путём, через горы, что были между Леной и Яной рекой; но мы на нём не остановимся, потому что о походе Посничка известно меньше.

В две недели Буза дошёл до западнаго устья Лены, а из него поплыл морем и через сутки был уже в устье Оленька, что течёт по левую сторону от Лены. По этой реке Буза стал подниматься *своею силой* и вернулся после перваго похода с небольшим ясаком в пять сороков, который собрал с живших по тем местам тунгузов. Прозимовав в инородческой стороне, Буза нашёл более короткую дорогу на Лену — не водой, а сухопутьем, что было

удобнее. Переход был каких-нибудь сто вёрст, не больше. Через два года (1638) Елисей (Елеса) Буза пустился водой на двух кочах проведывать новыя земли. От устья Оленька до того места, где Яна вливалась в море, шёл он при попутном ветре всего пятеро суток. От устья русские стали тянуться вверх, зная наперёд, что на большой пресной воде должны быть люди и промыслы. Три недели шёл Буза по Яне и опять вернулся с ясаком, напав на якутов, которые, надо думать, были здесь переселенцами с юга.

Третий поход Бузы был в следующем 1639 году. Из Якутска дана была ему наказная запись идти на Индигирку и искать новых людей. Поплыл Елисей Буза на четырёх кочах, которые выстроил на знакомой Яне, и по одному из ея рукавов вышел к *великому озеру*, которое узким протоком соединялось с морем. Здесь казаки встретили новых людей — юкагиров. Об этом народе шёл до того времени один слух. Буза их объясачил, причём напугал, говорят, немало своими лошадьми, которых северные дикари-юкагиры никогда не видали. В 1640 году было поставлено на Индигирке первое русское зимовье. С ясаком был послан в Якутск один из казаков, а сам Буза пробыл у юкагиров ещё около трёх лет и вернулся в воеводский город только в 1642 году (за год до похода Пояркова на Шилку). Он привёз с собой трёх юкагирских аманатов и такия вести: «Есть-де река именем Нерога, и прилегла она своею вершиной близко к Индигирке, с которой ходу до нея будет с неделю, коли на оленях ехать без вьюков. К вершине Яны та река Нерога тоже *прилегла*; от Янской вершины до нея ходу будет на оленях целый месяц. Пала Нерога устьем в море, и много в ней рыбы, которою тамошние люди и кормятся. Живут они на высоком речном юру, в землянках, все люди *пешие*; нет у них ни оленей, ни лошадей, зато много серебра. Руда серебряная, — доносил Буза, — лежит в горе, недалеко от моря, в утёсе, а повыше от устья, по реке, руды той немного».

Таков был прошедший между русскими слух о богатой руде, когда мехов стало перепадать меньше. Дорогой зверь оттеснялся человеком и вымирал, а Камчатка ещё не была открыта. Добыть серебряной руды казаки приложили бы всё старание, недаром писались якутскому воеводе Дмитрию Францбекову такия слова: «И тебе бы Дмитрию одноконечно государю службу и радение своё показать, про ту реку Нерогу проведывать *накрепко* у всех иноземцев, *всякими мерами*, впрямь и *заводом* (обманом), *из ума выводя* и *жесточью* распрашивать, есть ли такая река Нерога...» «И буде (если) на ней люди небольшие, и на милость Божью и на

государево счастье ныне надеясь, мочно над теми людьми *промыслить*, прося у Бога милости», — добавлялось к совету. Но никакой серебряной руды на Нероге казаки не нашли.

Уже несколько знакомый нам Василий Бугор, громивший брацких людей, тоже ходил с казаками на северо-восток для ясачнаго сбора. Любопытна причина, которая заставила его двинуться на поиски из Якутска. Из оставшейся челобитной, где Бугор с товарищами испрашивает у государя прощенье за самовольную отлучку из воеводскаго города, видно, что казаки терпели много и от воевод. Один из них сильно бил Василья Бугра за его челобитье о государевом хлебном жалованье, о крупах, толокне и *выворотe*. «*Терпели мы и от прежняго воеводы*, — писали казаки, — *терпели напрасно и кнут, и огонь, и всякий позор, наготу и голод*». У того воеводы, на котораго Василий Бугор подавал государю челобитную, батоги были, по описанию, в полтора аршина длины, а толщиной в ручной палец: «*Как учнёт кого бить батоги, без вины измещаючи сердце своё, и товарищи его учнут бить челом, и он пуще бьёт*».

Убоясь неправды и беды от характернаго воеводы, часто срывавшаго гнев и *измещавшаго сердце своё*, казаки ушли на реки Лену, Индигирку и Колыму, из которых последняя была открыта незадолго до этого Стадухиным. Ушли казаки, наскоро захватив мало одежонки и тёплой обувки, отчего сильно нахолодались дорогой и одного товарища покинули на Яне, потому что он изнобил себе ноги. На Индигирку перешёл Бугор нартами, и дорого обошлась беглым казакам путина. Подъём стоил каждому по тридцать рублей, а сколько ещё денег ушло на нарты да на собак, лыжи, собачий корм и порох со свинцом! Жаловались казаки и на своих товарищей, на тех, что очень солоно пришлись: так, какой-то Пашка Заварза всё озоровал, ссорился, хвалился смертным убойством, стрелял в казаков с берега, дрался и прочее. Добавлял Бугор в своей повинной отписи, что в сибирских городах нигде, с тех самых пор, как *Сибирь настала*, не было государю от казаков никакой измены, ничего *опрично службы и крови*. «Да и в нас, государь, — писали казаки, — тебе измены не будет».

В конце сороковых годов поднялись жившие между Яной и Индигиркой юкагиры. Для их усмирения был послан казак Вторка Катаев. Уцелело описание, как защищались северные дикари и как действовали русские. Всех изменников, по донесению Катаева, было человек с двести *больших* (взрослых) *мужиков*, да ещё были с ними малолетки, которые не умели стрелять из лука. Нашёл Вторка юкагиров, поднявшись по одной речке (Алазее),

что течёт в море между Индигиркой и Колымой. Жили юкагиры в острожке, который был довольно велик: *в обе стороны человеку добру* (сильному) *из лука стрелять можно.* В острожке этом собраны были и все оленьи стада — богатство тех мест. Казаки пришли под инородческую крепость и, прося у Бога милости, поставили свой острожек в сорока саженях от ихняго. Дело было зимой. Работы кончились поздно вечером, и уж на другое утро начали ставить русские другой острожек поближе, всего в двадцати саженях от юкагирскаго. Делалось это для того, чтобы, прикрываясь щитами, можно было подойти ближе к неприятелю.

Увидав приготовления казаков, юкагиры начали стрелять из пищалей и луков. Как видно, до них дошёл огненный бой казачьих ружей, несмотря на отданный до этого приказ не показывать инородцам огнестрельнаго снаряда и как из него стреляют — не толковать.

Казаки, поставив ближний острожек, стали бить в юкагиров сверху и переранили много оленей. Это так напугало дикарей, что они скоро бросили стрелять, видя, что им нельзя тягаться с русскими, которые из своих пищалей клали их наповал, в то время как их стрелы наносили нетяжёлыя раны, а то не вредили и вовсе. Юкагиры решили отсиживаться. В построенном наскоро острожке Вторка Катаев провёл с казаками ночь, а утром другаго дня приказал делать шесть больших щитов. Выкатили их казаки перед острожком и поставили вплоть к неприятельской загороди, так что юкагиры, увидав *над собой такую невзгоду*, что нельзя от русских отсидеться, начали из острожка кричать: «Не убивайте нас, мы станем вам ясак платить, дадим аманатов! Только соболей у нас теперь нет, потому что вас, казаков, боялись и на охоту не выходили!»

Юкагиры вставали не в первый раз. В 1645 году их поднял князёк Пелева с товарищами. Он убил русских служилых людей, *выхватил* аманатов, но был усмирён Гореловым и тем же Вторкой. Так укреплялись русские по берегам Яны и Индигирки. Река Колыма (Ковыма), лежащая подальше на восток, была открыта в 1645 году. Вот что сообщал увидавший её в первый раз Михалко Стадухин после двухлетняго на ней пребывания:

«Колыма река велика, с Лену будет (на самом деле Колыма течет всего полторы тысячи вёрст, а Лена больше четырёх тысяч), идёт в море, под тот же ветр, под восток и под север; живут по ней иноземцы колымские мужики, свой род (племя), *оленные и пешие сидячие многие люди*, и говорят на своём языке. Если по Колыме

плыть в море, то на левой руке будет остров; лежит он весь на виду, так что пади (глубокая долина, овраг), горы снежныя и ручьи *знатны все* (то есть видны все). Остров этот длинен, и зимой чукотский народ переезжает на него оленями в один день, и бьют на том острове морскаго зверя моржа, от котораго привозят головы со всеми зубами». Головам этим, сообщал Стадухин, они по-своему молятся; сам он у чюкчей моржоваго зуба не видал, а были люди, которые видели, что концы у чукотских санок из него поделаны. Узнал ещё воевода, что соболя у чукчей нет, потому что места студёныя, открытыя тундры, без сучочка; зато по Колыме в изобилии водится хороший чёрный соболь.

Стадухиным были поставлены на этой реке первое зимовье и острожек. Про остров, что против колымскаго устья, велено разведывать: нет ли зверя на нём какого; велено собирать моржовые клыки, что у зверя спереди торчат, и не брать, если клык меньше фунта вывесит. Через это открылся новый промысел. Михалко Стадухин доносил ещё, что по морским и речным берегам собирал он кость *рыбий зуб* (так назывались тогда по незнанию кости очень крупных зверей, из породы слонов, зверей, которые жили в этих местах многия тысячи лет назад и давно уже вымерли. Зовут их мамонтами. Рыбий зуб, выходит, всё одно, что слоновая кость, только долго лежавшая в земле) вместе с своими товарищами, и так много лежало ея на берегу, что можно бы этою костью несколько судов нагрузить. *Рыбий зуб* был недешёв: пять пудов тридцать три фунта стоили на тогдашния деньги двести двадцать шесть рублей. Звалась ещё эта кость *заморной костью.*

Путь с Лены к северо-восточным рекам был недолгий, зато трудный, и, может, с той поры, как казаки ознакомились с северным морем, чаще стала повторяться пословица: *«Кто на море не бывал, тот горя не видывал»*. Есть подробное описание путешествия и приключений одного казака, который вытерпел страшную *нужу* на Ледовитом море. Относится оно к началу второй половины семнадцатаго века, и речь о бедах ведётся в нём просто, как о деле обыкновенном. Случись теперь с кем-нибудь из мореплавателей такое несчастие, сколько было бы разговоров и описаний, похвал смелости и терпению, а тогда было меньше средств и больше переведок (распроведывания, узнавания нужного. — *Ред.*) с неприветною северной природой, и такия приключения, как следующее, считались заурядными.

В 1649 году послан был Тимофей Булдаков, служилый человек Якутскаго острога, на реку Колыму. С ним было несколько

человек казаков. В одно лето доехать до ленскаго устья ему не удалось: ветер стоял всё противный, вплоть до самых морозов. Зимнее время заставило Булдакова остановиться в Жиганске (теперь крошечный городок на левом берегу Лены, Якутской области. Жителей в нём всего двадцать человек, сам город безуездный), который лежал от Якутска на многия сотни вёрст. Прошла суровая северная зима с сорокаградусными морозами, и опять поплыл Тимофей Булдаков с казаками вниз по Лене. Река эта была не быстрая, по сторонам тянулись ровные, болотистые берега, и только 2 июня доплыли казаки до устья. Сильный ветер, дувший с моря (моряна), не пускал их дальше. Выстояли по милости *прижимных ветров* целый месяц. Как только задули попутные, *пособные ветры*, так Булдаков с товарищами побежал в открытое море и добежал до Омолоевой губы (речка Омолой впадает в Борхойскую губу Ледовитаго моря, между Леной и Яной, к югу от Янскаго залива).

В ней ожидала казаков первая беда: везде был лёд, и носило их на нём восемь дней морем, причём сильно поломало коч, прибив его под конец к берегу неизвестнаго острова. На морозе, при сильном леденящем ветре просекались казаки с *великою нужей* целых два дня. Остров лежал недалеко от устья Лены, и простоять пришлось около него с неделю: льды всё не пускали. Приведём для образчика Тимофеева описания несколько строк: «А в те поры тянули отдерные и прижимные ветры, и тот лёд, показалось, отнесло от земли прочь, и мы, Тимошка с служилыми людьми, у Бога милости учали прошать, побежали за Омолоеву губу, и в той губе набежали: лёд ходит большой и в том льду носило четыре дни, и мы с великою нужей из того льду выбивались и просекались назад день, потому что лёд впредь не пропустил, и от того льду бежали к устью Лене реке...» и т. д. В нём стояли кочи служилых, торговых и промышленных людей, которые были посланы из Ленскаго острога (Якутска) в прошлом ещё году. Кочей было восемь штук, они ждали попутнаго ветра, и когда задул *отдерный* (от земли), Тимофеев коч пошёл вместе с ними на море, опять на Омолоеву губу.

Шли между большими льдами *с великою нужей*, на силу продирались, а когда перебежали губу, проток, бывший между льдом и землёй, замёрз. Надо было опять просекаться. Общими силами удалось пробиться к земле, и шли казаки возле берега по заледью целые сутки *своею силой*. Подвигаясь протоком, встретили они русских людей, что шли с рек Колымы и Индигирки и везли

соболиную казну. Было у них четыре коча. До янскаго устья бежали казаки сутки, между льдами, *с великою нужей*, и когда пробежали янское устье, ветер переменился, стал прижимать кочи к земле, вовсе льдом задавил, притиснул к берегу. Долго пришлось в который уже раз пробиваться Тимофею Булдакову *с товарищи* сквозь лёд, идти около самаго берега до Святаго носа (выступающий в Ледовитое море узкий лоскут земли между реками Яной и Индигиркой. Вообще носом звался небольшой острый мыс), к которому стали выбираться в конце августа месяца.

От Святаго носа бежали сутки до Хромой губы, которая была покрыта льдами. Увидали смелые плаватели, что и *в море далече льды стоять большие*... Начались *ночемержи*, то есть вода, бывшая между обоими льдами, мёрзла, покрывалась тонкою ледяной корой. Подняв паруса на своих кочах, казаки прорезались сквозь неё, и много кое-чего тем тонким льдом потёрло и попортило у их посудин. Против устья реки Хромой (довольно значительная река между Яной и Индигиркой) море снова очистилось... Настала тёмная ночь, и на другое утро его затянуло льдом. Это немало удивило казаков, потому что до этого в тех местах ночемержей не было.

Делать было нечего. Кочи, числом пять, стали на протоке вместе. Глубина воды была сажень и рукой подать берег. Три дня простояли, не трогаясь с места, казацкия суда. Лёд тем временем успел сделаться толщиною в ладонь. «И хотели, — писал Булдаков, — волочиться на землю, на нартах, и в Семёнов день, волею Божиею, потянули ветры отдерные от земли, и нас со льдом вместе отнесло в море, и к земле прихватиться не можно, и несло нас со льдом в море пятеры сутки, и лёд на море остановился, и море стало и замёрзло одною ночью».

Дня через два лёд стал поднимать человека, и казаки пустились проведывать, в которой стороне земля. Начали, не боясь смерти, ходить по человеку, и по два, и по три. После розысков найден был коч служилаго человека Андрея Горелова. Булдаков не мог проехать до него на своём коче, и потому пришлось идти с торговыми и промышленными людьми по льду. Всех пешеходов было, считая с ним, десять человек. Спрашивали казаки, в которой стороне земля, и Андрей Горелов сказал на это, что *домечается он земли* под летом (на юг). Булдаков послал двух человек проведать, и те ходили целый день с утра до поздняго вечера *под лето*, а земли не нашли.

У Андрея Горелова оставлены были два человека с тем, чтобы сыскивали землю, Булдаков же сам воротился на государев коч

и стал делать нарты, чтобы свозить казну на берег. В небольшом караване из пяти кочей много было всяких людей, и Тимофей разспрашивал у *бывальцев* и у вождей, куда ему волочить государеву казну: на берег или к кочу Андрея Горелова. Казны было много: ружья, порох, хлеб и деньги на жалованье казакам. Люди, бывалые на море, сказали, что лучше волочить к гореловскому кочу, чем на землю, потому что тот коч к берегу ближе, стоит под лето, и ходу до него всего какой-нибудь день, а до земли отсюда Бог весть. В случае, если лёд разломает, говорили бывальцы, ни казаки, ни казна не пропадут. Кроме двух проведчиков, что были оставлены с Гореловым, послали со всех кочей ещё трёх человек искать землю.

После их ухода на утро следующаго дня казаки уложили казну на легкия санки вместе со своим борошном и только было расположились поесть на дорогу, как с моря, на грех, прибыла вода и стала ломать лёд, который был уже в пол-аршина толщиной... Понесло казака Булдакова с товарищами со льдом скорее, чем на парусах. Кочи переломало и носило по морю пять суток. Ветры после этого стихли, начались опять *ночемержи*, стало опять затягивать воду льдом. «Как только, — писал Тимофей Булдаков, — тонкий лёд стал подымать человека, мы с товарищами, не хотя напрасною смертью помереть, без дров и без харчей — с солёной морской воды перецынжали, а в море лёд ходит по водам без ветру и затирает заторы большие. Выносили мы запасы хлебные из кочей на лёд».

Призвал Булдаков торговых и промышленных людей с четырёх кочей и говорил им, чтоб они сволокли государеву казну на землю. Те отказались: *мы де и сами перепропали в конец и земли не ведаем, в которой стороне выпадем и на которое место, и будем ли живы или нет»*. Просили после торговые и промышленные люди сроку. В тот же день пришли они на коч, прося дать им государевой казны только по фунту на человека. Больше, говорили они, нести нам не под силу: не знаем сами, что впереди, будем ли живы. Перед этим служилые люди, которые были с Булдаковым, взяли каждый по три фунта на брата. Говорил Тимофей служилым людям, что государевой казны (пороху, свинцу и меди) осталось ещё на коче довольно, и наказал не покидать её. Отвечали ему на это служилые люди: *«Идём де мы другой год, и государево жалованье и харч дорогой съели, без дров и харча в море перецынжали, а прежде такою гнева Божия не бывало и не слыхали ни от кого из бывалых на море людей; в таком заносе и больше*

трёх фунтов государевой казны волочь нам не в мочь, потому что нарт и собак нет; далеко ли, близко ли земля — не знаем».

Сам Булдаков взял казны волочить полпуда, а коч государев оставил в море. Он был помят и поломан, якорь и паруса, вся судовая снасть, лодки и хлебные запасы, свинец, порох и товары остались на нём. Когда казаки пошли к земле, по морю заходили льды и стали ломать остальные кочи, разнося на себе казацкие запасы. «И мы, — писал Булдаков, — на нартах и верёвках друг друга перетаскивали и, идучи по льду, корм и одёжу дорогой пометали, а лодок не взяли от кочей, потому что, идучи морем, оцынжали, волочь не в мочь, на волю Божию пустились, а от кочей шли по льду до земли девять дней и, вышед на землю, поделали нартишка и лыжишка и шли до устья Индигирки к ясачному зимовью, к Уяндине-реке с великою нужей, холодны и голодны, наги и босы».

Дальше из донесения Тимофея Булдакова видно, как умели торговые люди пользоваться казацкою нуждой. Сказал Тимофею какой-то промышленный человек Хухарка, что торговец Стенька Ворыпаев, у котораго хлебных запасов было пудов пятьсот, муку до них, казаков, перепрятал и у иноземцев корм выкупил и соболей прежде государева ясака. Услыхал Ворыпаев видно от когонибудь, что казаки голодны. Служилые люди Булдакова просили Стеньку, чтоб он продал им муки в долг, по пять рублей за пуд, и *кабалы* на себя давали (когда человек, не имея чем заплатить другому человеку, делался из вольнаго подневольным, это называлось давать кабалы, закабалить себя. Службой давшему в долг платились проценты. Была кабала срочная и вечная). Ворыпаев не согласился. Давали служилые люди деньги, платье с себя скидали, весь свой *заводишко*, говорили, что согласны на какую хочет цену за пуд, он всё не давал, «хотел нас поморить голодною смертью», — писал Булдаков.

Муки больше ни у кого не было, рыбнаго корму тоже. Тимофей, видя близкую беду, послал к Стеньке пятидесятника, чтобы тот на самом деле не вздумал поморить с голоду государевых людей. Согласен был Булдаков дать за пуд муки десять рублей. Хоть «Стенька продал служилым пяти человекам, что со мною, Тимошкой, посланы были, но полтора пуда на человека муки, а взял за пуд пять рублей, а мне, Тимошке, не дал ни полупуда; и мы, Тимошка с служилыми людьми, жили на Индигирской реке до великаго поста и ели лиственничную кору (дерево это похоже на ель: на нём такия же темно-зелёныя иголки; но разница в том, что иголки эти на зиму опадают. Кедр и лиственница очень часто встречаются

в Сибири), и у промышленных людей, у кого выпрошаешь юколишка и рыбёнки небольшое место, и тем, живучи, питались».

У всех казаков была цинга и отняла последние силы. Великим постом послал Тимофей Булдаков с торговыми и промышленными людьми двух человек искать государев коч, казну и запасы, и велел, если сыщут, тащить их на землю общими силами, а когда пойдут торговые и промышленные люди на реку Колыму, то идти с ними, разложив казну по кочам. Сам Булдаков пошёл на Колыму через горы, нартами, и шёл до реки Алазейки (Алазея, река северо-восточной Сибири, течёт пятьсот шестьдесят вёрст по болотистой местности, глубока и богата рыбой. Впадает в Ледовитое море пятью устьями) целый месяц, питаясь в дороге корой, от чего чуть с казаками вместе с голоду не помер.

С Алазейки до Колымы шёл он ещё неделю и, придя в ясачное зимовье, принял его у боярскаго сына Василья Власьева вместе с аманатами и государевой казной и выдал служилым людям государево жалованье за прошлый (1650) год и вперёд за 1651-й.

Не одного Булдакова неприветно встречало Ледовитое море. О морской беде осталось ещё несколько донесений. Так, десятник Тархов около того же времени (в начале пятидесятых годов семнадцатаго века) доносил, что его море тоже не пропустило, потому что был ранний замороз, и сквозь льды нельзя было пройти. Тархова послали из Якутска в Индигирский острожек. Суда его все пропали на море, а служилые люди перехворали цингой и *поволоклися* подле моря искать индигирскаго устья, причём чуть все не померли с голоду. Гораздо позже, в 1668 году, Семён Сорокоумов с товарищами писал якутскому воеводе о своём плавании по Ледовитому морю от Колымы до Индигирки, как их затёрло в большие льды, и стоять пришлось в заторе шесть недель, потом бросили и коч, добрались с казной до лесов, где и поставили для нея амбар.

Долго ещё горький опыт не научил русских строить суда получше и не пускаться *на авось* в море. Всё время, пока они подвигались на северо-восток, ледяныя горы и волны не переставали при случае затирать и размётывать их плохия суда, топить людей и припасы.

IX. За Становым хребтом. Семён Дежнёв и Михайло Стадухин. На берегу Охотскаго моря

На восток от реки Колымы, далеко к северу, шёл длинный хребет Становых, или Яблоновых гор. Нам известно, что южные казаки переходили через него не раз, но чем дальше на север, тем

всё суровее погода, тем обнажённее каменныя горы... Кому охота идти в такия мёртвыя места, где, как говорится, «зверь не прорыскивал и птица не пролетывала?» Ходили слухи (говорили погромленные дикари), что не так далеко, за *Камнем*, есть река Анадырь, что подошла она близко к вершине Ануя, а река Ануй текла с того же Камня и сливалась в колымское широкое устье. Нашлись охотники искать новую захребетную реку, где люди жили и не знали про казаков и ясак. Охочих людей повёл Семён Мотора, но соперником ему явился уже знакомый нам Михалко Стадухин. Он стал тоже собираться на реку Анадырь. Ни Семёну Моторе, ни Михалке Стадухину не удалось, однако, открыть её, увидать в первый раз. В 1648 году открыл реку Анадырь казак Семён Дежнёв. Незадолго до этого ему с Никитой Семёновым и товарищами удалось взять в аманаты какого-то чукчу Ангара, который и разсказал про захребетную реку. Дежнёв поставил на Анадыре острожек, и это маленькое казачье поселенье стало до поры до времени самым крайним из русских владений на востоке: до Москвы было тысяч десять вёрст, либо больше.

Попал Семён Дежнёв на Анадырь случаем. 20 июня 1648 года разнесло его на море с купцом Федоткой без вести. Долго носило по морю смельчака, выплывшаго из устья Колымы за поисками новых землиц, носило после Покрова, по словам Дежнёва, *всюду неволей*, и выбросило на берег в передний конец, за Анадырь-реку.

Всех казаков в коче было двадцать пять человек. Пошли они в гору, не зная дороги, натерпелись холоду и голоду и оборвались все. Шёл Семён (Семейка) Дежнёв с товарищами до Анадыра ровно *десять недель*, и попали на реку около устья, недалеко от моря (перед этим ходили слухи о реке Погыче, и Анадырь принят был Дежнёвым за эту реку. Стадухин позже тоже искал Погычи, но без успеха). Хотели рыбы достать, да не могли, лесу тоже не было, а потому и разбрелись казаки с голоду врозь. Вверх по Анадыру пошло двенадцать человек; ходили они двадцать дён, никого не видали дорогою, даже троп никаких не нашли. Вернулись казаки, но, не дойдя за *три днища* до стана, *обночевались* и стали копать в снегу ямы. Промышленный человек Фомка Пермяк стал их уговаривать, чтобы не ночевали тут, потому что до стана не так далеко. Соблазнясь советом Фомки, пошёл с ним один промышленный человек, Сидорка, а остальные остались в пустыне, потому что были слабы и не могли с голоду шагу сделать. Фомке они наказали попросить у Дежнёва *постеленко спальное и парки* (сибирское платье из оленьих шкур, шерстью наружу) *худые*, да еды

какой-нибудь, чтобы можно было им добрести до стана. Фомка с Сидоркой дошли до Дежнёва и сказали ему о пропадающих казаках. Дежнёв, как сам говорит, отослал им своё последнее *постеленко и одеялишко*, но когда посланные пришли, казаков уже не было. Может статься, их успели за это время похоронить снежныя вьюги холодной Сибири.

Двинувшись в путь с остальною дюжиной, Семён Дежнёв повстречался на Анадыре с Семёном Моторой, который дошёл до *захребетной реки* сухим путём. Дежнёв и Мотора пошли вместе. Стадухин шёл позади, следом, и грабил тех дикарей, которые уже дали ясак Дежнёву. Из-за этого выходили у последняго со Стадухиным ссоры и ругань. Раз на глазах дикарей, сидевших в своём острожке, Семён Дежнёв говорил Михайле Стадухину, что он делает не *гораздо* (то есть неладно), без разбору грабит и побивает иноверцев. Стадухин отвечал, что иноверцы, которых он громил, люди не ясачные, непокорные, а если, говорил Стадухин, они ясачные, так иди и возьми с них ясак.

Дикари все сидели в острожке, не выходили к казакам. Дежнёв стал их звать, говорил, чтобы не боялись и давали ему меха. Когда один из дикарей согласился и начал передавать Дежнёву соболиныя шкурки, Михалко Стадухин, которому стало завидно, бросился на Дежнёва, вырвал у него ясак и стал бить по щекам. Не было покоя от жаднаго Стадухина. Быть Дежнёву вместе с таким человеком стало невтерпёж, и, укрываясь от его *изгони*, он ушёл с товарищами искать реку Пянжину (небольшая река, текущая к югу, в Пенжинскую губу Охотскаго моря, между Становым хребтом и Камчатскими горами). Три недели искал её, так и не нашёл. На Анадыре дюжина удальцов встретила анаульских людей, и завязался бой. У анаулей понасажены были на палках топоры и ножи; ранили они одного казака в лоб, другаго в переносицу, кого изранили на съёмном бою копьями... Всё-таки под конец Дежнёв отбился и взял с анаулей небольшой ясак.

Михайло Стадухин тем временем не оставлял его в покое. Это был просто разбойник, который прямо грабил, *перенимал* людей на дороге и захватывал, что попадалось: корм, оружие, платье и собак с нартами. Товарищи Дежнёва и так были голодны. Получше кормили только аманата, потому что боялись гнева государева, в случае, если помрёт, сами же питались корой кедровой да чем Бог пошлёт, а тут ещё нагрянул Стадухин и обобрал дежнёвцев дочиста, пограбя у них все запасы, с которыми они шли на подмогу казакам в ясачное зимовье.

Как видно, Дежнёв несколько раз бывал на море, и в те шесть лет, которыя он пробыл на Анадыре, занимаясь промыслом, часто бывал и по ту, и по другую сторону Камня. В эти шесть лет Семёну Дежнёву удалось перебывать в разных далёких местах. Так, рассказывал он после, что доходил до *Большого Носа* (нынешний северо-восточный мыс, вытянувшийся к соседнему Американскому материку. Дежнёва забросило в 1648 году именно в эти места), а Стадухин, который тоже говорил про него и похвалялся этим, не доходил. В подтверждение своих слов Семён Дежнёв прибавлял, что вышел Большой Нос далеко в море и против него есть острова, а на них *зубатые* люди, которых он сам видел. Прозваны они так за то, что продевают в нос два *немалых* костяных зуба (это своего рода украшенье у дикарей, как у нас серьги, кольца, бусы и прочее). А по дороге к Носу, говорил Дежнёв, живут чукчи и коряки. Последних он даже *громил* с дюжиной своих товарищей. Сидели коряки в крепком острожке из четырнадцати юрт, а в каждой юрте семей десять. Был бой. Казаки шли на лучников, не боясь: искусство было на их стороне. «*Пашку*, — писал Дежнёв, — *ранили из лука, а Пашка убил мужика из пищали в висок*».

Из отрывочных донесений Семёна Дежнёва, причём наверное не известно даже, в какое время где он был, видно, что широкий пролив, отделяющий Сибирь от недавней Русской Америки, был открыт им. Лет восемьдесят спустя учёный путешественник Беринг, родом датчанин, искал на далёком севере пролива между Азиатским и Американским материками. Поиски удались: он нашёл его, и пролив окрестили его именем. Разница между сказанными двумя открытиями та, что Дежнёв даже и не думал, что открыл что-нибудь важное, потому что и не знал, есть ли какая-нибудь Америка или нет; Беринг же на самом деле открыл, а не *наткнулся*, потому что *искал*, пользуясь при этом разными знаниями.

Дежнёв завёл речь о своих мытарствах около Большаго Носа, потому что Стадухин уж очень хвастал, выдавал себя за бывальца.

Что за река была Анадырь, по соседству с которой был уж не конец ли полнообширной сибирской земли? По описанию того времени, она была не лесна, и соболей по ней немного; с вершины — небольшой листвяк, днищей на шесть либо на семь, и никакого чёрнаго лесу, кроме берёзы да осины. Есть ещё кое-где тальник, *а лесу от берегов не широко*, — всё тундра да камень. Много бед и лишений избыли служилые и промышленные люди на этой далёкой реке. При недостатке припасов занять даже было не у кого, потому что кругом не было ни одного *заводнаго* человека. Хлеба

не было вовсе, и ждать нечего: приходилось перебиваться рыбным кормом, опуская в реку *пущальницы* с крутых каменистых берегов. «Подняться, — жаловались служилые и промышленные люди, — с государевой казной не чем, потому что *голодны*, *кормом нужны, едим заморную рыбу кету*» (рыба из семейства лососей, вроде пеструшки-форели. Ея много в Охотском море). Из Якутска послан был на открытую Семёном Дежнёвым Анадырь-реку стрелецкий сотник. Позже Стадухин доносил о той же реке, что он ходил на море с Юшкой Селиверстовым, что был у коряцких людей, обходился без хлеба и чуть с товарищами не помер. С великою нужей достали казаки лесу для судов, *с боем и за кровью*. Как пошли с Анадыра морем, видели довольно *нужы и бедности*; от иноземцев много приняли ран и смертнаго убойства, а от моря приняли много потопу.

Все казаки, заходившие на северо-восток Сибири, собирали на берегу моржовую кость. Так, Дежнёв промышлял четыре раза и видел в анадырьском устье много моржей, на целую версту, да в гору сажен на сорок. Промышляли и Василий Бугор, и Юшка Селиверстов, каждый на своей *корге* (корга, или карга — береговая каменистая россыпь, отмель). Юшка, отписывая о моржовом промысле, говорит, что *упромышлял* на корге пятьдесят пудов моржоваго зуба. Дежнёв, по словам Юшки, не пускал его на свою коргу собирать заморныя кости. По отзыву Селиверстова, река Анадырь — *нужная* река, и рыбы *кеты* на ней много. Идёт эта рыба из моря вверх и назад не ворочается; телом худа, не жирна, а на каждаго человека, чтобы ловить её, надо *пущальниц* десять.

Почти во всяком донесении казаки на что-нибудь жаловались: либо на недостачу, либо на безпорядок. Жаловался под конец и Юшка Селиверстов на какого-то Данилу Филиппова. «Охочий служилый человек, Данило Филиппов, — писал он, — пришёл в приказ и стал меня, Юшку, бранить и за бороду драть, и половину бороды выдрал, и к дверям меня за бороду сволок...» и т. д. Такия жалобы были тогда зауряд.

Спустимся теперь на юг от Анадыря вдоль той захребетной стороны, которая тянется узкою полосой по берегу Охотскаго моря, где сбегает в него много быстрых небольших потоков. Здесь русские долго не могли укрепиться. В начале второй половины шестисотых годов Иван Афанасьев с товарищами брал Охоту (движение русских к Охоте началось около сороковых годов семнадцатаго века, в одно время с движением на юге к Байкалу и Амуру) *за большим боем*. Тунгузов было больше тысячи человек, а казаков

всего пятьдесят четыре! Тунгузы да якуты, жившие по соседству с ними, то и дело вставали на русских, чаще всё из-за того, что сибирская управа и порядки были дурны, а Москва, из которой шли указы о людском обращении с иноземцами, была за тридевять земель (Сибирь была из таких мест, про которыя говорит известная русская пословица: до Бога высоко, до царя далеко). Да будь она и ближе, трудно было бы всё-таки что-нибудь поделать там, где на первом месте была корысть и нажива, покорявшия самыя глухия места далёкаго востока. Недаром же, как мы видели, наказывалось какому-нибудь десятнику с целовальником и служилым людям *не корыстоваться* государевыми соболями и мягкою рухлядью. Значит, был грех. «Ну, казной корыстоваться, — думали в Сибири, — грешно и страшно, а от нехристя отчего же не попользоваться?» И брали втрое.

Когда дикарей так теснили, они поднимались, примеры чего мы видели прежде и ещё увидим впереди.

Такими же притеснениями казаков недовольны были и на речке Охоте, а так как русских людей была на ней какая-нибудь горсть, то нападения дикарей становились всё чаще и смелее. Приведём несколько донесений из тех мест. Они любопытны ещё и потому, что нередко в них кое-что объясняется о тогдашней жизни и сибирских порядках.

Служилый человек Семён Епишев доносил о том, как он принял Охотский острожек в своё ведение и как действовал против иноверцев — *ламутов* (от слова лама — вода, то есть люди, жившие возле воды, приводимые). Писал Епишев, что вышел с Лены на знакомую уже казакам захребетную речку Улью; что Улья — речка быстрая и *убойных* мест на ней много. Плавать трудно, зато коротка очень: в один день можно до моря доплыть. Не раз бросало казаков на камень, а их было немало, и особенно страшен был *Большой боец*, около котораго разбило одного служилаго человека. Епишев вышел в море устьем Ульи и поплыл на Охотуреку, что была севернее. Говорил Сенька поднявшимся иноверцам, чтоб они *дурость свою покинули*, что иначе будет плохо. В те далёкия, тёмныя времена им в Сибири на самом деле приходилось дорого расплачиваться за свои *скопы* и поднятия, которыя Сенька называл *дуростью*.

Телесное наказание и пытка, из которых последней теперь нет и в помине, а первое оставлено только для некоторых случаев, были в семнадцатом веке в полном ходу. Поднимавшихся дикарей вешали, пытали, жгли и засекали. Тёмное допетровское время

клало на всё свой грубый оттенок. Из тогдашних дел видно, что особенно сильно поплатились за своё поднятие якуты (в сороковых годах). Ревностным исполнителем воеводских приказов, которые шли часто вразрез с указами царя: *поступать лаской, а не жесточью* и не теснить ясачных людей, — мы видим знакомаго казака Василья Пояркова. Известно, что позволял он себе делать с земляками, так была ли у него жалость к иноземцам?

Но пора вернуться к Епишеву. Он, справившись с тунгузами, погромив их, взял ясырю семнадцать баб да одного парнишку (дети ценились при продаже дешевле баб: за них давали три-четыре рубля), кроме разных вещей. Дальше сообщал о распорядках в Охотском острожке и о казачьей управе, или, скорее, самоуправстве. Оказывается, что аманатов держали в такой угарной и крошечной *казёнке* (тюрьма, клетушка), что их зачастую вытаскивали оттуда *заумертв*; а известно, что аманатов (лучших людей из туземцев) берегли, и поэтому нетрудно догадаться, что у самих казаков жильё было если и не хуже, то и не лучше аманатской казёнки. В Охотском острожке была во многом нужда и недостача. Надобились мелочи разныя: замок с пробоем на амбар, железо, бумага, *одекуй* (бисер) для подарков и торгу. Перечислял Епишев, сколько убыло людей: кто убит, *кто собой помер.* Из домашних дел доносилось о своевольстве казаков, которые его (Епишева) не слушались и хотели посадить в воду. Между собой служилые люди тоже не ладили: вымогали друг у друга нажитое добро, дрались. Одного служилаго человека били товарищи с утра до полудня палкой по ногам. Другаго хотели за что-то *разорвать* (такая казнь была у русских в употреблении с очень давних пор. Ещё и теперь сохранилась угроза: «Я бы его по ноге растащил»).

Бежали раз другие служилые люди с устья Охоты на *Мотыхлей*-реку морем, подле берега, на парусах, и бежали целые сутки до моржоваго мыса. *«На том на моржовом мысу,* — говорили казаки, — *версты на две и больше зверя моржу лежит на берегу добре много».* На Мотыхлее-реке, куда они шли, били тунгузы пришельцев украдом, всячески старались поджечь зимовье. Бились с ними казаки и после боя забрали много тунгузскаго оружия и снаряда: сорок луков, четыре рогатины, двадцать четыре *откаса*, десять костяных куяков да семнадцать шишаков, тоже костяных, шестьдесят пять лыж, десять костяных крюков с двумя железными баграми зимовье разволакивать. Один из аманатов, доносили казаки, *видя над нами милость Божью, что роду его, тунгузов, много побито,* в казёнке сидя, *с сердца умер*, а другой аманат тоже

умер, сидя в казёнке, *с сердца на спину накололся.* Жаловались русские, что им от иноземцев житья нет, что очень иноземцы жестоки, и просили государя пожаловать чем-нибудь за службу, за кровь и за раны.

На Охоте казакам жить было *не в силу*, потому что ламуты то и дело сговаривались выгнать их, а ратных людей в острожке было немного. Каким-нибудь двум десяткам случалось отбиваться и отсиживаться за стенами чуть не от всего племени. В 1654 году ламутам удалось сжечь Охотское укрепление дотла, так что новые, высланные из Якутска, люди должны были выстроить новое жильё на безпокойном восточном побережье. В 1665 году один важный тунгуз, Зелемей, объявил начальнику Охотскаго острога, что пришли не ясачные люди, и ясачных *в шатость призывают.* Ему поверили, и выслано было из-за стен пятьдесят казаков звать в острог не ясачных людей лаской, а не *жесточью.* Казаков Зелемей с товарищами подстерег и убил на дороге. После стал подучать своих земляков подняться на русских. «Чего вы смотрите? — говорил он им. — Перебьём всех казаков на Охоте, а после того и на других реках и станем платить небольшую дань *богдоям* (китайцам). Давно ждут к себе казаки больших людей в подмогу, да вот всё нейдут они, а если что, так мы заляжем на дороге и их перебьём. Ведите с казаками дела, как я веду, и вам будет ладно».

Тунгузы не решались напасть на острог, потому что в нём были их аманаты. Как-то удалось казакам захватить несколько человек и допросить, и разсказали пойманные, что замышляли их земляки. Пущин, начальник острога, велел поправить ветхое Охотское укрепление и поставить на стене для страха *деревянную* пушку (других не было). Дело кончилось на этот раз мирно; только для страха же повесили нескольких тунгузов. В семидесятых годах тунгузы воровски перебили ясачных сборщиков. Оправдывали они себя тем, что побили их по случаю сильных обид и налогов Юрья Крыжановскаго, прикащика Охотскаго острожка. Брал у них Юрий соболей и оленей силой и плевал им в глаза, говоря, что мало носят, выискивал самых малых ребят и требовал с них ясак...

Собралось восемь человек тунгузов: Годниканко да Некрунко с братьями Бешкой да Лидуткой, да Конашанко с сыном, да Ивганко, да Оладьица, и пришли они все ночью к Охотскому острожку, крадучись. Была на одном казачьем дворе баба ясырка (Марфуткой звали). Увели её тунгузы вместе с другой наёмной девкой-землячкой, и спрашивал Некрунко, сколько в остроге казаков. Разсказала баба, что здоровых немного: всего десятка с два.

Есть увечные, слепые да кривые и хворые — такие, что и из пищали выстрелить не могут. Пошёл Некрунко на острожек Охотский всем родом и Зелемейко с ним, и много других князьков-родовичей. Пришли иноверцы под острог в куяках и шишаках, в *нарышнях* и со щитами. Было это дело 7 января, на заре. Увидали русские, как они обходили казачьи дворы, стоявшие за острогом, и выслали к ним толмача, а с толмачом шесть казаков, на разговор.

Перекликался толмач с Зелемейкой: «Что вас больно много пришло? Зачем вокруг острога стали?» Звал толмач Зелемея в острог, к казакам. «Не пойду, — отвечал Зелемей. — А зачем мы под вас пришли — сами узнаете».

Тем временем тунгузы крались берегом, хотели вышедшим из острога казакам дорогу отрезать, но те успели вернуться за частокол. Начался приступ, и тунгузы обсадили двор Юрия Крыжановскаго, выбили у избы окна и огонь развели под стеной, зашли в казачьи дворы и начали из них стрелять по острогу из луков, и *стрел на острог полетело со всех сторон, что комаров.* Юрий стал кричать, просить выручки. Вышли казаки в бой и *отшатили* тунгузов с немалым трудом.

Рассерженные дикари везде караулили казаков: на дорогах и в лесу, на промыслах и около зимовых изб. Хотели тунгузы дощаники все пожечь и по одиноким ясачным зимовьям перебить всех служилых людей. Долго сидели русские в Охотском острожке в осаде и страхе; и день, и ночь караулили и на башнях, и на стенах, не ходили ни по дрова, ни по рыбу, потому что людей было мало, а запасу и того меньше. Убив какого-нибудь казака, тунгузы и другие иноверцы радовались и всячески издевались над трупом. Пониже юрты одного из тунгузов подняли тело казака-толмача. Убит он был по приказу Некрунки. «Если ты, — грозил он тунгузу, — не убьёшь его, так я тебе обрежу нос и губы, а то и вовсе убью самого!» Колотили тунгузы раненаго толмача палками, ремень на шею накинули и додавили, вдоволь наругавшись. Часто находили русские мёртвыя тела своих товарищей. Тела эти были нередко страшно изуродованы, и в донесении говорилось, что такому-то казаку *грудь спороли, сердце выпяли*, или *ругались; руки обсекли и брюхо пороли, горло перерезали, глаза выкопали.* Так мстили сибирские дикари.

Перебираясь от устья одной речки до устья другой (путь берегом был труднее), казаки всё больше и больше знакомились с *захребетною* стороной Восточной Сибири, на краю которой надвигался и расходился этот хребет к морю, образуя другой *Каменный Пояс*,

далеко длиннее покинутаго казаками Урала. *Чертежи*-описания всех речек и потоков, сбегавших по крутым склонам в Охотское море, кроме Анадыра с притоками, ушедшаго на север, составлялись *землепроходцами* старательно. Кроме описания дороги попадались в описях и другия подробности. Вот небольшой отрывок из одной: *«И от той речки идти возле утёса день своею силой, а каменю тому имя Евакин, а конец того камени у губы, а в губу пала речка Шелкапта, и от той неподалеку другая речка имя Маша, а от той речки моржевый мыс виден и до того мыса идти день своею силой, имя тому мысу Мотосу, и на том мысу моржи ложатся и становье есть. Пройдя моржевый мыс — губа не велика, а от той губы идти до речки Петушковой полдня. На устье той речки стоит островок каменный, а на том островке плодятся петушки морские* (так зовутся турухтаны, небольшия птицы из той породы, про которую есть русская поговорка: кулик — у него нос велик. Отличка турухтана-самца — грива из перьев около шеи), *имя той речки Укал, и рыба в ту речку лазит с моря, а от той речки до реки Томляки с день ходу, парусом тихий понос*; *а от той речки идти день до речки Шукилкан, а рыба в ту реку лазит, а от той речки идти день возле озера, край моря, и озеро велико, и рыба в нём есть, а спит та рыба в озере свився, что змея»* и т. д.

Ещё около сорокового года семнадцатаго века русские увидали на востоке край Сибири и взглянули на Охотское море, но на юг от Анадырскаго острога, по доходившим давно слухам, тянулось много земли, не на одну сотню вёрст. Лишь под исход шестисотых годов была открыта, как увидим, эта новая сторона.

X. Владимир Васильев Атласов и Данило Анцыфоров

В числе бедных крестьянских семей, которых нужда заставила переселиться за Уральския горы, была и семья Атласовых. До этого Атласовы проживали в Устюге, но, видно, заработки были плохие, и потому в известиях о сыне Василья Атласова Владимире сказано прямо, что они выехали в Сибирь *«от скудости»*. Когда семья переселилась на новыя места, Владимиру было ещё немного лет. Свои молодые годы он прокочевал по Восточной Сибири, перебывал во многих ленских городах, потом записался в якутские казаки и начал справлять государеву службу.

Переходя до этого из города в город, молодой Атласов искал такой работы, которая была бы прибыльнее. Сибирскому взросло-

му поселенцу не приходилось, как в сказках говорится, *«от дела лытать»*, ведь не одна добрая воля поднимала в Сибирь со стараго дедовскаго места.

На службе Атласову посчастливилось дойти до звания пятидесятника, а в 1695 году его послали из Якутска в Анадырский захребетный край прикащиком тамошняго глухаго острога. Пославший его воевода (Арсеньев) отрядил с ним тринадцать казаков и наказал собирать старательно ясак с живущих по тем местам коряков и юкагиров, разведывать о соседях, и ежели услышит про кого, идти покорять. Весной 1695 года выступили из Якутска четырнадцать служилых людей. Леса, болота да камень — вот что вперемежку виднелось по сторонам и под ногами во всю долгую дорогу. Целых пятнадцать недель шёл Атласов до Анадырскаго острога. Пробирались и пешком, и на лошадях, и на оленях, а то и водой сплывали, где надо. Когда лето пошло на исход, кончилась трудная путина.

Усердно стал выполнять Атласов данные воеводой наказы. Может статься, много помогло этому его прежняя бродячая жизнь, нужда, которую он терпел с детства, и долгое исканье подходящаго дела. Жить прикащиком в далёком остроге было выгодно, а под боком ещё, слышно, не открытая, незнаемая земля. Можно, выходит, и царю, и себе порадеть. Очутясь с горстью подручных людей на самом краю Северо-Восточной Сибири, Владимир Атласов стал полным господином, потому что Якутск был далеко, а Москва ещё дальше. На первых порах он начал собирать вести и слухи от коряков и юкагиров, которые бродили здесь со своими стадами оленей, о том, есть ли на самом деле поблизости к югу большая и богатая мехами сторона.

Слухи о ней ходили давно, и пошли в первый раз от смелаго бывальца Семёна Дежнёва. Ещё в 1654 году услыхал, говорят, он от какой-то бабы-ясырки, что неподалеку от Колымы лежит богатая земля Камчатка, что много в ней соболей и рыбы всякой. От того же Дежнёва слышали, что первому удалось побывать в ней гостю Федоту Алексееву. Его занесло сильною бурей на незнакомый берег, а плыл, по слухам, Федот на семи кочах из устья реки Колымы. Суда покидали, и привелось зазимовать на неизвестной земле. Нужные припасы нежданные гости отнимали у коряков силой, а ружейным боем навели на них такой страх, что дикари долгое время боялись подойти к *огненными* людям. На грех, между русскими вышла из-за чего-то драка, и один человек был убит. Коряки были сильно удивлены: они до этого верили, что люди,

закинутые бурей, безсмертны, потому что стрела и копьё не могли с ними ничего сделать, теперь же эта вера рушилась. Смерть одного из русских порушила судьбу остальных. Федот Алексеев сложил свою голову недалеко от речки Тагили, его люди были все перерезаны коряками.

До Якутска верные слухи о Камчатской земле дошли только в 1690 году, в то время, когда на русском престоле сидел молодой царь Пётр, а пять лет спустя дела Северо-Востока перешли, как нам известно, на руки казаку Атласову.

Старые слухи о Камчатке подтвердились новыми слухами, и Владимир Васильев, не мешкая, отправил разузнавать о ней Луку Морозко с пятнадцатью служилыми людьми. Морозко зашёл с товарищами дальше, чем было наказано, побывал на реке Тагили и взял ясак с одного коряцкаго острожка. До реки Камчатки оставалось всего каких-нибудь четыре дня пути, но Морозко не пошёл вперёд, а вернулся к Атласову с приятными вестями, ясаком и какой-то непонятною бумагой, которая вся была исписана не нашими словами. Бумага эта была взята вместе с другим добром в объясаченном острожке. По сердцу были Атласову принесённыя вести. Впереди виделась уже богатая нажива, новый край, полным господином котораго будет опять-таки не кто другой, как он, *Володимер Отласов* (так писалось в то время его имя). Лука Морозко, думалось ему, с горстью людей и то зашёл далеко, а если взять людей побольше, тогда наверняка можно будет пройти всем краем и покорить его. И вот весной следующаго (1697) года Атласов собрал сто двадцать человек, из которых половина была из русских, а половина из юкагиров, и выступил из Анадырскаго острога.

Скоро после этого имя Атласова сделалось известным. Дела пошли успешно: три коряцких селенья выплатили ясак без боя; одни камчадалы заупрямились и стали биться с русскими, причём Атласов потерял пять человек, но битву выиграл. В память этой первой кровавой встречи с туземцами Владимир Васильев поставил высокий деревянный крест, на котором были, говорят, написаны такия слова: *«7205-й год от сотворения мира, или 1697 год по Рож. Христовом, июля 15-го дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Отласов с товарищи 55 человек»*.

Дорога, которою шли казаки, была гористая, на юг уходил покрытый лесами каменный хребет, и неизвестно, далеко ли шёл; по ту и по другую сторону неширокой полосы сибирской земли разстилалось море. От речки Канучи, около которой поставлен был деревянный крест (теперь от него, понятное дело, и следов никаких

нет), Атласов велел двинуться двум отрядам. Горы, что шли серединой, не позволяли видеть того, что за ними, и одна часть служилых людей пошла с Морозкой вдоль берега Восточнаго моря, а другую повёл сам Атласов берегом Пенжинскаго (залив Охотскаго моря, в который течёт река Пенжина).

Он со своим отрядом чуть не попал в большую беду: юкагиры, бывшие с ним, взбунтовались и неожиданно бросились резать казаков. Убить им удалось только троих, а ранить человек пятнадцать, в том числе и Атласова. Справившись с изменниками-юкагирами, русские, не убоясь убыли, пошли дальше к югу. На реке Тагили Морозко и Атласов встретились, потому что река эта пробивалась между горами от востока к западу, и по ней-то сплыли казаки к своим товарищам. Отсюда оба отряда пошли вместе. По всей дороге Атласов собирал ясак и дошёл до самой крайней из западных речек Камчатки — Озерной. Недалеко было то место, где кончался Серединный хребет и пускал от себя в море широкий и плоский мыс — Лопатку, конец Камчатскаго полуострова. Море шумело и направо, и налево, и впереди. На обратном пути в одном камчадальском поселенье на речке Иче захвачен был какой-то чужеземец. Разсказывал он, что два года назад выкинула его в эти места буря; что до этого жил он в прекрасной и плодородной земле *Узакинской* (Японской). Чужеземец был у камчадалов ясырем. Атласов взял его и повёз с собой, называя *«полонянином Узакинского государства»*. На реке Камчатке русские заложили острожек, назвали его Верхне-Камчатским и оставили в нём пятнадцать казаков. Дело закрепления земли шло своим обычным порядком. Участь оставшихся была, однако, не из весёлых: туземцы стали так безпокоить этих новых поселенцев, что те решили бежать и бросить всё. Разбежавшись в разныя стороны, казаки попали, что называется, из огня да в полымя, и все до одного были перебиты озлобленными коряками. Атласов видел, что малым числом людей Камчатку удержать невмочь.

Прошло четыре года с тех пор, как Владимир Васильев Атласов ступил на эту новую землю. Оставив в Анадырском остроге двадцать восемь человек, он летом, в июле месяце 1700 года прибыл в Якутск доложить о покорении Камчатки и богатствах этого края. Край мог приносить новые доходы казне, да и холодов в нём таких не было, как где-нибудь около Якутска, на Лене, а это дело не последней важности.

Атласов был отправлен с добытою казной в Москву, куда и приехал на следующий год. В русской столице много было разных

приказов (приказы можно сравнить с теперешними министерствами: один приказ ведал военныя дела, другой сношения с иностранными государствами, третий — дворцовые и тому подобныя дела), в том числе и сибирския дела. В него-то должен был Атласов сдать собранный по Камчатке ясак. «В *Сибирском приказе объявил* (говорится про него в тогдашних бумагах) *камчатскаго ясака не малое число*». Было восемьдесят чёрных соболей, семь лоскутьев бобровых, семьдесят лис-сиводушек, сто одна красная да парка соболиная. Милостиво приняли Атласова и пожаловали в казацкие головы. Отпустили с ним из Москвы ратных людей; даны пушки с пищалями, несколько пудов свинцу да зелья. В Тобольске обещали запасу прибавить, а под начало Атласову, покорителю Камчатки, дать тридцать боярских детей и барабанщика с сиповщиком (трубачом).

До сих пор речь шла о подвигах и походах устюжанина Атласова, о том, как он справлял государеву службу, но в дороге случилось с ним одно произшествие, которое может объяснить и многое другое. Так как нет прямых известий о том, что за человек был Владимир Васильев до приезда в Москву, и мы ничего об этом не говорили, то всё, что будет сейчас разсказано, пожалуй, покажется странным. Человек ведь не может же сделать что-нибудь неподходящее своему характеру, *так, ни с того, ни с сего.* Дело в том, что, идучи на судах по реке Тунгузке, Атласов *разбил* (ограбил) дощаник гостя Логина Добрынина, нагруженный китайским товаром. Сделал это Атласов *«по духу храбрости своей»*. Прикащик гостя подал на него челобитную в Якутск, и Владимира Васильева с главными заводчиками (числом десять человек) посадили в тюрьму, где и пришлось ему, говорят, высидеть лет пять. Если Атласов не задумался разбить судно богатаго русскаго гостя, то можно сказать наверняка, что во время своих камчатских походов он удачнее обделывал свои дела и вёл себя, если не хуже, так и не лучше. Бояться, я говорил, было некого. Пять лет просидеть в тюрьме — не шутка, и не дай Бог попасть туда неповинному человеку: мало ли чему он там научится, да чего наглядится, ведь в остроге всякий люд сидит. Про Атласова же совсем другая речь. Долгое сиденье в четырёх стенах под стражей и тоска по воле — всё это могло его только озлобить: портить было нечего. В 1706 году выпустили Атласова, и опять по-старому назначили прикащиком в Камчатку, помня его распорядительность и управу. Дано ему было немалое число служилых людей, две медных пушки и приказано при нужде казнить инородцев смертью, а подначальных за провинности бить батога-

ми и даже кнутом (жестокое телесное наказание, отменённое лет тридцать назад). Дана была, одним словом, над служилыми полная власть. На Атласова надеялись, что он заслужит свой прежний разбой новыми удачными походами, наказывали ему *оказать крайнюю ревность* в отыскании земель и людей, не чинить последним обид и налогов, не быть жестоким, если можно чтонибудь сделать лаской, и прочее. За жестокое обращение грозили даже Атласову казнью: посылавшие, видно, знали про его характер; может быть, получали уже на него и жалобы. В Камчатке ничего, почитай, не было устроено, камчадалы поднимались то и дело. Надо было послать туда человека строгаго, котораго бы боялись, а для этого, видно, лучше Атласова не нашли.

Без него за пять лет много переменилось в покинутой стороне: сменилось немало прикащиков, немало легло и служилых казаков. Туземцы, особливо коряки, убивали которых по дорогам, которых по острожкам. Так, на Бобровом море убит был ясачный сборщик и бывшие с ним пять человек. Были случаи и в других местах. Уйти русским из Камчатки было трудно, опасно: кругом чужой народ, а камчадалы давно решили избавиться от них, думая, что пришлые люди — не больше как беглые, и что их мало. На каждом шагу надо было остерегаться, как бы врасплох не напали да не перерезали. Заселенье и закрепа Камчатки шли туго, хоть и вырастали кое-где по речкам казачьи зимовья. Русским удалось раз пробраться и на Курильские острова, что длинною полосой тянутся на юг от камчатской Лопатки вплоть до Японских островов. Десятка два курильцев выплатили ясак, а остальные разбежались. Прочнаго в этом ясаке ничего не было, а было пока одно удальство — и только. В таком положении должен был Атласов принять камчатския дела.

Ещё не успел, однако, доехать он до Анадырскаго острога, как почти все служилые, над которыми дана ему была такая власть, подали на него челобитныя в Якутск и в них жаловались на безвинные побои и разныя обиды. Челобитныя эти не помешали Атласову доехать до Камчатки в 1707 году и принять два тамошних острога — Верхнекамчатск и Нижнекамчатск. Пора было *усмирять* непокорных туземцев, и в августе, через какой-нибудь месяц после прибытия в Камчатку, Атласов послал к Бобровому морю казака Таратина с семьюдесятью товарищами, а князьку одному (Каначе) пригрозил, что и на него немедля пошлёт другой отряд.

У Авачинской губы (залив на восточной стороне Камчатскаго полуострова) встретил Таратин — кто говорит тысячу, а кто и больше —

камчадалов. Русских они хотели захватить живьём и припасли на этот случай немало крепких ремней. Сошлись с ними казаки на реке Большой, хотели в их лодки сесть и уплыть, да не успели. Камчадалы поджидали на берегу, в лесу, кинулись из своей засады, и начался бой. Долго бились. Таратин потерял шесть человек, а всё-таки одолел, полонил трёх важных людей и выкупу взял за них десять соболей, четыре лисы да бобров девятнадцать штук. За первым отрядом Атласов выслал другой, на Каначу. Князёк этот успел приготовиться, зная атласовския угрозы, и собрать камчадалов. Казаки отступили, потеряв в бою трёх товарищей. Между тем, Атласов не переменил своего жестокаго обращения со служилыми людьми. За непомерную строгость и зверскую жестокость его ненавидели.

Следовало быть на самом деле страшным человеком, чтобы так долго держать в руках таких людей, какими были казаки. Но всему есть мера. В конце 1707 года у Атласова была отнята власть. Казаки не хотели слушаться, схватили своего прежняго прикащика и посадили в *казёнку*, а после этого отобрали всё добро, сказав, что берут его в государеву казну. Добра у Атласова, по описи, было много: 1 235 соболей, 400 красных лис, 14 сиводушек да 75 бобров морских (один из очень пушистых, дорогих зверьков Северо-Восточной Сибири. И соболь, и бобр часто поминаются в русских песнях и русской речи. «Поймал бобра!» — говорят в насмешку тому, кто ошибся и заместо хорошаго взял дурное). В Якутск послали служилые люди новую челобитную. Писали они в ней, что Атласов не давал им есть, что выпустил раз аманатов из корысти, отчего у туземцев *шатость учинилась*, что колол палашом безо всякой вины служилаго человека Данилу Беляева, а когда казаки сказали ему: «Наказывай нас по царёву указу», — Атласов говорил, что государь ему в вину не поставит, даже если б он их и всех переколол.

Обвиняли ещё Атласова в том, что он, желая отомстить казакам, подговорил на них камчадалов, которым сказал, что русские перебить их хотят, а жён с детьми и всяким добром между себя поделить.

После этого, писали казаки, собралось много камчадалов, устигли они наших в тесном месте и троих убили. Жалобам конца не было: всё, что накопилось за несколько лет, всё вышло наружу. Если верить только половине того, в чём обвинялся Атласов, так и того довольно, чтобы сказать, каков это был человек.

Писали в челобитных, что Атласов извёл на себя (растратил) подарочную якутскую казну, так что бисера с оловом осталось у него на

Камчатке не больше полупуда, а медь на винокуренную посуду переделал, да ещё будто у новокрещенаго камчадала вымучил чёрнобурую лису, что была в казну припасена. В чём только не винили: и в крупном воровстве, и в жестокости, и мелкой краже.

Плохо ли стерегли Атласова приставленные люди, либо имел он приятелей, которые ему порадели, только Атласов из тюрьмы бежал. Укрылся он в Нижнекамчатском остроге, где жил без дела, потому что не смог получить в свои руки прежнюю власть. Тем временем до Якутска дошли и были прочитаны первыя челобитныя казаков, посланныя из-под Анадырьскаго острога. Обо всём было донесено в Москву, а в Камчатку послан на место Атласова сын боярский Чириков. Ему поручили произвести следствие. С Чириковым шло пятьдесят *рядовых*, один пятидесятник и четыре десятника. В отряде было две пушки, сотня ядер, пять пудов свинцу да пороху восемь пудов. Не успел прибыть Чириков и начать розыски и следствие по другим челобитным, как из Якутска пришёл ещё новый прикащик — пятидесятник Миронов и с ним сорок человек.

Всё это только подзадоривало казаков. Они видели, что в Якутске побаивались, а настоящаго дела не делали. Начались убийства, разбои, всякое буйство. Миронов, приехавший в 1709 году, был зарезан в январе 1711 года, а Чирикову велено готовиться к смертному часу. Казацкая сила после долгаго подневольнаго житья при Атласове кутила и бушевала без удержу.

К Владимиру Васильеву, который, как ни старался воротить власть, но не мог и проживал в Нижнекамчатске, не забыли отрядить несколько человек. Люди эти стали в полуверсте от острога, *в прикрытие*, чтобы не видно было; выбрали троих посмелее и послали с ними письмо Атласову. Велено было его убить сейчас же, как только письмо развернёт и станет читать. Знали казаки, что дело придётся иметь с сильным и отчаянным человеком, потому и дело так осторожно, с оглядкой, вели.

Посланные, говорят, застали Атласова дома. Он спал. Письмо не пригодилось, и Владимир Васильев был зарезан сонный. Такое известие находим в одной из рукописей того времени. В том же году утопили Чирикова. Это было в марте, а в апреле казаки показали в Якутск на себя сами, не помянув, однако, об убийстве Атласова, из чего можно думать, что он умер в Камчатке своею смертью.

Главными зачинщиками были двое: Анцыфоров и Козыревский. Первый сделан был атаманом казацкой шайки, а второй — есаулом. Прежде всего, Данило Анцыфоров разграбил всё, что было у Атласова,

и поделился с товарищами, которых было семьдесят пять головорезов, готовых на всё. У собравшейся шайки была своя казацкая управа и своё знамя.

По Данилину приказу заковали и утопили Чирикова в Верхнекамчатске и пограбили все тамошние припасы и снасти; по его же приказу послана была в Якутск казацкая повинная. Камчадалы всё ещё стояли за свою волю, и Анцыфоров двинулся на Большую реку громить их. На ней он засел в одном из туземных острогов. Его окружила целая толпа дикарей, были тут и камчадалы, и курильцы. В конце мая месяца Анцыфоров сделал вылазку и для страха пустил в густую толпу несколько винтовочных пуль. Многие упали от этих выстрелов, и русские, увидав, что неприятель дрогнул, кинулись в копья, чем и решили дело в свою пользу.

Покоренье Камчатки пошло успешнее: скоро дорога была расчищена вплоть до Курильских островов, Большерецкие остроги покорены, самый ближний к Камчатке остров объясачен. В то время как казаки управлялись по-своему и занимались грабежом, из Якутска приехал новый начальник Василий Щепеткий. Он ничего ещё не знал о злой участи бывших до него прикащиков и принялся старательно собирать ясак по реке Камчатке. Анцыфорова в этих местах уже не было: он тем временем тоже ясак собирал в Большерецке. Собравши ясак, он с большою толпой казаков привёз его к Щепеткову, из удальства. Взять Анцыфорова и посадить в казёнку было нельзя — охрана хороша, так что Щепеткий казну принял и оставил Данилу сборщиком по-прежнему.

На обратном пути в Большерецк Анцыфорову удалось ещё покорить камчадалов, живших по Пенжинскому морю. Наступил 1712 год. В феврале месяце атаман с двадцатью пятью казаками пошёл за сбором в Авачу, где камчадалы приняли его очень хорошо, как почётнаго гостя. Для Анцыфорова с товарищами был отведён, как разсказывают, особый большой балаган с подъёмными дверями. Камчадалы-авачинцы надарили подарков, обещаясь платить ясак, и дали лучших аманатов...

Всё это был один обман, отместка за старое. На другую ночь подожгли балаган, и Анцыфоров с казаками и аманатами умер страшною смертью. Аманаты горели и кричали своим, что скованы, что выйти им нельзя, но что пусть их жгут, только бы искоренить злых казаков. Вот до чего не любили камчадалы русских пришельцев. Зачинщиков бунта ждала казнь, и оставишиеся в живых после авачинскаго пожара поплатились, кто головой, а кто спиной. Бывший есаул Анцыфорова Козыревский побывал в сле-

дующем (1713) году на двух Курильских островах и проведал о Японском царстве. Кроме небольшаго ясака, он привёз известия, что на самые дальние из них приезжают торговые люди из города Мацмая и продают железо, чугунные котлы, деревянную лаковую посуду, сабли да материи разныя, бумажныя и шёлковыя.

Нескоро ещё успели завести в Камчатке порядок и твёрдую управу: своевольничали казаки, поднимались не раз камчадалы, а прикащики, которых высылали туда, только наживались. Дошло известие о богатстве одного из них, по которому оказывается, что у него (Петриловскаго), кроме собольих и лисьих шуб, было одной рухляди больше ста сорока сороков (5 600) соболей, 2 000 лис, 207 бобров и 169 выдр (хищный зверёк из одной семьи с хорьком. Он хорошо плавает, потому что лапы у него, как у утки, с перепонками; питается он рыбой. Мех выдры подделывают под бобровый). В короткое время своего прикащичества он успел награбить больше того, что было собрано в Камчатке в два года. Прикащики менялись в ней каждый год, и чтобы так нажиться, надо было просто разбойничать, несмотря на богатство края, который всё-таки давал хорошие доходы казне. Не попусту сложилась в то время поговорка, что *на Камчатке можно семь лет прожить, что ни сделаешь, а семь лет прожить — кому Бог велит.* Край лежал *за горами,* а известно, что за горами, то далеко. Длинный Яблоновый хребет отрезывал Камчатку от остальной Сибири точно так же, как Уральския горы отделяли Сибирь от коренной Руси.

От начала покорения далёкаго востока донским казаком Васильем Тимофеевым и до конца этого долгаго пути через Сибирь, при Атласове, прошло далеко больше ста лет. За это время многое переменилось в Русском царстве. Молодой Пётр, глядя на Запад, перестраивал, почитай, всё съизнова, а далёкая покорённая Сибирь, доживавшая долго старую, допетровскую жизнь, раскрыла новыя богатства в горах, которыя дали нам средства завести много хорошаго. (Почин разработке руд Восточной России положили Демидовы, из которых старший, Никита, был при Петре кузнецом в Туле. Сын его Акинфий, кроме разработки железа на Урале, занимался добыванием меди в Алтайских горах, на юге Сибири, и нашёл в них серебро.)

XI. В поисках за добычей

Рука об руку со службой шёл в сибирской земле и звериный промысел. В то время как служилые люди шли по рекам да тащились волоками, ища встречи с новыми местами и людьми, промысловые

забирались в частые леса следить дорогаго зверя. Казак брал с собой кремневое, *огненное* ружьё; зверолов шёл с луком, с тенетами, рыл ямы, ставил западни. Больше всего охотился он на соболей, потому что мех был ценный, много давали за него по ту сторону Уральскаго хребта, и зверьков этих, особливо сначала, было с избытком, так что слух прошёл в Московскую Русь, будто в Сибири бабы их коромыслами бьют.

Пушных богатств доставало и казне, и инородцам, и поселенцам с Руси. Охотники оттесняли зверя всё дальше и дальше на восток, в самыя глухия места. Не щадили его, как увидим, ни туземцы, ни пришлые люди. Там, где сибирский дикарь уходил живым, покорялся, платясь только добытым на охоте, пушной зверь платился жизнью и тёплым мехом, который шёл в Русь согревать достаточных людей в лютые морозы.

Я говорил прежде, что промышленники нередко прокладывали первыя тропы, указывали дорогу царским служилым людям, потому-то, разсказывая о русских *землепроходцах*, молчать о них не след. Есть и ещё причина: уходя надолго из дома, промышленники жили особой, лесною жизнью. Жизнь эта была схожа с инородческою, полукочевою, была близка к природе, о которой мы ещё так мало говорили.

Я поведу теперь речь о соболином промысле как самом прибыльном и значительном. К тому же о нём дошло довольно много известий, больше, чем о других. Много было соболей по Лене и ея притокам Олекме, Витиму и другим. Дальше будет говориться о витимских промыслах лет за сто пятьдесят либо больше назад.

Август месяц на исходе. С десяток крытых лодок (каючков) стоит на воде у одного из немногих витимских поселений. Артель звероловов-промышленников, человек в тридцать, толпится на берегу, собираясь грузить в эти лодки нужные припасы. Каждую из них строили сообща трое либо четверо промышленников, потому что так меньше траты, выгоднее. Набольшим *передовщиком* выбран старый промышленник-бывалец, котораго все должны слушаться, и им решено подняться бичевой по Витиму до того места, где в него слева падает речка Мама, а Мамой идти тоже вверх до *Большаго порога*, где можно найти соболей.

В старые годы, лет триста назад, много было соболей в Большом бору, около устья реки Олекмы, так что место это получило после прозванье *Богатаго наволока*. Позже, когда по Сибири стал селиться народ, завелись избы да острожки, соболя пришлось искать далеко от жилья, в глуши, и такия места стали в Сибири на ред-

кость. За соболем ходили промышленники либо сами, либо посылали наёмщиков. Одни из них, как мы уже знаем, прозывались *покрученниками*, другие — *полужинщиками*. Первые получали от хозяина все нужные припасы, которые должны были после возвратить ему вместе с третью того, что добыли на промысле. Съестные припасы в счёт не шли, и хозяин не мог их требовать назад. Вторые делили добычу пополам с хозяином и по тому самому звались *полужинщиками* (*ужина* — часть добычи). Получали они в зиму пять-шесть рублей и заготовляли всё сами, на свой счёт.

В крытые каючки идёт довольно грузу: всякий человек кладёт в него на свою долю тридцать пудов ржаной муки, чтобы хватило на зиму, пудовой мешок соли да фунтов десять крупы. Остаётся только сложить нужныя снасти да звероловные припасы, кликнуть собак — и всё готово. С молитвой выплывают промышленники на середину реки и не одну неделю поднимаются они Витимом и Мамой, натирая плечи, с протяжным бурлацким припевом. Вспоминаются им поневоле розсказни старых дедов о том, как прежде соболей чуть не руками ловили, когда зверь не так боялся человека, не так далеко уходил от него. К вечеру промышленники делают привал, разводят огни на берегу и варят жиденькую кашицу, греются да разсказывают о прошлогодней ужине, толкуют о бывальщине и небывальщине. Только теперь около огня да за работой и греться: осень холодная, с ветрами, а тёплаго меховаго платья промышленники с собой не берут — тяжело очень.

Вот уж и до *Большаго порога* недалеко. Передовщик делает последний привал и выбирает место для постройки зимовья, если не случится стараго. Октябрь на дворе, промышленники принимаются за привычную работу: рубят матёрый лес, ставят просторную избу, смазывают из глины печь. О чистоте не заботятся, было бы только где погреться до зимы. Мешки, обмёты для соболей, у кого есть ружья, всё выбирается из лодок и вносится в зимовую избу. В ней артель звероловов проживёт до той поры, когда выпадут большие снега, а реки покроются льдом. Передовщику много тоже работы: он разбивает всю артель на части (*чунницы*), для каждой указывает вожака и говорит, куда какой чуннице надо идти. У промышленников уж так заведено: сколько бы человек ни было, хоть десять, хоть шесть, все должны разделиться на части и идти в разныя стороны, какия укажут. Получив наказ и зная, по какой дороге придётся рубить станы, всякая чунница копает на ней ямы для съестных припасов. Делают это, опасаясь чужаго человека, *нехристя*, либо зверя. В яму кладут по три мешка

съестнаго на каждых двух человек. Чтобы не терпеть какой нужды на промысле, роют яму от ямы недалеко. Случится, что выйдет один запас, так другой под руками.

Одним хлебом сыт не будешь, пустая кашица надоест, и вот передовщик разсылает людей промышлять себе еды: зверя какого-нибудь, либо крупную птицу. Реки ещё не стали, так можно и рыбой поживиться. Осень проходит в охоте на простых, недорогих зверей, больше из-за мяса, в уженье рыбы да ловле глухарей. Нароют ям, прикроют их сверху хворостом да землёй, глядь, кто-нибудь и ввалится: либо лось, либо медведь; на птиц, есть и такие, что идут с ружьями. Одна беда — ружья больно тяжелы: таскать неохота, а идти с ними далеко на промысел нечего и думать. Лук сподручнее для промышленника.

«Что-то даст первый день охоты, кого-то перваго встретят?» — думают звероловы, расходясь из зимовья. У каждаго своя примета, свои надежды. Один только что вышел, сбил стрелой белку с высокаго дерева — хороший знак, примечают звероловы. Стало быть, не с пустыми руками домой вернёмся. Убить с перваго раза тетерева либо горностая считается за худую примету.

Наконец выпал и снег, за ним — ещё. На реке показались большия закраины льда. Пора идти в лес с собаками и сетями, ловить по пороше мелких лесных зверей. А у передовщиков другая забота: надо понаделать много нарт, лыж, *уледов*. Они остаются для этого в зимовье и мастерят всё нужное для промысла. К вечеру каждый что-нибудь несёт с охоты, и розсказням про лесныя встречи да случаи конца нет. Прошла ещё неделя, и лёд заковал реки; нарты с лыжами готовы в путь. Главный передовщик кличет всю артель в избу. После молитвы каждая чунница идёт в указанную сторону. Передовщики высылаются днём раньше, потому что где промыслу быть, там надо *рубить стан*. Отпуская их из зимовья, главный передовщик строго наказывает рубить первый стан во имя церквей, которыя скажет: Николы там, либо Спаса, либо Вознесенья, а другие станы велит рубить во имя святых, тех самых, чьи образа из дома взяты. Тот соболь, что попадёт в кулему церковнаго стана, метится и идёт на церковь, а другие идут тем, на чью икону стан рублен.

Главный передовщик велит своим подручным смотреть за чунницами в оба, чтобы промысел шёл правдой, утайки бы какой не было, чтобы ничего тайком не ели и зря не называли. Змею и ворона с кошкой настоящим именем называть не велит, а надо звать: змею — *худой*, ворона — *верховым,* а кошку — *запеченкой*. Таков

обычай. (Церковь у прежних промышленников звалась *островерхой*, баба — *шелухой*, *белоголовкой*, девка — *простыгой*, конь — *долюхвостым*, корова — *рыкушей*, овца — *тонконогой*, *свинья — низкоядкой*, петух — *голоногим* и прочее. Был особый промысловый язык, который со временем понемногу забывался.) Не станешь этого исполнять, думают промышленники, и зверь не будет ловиться, потому соболь хитёр: сейчас узнает, коли кто из них сфальшил. Уж он этого так не оставит, а возьмёт да и перепортит всё в *кулеме* (западня на соболей, в которой чутко настороженное бревешко придавливает зверька, польстившегося на положенную вкусную наживу), наругается над виноватым, и наживу, что в ней для приманки положена, съест да и уйдёт. После виноватаго накажет передовщик: не зови зверя не показанными словами, а зови всякую вещь как надо. Наказанье за это всё одно, что за воровство, потому что от таких непорядков, говорят старые промышленники, всему промыслу порча бывает. Чуннице наказывается доглядывать и за передовщиками. Всякий, отправляясь на промысел, знает, что расправа, в случае, ежели провинится, будет в зимовой избе, и что от набольшаго ничего не утаишь.

По намеченным путям тянутся промышленники в разныя стороны. На них уж не та одёжа, что осенью: снега в лесах большие, глубокие, снег тяжело насел по деревьям, гнёт к земле здоровые лесные сучья, так в простом кафтане идти не рука. На каждом надет суконный наплечник (*лузан*), под кафтан натянуты тёплые нарукавники из овчины (*налокотники*), поверх рукавиц — овчинная опушка, и всё для того, чтобы снег не мешал и для тепла. Через плечо перекинута ременная лямка от нарты, в руках большая заострённая палка (*лыпа*), без нея тоже нельзя. На конце палки приделан коровий рог, а сверху она пошире — лопаточкой; и то, и другое сделано не зря. Не раз придётся промышленнику идти по льду, а об лёд простая деревянная палка скоро бы раскололась, коровьим же рогом можно упереться, он надёжнее. Закруглённая лопатка на другом конце — тоже нужна в дороге: ею ловко сгребать снег возле поставленных *кулём*, ловко на привале кидать его в котёл, чтобы после сварить на снеговой воде немудрящую похлебку, — другой воды негде достать.

Длинную нарту тащит промышленник либо сам, либо собак впрягает. На нарте немало поклажи: волочить её иной раз по цельному глубокому снегу нелегко. Впереди обыкновенно лежит котёл, в нём лежит чашка с ручкой (в этой чашке промышленники валяют колобки, она же идёт им и вместо ковша). Позади

кормильца-котла привязан мешок муки, пуда в четыре, возле стоит *бурня* (широкий и низенький бурак из бересты), лежат разныя наживы для зверей: фунтов десять рыбы какой-нибудь либо мяса, стоит квашня с хлебом, а позади всего положен лук с *сайдаком* (во что стрелы кладут). В бурню кладут гущу для печенья хлебов, а на гущу наливается *наквáса*. Для этого всыпают в котёл муки, разводят немного водой, ставят на огонь, чтобы мука разсолодела, потом всё это кипятят и, когда уварится, вливают в бурню, на гущу. Это самое любимое кушанье промышленников, и на промысле его крепко берегут, стараются, чтобы не скоро вышло. Немало умирает промышленников, когда приходится есть пресные хлебы. Квас делают из той же наквасы, разбавляя её водой.

Тяжёлыя ружья оставлены в зимовье за неудобством. Сверху нарта прикрыта постелью, да где-нибудь сбоку сунут тут же мешок с разною мелочью, без которой в дороге не обойдёшься. Всё это крепко перекручено здоровыми верёвками.

Все чунницы разошлись; пора и набольшему передовщику подниматься с места. Дойдя до стана, чунница первым делом ставит шалаш, обсыпает его весь снегом, чтобы теплее спать было, а наутро расходится по окрестным речкам и падям, чтобы ставить *ухожья* (места, где ставятся кулёмы на соболей. Полное *ухожье* равняется восьмидесяти кулёмам). Чтобы в лесу не заплутаться, тешут по старому сибирскому обычаю деревья с одной стороны, начиная от зимовья. Ухожья идут ставить, так тоже лес тешут, и по этим заметкам назад к стану идут. Тем временем чунничные передовщики выбирают место для другаго стана. Нарт у них нет, идут порожние, и так каждый день, пока не срубят все станы. Надо сначала все кулемы разставить, а потом можно и со стана сниматься, до этого же никак нельзя.

Ставят кулемы, понятное дело, в таких местах, где надеются соболя найти, а те места, где его мало водится, минуют. У промышленников давно замечено, что чем выше по реке поднимешься, тем и соболи лучше; а к устьям всегда хуже. В хвойных лесах хорошаго соболя не ищи, а ищи его в лиственных либо в смешанных. Зверёк этот забивается в дупла, под корни деревьев, роёт норы, всё одно как наш крот. Кормится соболь мелкой и крупною птицей, любит и ягоды, особливо рябину, которой много по сибирским лесам. Полдня соболь лежит в своей норе, а другую половину дня корма ищет. Выходит кормиться он мышами, зайцами и мелкими птицами; попадётся тяжёлый глухарь — и тот не уйдёт от хищнаго зверка с тёмным пушистым мехом; выдастся урожай на

ягоды, он пообчистит и их. Летом в соболе проку нет, всё равно, что в нашем зайце: шкурка у него линяет и не годится в дело.

Вот уж срубили десять станов, возле каждаго стана понаставили кулем, и передовщик посылает половину своих людей отрывать закопанные припасы, а сам идёт дальше. С пустыми нартами промышленники идут скоро: проходят несколько станов в день. Придя к яме, всякий берёт на свою долю по шести пудов ржаной муки да фунтов десять наживы, кладёт всё это на нарту и торопится догнать передовщика. На каждом стану надо осмотреть ухожья, нет ли чего в них. Случается, что снег занесёт, и места не знаешь, тогда обметать приходится всякую кулему. Глядь — кое в которых и соболя придавило. Надо поскорее шкурку снять, а то, пожалуй, сильно замёрзнет, и тогда возни много оттаивать, шкурку с мёрзлаго соболя не снимешь. Пока она не снята, промышленники не оценивают мех и не дуют на него. Снимать — у них дело не пустяшное. Делом этим занят передовщик (отряженный с ним чунничник), а остальные сидят кругом и молчат. Делать что-нибудь в это время считается за проступок. Всё время ни слова, только смотрят, чтобы на спицах не висело чего: это у них дурной знак. Когда снимут шкурку, тогда ценят и соболя, смотрят, каков мех, много ли за него дадут. Мясо не бросают сейчас, а сначала окуривают сухим хворостом, обходя три раза кругом, потом зарывают в снег.

С пойманною добычей трогаются промышленники назад, к своим. Места частенько бывают небезопасны: по лесам бродят тунгузы, которым нетрудно ограбить какую-нибудь горсть людей. Надо постараться так запрятать добычу, чтоб её не нашли и не отняли. Для этого случая промышленники срубают высокий пенёк, выдалбливают его, и в надколотое сырое дерево защемляют собольи шкурки; после чего концы отрубка засыпают снегом и обливают для скрепы водой. Много иной раз раскидывается таких отрубков возле стана, и только на обратном пути чунничники забирают их с собой в зимовье.

Первая половина, посланная за припасами, вернулась. Чунничный передовщик отсылает другую половину, а сам опять подвигается вперёд и разставляет кулёмы на соболей. Как на грех, вышел весь печёный хлеб — главная еда промысловых людей, но правду говорит русская пословица, что нужда научит всему, и вот где-нибудь на полянке, возле леса, на скорую руку устраивается печь. Разгребают двухаршинный снег до самой земли и делают под. Величиной он будет в квадратную сажень и устраивается очень

просто: на сруб в четыре бревна насыплют земли, а по углам забьют низенькие *подъюрлочники* (столбики). Дрова под руками; на земляной насыпи можно в несколько минут развести целый костёр, чтобы под хорошенько накалился, нагорел. Смолистыя дрова горят скоро, жару много. Угли выгребают в снег, выметают под начисто помелом и на раскалённое дно земляной печи сажают хлебы. Только что же это будет за хлеб: снизу поджаренный, а сверху сырой? Ведь всё тепло уходит в небо, у такой печки нет ни заслонки, ни трубы... Чтобы поправить эту беду, на столбики кладут жерди, а на них горячия головни, отчего верхняя корка поджаривается — и дело сделано.

Бывает так, что соболь не идёт в ловушку, тогда его обмётывают сетями (*обмётами*). С этим, пожалуй, больше хлопот, чем с кулемой. Надо искать следов и по ним добираться до норы. Соболь живёт не в одних дуплах да под корнями, забивается он также и в разсыпчатые каменные холмы (*оранцы*), которых много по югу Сибири. Как только промышленник видит, что соболиный след пропал у каменистой розсыпи, сейчас берёт обмёт и растягивает его вокруг того места. Соболь тут, ему некуда деться, потому-то промышленник с собакой садится немного повыше и раскладывает огонёк. Случается ему сидеть так дня два, три, а соболь всё не показывается. Зато как выбежит из норы, так и запутается в обмёте; сверху напустится собака и задавит, либо сам охотник руками схватит. Как только зазвенят привязанные к сети бубенцы, значит, зверь попал. Бросается соболь и к охотнику, вверх — тут ему легче уйти, и уж как после тот клянёт себя, упустив дорогаго зверька!

Не знает соболь, куда скрыться от человека: забивается под коренья, залезает на вершину дерева. В первом случае дерево у корней обметывают сетью, а во втором — стреляют соболя из лука. Ежели заберётся он так высоко, что и глазом трудно взять, то дерево подрубают, а где оно вершиной должно упасть, там раскидывают обмёт. Вернулась к передовщику и другая половина чунницы. Оставшиеся с ним отсылаются *по размётам*; они должны дойти до зимовья, взять оттуда съестных припасов и идти назад к передовщику с товарищами, *размётывая* их по малости в показанных местах, чтобы, идя с промысла всею чунницей, голоду не натерпеться. Посланные, отправляясь из зимовья с запасами, оставляют их на каждом десятом стану, осматривают кулемы и с пустыми нартами ворочаются к передовщику. Вся чунница поднимается с места, но которая выходит раньше, а которая позже.

Всё тянется к зимовью. Все ухожья старательно осматриваются; кулемы забивают наглухо, чтобы летом в них соболь не попадал, и собирают отрубки со шкурками.

На промысле не все дни в работе. Праздники справляются как надо, только посланные за припасами не имеют на это досуга, потому что должны торопиться.

Вот уж и вся артель собралась в зимовье под одну крышу. Чунничные передовщики говорят набольшему, кто в чём провинился, кто ослушался приказаний, показывают, каких зверей изловила такая-то чунница и помногу ли на каждую пришлось соболей. Идёт разбор делу. На промысле ведь всякое случается: кто-нибудь возьмёт да украдёт у другаго, либо что утаит. Передовщик говорит обо всём главному, а главный наказывает разно: либо к столбу велит поставить, либо одною гущей кормить. Первое наказанье всех хуже — позора много: всякому велят кланяться, виниться и говорить: «Простите, молодёжь!» Иной стоит у столба уж не молодой — стыдно. Тех, которые украли, самих обирают и отобранные пожитки делят между товарищами.

Перед весной живут промышленники в зимовье и выделывают добытыя шкурки. Ждут, не дождутся, когда вскроются реки и стает снег. Но вот уж апрель, речку взломало, лёд шумит и трётся о берега. Ещё неделя — и лодки можно спустить: прочистило. Весело, с песнями, плывут промышленники домой из Мамы в Витим, где греблей, а где и парусом. Дома, на месте, сбывают соболей и делят вырученныя за них деньги.

Так вёлся в старину соболиный промысел по ленским притокам и в других местах Сибири русскими промышленниками, а до их прихода охотился на пушнаго зверя только дикарь-туземец. Чего много, того часто не жалеют, и не мудрено, что соболь чуть не с каждым годом всё дорожал. Труднее и труднее становилось кормиться пришлым людям от одного промысла и приходилось искать подспорья в чём-либо другом. Из разсказа о Хабарове видно, что достаточные переселенцы не находили выгодным посылать одних покрученников в богатые зверем леса. Они обрабатывали ещё землю, на которой мог получиться недурной урожай. Первые пришельцы в Сибирь об этом и не думали, они разсчитывали, что тёплых мехов про всех хватит, и без всякой пощады собирали по Сибири то, что такой щедрою рукой давала тамошняя природа. Прошло со времён Хабарова сто лет, и изловить десяток соболей где-нибудь между Леной и Енисеем стало считаться за удачную ужину, а позже — за редкость.

В казну стали доставлять меньше сороков, а прежния дорогия шубы и шапки на казаках стали переводиться. Богатства сибирских гор, заросших лесом (тайгой), открылись в самую пору, и рабочим рукам задана была новая, трудная работа.

Счастие туземца-дикаря и казака-завоевателя прямо зависело в то время от того, сколько они могли добыть от окружающей их природы. Туземец десятком шкурок мог купить себе свободу, выплатить ясак, а пришлый русский человек — разжиться на новой, мало початой земле, найти новыя занятия. С Руси в Сибирь загоняли тоже всё больше неурожайные годы, либо недостаток работы, и люди шли в эту чужую, далёкую сторону, надеясь на богатый улов да на урожай. Мы знаем, что переселялись на юг Сибири всё больше из нынешних северных губерний, где была частая недостача в хлебе, а промыслов было немного.

Заканчивая разсказы о русских землепроходцах, нам пора побеседовать о прочитанном. Невелика беда, что придётся не раз припоминать зады, зато у нас будет случай узнать немало новаго и полезнаго, то есть такого, что если не сейчас, так после может пригодиться.

XII. Природа и человек. Беседа о прочитанном

Взглянем сначала на местность и природу сибирской земли, а потом перейдём к ея человеку и побеседуем о разсказанном.

Сибирь, как это видно при первом взгляде на карту, лежит между двумя частями света (обитаемых частей света теперь пять: Европа, Азия, Африка, Америка, северная и южная, и Австралия. Мы, русские, занимаем весь восток первой из этих частей света, больше, чем половину Европы). От Европы на западе она отделяется горами, от Америки, что лежит на восток, — морским проливом. Сама она составляет северную половину обширнейшей части света, Азии, и имеет вид громадной низменности, идущей на пять тысяч вёрст в длину да далеко за две в ширину. Низменность эта поката к северу, где лежит Ледовитое море, и её можно разделить на две неравныя доли, из которых западная совершенно ровна и должна быть названа низменностью в полном смысле этого слова, а восточная прорезана отрогами невысоких гор и рядами холмов. Горы обступают Сибирь с запада, юга и востока, и только между концом западнаго хребта и началом южной цепи лежат широкия степныя места. Чем дальше на северо-восток, тем горы всё больше ветвятся и теснятся к морю, идут мимо него цельной камен-

ною стеной, уходят одним концом на юг, в Камчатку, другим в противоположном углу Сибири обрываются к морю северо-восточным мысом. На западе больше простора: там горы не теснят, как здесь, оне отодвинуты далеко на юг. На их вершинах берут начало три великия реки Сибири — Обь, Енисей и Лена. Плавно несут оне на север свои обильныя воды, собирая в себя и слева, и справа большие притоки. Долог путь этих вод: чем дальше, тем всё тише становится их теченье; обезсиленныя, оне разливаются в широкия болотистыя устья.

Реки Северо-Востока, стеснённыя горами, тоже тихо подвигаются к Ледовитому морю, до котораго уже не тысячи, а только сотни вёрст. С горнаго хребта, идущаго берегом Охотскаго моря, и с гор Камчатскаго полуострова сбегают быстрые незначительные потоки, бывающие часто причиной сильных наводнений. Таковы Охота, Пенжина, Улья. Между Становым хребтом и цепью Камчатских гор, в том месте, где они разступились, пробирается к морю, совсем особняком от других рек, пустынный Анадырь с своими мелкими притоками.

Таков каменный остов Сибирской земли, дающий направление ея водам. Спускаясь по любой из трёх больших рек до самаго устья, можно наблюдать, как постепенно меняются места и растительность берегов. Около верховья вы видите или степи, или горы, покрытыя непроходимою *тайгой* (лес южных горных областей Сибири. В ней позже отыскано было золото), где в безпорядке перемешались все породы деревьев. Ниже — необозримые леса застилают равнину, переходя на севере в тёмную, вечнозелёную хвою. Около устья тянется в обе стороны болотистая тундра, идущая широкою каймой вдоль Ледовитаго моря. Самая значительная доля Сибирской равнины ушла под леса, которые в иных местах непроходимы.

Южные хребты гор не дают хода тёплому ветру, не пускают его хорошенько обогреть Сибирь. Влажные западные ветры тоже не попадают в неё: им заслоняет дорогу Уральский кряж. Зато путь северным и северо-восточным ветрам свободен. Нет ничего, что бы могло помешать им. Леденящий ветер со страшною силой дует с моря, почти круглый год покрытаго льдами, на пустынный плоский берег. Он пролетает по необозримым лесам, идущим с окраины тундр, и заносит холод в далекие углы южной Сибири, напоминая о тёплом мехе пушнаго зверя.

Чтобы понять, что может сделать Ледовитое море с ледяным северным ветром, стоит только взглянуть на прибрежную тундру.

Зимой это безконечный пустырь, укрытый нередко глубоким, саженным снегом, без признаков жизни: ни кустика, ни деревца — ничего, кроме белых снегов. Целые восемь-девять месяцев тянется такая зима с длинными-длинными днями и ночами, с морозом в сорок пять градусов. Всё живое уходит в леса, что лежат южнее, где ветру гулять не так просторно, как на тундре, уходит до наступления короткаго и быстро цветущаго лета, когда в оживающей пустыне шумит талая вода, перекликаются залётныя птицы, рыба мечет икру, показывается зверь. За последним выходит на тундру и туземец, он охотится, на ней ловит рыбу или пасёт свои оленьи стада. Но сибирское лето, как я сказал, очень коротко.

По милости этого места, открытаго всем холодным ветрам, в Сибири суровый климат, и все мы слышим очень давно и говорим, что там холодно. Что климат суров, на это есть, как увидим, ещё другия причины.

Может ли тундра давать что-нибудь при таком долгом холоде и таком коротком тепле, кроме мхов, лишаёв да каких-нибудь немудрёных ягод, вроде клюквы? (Лишай — одно из самых простых растений; это, скорее, сероватый, с прорезными листочками налёт, похожий на тонкую корку. Появляется лишай там, где есть сырость, и покрывает камни, стволы деревьев, землю. Перегнивая, он подготовляет почву для других, более сложных растений.) Где тут и зачем жить зверю, птице и человеку? Ясное дело, что дальше к югу Сибири, к истоку ея больших рек, климат становится мягче, теплее, так что там могут расти довольно нежныя растения, например, сорта многих хлебов. Северный ветер не в силах там заморозить, убить жизнь, как на тундре. Широкий пояс хвойных и лиственных лесов, которые на юго-западе сменяются открытыми на юг степями, хорошая защита.

Зато на юге Сибири есть места, где нет даже и короткаго лета приморской тундры, где вечный снег и зима. Это — снежныя вершины (бельки) южных гор, подошвы которых укрыты густою тайгой из лиственниц, кедров и других пород. (Породы деревьев и кустарников делятся на лиственныя — дуб, берёза, осина и прочие и хвойныя — сосна, кедр, ель. Эти два отдела составляют наше чернолесье и красный лес — бор. У лиственных пород на зиму листья вянут и опадают на землю, между тем, как у хвойных тёмно-зелёныя иголки — хвои, собранныя в пучки, остаются целы, не теряя своей окраски. Поэтому растения перваго отдела не выносят холоднаго климата, а растения втораго — выносят и водятся преимущественно на севере или на горах.) Между этими холод-

ными вершинами гор и ледяными полями севера и от Урала до Становаго хребта полосой во многия сотни вёрст растут сибирские леса. Много кормят они речных притоков своею тенью и сыростью, сберегая в глухих трущобах прошлогодние снега, много укрывают в себе всякаго рода зверей. Более нужные сорты ягод, грибы и кедровыя шишки — лакомство здешних мест.

Здесь, отыскивая добычу, бродит туземец с луком и стрелами. Крупный зверь ищет мелких для той же цели, мелкий стережёт мышей и лесных птиц. Смотря по силе и ловкости, то один, то другой уступает дорогу, одна жизнь приносится в жертву другой. Тяжёлый медведь с шумом продирается в чащу, озираясь, выходит из норы соболь, зорко перелетает с дерева на дерево белка, на лесную прогалину выходит стройный олень... На снегу — целая путаница разных следов, и кое-где виден узкий и длинный след прошедшей лыжи. Такова Сибирь, если мы будем её просматривать снизу доверху и обратно. От Уральских гор до Охотскаго моря она представит нам совсем иное: здесь восток будет играть роль севера, а запад займёт место юга, так что чем дальше двинемся мы на восток, в горы, леса и болота, тем климат будет становиться суровее. В январе морозы Восточной Сибири доходят до пятидесяти градусов, так что бывает трудно дышать и глаза слипаются от насевшаго инея, птицы замерзают на лету. Летом наступает сырое, нездоровое время. Снега начинают таять, над болотами стоят густые туманы, земля успевает отойти только на небольшую глубину.

Енисей служит разделом, гранью между Восточной и Западною Сибирью. В последней климат значительно лучше. За полосой тундр стоят на совершенно ровной местности густые леса, а южнее лежат покрывающаяся богатыми травами степи, которыя обдувает сухой юго-западный ветер. Те места, откуда дует этот ветер, открыты и сильно нагреты солнцем. Поблизости нет моря, которое бы своею свежестью умеряло этот зной, так что они имеют сходство с огромной, жарко истопленною печью, от которой тепло расходится на далёкое разстояние. Воздух нагревается неодинаково: нижние слои получают тепло от накалённой солнцем земли, становятся от этого легче, расширяются и идут кверху. На их место поступают те слои, которые до этого были выше. От такого перемещения происходит ветер.

Перед вами — целый ряд причин и их последствий. Всё, что определяет характер сибирской местности, говорит вам, что это за сторона и почему она такая, а не иная. На многие вопросы вы

теперь можете легко ответить. Если кто спросит, что за причина, что в восточной части Сибири климат суровее, чем в западной, вы ответите: потому что там больше гор, больше болот и сырости. Почему на юге Сибири не так тепло, как бы следовало быть? Потому что Сибирь отделена от тёплых ветров горами. Почему северный край ея, лежащий у моря, лишён почти круглый год всякой жизни? Потому, опять ответите вы, что на это есть очень важная причина: Ледовитое море, его ледяныя горы и ветры. (Ледяныя горы, или торосы, бывают длиной в версту и больше. Оне плавают по океану отвесными сероватыми стопами сажен в семь вышины и очень глубоко сидят в воде. Это — огромные запасы льда горных ледников, сползшие в море. Летом торосы становятся рыхлыми и со страшным шумом рушатся в воду.)

Каждый ваш ответ на вопрос показывает, что вы говорите его на основании чего-то вернаго, но только как будто не досказываете, считая то, на чём основывались, общеизвестным. Это *всем известное* есть всегда какая-нибудь простая истина, правда, — то, до чего люди дознались навыком и опытом. Всякий думающий человек должен стараться узнать этих истин возможно больше, чтобы не ходить в потёмках и прочтенное в книге проверить, если можно, на опыте, чтобы составить *своё* мнение.

Предположим, что вы знаете, как застывает всё и сжимается от сильнаго холода. Может быть, вам это в первый раз пришло на ум при сравнении своих покрасневших на морозе рук с руками, распаренными в тёплой комнате. После пришлось об этом ещё прочесть, и вот вы так из опыта и из книги *узнали* один *закон природы*, на основании котораго и ответили, что Ледовитое море, его льды и ветры делают тундры безжизненными.

Основываясь на том, что было сказано перед этим, можно решать и другие вопросы, или, вернее сказать, задачи. Так, если вас спросят, что станет с климатом описываемой страны, если лесная полоса, полоса зачинающейся жизни, будет отодвинута далеко южнее? Это, ответите вы, изменит климат страны, потому что холодная тундра увеличится, а изменение климата поведёт за собой другия последствия. Представим себе, что сибирския горы не на юге, а на севере, так что бы вышло из этого? Очень много важных последствий, скажете вы опять. Во-первых, реки потекли бы по другому наклону, к какому-нибудь другому морю. Во-вторых, в Сибири стало бы гораздо теплее, потому что нагретому солнцем воздуху соседняго юга был бы в неё свободный ход. На теперешнем юге Сибири стало бы очень тепло, а на севере, под защитой высоких

гор, можно бы было не мёрзнуть от севернаго ветра. И больше ничего? — спросят вас. Нет, это ещё не всё. С переменой местности и климата изменится и жизнь этих мест: леса по берегам рек будут состоять из других пород, рыбы, птицы и звери — всё будет другаго вида. Сам человек по этим причинам изменит свои занятия и образ жизни.

Причины и последствия так тесно связаны друг с другом, что стоит только переменить причину, как и ея последствие тотчас же переменится, и наоборот. Надо заметить, что каждое последствие есть, в свою очередь, и причина чего-нибудь и т. д. без конца. Дело человека — уметь находить *главныя* причины окружающих его явлений природы и указывать на их *главныя* последствия.

Для поверки сказаннаго возьмём случай из обыденной жизни: родители отдали мальчика в школу, школа выучила его грамоте и счёту. Грамота и счёт дали ему недурной кусок хлеба, кусок хлёба дал небольшое счастье. Разберите: тут одно было причиной другаго, другое — причиной третьяго и т. д. Где же *главная* причина и *главное* последствие? — *Школа, в которую отдали мальчика родители, сделала его более счастливым.* Потому, говоря до этого отступления в сторону, о причинах, которыя влияли на местность и климат сибирской земли, мы упомянули лишь о самых главных и пришли к тому заключению, что ея климат, породы растений и животных, сам человек, живущий и промышляющий на ней, — всё это были известныя последствия многих причин, что какие-нибудь неизменные законы имели и имеют власть и над тем, и над другим, и над третьим.

Посмотрим теперь на человека, бродившаго до прихода русских завоевателей по этим тёмным лесам и холодным полянам, по которым шли на север широкия, многоводныя реки. Мы знаем, что манило и заводило человека на мёрзлую тундру и в чащу вечнозелёнаго бора, — обилие весенняго улова рыбы, тёплый мех и вкусное мясо леснаго зверя. Но вы можете спросить: какия причины заставили его уйти с благодатнаго юга в такой далекий и холодный край и остаться в нём жить? На юге, где, как вы уже знаете, была колыбель человеческаго рода, больше избытка в пище, природа даёт людям очень много, балует хорошими урожаями, не скупится на свои дары. Не лучше ли было остаться там?

Чтобы хорошенько понять, как и почему случилось совершенно противное, в силу каких причин человек не мог сделать иначе, надо заглянуть довольно далеко назад.

Есть старая русская пословица, говорящая, что рыба ищет — где глубже, а человек — где лучше. Мысль, выраженная в этих словах, была верна многия тысячи лет назад, осталась верна и теперь: человек всегда стремился достать на свою долю побольше счастья. Когда людския племена разселялись по лицу земли, они тоже искали его, теснились к тем местам, где можно было без особеннаго труда найти средства к существованию. Прежде всего нужна была пища. Из-за нея и других причин происходили ссоры, несогласия, битвы; люди истребляли друг друга потому, что на всех желающих не хватило бы богатых даров южнаго жаркаго края. Вам известно, что силы и способности у людей и теперь не одинаковы: одни могут ударом кулака сбить с ног довольно крепкаго человека, пробить этим кулаком печку или отбить угол у избы, и, вместе с тем, не в силах сообразить самой простой вещи, связать двух умных слов, другие — наоборот. Точно то же было и в те далекия от нас времена. Телесная крепость и сила значили тогда особенно много, потому что больше приходилось иметь близких переделок с природой и людьми.

Теперь понятно, кому достались плодородныя, лучшия места: их заняли более сильныя, выносливыя племена. Остальныя, которым не хватило здесь места, принуждены были отступить дальше. Другия сильныя племена заняли страны с климатом более умеренным, стали трудиться, обрабатывать не всегда щедрую почву, расчищать места для жилья. Они видели, что без труда нельзя тут сделать ни шага вперёд, но видели также, что их труд вознаграждается. Природа даёт, что у нея настоятельно просят. Из-за этих земель было пролито тоже немало человеческой крови, и опять более сильные победили.

Лучшия места, с лучшим климатом были заняты; за ними оставались ещё самые неудобные края сильнаго палящаго жара и леденящаго холода. Они выпали тогда на долю самых слабых и телом, и духом. Множество мелких племён разбрелось и по лицу великой Сибирской низменности. Им достались тундры и широкий пояс северных лесов. Природа этих мест была сурова и сразу закабалила себе человека; она не раз заставляла его нуждаться, голодать, и все мысли обратила на отыскиванье пищи для себя и семьи. Пищу эту давала природа же, и он научился уважать и бояться ея. (То же было и в жарком климате, только здесь щедрая природа изленила человека, а постоянное тепло разслабило его. Возьмем хоть жителя юга, то есть тёплых, а не жарких мест: он часто живее, подвижнее жителя умеренной северной полосы, но зато последний деятельнее его.)

Пир, на который звала человека обильная всякими произведениями земля, был велик и шумен, но не всем, как видите, достались равныя доли. Бедные люди сибирскаго севера, закинутые далеко от остальнаго мира, не знали и не могли знать, как в других местах той же общей матери-земли далеко шагнул человеческий ум. Там, где нечего было и думать о посеве, где не могло быть урожая хлебов, приходилось выбирать другое занятие, другой образ жизни. Из морскаго прибрежья трескучий мороз и северный ветер сделали безжизненную пустыню. Из человека, близко подошедшаго к этим местам, — дикаря, занятиями котораго стали охота и скотоводство. В таких занятиях человек должен был часто терпеть страшную нужду, и положение зверолова было ещё хуже положения пастуха, хотя и тот, и другой одинаково не умели откладывать запасы *про чёрный день.*

Человек по устройству своих зубов может есть всё, но для него в диком состоянии особенно лакомо мясо зверей, и вот он является перед нами охотником, звероловом, да мало чем и сам отличается от зверя. Оба они должны были отыскивать себе обед, подстерегать и ловить добычу. Но человек был умнее и изобретательнее. Он шёл на охоту сначала с каким-нибудь каменным топором, а после с луком и стрелами; убив зверя, вытирал из сухаго дерева огонь и немного поджаривал мясо, согревая озябшие члены звериным мехом; строил шалаш и укрывался в нём от непогоды. Зато из-за куска мяса, который доставался иногда с таким трудом, он до крови бился с другим искателем, как голодный зверь, потому что голод, как говорится, не тётка. Случалось так, что зверь мог уйти раненым, либо вовсе не попасться во всю долгую охоту, и тогда дикарь голодал. Вот какова была жизнь сибирскаго зверолова.

Положение пастуха было лучше: это была вторая ступень людскаго счастья на земле. Человек разсчёл, что лучше приручить какое-нибудь дикое животное, привязать его к себе, чем с часу на час ждать голодной смерти. Это удалось. То самое мясо, которое он разыскивал в лесу и степи, гонялось им теперь в виде целаго стада оленей, от которых, кроме того, он мог получить молоко, шкуру, жилы и кости. Это был шаг вперёд, но при этом оседлости быть не могло. Оленям нужен был подножный корм, и человеку приходилось переходить с одного пастбища на другое, кочевать.

В то время как китаец жил на юге и пользовался довольством, трудился, заселял свою землю, строя города и сёла, обрабатывал почву для посева, сибирский инородец *бродил*, пас стада и ловил по лесам зверей, нуждаясь в самом необходимом и не зная самых

простых вещей. Между всеми этими самоедами, юкагирами, остяками, коряками и прочими не было согласия, потому что каждый зверолов, каждый пастух думал прежде всего об *одном своём* счастье, проученный мачехой-природой.

Но не одна она так могуче влияла на него. Возьмём его занятия, его образ жизни, из котораго у дикаря не было сил выбиться. Можно ли назвать трудом хождение по лесам и равнинам, в первом случае за зверем, во втором — за стадом оленей? Известно, что всякий труд действует на человека хорошо, благотворно, если он мало-мальски осмыслен, то есть выше простаго отыскиванья пищи для себя или для скота. Такое исканье пищи мы встретим, как я уже говорил, и у любаго животнаго, а не только у человека. Однообразная работа и ум, направленный всю жизнь на одно вследствие нужды и лишений, притупляют человеческую мысль, заставляют её спать. Человек, и без того не сильный, ещё более слабеет от этого, начинает равнодушно, спустя рукава, смотреть на собственную горькую жизнь. Описываемый нами сибирский дикарь ищет случая забыться. Он с заметным удовольствием пьёт свой одуряющий настой из мухомора (этот ядовитый, но очень красивый гриб попадается и в наших лесах. У него красная шапка с белыми крапинами), а позже — тянет русскую водку, которую предлагает ему казак.

Чтобы нагляднее показать, что труд труду рознь, возьмём опять пример, хоть из знакомой вам сельской жизни. Сравните занятие деревенскаго пастуха с занятием мастерового. Кто окажется в большинства случаев сметливее и разсудительнее? Я думаю, вы не скажете, что пастух. (Если взять все случаи, когда мастеровой бывает сметлив и разсудителен, и сравнить их со всеми случаями, когда таким же бывает пастух, то первых окажется всегда больше.) Кому поручают пасти стадо? Больше всё или бобылям, или таким, которые ленивы и неспособны на другую, более тяжёлую работу. Очень часто пастухом на деревне бывает какой-нибудь слабоумный, дурачок. Выходит, что такая работа даже по его силам. Недаром до сих пор у нас неспособнаго мальчика прочат в пастухи *свиней пасти* или *собак гонять*. Того, что сказано, достаточно для подтверждения нашей мысли, что самый образ жизни и занятия имеют большое влияние на человека; но так как на последния указывает ему всё та же окружающая природа, то главною причиной остаётся всё-таки она, и у нея придётся искать объяснения многаго даже в духовной жизни человека-дикаря. (Духовною жизнию называются взгляд человека на вещи, его понятия, верования, желания и прочее. Всякому известно, что человек думает, соображает, верит

и сомневается. Одним словом, живёт не одною, так сказать, телесною жизнью, но и духовною.)

Взглянемте на то, как понимает он эту природу с ея явлениями, или, вернее, как она научила его понимать себя. Ведь должны же останавливать его внимание такия вещи, как удар грома, блеск молнии, снежная метель, пронизывающий ветер, глубокая тишина тёмнаго леса? Как он объясняет всё это себе? Поставленный с природой лицом к лицу, с детства запуганный ею, он думает, что она в эти минуты за что-нибудь на него сердится или грозит ему. В то время как он стоит на берегу и видит бурливыя волны, слышит порывы свистящаго ветра, ему думается, что речной дух зол на него, а так как причина злобы ему непонятна, то эти грозныя явления приписывает он *злому* духу, своему недоброжелателю. Случится после, что в реке, где прежде удачно ловилась рыба, вдруг последняя перестанет ловиться, и вот тот же дикарь приходит к мысли, что злаго духа надо чем-нибудь задобрить.

Отсюда уже недалеко до грубаго изображения гневнаго духа из камня или дерева, до мазанья *идола* свежею кровью только что убитаго оленя. Так же сложилась вера и у сибирскаго туземца, который во всяком неблагоприятном для себя явлении природы видел проделки невидимаго, злаго духа. Мысль, что болванчик, которому он кланяется для того, чтоб умилостивить разгневанное божество, ничего не может для него сделать, ещё не зародилась в его голове.

Итак, вы видите, что люди везде борются с природой, и одни отчасти побеждают, другие остаются побеждёнными. Мы всё время говорили о последних, так сказать, пленниках природы. Везде, где солнце отвесными лучами раскаляет каменистую или песчаную пустыню, производя ожоги на обнажённой спине человека, или где оно едва скользит и легко греет, позволяя холодному ветру чуть не круглый год свободно распевать посреди снегов, природа остаётся победительницей.

Но довольно об этом. Вы, вероятно, хотите знать сибирскаго дикаря в лицо, поглядеть на его домашнюю обстановку, на удобства его семейной жизни, промыслы. Обо всём этом, если хотите, можно написать несколько очень больших книг, но редкая память удержит то, что в них будет написано. Такия подробности, если можно, лучше всего наблюдать самому, на месте. Не приходилось ли вам слышать, что северная природа вообще однообразна? Если приходилось, то я могу добавить к этому, что и люди этой суровой полосы тоже не отличаются резко друг от друга. Довольно будет, если я сообщу вам главныя общия черты их наружности, быта, обычаев и порядков.

После этого описания вам лучше выяснится, вы лучше поймёте других, пришлых людей — русских.

Начну с того, что все почти мелкия племена и народцы Сибири были монгольской породы, родня татарам. (Отличают пять человеческих племён: индо-европейское — белокожее, монгольское — жёлтокожее, американское — краснокожее, малайское — тёмнокожее и африканское — чёрное. К первому принадлежим мы, к последнему — арабы или негры. Иные учёные различали человеческия племена не по цвету, а по черепам и волосам.) Все они были очень малаго роста и не отличались силой; тонкия, худыя ноги поддерживали туловище, на котором сидела голова с плоским безбородым лицом, довольно широкими скулами и узенькими глазками. Одежда мужчин и женщин мало чем отличалась одна от другой и имела главною целью задержать около тела побольше тепла в течение долгой зимы. Это были всё больше длинные халаты или шубы из звериных шкур, опушенныя мехом шапки, просторная тёплая обувь. Северный олень не только кормил, но и одевал здешняго человека; он же вместе с собакой возил его по снежным равнинам. Женский наряд отличался, как везде, каким-нибудь разве украшением: серьгой, браслетом на руке, шейным ожерельем. Летом меховое платье заменялось грубым холщовым.

Жилища имели вид заострённых кверху холмиков, или сахарных голов, и делались на скорую руку. Из длинных жердей, обёрнутых варёною берестой, ставилось летнее жильё, а зимнее обкладывалось землёй. Пола у такого шалаша не было, посредине раскладывался очаг. Снаружи были два отверстия: одно сбоку для входа и выхода людей, другое наверху — для дыма. В лесных местах жглись всю зиму дрова, а на открытых и голых окраинах пылал облитый жиром мох или кость убитаго зверя.

Внутри такого жилья было дымно и грязно; зато разложенный в середине огонь давал тепло, и на нём готовилась неприхотливая пища туземца. Она состояла из мяса и жира, рыбы, молока и ягод. Это была самая вкусная пища, но случалось, что дикари не брезговали ничем, даже падалью. Из сушёнаго лыка сосны толклась мука, а из этой муки варилась на воде каша, тоже не отличавшаяся вкусом и сытностью. Были и опьяняющие напитки, вроде кумыса, или какого-нибудь грибнаго настоя. Радостью невесёлой жизни был пир около свежаго мяса и тёплой крови убитаго оленя или белаго медведя. Возле жилищ носился неприятный запах гниющих кишок или вяленой и квашеной рыбы, которая была обеденным кормом севернаго рыбака, евшаго её в разных видах.

День проходил почти весь на промысле, особливо когда подходило удобное время для ловли диких оленей или много морскаго зверя вылегало на берег. Часть семьи (женщины, дети и старики) оставалась дома. Жена готовила пищу, на ней лежало всё хозяйство, она возилась с полунагими ребятишками, кормила грудью ребёнка. Ея жизнь была невесёлая, подневольная: во всём надо было слушаться мужа, который нередко бил её. Работница эта покупалась им за несколько звериных шкурок на всю жизнь. Имущество дикаря, кроме многочисленных стад и годных для упряжи собак, было невелико: легкия санки и долблёныя из дерева лодки для больших переездов, скользкия и длинныя лыжи для охоты, сети и удочки для рыбной ловли или лук со стрелами на зверя. Прибавьте ко всему этому несколько грубо сделанных идолов и посуды из бересты или кости, и перед вами будут все предметы его домашняго обихода.

Я говорил, что между всеми этими народцами не было согласия, что они часто до прихода Ермака и других казаков вели между собой небольшия войны, жили недружно. Но связь всё-таки была: у них было много общаго. Все они делились на роды, главой которых был старшина. Он мог судить их, но у некоторых племён имел над собой старшаго, князя, например, у остяков. Не следует думать, что последний чем-нибудь особенно отличался от простаго туземца. Он так же ловил рыбу и ходил на зверя сам, потому что не получал никакого вернаго содержания от подчинённых.

У всех членов рода было одно идолослужение, и посредниками между самым страшным из богов и людьми были либо боги низшаго разряда, либо так называемые *шаманы*. Шаманов уважали, и на них лежала обязанность совершать большия жертвоприношения от целаго рода. Они же лечили заболевшаго дикаря, при звуке барабана пророчествовали от лица богов и были заступниками обиженнаго природой дикаря. В глазах последняго это были люди необыкновенные. Столкновение и войны происходили между родами, в которых насчитывалась часто не одна сотня семейств. Ссорились из-за мест кормёжки и женщин. Последних имели обыкновение брать не из своего, а из чужаго рода, о чём складывались и пелись заунывныя песни. Что ещё сказать вам об этих людях? Покойника они хоронили с оружием и в том самом платье, которое он носил при жизни. На его могиле приносились жертвы, потому что умершие, вообще, пользовались не только уважением, но и поклонением. Таковы были общия черты обстановки и понятий разбросанных по северу Сибири племён.

В тринадцатом столетии (это, выходит, лет шестьсот назад) на этот север зашло с юга разбойничье племя татар и, покоривши более слабых остяков, самоедов и прочих, положило основание обширному царству. Но при Кучуме, как известно, власть татар в Сибири кончилась, потому что с запада приплыли по рекам ещё более сильные люди — русские. До этого они жили на юге большой равнины, упиравшейся одним концом в теперешнее Белое море, а другим в Чёрное. Причины, по которым люди эти двинулись на северо-восток, нам известны. Сильное славянское племя понемногу расчищало покрывавшие равнину леса, успешно боролось с окружающею природой и попадавшимися на дороге менее сильными финскими племенами. Во второй половине шестнадцатаго века русские уже были по ту сторону Уральских гор и успешно начали покорение новой обширной земли.

Наши разсказы, которые можно назвать историческими, потому что в них описывались правдивыя события из истории жизни целаго народа, были также и жизнеописательными, биографическими. Мы старались в них, насколько можно, ближе познакомиться с теми землепроходцами, которые, благодаря силе своего характера, твёрдо направленной воле сделали больше всех, вели вперёд других. Припомните Ермака, Дежнёва, Пояркова, Хабарова. Они были обращиками того сорта людей, который мог выйти в то время из русскаго народа. По причинам, повторять которыя здесь не место, так как уже было говорено о них прежде, наши землепроходцы не встретили сильнаго отпора. Безсилие и полное невежество уступили дорогу силе и знанию. Какия были последствия столкновения кое-что знающаго человека с дикарём? Что из этого выходило? К той страшной нужде, которую иногда терпел здешний туземец, прибавилось теперь новое горе: часто жестокое преследование, большая подать, стеснение свободы. Особенно сильно пострадали от встречи с сильными людьми совершенно независимые народцы далёкаго северо-восточнаго угла Сибири. Осталось предание об одном народе, который жил до прихода казаков на реке Колыме. В нём говорится, что прежде по берегам этой реки у омоков горело огней больше, чем звёзд на небе, а теперь давно исчезло и самое племя. Немало сначала удивлялись дикари требованию русских пришельцев, которые спрашивали у них дань от лица своего государя. Они даже не могли понять, откуда пришли такие люди, и думали первое время, что всё можно уладить мирным путём, отдав безпрекословно, что просят. Но казаки разсчитывали не так. Их была горсть, подмоги ждать было неоткуда, приходилось подниматься на хитрости, нарочно подзадоривать против

себя туземцев, чтоб очистить от них покоряемую землю. Доказывать, что в то время между русскими были люди и не с мягким сердцем, совсем лишнее: припомните Пояркова.

При таких горьких, тяжёлых обстоятельствах трудно живётся всякому, не только что дикарю, который бродил до этого на свободе. Целыя племена быстро вымирали и исчезали с лица сибирской земли. Были и другия причины этого вымиранья. Так, например, недавно дознано, что дикари не могут пережить некоторых болезней, которыя заносят к ним люди, дальше их ушедшие в деле отыскиванья счастья, более *образованные*. Совсем новыя понятия и порядки этих людей тяжелы для них и часто невыносимы.

Что русские люди оставались победителями суровой природы или стойко боролись с ней, не падая духом, это мы видели из целаго ряда их опасных приключений на суше и на море. Неравная борьба дикаря с природой долгие и многие века шла без огласки и почти без всякаго успеха. О встрече лицом к лицу крепкаго и смелаго казака с сибирским бураном, морозом и голодом остались письменныя известия, из которых вы многия уже читали. Из них видно, что он, будучи далеко закинут от всякой помощи, всё-таки твёрдо надеялся на свои силы, бился с враждебными силами до последней капли пота и крови. Что было ему делать, когда и порядки, заведённые в Сибири, были из рук вон плохи, так что приходилось терпеть ещё от них? Надо было всё это вынести и не пропасть, а выйти победителем.

В заключение приведу опять одну выписку из бумаг шестнадцатого века. Казаки, по обыкновению, очень просто пишут о своей нужде следующее: «А мы, холопи твои, в той твоей государевой службе были не хлебны и гораздо (очень) скудны, и голодны, и холодны. И взяв с них твой государев ясак, вновь назад воротились, и пристигла нас зимняя пора к Каменю. Пал снег великой и захватили морозы лютые, и бездорожица непроходимая, и голод смертный. И те нами купленные и откормленные конишка в той бездорожице пристали и перепропали и многия присталыя лошади по степям разметали, и борошнишка свои и животишка по дороге разметали, и брели нужную дорогу пеши; а с голоду, государь, и с нужи горькия не хотя умереть голодной смертию, ели по дороге присталых лошадей, постели и обутки... С великою нужею едва с твоей государевой службы в Балаганский острог живы приволоклися, испухли, оцынжали и позябли, а в походе, государь, того нашего нужнаго терпенья было восемь недель... Мы, холопи твои, и в новом приискании, и в голодном терпении, и во всяком

нужном страдании обнищали и обдолжали великими и неискупными долгами, погибаем на правежах, что дать нечего...»

Эти простые, но сильные и выносливые люди, на долю которых выпало расчищать дикия места Сибири для теперешних поселенцев, пользовались уже многими удобствами житейской обстановки, чем брали также верх над дикарём. Так, кроме ружья, которым покорилась Сибирь, у них были с собой трут и огниво, железные ножи и котлы, трубки с крепким, одуряющим табаком, водка... К последней очень скоро пристрастились туземцы, и она была также в числе причин их вымиранья.

На родине у русских было обширное и начинавшее крепнуть царство, уменье владеть сохой и снимать с поля хлеб, уменье жить обществом, сёлами и городами, уменье строить большия каменныя здания... Прибавьте к этому торговыя сношения, перенятое искусство печатать книги, не говоря о порохе и постоянном войске. Что касается духовной жизни человека, то она не была так удовлетворена, и мы в своём месте упоминали о недостатках тогдашних людей, познакомившись вдобавок с некоторыми лично. На многия вещи простолюдин того времени смотрел глазами сибирскаго дикаря. Тяжёлая доля и чёрная работа, лежавшия на нём, не позволяли думать о многом.

Не приходит ли вам в голову, прочтя столько страниц о подвигах русскаго человека, обо всём, что он вытерпел и сделал, что ничего подобнаго нет и не было в другом месте, у другаго народа? Вы ошибётесь, если так думаете, потому что русские, немцы, французы и англичане прежде всего *люди*. Значит, между ними должно быть что-нибудь общее, свойственное каждому человеку порознь и всем вместе.

Не так давно мы говорили, что человек всегда ищет побольше счастья на свою долю. У каждаго народа, как известно, есть своя история, из которой бывает видно, как этот народ отыскивал своё счастье, и твёрдо ли шёл к нему. Заглянем для сравнения как раз в противоположный конец Европы, далеко на запад, в богатую природой Испанию. Поглядите на неё: она не имеет даже малейшаго сходства с русскою равниной (надо заметить, что сравнивать мы будем здесь Россию и Испанию пятнадцатаго и шестнадцатаго веков, когда ещё русский народ не имел в своём владении ни одного открытаго моря). Там с трёх сторон море, вся страна покрыта горами; климат тёплый, местами невыносимо жаркий; роскошная растительность, огненные чёрные глаза, горячий, пылкий характер, звучный язык. У нас же совсем противное. Трудно, кажется, найти двух таких несхожих людей, как испанец и русский,

а между тем, завоевания перваго в Америке, на западе, по ту сторону океана, представляют много сходнаго с нашим заселением Сибири на восток, по ту сторону Урала. Главныя причины и главныя последствия этих причин оказываются одинакими.

В конце пятнадцатого столетия была открыта Колумбом (сын простаго ткача, одного из больших приморских городов теперешней Италии. Он любил путешествия и много читал их, и это побудило его поехать на запад и искать новую землю, которая, по его разсчётам, должна была находиться за океаном) Америка, целая часть света, по тогдашнему счёту — четвёртая. Около этого времени русские люди в первый раз проникли при Иване III в Югорскую землю. Об этих двух событиях я упоминаю здесь для того, чтобы дать возможность лучше запомнить и то, и другое. Причины же, заставившия Колумба наткнуться на Америку, а русских людей — на Сибирь, несколько различны. Возьмём следующий, семнадцатый, век в истории того и другаго народа. В течение этого замечательнаго по научным открытиям века два смелых испанца, Пизарро и Альмагро, покорили два богатыя царства Южной Америки, из коих одно называлось Перу, а другое Чили. Люди, жившие в этих царствах, были не чета сибирским дикарям. Так, в Перу, например, были города, хорошия дороги, почта, войска, солнечные часы, календари; следам, оставшимся от их прежняго благосостояния, удивляются теперь даже европейцы.

В конце того же века на далёком востоке, у нас, обширное царство Кучума — Сибирь покорилось Ермаку. Между товарищами последняго и людьми, которые поплыли из Испании на далекий запад искать счастья, есть действительное сходство. И те, и другие были сорви-головы, удальцы-головорезы, и тех, и других завела в такую даль корысть. Одни накинулись на лёгкую поживу соболями и разною *рухлядью* в обширном меховом царстве; другие бросились на золото, которое было так редко в их руках на родине, а в новооткрытой земле считалось почти за ничто. Как русские, так и испанские завоеватели вымогали у покорённых имущество, жестоко с ними обращались... Тою же жестокостью отличался и другой испанский завоеватель того времени, Кортес, покоривший обширную Мексику в Северной Америке. Мексика относительно благоустройства имела сходство с Перу и занимала южную часть обширной Северной Америки, которая отделяется от Южной узким и длинным перешейком.

Итак, если вы хотите хорошенько понять историю жизни своего народа, своей родины, вы, прежде всего, должны познакомиться

с тем, как *вообще* люди жили и достигали своего благосостояния, того, что они называли счастьем на земле, и по каким неизменным законам совершалось их движение вперёд. Для этого надо быть хоть немного знакомым с историей других народов, потому что в последней нередко можно найти объяснение того, что не понятно в своей. Главное — надо думать, наблюдать, сравнивать между собой сходныя события (факты) и делать из них свои выводы, чтобы найти главную причину, а потом идти так же дальше. Таким путём составляются всякия знания, растёт всякая наука, и с помощью ея мы о многих, например, явлениях природы можем даже узнавать вперёд, можем их предсказывать. (Так, в любом большом календаре вы можете прочесть предсказание о затмениях, которыя должны быть на следующий год.) В этом нет ничего удивительнаго: возьмём какой-нибудь простой пример для доказательства. Если я по опыту знаю, что после дождя, идущаго вовремя, хлеб на хорошей почве родится тоже хороший, почему же мне не предсказать плохой урожай, когда я не вижу туч на небе в то время, когда их надо? Точно так же я могу, если оне прольются обильным дождём, когда следует, предсказать хороший урожай. В обоих случаях я, всего вернее, не ошибусь, и мои предсказания сбудутся. А ведь на самом деле всё это очень просто: я вывел свои заключения, сделал выводы из опыта, из наблюдений. Я знаю, благодаря последним, один важный закон, по которому хлебное растение не может жить на совершенно сухой почве, не может налить колос. Об этом мне даже не раз приводилось читать в книгах, где на каждый мой вопрос давался точный и подробный ответ, отчего книга читалась с большим интересом, чем какая-нибудь другая. В ней говорилось о природе, и то, чему она научала, помнилось долго и редко забывалось.

В русском языке есть одно часто употребляющееся слово: *так*. Нередко приходится его слышать при разных случаях. Видите, например, вы, что человек болен, и говорите своему знакомому, что он, верно, вчера простудился, потому что, напившись чаю, вышел на ветер. Вам отвечают, что это *так*. Ребёнок кричит благим матом, и мать говорит няньке: «Поищи, нет ли на нём блохи, что он как кричит», — а нянька совершенно покойно отвечает: «*Так*, что-нибудь».

У меня была очень скромная цель, когда я дописывал эту последнюю главу. Я хотел как можно меньше этого *так* при чтении исторических разсказов.

Ниже опубликована рукопись XVIII в., извлечённая нами из пятого выпуска так называемого «Щукинского сборника», который некогда издавало отделение Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III — музея П. И. Щукина. В сборник включались материалы знаменитого собрания Петра Ивановича Щукина — исторические письма, записки, воспоминания, указы и другие документы из русской истории. Имевшийся в нашем распоряжении пятый выпуск сборника, вышедший в 1906 г. тиражом всего 200 экземпляров, был приобретён 15 марта 1963 г. известным учёным-вулканологом Б. И. Пийпом и ныне хранится в библиотеке Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН в г. Петропавловске-Камчатском.

Собиратель и меценат П. И. Щукин родился в 1857 г. в старообрядческой купеческой семье. Окончил пансион Гирста в Санкт-Петербурге и Берлинское практическое торговое училище, после которого работал в Берлине и Лионе, изучал производство шёлковых тканей. С декабря 1878 г. трудился в семейном торговом доме «И. В. Щукин с сыновьями», основанном его отцом. Ещё за границей увлёкся собирательством, в том числе памятников отечественной истории, активно приобретал старинные предметы в России и Европе. В 1892 г. начал строительство Музея российских древностей. В 1905 г. подарил свою коллекцию, включавшую более трёхсот тысяч предметов, Российскому историческому музею в Москве, после чего она и стала называться «Отделением Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III — музеем П. И. Щукина». За это получил чин действительного статского советника (соответствующий генерал-майору). До конца жизни оставался попечителем музея, содержа его и пополняя коллекции. Скончался в 1912 г.

В публикуемом документе рассказывается о плавании на боте «Св. Иулиан», снаряженном компанией с участием купца Трапезникова. Результатом этого плавания стало открытие ближних к Аляске Лисьих островов, названных так по тогдашнему обилию здесь этих животных. Передовщиком и мореходом в плавании был С. Глотов, ясак собирал казак С. Пономарёв. Бот вышел в море 2 сентября 1758 г., на девятые сутки плавания был выброшен штормом на остров Медный. Здесь команда перезимовала, добывая зверей и ремонтируя судно. Плавание продолжилось 1 августа 1759 г., а 1 сентября промышленники подошли к острову Умнак, где были поначалу встречены аборигенами весьма недружелюбно. На Алеутах русские пробыли два года

и девять месяцев, приведя аборигенов Умнака и Уналашки в российское подданство и обложив ясаком. В обратный путь они вышли 26 мая 1762 г. Претерпев в пути суровые испытания, 31 августа 1762 г. вернулись на Камчатку, потеряв за всё время трёх соплавателей. В команде находился тотемский купец П. Шишкин, составивший сведения об островах, расположенных далее к востоку, и о тех, мимо которых проходили по пути к Умнаку. Пономарёв и Шишкин выполнили приблизительный чертёж Алеутской гряды, островов Кадьяк и Алахшах. Этот документ был представлен императрице Екатерине II. Собранные промышленниками сведения произвели на российские власти сильное впечатление и стали поводом к отправке в 1764 г. для описания Алеутских островов специальной правительственной экспедиции под руководством П. Креницына и М. Левашова.

О КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1758 года

Экстракт, учинённой в камчатской болшеретской канцелярии... (места, помеченные точками, в рукописи истлели) из морскаго вояжа близь Нижнекамча... компанейщика бывшаго московскаго... с товарищи судне Иулиян Бот... морскими и земными зверми и о утаении... бурых и крестовок шестидесят семи лисиц... на том судне промышленными шеснатцатью... дел по себе и кем имяны и каким случаем... ниже сего... 762-го сентября 1-го числа присланным... камчатскому... сибирского гарнизона поручику Недозрелову в Нижнекамчатский острог морской тоён Герасим Холшевников репортом объявил о вы...де августа 31-го числе пониже устия камчатскаго например пять вёрст упомянутого судна компанейщика Никифорова с товарыщи з бобрами и протчим

И на тот репорт того ж числа по определению моему для склатки всех имеющихся во оном судне у промышленных морских и земных зверей какого б звания ни были в тюки и чемоданы и запечатания казённой болшеретской канцелярии печатью и привозу в нижнекамчатскую приказную избу посланы были нарочные Нижняго острога прикащик Григорей Низовцов сибирского гарнизона капрал Пётр Недозрелов болшеретской казак Иван Секерин

...Сентября 2-го а бывшие на морских... островах на том судне нижняго... казак Савин Пономарёв... посадской Стефан... репортами объявили... капрал с прикащиком по объявлению бурых и крестовок... девятисот девяноста пяти лоскутьев чернобуренких дватцати шести недолисей буренких семи сиводушек тысячи

шестидесяти восми красных трёхсот девяносто восми бобров маток кошлоков тысячи трёхсот восмидесят пяти медведков семидесят пяти сверх того по осмотру их а по объявлению Глотова ж имелось в судне кости моржевой а колико число и весом знать в скорости невозможно затем что то судно при выкиде повредило и до полусудна песку наметало да вывезен ими незнаемаго народа мальчик по названию их Иван окроме того собранной в ясак казаком Пономарёвым лисиц чернобуренких тринатцати сиводушек одиннатцати красных дву бобров восми кошлоков трёх

Вторым казак Пономарёв с передовщиком Глотовым и притом ясашной казны вышеписанного ж числа а на каторые имянно годы с кого и какими зверми ведомости и данной на записку их болшеретской канцелярии шнурованной за казённою печатью книги вывезенного в аманаты с перваго острова малолетнаго парня именем Мушкаля да взятой на втором острову посадским Иваном Соловьёвым у тамошняго жителя краски серебряного цвету с блесками по весу сорока восми золотников и у промышленных во всю их там бытность на островах морских и сухопутных зверей бобров маток и кошлоков тысячи трёхсот восмидесят девяти медведков семидесят шести хвостов бобровых матковых и кошлоковых дву сот восмидесят кости моржевых зубов дватцати дву пуд десяти фунтов лисиц сиводушек разных доброт тысячи ста красных разных же доброт четырёх сот лоскутьев сиводущатых дватцати... лисиц же чернобурых бурых и крестовок девяти сот девяноста пяти лоскутьев же чернобурых и бурых дватцати ж шести недолисей чернобурых и бурых же семи да ис песцов шитого платья и одеял у руских пятнатцати человек одеял дватцати одного парок и мехов восми парки ж бобровой ветхой лоскутьев бобровых пяти одеяла котового одного у камчедал осмнатцати человек одеял дватцати одного парок и мехов восми и валововo компанейского контракта с таковым изъяснением в прошлом де 758-м году сентября 2 числа по исправлении того судна вступили на оном из нижнокамчатского устья во открытое тихое море в морской вояж для изыскания новых островов и народов под препровождением оного судна ево Глотова благополучно точию во время начатого тогда вояжирования и мореплавании от осенних бывших погод занесло в девятые сутки к близь лежащему от называемого Командорского острова Медному неболшему острову ж где по благодати Божией пристав зимовали и доволствовали себя вопервых пропитанием заготовляя оное и к будущему вояжу для поиску далных незнаемых островов а потом упромышлено ими бобров маток и кошлоков

восемдесят три да песцов голубых тысяча двести шестьдесят три кои все во одежды и одеяла испошиты а понеже при мореплавании от камчатского устья по выкиде судна на оной Медной остров от предписанных жестоких в море осенних волнениев бывшия два якоря оторвало и унесло в море для чего они с прочими компанейщики со общаго согласия для спасения судна и людей чтоб во время намереннаго в море островов поиска не погибнуть безвремянно взяли с Командорскаго острова от разбитого пакет бота бывшей камчатской экспедицыи лежащаго железа полосного и в деле яко то в боутах и крюках по весу пятнатцать пуд и сковали чрез немалой труд два якоря которые и ныне при том судне имеются точию у обоих их по одной лапе по время волнениев же оторвало и по перезимовке на Медном острову и по промысле на пропитание морских коров нерп и сиучеи мяса сушенова наготовя и наступившее 759 году лето августа с 1-го числа вступили паки в морской вояж к поиску и окончанию намеренного пути и с того августа 1-го числа плыли не касаясь ко известным морским же Алеутским островам между север и восток и в том плавании благополучными погодами продолжали времяни даже сентября до 1-го числа а в том числе по дарованию Господню и по высокому ея императорскаго величества счастию благополучным путешествием прибыли на остров лежащей к северовосточной стороне и усмотря судну удобное к отстою место пристали между лежащее к полдням того острова каменье на мяхкой песок без всякого о берег судну повреждения а тот остров называется по названию тамошних народов Умнак которой у них почитается над вторым недалным островом же главным и первым оной их первой остров имеет в себе жителствующих народов около сот четырёх человек начальников лутчих двух мужиков подобно как и здешния камчедала тоёнов перваго именем Шашук у него детей трое втораго Акитакуль оной имеет у себя пятеро детей от того основа не далее в разстоянии примером в верстах пятнатцати тот второй остров обширностию болше перваго называемой Уналашки на оном острову имеется ис тех же народов жителей около сот трёх человек а точно изчислить и показать за пространностию того острова к тому ж и те люди с острова на остров переезжают часто никак было невозможно оной народ или жители объявляют что от тех двух островов есть ещё далше лежащих к востоку восемь островов ис которых на одном есть и лес стоячей (а какой имянно объявить на российском языке не знают) и зверя морских бобров лисиц чернобурых бурых и крестовок и красных находится на всех тех немало а на том острову на котором лес стоячей есть

и олени медведи волки и горностаи на всех же тех осми островах обитает незнаемой же народ и имеют таковых же над собою начальников х коим народам они з двух островов (как сами ж объявляют) ездят походом и междуусобные имеют драки и берут у них пленников которых при себе и ныне несколко имеют точию они Пономарёв и Глотов со всеми на судне бывшими компанейщики как судном так и байдарою за далностию разстояния туда не ходили по прибытии ж на предписанной первой остров тамошней незнаемой народ с перваго их на оной прибытия вступили к ним навстречу со своими стрелами (которые так же как и алеутской народ имея в шестиках укреплённые кости и каменье острые мечут из досок) и учиня приступ усилились было всех прибить и ранили Пономарёва в правое плечо Глотова в грудь да в левое плечо камчедал Игнатья Уваровского в правую ногу Стефана Уваровского убили до смерти а протчих притом Господь спас токмо отбили у них байдару с кормом с платьем и протчим шкарпетом да два топора от которых едва защищаясь зделанными на судне и с платья и протчаго оставшаго шкарпету и досок щитами спаслись и с тем оной народ разбежался а потом оныя не видя от них отмщения против их нападения кроме ласковости пришли к ним к судну вторично без всякой уже ссоры и нападения и встретили обыкновенно и с собою принесли к пропитанию их мяса и рыбы сушёной трески напротиво чего и они Пономарёв и Глотов с товарыщи что при ком обыскатся могло из мелочей то есть от игол шильев и протчаго дарили и при том своём приходе возъимели с ними дружеское обхождение они к ним ласку и привет и возвратили они отбитую ими байдару со всем что в оной было и чрез оную их ласку и привет при таком дружеском их с ним обхождении на означенных двух обысканных островах приведено ими со всеми компаненщики под высокосамодержавную ея императорскаго величества руку в подданство и в платёж ясака тамошних народов а имянно на первом болшем называемом Умнак (хотя оных языку и не знали но по признакам бывалых и знающих алеутских народов разговор весма их язык со оными сходен выключая далных в переводе против российскаго языка разговоров) оба предписанныя два тоёна первой Шашук и сын ево Угололак второй Акитакуль с сыном же именем Алихшухух, командующих их одиннатцать итого пятнатцать на втором острову Уналашки тоёны ж первой Улузях двое ево сыновей Алузгучах Чикилжак второй Сечак третей Умакуш командующих их восемь в том числе живущей при том втором острову в бухте называемой Икалгинской один а всех на обоих

дву островах и с тоёнами дватцать восемь человек а кто имяны о том записано в данной шнурованной книге с коих народ по их склонности и подданству взято в казну ея императорскаго величества ясака на 761-й и 762-й годы вышеписанными зверми а каковых те острова обширностей того всего описать измерять в скорости было невозможно на оных дву островах имеются звери бобры морские лисицы чернобурые бурые седые крестовки и красные разных доброт имеются ж на них озёра и из них текущия в море неболшие реки в которые идёт из моря рыба каковая и здесь в Камчатке ловитца а имянно красная кижуч или белая голцы а в море палтус треска и тое всю родов рыбу тамошние народы ловят удами зделанными из кости боброваго ребра и из зубу сиучеваго наживляя оныя такою ж рыбою кои выпускают в море и в речки на плетёных жилных нетолстых верёвках зделанных мерою сажен по дватцати и более и изловя тое рыбу пластают своими ножами кованными по их маниру из железа а то железо они вывозят из вышеявленного на котором имеется стоячей лес острова во время их на тамошних народов походу також и в мену между ими зверей и платья и ту пластанную рыбу вывешивают и сушат на жердях и запасают к зиме так как и здешния камчадала и тою сушёною рыбою притом и уловленных морских зверей бобров сиучей нерп и котов мясом доволствуются те острова по своей обширности стоячего лесу никакого не имеют а жители доволствуются наносным и выкидным из моря лесом и употребляют на строение своих домов то есть юрт земляных которые мерою делают в длину сажен по сороку и более тем же лесом и топят а огонь добывают камнем белым лежащим подле моря неболшим розбив оной надвое биют камень о камень а вместо тлену и руду употребляют некоторое сушёной травы листье притом и пух птичей с серой горючей а где оную серу берут за незнанием их языку изведать было невозможно оной народ во обыкновении своём чистоты никакой не имеют и скверности не наблюдают птицы на обоих тех островах имеются а имянно морские урилы топорки ары савки и кулики речные утки гоголи селезни крохали чирки по болшей части и гуси белые которые завсегда зимуют а весною до зимняго времяни отлетают бывают же серые и чёрные гуси точию пролётные чаек всегда во весь год бывает довольно и орлов отчасти иных птиц ловят сколко петлями а более разставленными тенетами называемыми здесь сетками с которых здирая кожу с пухом шьют себе парки притом и из бобровых кож опаривая оныя такую ж делают одежду а в прошлом 761-м году во время отбытия казака Пономарёва для

промыслу с перваго на второй остров с промышленным ис компанейщиков тоболским посадским Иваном Соловьёвым и протчими работники получено от него Соловьёва на том втором острову во время отлучного ево промыслу данной ему от тамошняго жителя вышеявленной краски сорок восемь золотников коею оные народы у себя лице красят а где оная и в котором месте имеется в море или на берегу он Соловьёв не знает а Пономарёв за скорым своим от того острова паки на первой отбытием освидетелствовать времяни не имел к тому ж хотя сколко притом ни обращался имел всегда от учинённой от тех народов вышеписанной в плечо раны (которая долговремянно не заживала) немалую болезнь и с того 759 году по прошедшей 762-й годы промышляемы были на обоих оных островах вышеявленные звери бобры морские також и земные лисицы чернобурые бурые крестовки сиводушки и красные коты морские а при отправлении с тех островов по доброволному оных народов к подданству склонению а чрез их Пономарёва и Глотова с товарыщи к ним ласку и привет оные желание возъимели и впредь быть в подданстве и чтоб к ним российские люди всегда на судах ходили и что они ясак будут платить бездоимочно дали доброволно в аманаты перваго острова тоёна Шушака племянника малолетного парня именем Мушкаля котораго они называли Иваном возрастом например около двенатцати или тринатцати лет при нём вывезено их тамошняго манира одна парка изо птичьих кож шитая одна шапка и с того отправления майя з 26 августа по 31-е число того 762 году обратно к нижнекамчатскому устию быв в пути имели превеликие недостатки в воде и пище так что и последнюю с ног обувь варили и в пищу употребляли а из имевших работников будучи там на островах умер Соли Вычегоцкой крестьянин Пётр Строганов да болшеретскаго острога камчадал Иван Сивцов в море утонул

А в валовом компанейском контракте явствует тако

1758-го году майя 1-го дня компании за отправлением поданному из болшеретской канцелярии лисиц сиводушек первой доброты сорок пять по два рубля по дватцати по пяти копеек второй пятдесят три по рублю по семи десять копеек третьей недолисей девять по рублю

Красных первой доброты дватцать по рублю второй дватцать же по семидесят копеек третьей две недолиси да одна опрелая по тритцати копеек

Кости моржеваго зуба два пуда девять фунтов щётом болших средних и малых зубов пятнатцать по шести рублёв пуд

Всего в натуре зверей по цене и с неполных десятков денгами взято на три тысячи на триста на сорок на четыре рубли на тритцать на три копейки а вторая восмипаевая половинная часть таковая ж какова в вышеписанном числе в казну взята отдана промышленным людям бывшим на тех паях в работе и с получения той половинной части себе как о том у них Бечевина с прикащиками и контракты утвержены

Да чёрных чернобурых бурых и крестовок на ту ж половинную восмипаевую часть и на девятой целой пай взято з девяти сот сто лисиц а затем на вторую половинную восмипаевую часть следующую ко отдаче вышеписанным работником восемдесят и затем досталные семь сот дватцать да девять лоскутьев за негодностию вовсе и вышописанные все звери отданы компанейщиком Глотову с товарыщи с роспискою а иноверец некрещёной Мушкаль для обучения российскаго поведения взят ко мне в Нижнекамчатском же остроге во всенародное известие публиковано указом троекратно и выставлен тот указ с тем не пожелает ли кто из помянутого выкидного из моря бывшаго купца Никифорова с компанейщики судна подлежащие во оном с такелажем бывшему купцу Бечевину девять паёв купить и ежели охотники будут то им явитца для договору в цене в нижнекамчатской приказной избе точию поныне никого не явилось

А того ж сентября 19-го числа поданным репортом посыланной к помянутому судну для свидетельства казачей пятидесятник Росторгуев объявил приплыв он к морскому камчадалскому Орликову острошку а оттуда следуя по Чажминской кошке к тому выкинутому судну которое состоит от того острошка в разстоянии в верстах например в десяти а по приходе усмотрел то судно состоит в песку в аршин в нём песку ж в четверть аршина воды на аршин и набочилось на морскую сторону а поверх песку к повреждению оного судна ничего не имеетца кроме того что трещины в разных местах отбило а под песком есть ли какое повреждение видеть было никак невозможно к тому ж как на прибылой и на убылой воде чрез судно вал всегда ходит а снастей к подъёму того судна годных ни одной не имеется а хотя имеется одна и якорная снасть и около мачты оснаска и протчия разныя верёвки токмо весма ветхи и безнадежны а лесу к подъёму блись того судна никакова не имеется а ежели лес из Нижняго острогу туда плавить то от того Орликова острошка по заливу вести вёрст например з дватцать а з заливу силою тащить по земле людми версты з две и к подъёму того судна способности им пятидесятником не усмотрено

И на то посланным ордером нижнекамчатской приказной избе велено то судно С. Иулиянин бот со снастьми и такелажем приказать хранить обретающемуся на устье Камчатки реки у присмотру соляной выварки Нижнекамчатскаго острогу казаку Козме Чижевскому обще с тамошним тоёном Герасимом Холшевниковым камчедалами и для того из имеющейся при том судне пенковой снасти употреблять и якорь беречь чтоб им более повреждения и вовсе потеряния не учинилось а будущею 763 году весною или как за наиспособно усмотритца велеть ис того судна песок выметать и поставить ево в удобное и безопасное место на блоки и по требованию компанейщиков того судна Красилникова с товарыщи отдать им с надлежащею и справедливою по присяжной должности оценкою взяв ис того числа вопервых за подлежащие иркутскому купцу Ивану Бечевину девять паёв надлежащую часть а потом за взятое мореходом Глотовым на Командорском острову от разбитого казённого судна железо пятнатцать пуд в натуре то ж число отдать им кампанейщиком с роспискою

На которой ордер марта 19-го числа сего 763 году в репорте ис той приказной избы объявлено декабря де 24-го числа 762-го года казак Козма Чижевской репортом объявил того декабря 21-го дня по власти Божеской от презелнаго шторму и от морскаго волнения то судно разбило таковым образом боковые доски все разнесло а кормовой штевень и несколко шпангот принесло к устию реки Камчатки а передней носовой штевень и с канпузом на месте где выкинуло и состояло притом и якорь замыло а конат якорной изорвало и разнесло а половину конца с якорем замыло сентября ж де 28-го оного судна компанейщики тюменской купец Яков Протасов с товарищи объявили за сохранение и смотрение того судна до предбудущаго времени тоёну Холшевникову из своего собственного капитала отдать денег пятнатцать рублёв вознамерились и отдали для чего посланными х казаку Чижевскому и тоёну Холшевникову ордерами велено притом во время приключающихся силнейших штормов всяческое ко охранению того прилагать старание и разнесённыя доски и кормовой штевень и шпанготы собрав все в безопасное место скласть так же и оставили за разнесением на прежнем месте передней носовой штевень с канпузом дабы оным от таковых же морских волнениев какова разнесения и вовсе потеряния не учинилось и употреблённое железо гвозди и болты буде возможность дойдёт от досок здирать и протчей материал и каталаж совокупляя во едино место содержать под присмотром там у моря добрым а компанейщики Протасов

с товарыщи объявили что они тогда за неспособным времянем до предбудущей весны к собиранию досок разнесённых и снятия употреблённого железа ехать сами и искать туда никого не намерены затем что последует излишнее тогда затруднение кроме того что в собирании разнесённых от того разбитаго судна досок каталажа и материалов и других мелочных вещей верят находящемуся у моря казаку Чижевскому и договорённому от них того острошка тоёну Холшевникову а уже в предбудущую то есть нынешную весну по растаянии снегу намерены от себя послать и потребныя притом вещи и железо отобрать к надлежащему сохранению а репортом де казак Чижевской объявил по свидетельству ево обще с тоёном Холшевниковым того судна оказалося что не точию заметнаго песком железного якоря изыскать и знать бы было но и всё то судно разбитое песком заметало и ни единой доски не оказалось також и из железных вещей не предусмотрено кроме того что собранныя и принятыя прежде тоёном Холшевниковым дватцать четыре бочки кои имеются в целости

А декабря 16-го числе 762-го года присланным сюда из оной же приказной избы репортом представлено того де декабря 1-го числе по обязателным во оной приказной избе подпискам города Тотмы посадского Ивана Всевидова устюжского крестьянина Якова Клыковского о принесении ими ея императорскому величеству извинения о разделе ими и будущими судном бывшаго московского купца Ивана Никифорова с товарыщи компании однеми рускими промышленными людми всего шеснатцати человеками в том числе и ими Всевидовым и Клыковским на незнаемом морском острову по тамошнему названию Умнак из упромышленных земных зверей называемых лисиц чёрных чернобурых бурых и из самых лутчих следующих до первой доброты шестидесяти семи зверей и о утаении ими таковых без объявления в казну у себя по определению той приказной избы к неупустительному о том исследованию имеющияся в Нижнем остроге купецких людей с собственными их товарами лавки и домы в коих находятся при квартирах вышедшие с моря промышленные люди казённою ея императорскаго величества печатью опечатаны и надлежащия в домах досмотры учинены почему ис тех лисиц найдено и в приказной избе содержалось дватцать четыре зверя а по следствию в необыскании оказывается сорок три лисицы чернобурых в том числе уже известных по тому следствию имеют при себе ль или кому в отдаче илимской посадской Матфей Петров Полосков шесть устюжской крестьянин Василей Ворошнин четыре

итого десять кои Полосков и Ворошин находятся во отбытии вверх по Камчатке и для сыску их и привозу туда с ымевшимися при них собственными товарами посланы казаки Иван Иконников с товарыщем по допросам же тотемского посадского Михаила Холодилова того ж города крестьянина Михайла Коровкина устюжского Ивана Чиркова оказалось ими в отдаче и в отвозе в Большеретск тотемских купцом Петром Казариновым двенатцать лисиц чернобурых кои отданы от Холодилова в сентябре со шкарбом ево в малом чемоданчике от Коровкина у моря при выкидном судне в чемоданчике малом с протчим же ево шкарбом от Чиркова в сиучьем горле ото всех без печати и о тех лисицах от них Холодилова с товарыщи ему Казаринову не объявлено да из отпущенных в том 762-м году на разных купецких судах в морской вояж промышленных яренского посадского Стефана Глотова тотемского посадского Стефана ж Каплина лалского посадского Якова Норицына иркутского посадского Алексея Софронова тоболского разночинца Козмы Барнашева итого пяти человек таковых же чернобурых разделённых ими и утаённых каждым по четыре в том числе Глотова пяти а всего дватцати одной лисицы куда ими и кому проданы по делу не оказывается и требовано оказавшияся по допросам там посадского Холодилова с товарыщи увезённые оттоль двенатцать лисиц у купца Казаринова принять

И по тому репорту а по определению болшеретской канцелярии оной тотемский купец Казаринов в допросе показал того де 762-го году в сентябре месяце будучи он в Нижнекамчатском остроге для собрания с разных чинов людей долговых своих денег и у моря на устье Камчатки реки при отправлении в море тогда для промыслу морских и земных зверей судна московского купца Андрея Серебреникова компанейщиков яренского купца Стефана Тырина с товарыщи где в то время выкинуло из моря судно ж компании бывшаго московского купца Ивана Никифорова с товарыщи со упромышленными на оном судне морскими и земными зверми откуда возвратился в Нижнекамчатской острог а из оного в Болшеретск и при отправлении ево оттоль поручили ему из бывших на том Никифоровском судне промышленных после разделу упромышленных ими зверей и взятья ис того в казну подлежащих тотемской посадской Михайло Холодилов крестьянин Михайло Коровкин яренской посадской же Стефан Глотов три неболшие но самые малые чемоданчика устюжской крестьянин Иван Чирков сивучево горло кожаное с собственным своим платеным шкарбетом для перевозу в Болшеретск и содержания под

ево Казаринова смотрением в дом ево до прибытия их по прежнему знакомству их и что из них Холодилов и Коровкин урождением с ним Казариновым одного города Тотмы почему он Казаринов поверя им те чемоданчики и сивучье горло без их печати взяв и не осмотря в них какая имянно кладь положена простою своею привёз с собою в Болшеретск и поныне содержит в доме своём без всякаго осмотру и знания которые к свидетельству осмотру и учинению в виде государственных прав при том допросе объявил а заведомо воровских и никаких товаров и мяхкой рухляди от них Холодилова с товарыщи не бирал и не покупал и что в тех данных чемоданчиках и сивучьем горле имеется за подлинно не знает в чём слался и на бывших при приносе посадским Глотовым своего чемоданчика тотемского посадскаго Стефана Каплина иркутского посадского Алексея Софронова а от протчих промышленных и купецких людей никаких заповедных и утаённых товаров на сохранение не бирал и заведомо неведомо не покупал и ныне при себе и на поклаже у других ни у кого не знает в том и утвердился

А того ж числа объявленные от него Казаринова данные ему в Нижнекамчатском остроге тотемским посадским Михайлом Холодиловым с товарыщи три неболшия чемоданчика и сивучье горло коженое в болшеретской канцелярии в присудствии осмотрены в коих явилось в дву чемоданах и сивучьем горле взятых от Холодилова Коровкина и Чиркова двенатцать лисиц чернобурых в одном чемоданчике от Глотова четырнатцать лисиц чернобурых же окроме того в них ничего не явилось и те чемоданчики и горло без печатей точию завязаны ремнями по петлям

И на оное декабря 18-го числа по определению болшеретской канцелярии те лисицы дватцать шесть взяты в казну ея императорскаго величества и запечатаны казённою печатью а у него Казаринова в доме во всём ево имении обыскано и таковых же лисиц не явилось а движимое ево Казаринова имение описано и до решения сего дела для содержания в добром смотрении без повреждения отдано ему Казаринову з добрыми поруками с роспискою

А генваря 12-го числа сего 763-го года при доношении сюда из нижнекамчатской приказной избы прислана учинённая там из государственных прав и ис производимого о вышеписанных утаённых и разделённых лисицах следственного дела выписка со объявлением таковым по определению де той приказной избы учинено следующее по прописанному в той выписке обстоятелству сысканные лисицы а имянно у вологодских купцов Ивана Хомутинникова

одну купленную им от крестьянина Якова Клыковского за двести рублёв Алексея Карнилцова семь в том числе им купленные у того ж Клыковского три устюжского крестьянина Харитона Силуянова четыре тотемского купца Василья Черепанова взятые в ево лавке положенные яко б за незнаемо от тотемского посадского Ивана Всевидова без печати и без далняго всякаго прикрывателства токмо в чемодане в белом холшевом мешке четыре яренского крестьянина Андрея Щапина четыре тоболского посадского Ивана Соловьёва при квартире ево сысканные в сенях под полом четыре ж привезённые с пути и объявленные при репорте от казаков Ивана Иконникова Игнатья Студенцова а им отданные в Толбачовском острошке от илимского посадского Матфея Полоскова шесть устюжского крестьянина Василья Ворошнина четыре собою без всякаго препятствия к привозу и объявлению в приказную избу тотемского посадского Петра Шишкина собою ж им при допросе объявленные четыре всего тритцать четыре зверя в силу имянных повеленей взяты в казну ея императорскаго величества бесповоротно которые також и описные у утаителей содержателей и покупателей купцов Хомутинникова с товарищи имении с ними сюда присланы при репортах

Да того ж числа при особливом репорте оттоль получены со объявленной тотемским посадским Михайлом Холодиловым подписки о взятии в бытность его с протчими судном компании бывшаго московская купца Ивана Никифорова с товарищи на незнаемом морском острову по тамошнему названию Умнак тоболским посадским Иваном Соловьёвым с протчими рускими людми с Налашкина острова и о привозе в байдаре чрез морской пролив на Умнак остров незнаемых народов мужика по названию тамошнему Кашмака и предпоручении того в компанию и о нахождении во оной одного года а потом и о побеге неведомо куда а во время бытия того мужика Кашмака в той компании яко б о объявлении им ему Холодилову и протчим о нахождении от островов Умнака и Налашки на далных островах людей одноручных и одноногих и о имении теми людми ртов на грудях из допросов о том бывших при той компании разных городов промышленных и казака Савина Пономарёва точные копии и объявленная от посадского Шишкина записка о нахождении по ветру лежащему под полуношником морских островов и о имении на них людей зверей и протчаго

А по указом блаженныя и вечной славы достойныя памяти государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской велено

1-му

Из канцелярии Охотскаго порта июня от 26-го а в Болшеретску полученному августа 14-го 1746 с прописанием указов же из иркутской правинцыалной канцелярии февраля от 12-го а в ту канцелярию из сибирского приказу сентября от 23-го 745-го а во оной приказ сообщения ея императорскаго величества ис кабинета за рукою действителного статского советника барона господина Черкасова чтоб где чёрные чернобурые и седые лисицы во всей Сибири у кого будут отнюдь оных не продавали а присылали б в Сибирской приказ

2-му

Из ыркутской правинцыальной канцелярии июня от 28-го 749 а в Большеретску полученному октября 9-го 760-го с прописанием указу из сибирского приказу а во оном имянному ея императорскаго величества за подписанием собственныя руки высочайшему указу полученному генваря 15 дня того 749-го году везённые из Сибири в разные городы в том числе и к границам товары московского купца Гаврилы Журавлёва и других кои по некоторым подозрениям велено переняв на пути и запечатав поворотить все в Москву в сибирской приказ и для того посланы оного приказу советник Коротнев да кабинет куриэр Аничков с командою а по привозе их к сибирскому приказу с таможенными управителми осмотреть 1-е не имеется ль в них каких заповедных товаров 2-е выписи освидетельствовать справедливые ль имеют и нет ли каких сверх их выписей утаённых неклеймёных а и по выписям несходственных со объявлениями их в противность указом и торговому уставу 3-е ежели между теми товарами найдётся какая мяхкая рухлядь а особливо соболи и лисицы и протчия звери какие прежними указами в волную продажу были запрещены каким образом оные в сороках или бунтах вязаны так ли как в сибирской приказ казённые привозятся на лицо или на выворот мездрою вверх 4-е и тех свясках самыя лутчия сряду ли или в средине вязаны и по сколку зверей в сороке или свяске и бывают ли таковыя в казну ея императорскаго величества в приходе и что по осмотру явитца о том подать ея императорскому величеству обстоятелной репорт с приобщением тех везённых товаров реэстров с ценами и о заповедных и утаённых показать особо 5-е ис тех товаров кои не в противность указом везены буде по таможенным уставам не подлежат конфискацыи со взятьем указной пошлины отдать купцам чьи те товары кроме заповедных и утаенных и мяхкой рухляди которую до указу удержать в сибирском приказе

3-му

Из сибирского приказу февраля от 3-го числа 753-го году с прописанием указу ис правителствующаго сената которому известно учинилось что из России за границу тайно провозят с протчею мяхкою рухлядью чёрные лисицы а понеже по указом в сибирских городах мяхкою лутчею рухлядью в том числе чёрными добрыми бобрами и седыми лисицами кроме казённой никому торговать не велено и когда от самой мяхкой лутчей рухляди на продажу что в городех появитца то из оной потребную в казну покупать повелено а чтоб той за границу мяхкой рухляди партикулярные никто ни тайно ни явно не отпускали под потерянием всех таких товаров того определённым на учреждённых заставах и в таможнях смотреть накрепко и ежели у кого такия запрещённыя мяхкой рухляди товары явятся оныя конфисковать и по тому указу в силу прежних указов о непропуске никому партикулярным людям запрещённой мяхкой рухляди в том числе чёрных бурых и седых лисиц никуды за границу ни тайным ни явным образом сибирскому приказу в надлежащия до ево ведомства места а комерц коллегии во все учреждённыя заставы и портовыя таможни а особливо к городу Архангелскому подтвердить наикрепчайшими указами и велеть в том крепкое смотрение иметь чтоб таких заповедных товаров впредь от партикулярных людей ни тайно ни явно за границы пропускано не было а у кого по усмотрению такая заповедная мяхкая рухлядь объявитца того о конфисковании поступать в силу прежних о том указов без всякаго упущения а в сибирском приказе по справке по нижеписанным состоявшимся указом и таможенному 7207 регламенту и данному ближным бояром и сибирским губернатором князьям черкасским 7206 годов сентября 1-го наказу чинить велено по регламенту третьему пункту когда с торговых и всякаго чина людей в Верхотурье с разных товаров десятым а з денег денгами пошлина будет и на те денги опричь заповедных товаров соболей пупков хвостов собольих и что соболей зделано и больших цен чёрных лисиц и ревеней шару на те денги покупать всякой незаповедной мяхкой рухляди и товаров лисиц сиводущатых бурых и красных пятому соболей и соболиной рухляди опричь того что кому ис ево великаго государя казны в сибирском приказе будет продано и чёрных лисиц и золотых ефимков в Китай и ни в которыя земли и улусы ни с кем не пропускать а буде у кого явится и у него взяв в казну государеву купчине для продажи и то продав к Москве в сибирском приказе объявлять осмому буде на Верхотурье при осмотре у воевод

и у протчих явитца опричь зделанного платья какая мяхкая рухлядь или китайския товары или денги и о пропуске им чинить против прежних указов а соболей и что от соболиной рухляди и чёрныя лисицы имать на великаго государя а с ыной неболшей мяхкой рухляди и с китайских товаров и денег что сверх уречённого числа взяв десятую пропускать по данному наказу князьям черкаским 206 по дватцать пятому будучи им князьям черкаским на службе в Тоболском уезде в ясашных волостях ясашным людем учинить крепкой заказ чтоб они ясашныя люди лисиц чёрных и бурых и песцов чёрных и голубых торговым и промышленником и никому ни коими мерами не продавали и ни на какия товары не меняли а приносили б в государев ясак за соболиной ясак и те лисицы и песцы присылать да и торговым и приезжим и промышленником всяким людем по тому ж учинить заказ крепкой чтоб они у ясашных людей не покупали и на товары не меняли которые ж торговые или промышленные люди на лисишных своих промыслах учнут добывать оные чёрные чернобурые и бурые лисицы а песцы чёрныя и голубыя сами и они б те лисицы и песцы к помянутым князьям черкаским объявляли за которыя давать им из казны денги по прямой цене а буде те торговыя и промышленные люди вышеписанные лисицы и песцы учнут у себя таить и в Тоболск провозить не учнут а после про то сыщется и у тех людей те лисицы и песцы имать в казну безденежно да им же учинить наказание а которые ж торговые ж и промышленные люди вышеозначенные лисицы и песцы учнут приносить в Тоболск добрые рублёв по осмидесяти по дватцати и по тритцати по сороку и по пятидесяти и болше и у тех людей те лисицы ценить прямою ценою а по цене за те лисицы давать тем людям денги ис казны и те лисицы присылать к Москве да по силе полученных ея императорскаго величества ис кабинета ж в сибирском приказе сентября от 14-го 745-го марта от 4-го 746-го да 751-го годов ноября от 23 чисел сообщениев повелено ж а имянно по первому второму 745 и 746 ея императорское величество указала впредь сколко из сибирской губернии чёрных бурых чернобурых и седых лисиц во оной приказ в присылке будет оных в продажу не употреблять и не описывая присылать ко двору ея императорскаго величества немедленно чего ради из оного приказу и в сибирскую губернскую канцелярию послать указ чтоб где такия лисицы во всей Сибири у кого будут отнюдь оных не продавали ж а присылали б в тот приказ и по определению сибирского приказу велено во исполнение вышеписанных имянного высочайшаго и правителствующа-

го сената ея императорскаго величества указов и от кабинета ея императорскаго величества сообщения и приказаниев послать с крепким подтверждением в сибирскую губернскую в ыркутскую правинцыалную канцелярии и ко обретающемуся в городе Верхотурье колежскому советнику и оного приказа члену господину Сушкову указы по которым велеть каждому ведомства своего как в таможни так и на заставы накрепко подтвердить дабы с помянутою запрещённою мяхкою рухлядью поступано было как вышеозначенными указами и 207-го году регламентом повелено чтоб мяхкая рухлядь соболи лисицы высоких цен в партикулярных руках чрез прилежное смотрение обращатся не могли и о непропуске с оною запрещённою мяхкою рухлядью партикулярных людей никуды за границу ни тайным ни явным образом по силе указов непременное исполнение чинить

4-му

Торговому уставу состоявшемуся за подписанием по высочайшей ея императорскаго величества конфермации правителствующаго сената декабря 1-го дня 1755-го году

В главе 4-й о доносах про утайку от пошлин товаров и как со оными поступать

В 1-м пункте буде кто всякаго чина люди уведают о утаённых от пошлин и без таможенного клейма товарех таковым доносить где таможни есть в таможнях а где таможен нет в магистратах и ратушах с ясными и крепкими доводами разведав о том подлинно и не продолжая от известия о тех товарех более трёх дней и ежели тот доноситель о тех товарах точно сам знает а не по словам от других то по тем доносам посылать кого надлежит с понятыми и взяв товары осмотреть и ежели найдутся от пошлин утаённые то не чиня никакого следствия конфисковать только у тех чей товар спрашивать и они должны точно показать какими дорогами те товары мимо таможен провезены или и чрез таможни и от таможенных служителей послабление учинено и отдавать доносителю ис тех конфискованных товаров в награждение половину взяв с него торговую и внутреннюю пошлину а другую половину оставлять в казне а кои клейму не подлежат и не клеймятся оных не отбирать разве об оных точно показано будет что те неподлежащие клейму товары провезены потаённо мимо портовых и пограничных таможен потаёнными местами то таковыя брать и чинить против вышеписанного а чрез какое место провезены писать в самой скорости в комерц кольлегию которой во учреждении на тех местах застав и в штрафовании таможенников поступать в силу указов

Во 2-м всем лавочником запрещается тайно и явно неявленными товарами в лавках торговать чего смотреть сверх посторонних и самим лавочникам друг за другом и старостам рядовым ибо они сами между собою удобнее посторонних могут о неявленных товарех ведать и ежели как староста так и лавочник у лавочника увидит неявленной товар тот волен брать со объявлением в таможне и платежем пошлин как выше писано к тому ж когда в лавках лавочники сами себя или сиделцов будут щитать и пересматривать товары притом быть старосте и прилежно смотреть не явитца ль чего неявленного буде же староста смотреть и престерегать того не будет а вынут посторонние в ряду в лавке неявленные товары и за такое каждое неусмотрение брать штрафа с старосты по пяти рублёв и отдавать в гошпиталь или богаделны а ежели лавочники меж себя в тех неявленных товарех друг другу наровить станут и старосты смотреть того не будут и про оное сыщется за то чинить им наказание бить кнутом без всякой пощады

5-м о всех конфискованных товарах где оныя конфисковании будут и о произвождении о тех товарах дел и о учинении эксекуции писать для известия в комерц кольлегию також ежели купцы или доносители в таковых делах надлежащей сатисвакцы или какого удоволствия получить не могут оным просить во оной же кольлегии и той коллегии по тем делам иметь апеляцыю над всеми вышеписанными местами и те дела брать и разсматривать

6-м буде же купеческие прикащики без ведома хозяев своих торговать станут на имена тех своих хозяев собственными своими или купя на хозяйския денги от пошлины утаёнными или какими заповедными товарами и в том будут поиманы и явятся подлинно что хозяева того имать им не велели и не знали таковым хозяевам штрафу никакого не чинить и товаров их хозяйских коими прикащики без платежа пошлин потаённо торговали не арестовать а взяв пошлины отдавать им хозяевам а с тех прикащиков взыскать из собственного их имения такую сумму на сколко неявленных товаров взято будет а ежели кому платить той суммы нечем таковым чинить наказание плетми

7-м все такие конфискованные товары подлежащие в казну где б оные конфискованы не были и взысканные штрафы отсылать и канцелярию конфискацыи и оной в кантору

Позволителному в морской вояж указу московскому купцу Ивану Никифорову и по учинённому им в собрании контракту за отправлением ево новопостроенного в прошлом 754-м году морскаго судна в наименовании Святаго Иулиян Бота компанейщики

купецкие и протчих чинов люди а имянно в содержании паёв галецкой купец Алексей Тюзнев три пая на оных работники один руской двое камчедал тюменской купец Яков Протасов два пая работников двое камчедал тоболской купец Илья Снигирёв три пая на тех паях работники трое камчедал болшеретского острогу казак Василей Плотников два пая на оных один руской а другой камчедал иркутского купца Ивана Бечевина прикащик ево Никифор Голодов девять паёв на тех паях работников руских восемь да девятой камчедал соливычегоцкой купец Иван Жилкин один пай на оном камчедал илимской посадской Матвей Полосков два пая работники двое камчедал костромской купец Иван Матонкин три пая на оных трое камчедал тотемской купец Василей Росляков один пай работник камчедал иркутской купец Никифор Трапезников два пая на оных двое камчедал тоболской купец Фёдор Тюменцов один пай на оном камчедал болшеретского острогу казачей сержант Иван Красилников семь паев на оных один руской да шесть камчедал колежского ассесора и сибирской губернии табашных зборов содержателя Козмы Матвеева поверенной Сергей Дружинин три пая на оных один руской двое камчедал тоболской посадской Иван Соловьёв один пай на оном камчедал тотемской купец Иван Гурылев три пая на тех паях камчедалы устюжанин Михей Окулов один пай работник ево камчедал крестьянин Денис Петров два пая на оных один руской другой камчедал согласно тем контрактом заключают в такой силе что посланным от них на вышеписанных паях работным людям руским и камчедалам по вступлении в морской вояж приискав морския острова где б не в противность указу и чинить в обшей компании промысел всякаго морскаго и земнаго зверя и протчаго что Господь Бог дарует и по согласию всех отпущенных на паях работных людей и определённых над ними в мореплавании и на земли вместо подлинных хозяев командиров по окончанию всего компанейского к промыслу за выделом в казну десятой пошлины иметь с разделу по равному числу всем что было без обиды да сверх вышеписанных паёв дать при разделе от всего промыслу всемогущему Господу Богу и пресвятей Его Богоматери и Николаю чюдотворцу в Болшеретск Верхнем и Нижнем камчатских острогах в казну к церквам один пай суховой да во святую Афонскую гору во обитель Иверския пресвятые Богоматере для искупления православно християнские веры монашескаго чину от проклятако агарянскаго безбожия от всего ж промыслу половину пая да мореходу яренскому посадскому Стефану Глотову за мореходство один пай

суховой а в промыслу быть ему с протчими на ряду с работными людми во всех работах за что по согласию компании дать ему пай же а впредь ни до чего дела ему нет да тоболскому посадскому Ивану Соловьёву за лутчее со оным же Глотовым в мореходстве согласие и на земле за промысел дать пай же а в мореплавании иметь первенство Глотову и чинить к лутчему в вояже способу общее согласие и в промыслу с протчими безотрицателно да за постройку судна плотнику Осипу Зинину дать от всей компании пай суховой же а впредь ни до чего ему дела нет да за оковку судна и за ковку двух якорей тотемскому купцу Ивану Всевидову которой ныне в Болшеретску умре дать пай которому и в промыслу быть на оном самому и работать с протчими на ряду ежель потребно будет и кузнешную работу и около ружей починки сколко может смыслить без ослушания а по выходе в компании ему ни до чего дела нет да определённому от нижней приказной избы служивому ежель отпущен по прежнему договору Иван Росторгуев не будет то договорить кого способнее а как договорён и отпущен будет взять особливой контракт во общую компанию по которому по выходе договорнаго контракта и учинить удоволствие и будучи на обысканных островах показанным мореходам и протчим на паях работным людям и служивому иметь в промыслу неусыпное старание к лучшему способу и там незнающему народу обид и налог не чинить и обхождение иметь с ними в дружестве и приводить в подданство ласкою и приветом а ежель кто учинит в противность то ответствовать им самим помимо всего промыслу и компанейщиков в чём оные промышленники и обязаны быть имеют наикрепчайшею подпискою а что ж касатца будет в обшей компании промысел и тамошнему народу какие товары или платье и кто ис промышленников иметь будет при себе и пожелает продать или платье на что со оными иметь будут размены то объявлять в общей компании промысел а что променено будет объявляя где будет находитца по артелям передовщикам и старостам а им осмотря оное чего стоит по камчатской настоящей цене что взято будет на компанию записывая класть вдвое ценой за которое по благополучном выходе в Камчатку после выделу до разделу из общаго промыслу у кого на сколько по ценам продано будет из упромышляемых зверей удоволствовать денгами безпрекословно а на себя никому ничего не выменивать и не промышлять а из промышленного всякаго морскаго зверя бобров маток и кошлоков медведков никакова платья к вывозу на себя из общаго промыслу не шить разве тамошней в промыслу носки шить невозбранно на

себя и скотов и нерп и то не для вывозу а ежель в противность кто будет сего чинить и при выходе подлинно уличён будет то за оное лишить всего договорнаго им промыслу а работным людям платы а брать оное у винных все части на кампанию а ежель кто волею Божиею по вступлении в морской вояж до промыслу или и в промыслу до окончания помрёт или инными случаи утеряется таковым при разделе быть с протчими в равенстве також и при отправлении судна в морской вояж у кого с паю збежит или нечаянным случаем утеряется работник а при всех работах в компании быль и в скорости нанять будет нечем или и некого таковым хозяевам за складство в вояж с промыслу давать по половине пая буде же из них от кого работников не было с началу и до окончания работы компанейской також и в морской вояж то на оныя паи никаковой части не давать и по благополучном из моря выходу ежель паки вознамерятся все имеющияся компанейщики то судно отпустить для такова ж промыслу в морской вояж и всякому самому собой исправлять а которые работные люди с начала строения судна были во всех до походу в морской вояж работах против тех кои при строении не были а хотя и были но не у всей до окончания выходу из устья работы и им между собой в том вояже не верстатца а по выходе в компанию объявить на кого имянно и тем на таковых хозяевах у кого при работе судна или и другой какой работники не были почему присогласуют взять промеж собой при разделе в чём они по содержании своих паёв а за отправлением показанного Никифорова имянно в согласии сего контракта или ежель паче чаяния в каких потребных от их компании в присудствующия места ответах обязались обще друг другу спомоществовать согласно для отпуску показанного судна в морской вояж того 1758-го году

И на то и учинённую выписку того ж сентября 15 числа по определению камчатской болшеретской канцелярии объявленные привозные из морскаго вояжа казаком Пономарёвым передовщиком Глотовым с товарищи ясашные и упромышленные морские и земные звери и кость моржеваго зубья взяв розобраны по добротам при компанейщиках и по тому разбору в силе указов ясашные все а из упромышленных от девяти десятым зверем в натуре а с неполных десятков денгами взято в казну ея императорскаго величества

Коих явилось по оценке ценовщика казака Ивана Чюдинова ясашной казны

Лисиц чернобуренких тринатцать в том числе пять по пятнатцати семь по семи рублёв одна без подчеревка и лап четыре рубли

Сиводушек одиннатцать в том числе пять с лапы и с хвосты да одна без хвоста итого шесть по два рубли пять по рублю по пятидесяти копеек

Красных две по рублю

Бобров семь по двенатцати рублёв

Матка бобровая восемь рублёв

Кошлоков три по пяти рублёв

Итого на двести на пятьдесят на шесть рублёв на пятьдесят копеек

Упромышленных зверей / Взято в казну

Бобров морских первой доброты двести сорок / Дватцать четыре в том числе подделанных парошных восемь каждой по пятнатцати рублёв

Той же доброты средней руки сто десять / Одиннатцать в том числе подделанных и парошных восемь по тринатцати рублёв

Второй доброты четыреста / Сорок в том числе подделанных и парошных дватцать девять по десяти рублёв

Той же доброты средней руки двести десять / Дватцать один подделанных и парошных по осми рублёв

Третьей доброты тритцать / Три подделанных парошных по четыре рубля

Маток бобровых первой доброты сто дватцать / Двенатцать в том числе одна подделана по семи рублёв

Второй девяносто / Девять в том числе подделанных парошных две по шести рублёв

Кошлоков первой доброты сто сорок / Четырнатцать в том числе подделанных парошных два по три рубли

Второй сорок девять / Четыре подделанных парошных по два рубли за досталные девять по оценке денгами один рубль восемдесят копеек

Медведков бобровых семдесят шесть / Семь по тритцати копеек за шесть денгами осмнатцать копеек

Хвостов разных двести восемдесят / Дватцать восемь по десяти копеек

Лисиц чёрных чернобурых бурых и крестовок тысяча две / Сто а досталные две за незнанием цены в натуре ж

Лоскутьев десять / Один чернобурой лоскут с передними лапы без задних и без хвоста

Шеснатцать негодных / Одна лисица бурая вешная недошлая

Сиводушек первой доброты пятьсот / Пятьдесят по два рубли по дватцати по пяти копеек

Второй шестьсот / Шестьдесят по рублю по семидесят копеек

Красных первой доброты двести / Дватцать по рублю

Второй двести ж / Дватцать по осмидесят копеек

Кости моржовых зубов дватцать два пуда десять фунтов / Два пуда девять фунтов щётом болших средних и малых семнатцать зубов по шести рублёв пуд

У промышленных руских и камчедал платья и одежды держаных плохих и ветхих по цене на двести шестьдесят пять рублёв на пятьдесят копеек / Денгами дватцать шесть рублёв пятьдесят пять копеек

Итого в натуре по цене кроме бесценных на тысячу пятьсот тритцать девять рублёв семдесят пять копеек с неполных десятков по оценке денгами дватцать восемь рублёв пятдесят три копейки

За тем взятьем из оставших в компании по разборе по добротам и по раскладке компанейщиками Глотовым с товарыщи на сорок на пять обыкновенных писмянных с прописанием компанейщиковых имян и прозваниев цыдулок заверченных в воску на каждой пай досталось на имя бывшаго иркутскаго купца Ивана Бечевина девять паёв из них от восми с каждого половинное число а девятой целой взято в казну ея ж императорскаго величества по оценке а имянно

Бобров первой доброты дватцать девять по пятнатцати рублёв каждой

Второй дватцать семь по десяти рублёв

Третьей шеснатцать по семи рублёв

Маток первой доброты семнатцать по десяти рублёв

Второй пятнатцать по осми рублёв

Третьей тринатцать по шести рублёв

Кошлоков первой доброты десять по пяти рублёв

Второй десять же по три рубли

Третьей два по рублю

Медведков первой доброты четыре по сороку копеек

Второй один малой руки десять копеек

Хвостов первой доброты шесть по дватцати по пяти копеек

Второй восемь по пятнатцати копеек третей одиннатцать по пяти копеек

Копия с копии

1763-го года майя 10-го числа будучи в Болшерецку нижеподписавшияся под сим ея императорскаго величества Всероссийской империи разных великороссйских губерней и городов купцы а протчих прикащики и поверенные по общему своему единогласному утверждению и заключению дали сей выбор за своеручным подписанием выборным нами купцам вологоцкому Ивану Буренину яренскому Ивану ж Томилову тотемских купцов Пановых прикащику Семёну Шергину в том дабы им при отправлении из болшерецкой канцелярии взятых в казну ея императорскаго величества без оценки с вышедшаго в прошлом 1762-м году из морскаго вояжа бывшаго московского купца Никифорова с товарыщи собственного судна называемаго Ст. Иулиан Бота упромышленных на морских островах высоких цен чёрных чернобурых бурых и крестовок лисиц тысячи в том числе следуемых за указным

в казну ея императорскаго величества выделом и взятьем на часть доставшихся бывшему иркуцкому купцу Ивану Бечевину компанейщиком ево купца Никифорова а от них нам нижеименованным по обезателствам и заключённым контрактом (каков у сего при имянном кратком реэстре сообщается) восми сот лисиц в указно повеленные места то есть в Москву в сибирской приказ а из оного в кабинет ея императорскаго величества быть при тех лисицах в пути и при отдаче и оценке где соизволено будет обще со определёнными от болшерецкой канцелярии и протчих мест смотрители и по приёме в казну по оценке просить о выдаче за оные ис казны ея императорскаго величества денег по способности где по вашему усмотрению заблагоразсуждено и в то время усмотрено будет и по приёме те денги по паям раздать нам и себе взять каждому налицо без утайки однакож ныне наперёд то за те принятые в казну лисицы (хотя и без оценке точию по усмотрению нашему высоких цен и на немалую сумму) для исправления нашей купеческой коммерции и оттого приращения в казне ея императорскаго величества высочайшего немалого интереса государьственной и обще народной ползы ко отправлению паки в морской вояж для промыслу таковых же или за помощию Божескою высочайшим счастием ея императорскаго величества свыше тех лисиц добротою и протчих морских и земляных зверей морских судов истребовать чрез доношение от здешней камчатской болшерецкой канцелярии денег десять тысяч рублёв с тем дабы оную сумму при выдаче вам ис казны за те лисицы денег зачесть а естьли какое о невыдаче за оные лисицы по оценке денег препятствие и остановка будет или той выданной здесь десятитысячной рублёв суммы по оценке будет недостаточно в таком случае имеем мы обще с вами из своего кочту заплатить и чем и должны по вас и по себе порукою подписатся и во уверение того всего под сим подписуемся

На подлинном выборе в руках писано тако

К сему выбору гороховского Василья Опарина приказщик ево Иван Плотников руку приложил к сему выбору тулской купец Семён Красилников руку приложил к сему выбору яренской купец Стефан Тырин руку приложил к сему выбору иркутских табачных зборов содержателя Егора Собенина поверенной Иван Котелников руку приложил к сему выбору тотемской купец Василей Росляков руку приложил к сему выбору лалского посаду купец Афанасей Чебаевской руку приложил к сему выбору яренской купец Афанасей Суханов руку приложил к сему выбору вологоцкой купец Василей Кулков подписуюсь

1756-го года октября 14-го дня в Болшерецком остроге московской купец Иван Никифоров обязуюсь я сим контрактом с костромским купцом Иваном Яковлевым Матонкиным в новопостроенном судне которое построено будет по заключённому нами контракту из общей компании на имя моё в предбудущем 757 году ему Матонкину три пая в вечное владение со всеми припасами и каталажем парусы якори и снасти и ружья и что к тому судну потребно будет то мне Никифорову на показаные три пая отправлять без задержания и остановки и за оное отправление по договору нашему с ним Матонкиным взял я у него тысячу пятдесят рублёв а денги получил все сполна а к работе судна и в поход в морской вояж отправить на показаные три пая трёх человек мне же Ивану Никифорову на моём кочте и показаные три пая ему Матонкину владеть вечно и волно ему продать и заложить и во всякие крепости укрепить в том я Никифоров ему Матонкину и контракт дал контракт писал я Иван Никифоров своею рукою

На подлинном подписано по сему контракту и по договору нашему к судовому строению и в поход морской вояж на показанные паи отправил я трёх человек камчадалов со всякою исправностию а имянно коряцкого острошка Кирила Третьякова коловского острошка Василья Заева Олокина острошка Федота Чуркина в том я Иван Никифоров подписуюсь своеручно

1758-го году июня 19 дня в камчатском Болшерецком остроге соливычегоцкой купец Иван Дмитриев сын Жилкин дал сей контракт вологоцкому купцу Семёну Иванову сыну Осекину в такой силе продал я Жилкин ему Осокину собственной свой пай в вечное владение в компании на судне московского купца Ивана Никифорова имянуемом Ст. Иулиан Бот со всем принадлежащим в том судне каталажем с принадлежностию а оной пай отправить мне Жилкину в нынешней вояж своим кочтом и не требовать от него Осокина ничего также и работника ис камчадал отправить же своим кочтом и что будет ко отправлению в недостатке то мне Жилкину дополнить и всё добавлять а ежели оной камчадал збежит то вместо ево отправить другова неудержно и оной пай ему Осекину волно продать и заложить а от меня Жилкина никому оной не запродан и не заложен и впредь мне дела и родственникам моим до того пая и посторонним нет а ежели впредь оное судно понудитца в морской вояж паки иттить то уже ему Осекину отправлять самому собою помимо меня Жилкина а за оной пай взял я Жилкин у него Осекина договорное число денег все сполна

двести пятдесят рублёв и впредь уже более с него Осекина ничего не требовать а по выходе из морскаго вояжу что причтётся до дачи работнику и оные денги доплачивать мне Жилкину помимо ево Осекина в том я Жилкин под сим контрактом и подписуюсь а зданной на вышеписанной пай от купца Никифорова контракту ему Осекину я Жилкин копию поручаю. На подлинном подписано к сему контракту Иван Жилкин подписуюсь своею рукою

1762-го году октября 10-го дня будучи в Нижнекамчатском остроге тотемской купец Иван Дмитриев Всевидов дал сие писмо тотемцу Дмитрею Фёдорову Тропину в таком обстоятелстве что сего году вышло с моря с промыслов бывшаго компанейщика московского купца Ивана Никифорова промышленное судно имянуемое Ст. Иулиан Бот на котором судне имею я Всевидов по силе заключённого с протчими компанейщиками валоваго контракта собственной свой пай которой ряжен мне за работу от оковки судна о чём значит и во оном валовом контракте ис которого пая по выделу в казну десятой и по разделу бобры матки кошлоки лисицы сиводушки и красные и кость моржевую от компани получил а чтож имеютца у нас той компании в промыслу чернобурыя бурыя и крестовки лисицы которыя ныне хранятся за казённою печатью без оценки и где либо благоволено будет за помянутыя лисицы по оценке ис казны денги выдать и ежели в казну которыя лисицы не возмутся то дозволяю я тебе Тропину за оной пай за лисицы денги також ежели будут оставшие лисицы принять помимо меня Всевидова ибо я от тебя Тропина за вышеозначенныя лисицы по договору нашему взял восемь сот рублёв все сполна в том я Всевидов тебе Тропину сие и писмо дал

На подлинном писме подписался к сему писму Иван Дмитреев Всевидов купец тотемской подписуюсь на оном писме подписано в содержании сего контракта где соблаговолено будет за прописанные в сем писме лисицы чернобурые бурые и крестовки ис казны выдача денгами или натурою то поверяю принять вологоцкому купцу Ивану Петрову сыну Буренину тотмянин Дмитрей Фёдоров сын Тропин подписал своеручно Болшерецк 1763-го году майя 7-го дня

1762-го году октября 3-го будучи в Нижнем камчатском остроге тоболской посатцкой Дмитрей Иванов сын Казаринов дал сие писмо тотемского купца Петра Панова прикащику ево Семёну Шергину в таком обстоятелстве что дяди моего покойного Фёдора Григорьева сына Тюменцова купца тоболского имелся ево собствен-

ной пай в судне бывшаго московского купца Ивана Никифорова имянуемом Ст. Иулиян Бот которое сего году сентября 3-го дня близ устья Камчатки реки с моря погодою выкинуло и на оном судне имеютца в промыслу чернобурыя и бурыя и крестовки лисицы и оныя лисицы ныне здесь по силе указов взяты в казну без оценки и где либо да соблаговолено будет за них ис казны по оценке денги выдать то дозволяю я Казаринов ему Шергину за оныя лисицы за один дяди моего пай денги принять помимо меня ибо я от него Шергина за один дяди моего Тюменцова пай за чернобурыя бурыя и крестовки лисицы по договору цены взял шесть сот рублёв все сполна наперет в том я Казаринов ему Шергину и сие писмо дал Дмитрей Казаринов подписуюсь своеручно

Сие писмо в камчатской нижне приказной избе явлено и в книгу октября 3-го дня 1762 году под № 126-м записано. На подлинном подписано прикащик Григорей Низовцов пищик Ефим Мутовин

Звание островам и на них имеющих зверей и людей и протчаго о том явствует ниже сего а имянно

1. Умнак. 2. Накуналашка лисицы на которых промышляли

Далные острова

3. Уналга лисицы есть. 4. Акутанак морские сиучи. 5. Акутанак бобры. 6. Акугыст лисицы есть. 7. Кызылгыст лисицы есть. 8. Унимак лисицы на нём. 9. Алахшак лесу стоячего много лисицы медведи олени по признаком куницы кабаны есть. 10. Прямо ево Кучюк сиучи отчасти бобры. 11. Танилак сиучи бобры. 12. Кадияк в боку с полдни лисицы сиучи лес стоячей которой толшиной охватов по пяти. 13. Шугачь Таны зверей есть медведи олени лес а мужики платье носят рубашки портяные а при них палаши и копьё зеркала и чернилницы. 14. Остров Угились все бобры а мужики приезжают с Шугачь Таны которой приедет тот з бабой перебудет и пропадет а вес женской пол имеют на себе платье женское. 15. Атахтак люди на нём одноглазые однорукие одноногие. 16. Чихмиль остров невелик судно выкинуло иностранное по приметам двоемачтовое а про людей неизвестны

Звание задним островам которые пробежали и на их имущих зверей и людей о том значит ниже сего а имянно

1. Амухта бобры сиучи и нерпы. 2. Чугидана сиучи бобры и нерпы. 3. Юнасха бобры и нерпы. 4. Чигула бобры и нерпы. 5. Уляга бобры сиучи. 6. Танаагуна бобры и сиучи. 7. Хагамиля бобры и нерпы. 8. Чюгидана бобры и нерпы. 9. Самалга бобры

и нерпы. 10. Атха бобры сиучи и нерпы. 11. Уюкана бобры сиучи и нерпы. 12. Накуналашка бобры сиучи. 13. Унялга бобры сиучи

А мужики на каждом острову жителство имеют и весма многолюдно

Подлинной реэстр подписан по сему тотемской посадской Пётр Шишкин подписал своеручно

1762-го года декабря 1-го дня в камчатской нижней приказной избе тотемской посадской Михайло Холодилов пришед и объявил в том что по бытию ево Холодилова с протчими работными людми рускими и камчадалы судном Ст. Улиан Ботом компании бывшаго московского купца Ивана Никифорова с товарищи на незнаемом морском острову по названию Умнака з другова невдале состоящагося морскаго острова Уналашка во оной остров Умнак тоболским посадским Иваном Соловьёвым был в байдаре с работными людми привезён незнаемых народов один мужик по названию тамошнему Кашмак которой на остров в Налашке з далных островов Налашкина острова мужиками в прежних годех взят и привезён в тот в Налашкин остров где и находился но точию тот мужик Кашмак при содержании ими Холодиловым с товарыщи между разговорами произносил и им Холодилову с товарыщи объявлял что по граду лежащему под полуношником имеются острова на которых жителствуют люди об однех руках и ногах а рты у тех людей имеются на грудях а тот мужик Кашмак самолично видал ли тех людей и на тех островах бывал ли ему Холодилову знать неможно и пространно от того мужика он не слыхал но точию о том доволно знают протчия ево братья промышленныя а означенной мужик быв у них Холодилова с товарыщи чрез год которой от них скрытно неведомо куда бежал и всем объявил без всякой лжи и утайки в чём он Холодилов подписуется

У подлинной подписался к сей подписке Михайло Холодилов подписуюсь

1762-го года декабря 2-го дня в камчаткой нижней приказной избе по объявлении тотемского посадского Михаила Холодилова разных городов промышленные будущие на незнаемом морском острову Умнака судном бывшаго московского купца Ивана Никифорова с товарыщи компании в имении ими на том острову незнаемого мужика Кашмака и о протчем спрашиваны а в допросех показали а имянно

Тоболской купец Иван Соловьёв что в прошлом 1761-м году а в коих в генваре или феврале месяцах того за безграмотством

своим объявить не знает з другова не вдаль от Умнака острова состоящагося морскаго острова называемаго Уналашка во оной Умнак остров им Соловьёвым с протчими работными людми по взятии от тамошних Уналашкина острова мужиков чрез пролив морской в перегребе примером вёрст з десять в байдаре был привезён незнаемых народов мужик по тамошнему названию именем Кашмак от роду повидимому и образу ево Кашмака сорока лет а по привозе тот мужик на том острову Умнаке находился в компании при судне по предпоручению им Соловьёвым у морехода и передовщика яренского посадского Стефана Глотова где тот мужик Кашмак пробыл по май месяц нынешняго 762-го года а со оного месяца при той компании ево быть не стало а кем куда отпущен ли или собою бежал он Соловьёв не знает но точию по обращению ево в их компании между разговорами и чрез переводу отчасти по знаемости руских разговоров же тамошняго Умнака острова дватцати или более летного мужика а по тамошнему названию имени ему он Соловьёв не знает кроме по их Соловьёва с товарыщи названию Петрушки что он Уналашкина острова мужиками был в прежних годех з далных по компасу с той стороны состоящагося под полуношником ветру леснаго острова завоёван и привезён в тот в Налашкин остров где и находился а особливо объявлял что по тому ж граду лежащащих далных и далее лесного островах жителствуют люди об одних руках и ногах а рты у тех людей имеются на грудях а тех людей оной Кашмак сам не видал но толко от других слыхал а которых островов от мужиков ему Соловьёву неизвестно а в тот Уналашкин остров от Умнака имел он Соловьёв следовать с казаком Савином Пономарёвым и с протчими для приводу в подданство и в платёж ясака тамо живущих народов между коим и вышепоказанной мужик Кашмак толмачем ис тамошних мужиков Петрушкой о производящихся им в разговорах о вышепоказанных в слышании людях объявлено и с того острова привезён в Умнак остров и объявлен в компанию и в сем допросе показал он Соловьёв самую сущую правду по присяжной своей должности безоблыжно под опасением за утайку наижесточайшаго указного штрафа

У подлинного допросу к сему допросу вместо посадского Ивана Соловьёва ево прошением казак Егор Паншин руку приложил

(Следует несколько подобных же допросов)

Автором заключительной книги рубрики является знаменитый русский мореплаватель и гидрограф Г. А. Сарычев. Текст его работы «Путешествие... по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану...» воспроизводится нами по оригинальному изданию санкт-петербургской типографии Шнора 1802 г., ныне хранящемуся в библиотеке Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, г. Петропавловск-Камчатский.

В 1785 г. русское правительство отправило в Тихий океан Северо-Восточную секретную географическую и астрономическую экспедицию под началом англичанина И. И. (Джозефа) Биллингса, участника третьей кругосветки Дж. Кука, где он был помощником астронома.

В составе экспедиции находился двадцатидвухлетний лейтенант Г. А. Сарычев. Исследователям надлежало пройти в Тихий океан из Колымы через Берингов пролив. В 1785 г. они проехали через Сибирь в Якутск. Оттуда в конце января 1786 г. Сарычев проследовал к Оймякону на реке Индигирке, а затем через горы на юг и по долине реки Охоты в конце марта достиг Охотска. В начале сентября 1788 г. экспедиция посуху вернулась в Охотск, где в это время строились два корабля. В апреле 1789 г. Сарычев описал с байдары берег Охотского моря от Охотска до реки Улкан, найдя два небольших залива — Феодота и Фёдора, затем до залива Алдомы. Осенью 1789 г. на корабле «Слава России» Биллингс и Сарычев вышли из Петропавловска. Отклонившись от курса из-за сильного восточного ветра, открыли небольшой необитаемый остров Св. Ионы. В мае-октябре 1790 г. «Слава России» ходила в залив Аляска, к острову Кадьяк и вернулась в Петропавловск. Летом 1791 г. корабль перешёл к Уналашке, а оттуда — на север, к острову Св. Матфея. Сарычев открыл к северо-западу небольшой остров Холл и обследовал пролив, отделяющий его от Св. Матвея (ныне пролив его имени). Далее на севере экспедиция осмотрела остров Св. Лаврентия, американский берег Берингова пролива и острова Диомида. В заливе Св. Лаврентия Биллингс сдал командование «Славой России» Сарычеву, а сам отправился посуху изучать Чукотский полуостров. Сарычев в конце августа 1791 г. возвратился на остров Уналашка. В Санкт-Петербург участники экспедиции вернулись в 1794 г. Деятельность экспедиции Г. А. Сарычев изложил в своей работе, долгое время считавшейся образцом описаний для мореплавателей первой половины XIX в.

Г. А. САРЫЧЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ ФЛОТА КАПИТАНА САРЫЧЕВА

по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение осьми лет при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год

Сарычев Гавриил Андреевич — мореплаватель, генерал-гидрограф Главного морского штаба. Родился в 1763 г. в Санкт-Петербурге, в восьмилетнем возрасте зачислен в Морской кадетский корпус. В 1778 г. произведён в гардемарины, в 1781 г., после двух кампаний, — в мичманы, назначен на корабль «Не тронь меня» в эскадру, отправленную в Средиземное море. В 1782 г. вернулся в Кронштадт, служил на линейном корабле «Три Иерарха». В 1784 г. участвовал в описании рек Днестра и Сожи. В 1785—1794 гг. пребывал в Северо-Восточной секретной географической и астрономической экспедиции. Её работу он описал в книгах «Путешествие флота капитана Сарычева...» (1802) и «Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю... и плавание капитана Галла на судне “Чёрный орел” по Северо-Восточному океану в 1791 г...» (1811). Его перу принадлежат также работы «Правила, принадлежащие к морской геодезии» (1804), «Морской атлас всего Балтийского моря с Финским заливом и Каттегатом» (1812). В 1802—1806 гг. возглавлял Балтийскую гидрографическую экспедицию, с 1808 г. руководил гидрографическими исследованиями в России. В 1809 г. избран почётным членом Петербургской академии наук. В 1829 г. произведён в «полные» адмиралы. Скончался 30 июля 1831 г. в Санкт-Петербурге. В его часть назван вулкан на острове Матуа из гряды Курильских островов.

Его Императорскому величеству всепресветлейшему державнейшему государю императору Александру Павловичу, вся России самодержцу

Вечной памяти достойная всеавгустейшая государыня императрица Екатерина Великая, простирая материнския свои попечения и на дальнейшие пределы обширнаго Российскаго государства, повелела в 1785 году отправить нескольких чиновников в морскую экспедицию к северовосточным границам России, как для сочинения вернейших карт сей части, не довольно ещё известной, так и для излияния благости своей и возвещения покровительства всем обитающим в тех подвластных ей странах диким народам.

Я имел щастие быть в числе избранных для исполнения воли ея величества. Путешествуя чрез северныя необитаемыя страны Сибири и плавая по Ледовитому морю и Восточному океану более осьми лет, употребил я все мои силы и способности к описанию виденных мною

мест, положил их со всевозможною верностию на карты и сделал рисунки всему, что показалось мне примечания достойным. А дабы сии труды мои послужили в пользу будущих путешествий и к безопасному плаванию подданных вашего величества, имеющих ежегодные промыслы на тех морях и подвергающих себя часто бедствиям по неизвестности гаваней, заливов и рейдов, составил я из дневных моих записок и примечаний повествование под названием путешествия, которое и осмеливаюсь с благоговением поднести вашему императорскому величеству.

Всемилостивейший государь!
Вашего императорскаго величества
верноподданный *Гаврила Сарычев*

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Нет морей, менее известных в нынешния времена, как Ледовитое море и Северо-Восточный океан, и нет государства, которое бы более имело причины, как Россия, оныя описывать, и более способов и удобностей к исполнению сего полезнаго дела. Многия были со стороны России на сей конец покушения, но все оныя, выключая двух первых морских экспедиций, клонившихся более к открытиям, мало принесли пользы, потому что расположение их не сообразно было ни морским правилам, ни препятствиям, каковыя должны непременно встретиться исполнителям тех умственных начертаний, кои сделаны в кабинете, за десять тысяч вёрст от мест, бывших предметом таковых плаваний, с тёмными об них понятиями и ложными заключениями, основанными на одних догадках.

Толь недостаточными наставлениями руководимый мореплаватель находит везде затруднения и препятствия, напрасно теряет время и тщетно употребляет свои усилия достигнуть желаемаго. Наконец принужден бывает с малыми успехами, а часто и без всякой пользы возвратиться обратно.

Из всех многочисленных со стороны России морских предприятий, первое важнейшее учинено для открытия неизвестных берегов Северо-Восточнаго океана по начертанию вечной памяти достойнаго императора Петра Великаго, совершённое уже после кончины его в 1728 году капитаном Берингом, которой решительно доказал, что берега Азии к северу не соединяются с Америкою. Потом в 1741 году тот же мореплаватель с капитаном Чириковым на двух судах путешествовал от Камчатки до американских берегов: первой из них приходил под широту северную 60°, другой под 57°, и по сему впервые известно стало, как далеко лежит Америка от Камчатки.

В 1742 году капитан Шпанберг, лейтенант Вальтон и мичман Шелтинг, плавая на трёх судах, определили положение Курильских островов, простирающихся от Камчатки к Японии, а чрез то назначенныя на картах, почитаемыя доселе пространными землями Езо и Компанейская (ныне достоверно уже, что мнимыя земли Езо и Компанейская — суть Курильские острова, из коих первый, отделяющийся от Японии узким проливом, известен под именем Матмая, а вторый под именем Урупа, и считается осьмым на десять из сих островов) заключились в теснейшие пределы. За сими открытиями следовали морския путешествия, клонившияся более к описи берегов. В 1743 и 1744 годах лейтенант Хмитевской описывал берега от города Охотска к Камчатке и кругом оной. В 1768 году лейтенант Синт на боту плавал от Камчатки к Берингову проливу. В 1768 и 1769 годах капитаны Креницын и Левашов на двух судах плавание имели от Камчатки мимо Алеутских островов до острова Унимака и обратно.

Берега Ледовитаго моря описываемы были по частям посыланными нарочно в разныя места морскими офицерами: в 1734 и 1736 годах лейтенант Овцын плавал на сей конец от устья реки Оби к Енисею, в 1735 году лейтенант Прончищев — от устья реки Лены к западу, а лейтенант Лаптев — к востоку. В 1736 году лейтенант Малыгин — от реки Печоры до реки Кары и в 1737 году — от реки Кары до Оби; в 1738 году мастер Кошелев — от реки Оби к устью Енисея; в 1738, 1739 и 1740 годах — штурман Манин делал покушение от устья Енисея к Северу; в 1738 году штурман Головин — от реки Оби до реки Кары и потом к городу Архангельскому.

Прочия, частными людьми деланныя, плавания не заслуживают внимания, ибо столь мало принесли пользы как в разсуждении открытий, так и описи берегов, что не стоят быть упомянуты.

При всех таковых покушениях употреблялись мореходныя суда, что и было причиною малых успехов в описании берегов Северо-Восточнаго океана. Не говорю о предприятиях для открытия неизвестных островов и берегов, где нужно переплывать пространныя моря: тогда других судов, кроме мореходных, и употребить нельзя. Но для верной описи берегов оныя совсем неудобны — на них нельзя приближиться без опасности близко к земле. Подводные камни и мели, протягающияся далеко в море, часто угрожают дерзкому мореплавателю неминуемою гибелью; густые туманы, господствующие здесь во всё лето, закрывают настоящую опасность. Лот, единое остерегательное средство на море, здесь часто бывает обманчивым показателем, ибо неизмеримая глубина иногда находится близ

самых камней и близ самаго берега, и для того благоразумие требует в таковых случаях удаляться от них, оставляя не осмотренными и не описанными самыя важныя места. Когда ж благоприятные ветры и ясныя погоды дозволяют итти близь земли, то и тогда самый искусный и наблюдательный мореплаватель не может с большаго судна издали определить верно положение берега, которой кажется непрерывным там, где находятся многие хорошие заливы, устья рек и близь берегов лежащие острова, от чего описание бывает недостаточно, и другой, подошедший ближе к тем местам, найдёт их совсем в ином виде.

Кто более из мореплавателей имел искусства, предприимчивости и терпения, как капитан Кук! Его рвение к обстоятельному определению на картах берегов было толь велико, что и самая видимая опасность иногда не могла ему в том воспрепятствовать. Но, будучи в здешних морях, принужден он был многия места за крепкими ветрами, туманами и отмелями оставить не осмотренными (американского берега от Нушки до широты 55° за крепкими ветрами и мрачностию не видал; также берег от губы Бристоль до широты 63° при всех его усилиях должен был за мелководием оставить не осмотренным), да и те берега, которые видел, означить на картах в некоторых местах не соответственно настоящему их положению (мыс Гревиль положен на карте английской тринадцатью минутами по широте южнее; Афогнак и ближний от онаго маленькой островок, называемой Еврашичей, пятнадцатью минутами, острова Цукли, южная оконечность, тринадцатью минутами, а Медной остров на меркаторской генеральной карте двадцатью пятью южнее; Умнацкой столб, или высокой пирамидальной камень, по долготе западнее сорока шестью минутами), некоторые заливы пропустить, островов не отделить от матерой земли и, наконец, туманы почесть за острова (Андерсонов остров и другой, севернее Кляркова, маленькой, безымянной, совсем не существуют).

Следовательно, чтоб иметь верныя карты здешних морей, надобно опись делать, так сказать, ощупью. Для сего нужно производить её на больших кожаных байдарах или на малых гребных судах, удобных по малому углублению своему безопасно плавать подле самых берегов и могущих находить всегда закрытие себе при крепких ветрах в мелководных речках или заливах.

Таковая опись естьли хорошо будет расположена и по частям разделена, то в одно или в два лета можно верно описать все берега северной части Восточнаго океана от широты 56° до самаго

Берингова пролива и острова, как Курильские, так и Алеутские, притом всё это будет стоить очень малых издержек.

Некоторым, может быть, покажется невероятно, чтоб в одно лето можно было описать такое великое пространство берегов; и скажут, что надобно употребить для сего множество байдар. Но я полагаю, что их нужно не более десяти, ибо каждая байдара может в день описать при благополучном ветре до пятидесяти вёрст и более. Я в 1789 году на деревянной байдаре описал морской берег от города Охотска до реки Улькана, что зделает четыреста вёрст, в восемь дней; потом в 1791 году на маленькой алеутской байдарке северную сторону острова Уналашки, на сто вёрст, в полтора дня. Прочие же немалые заливы с промером глубины описывал не долее, как по одному дню, и при всей этой скорости соблюдаема была совершенная верность.

Все таковыя описи производимы мною были в продолжение географической и астрономической морской экспедиции, предпринятой в северо-восточную часть России в 1785 году под начальством капитана Биллингса, где и я был в числе прочих морских офицеров, данных ему в помощь.

Сия экспедиция продолжалась около осьми лет. Во всё это время старался я вести верныя дневныя записки, внося в них всё, что встречалось примечания достойнаго, не думая, впрочем, издавать их в свете, потому что никогда не готовил себя в сочинители и не имел намерения, а тем более тщеславия быть оным. Но его превосходительство Логгин Иванович Голенищев-Кутузов принудил меня дневныя мои записки обработать, привесть в порядок и составить из них связное повествование. Когда ж первая часть сего моего труда была окончана, то его сиятельство граф Григорий Григорьевич Кушелев, прочтя оную, одобрил и приказал мне продолжать и последнюю часть. Между тем, по службе моей должен я был ехать к городу Архангельску, потом на новопостроенном корабле отправиться в Англию, откуда возвратился уже в 1800 году. Это было причиною, что последняя часть моего труда не прежде 1801 года приведена к окончанию, в то самое время, как его высокопревосходительство Николай Семёнович Мордвинов вступил в Государственную Адмиралтейскую коллегию вице-президентом. Его благотворительное расположение и покровительство, оказываемое всем, трудящимся для пользы отечества, доставило и мне то щастие, что труды мои были поднесены его императорскому величеству, и высочайше повелено напечатать как журнал мой, так и карты.

Нет нужды объяснять, сколько пользы мореплавателям и сколько удовольствий любопытной публике доставляют таковаго роду издания. Сие доказывается тем, что все описания морских путешествий при самом появлении их в свет переводятся уже на разные языки.

Учинённыя до сего россиянами плавания, как по Восточному океану, так и Ледовитому морю, сопряжённыя с величайшими трудностями, сопровождаемыя нещастными произшествиями, без сомнения, имеют в себе весьма много полезных примечаний для мореплавателей и очень любопытны для публики; но из всех их только малая часть напечатана в ежемесячных изданиях, и то так нерадиво писана, что все морския нужныя наблюдения пропущены, а это от того, что или сочинитель не был морской офицер, или не имел случая выбрать из журналов полезных примечаний. Теперь можно надеяться, что впредь не будут оставаться в забвении подобныя морския путешествия, ибо при Адмиралтействколлегии учреждён Морской комитет, от котораго издаются трудами начальствующаго в оном его превосходительства Александра Семёновича Шишкова всех плаваний журналы, прошедших и нынешних времён.

Предлагаемое мною повествование относительно красотам в слоге, конечно, недостаточно, также и в принадлежащем до физическаго описания (для описаний части естественной истории вместо назначеннаго в имянном указе шихтмейстера Патрина, оставленнаго за болезнию, определён был к нам в экспедицию из Иркутска доктор Мерк, которой и находился при оной до окончания. По усердию его, с каковым он трудился, можно ожидать от него полнаго и вернаго журнала. Смерть его постигла по возвращении в Петербург; однако ж успел он привести в порядок свои записки и препроводил их к профессору Палласу, известному всем своими дарованиями. Г. Паллас, конечно, не упустит со временем издать их в свет); напротив того, могу сказать, что до пользы мореплавателей касающияся наблюдения учинены со всякою точностию и описаны сколько можно обстоятельнее.

Во все те дни, в которые видна была земля или встречалось на море что-либо достопамятное, означал я в повествовании моём полуденную широту и долготу, какова была по журналу нашему. Притом разстояние до виденной земли и величину островов внёс не глазомерную, но определённую чрез плавание и верные пеленги, так что из онаго можно сочинить карту всего плавания, с берегами и островами, в таком виде, как наше счисление пути показы-

вало. Все пеленги и румбы внесены так, как они были записаны в журнал, то есть по неправому компасу.

К приготовляемому мною журналу нужно было приложить карты, планы гаваней и рисунки. А как оные по окончании путешествия нашего были отобраны и хранились в Государственной Адмиралтейств-коллегии, то дано повеление снять в чертёжной со всех моих карт и рисунков копии, которыя и сняты с уменьшением против подлинных, мною сочинённых.

При составлении меркаторской генеральной карты счислимыя долготы каждых суток поправлял я по препорции вышедшей погрешности от одной, сысканной по наблюдению долготы, до другой, и исправленное таким образом плавание полагал на карту, от чего на ней полуденныя долготы каждых суток означились уже не те, какия находятся в повествовании моём.

Все те путешествия, в коих я был как на сухом пути, так и во время плавания по Восточному океану и Ледовитому морю, положил я на генеральную карту с означением в каждые полдни места, где мы тогда по счислению нашему находились, подписав при том числа дней, а для отличения плаваний разных годов, также пути вперёд и обратно, употреблял я особливыя точки, непрерывныя черты и черту, смешанную с точками. Я не мог положить на свою карту одного только береговаго путешествия капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива к реке Колыме (со временем, может быть, издано будет полное путешествие и капитана Биллингса со всеми его примечаниями), потому что я в сём вояже с ним не был, а сверх того вознамерился я издать собственныя мои описания, и мне позволено было приложить к оным одни только моих трудов карты и рисунки.

Наконец, скажу, что я не упускал ни одного представлявшагося мне благоприятнаго случая к описанию, где только можно, морских берегов, островов или заливов и сочинял всему верныя карты. Усердие моё толь велико было, что не удерживали меня ни препятствия, ни сопряжённыя с оными трудности, ни самая видимая опасность, которой часто я подвергал жизнь свою в той утешительной надежде, что принесу пользу будущим после нас мореплавателями, и что, может быть, чрез то впредь избавлю многих, себе подобных людей, от бедствий и кораблекрушений, которыя часто случаются здесь по неизвестности гаваней, при опасных берегах, в жестокие ветры.

Кроме пользы для мореплавателей, я желал бы изданием сего путешествия угодить и почтенной публике. Я не старался по

примеру некоторых странствователей украсить повествование своё привлекательными, чрезвычайными и забавными, но вместе вымышленными приключениями, а только следуя всегда одной истине, с точностию вносил в оное подлинныя произшествия и местами делал свои замечания.

ЧАСТЬ I

ОТ НАЧАЛА ЭКСПЕДИЦИИ, с 1785 по 1790 год

ГЛАВА I

Назначение морской экспедиции в северо-восточную часть России. Имена офицеров и число служителей, определённых для исполнения оной.

В 1785 году, августа 8-го дня, вечной памяти достойная государыня императрица Екатерина Великая, простирая материнския свои попечения и на дальнейшия пределы Российскаго государства, ко благу своих подданных изволила Адмиралтейств-коллегии наслать имянной указ следующаго содержания:

Указ нашей Адмиралтейской коллегии. Назначая географическую и астрономическую экспедицию в Северо-Восточную часть России для определения степеней долготы и широты устья реки Колымы, положения на карту берегов всего Чукотскаго Носа до Мыса Восточнаго, також многих островов, в Восточном океане к американским берегам простирающихся, и совершеннаго познания морей между материю землёю Иркутской губернии и противуположенными берегами Америки, повелеваем:

Первое: быть начальствующим в сей экспедиции флота порутчику Иосифу Биллингсу, объявя ему ныне чин капитан-порутчика флота и нарядя с ним в команду потребных людей, по собственному его избранию, как обер-офицерских, так и других нижних чинов. Всемилостивейше жалуем начальнику и команде его на всё время их похода двойное по чинам жалованье, которое выдать им здесь за год вперёд, да сверх того еще не в зачёт двойное же годовое жалованье, и отправить без замедления в губернский город Иркутск, предписав капитан-порутчику Биллингсу по случаю и удобности доставлять донесения свои в Адмиралтейств-коллегию.

Второе: снабдить начальника сей экспедиции математическими, астрономическими и другими инструментами; також для руководства всеми картами прежних мореходцов и сухопутных в та-

мошних местах путешествий с нужными выписками из журналов его предшественников от 1724 по 1779 год и подробным, окроме того, наставлением на основании сего указа нашего, дав при том прилагаемыя у сего образцы словаря, по которому записывать слова на языках и диалектах разных народов, изображая произношение их наречий латинскими и российскими буквами; об отпуске же новоделаемых медалей и суммы, потребной как на выдачу здесь и во время похода, так и на покупку разных вещей для подарков, предписано от нас действительному тайному советнику и генералу-прокурору князю Вяземскому.

Третие: флота капитан-порутчику Биллингсу по прибытии в Иркутск явиться у нашего генерал-порутчика, правящаго должность генерал-губернатора иркутскаго и колыванскаго, Якоби, коему дан указ наш о неукоснительном пособии по делам, к сей экспедиции относящимся, причисля в оную для наблюдения и описаний, до натуральной истории касающихся, шихтмейстера Патрина, пожалованнаго в чин коллежскаго ассесора. Тут не оставит генерал-порутчик Якоби по точному сведению о намерении нашем употребить старания в действительном выполнении всего потребнаго на пользу экспедиции, капитан-порутчику Биллингсу порученной, как для скорейшаго запасу в удобных местах провианта, съестных припасов и разных надобностей к приготовлению или построению с снарядом и вооружением речных и морских судов, також в даче по требованию и выбору Биллингса лучших учеников из Иркутской навигацкой школы и прочих морских служителей, Адмиралтейскою коллегиею назначенных, а равномерно толмачей для разных диялектов и других бывалых и способных людей для препровождения и пособия в пути, экспедиции предполагаемом; капитан же порутчик Биллингс всемилостивейше уполномочивается объявить в Иркутске всем команды его обер и унтер-офицерам повышение в следующие им чины, окроме тех, которых Адмиралтейская коллегия определила награждение деньгами, кои им и выдать.

Четвёртое: по лучшему и удобнейшему постановлению о предлежащем пути капитан-порутчику Биллингсу, основываясь в том на наставительном совете нашего генерал-порутчика Якоби, следовал сухим или водяным путём с коллежским ассесором Патрином и с командою своею в город Якутск или иное для предприятия его выгоднейшее место, с данным от правящаго должность генерал-губернатора под открытою печатью предписанием всем начальникам и команду имеющим по дорогам и близлежащим

местам для нужнаго вспомоществования, по требованиям экспедиции, в сходственность чего может капитан-порутчик Биллингс осмотреть в Якутске описания новейших мореплаваний по Ледовитому и другим морям, и дела, относящияся к проезду на реку Колыму и к земле чукчей, списав всё для него надобное и срисовав карты.

Пятое: капитан-порутчику Биллингсу, приехав в город Охотск, выбрать потребных учеников из морской школы, також лоцманов, матрозов и козаков, по предварительному назначению правящаго должность генерал-губернатора иркутского, и сделать все приготовления к походу, как в разсуждении запаса провиянта и провизии, так и судов мореходных; ибо в случае негодности тамошних казённых судов надлежит поспешить построением новых надёжных и прочных, с двойною обшивкою, по чертежам капитан-порутчика Биллингса, коему, учиня все нужныя распоряжения к построению судов, отправиться с коллежским ассесором Патрином и с частию надобной для него команды на реку Колыму, чрез Ижигинскую ли крепость по реке Омолону до Колымы, или иначе, избирая выгоднейший и удобнейший путь, делая географическия и астрономическия наблюдения степеней долготы и широты в Верхнеколымском, Нижнеколымском и при устьи Колымы и описав с возможною точностию сея реки течение, с примечаниями, к той земле и жителям относящимися.

Шестое: по достижении Колымы и исполнении препорученнаго, начальствующаго над сею экспедициею флота капитан-порутчика Биллингса всемилостивейше жалуем в капитаны 2-го ранга с тем, чтоб старался, сколько обстоятельства дозволят, объехать Ледовитым морем подле берегов, простирающихся от Колымы до Восточнаго Мыса, определяющаго Восточной край Сибири: но буде бы сие оказалось совершенно невозможным, и осведомления, там полученныя, предъявляли бы лучший успех в описании берегов и Чукотской земли посредством объезда сухим путём или по льдам, то предоставляется оное на благоразсуждение и ближайшее разсмотрение начальника экспедиции, чтоб испытать, не откроются ли острова или земли в севере сих берегов и так называемаго Берингова пролива.

Седьмое: по обозрении предписаннаго на берегах Ледовитаго моря флота капитану 2-го ранга Биллингсу возвратиться кратчайшим путём в город Охотск для довершения приготовлений к плаванию по Восточному морю и к берегам американским; но буде бы новостроемыя суда не были ещё готовы, то в таком един-

ственно случае Биллингс может употребить остающееся время для путешествия на одном из находящихся в Охотске галиотов между островами Курильскими, Японией и китайскою матерою землею до Кореи, стараяся поверить карты сей не довольно известной части тамошних морей.

Осьмое: всемилостивейше уполномочиваем флота капитана 2-го ранга Биллингса, когда сядет с командою своею на изготовленныя и вооружённыя в Охотском порте мореходныя суда для путешествия по морю Восточному и к берегам американским, объявить вторичное повышение чинами всем, под начальством его пребывающим обер и унтер-офицерам, окроме назначенных Адмиралтейскою коллегиею к денежному награждению, которым оное и выдать; после, дабы первый по нём имел команду втораго судна, всегда за главным судном следующаго, и установить дневные и ночные сигналы, отправиться для объезда камчатской Лопатки, где зайти в гавань Петропавловскую для взятья камчадалов и разной провизии по назначению заблаговременно правящим должность генерал-губернатора иркутскаго; потом продолжать путь свой для обозрения всей цепи островов, к Америке простирающихся, и для новых открытий с полезными и необходимыми к тому примечаниями, обращая внимание на острова, мало посещаемыя и несовершенно известныя, лежащие вдоль и под ветром сих берегов на восток острова Унимака и Большаго носа Аляксы, составляющаго часть матерой земли, как, например, Санаях, Кадьяк и Лесной, острова Шумагин и Туманной, виденныя Берингом и другими.

Девятое: употребя вешнее и летнее время на выше предписанныя открытия, начальнику сей экспедиции при приближении погод осенних искать выгодной гавани в Америке или в островах, на морях сих находящихся, или в Камчатке для зимованья; при наступлении же благопоспешествующаго времени продолжать морское путешествие: и как по признакам, примеченным Берингом и подтверждённым англинскими капитанами Кларком и Гором во время прохода их с островов Сандвича в Камчатку, думать можно, что есть острова на полдень и на восток камчатскаго меридияна между 40 и 50 степени широты, то без потеряния многаго времени, туда или обратно идучи, сделать покушение для открытия сих неизвестных островов, оставляя на волю начальствующаго экспедициею производить изыскание и тех частей американской матёрой земли, коих предшественники его обозреть не могли.

Десятое: буде посредством сей экспедиции открыты будут вновь земли или острова, населённые или не населенныя и никакому государству европейскому непокорённые и не принадлежащия, то по мере пользы и выгод от таковаго приобретения ожидаемых, стараться оныя присвоить скипетру российскому; и буде тамо есть дикие или непросвящённые жители, то, обходяся с ними ласково и дружелюбно, вселить хорошия мысли о россиянах и одарить разными вещами, по надобностям или обычаю им нужными, а тойнам или старшинам, или лучшим и почётным из числа тех жителей дать сделанныя на таковой случай медали, чтоб носить на шее в знак всегдашней к ним дружбы россиян; поступая, впрочем, осторожно, дабы не подвергнуться несчастию от озлобления и зверства диких происходящему, что самое наблюдать и при обхождении с дикими островитянами, России принадлежащими.

Одиннадцатое: проходя вдоль назначаемых для осмотра и описания островов, мысов и берегов, когда дойдёт флота капитан Биллингс до мыса Святаго Илии, то на сем месте всемилостивейше жалуем его капитаном 1-го ранга, где по учинении потребных наблюдений, буде на возвратном пути настанет поздное осеннее время или приближение зимы, тогда итти судами для зимования на остров Уналашку в залив, капитан-лейтенантом Левашевым гаванью Святаго Павла названный, или на остров Унимак в пролив против Аляксы, или в иные заливы по аляксинскому берегу, сообразуяся с журналами прежних путешествователей, в тамошних местах бывших. После сего, ежели возможно будет в разсужении погоды, экипажа судов и провизии, то пробыть ещё одно лето на сих морях для довершения предприятых наблюдений, продолжая плавание к Берингову проливу для определения в точности положения берегов чукотских, или возвратиться в Камчатку, обходя Анадырской залив, или касаясь тех островов, коих при первом походе не можно было положить на карту.

Двенадцатое: во время плавания в упомянутых морях, буде встретятся с судами российскими иныя суда под флагом англинским или французским, или другим европейским, то обходиться дружественно, не подавая ни малейшаго повода к ссорам и распрям.

Тринадцатое: наконец по возвращении в Охотской порт начальнику экспедиции распустить взятых лоцманов, матрозов и прочих к прежним их командам, удовольствовать двойным жалованьем по день прибытия в порт и денежным награждением по его разсмотрению. Самому же ему с коллежским ассесором Патрином, котораго мы тогда же в надворные советники жалуем, и с людьми,

от Адмиралтейской коллегии отправленными, поспешать в Санкт-Петербург для обстоятельнаго донесения о исполнении порученнаго дела, где всем из оной экспедиции прибывшим выдать двойное жалованье по тем чинам, с коими возвратятся, быв при случаях производимых своим начальником, да таковое же двойное жалованье в награждение и сверх того определить окладное жалованье каждому по смерть вместо пенсии; изувеченных уволить от службы по смерть с половинным жалованьем против того оклада, какой в походе имели; жёнам же и детям умерших производить половинное жалованье против того, какое умерший получал во время похода, жёнам по замужество или по смерть, а детям до вступления в совершенныя лета.

На подлинном собственною Ея императорскаго величества рукою написано тако: *Екатерина*

В Царском Селе, августа 8, 1785 года

Для руководства к точному исполнению сего указа из Государственной Адмиралтейств-коллегии г. Биллингсу дано пространное наставление, состоящее в двадцати пяти статьях.

Имена офицеров, определённых в морскую экспедицию, и число нижних чинов, находившихся при оной: начальник капитан-лейтенант Иосиф Биллингс; лейтенанты: Роберт Галл, Гаврила Сарычев, Крестьян Беринг; штурманы: Антон Батаков, Сергей Бронников; подштурман Иван Кондратов, шхипер Афанасий Баков, подшхипер Александр Мараков, штаб-лекарь Михайла Робек, лекарь Пётр Алегрети; подлекари: Антон Лейман, Василий Волошенов; секретарь Мартын Соур, механик Иосиф Эдварц, рисовальный мастер Лука Воронин. Боцманматов 2, квартирмейстеров 3, карабельнаго дела тиммерман 1, плотник 1-го класса 1, блоковаго дела плотник 1, парусной ученик 1, егерскаго корпуса учеников 2, зверовщик 1. Сержант Михайла Бакулин. Егерей 7, морских канониров 3.

Сверх вышеписанных определены были после в экспедицию из разных городов Сибири: доктор Карл Мерк (принят в Иркутске на место оставленнаго за болезнию шихтмейстера Патрина), его помощники шихтмейстер Данила Гауз, Иван Мейн, Карл Кребс; священник Василий Сивцов; армейской капитан Тимофей Шмалев. В комиссарской должности: коллежской секретарь Гаврила Ерлин, провинцияльной секретарь Фёдор Карпов, штурман Гаврила Прибылов. Геодезии унтер-офицеров 5, козачьих сотников 3, сержант 1, музыкантов 4, из козаков в егери 22, из козаков в матросы 49, Охотскаго порта матросов 9. Всего 141.

ПУТЕШЕСТВІЕ

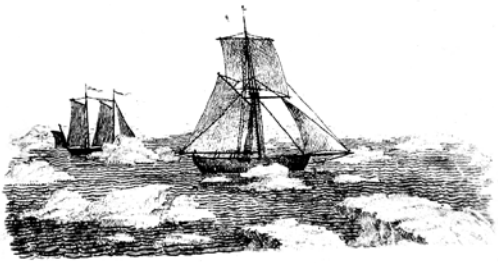
ФЛОТА КАПИТАНА САРЫЧЕВА

по

Сѣверовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, въ продолженіе осьми лѣтъ, при Географической и Астрономической морской Экспедиціи, бывшей подъ начальствомъ флота Капитана

Биллингса,

съ 1785 по 1793 годъ.



ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано съ Указнаго дозволенія въ типографіи Шнора,
1802 года.

Титульный лист первой части книги Г. А. Сарычева «Путешествие флота капитана...» (из собрания библиотеки Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН)

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Нѣтъ морей менѣе извѣстныхъ въ нынѣшнія времена, какъ Ледовитое море и Сѣверовосточный океанъ, и нѣтъ Государства, которое бы болѣе имѣло причины, какъ Россія, оныя описывать, и болѣе способовъ и удобностей къ исполненію сего полезнаго дѣла. Многія были со стороны Россіи на сей конецъ покушенія; но всѣ оныя, выключая двухъ первыхъ морскихъ Экспедицій, клонившихся болѣе къ открытіямъ, мало принесли пользы: потому что расположеніе ихъ не сообразно было ни морскимъ правиламъ, ни препятствіямъ, каковыя должны непремѣнно встрѣтиться исполнителямъ тѣхъ умственныхъ начертаній, кои сдѣланы въ кабинетѣ, за десять тысячь верстъ отъ мѣстъ, бывшихъ предмѣтомъ таковыхъ плаваній, съ темными объ нихъ понятіями и ложными заключеніями, основанными на однихъ догадкахъ. — Толь недостаточными наставленіями руководимый мореплаватель находитъ вездѣ затрудненія и препятствія, напрасно теряетъ время и тщетно употребляетъ свои усилія достигнуть желаемаго; наконецъ принужденъ бываетъ съ малыми успѣхами, а часто и безъ всякой пользы возвратиться обратно.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ со стороны Россіи морскихъ предпріятій, первое

«Предуведомление» к книге Г. А. Сарычева

ГЛАВА II

Приготовления к экспедиции. Отправление меня вперёд. Путь к Иркутску и Якутску, замечание о сём последнем городе. Отправление далее на верховых лошадях. Якуты. Необитаемыя места. Замечание о лошадях. Прибытие на реку Омекон. Призывание духов якутским шаманом.

1785 г., сентябрь. Разныя приготовления к экспедиции продолжались около шести месяцов. Из Англии выписаны все нужные астрономические инструменты, также закуплены разные мелочные товары на подарки диким народам, и на сей же конец сделаны медали золотыя, серебряныя и медныя.

В половине сентября месяца отправлен я из Петербурга с мастеровыми в город Охотск для предварительнаго приготовления к экспедиции. Между тем, велено в проезде через город Иркутск требовать, чтоб в Верхнем или Среднем Колымских острогах заготовлено было наступающею зимою провиянту и воинских снарядов для ста человек на два года; и когда в тех местах нет строеваго лесу, то просить, чтобы доставлены были туда кожи для делания байдар (байдарами в Сибири называют два рода больших лодок особаго строения: одни бывают деревянныя, сделанныя из досок; другия кожаныя, то есть обтянутыя вместо досок кожами морских зверей. Вёсел бывает на них от восьми до шестнадцати; вместо руля управляются веслом), а, прибывши в город Охотск, осмотреть транспортныя суда, и ежели из них не найдётся годных для экспедиции к плаванию по Восточному океану, то заготовлять лес на построение двух судов по данным от Адмиралтейств-коллегии чертежам.

1785 г., октябрь. Как отправление моё последовало в самое осеннее время, когда дороги от дождей были уже испорчены и крайне грязны, то до самаго Тобольска принужден я был ехать весьма медленно, но от сего города далее наступившими сильными морозами скрепило совсем дорогу. 23 октября переменил летния повозки на зимния и переехал по льду Иртыш. Между тем, река Обь не стала ещё и 28-го числа; однако ж несло по ней множество льду, так что я с опасностию переправился через неё на лодках. В последствии моего путешествия все прочия реки переезжал я по льду, кроме Ангары, текущей под самым Иркутском, которая по чрезмерной своей быстроте становится не ранее декабря. В Иркутск прибыл я 10 ноября.

1785 г., ноябрь. Первое моё здесь старание было осведомиться обстоятельно о всех могущих повстречаться неудобствах и пре-

пятствиях в разсуждении возложеннаго на меня дела, что нетрудно было мне узнать от людей, очень часто там бывающих. Сверх того получил я дефекты (дефектом называется у мореплавателей описание доброт и недостатков судна) судам и ведомости морским припасам, находящимся в Охотском порте, из коих усмотря неспособность первых и недостаток в последних, решился, не упуская времени, требовать, чтоб для постройки новых судов сделать все нужныя орудия и запасти материялы здесь в нынешнюю ещё зиму, а будущим летом доставить в Охотск; почему, сочиня всему тому ведомость, представил генерал-губернатору Якоби.

1785 г., декабрь. В начале декабря, получив от генерал-губернатора открытой ордер ко всем начальникам областей и городов о всяком мне вспоможении в случае нужды, отправился я из Иркутска. Дорога до Качужской пристани была очень хороша, но оттуда вниз по реке Лене до города Алюкмы чрезвычайно безпокойна. Река стала не очень гладко; от неровностей льда безпрестанно ломало повозки и тем делало немало остановки. От Алюкмы до Якутска, хотя дорога и была хороша, но зато должно было ехать очень тихо, не больше как по тридцати вёрст в день, причиною чему якутския лошади, употребляемыя только к верховой езде, непривычныя и неспособныя к упряжке в санях, а выставляемыя ежегодно на почтовых станциях якутами по наряду.

1786 г., генварь. Генваря 10-го приехал я в город Якутск. Он стоит на левом берегу Лены и есть самой старинной из всех здешних городов (Якутской острог построен в 1647 году и после сделан городом). Старая деревянная его крепость с башнями существует ещё и ныне, однако в некоторых местах уже обвалилась; в ней каменное казённое строение и церковь, кроме которой есть ещё две каменныя же церкви, одна в монастыре, другая в городе, и две деревянныя. Впрочем, все домы обывательские деревянные, построенные на старинной руской вкус; между ними по разным местам разсеяны якутския юрты. Окошки в домах за неимением стекол у некоторых слюденыя, у других летом бывают пузырныя, а зимою вставливаются большия льдины, прикрепляемыя к косякам снегом, облитым водою, от чего по жестокости здешних морозов так крепко примерзают, что никакая теплота в покоях не сильна их оттопить. Свет сквозь льдины бывает такой же, как и сквозь обмерзлыя стёкла.

Жители, населяющие город, кроме чиновников присудственных мест, суть дети боярские, козаки, якуты, также купцы и мещане; последние большою частию из поселённых, а некоторые и наказанные,

однако здесь поправившие своё поведение и зделавшиеся порядочными гражданами. Да и вообще можно сказать, что во всей Сибири ссылочные, и даже самые те, кои заточены туда в наказание за чрезвычайныя злодейства, и коих бы между нами и виду страшились, не только ходят там вольно, но ни же слышно о каких-либо от них шалостях. Многие из жителей имеют к ним доверенность и держат их без опасания в своих домах, ибо в таком случае ссылочные остерегаются сделать малейшее преступление, чтобы не быть сосланными на вечную работу в Нерчинские рудокопные заводы. Впрочем, нет сомнения, что между сими нещастными есть и добрые по сердцу своему люди, которые, может быть, случаем, нуждою или обстоятельствами вовлечены в преступление. Здесь предварили меня, что далее к Охотску в зимнее время никто не ездит, кроме лёгкой почты, по причине глубоких снегов и необитаемых мест, и советовали дожидаться весны; но я, не хотя упустить времени, решился непременно ехать, каковыя бы, впрочем, ни могли повстречаться со мною трудности и безпокойства. Двенадцать дней употребил я на приготовление к сей трудной дороге. На два месяца запас провизии, и сделал себе для защиты от тамошняго столь холоднаго климата и по тамошнему образцу тёплое оленье платье, обыкновенно употребляемое в дорогах.

22-го числа генваря отправился я из Якутска на верховых, а кладь и провизию повезли на вьючных лошадях, полагая на каждую не более пяти пуд. Якуты были проводниками, каждой из них вёл за собою вьючных лошадей, числом не более девяти, связанных поводами так, что оне шли одна за другою. Между ними была и одна заводная.

Для меня бы крайне трудно было в дороге объясняться с моими проводниками и с народами, кои я проезжал, естьли бы здешний коммендант не дал мне козака, знающаго якутской и тунгусской языки; с помощию его везде я мог получать всё нужное. Из всех вообще якутов очень редко кто говорит по-руски, потому что россияне, поселившиеся здесь, все без изъятия знают их язык, и для того первые не имеют нужды учиться нашему, а последние чрез то получают от них великую выгоду в торговле и промене товаров.

Сперва ехали мы по летней дороге, лежащей к Охотску, чрез учреждённыя станции, а потом, во ста пятидесяти трёх верстах, поворотили от ней влево, на зимнюю, лежащую через вершину реки Индигерки или Омекони, которая хотя и будет против летней дороги около пятисот вёрст далее, однако ехать по ней гораздо удобнее: нет больших горных хребтов, и снега бывают не так глубоки, как по первой.

От Якутска до реки Алдану триста пятьдесят вёрст дорога шла через якутские улусы (улусом называется несколько селений, стоящих под управлением одного князька или старшины), или селения, ровными местами, где часто попадались перелески, озёра, поля и сенокосные луга. Лес везде лиственица и березник. Ночлеги имели мы по большой части у князьков (князьками здесь называются выбранные из зажиточных якутов старосты) в юртах, и принимаемы были везде ласково. Можно сказать, что гостеприимство у якутов есть первая добродетель: не успеешь приехать к селению, как они уже встречают, помогают сойти с лошади и ведут в юрту, раскладывают большой огонь, снимают с приезжаго платье и обувь, очищают снег и сушат. Постелю приготовляют в самом покойном месте и стараются услужить, сколько возможно. Сверх того потчуют всем, что только у них есть лучшаго. Иные дарят ещё соболем либо лисицей. За всё то старался я отдаривать бывшими со мною на их вкус разными мелочами и табаком, которой они очень любят курить; а к водке столь пристрастны, что не стыдятся, когда дашь одну рюмку, попросить другую, а там и третью.

Якуты, как думать надобно, происходят от древняго поколения тех татар, кои не были ещё магометанами. Доказательством сему служит подобие лица, образ жизни, а более всего язык их, которой так сходен с татарским, что бывший в экспедиции с нами татарин большую часть разговоров их мог разуметь без нужды.

Многие из якутов принимают християнский закон, однако это большою частию бедные, и крестятся только для того, чтоб избавиться на несколько лет от подушнаго; богатым же не нравится, что закон християнский запрещает иметь двух жён, есть в посты говядину, масло и молоко, а особливо употреблять кобылье мясо, которое они почитают лучшим в свете кушаньем, и говорят, что естьли б руские узнали в нём вкус, то не стали бы совсем употреблять говядины. Жир кобылий и говяжий едят без всего, с жадностию, и более сырой; также пьют с удовольствием растопленное коровье масло, почитают его лекарством в некоторых болезнях и поят им больных. Грудному ребёнку, чтоб не плакал, дают сосать кусок сырова говяжьяго жиру. Летом, когда станут жеребиться кобылы, из молока их делает кумыс, точно такой же, как и у татар, а зимою вместо его пьют ундан, составленный из кислого коровья молока и непахтаннаго масла, смешаннаго с водою, из чего выходит довольно вкусной напиток. Отсюда можно видеть ясно, что весь запас и провизия их состоит из непозволенной християнам пищи, а наши проповедники требуют, чтоб новокрещёные якуты

непременно воздержались от запрещённаго законом и соблюдали посты, но как у них ни хлеба, ни овощей, ни рыбы нет, то и невозможно исполнить сего предписания. Вот причина, почему большая часть якутов не крестятся.

Юрты якутския строятся сверх земли, видом четвероугольныя, коих величина соразмерна числу семьи. Сперва вкапывают в землю три ряда столбов, средний ряд несколько повыше других; на оные ряды кладут три перекладины вдоль и две поперёк, на концы двух крайних продольных перекладин. Таким образом связывается юрта. Верх покрывают горбылями от средния перекладины на обе стороны скатом; стороны обносят такими же горбылями, приставливая их несколько наклонно к крайним перекладинам; после чего всю юрту покрывают травою, потом землёю и дёрном. Внутри юрты, по средине, на самой земле, обыкновенно бывает очаг, обращённый к лучшей стороне жилища; трубу над очагом делают из длинных тонких жердей, соединяя их плотно и обмазывая внутри глиною. Дрова на очаг кладут не плашмя, а стоймя, и огонь безпрестанно горит во всю зиму. Кругом юрты, подле стены, сделаны широкия лавки, разделённыя перегородками для постели каждаго человека. Рогатой скот держать в особой пристройке, соединённой с юртою большим отверстием, через которое он входит; отчего в жилище якутов бывает отвратительной запах. Летния юрты, совсем отменныя от зимних, называемыя урасы, делаются круглыя; ставятся конусом из жердей и покрываются снаружи берестою.

Платье носят якуты богатые из оленьей, а бедные из лошадиной кожи, и притом как зимою, так и летом почти одинакого покрою, с тою только разностию, что для зимняго кожи употребляются с шерстью. Вместо рубашки надевают нагрудник, потом род длиннаго полушубка шерстью внутрь, а сверх всего с завороченными полами кафтан, называемой санаях, шерстью вверх. Штаны у них короткия, на четверть выше колен; к ним привязываются ремешками наколенники, опускающиеся немного пониже икр, потом на ноги надеваются носки, а на них сапоги, называемые этербесы. Достаточные якуты сверх всего платья носят привязанные к поясу два набедренника, состоящие из двух четверосторонних лоскутов краснаго или синяго сукна.

Каждой якут, когда едет в дорогу, привешивает к поясу большой нож на длинной палке, огниво, кремень и трут, приготовляемой из травы полыни, а за сапоги кладёт гамзу, или трубку, которая бывает по большей части деревянная с коротеньким чубуком, расколотым вдоль для удобнейшаго чищенья и связанным ремеш-

ком. Табак курят, примешивая к нему половину самых мелких деревянных стружек, и всегда дым глотают. Часто случается им закуриваться до того, что падают без памяти. Уверяют, что проглоченный дым табачной полезен бывает во время колики при засорении желудка.

Женское якутское буднишное платье почти такое ж, как и мужское, но наряднее, длиннее и полнее обыкновеннаго; покрыто цветным сукном, фанзою или китайкою, унизано серебряными и медными бляшками разных фигур и обложено кругом широкою опушкою из мехов бобровых или выдреных. К сему платью шапки надевают особаго роду, с тремя кверху хохлами из птичьих перьев; в ушах носят серебряныя большия кольца, волосы завязывают назади в косу.

Февраля 5-го остановился я в последнем якутском селении в юрте отставнаго козака, которой исправляет должность писаря у князьков здешних волостей и приготовляет лошадей под почту и для курьеров. Отсюда вперёд на четыреста вёрст находятся необитаемыя места, и до реки Омекони перемены лошадям нет. На другой день хотя и приведены были хорошия лошади, однако якуты просили меня пообождать, уверяя, что с поля пойманныя жирныя лошади такой дальней дороги перенести не могут, ежели не будут к тому приготовлены. Я согласился, и якуты четыре дня держали их привязанных к столбу и давали им через день очень по малому количеству сена.

1786 г., февраль. 11-го числа пустились мы в путь. Переехав реку Алдан, шли вверх по реке Хандуг ровными лесистыми и болотистыми местами. Следов дороги вовсе не было, и якуты вели по одним приметным для них местам. Проехав сто вёрст, очутились мы между высоких горных хребтов и продолжали путь свой вверх по той же реке, то лесистым ея берегом, то через острова, а иногда и по самой реке, где не препятствовали от ключей распространившияся накипни, или от чрезмерной быстрины полыньи. Во ста шестидесяти верстах поворотили от сей реки вправо по долине между гор, приметно понижающихся, и продолжали путь свой местами совсем безлесными, покрытыми чрезмерно глубоким снегом так, что лошади с великим трудом пробирались по нём. Якуты место это называют чистым и стараются в один день засветло его переехать, опасаясь, чтоб не застигла вьюга. В таком случае может проезжих совсем занести снегом.

Сказывают, что много бывало таких примеров, и что здесь погибали от того не только лошади, но и люди. Мы были так щастливы,

что проехали это опасное место в хорошую погоду и выбрались на вершину, называемую Амуг-умог-тага, вниз по коей тридцать пять вёрст, вышли на реку Кюнкюй, покрытую большими накипнями. Здесь нашли якутскую юрту, в которой живёт один бедной якут, не имеющий никакого скота и питающийся ловимою из близ лежащаго озера рыбою и куропатками, которых водится здесь довольно много.

Проводники мои сказывали, что от сего места вперёд до ближняго на Омекони селения осталось только десять днищ, что будет около семидесяти вёрст (днищем называется разстояние, какое в день могут кочевые народы перейти со всем своим имуществом. Большое днище имеет около десяти вёрст, а малое около восьми), почему и торопился я отправиться ранее, чтоб доехать туда в один день и ночевать, по крайней мере, первую ночь в тёплой юрте после одиннадцати весьма безпокойных и холодных ночлегов, проведённых при жестокой стуже в лесах. Можно сказать, что наше путешествие становилось уже несносно: каждой день от утра до вечера должно было сидеть на лошади, ночи же проводить, зарывшись в снегу, и во всё время не снимать платья и не переменять белья.

В тридцати пяти верстах от юрты, где мы ночевали, спустились на реку Контю, текущую в Омеконь, и по ней вниз ехали вёрст двадцать; потом через сенокосные луга ввечеру, уже поздно, прибыли в юрты.

Я располагался, было, после толь трудной дороги несколько здесь отдохнуть и обсушить своё платье, но мне сказали, что за сорок вёрст оттуда вперёд живёт якутской князёк здешняго улуса, и что ежели я хочу получить в перемену скорее лошадей, то должен ехать к нему. Итак, на другой день отправился я далее. На половине дороги переехали невысокой горной хребёт, называемой Атбас, которой якуты некоторым образом боготворят так, как и все отличнейшия горы, и приносят им в жертву лошадиные волосы, вешая их по деревьям. Наши проводники также не преминули исполнить сей обряд. Когда были на самом верху горы, то каждой якут выдернул или из гривы, или из хвоста своей лошади по нескольку волосов и повесил на сучья дерев, близ стоящих к дороге.

Лошади наши так истощали, что с великою нуждою довезли нас до последняго омеконскаго селения, хотя при отправлении с Алдану и довольно были жирны. Как прежде ещё пути четыре дня их не кормили, да и дорогою должны оне были сами для себя из-под снегу копытами доставать поблёклую и негодную траву, которая не имела уже в себе питательнаго соку, в иных же местах

и той совсем не было; и как сверх того во всё продолжение пути очень ненадолго пускали их на кормовище, первые ж четыре дня по отправлении нашем только перед утром, часа на два, впрочем, всю ночь держали привязанных к деревьям, то можно сказать, что бедныя лошади во все двенадцать дней не имели и столько корму, сколько в других местах дают на одни сутки.

После я узнал, что без такой предосторожности не довезли б оне нас и до половины дороги, ибо несколько лошадей от несмотрения и оплошности провожатых, будучи в поту, рано нахватались снегу, от чего на другой же день сделались на спинах их большие нарывы, так что нельзя было положить ни вьюков, не сёдел. Якуты оставили их в лесу без всякаго призрения. На обратном пути намерены были их отыскать и, ежели поправятся, взять с собою; когда ж того сделать будет нельзя, то должны хозяевам тех лошадей, по крайней мере, привезти хвост и уши в доказательство, что оне не проданы. Хотя это некоторым образом и предохраняет от злоупотребления, не мешает, однако ж, им нарочно портить жирных лошадей, чтоб иметь причину убить их и на щёт других попировать.

Остановились мы в одной юрте, где живёт отставной козак, исправляющий должность писаря у омеконских князьков. Здесь узнал я, что далее к Охотску за великими снегами на лошадях продолжать пути нельзя, ибо за несколько времени отправившиеся по сей дороге козаки с почтою нашли толь глубокие снега, что, не проехав и половины оной, потеряли всех лошадей, быв принуждены назад возвращаться на лыжах; и естьли б не повстречали оленных тунгусов, то и сами б пропали. Тунгусы доставили их в Охотск. Олени, у сих народов употребляемые к переездам с места на место, отменно пригодны в таковых случаях: их не удерживают ни зимою великие снега, ни летом болотистыя места. Для того решился я ехать на оленях и послал нарочнаго за тунгусами в гористыя места, где они обыкновенно кочуют в своих юртах.

Между тем, имел я случай видеть, как якутской шаман призывал духов. Был он приглашён одним больным якутом, желавшим умилостивить злаго духа, которой, как верят тамошние жители, был причиною болезни. Шаман снял с себя обыкновенное якутское платье и надел особое шаманское, сделанное из ровдуг (оленья выделанная кожа), которое немного длиннее колена, обвешано кругом узенькими ремешками и железными бляхами разных фигур и величины. Изготовясь совсем, распустил завязанные на голове волосы (надобно знать, что одни только шаманы имеют

отрощенные волосы, прочие ж якуты обрезывают их так, как руские мужики), выкурил трубку табаку, взял свой бубен, сел посередь юрты и начал изредка бить в оной болуяхом (деревянная плоская палочка, обтянутая оленьею кожею, им бьют в бубен), припевая шаманскую песню, коею, как сказывал толмач, призывал он поименно семь духов, бывших у него в повиновении.

Через несколько минут стал чаще бить в бубен и кричать громче, привставая с места и поворачиваясь во все стороны. Вскоре после того вскочил и начал прыгать около больнаго в такт бубна, продолжая кричать странными голосами, делая при том страшныя телодвижения. Голова его с растрёпанными волосами то опрокидывалась вперёд, то назад, а иногда вертелась во все стороны так быстро, что казалась быть на пружине. Глаза тогда сверкали у него, как у бешенаго, и он скоро от сильнаго движения пришёл в некоторой род изступления или безпамятства.

Тогда двое якутов старались его поддержать. Через несколько минут, опамятовавшись, просил ножа, и когда подали, то ударил им себя в брюхо и велел одному якуту вколачивать его поленом до самаго черня; потом, подошед к очагу, взял три горящие угля и один за другим проглотил, не показывая ни малой боли, после чего плясал ещё долго; наконец вынул из брюха нож и, выхаркнув с некоторым усилием проглоченные угли, стал предсказывать, что больной выздоровеет, естьли в жертву злому духу, мучившему его, убита будет лошадь, и назначил притом, какой она должна быть шерсти. В сём случае безошибочно жребий падает всегда на самую жирную.

Шаманы за труды платы никакой не требуют, а довольны тем бывают, что им дадут. Сверх того присутствуют они при жертвоприношении и пожирают с алчностию жертвенное мясо, ибо злому духу предоставляют только голову, ноги, хвост и кожу, которую растягивают на шесте и вешают на берёзе или на лиственице, где и остаётся навсегда.

Доверенность, каковою пользуются шаманы у всего здешняго простаго народа, отнимает всякое на них подозрение в обмане, а предразсуждение о связи их с злыми духами утверждает ещё более в мнении, что всё, делаемое шаманами, производится чрезъестественным образом и не иначе, как с помощию дьявольскою. Мнимая власть над духами дала им право выдумывать разныя сказки и нелепости для суевернаго невежества, дабы более верили, что они могут предсказывать будущее, знать настоящее и прошедшее, повелевать ветрами и бурями, производить вёдро

и ненастье, отыскивать потерянныя вещи, лечить больных и доставлять щастье в звериной ловле. Таким образом, всегда имеют они случай выманить что-нибудь у легковернаго народа.

ГЛАВА III

Отправление с реки Омекони к Охотску на оленях. Выезд на реку Охоту. Урочище Уега. Тунгусская ярмарка. Образ жизни тунгусов. На реке Арке. Пешие тунгусы. Езда далее на собаках. Прибытие в Охотск. Замечание о сём городе, его торговле и жителях. Осмотр судов и материялов. Отыскание лесу для строения судов. Болезнь в городе и причины оной. Ловля рыбы и ея заготовление. Разные роды птиц и способы, как их ловят.

1786 г., март. Посланные для отыскания тунгусов через двенадцать дней возвратились, имея с собою двадцать пять оленей с юртою и двумя тунгусскими семьями.

Марта 11-го числа на приведённых оленях отправился я с Омекони. Съестные припасы, платье и прочее навьючили на оленей, полагая на каждаго не более трёх пуд; сами мы сели также на оленей оседланных. Много стоило нам труда привыкнуть к этой необыкновенной езде: седло столь мало, что с нуждою можно на нём держаться, к тому ж оно без стремян и без подпруг, лежит на передних лопатках оленя и подвязано одним тонким ремнём так, что при малом потерянии равновесия должно упасть. Вместо узды правят ремнём, привязанным к шее оленя.

Первой день отъехали мы вёрст тридцать. Сначала дорога шла чрез сенокосныя луга, потом между гор, лесистыми долинами. Ночевать остановились на невысокой горе, изобильной мохом, годным для пищи оленям, где и поставили юрту, для которой тунгусы вырубили только жерди, приготовили дрова и развели огонь; впрочем, всю работу исправляли женщины. Оне развьючивали оленей, развязывали багаж и устанавливали юрту. Всё, принадлежащее к такой подвижной юрте, тунгусы возят с собою, как-то ровдуги и из бересты сшитыя пластинки, нужныя на покрышку, сошки, на кои ставятся жерди, и занавески к дверям.

Юрты обыкновенно бывают круглыя, наподобие калмыцких, кверху конусом, где оставляется отверстие для дыму; огонь раскладывают посередине, почему бывает в них чрезвычайно дымно, особливо при жестоких морозах.

Следующие дни продолжали путь по известной только одним тунгусам дороге, через горы, леса и тундры (топкия болотистыя

места, покрытыя мохом и кочками, где растёт только мелкой свилеватой лес, также покрытый мохом). На третий день наехали мы на оленьи следы. Тунгусы и якуты различают их с чрезвычайным искусством, как летом, так и зимою, узнают не только число оленей или лошадей, но и определяют время, когда те следы оставлены. Наши проводники по сим признакам тотчас узнали, что того же дня проехали тунгусы. Мы пустились за ними вслед, и ввечеру действительно догнали их на месте, где они остановились ночевать. Назавтра переменили они нам оленей и дали свежих вместо тех, кои у нас были и кои уже ослабели.

15-го числа в полдень переехали мы реку Куйдусун, которая, соединясь с рекою Омеконью, составляет реку Индигирку. Места, подобно прежним, были гористыя, покрытыя лиственичным лесом. Снег становился приметно глубже и местами лежал сверх земли выше двух сажень.

20-го числа выехали мы чрез разлог между гор на реку Охоту, по течению которой, продолжая путь свой три дни, миновали урочище, по-тунгусски называемое Уега, где в известное время зимою съезжаются со всех сторон тунгусы и производят торг. Это их ярморка. Приехавшие из городов с теми, кои жили в горах, меняют табак, ножи, иголки, бисер и платки на оленей, мехи разных зверей, оленьи кожи, сушёное звериное мясо и рыбу. Первые могли б всегда получить более выгоды, нежели последние, естьли б не пропивали большой части своего прибытка на вине, к которому они стали теперь очень пристрастны, и отвозили бы вымениваемыя вещи в город для продажи: ибо в таком случае могли б они выручить втрое более, нежели что сами за них дали.

Сии народы ведут кочевую жизнь и зимою, и летом. Они безпрестанно переселяются с места на место со всем своим домом, семьёю и имением и редко где простоят неделю по нужде, то есть по причине ненастья или для промыслу зверей; впрочем, почитают за великое наказание долго жить на одном месте.

Имение своё, состоящее в платье, юрте и съестных припасах, возят с собою на вьючных оленях, складывая всё то в побочни, весом каждой не более полутора пуд. Малых детей, кои не могут сидеть верхом, сажают во плетёныя корзинки, обтыкая вокруг мохом, к ним привязывают равновесной побочень, и таким образом кладут всё то на вьючнаго оленя. Дорогою, чтоб ребёнок не плакал, дают ему сосать кусок сырова жиру. Взрослые мущины и женщины ездят верхом, а за собою ведут вьючных оленей.

Богатство тунгусов ценится по числу оленей: у кого их больше, тот богаче и почтеннее. Многие имеют до двух тысяч и пасут их обыкновенно табунами на местах, обильных мохом. Сколько бы, впрочем, у тунгуса ни было оленей, однако для себя не убьёт он ни одного, разве которой падёт, повредится или охромеет, иначе скорее согласится дни три терпеть голод и питаться древесною корою либо старыми заветрелыми костьми, которыя обыкновенно бережёт на нужной случай и возит с собою. Убитаго оленя съедают дочиста, то есть не только мясо, внутреннюю и кровь, но и всю в кишках находящуюся нечистоту, из которой варят род каши, смешивая с кровью и жиром. Сырова мяса не употребляют, разве сушёное; напротив того, мозг из костей едят сырой. Я и сам его отведывал и нашёл очень непротивным.

25-го марта доехали мы на оленях до урочища Арки, так называемаго по реке сего имени, текущей в реку Охоту. Здесь живёт несколько пеших тунгусов, называемых пешими потому, что они за неимением оленей летом должны ходить пешком, зимою ж для езды на нартах употребляют собак; живут в земляных юртах. Впрочем, ничем не разнятся от оленных тунгусов. Отсюда уже должен я был ехать на собаках в нартах.

Нарты, легкия санки, длиною в двенадцать, а шириною в два фута; высота их от полоз полтора фута; оне так тонки и легки, что одною рукою можно поднять. В них запрягают собак, от десяти до двенадцати, таким образом, к переду нарты по середине привязан вместо дышла ремень, по сторонам котораго становятся собаки в лямках и пристегиваются к нему помощию нарочно сделанных петель кляпышками. В передней паре запрягают одну собаку, приученную к двум словам, которыми заставляют её поворачивать направо или налево. Для остановления ж нарты втыкают в снег между копыльями оштол, род деревянной толстой палки с железным наконешником. Наверху оштола повешены железныя побрякушки, которыми пугают собак, чтоб скорее бежали.

Весною ездить на собаках крайне неудобно, ибо как нет у нарт подрезей, то по дорогам делаются большие раскаты и прорезы, от чего проезжих часто опрокидывает, а в лесистых местах тем это опаснее, что раскаты бывают прямо на деревья, об которыя при самой малой неосторожности можно разшибиться, особливо, когда собаки почувствуют дух какаго-нибудь зверя. Тогда бегут оне изо всей силы, и трудно их удержать. Часто бывает, что по рекам, гоняясь за выдрою, затаскивают в полыньи. В таком случае, естьли нельзя

их остановить, другаго нет средства, как опрокинуть нарту в снег или соскочить с неё и дать им волю.

Естьли с начала зимы или в продолжение оной вдруг выпадет большой снег, так, что собаки в нём тонут, то вперёд идёт тогда один или два человека на лыжах и обминают его, прокладывая дорогу от селения до селения по приметным деревьям, горам или рекам. Часто бывает, что от сильнаго ветру заносит её опять снегом. В таком случае прокладывают вновь, отчего дороги бывают наровне с прочим снегом, а в безлесных местах и выше. От многаго проезду нарт морозами скрепляет дороги так, что подымает человека, а весною, когда начнёт таять, нет возможности итти пешком, ибо совсем можно утонуть в снегу. Глубина его в нынешнем году была местами до двух сажен.

27 марта приехал я в город Охотск. Он стоит на берегу моря, его же именем называемаго, при самом устьи двух соединяющихся рек, Охоты и Кухтуя. Расположен вдоль узкой косы, состоящей из мелкаго камня, имеющей в ширину не более ста пятидесяти сажень, а как Охота всякое лето подмывает его своею водою, то по нескольку домов ежегодно сносит, от чего в короткое время город лишился уже трёх улиц. Напротив того, со стороны моря коса прибывает набрасываемыми от волнения камешками. Правительство положило перенести город в другое безопасное место, и потому никакаго строения не прибавляют, а прежнее, сделанное при основании города, почти обвалилось. Оно состоит из одной деревянной церкви, крепости, обнесённой палисадом, и нескольких магазинов. Здешние домы по большей части принадлежат служивым, ибо во всём городе жители одни военнослужащие и чиновники присудственных мест, учреждённых при открытии иркутского наместничества. Город сделан областным, к нему принадлежит полуостров Камчатка, Алеутские и Курильские острова и весь морской берег от Охотска к северу до Чукотскаго мыса.

Купцы здесь торгуют более иногородные, привозят съестные припаса и разныя товары для руских, а некоторые и на азиятской вкус, чтоб променивать тунгусам, якутам, корякам и чукчам на мягкую рухлядь. Есть и складочные компании, имеющия здесь своих прикащиков, которые строят в Охотске или в Камчатке суда и отправляют их на Алеутские острова и северную часть Америки для ловли бобров, морских котов, лисиц и песцов. Людей для сего нанимают в разных городах Российской Империи и препоручают начальство над всеми одному из них, бывалому прежде в промыслах, под названием передовщика. Сверх того для управ-

ления судном даётся от правительства штурман или подштурман. Разъезды их продолжаются иногда около десяти лет. По возвращении делят весь промысел на части, называемые паи.

Уведомив здешняго коменданта о причине моего приезда и истребовав позволение, приступил я к осмотру судов и материялов. Из числа пяти транспортных, в здешнем порте находящихся, судов, два бывшия в экспедиции капитана Креницына, по свидетельстве моём нашлись за гнилостию совсем негодны. Прочия три были отправлены прошедшаго лета с провиянтом в Камчатку, где и остались зимовать. Все оне однопалубныя и построены наподобие наших галиотов, почему для дальняго пути не могли быть годны, к тому ж и здешний порт нельзя оставить без судов: Камчатка, город Инжига, Тауйской и Ямской остроги лишились бы провиянту, доставляемаго туда ежегодно, и тамошние жители должны бы были претерпевать неминуемой голод.

После того осматривал я морские припасы и материялы, хранящиеся в здешних магазинах (естьли можно так назвать почти обвалившиеся из досок сделанныя сараи), и нашёл очень малое количество годнаго; прочее ж от долговременнаго лежания, а частию и от худости магазинов при сыром здешнем воздухе сгнило.

1786 г., апрель. В начале апреля месяца отправился я осматривать леса. За неимением при здешнем порте описанния оным, принужден был отыскивать сам. В этом случае много мне способствовал предместник нынешняго коменданта коллежской асессор г. Кох, которой знал довольно хорошо положение окружных мест. Я столько одолжен сим почтенным человеком, что не могу упомянуть об нём без чувствительнейшей благодарности. Нимало не будучи обязан, из одного усердия, чтоб доставить только пособие в возложенном на меня деле, сопутствовал он мне по всем лесам и разделил со мною все трудности. Более семидесяти вёрст обошли мы на лыжах (лыжи здесь употребляют двоякаго рода: одне для рыхлаго снегу, широкия и подбитыя кожею с оленьих ног; другия для отверделаго, узкия и длинныя, не подбитыя ничем), и первые дни нашего пути, можно сказать, мучились совершенно и вывихивали себе ноги от неумения действовать лыжами. При каждом шаге оне у нас путались и задевали то за кусты, то одна за другую, отчего падали мы безпрестанно и тонули в снегу, глубина коего толь чрезвычайна, что самому, без помощи других, высвободиться из него невозможно. Мы осмотрели все леса, лежащие вверх по реке Охоте, вёрст на восемьдесят и нашли годный лес только в двух местах. Впрочем, хотя оба берега реки и покрыты

лиственичными деревьями, но они так мелки, что на строение судов употребить их нельзя. В двадцати верстах от Охотска урочище Чернолесье было первое место, где отыскали небольшое количество лесу покрупнее и годнаго. Второе место было Мундуканское урочище в семидесяти пяти верстах от города на правом берегу реки Охоты. В сем последнем нашли мы его столько, что без нужды могли заготовить на оба судна.

В половине апреля возвратились мы в Охотск. Первое моё старание было истребовать людей для заготовления лесу, но получил от коменданта очень малое их число, и то одержимых цынготною болезнию, которые не только не могли работать, но и с нуждою ходили. Этой болезни подвержены здесь вообще люди скуднаго состояния. Главную ея причину должно приписать сырым и влажным погодам и употребляемой ими пище, которая состояла из одной солёной рыбы да из кислаго жидкаго ржанаго теста, называемаго бурдук. Свежей пищи никакой не могли они иметь. Говядины и рыбы совсем не было. Прочие съестные припасы хотя и находились в небольшом количестве у купцов, но продавались чрезвычайно дорого: масло коровье по тридцати рублей пуд, крупа по семи, мука пшеничная по десяти. Жители, имеющие достаток, заготовляют обыкновенно летом на ярмарке всю годовую провизию или выписывают из Якутска; кто ж не в состоянии того сделать, тот в другое время уже ничего не достанет и неминуемо должен терпеть голод. По приезде моём сюда и я подвергся бы той же участи, ежели б по благосклонности здешних господ, коменданта полковника Козлова-Угренина, надворнаго советника Рейникина и коллежскаго асессора Коха не был обласкан и приглашён к их столу. После, коротко уже ознакомившись, имел я щастие пользоваться дружбою и доверенностию сих почтения достойных людей, что несколько облегчало труды и безпокойства, сопряжённыя с порученною мне коммисиею, особливо г. Кох, имея обстоятельное сведение о здешнем крае, много мне способствовал своими советами.

В исходе апреля вскрылась река Охота, после чего стала возвышаться в ней вода и с чрезвычайною скоростию поняла (залила. — *Ред.*) все низменныя места, однако в сем положении стояла не более десяти дней и вошла опять в берега.

В это время стала показываться рыба. Первая появилась мальма, кунжа и камбала, потом временно из моря входила в реку большими стадами корюха и сельдь, а за ними следовали белуга и тюлени, называемые здесь нерпами. Свежая рыба и зелень поправили совершенно здоровье людей, и я мог уже послать для заготовле-

ния лесу. Рубили его сперва в Чернолесье, потом и в урочище Мундукан. Май и июнь месяцы происходила сия работа довольно успешно.

В начале июля прежней рыбы стало не видно, а пошла из моря в реку другая, называемая кета и нярка, величиною и видом похожая на лосося, только у нярки тело гораздо краснее и несколько твёрже. Вкус имеет приятной и в июле бывает довольно жирна. В августе и сентябре идёт ея такое множество, что вода в реке получает вкус рыбы. Тогда здешние жители стараются заготовлять её на весь год, как для себя, так и для собак, коих держат для зимней езды в каждом доме по одной или по две упряжки, то есть от двенадцати до двадцати четырёх собак. Собаки здешния походят на наших руских, только мало лают, а вместо того воют, и это обыкновенно бывает несколько раз в день, особливо по зарям и перед тем, когда должно на них куда-либо ехать. Начинает выть сперва одна, за нею ж и все прочия в городе. Такая музыка для приезжаго, пока не привыкнет, бывает не очень приятна.

Рыбу заготовляют разными способами: первую попадающуюся нярку распластывают и коптят в нарочно сделанных коптильнях. Когда ж поспеет, укладывают в ящики, пересыпая сушёною и толчёною кетею (значение этого слова найти не удалось. — *Ред.*), отчего она лучше зберегается. Отправляют её в Иркутск и Якутск, только не в большом количестве по причине дороговизны провозу. Кету сушат на воздухе, отделяя мякоть от средней кости. Так приготовленная называется она юколой. Лучшия части употребляют для себя, прочее для собак. Кету и нярку солят в бочках целыми рыбами или одни пупки. Соль здесь варят в зимнее время из морской воды на казённой соловарне, построенной в одиннадцати верстах от города. В исходе августа и сентября, когда бывает самой большой ход рыбы, ея не ловят, а, можно сказать, берут из реки так, как из садка, и бросают в нарочно приготовленныя в земле ямы, где она киснет, гниёт и вся распускается. Употребляют её для собак, а иногда и сами едят. Камчадалы почитают такую пищу лучшею и приятнейшею, хотя бывает от неё тогда самой отвратительной и толь сильной запах, что при открывании ям на несколько вёрст чувствителен. К исходу сентября, когда настанут уже заморозы, ловимую кету и другую рыбу, в то же время показывающуюся и называемую ломки, морозят, кладут в срубы и берегут на зиму.

Для ловли рыбы употребляют невода и сети, первые для мелкой, последния для крупной, и делают их двоякие: одни на мальму и кунжу, другие на нярку, кету и ломки. Сети закидывают с берегу

длинными шестами. Во время большаго ходу рыбы она так скоро набивается в сети, что не успеют ещё закинуть их, как и должно уже вытаскивать, чтоб от множества не изорвались. Козаки с жёнами и детьми занимаются этою ловлею, и от скуки, вместо лакомства, едят с отменным удовольствием хрящи, вырезываемые у живой рыбы из головы. Думать надобно, что их приучили к этому лакомству собаки, которыя в летнее время при изобилии рыбы сами для себя ловят её на мелких местах, и ничего больше не едят, кроме голов.

Пролётных птиц весною и осенью бывает здесь чрезвычайно много. В исходе апреля и в мае летят оне стадами из тёплых стран в северные края, и тогда на лугах садятся гуси и журавли, а утками разных родов покрыта бывает вся губа. В июне, когда улетят гуси и утки, появляются вместо их во множестве разных родов кулики. В июле и августе никакой птицы уже не видно, кроме морских уток, называемых турпаны, которыя водятся обыкновенно на взморье в великом множестве. Как в исходе июля оне линяют и не могут летать, то здешние жители, выбрав тихой день, выезжают на однодеревках (род небольших лодок) в море, окружают их и загоняют в устье реки, потом на мелкия места к берегу. Тогда выскакивают из лодок все в воду, бьют или ловят их руками и посредством костяной или железной иголки нанизывают на длинной ремень, которой за каждым тащится позади. Часто случается, что задний человек у передняго, между тем как тот занимается ловлею, отрезывает ремень с утками и присоединяет к своему.

Тунгусы турпанов ловят с помощию деревянной чучелы, делаемой наподобие их самки. Чучелу прикрепляют на конце длиннаго шеста, а впереди ея на тот же шест насаживают железное копьецо. Таким образом изготовившись, держат сей шест впереди на поверхности воды и подъезжают на однодревках к стаду самцов, которые, увидя чучелу и почитая её за живую самку, подплывают к ней весьма безпечно. Тогда тунгусы без всякаго затруднения колют их выше упомянутым копьецом.

На озёрах и в тихих местах реки ловят уток силками. Перегораживают озеро или речку в разных местах тальниковыми прутиками, между тем оставляют изредка небольшия воротцы, а в них ставят петли. Утки, не находя другаго пути, кроме сих отверстий, плывут туда и попадают в петли. Другой способ ловления бывает через силки же на икру: делают для сего рамы, переплетённыя не очень часто тальником, а к ним привязывают множество силков. Потом с помощью привешиваемых камней опускают такой снаряд на дно реки в мелких местах, посыпав на рамы и между плетён-

кою икры. Утки, подплывая к этому месту, видят на дне приманку, ныряют за нею и попадают в петли.

Из лесных птиц водятся здесь орлы белохвостые, глухие тетеревы, рябчики и куропатки. Ещё есть примечания достойная птица, называемая водяной воробей. Видна бывает только зимою по полыньям реки, величиною с дрозда, перья на ней чёрныя, и хотя не имеет на ногах плавальных перепонок, однако ныряет в воду и несколько минут там бывает, потом опять показывается, но никогда не видно, чтоб плавала сверх воды. Дворовых воробьёв здесь нет, а вороны совсем чёрныя. Чаек находится пять разных родов: семисаженныя, серыя с белым, говорушки, мартышки и разбойники. Первыя имеют необыкновенную величину, так что растянутыя у сей чайки длинныя крылья, ноги и голова в окружности имеют около семи сажень маховых, почему и называется семисаженною. Она так прожорлива, что, наевшись рыбы, не может летать. Серыя с белым точно такия ж, как и в Европе. Чайки-говорушки походят на серых, только меньше их, и когда сидят на воде, то безпрестанно кричат, почему и названы говорушками. Самой же меньшой их род, мартышки, с красненькими короткими ногами и с двумя развилинками на хвосту. Последний род чаек чёрныя, средней величины, с двумя на хвосту длинными перами. Сами оне рыбы никогда не ловят, а отнимают у других чаек, почему и называются разбойниками.

ГЛАВА IV

Прибытие капитана Биллингса в Охотск. Отправление моё на реку Колыму. Дорога вверх по реке Охоте. Замечание о неплодородии земли. Река Арка. Пляска пеших тунгусов. Речка Уега, на берегу которой оленные тунгусы. Ночлег при озере. Пойманная в нём рыба и чудное ея натуральное побуждение. Помощник докторской заблудился. Поворот с реки Охоты на реку Куйдусун. Побег проводника, от чего затруднение в отыскании дороги. Прибытие к пустым юртам и потом на реку Омекон к якутскому селению. Путь далее. Переправа через высочайший хребет. Приезд в Верхне-Колымской острог. Заготовление лесов. Юкагири и образ их жизни. Закладка судна. Жестокие морозы. Закладка другаго судна. Нечаянной пожар.

В первых числах июля приехал в Охотск начальник экспедиции г. Биллингс, а за ним скоро доктор Мерк, капитан-лейтенант Галл и шхипер Баков с командою и припасами. Тогда узнал я,

что 7-го числа прошедшего марта все в экспедиции находящиеся чиновники в силу высочайшаго повеления повышены чинами, в том числе и я произведён в капитан-лейтенанты.

В исходе июля по приказанию начальника все имеющияся у меня в ведении дела и команду сдал я капитан-лейтенанту Галлу, а сам получил повеление отправиться в Верхнеколымской острог. Из пришедших конвоев от Якутска с тягостями выбраны сто лучших лошадей, на которых 1 августа выехал я с командою из Охотска. Со мною отправились шхипер Баков, штаб-лекарь Робек, штурман Батаков, рисовальной мастер Воронин, тиммерман и двадцать человек нижних чинов. Из числа отправляющихся на Колыму реку в Охотске остались для окончания некоторых дел г. Биллингс, доктор Мерк, его помощник, регистратор, боцман и три человека егерей.

Путь наш начался вдоль узкой дресвяной косы (дресва — крупный песок, гравий. — *Ред.*), продолжающейся от Охотска вверх реки на семь вёрст и имеющей с другой стороны море. От сего места река Охота и подле оной проложенная дорога поворачивает от моря вправо. Но как в сие время от сильных дождей река наводнилась столько, что потопило водою оба ея берега и дорогу, то пробирались мы стороною с великою трудностию лесом и болотистыми местами. На третий день воды убыло столько, что могли продолжать путь дорогою, переходя вброд некоторыя протоки. В тридцати четырёх верстах от города проехали якутское селение, называемое Медвежья голова, а от него в девяти верстах другое, называемое Киох-терях, и, наконец, последнее селение Мундукан, от Охотска в семидесяти пяти верстах. В сем селении дневали для просушки подмоченных третьяго дня вещей.

Дорога до сих пор, кроме безпокойства от наводнения, была довольно хороша и везде представляла места прекрасныя. Лес по большей части лиственичной, а местами березняк и ольховник, по сторонам реки растут ивы и тополи. От смолы и листьев сего последняго дерева происходит ароматической приятной запах. По сторонам дороги растёт кустами множество шиповнику или диких розанов и жимолости с сладкими ягодами, которыя не имеют никакой почти горечи и почитаются здесь из лучших. Между тем, попадалась голубица и княженика, похожая на землянику, как листьями, так и видом, только цветок на ней не белой, а розовой, ягода же имеет благовонной запах и приятной вкус. Здешние жители цвет и лист сей травы употребляют вместо чаю и варят из неё декокт (лечебный отвар. — *Ред.*), которой, сказывают, поле-

зен бывает от грудной болезни, кашлю, удушья и от всех припадков, происходящих от простуды. Трава по полям росла везде густая и высокая, что хотя и доказывает тучности земли, однако по многим опытам, деланным от правительства, изведано, что хлеб не может на ней родиться. Это приписывать должно не неплодию земли, но краткости лета, глубоким снегам, которые не растаивают местами до половины июня, и влажным холодным погодам, часто бывающим в такое время, когда нужны жары, чтоб хлеб мог созревать. Это ж причиною, что и огородные овощи здесь не так хороши, как в других местах, лежащих далее к северу, но под лучшим климатом (места около города Архангельска четырьмя градусами ближе к Северному полюсу, а родятся там не только огородные овощи, но и хлеб). Капуста здесь не имеет никаких вилков и бывает один только лист; картофель, редька и морковь хотя и родятся, но очень мелкия.

От Мундуканскаго селения вёрст двадцать продолжалися ещё сухия и приятныя места, а далее пошли болотистыя и гористыя. Лес везде лиственичной, а как он растёт по скатам гор и в долинах на мокрых мшистых местах, называемых тундры, но нет нигде крупнаго и годнаго для строения.

Мох, лежащий на болотах, переплетаясь с кореньями дерев, составляет зыблющийся довольно твёрдой мост. Когда по нём едут на лошадях, то он колеблется и качает деревья. Часто случается, что лошади проваливаются и вязнуть в болоте. Тогда все проводники вместе пособляют провалившейся высвободиться, снимая с неё вьюки, и потом прокладывают новую дорогу в свежем месте. Таковые провалы и топкия места называются здесь байдараны. По болотам находится великое множество морошки, а в долинах около ручьёв растёт на кустах голубица. На шестой день нашего пути приехали мы к селению пеших тунгусов, называемому Арка, лежащему во ста верстах от Охотска при устьи довольно немалой речки того же имени, впадающей в Охоту. Сего дня догнал нас начальник экспедиции с прочими остававшимися в Охотске, кроме боцмана, которой, переплывая чрез небольшую протоку, был сброшен лошадью в воду и утонул.

Здешних жителей застали мы упражняющихся в рыбной ловле. Оная состояла в багрении кеты, которая в великом множестве шла вверх реки близ самаго берега. Ловить её тем было удобнее, что в сем месте река не очень глубока; вода ж столь чиста, что не только без труда можно видеть в ней рыбу, но и удобно различить жирную от худой. Тунгусы очень искусно ловят её баграми,

никогда не сделают промаха и при всяком ударе вытаскивают добычу.

Ввечеру после ужина тунгусы забавлялись пляскою: мущины и женщины, взявшись рука за руку, составили небольшие круги и прыгали в такт песни, которую сами пели. Оная состояла в повторении двух только слов «охур-иохур», что значило изъявление радости. Сколь ни бедно кажется состояние сих людей, но они гораздо им довольнее, нежели просвещённые, в непрерывном довольстве живущие богачи. Сует и безпокойств они не знают, нужды их ограничены, и всё их благополучие заключается в одном изобилии рыбы; она составляет главную их пищу, на неё ж выменивают у оленных тунгусов платье и обувь.

Следующие дни ехали мы все вместе. В двух верстах от Арки поворотили от реки Охоты влево через горы и тундреныя лесистыя места. Переходя бродом поперешныя речки, текущия в Охоту, выехали на речку Атарлан, по коей вверх шли двадцать вёрст до самой ея вершины, потом сухим боровым местом между множеством небольших озёр; чрез десять вёрст спустились на речку Уегу, текущую в Охоту, где нашли несколько юрт оленных тунгусов. До сего места от Арки щитают около восьмидесяти вёрст.

Погода по 9-е число стояла хорошая, и дождей мы не видали, только по утрам и вечерам было уже довольно холодно. 9-го ж ввечеру пошёл дождь и продолжался не только во всю ночь, но и по всё почти утро следующаго дня.

Как бывшие у нас якуты не знали далее дороги, то мы взяли из здешних тунгусов четырёх человек в проводники, а для подвод двадцать два оленя. От Уеги дорога пошла самая безпокойная, гористыми и болотистыми местами, а завалена была подгорелыми деревьями, отчего, проехав тридцать вёрст, лошади наши так помучились, что несколько из них совсем выбились из сил, и должно было их оставить в лесу. Ввечеру расположились мы ночевать подле озера, имеющаго в окружности версты три, где было хорошее лошадям кормовище; почему для поправления их сил и следующий день провели тут же.

Отсюда капитан Биллингс отправил своего секретаря и тиммермана в Верхнеколымской острог с нужными повелениями к капитан-лейтенанту Берингу, посланному туда в начале лета из Якутска с материялами и припасами для судов, которыя предполагаемо было там строить.

В близ лежащем лесу егери наши настреляли нам рябчиков и куропаток. В озере ловили сетьми хариузов. Между ними попа-

лась одна нярка, которая совсем уже излощала и не имела никакого подобия с тем, что она бывает, входя из моря в реку. На коже ея совсем шелухи не было, а одни только багровыя и синия пятна, нос закорючился, выросли большия зубы, а на спине горб, тело ж ея сделалось рыхло и ноздревато. В озеро она зашла, как кажется, по текущему из него в реку Охоту ручью, несмотря на то, что чрезвычайною быстриною извивается вниз под гору и очень мелок. Кета и нярка, войдя из моря в реку, по особливому натуральному побуждению безпрестанно стремится в верх воды, несмотря ни на какия препятствия, до тех пор, пока выбьется совсем из силы. Редкая дойдёт до какаго-нибудь озера, а вся пропадает и сгнивает по берегам, так что ни одна уже не возвращается назад в море. Казалось бы, что от такаго чрезвычайнаго множества кеты и нярки, ежегодно выходящей из моря во все реки и пропадающей, должно со временем истребиться всему этому роду, однако ея не убывает, почему думать надобно, что выпускаемая ею икра стремлением воды уносится в море и производит там новых рыб.

От озера продолжали мы путь в низ ручья, из него текущаго, которой чрез десять вёрст довольно увеличился и получил название речки Катор. В двадцати верстах выехали на реку Охоту и шли вверх по ней, пробираясь то берегом, то через острова и каменистыя ея отмели. Горы простирались по обе стороны реки. Оне покрыты были мелким листвяничным лесом, но далее вперёд безлесны, наконец, совсем голы, и состоят из дикаго сыпучаго камня.

15-го числа начальствующий экспедициею отправился вперёд, взяв с собою доктора, двух егерей и двух тунгусов в проводники. На другой день по отбытии его помощник докторской англичанин Мейн отстал от нас для собирания каменьев и заблудился. Мы приметили это ввечеру, тогда как остановились на ночлег, почему следующий день принуждены были пробыть тут же для отыскания заблудившагося, котораго нашли уже после полудни в лесу, идущаго пешком к охотской стороне. Лошадь от него ушла, а дорогу вперёд потерял, не приметя, что она лежала через реку водою. Будучи в отчаянии, не знал он, что делать, и наконец решился возвратиться к первому тунгусскому жилью, что однако не так легко было сделать, как он думал, ибо ближайшия тунгусския юрты были тогда от него далее ста вёрст.

Прошед около четырёхсот вёрст вверх по реке Охоте, поворотили мы от ней вправо через разлог между гор и спустились на вершину реки Куйдусуна, где местами на мелях ея находится лёд толщиною до четырёх футов, которой, как видно, не тает никогда

(лёд сей намерзает и накопляется во время зимы от вод, вытекающих из ключей).

В первую ночь, как мы остановились на сей реке, бывший у нас в проводниках тунгус бежал с оленями и тем привёл нас в крайнее затруднение. Дороги вперёд далее никто не знал, и нам оставалось единственное средство пробираться по следам тех, кои прежде нас проехали с капитаном Биллингсом. Но, к нещастию, признаки их пути на болотистых и мохом покрытых местах едва были приметны, ибо порядочной дороги здесь совсем нет, а каждой тунгус прокладывает свою и едет, как ему вздумается. Много раз теряли мы следы и стояли по нескольку часов на одном месте в ожидании, пока их отыщут. Таким образом мучились мы семьдесят вёрст, пробираясь через крутыя горы, леса и болота. Наконец выехали на якутскую битую дорогу, ведущую к сенокосным лугам, по ней пустились мы с радостию, полагая наверное, что она доведёт нас к якутскому жилому селению. Однако ж вместо того через осьмнадцать вёрст приехали к пустым якутским юртам, от коих в разныя стороны лежали дороги. По ним послал я людей для сыскания якутов и, к щастию, поутру привели ко мне одного, которой взялся проводить нас к юртам якутскаго князька Омеконьскаго улусу, до коих полагал он девять днищ, что будет около семидесяти вёрст.

Сначала перешли мы вброд реку Контю, текущую в Омеконь, и ехали между гор. В двадцати верстах спустились на реку Утюгай-урях, которая, разрезывая пространную долину, покрытую сенокосными лугами, впадает в Омеконь. По ту сторону долины снова пошли гористыя места. Проехав шестьдесят вёрст, вступили мы на луга, простирающиеся на шесть вёрст, до самых якутских юрт, в коих живёт вышеупомянутый князёк. Здесь нашли г. Биллингса, ожидавшаго нас. В сем селении должно было переменить нам лошадей, в ожидании которых прожили мы тут пять дней, между тем как их собирали по разсеянным в разных местах юртам.

29-го числа капитан Биллингс отправился вперёд налегке, взяв с собою шхипера Бакова и трёх человек егерей. За ним скоро и мы последовали. Сперва ехали пространными лугами и сенокосами до реки Омекони. Переправившись же через неё вброд, пошли вверх по реке Сарбадах и чрез невысокия горы спустились на речку Курдат, по коей шли вниз до ея устья, где она впадает в другую, называемую Ачугуй-тарынь-урях, что значит «Малая ледяная река». Имя сие дано ей потому, что на ней всегда лежит толстой лёд, намерзающий в зимнее время от ключей. По берегу сей

реки ехали мы вёрст сорок грязными и болотистыми местами, потом поворотили вправо и перешли вброд реку, называемую Улахан-тарынь-урях, или «Большая ледяная река», соединяющаяся с первою и текущая чрез ровныя места в реку Омеконь.

1786 г., сентябрь. Четыре версты от Тарынь-уряха дорога лежала сенокосными лугами до высоких гор, между коими и стали мы подыматься вверх по речке Джулкан до ея вершины. На пространстве двадцати вёрст переправлялись мы через два хребта, один от другаго в версте. Первой покрыт мелким листвяничным лесом, мохом и кустами кедровника, растущаго не выше двух сажен и приносящаго плод через два года, другой, отменной высоты против всех виденных нами хребтов, простирается грядою от юго-востока к северо-западу, снизу до половины только покрыт мохом, верх его состоит из голаго камня. Немалаго стоило нам труда взобраться на него пешком, но спускаться надлежало с большею ещё трудностию по чрезвычайно крутой его стороне, ползком и с безпрестанным страхом, чтоб не упасть. Здешния лошади, как ни цепки и как ни привычны к таким дорогам, однако некоторыя обрывались и падали. Сей хребет лежит от Омекони во ста двадцати пяти верстах. От него далее дорога идёт гористыми лесными местами через маленькия речки. В двадцати верстах от хребта перешли мы вброд довольно немалую речку, называемую Нера, которая течёт в Индигерку; по ней находятся хорошие сенокосные луга. Во ста верстах от переправы нашей через хребёт очутились мы снова между отменно высокими безлесными хребтами, продолжавшимися вёрст двадцать. В сих горах водится много диких баранов. Тунгусы здесь обыкновенно летом кочуют, как для промыслу баранов, так и для пасьбы своих оленей, избегая лесных мест, где безпокоят их оводы и комары, которых бывает там множество. В шестидесяти верстах от вышеупомянутых гор перешли реку Мому, которая течёт в Индигерку. В это время она почти вся высохла, а в наводнение разливается на несколько вёрст.

Здесь должны мы были остановиться для того, что взятые с Омекони якуты не знали далее дороги, почему и послал я за бывалым проводником в близлежащия якутския юрты, называемыя Кысыл-балык-тах, что значить «с красною рыбою». Имя такое дано этому селению по причине ловимой в ближнем озере красной рыбы, которой в других озёрах нет. По прибытии проводника продолжали мы путь далее. В тридцати верстах от Момы спустились на вершину реки Зырянки, впадающей уже в реку Колыму, и шли стороною вниз оной по вершинам небольших ручьёв, текущих

в Зырянку, болотистыми и байдаранными местами. Горы от часу становились меньше, наконец, во ста верстах вниз по Зырянке, совсем кончились, и пошли ровныя болотистыя топкия места, наполненныя озёрами, между коими изредка попадались небольшия лиственичныя рощи. Дорога через сии места была отменно дурна и продолжилась шестьдесят вёрст. Лошади наши безпрестанно проваливались и вязли в болоте, отчего так избились, что с трудом довезли нас до Верхнеколымска. Не доезжая до него, миновали мы два озера нарочитой величины: одно в окружности имеет до пяти вёрст, другое, называемое Ламутское, в длину будет вёрст пять, а в ширину три версты.

Здесь нашли мы капитана Биллингса, которой приехал десятью днями прежде нас, и капитана-лейтенанта Беринга, прибывшаго сюда за несколько дней прежде его. Из команды и клади, отправленной из Якутска с г. Берингом, осталось много в дороге, потому что из бывших у него под вьюками лошадей большая часть от худой дороги пала, и для того нужны были другия лошади, чтоб доставить её к нам, но как поблизости их не нашлось, то, выбрав несколько из прибывших со мною, послали, чтоб, по крайней мере, привезли вблизи оставленныя нужныя вещи.

Верхнеколымской острог стоит на левом берегу реки Ясашной, которая впадает в двух верстах от острога в реку Колыму. Ширина Ясашной в сем месте до девяноста сажен. Берега ея низменныя и во время разлития понимаются водою. Строения, составляющия острог: часовня, пять изб, три юрты и обнесённой деревянным забором двор, в средине котораго чёрная изба и несколько анбаров. Вот, что называется здесь острогом. Не без нужды расположились мы в сем селении. Начальник выбрал себе лучшую избу, а я с двумя товарищами, штаб-лекарем Робеком и шхипером Баковым поместился в юрте. Но как большой части нижних чинов негде было жить, то начали строить просторную юрту, также пекарню для сушения сухарей и кузницу. Между тем, служители жили в лесу и заготовляли на строение одного судна кокоры (бревна с корневищами. — *Ред.*) и деревья, которыя рубили вверх по Ясашной, верстах в трёх.

27 сентября Ясашна замёрзла, чем остановилось на несколько доставление лесу, которой сперва привозили водою. Несмотря на то, продолжали заготовлять его по набережным местам маленькой речки, впадающей у острога в Ясашну. Когда река укрепилась, то старались перевозить лес на присланных от якутов лошадях.

Якуты поселились в здешних местах не очень давно и перешли с реки Индигерки как в верхний, так и в средний Колымские остроги. Живут они по разным местам, в нарочитом разстоянии от острога. Рогатаго скота держут очень мало и питаются больше рыбою. Для зимней езды употребляют собак, и сим только разнятся от прочих якутов.

Отправленным вперёд с дороги 11 августа секретарю и тимерману давно надлежало уже быть здесь, вместо того мы никакого не имели об них известия и начинали опасаться, не случилось ли с ними нещастия. Однакож тридесятаго числа приехали они благополучно. Причиною медления их было то, что они заблудились, потеряв настоящую дорогу, и выехали к городу Зашиверску, отсюда дали им знающаго проводника и снабдили съестными припасами, в коих имели они нужду.

Октябрь. При замерзании реки, когда по ней несло лёд, ловили сетьми рыбу, называемую чиры, но как скоро лёд утвердился, то ея не стало.

В половине октября сделали на реке заезок (плетень поперёк реки. — *Ред*.), в которой попадало довольное число налимов, большие из них весом были до двадцати пяти фунтов. Стужа в сие время по Реомюрову термометру показывала ниже точки замерзания тридцать градусов.

В ноябре г. Биллингс с доктором ездили в небольшое селение, лежащее вверх по реке Ясашной в сорока верстах, где живут несколько семей юкагиров. Сей народ прежде был многолюден, страшен своим соседям и обладал многими пространными землями, но когда от распространившихся заразительных болезней, оспы и другой, называемой киликинскою, многие перемёрли, тогда соседи их, коряки и тунгусы, взяли верх и по прежней ненависти своей к ним стали утеснять в промыслах. От сего произошли войны, которыми истребился весь почти их род. Остальные должны были искать защиты у россиян и поселяться близь острогов. Частое обращение юкагиров со здешними козаками не чувствительно ввело между ними как обычай их, так и платье. Прежний же образ жизни и одежда юкагиров сходствовали с тунгусскими, подобно тунгусам имели они оленей, кочевыя юрты и переходили с места на место. Но теперь живут в землянках и вместо оленей для зимней езды держат нарты с собаками. Питаются рыбою и сохатинным мясом (сохатым называется здесь отменной величины лось). Сих зверей на островах по рекам водится довольно, особливо славна ими река Коркодон, впадающая в реку Колыму вверх от острога

в двухстах верстах, куда юкагиры, обыкновенно весною, в апреле месяце, ездят на собаках ловить разных зверей, как то соболей, лисиц, росомах и белок. Но главной промысел есть сохатые, которых юкагиры обыкновенно гоняют на лыжах с собаками; охотники мучат их до тех пор, пока не выбьются они совсем из сил и не остановятся, чему способствуют чрезвычайно глубокие снега и бываемой в сие время наст (отверделая поверхность снега; бывает только весною, когда снег от солнца притаевает во время дня, а ночью замерзает), которой подымает только на лыжах охотников и собак, а сохатаго по его тягости не держит, следственно, ни один почти из этих зверей уйти не может. Сохатаго мясо разрезывают на тонкия пластинки и сушат на воздухе. По вскрытии реки на плотах приплывают юкагири в острог, и тогда с здешними козаками бывает у них общее празднество и гулянье. Между тем, променивают своих зверей козакам на привезённыя ими из городу нужныя для них вещи и табак, к которому очень пристрастны. Ярмонка сия продолжается до тех пор, как река после разливу войдёт в берега. Тогда разъезжаются все по разным местам ея для промыслу рыбы.

Юкагири от обращения с здешними козаками, хотя и приняли християнской закон, однако суеверие и шаманство не истребилось, потому что сами козаки, будучи не более их просвещены, закосневают в предразсудках и в нужных случаях прибегают к шаманству. Многие болезни приписывают колдовству и верят, что иногда на людей нападает злой дух, особливо боятся одной якутки Аграфены Жиганской, славной шаманки, которая умерла лет за тридцать назад. Думают, что она вселяется в людей и мучит их, почему все здешние жители боготворят эту колдунью и приносят ей жертвы. Якутское правительство сколько ни старалось истребить сие предразсуждение, но не имело успеха. Наконец послано было строгое повеление в город Жиганск, чтобы, отыскав место, где похоронена Аграфена, сожечь ея тело, но и тем ничего не предуспели в умах суевернаго народа. Здешние якутские шаманы поддерживают славу сей чародейки и уверяют, что без принесения прежде ей жертвы не смеют они делать призывания духов, ибо в случае такого упущения она вселится в них и будет мучить.

В исходе ноября заложили на берегу Ясашной судно длиною в сорок пять футов. Материялы для строения доставлены уже все были из Якутска, недоставало только густой смолы, почему здешним якутам приказано было вместо ея набрать серы с листвя-

нычных дерев, которая, будучи переварена с жидкою смолою, не уступала добротою лучшему пику.

В генваре морозы увеличились до сорока трёх градусов, и стужа была несносная, так что захватывало дыхание, выходящий же изо рта пар мгновенно превращался в мельчайшия льдинки, которыя от взаимнаго трения производили шум, подобный небольшому треску. Солнце тогда действовало весьма слабо и не могло согревать воздуха, ибо показывалось на горизонте только около полудня и то на самое малое время, притом лучи его падали весьма косвенно. Примечательно, что при самых жестоких морозах не бывает здесь никогда ветру и воздух стоит безо всякаго движения, как же скоро начнётся ветр, то мороз станет уменьшаться. Ртутные термометры здесь не годились для того, что самая чистая ртуть при тридцати трёх градусах морозу превращалась в твёрдое тело. Мы употребляли одни спиртовые.

Пока не так было холодно, мы иногда занимались охотою и ходили на лыжах в лес стрелять глухих тетеревей, рябчиков и куропаток, но при жестоких морозах с нуждою переходили из одной избы в другую. Тогда начал показываться недостаток в свежей провизии, ибо и налимы, составлявшие главную пищу, не стали ловиться. Тут все почувствовали с прискорбным раскаянием свою неосторожность, что при изобилии рыбы, когда ловилось ея множество, не знали экономии и не сберегали запаса на нужной случай. Сперва налимьи головы бросали как негодную часть, но после дошло до того, что и их вырывали из снегу и употребляли за самое лучшее кушанье. Наконец обыкновенным следствием недостатка в свежей пище была цынготная болезнь, оказавшаяся в людях.

В феврале послан в Якутск капитан-лейтенант Беринг для скорейшаго отправления оттуда в Охотск экспедиционных тягостей и материялов.

В апреле заложили другое судно длиною двадцати восьми футов. Строить его взялся шхипер Баков, ибо бывший у нас тиммерман по неумению своему не без труда управлялся с непривычными к плотничному делу козаками при работе большаго судна, которая шла очень медленно. А как надобны ещё были гребныя малыя суда, то строение их взял я на себя. Оставалось только для довершения нашего дела произвести работу якорную, купорную и блоковую, но в этом состояло немалое затруднение: у нас совсем не было знающих по сей части людей. Однако ж нужда научит всему — те же самые козаки всё то исправили. Здесь должно отдать справедливость г. Бакову. Его старанию и расторопности

одолжены мы были приведением в совершенство сих частей нашего судостроения.

С половины апреля стали показываться водяныя пролётныя птицы.

13 мая в ночи сделался пожар в доме, где жили доктор и механик. Загорелось от оставленнаго на кухне по неосторожности огня. Пламень так скоро и сильно обнял дом и примыкающийся к нему чулан, где хранилась казённая водка, что не успели ничего спасти, кроме живущих в том доме людей.

В Верхнеколымском остроге широта места по наблюдению найдена северная 65°28', а склонение компаса 7°00' восточное.

ГЛАВА V

Спуск судов и приготовление к походу. Плавание вниз по Колыме. О промысле зверей и рыбы. Прибытие в Среднеколымской острог, потом к Омолонскому летовью. Принятие капитана Шмалева и с ним бывших на суда, стоящие на якоре у Нижнеколымска. О реках Анюях, плавь через них оленей. Путешествие наше далее рекою Колымою к ея устью. Прибытие туда и стояние на якоре против Лаптева маяку. Выход наш в Ледовитое море. Встреча льдов и туманов. Плавание к востоку. Положение берега. Стояние на якоре в двух местах.

1787 г., май. Мая 15-го вскрылась река и начала прибывать вода. На третий день возвысилась она столько, что подняла большое судно, которое уже было совсем вооружено и приготовлено. По спуске дано имя ему «Паллас». На четвёртой день спустили другое судно и назвали по имени реки «Ясашна».

22-го числа река вышла из берегов и покрыла их водою. Тогда все офицеры и служители перебрались на суда. На первое сели начальник, капитан-лейтенант Биллингс и с ним доктор Мерк, механик Едварц, рисовальный мастер Воронин, а из воинской команды шхипер Баков, штурман Батаков, штаб-лекарь Робек и тридцать человек нижних чинов. На второе судно, состоявшее под моим начальством, вступили геодезии унтер-офицеров трое, подлекарь и боцманмат, да козаков в матрозской должности двенадцать человек. Итак из всех, со мною на судне находившихся, кроме боцманмата, не только никто не бывал в море, но и понятия не имел об нём. С сими неопытными людьми должен я был предприять самое трудное и самое опасное плавание по Ледовитому морю, где требовалось безпрестанное бдение и всевозможная осторожность.

Почему, сколько я мог, приготовил двух геодезистов к штурманской должности, обучил их знанию компаса, бросанию лота и показал, как вести морской журнал. Третьяго определил к коммисарской должности, а из козаков троих приучил править рулём. Впрочем, судно вооружил так, чтоб самым легчайшим образом можно было им управлять. Сверх того приделали четыре весла, которыя после очень пригодились и много раз избавляли нас от опасностей. Провизии взято на семь месяцов, не было только у нас мяса и уксусу, потому что подрядчик не успел доставить.

25 мая по утру оба судна снялись с якорей и пустились вниз по Ясашной, которою скоро выплыли на реку Колыму. Стремлением воды несло нас по одной миле немецкой в час. Берега реки везде видны низменные, местами покрыты водою; на них растёт лиственичной лес средней величины. Река Колыма разделяется на множество протоков, выходящих из неё и через несколько вёрст опять в неё же впадающих. Многие из сих протоков по збытии воды бывают сухи. В тридцати верстах от устья реки Ясашной миновали мы две реки, впадающие в Колыму с левой ея стороны. Первая называется Малая Зырянка, другая Большая Зырянка, на последней живут несколько якутов.

Ввечеру положили мы якорь у нижняго устья протока Шипунова в ожидании другаго судна, которое стремлением воды занесло в тот проток. На следующий день дожидались его до десяти часов утра и после, снявшись с якоря, поплыли далее, предполагая, что оно уже прошло.

Около полудня миновали в левой стороне устье реки Магазейки, так называемой потому, что при вершине ея близь города Зашиверска построены магазейны, где прежде хранился доставляемой в Анадырской острог чрез Зашиверск провиант. Когда не известна ещё была дорога чрез вершину реки Колымы, то возили оной по реке Магазейке и по другой, называемой Ожогина, выходящей оттуда же и впадающей в Колыму ниже Магазейки в тридцати пяти верстах. Ввечеру проплыли мы в левой стороне маленькую речку, называемую Чикураевка, из коей выехал к нам на лодке якутской князёк, имеющий свои юрты при вершине ея у озера. Князька привело к нам любопытство: ему хотелось посмотреть наших судов. От него узнал я, что «Паллас» ещё назади, и так, чтобы дождаться его, стали мы на якорь. В полночь проплыл он мимо нас, и мы следовали за ним.

27 мая по полудни миновали так называемые Частые острова, коих считается всех вместе семь. В полночь проехали Троицкие

острова и реку того ж имени, получившие название в давния времена от руских промышленников, кои здесь хотели заложить церковь во имя св. Троицы, но как у них выбрано было к тому другое место, а именно то, где ныне стоит Среднеколымск, то они в нерешимости бросили жребий, которой пал на сие последнее, где и построили церковь, а впоследствии времени основался и самой острог.

28 мая поутру миновали в правой стороне устье довольно большой реки, называемой Каменка, выходящей из гор. Как по ней, так и по Троицкой ходят якуты и тунгусы ловить разных зверей: лисиц, выдр, россомах и белок. Изредка попадаются и соболи, но прежде, как сказывают, ловилось их очень много.

По берегам Колымы, начиная от устья Зырянки до Среднеколымскаго острогу, стоят летовья верхнеколымских и среднеколымских козаков, где они обыкновенно летнею порою заготовляют для себя и для собак рыбу. Ловят её неводами; сушат и делают юколу. По большой части попадают нельма, муксуны, чиры и, наконец, к осени в большом количестве идёт сельдь.

Ввечеру остановились мы у Среднеколымска, расположеннаго на левом берегу Колымы. Огорожен он деревянным забором, внутри онаго церковь, а около его несколько домов. Сей острог назывался прежде Ярмонка по причине собиравшихся в нём для торгу всех окрестных жителей, как-то тунгусов, якутов и юкагирей. С якутскими купцами и козаками меняли они на мелочныя товары и табак кожи разных зверей, лисиц, выдр, росомах, горностаев, белок; более всего соболей, которых по Колыме ловилось чрезвычайно много, так что годовой пошлины собиралось в казну до девяноста сороков соболей, полагая одного с десяти, почему и называлась это десятинная подать. Теперь соболиных промыслов не стало, потому что соболей по Колыме совсем нет, от чего рушилась и ярмонка.

В Среднеколымском остроге нашли мы дожидающагося нас штурмана Бронникова, которой от экспедиции послан был прошедшаго году из Охотска чрез город Инжигу и привёз для делания байдар китовыя усы, но как мы не имели уже в них надобности, то и оставили здесь, а штурмана начальник взял к себе на судно.

Здесь простояли мы четырнадцать дней. Между тем, сковали якорь на судно «Паллас». Во всё это время ветр дул северной и временем шёл дождь, а по утрам был мороз иногда более градуса.

11-го ввечеру оставили мы Среднеколымский острог. Течением реки несло нас гораздо тише прежняго. Берега Колымы везде ровны и покрыты небольшим листвяничным лесом. В шести верстах от острога миновали влеве небольшую речку, называемую

Лобья, от коей правой берег пошёл каменной, местами косогором и отчасти утёсом. У речки Лобьи утёс называется Половинной камень; другой, немного далее, Запроточной; третий, за Заборцовскими островами, называется Берёзин камень.

12-го после полудня миновали в правой стороне реку Берёзову, впадающую в Колыму тремя устьями. Берёзова вытекает из одного хребта с рекою Омолоном, по ней ходят здешние якуты промышлять разных зверей. Пополуночи, проплыв Частые острова, оставили реку Колыму в правой стороне и пустились по протоку, называемому Быстрой, через пять часов выплыли из него опять на Колыму. Здесь ширина ея до шестисот сажен; берега по обе стороны имеют прежний вид.

13-го ввечеру для ожидания «Палласа», которой остался назади, легли на якорь у праваго утёсистаго берега, называемаго Рудников камень. Под ним на отмели росло довольно дикаго луку. До здешняго места от Среднеколымска по берегам видны были местами якутския летовья.

14-го поутру снялись мы с якоря и следовали за главным судном, которое мимо нас проплыло.

15-го после полудни вправе миновали последний высокой каменной утёс, называемой по-юкагирски Гонжевой. Подле него есть летовье омолонских крестьян.

17-го поутру, поровнявшись против устья Омолона, впадающей с правой стороны, остановились у леваго берега Колымы подле летовья омолонских крестьян. Здесь в летнее время ловят они неводами рыбу, а осенью возвращаются в деревню, которая лежит вверх по Омолону в двадцати верстах от его устья. Далее за сею деревнею живут несколько юкагиров.

Река Омолон выходит из одного хребта с реками Инжигой и Пенжиной, в неё впадают пять довольно больших рек, три с правой и две с левой стороны; из последних одна, называемая Омолонская Магазейка, примечания достойна, потому что при ея устье для складки привознаго водою на судах провиянту построены были магазейны, откуда уже зимою на собаках возили оной в Анадырской острог. В четырёхстах верстах вверх по Омолону есть древнее строение, получившее существование своё ещё в то время, как найдена сия река рускими промышленниками, которые предприяли путь на кочах (род судов, похожих на барки) с реки Лены в Ледовитое море, а оттуда в устье Колымы и по ней вошли в Омолон.

Здесь на летовье ожидал нас инжигинскаго гарнизона капитан Шмалев и с ним сотник Кобелев да чукотской толмач Дауркин.

Приехали они из города Инжиги по требованию г. Биллингса, чтоб во время плавания по Ледовитому морю в случае встречи с чукчами можно было лучше приласкать сих диких людей. Шмалев несколько лет был начальником в Инжиге, куда ежегодно приходят для торгу чукчи; ласковостью и подарками приобрёл он от многих из них доверенность и любовь. Кобелев же и Дауркин знали их язык и бывали на самом Чукотском Носу у сих народов. Сотника и толмача г. Биллингс взяв к себе, а Шмалева определил ко мне на судно.

Простояв здесь три часа на якоре, пустились мы опять по течению реки и в сутки приплыли к Нижнеколымску, расположенному на левом берегу Колымы. В нём строения: деревянная обнесённая забором крепость, церковь и тридцать три дома; козаков здесь находится шестьдесят шесть человек. Против острога с другой стороны впадают в Колыму две большия реки, одна от другой не в дальнем разстоянии: одна называется Большой Анюй, другая Сухой Анюй. Первая течёт около восьмисот, другая до пятисот вёрст, на обеих живут несколько юкагирей.

По Омолону и Анюям бывает два раза в году оленья плавь: первая весною, в исходе мая, когда дикие олени идут великими табунами из лесов к морю, избегая, как видно, множества бывающих здесь комаров. Другая плавь осенью: тогда они возвращаются назад в леса и неминуемо должны переплывать все сии реки. Здешние козаки и живущие по Омолону и Анюям юкагири стараются в это время узнать место переправы оленей чрез реки, выезжают тогда на своих ветках и на воде колют их великое множество, так что один человек может убить в день до шестидесяти оленей и более. Они обыкновенно переплывают не все вдруг, но один за другим, почему охотники колют их без всякаго замешательства. При том обыкновенно наблюдают, чтоб не нападать на них до тех пор, пока передовой олень совсем не переплывёт на другую сторону, ибо ежели ему встретится хотя малейшее препятствие, то он возвращается назад, а за ним и весь табун, но как скоро дадут ему переплыть, то ни один уже не возвратится, а следуют все за предыдущим безостановочно.

Мясо оленье после рыбы составляет главной съестной запас здешних жителей. Они разрезывают его на тонкия пластинки и сушат. Мозг и язык оленьи почитаются самым лучшим куском. Ещё делают они любимое для себя кушанье из брусники, толчёной с сушёною рыбою и рыбьим жиром, и этим кушаньем обыкновенно подчивают летом всех гостей. Зимою ж вместо его употребляют мёрзлую

сырую рыбу, чиры, нарезывая её тоненькими стружками, и тогда называется она строганиной, едят её, пока ещё не растаяла. Уверяют, что эта пища предохраняет от цынги и во время стужи сообщает теплоту; почему во всё зимнее наше бытие в Верхнеколымском остроге мы её употребляли. Сперва казалась она отвратительна, но когда привыкли, то ели с удовольствием и из лакомства.

У Нижнеколымска простояли мы четыре дни, исправляя на судах, что было нужно. На малое судно для его валкости (оно было столь валко, что когда не имело грузу, то при подъёме на него малейшей тягости валилось на бок) прибавлено чугуннаго баласту, а на оба принято тридцать туш сушёнаго оленьяго мяса и сто пятьдесят пуд солёнаго. Всё это заготовлено омолонскими и анюйскими юкагирями. Соль для соления дана была им от нас для того, что здесь ея нет, а привозится из Якутска и продаётся дорого. Во всё время якорнаго нашего здесь стояния погода продолжалась тёплая и ясная, ветру совсем почти не было. Чрезвычайное множество комаров несказанно нас безпокоило, и чтоб избавиться от них, должны мы были надевать на головы чехлы с сетками, на ногах носить из оленьих кож чулки, а на руках перчатки.

19 июня «Паллас» снялся с якоря и при благополучном ветре поплыл вниз по реке. Я за неготовностию остался ещё в Нижнеколымске на два дни, а на третий отправился вслед за ним. Ветр тогда стал утихать, почему одним течением несло судно медлительно. Ширина реки в сем месте до двух вёрст.

В двадцати верстах миновали протоку Староострожскую, примечания достойную потому, что на ней стоял прежде Нижнеколымской старой острог. Немного далее на правой стороне Колымы есть три высокие горы, называются: одна Пантелеева, другая Сурова, третья Белая Сопка. У подошвы первой по реке Анбоних есть жилище или летовье нижнеколымских козаков. В шестидесяти верстах вниз от острогу Колыма разделяется надвое и особливыми устьями впадает в море. Та Колыма, которая течёт от сего места к востоку и по которой мы поплыли, называется Каменная, вероятно потому, что правой ея берег каменистой и продолжается далее невысоким увалом (понижение высокаго и ровнаго берега косогором), горами, а инде (в ином или другом месте, не тут. — *Ред.*) утёсом каменным; напротив того, левой берег низменной. От сего места лес начал становиться приметно мельче, а далее, вёрст через тридцать, совсем кончился. Один только ивняк изредка рос кустами, но и того через несколько вёрст стало не видно, и берега покрыты были только мохом и травою.

С полуночи ветр сделался опять попутной. При помощи его на другой день после полудня миновали на правом берегу бывшее зимовье купца Шалаурова (в 1762 году предпринимал плавание по Ледовитому морю от устья Колымы к востоку, но за препятствием ото льдов возвратился того ж года назад и здесь зимовал. На другой год, отправившись опять в море, потерял судно, которое льдом раздавило и выбросило на берег; сам же он с людьми, как сказывают чукчи, умер с голоду) и увидели впереди маяк лейтенанта Лаптева (в 1735 году описывал берега Ледовитаго моря и построил сей маяк), к которому и направили плавание наше, но принуждены были за мелководием остановиться и послать промеривать фарватер, который нашли удалившимся к левому берегу. Тогда снялись с якоря и пошли по оному далее. Здесь ширина реки вёрст с восемь. К вечеру увидели судно «Паллас», стоящее на якоре, подойдя к нему, и мы положили якорь.

Маяк Лаптева был тогда прямо против нас в пяти верстах, а левой берег или остров, по положению своему низменной и простирающейся ещё далее в море, верстах в четырёх. На карте у Лаптева острова сего не означено и, как думать надобно, он его по низменности не видал. Кажется вероятно, что прежде фарватер реки был возле праваго берега, что доказывают построенныя на нём Лаптевым для людей казармы, близ коих вытащен был и бот его, но теперь не только большое судно приближиться к сему берегу не может, но и шлюбка подходит с трудом, и то в водополье, а во время убыли воды отмель бывает версты на три.

На другой день поутру возставшим от юго-запада сильным ветром произвело немалое волнение, и в судне нашем показалась течь. К вечеру ветр стал тише и волнение меньше, так что можно было замазать салом и обить свинцом место, где текла вода. Оно было несколько повыше воды, и течь сделалась от выбившейся из пазу пеньки.

24-го начальник экспедиции в полном собрании всех подчинённых объявил, что высочайшим указом, данным ему в Санкт-Петербурге, по прибытии на устье Колымы пожалован он в капитаны втораго ранга.

Того ж дня в полдень снялись с якоря и через шесть миль (мили здесь упоминаемые, то есть италиянские, коих щитается шестьдесят в одном градусе) вышли из устья Колымы в Ледовитое море. Глубина реки по фарватеру, которой шириною здесь до двухсот сажен, была от трёх до пяти сажен; на дне жидкой ил. Берег продолжается каменным утёсом высотою до восьми сажен,

под ним видно много наноснаго лесу. По удалении от устья реки вода начала становиться несколько солоновата.

В полночь ветр утих и поднялся густой туман, почему простояли до утра на якоре. Тогда стало несколько прочищаться, и ветр сделался попутной; мы снялись с якоря и пошли к востоку вдоль берега, которой впоследствии стал возвышаться горами и местами утёсом каменным.

25-го в полдень увидели по всему морю большия льдины и подумали сперва, что оне стоячия, но приметили, что их несло течением и северо-западным ветром к берегу. Сколько можно пробирались мы между берегом и льдом, но ввечеру за множеством его нельзя было идти далее, почему приближились к самому берегу и стали на якорь против устья небольшой речки, текущей из гор, в разстоянии от устья Колымы к востоку миль на двадцать.

Тут за выдавшимся каменным мысом нашли мы некоторое закрытие ото льду, безпрестанно мимо нас стремившагося. Густой туман покрывал как море, так и окрестныя набережныя места. От сей речки берег далее пошёл к Баранову камню земленым увалом вышиною от воды до четырёх сажен. Весь он одет мохом и травою, инде растёт стелющийся по земле в фут длиною, ивняк и березник, изредка видны мелкие цветочки. На вершинах гор и внизу под утёсами лежит оледенелый снег толщиною сажени в две. Здесь видели четырёх медведей и стадо оленей.

Три дни простояли мы на сем месте спокойно, но как скоро переменился ветр, то лёд стало нести прямо на нас, почему принуждены были сняться с якоря и пробираться с великою опасностию назад подле самаго утёса, к которому едва нас льдом не прижало. Положили опять якорь от прежняго места в восьми милях против разлогу гор, откуда вытекал ручей чистой воды. Здесь ловили неводом довольно сельдей и муксунов и видели тюленей.

До перваго числа июля продолжались маловетрия, и временем была совершенная тишина. Льдины носило вдоль берега взад и вперёд одним течением, которое без всякой надлежащей причины переменялось, по-видимому, от реки и коловратнаго движения самых льдин, ибо приметили по поставленному у берега шесту, что чувствительной перемены в прибывании воды не было.

В сем месте найдена чрез наблюдение широта северная 69°29', из чего видно, что на всех прежде изданных картах берег Ледовитаго моря положен далее к северу почти на два градуса. Склонение компаса было здесь 16°00' восточное.

ГЛАВА VI

Плавание к северу и обратно. Вторично предпринятый путь к востоку и опасность ото льдов. Стояние на якоре не доходя Баранова камня. Путь пешком к оному. О стоячих и табунных оленях. О промысле диких гусей и збережении их. Возвращение судов ко устью Колымы. Плавание опять к востоку. Препятствие ото льдов. Совет об обратном плавании. О кекурах, или столбах, виденных по горам. Стояние на якоре у Баранова камня, где найдены земляныя юрты. О жителях сих мест. Замечание о Ледовитом море. Возвращение в Нижнеколымской острог. Совет о средствах обойти Чукотской мыс. Разсуждение о прежде бывших плаваниях по Ледовитому морю и о причине множества льду. Путь по реке до Среднеколымскаго острогу.

В полдень перваго числа июля при свежем восточном ветре снялись с якоря и стали лавировать между несущихся к западу льдов и между берегом. Большое судно, будучи лучше нашего, имело хороший ход и скоро от нас удалилось, а к вечеру, пробравшись между льдов, пошло к *N*, чего мы не могли сделать, ибо ветр стал увеличиваться и произвёл волнение, препятствовавшее нам по малости нашего судна иметь хороший ход и миновать лёд, которой несло назад вместе с судном, почему стали мы на якорь. Скоро после сего лёд стал реже и между им сделались полыя места. Тогда снялись мы с якоря и следовали за «Палласом», которой уже вдали закрылся туманом. Держали мы сколько можно ближе к ветру, но волнением сносило нас далеко под ветер. К тому ж и для льдин, между коими надлежало проходить, безпрестанно принуждены мы были спускаться. Но скоро лёд сделался реже и, наконец, совсем стало его не видно, а только распространялся по всему морю туман. Глубина сначала увеличивалась и доходила до семнадцати сажень, после стала уменьшаться, и на другой день, идучи в том же направлении, дошли до семи сажен глубины. Это даёт причину думать, что мы находились не в дальнем разстоянии от Медвежьих островов, но туман препятствовал их видеть. Наконец он сделался столь густ, что в двух саженях ничего различить было нельзя. По сей причине, равно как и по причине уменьшающейся глубины, стали на якорь.

Как во время плавания, так и при стоянии на якоре пушечными выстрелами давали знать о нашем месте другому судну, но в ответ ничего не слыхали. Через несколько часов туман прочистился к южной стороне и открылся весь берег, простирающийся от устья Колымы к востоку, а к северу за бывшим там туманом

ничего было не видно. Тогда, снявшись с якоря, продолжали плавание наше к северу, но скоро принуждены были возвратиться назад, ибо высокие и большие льды, коим не видно было конца, покрывали впереди всё море, и ударяющиеся об них волны производили ужасной шум. До сего места, по моему исчислению, отошли от берега к северо-западу двадцать миль италиянских. При возвратном пути ветр стал утихать, а после полудни сделалось совершенное безветрие, течением же несло нас к западу по одной миле в час. По сей причине стали мы на якорь в пяти милях от берегу против самаго устья Колымы. Между тем на берегу усмотрели огонь, и я послал на байдаре нарочно разведать, кто развёл его. По возвращении посланных узнали, что там были люди с судна «Паллас», и что оно стоит на якоре на том же месте, откуда вчерашняго числа отправилось. Нетерпеливо желая соединиться с ним, велел я поднять якорь и пошёл греблею ближе к берегу, чтоб скорее выйти из противнаго на попутное течение реки Колымы. На другой день подошли мы к «Палласу» и стали на якорь. Ввечеру ветр сделался западной, море близ берега казалось чисто, только далее, в двух верстах, под густым туманом несло множество льду.

5 июля поутру снялись с якоря и стали держать к востоку. Уже прошли двенадцать вёрст, как вдруг покрыл нас густой туман. Впереди и в левой стороне слышан стал великой шум от льдов, после того скоро они нас совсем окружили. В которую сторону мы ни поворачивали, везде были льды, и опасность, казалась, неизбежна. Соединяющияся льдины непременно бы судно раздавили, естьли б в то самое время ветр не подул с другой стороны и не сделался бы тихим, которой способствовал нам пробраться между льдов к берегу. Тут на двух саженях глубины стали на якорь. Опасность, однако ж, всё ещё не миновалась. Густой туман не позволял нам разсмотреть, что у самаго берега множество было мелкаго льду, которой скоро новым ветром стало нести прочь, и могло б оттащить нас опять в море, но от сей беды избавились мы, отводя лёд шестами. После беспокоила нас только неизвестность другаго судна, которое прежде было впереди, а потом услышали назади ответ его на наши сигналы. Однако скоро прочистился туман, и мы увидели «Палласа», идущаго буксиром к востоку. Мы также подняли якорь и следовали за ним на гребле с попутным течением. Не доходя Баранова камня, за великими впереди льдами должны были поворотить к берегу и положить якорь в двух верстах от онаго, но и здесь недолго стояли, ибо течение переменилось и сделалось от востока. Тогда понесло лёд прямо на нас, почему надлежало

идти под самой берег, где вода стоит тихо, и где нет льду, которой несло только по быстрине.

Во время стояния здесь на якоре посылали штурмана к Баранову камню для осмотра, нет ли какой возможности пройти между льдами на восток. Штурман по возвращении доносил, что всходил он на самую высокую гору, откуда видел по всему морю далее Баранова камня на восток и к северу, сколько его зрение могло простираться, сплошь льды, и что никакого отверстия нет. Хотя мы и не имели сумнения в справедливости штурманскаго известия, однако вознамерились видеть всё то сами. Капитан Биллингс, доктор и я отправились к помянутому камню. Сперва ехали мы на шлюбке подле берега вёрст с шесть, потом позади гор Баранова камня, выдавшихся в море, шли пешком чрез небольшия пригорки. Часто попадались нам стоячие олени, называемые так потому, что они живут близь моря зиму и лето и не соединяются с приходящими сюда из лесов стадами оленей, которые и здесь не разбиваются и ходят вместе, от чего видны везде битыя большие дороги. На озёрах, встречавшихся нам, видели много диких серых гусей большаго роду, называемых гуменниками, которые в то время линяли и не могли летать, почему можно было настрелять их множество. Здешние козаки вместо того употребляют выгоднейшее средство: они загоняют гусей великими стадами в растянутой невод, бьют их палками и без всякаго приготовления бросают в ямы, вырытыя нарочно в земле. Тут лежат оне целой год, нимало не портясь, потому что земля летом не тает глубже полуаршина, и как скоро яму сверху закроют, то гуси тотчас замерзают.

В здешней стороне погребённыя мёртвыя тела без превосходнаго египетскаго бальзамирования пребудут вечно нетленными и с тем ещё преимуществом, что не только не потеряют ничего из своей вещественности, но и платье на них сохранится невредимо.

Проходя Баранов камень, увидели море, всё покрытое льдом. Берег, продолжающийся отсюда к востоку, не очень высок и ровен. Последний вдали мыс его казался горами, и его оконечность к северу была прямо от нас на восток по неправому компасу в пятидесяти верстах. Сей мыс, кажется, есть тот самый, который на карте у Шалаурова означен под именем Пещаного, а за ним тот залив, где он искал реки Чауна и откуда в первый год своего плавания назад возвратился. В сем же месте, думать надобно, было и жилище известнаго чукотского князька Копая, с котораго козак Вилигин в 1723 году первой ясак взял.

При обратном нашем пути нашёл я на западной стороне Баранова камня старой деревянной крест, который с одной стороны почти совсем сгнил, потому что лежал на земле. Подписи не видно никакой: совсем ли ея не было или время истребило. Поперешныя перекладины отбиты и гвозди вынуты. Они были железные и, вероятно, взяты чукчами. Судя по ветхости креста, можно предполагать, что он поставлен во время плавания на кочах около 1640 году. Другой столь же древний крест видел я на омолонском летовье, но тот совсем ещё цел, и подпись можно было разобрать: поставлен в 1718 году. На нём показывали тамошние жители небольшия ямочки, которыя, по их уверению, сделаны стрелами чукчей, в прежния времена нападавших на российския селения.

Простояв на якоре три дни на прежнем месте, на четвёртой пошли назад и проходили между льдов с опасностию. Остановились снова близ устья Колымы за небольшим мысом в изгибе берега, где простояли до седьмагонадесять числа. Во всё это время погода и ветер были переменные, и впервые слышан был гром. Теплоту и стужу чувствовали мы, смотря по тому, откуда дул ветер: от юга или от севера.

Ночей здесь по причине стояния нашего в толь высокой широте совсем не было, ибо солнце ходило всегда сверх горизонта и в половине июля уже опустилось до онаго.

17-го поутру снялись мы с якоря и пошли опять в море. Близ берега не видно было льдов, но носившийся над горизонтом густой туман предвозвещал множество их впереди. Ветр был от северовостока, почему должны были лавировать при способствовавшем нам тогда течении. Лишь только отошли вёрст тридцать, как вдруг сделался густой туман, и другова судна стало не видно. Оно подошло к берегу и легло на якорь, но я, не слыша сигналов, поворотил от берегу в море. Между тем, течение переменилось, сделалось противное, и ветр зашёл к востоку, отчего снесло нас далеко назад. На якоре остановился я в том месте, где мы стояли июля перваго. В ночи был изрядной мороз, так что мачты и снасти оледенели. Ветр и течение от востока продолжалось три дни, после чего сделалась тишина и течение переменилось на попутное. Тогда мы соединились с другим судном, которое стояло на якоре далее верстах в семи. Начальник, увидя нас приближающихся, снялся с якоря и пошёл буксиром к Баранову камню, куда и мы следовали на вёслах. Скоро ветр сделался нам попутной от запада. Подходя к Баранову камню, очутились мы между льдин, из коих большия были длиною до ста сажен, а вышиною от поверхности воды до

двух сажен. Миновав Баранов камень, шли к северо-востоку до вечера. Наконец льдины при каждом, так сказать, нашем шаге становились больше и гуще, так что мы с нуждою и величайшею опасностью между них пробирались, ожидая ежеминутно, что сии громады раздробят наши суда. Глубина увеличилась до шестнадцати сажен, и на сей глубине многия льдины доставали дно. Пройдя одиннадцать миль от Баранова камня, принуждены мы были возвратиться назад. Лавируя всю ночь, насилу добрались к Баранову камню и поутру на другой день стали близь его на якоре.

Здесь капитан Биллингс составил совет из офицеров, в коем положено за невозможностию пройти далее к востоку по причине льдов возвратиться назад. Наступающее осеннее время, кроме опасностей от жестоких ветров, ничего не обещало. Щастливы мы ещё, что во всё наше плавание не было ни одного крепкаго севернаго ветра, в таком случае суда наши неминуемо бы разбило о льдины или каменные утёсы, ибо укрытия никакого нет по всему берегу.

Лишь только кончился совет, то снялись с якоря и по завозам стали обходить Баранов камень близь самаго его берега. Сей камень состоит из смежных нескольких гор, выдавшихся в море мысом, образующим полукружие. На них есть кекуры, или столбы каменные, из коих иные представляют обвалившуюся крепость, другие башни и людей. На одной невысокой горе, близь коей стояли на якоре 28 июня, видели мы один кекур, похожий видом на двух разговаривающих женщин, держащих в средине ребёнка. Сии столбы не иное что, как крепкие камни, оставшиеся слоями от обвалившагося кругом их рухлаго камня.

Здесь мы видели множество белуг, тюленей и одного кита: неоспоримое доказательство, что Ледовитое море имеет соединение с Восточным, или Северным, океаном.

22-го пополудни в ожидании «Палласа» стали на якорь в небольшом изгибе берега на северной стороне Баранова камня, где несколько закрывало нас от восточных и западных ветров и ото льду выдавшимися в море двумя каменными мысами.

Берег в средине сего изгиба пещаной и отлогой, на верху его росла изрядная трава с цветами, по обе стороны возвышались горы, из коих вытекал ручей чистой воды. Эта малая долина, хотя не представляет ничего прелестнаго, по крайней мере, есть лучшее место по всему Ледовитому морю. После трудов и опасностей была она приятным для нас отдохновением. По берегу ручья нашёл я обвалившияся земляныя юрты, но в дальнем одна от другой разстоянии. Зделаны оне были сверх земли и казались круглыми,

в диаметре сажени три. По разрытии земли в средине нашли кости тюленьи и оленьи, також много черепьев от разбитых глиняных горшков и два каменные трёхугольные ножа, наподобие геометрическаго сектора. Сторона, которая дугою, вострая, другия две прямыя и толстыя. Из сих ножей один отдал я капитану Биллингсу, другой доктору. О жителях сих мест, которые, без сомнения, должны быть чукчи, сказывали колымские козаки, что они назывались шалагами; по поселении в соседстве с ними россиян перешли они на восток и основали жилище своё близь выдавшагося далее прочих к северу мыса, которой с того времени стал называться Шалагским.

Здесь, на берегу, поставили мы крест, сделанный из наноснаго лесу, лежащего по берегам в великом множестве, и означили на нём год, месяц и число его постановления. Для сооружения сего памятника мы имели довольно времени: противные ветры продержали нас тут четверы сутки. Между тем, лёд несло безпрестанно к востоку в таком же количестве, как и прежде. Течение через сутки, а иногда и через двои переменялось с той и с другой стороны вдоль берега; вода временем возвышалась только не более, как на половину фута, и то без всякаго порядка. Это даёт повод заключить, что сие море не из обширных, что к северу должно быть не в дальнем разстоянии матёрой земле, и что оно, по-видимому, соединяется с Северным океаном посредством узкаго пролива, и потому здесь не исполняется общий закон натуры, коему подвержены все большия моря.

Мнение о существовании матерой земли на севере подтверждает бывший 22 июня юго-западной ветр, которой дул с жестокостию двои сутки. Силою его, конечно бы, должно унести лёд далеко к северу, естьли б что тому не препятствовало. Вместо того на другой же день увидели мы всё море покрытое льдом. Капитан Шмалев сказывал мне, что он слышал от чукоч о матерой земле, лежащей к северу не в дальнем разстоянии от Шалагскаго носа, что она обитаема, и что шалагские чукчи зимнею порою в одни сутки переезжают туда по льду на оленях.

26 июля начал дуть попутной нам ветр от востока; мы снялись с якоря и благополучно вошли в устье Колымы. Течение ея было тогда очень тихое, так что мы без всякаго затруднения через пять дней дошли до Нижнеколымска и тем кончили сколь трудное, столь и опасное плавание наше по Ледовитому морю.

Из повествования моего видно, что покушения наши в нынешнем году на Ледовитом море были неудачны, почему г. Биллингс

собрал совет, в коем разсуждаемо было, как бы удобнее и безопаснее обойти водою или берегом мысы Шалагской и Чукотской. Опыт уже показал, что морем от устья Колымы за великими льдами на судах исполнить того невозможно. Хотя прежде бывшия плавания доставили нам сведение, что море иногда местами бывает ото льду чисто, однако из множества отважных мореплавателей, покушавшихся открыть себе путь через Ледовитое море в Восточной океан, один только козак Дежнёв в 1648 году был столько щастлив, что на кочах успел туда пройти, но и в том многие ещё сомневаются и думают, что сие путешествие его есть сказка, выдуманная им для приобретения славы новаго открытия, и что всё, разсказанное Дежнёвым о тамошних берегах, основал он единственно на известиях, полученных от чукоч.

Впрочем, хотя бы и правда была, что Дежнёв обошёл Шалагской мыс, и лёд ему в то время не препятствовал, но всё ещё непреодолимая трудность сего пути не опровергается. Может быть, натура отступила тогда от обыкновеннаго своего ходу. Может быть, это случилось во сто лет один раз. Здешние козаки уверяют, что по большой части льду на море всегда так много, что и из устья реки выдти совсем нельзя; нынешнее ж лето почитают они к плаванию лучшим и способнейшим, какого давно уже не запомнят. Судя по малой теплоте, бывшей сего лета, и по слабому действию солнечных лучей на льды, защищаемые всегда непроницаемым туманом, нельзя полагать, чтоб в это время года растаяла и половина того, что намёрзнет зимою. Присовокупить к тому ещё должно, что многия весьма обширныя реки всякой год приносят в Ледовитое море чрезвычайное множество льду. Итак, естьли б чрез проливы, коими соединяется это море с океанами, не выносило льдов, то оно давно бы совершенно наполнилось ими. Отсюда следует, что причину малаго или большаго количества бываемаго на море льду должно приписывать не тёплому или холодному лету, а единственно расположению дующих ветров, иногда способствующих выходить льдам в проливы.

Оставалось нам ещё средство объехать мысы зимою на собаках, но оно отвергнуто в совете, так как неудобное, потому что нельзя взять с собою для собак корму более как на двести вёрст пути. По долгом советовании положено наконец оставить дальнейшия исследования относительно сего предмета до будущаго плавания по Восточному океану, а тогда зделать ещё покушение пробраться от Берингова пролива к западу. На сей конец дано повеление сотнику Кобелеву и толмачу Дауркину следовать в город

Инжигинск, где, дождавшись прибытия чукоч, которые ежегодно туда приходят для торгу, отправиться с ними на Чукотской нос и, предваря живущие там народы о нашем прибытии, ожидать судов наших у самаго Берингова пролива.

Как наступило уже по здешнему климату холодное время и начали показываться утренники, то мы спешили управиться с своими делами, чтоб ещё водою успеть дойти до Среднеколымска, почему к 5-му числу августа разоружили мы оба судна и отдали их вместе с припасами под ведение бывшаго в сем остроге зашиверскаго земскаго суда заседателю коллежскому асессору Мартьянову.

Начальник экспедиции отправился вперёд на двух гребных судах, взял с собою доктора, штаб-лекаря, секретаря и двадцать человек нижних чинов. Остальную ж команду препоручил мне с приказанием нагрузить судно «Ясашну» сухопутным провиянтом на четыре месяца для всей команды и отправить со штурманом в Среднеколымской острог, самому же мне с коммандою следовать тогда, как скоро возвратятся гребныя суда.

На другой день по отбытии капитана Биллингса приплыла в Нижнеколымск с провиянтом барка. Я счёл за лучшее отправиться на ней, нежели на судне «Ясашной», которое ходило в глубину не меньше четырёх футов, и для бичевой в разсуждении отмелей реки не могло быть удобно. Напротив того, барка углублялась только на полтора фута. Итак, положа на неё всю провизию и поместя людей, отправился вверх по Колыме. Для удобности, чтоб скорее тянуть барку бичевою, разделил я всех людей на две равныя части. Таким образом, могли они переменяться и идти безостановочно, почему не более двадцати дней пробыли в пути до Среднеколымска.

Во время сего плавания ничего, примечания достойнаго, не случилось, одно только забавное зрелище, которое мы видели, заслуживает быть здесь описанным. Два сокола напали на орла в то время как он летел через реку. Сражение между ними началось над самою срединою реки. Соколы сначала плавали вверху над орлом, потом один опустился клубом прямо на орла, но он в ту же минуту оборотился когтями кверху и готов был встретить противника. Сокол, видя вооружённаго неприятеля, увернулся и миновал его, после чего лишь только орёл принял прежнее положение, другой его неприятель бросился к нему и дал в спину сильной удар, так, что звук его слышан был нам. Между тем, первой сокол, поднявшись кверху и не дав оправиться орлу, нанёс ему вторичной удар. Побеждённый, видя превосходство неприятеля, стал

опускаться на низ без всякаго защищения, и до тех пор, пока не сел, соколы попеременно били его в спину.

29 августа прибыли мы в Среднеколымск, где ожидал нас начальник экспедиции. В это время дорога к Якутску была крайне грязна, и мы принужденными нашлись ожидать морозов; между тем заготовляли лошадей.

18 сентября река Колыма покрылась льдом. Тогда здешние жители сделали на ней заезок, в которой попадало множество чиров и нельмы.

ГЛАВА VII

Отправление наше из Среднеколымска в Якутск. Дорога до Алазейскаго селения. Примечание о мамантовой кости, находимой по берегам Ледовитаго моря. Путь вверх подле реки Алазеи и выезд на реку Индигерку. Один из сопутников наших приходит в отчаяние и желает смерти. Уяндинское российское селение. Прибытие в город Зашиверск и некоторыя о нём замечания. Дорога далее и выезд на реку Яну. Жестокость наступивших морозов и предохранения от оных. Переезд чрез высочайший Верхоянской хребет. Прибытие на реку Алдан в первое селение. Забавное для нас, но для доктора неприятное приключение. Приезд наш в Якутск. Отправление моё с командою на устье реки Маи. Амгинская слобода и близлежащая деревня. Прибытие на устье Маи. Приезд к нам капитана Фомина. Вскрытие реки Алдана. Плывущий по ней остров и чрезвычайное наводнение. Отправление капитана Фомина на лодках вверх по реке Мае, а капитан-лейтенанта Беринга к Юдомскому Кресту. Возвращение моё в Якутск.

Сентября 24-го отправилась первая часть команды со шхипером Баковым, а 28-го и я выехал из Среднеколымскаго острога на верховых лошадях. Со мною отправился доктор, штаб-лекарь и механик. Дорога лежала на Алазейское селение, находящееся от Среднеколымска в девяносто верстах, по болотным и лесным местам через множество озёр, из коих три были отменной величины: каждое имело в окружности не менее двадцати вёрст.

В Алазейское селение прибыли мы 1 октября. Состоит оно из часовни и двух изб, в которых живут купец и мещанин с своими семьями; опрятность домиков и угощение сих двух семейств нас удивило. Мы не воображали, чтоб в такой отдалённости, в таком холодном и безплодном климате могли быть люди, довольные своим

состоянием, и жили щастливо. В сих странах недостаток хлеба натура щедро вознаградила изобилием рыбы, дичины и привольностию скотоводства. Птицы летом, как-то гуси и утки, водятся здесь в большом количестве по озёрам, зимою ж великое множество куропаток прилетает к самому селению. Рыба здешняя почитается лучшею, особливо озерные чиры зимою для строганины возят во все колымские остроги.

Река Алазея, протекая близь самаго селения, устьем своим впадает в Ледовитое море. Здешние жители сказывали, что по сей реке вниз, верстах во сте от селения, из песчанаго ея берега вымыло до половины остов большаго животнаго, величиною со слона, в стоячем положении, совсем целой и покрытой кожею, на коей местами видна длинная шерсть. Г. Мерк желал очень осмотреть его, но как это было далеко в сторону от нашего пути и притом выпали тогда глубокие снега, то он не мог удовольствовать своего желания.

По всем берегам Ледовитаго моря есть в земле подобных зверей кости и клыки, только никогда не находили целаго животнаго. Некоторое общество российских купцов имеет ими свой промысл и вывозит их в Россию под названием мамантовой кости. Находят её в большем количестве на островах, называемых Ляховыми, лежащих в Ледовитом море против устья реки Яны. Теперь следует вопрос, требующий решения: каким образом звери сии могли обитать в толь безплодном и совсем неестественном для них климате, где стужа бывает более сорока градусов? Некоторые думают, что они не водились здесь, а только заведены во времена давно бывших походов из тёплых стран на северные народы. Другие утверждают, что мёртвые тела сих животных занесло сюда водою, когда был всемирный потоп. Однако оба сии мнения неосновательны: походы не могли быть чрез толь дальнее разстояние по безплодным и болотистым местам и чрез высочайшия горные хребты, где не только слоны и подобные им большие звери проходить не могут, но едва пробираются степныя и привычныя к перенесению всяких трудностей здешние лошади. Потопом также занести сих костей невозможно, для того, что отсюда до тёплых мест, где водятся сии животныя, будет около пяти тысяч вёрст — разстояние, которое корабль хорошим ходом при благополучном ветре едва в тридцать дней может переплыть. Итак, естественно ли, чтоб мёртвыя тела, хотя б то и во время всеобщего потопа, могли занесены быть в такую отдалённость? Мне кажется, лучше приписать это великой перемене земнаго шара, нежели упомянутым причинам, и верить, что в сих местах был некогда тёплой

климат, сродный натуре сих животных. Впрочем, я оставляю решить сие сомнение испытателям натуры.

От Алазейскаго селения дорога лежала вверх подле реки Алазеи, большею частию озёрами, болотами и чрез небольшия перелески. На четвёртой день пути, в девяноста верстах имели мы тёплой ночлег в юрте у казака, содержащаго здешнюю почту. На другой день переехали два большия озера. Одно называется Бержегестяг, другое Калькинское. Величиною первое в окружности до двадцати пяти вёрст, другое около тридцати. Вообще, все здешния озёра соединяются между собою небольшими протоками и речками, впадающими в Алазею.

В шестой день пути поворотили мы от сей реки чрез гористыя лесныя места и в осьмой спустились на реку Батыряхый, которая по-руски называется Падерка и которая течёт в Индигерку. Через двадцать вёрст от ней выехали мы и на самую Индигерку, коей ширина в сём месте до двухсот пятидесяти сажень.

Хотя тогда было ещё 10 октября, однако морозы уже становились жестокие. Здоровые и крепкаго сложения люди переносили их с твёрдостию, но байдарщик наш, человек слабой и имеющий более шестидесяти лет от роду, не в состоянии был вытерпливать жестокость стужи и дошёл до такого отчаяния, что решился отстать от нас и в лесу ожидать смерти. Великаго труда стоило мне отвлечь его от такаго пагубнаго намерения, и я едва успел в том, обещая в первом селении его оставить. К щастию, оно находилось от нас недалеко.

На другой же день приехали мы к двум избам, стоящим при устьи реки Уяндиной, в коих живут двое мещан. У них оставил я измученнаго сего старика, чем он был весьма доволен. В тот же день проехали мы ещё двадцать вёрст через леса и озёра и остановились в якутских юртах, называемых Тоус-талалах, где пробыли весь следующий день; между тем, в перемену дали нам свежих лошадей.

От сих юрт продолжали путь лесами и озёрами. На третий день в семидесяти верстах переехали большую реку, называемую Селеннях, которая течёт в Индигерку, и ночевали в юртах, называемых кислыя. В пятидесяти верстах отсюда спустились на реку Индигерку, по коей и пошли вверх между высоких гор. Через двои сутки, то есть 18 октября, приехали в Зашиверск.

Город сей стоит на правом берегу Индигерки, а как он из новоучреждённых и сделан из коммисарства, то недавно только начали в нём селиться, однако есть уже присудственныя места и в них

чиновники. Строения, его составляющия: церковь и тридцать деревянных домов. Болотистое и гористое кругом местоположение, неплодность земли и недостаток во всём нужном делают пребывание здесь скучным, а в разсуждении дороговизны несносным. Запасать надобно всё вовремя и привозить на вьючных лошадях из Якутска; кто ж этого не сделает, тот после и за большия деньги ничего здесь не достанет.

В Зашиверске провели мы трои сутки, и здешними г. городничим надворным советником Сампсоновым, капитаном-исправником Баннером обласканы и угощены были с отменным усердием так, что нельзя умолчать о том, не оставшись крайне неблагодарным. Сверх того снабдили они нас и на дорогу съестными припасами, за которыми мы имели крайнюю надобность, и которых без их помощи не достали бы ни за что. Капитан-исправник сказывал, что на другой стороне реки в горе, лежащей против города, находятся хорошие хрустали. По прозьбе доктора согласился он проводить нас туда и показал нам под утёсом горы осыпь, в которой мы не нашли крупных хрусталей, а только собрали несколько мелких и к употреблению не годных: может быть, снег тому причиною. Лишь только приуготовились мы в путь, как приехал в город капитан Биллингс и задержал нас до другаго дня.

22 октября отправились мы из Зашиверска и четыре дни ехали, иногда по речкам, текущим в Индигерку, и через гористыя места, покрытыя небольшим листвяничным лесом. На пятой день во сте двадцати верстах от города взъехали мы между отменно высоких безлесных хребтов, продолжающихся грядою от юго-востока к северо-западу, которые отделяют реки, текущия в Индигерку, от тех, кои впадают в Яну.

Дорога лежала вверх реки Руской Разсохи, протекающей между сих высочайших гор, которыя она прорезывает и производит с обеих сторон страшные каменные утёсы, крутостью своей подобные стенам, имеющие величественный вид, представляющий вдоль реки улицу с огромным строением. Проезд по ней не всегда бывает безопасен: зимою сильные ветры и вихри могут занести снегом, а летом потопить чрезвычайные внезапно поднимающияся наводнения. По горам водится много лисиц и диких баранов, из коих удалось нам убить одного. Мясо его было в это время довольно вкусно и жирно и послужило нам пищею на несколько дней. Через двадцать пять вёрст выехали из сих высоких хребтов и спустились по маленькой речке на обширную реку, называемую Догдо, подле коей вниз ехали четверы сутки почти до ея устья, где

она соединяется с другою рекою, по имени Тостах, текущею в Яну. Далее путь лежал вверх подле Яны.

30-го первую ночь провели в тёплой якутской юрте после десяти холодных в лесах ночлегов. Сего дня обогнал нас капитан Биллингс.

Ноября 3-го остановились в юртах, называемых Барылах: это последнее жилое место, откуда далее должно ехать до самаго Алдана чрез необитаемыя страны около четырёхсот вёрст и на одних лошадях, почему здесь дали нам свежих.

Столь дальнее разстояние и жестокость наступивших морозов приводили нас в ужас. И действительно, всё наше прежнее до сих пор путешествие было ничто в сравнении с тем, что претерпели мы, едучи далее к вершине реки Яны между гор почти безлесными местами, где пронзительные ветры при жесточайших морозах доводили нас до крайности. Хотя и было на нас тёплое тройное оленье платье, но стужа казалась несносною и едва не останавливала движение крови. Полчаса нельзя было просидеть на лошади и почти безпрестанно надлежало согреваться пешеходством. Лица наши так изуродовало морозом, что почти не оставалось места, где бы не видно было действий его лютости; наконец, чтоб совсем не отмёрзли у нас щёки и носы, придумали мы сделать из байки личины, которыя хотя от исходящего изо рта пару леденели и были не очень приятны для лица, однако много помогли нам. В сем странном и смешном наряде походили мы более на пугалищ, нежели на людей.

Места для ночлегов старались выбирать закрытыя от ветров, также изобильныя кормом для лошадей и сухими дровами. Огонь разводили более для варения пищи, нежели для согревания, платья никогда не скидали и после ужина, которой был вместе с обедом, ложились спать в вырытую в снегу яму. Щастливы мы, что в продолжение сего тяжкаго пути никто из нас не занемог. В таком бедственном случае ни помощи, ни надежды к спасению ожидать было невозможно, и только смерть была единственным избавлением.

Через десять дней приближились мы к самой вершине реки Яны и к отменно высокому безлесному хребту, называемому Верхоянской, из котораго вытекают реки, впадающия в Ледовитое море и в реку Алдан. Поднимались на хребет несколько отлогою стороною, но спуск был утёсом крутизны чрезвычайной: прямо бы по оному сходить было невозможно, естли б не была проложена дорога многими изгибами. Но и тут страх видеть под ногами неизмеримую пропасть принуждал нас спускаться иногда ползком.

Сошед с хребта, ехали вниз по реке Тукулану между высоких гор. Скоро начался лес тополёвой, потом лиственичной. В тридцати верстах от хребта впервые показался ельник, а в семидесяти верстах, выехав из гор на ровныя места, увидели и сосны. Зеленеющияся сии деревья сделали путь наш тем приятнее, что единообразность лиственичнаго лесу чрезвычайно уже нам наскучила. Елей и сосен мы не видали с самаго отправления нашего из Якутска, ибо сих двух родов деревьев как на север от Верхоянскаго хребта, так и на восток к Охотску совсем нет.

19 ноября приехали к реке Алдану, первым жилым якутским юртам. Здесь случилось для нас забавное, но для доктора не очень приятное приключение. При входе в юрту, мы все заблаговременно сняли личины, но г. Мерк того не сделал, и лишь только успел переступить в сем наряде через порог в юрту, как одна якутка, подобно сумасшедшей, бросилась на него и с величайшим криком стала бить по лицу и рвать маску. Доктор чрезвычайно испугался, не понимая, что с ним делается, потому что через заиндевелую личину не мог ещё различать предметов. Мы хотя и оттащили эту бешеную бабу, однако она не переставала кричать, пока не сделалась без памяти. После мы узнали, что это род болезни, делающейся от испугу, которой подвержены многия якутския женщины, особливо старухи. Такия больныя называются здесь мирячками.

Ночь провели мы отменно покойно, хотя это было и в самой негодной юрте, вместе со скотом, где от одного противнаго духу в другое время ни минуты бы пробыть не согласились. Но нам после холодных ночлегов так приятна была теплота, что всё сие казалось сносным.

Отсюда до Якутска оставалось ещё сто пятьдесят вёрст, но как дорога лежала через селения, и лошади везде были переменныя, то мы без дальняго безпокойства приехали туда 24 ноября. Удовольствие, какое мы чувствовали при окончании тяжкаго и многотруднаго своего путешествия, неизъяснимо словами. Чтоб иметь о том понятие, должно самому претерпеть всё то, что мы претерпели.

Г. Биллингс за несколько дней приехал прежде нас, а г. Беринг с самаго лета занимался здесь отправлением матриялов в Охотск. Они приуготовили для нас хотя не великолепные, но тёплые домы, где мы расположились очень покойно. Жителями здешними, г. комендантом Маркловским и прочими чиновникам приняты были весьма ласково, и время пребывания нашего в сем городе провели довольно весело.

В сие время находился в Якутске чрезвычайной по своему предприятию путешественник, англичанин Ледеард, знакомой г. Биллингсу потому, что с ним вместе был в последнем путешествии капитана Кука в звании капрала, но после, как сказывают, служил полковником в армии Соединённых Амерканских областей. Намерение его было обойти пешком вокруг света, почему и приехал в Петербург, чтоб с России начать своё странствование и, дошедши до восточных границ Азии, сыскать случай на какомнибудь судне переправиться к англинским селениям. Сколь безразсудно было его предприятие, доказывается, первое, тем, что без доверенностей и без денег пустился он путешествовать чрез просвещённое государство и хотел в холодном платье проходить пешком такия страны, где мы с нуждою проезжали на лошадях, будучи тепло одеты. Второе: где б сыскал он такое судно, которое бы доставило его по желанию в то место, куда ему надобно? Третье: положим, что Ледеард мог бы найти благосклонность у диких американцов, но известно, что жители в тех местах находятся только близь моря. Как же стал бы он путешествовать через горы и необитаемыя места? Доброходство россиян избавило его труда идти через Россию пешком. Попутчики без всякой платы довезли до Якутска, и здесь обласкан был он всеми. Комендант пригласил его к себе в дом, где имел готовой стол, и как уже наступила стужа, то велел ему сшить тёплое платье. Из сего видеть можно, сколько Ледеард был одолжен россиянами, и мог ли надеяться подобнаго гостеприимства в другом каком государстве? Что ж? За всё то отплатил он неблагодарностью, стал говорить обо всех худо и обходиться дерзко. Наконец за напоминание ему о благопристойности осмелился вызывать коменданта на поединок. Г. Биллингс, отправлявшийся тогда в Иркутск, предупреждая дальнейшие могущие произойти из того следствия, взял его с собою. Между тем, комендант писал к генерал-губернатору и жаловался на сего дерзкаго англичанина, вследствие чего по прибытии в Иркутск отправлен он в Петербург, как безпокойный человек.

19 декабря капитан Биллингс отправился в Иркутск, дав мне повеление ехать с коммандою на устье реки Маи и построить там пятьдесят лодок, удобных к доставлению вверх по рекам Мае и Юдоме в Охотск тягостей. В начале генваря отправлена туда комманда с штурманом и прапорщиком. По изготовлении же нужных к строению орудий вслед за ними и я выехал из Якутска. Дорога лежала сперва через реку Лену, потом лесом, покосами и через озёра, мимо множества по разным местам стоящих якут-

ских юрт. Во сте верстах от города селения кончились и пошли гористыя места.

На четвёртой день пути, во сте шестидесяти двух верстах от Якутска приехал я в Амгинскую слободу, достойную примечания потому, что прежде было в ней Алданское воеводство. Стоит она на пространном поле по левую сторону реки Амги в двух верстах от оной. Строения в слободе: церковь и двадцать дворов, принадлежащих руским поселенцам из крестьян. За неурожаем ржи сии крестьяне сеют один только яровой хлеб, который родится довольно хорошо. Прежде продавали здесь четверик ячменю не дороже восьми копеек, но теперь хлебопашество пришло в упадок. Крестьяне не радеют об нём нимало. Якутская праздная жизнь им очень полюбилась, и для того скотоводством стали доставать себе пропитание и во всём последовать якутским обычаям, даже многие бросили руской язык и в разговорах употребляют якутской. От слободы верстах в четырёх есть населённая рускими крестьянами деревня, юрт пятнадцать, где от неупотребления редкой умеет говорить по-руски. В пяти верстах от слободы переехали мы реку Амгу. Тут она с правой стороны подходит к горам и, подмывая их, производит утёсы, а по левую продолжаются пространныя поля, разделённыя перелесками и небольшими увалами.

От Амги дорога лежала между гор, вверх по небольшому ручью. В пятнадцати верстах перебрались через плоской хребет и спустились на реку Нотору, которая, протекая многими изгибами через пространную долину, разделённую на поля, перелески, болота и озёра, впадает в реку Алдан. Проехав двадцать восемь вёрст вниз по Ноторе, поворотили от ней вправо и через небольшой плоской хребет выбрались на вершину речки Мукуи, текущей через множество озёр и болот в Алдан. Вниз по сей речке лежит дорога. Горы, покрытыя листвяничным лесом, по обе стороны продолжаются, но чем далее едешь, тем они становятся меньше и в нарочитом между собою разстоянии близ реки Алдана кончатся увалами.

28-го приехал я на Усть-Майскую пристань, где построены в прежнюю экспедицию коммандора Беринга магазейны и две казармы. Стоят оне на левом берегу Алдана против устья реки Маи, впадающей в него с другой стороны.

От Якутска до сего места считается триста девяносто вёрст. Широта здешняго места, по наблюдению моему, северная 60°17', склонение компаса 2°00' западное. Здесь в силу даннаго мне повеления должно было строить лодки. Я осмотрел близлежащие леса и нашёл довольно годных дерев по берегам Алдана. Еловой лес

предпочёл я лиственичному, как по лёгкости, так и по удобности к строению. Рубили его на устьи речки Мукуи и по островам.

В начале марта получил я повеление. Первое: отправить в удобное время штурмана для описи реки Улькана, а второе: строить вместо пятидесяти только двадцать пять лодок.

В апреле отправил я штурмана Бронникова с тремя козаками для описания реки Маи и дороги до устья реки Улькана.

В исходе сего месяца приехал на устье Маи флота капитан Фомин. Послан он из Петербурга с особенным препоручением и остался здесь до вскрытия рек, чтоб тогда отправиться на лодках вверх по Мае в Удской острог.

С перваго мая начала возвышаться в реке вода и к 9-му числу поднялась на одиннадцать футов, тогда прошла река Мая и стремлением своим сломала лёд вниз по Алдану. 13-го числа возвысилась вода до двенадцати футов, и тогда тронулся Алдан. Лёд несло по нём три дни в превеликом множестве. Здесь должен я упомянуть о чудном виденном нами явлении. Между множеством льду приметили мы пловущий остров, которой был величиною в окружности до семидесяти сажен; на нём росло много мелкаго березнику и лиственниц и лежали рубленыя дрова. Несколько маленьких птичек, перелетывая с дерева на дерево, усугубляли ещё странность сего зрелища. Как его несло близко к нашему берегу, то легко можно было разсмотреть, что он состоял из дёрну, почему думать надобно, что его большою водою сорвало с какого-нибудь болота, и что под дёрном должен быть непременно лёд, которой бы на воде его поддерживал.

Прибывание воды продолжалось до 17 мая. Самое большое возвышение ея против обыкновенной было на тридцать восемь футов. Вверху по реке Алдану, верстах в семидесяти, где лежит Удская дорога, было страшное наводнение. От приехавшаго к г. Фомину комманды его геодезии ученика, которой послан был в Удской острог с кладью, получили мы известие, что потопило такия места, которыя возвышались на шестьдесят футов. Якуты и те, кои ехали в Удской острог, претерпели великое раззорение от сего потопа. Все лошади, на коих везли кладь, и которых было более трёхсот, потонули. Немалой также убыток причинён сим и г. Фомину: у него много пропало провизии.

Когда убыло несколько воды в реке, ловились неводом небольшие осетры, стерляди, сиги и щуки, а на уду окуни, плотва и ерши.

К 28 мая окончилось строение лодок, и тогда отправился вверх по Мае на двух лодках г. Фомин. Через неделю после него приехал

на Усть-Маю капитан-лейтенант Беринг с коммандою; взял здесь лодки и пошёл на них вверх по рекам для доставления к Юдомскому Кресту (станция Якутско-Охотского тракта. — *Ред.*) оставленных прошлаго году на Юдоме тягостей (г. Беринг прошедшаго года на лодках доставлял тягости по рекам, но как не успел их того лета довести до Юдомскаго Креста, то оставил на берегу реки Юдомы). Находившиеся в комманде моей у строения лодок служители все отданы для бичевой г. Берингу.

Не желая остаться здесь без всякаго дела, решился я ехать в Якутск и в проезде осмотреть дорогу, по коей должно вести тягости. Я нашёл, что бывшими сего лета дождями и наводнением попортило ея, а сделанные прошлаго году через речки мосты снесло.

12 июня приехал я в Якутск. Начальник прибыл туда тремя днями прежде меня. Я донёс ему о состоянии дороги и о том, какого требует она поправления. Как тогда уже все тягости пришли в Якутск, то поспешили отправить повеление с земским заседателем к амгинским якутским князькам о неукоснительном исправлении дороги.

ГЛАВА VIII

Перевоз тягостей быками из Якутска на Усть-Майскую пристань. Доставление их на лодках к Юдомскому Кресту препоручается мне. Отправление вверх по реке Мае. Положение и берега ея. Встреча с речными тунгусами. Один из них берётся в лоцманы. Поворот на реку Юдому. Мели ея, затрудняющия наше плавание. Оказавшаяся в людях болезнь и причины ея. Обжорство якутов и опыт над одним из них. Переход через подпорожье и порог. Большия мели и затруднения от них. Прибытие к Юдомскому Кресту. Путь берегом к Охотску. Уракское плотбище. Перевоз через реку Урак, выезд на реку Охоту и плавание вниз по ней на ветках. Прибытие в Охотск. Все тягости от Юдомскаго Креста собаками привозятся в Охотск.

В начале июля получил я от капитана Биллингса повеление идти на новопостроенных лодках вверх по рекам Мае и Юдоме и стараться доставить в одно лето все тягости к Юдомскому Кресту.

14 июля приехал я на Усть-Майскую пристань; тогда уже всю кладь из Якутска привезли туда телегами на быках. На другой день, положив все тягости на семнадцать лодок, отправился я с ними в назначенной путь. Каждая лодка поднимала до семидесяти пуд. Главнейшую тягость составляли двадцать медных трёхфунтовых

пушек и якорныя лапы, а весь груз вместе с провиянтом простирался до полторы тысячи пуд. Для тяги лодок бичевою было у меня сто двадцать человек, большею частию наёмные якуты. Лодки, таким образом нагруженныя, ходили в воде не глубже трёх футов.

В полночь отвалили мы от Усть-Майской пристани. Переплыв Алдан, котораго ширина в сем месте одна верста и двести сажен, вошли в реку Маю. Ширина ея в устье не более трёхсот сажен, глубина на средине девять футов; однако есть такие места, где и через всю реку не глубже пяти футов. Возвышение в ней воды было тогда против обыкновенной два фута. Течение сначала было так тихо, что лодки отчасти шли на вёслах, но далее вверх быстрина увеличивается. Берега оба покрыты небольшим лиственичным лесом; правой низменной, понимаемой водою, на нём отчасти видны между лиственицей березник, ольховник и рябинник. Левой берег идёт утёсом и в восьми верстах от устья называется Горанго. Тут высота его от воды около двадцати сажен. Далее возвышаясь, продолжается на шесть вёрст, и там, где кончится, имеет название Нюмгур. Высота его здесь до шестидесяти сажен, расположен горизонтальными слоями. От него в пяти верстах за островом Сомбесом берег опять идёт утёсом и называется Лукин камень, высотою до восьмидесяти сажен. Далее речки Аяя, от нижняго устья протоки того ж имени Мая отклонилась вправо от гор, и берег пошёл низменной, понимаемой водою. Напротив того с правой стороны реки начались горы, и берег продолжался небольшим каменным утёсом.

Здесь видели мы несколько речных тунгусов. Я называю их речными, потому что они не имеют оленей и всегда кочуют по рекам на берестяных маленьких ветках (маленькия лодочки, употребляемые якутами для разъездов по рекам и озёрам. Делаются они из тонких прутьев, загнутых на место рёбр и привязанных к продольным жердочкам, что составляет ея основу; кругом же на место досок обшивают берестою. Для замазывания швов варят из сметаны род замаски), со всем своим домом и питаются рыбою. Они, собственно, не тунгусы, а только причислены к ним, происходят же от якутов, и редко которой из них умеет говорить потунгуски. Одного взял я в проводники, чтоб он сказывал нам имена всех речек, утёсов и островов.

За тридцать шесть вёрст до Юдомы река Майя подошла опять по левую сторону к горам и у речки Илчикит произвела утёс, называемой Услянской, которой высотою до шестидесяти сажен. Здесь впервые видны стали между лиственицей небольшия сосны.

На девятой день пути поворотили с Маи налево, вверх по реке Юдоме, коей ширина в устьи до ста пятидесяти сажен. При впадении ея в реку Маю сажен на двести не имеет глубины более трёх футов и течёт в этом месте по каменистому дну с чрезвычайным стремлением, так что каждую лодку человек тридцать насилу могли тащить вверх против быстрины. Такия места на реках называются по всей Сибири шеверами.

Пройдя версты полторы от устья, остановились мы для починки одной изломавшейся о камень лодки, у праваго берега, которой низменной, оброс тальником и ольховником. Здесь нашли несколько кустов красной и множество отменнаго роду чёрной смородины, известной в Сибири под именем дикуши. На противной стороне берег реки каменным утёсом, называется Соурджаг.

Проплыв от сего места двадцать четыре версты, мы опять должны были с большею ещё трудностию подниматься через шеверу, на которой глубины было три фута. При сем случае у одной лодки лопнула бичевая и, к несчастию, оторвалась несколько выше того места, где была пристёгнута лямка одного якута, от чего при сильном назад стремлении лодки бичевою унесло его в воду так, что нельзя было подать никакой помощи. Шесть вёрст далее вперёд река разделяется надвое, а через восемь вёрст опять соединяется. В правой стороне протока называется Абасылах, а другая Горбовая. Сия последняя названа так по имени одного человека, шедшаго некогда с тягостями на лодках и за мелководием в ней зимовавшаго. Протока Абасылах (на якутском языке значит Дьявольская) хотя казалась больше Горбовой, но бывший проводником тунгус отсоветовал плыть по ней, уверяя, что она очень опасна, почему и названа сим именем. Мы послушались его и пошли по протоке Горбовой, хотя и она очень мелка, так что местами не глубже двух с половиною футов. С немалым трудом провели лодки через сии мели. Люди все должны были бродить в воде и каждую лодку почти переносить на руках.

Далее вверх по реке не встречалось больших затруднений, хотя и попадались шеверы, но не столь мелкия, как прежде. Зато постигло нас здесь другое несчастие: большая часть работников занемогли ногами, так что я начал уже отчаиваться нынешняго лета дойти до Юдомскаго Креста. Болезнь эта началась опухолью плеснов и пальцов на ногах, потом растрескивалась кожа и делалась короста. Она скоро проходила, когда больныя места часто мазаны были смолою или салом. Причиною сему злу кажется едкая юдомская вода, в которой идущие с бичевою каждой день должны были

бродить. Я приметил, что козаки не столько страдали от этой болезни, как якуты, особливо те, кои, издержав съестной свой запас, жир и масло, стали употреблять один бурдук (по В. И. Далю, любимое якутское блюдо: кисель из квашеного раствора ржаной муки; жителей берегов реки Лены называют бурдушниками. — *Ред.*).

Недостаток в съестном у якутов произошёл от неумеренности их в пище. Пока было у них, что есть, то безпрестанно пировали, не упуская ни малейшего к тому случая. Лишь только останавливались мы где для отдыху или на ночлег, как тотчас у всех у них котлы были уже на огне, с котораго не сходили до тех пор, пока опять надлежало выступить в дорогу. Между тем, занимались они безпрестанно только едою, переходя друг к другу опоражнивать котлы, и в этом приятном для них упражнении проводили ночи, не думая ни мало о сне; но как натура требовала ей должнаго, то днём ходили почти сонные, и одним дреманием награждали недостаток в отдыхе.

Чрезвычайное обжорство якутов, казалось бы, долженствовало произвести худыя для них следствия, однако ж того никогда не случается. В иную пору съедают они вдруг невероятное множество такой пищи, от которой бы другой человек должен умереть, но для них это ничего, желудок их в сем случае варит всё так же исправно, как и строусов.

Один из бывших в бичевой якутов при отправлении нашем в путь имел до четырёх пуд масла и жиру, сверх того дано ему было два пуда ржаной муки. Судя по такому количеству запаса, казалось бы, что станет ему надолго; однако ж не прошло и двух недель, как он уже жаловался, что ему есть нечего. Я сперва не верил, чтоб один человек мог всё то съесть в такое короткое время, но прочие якуты привели меня в удивление, уверяя, что этот человек при случае дома в одни сутки съедал заднюю ногу большаго быка или полпуда жиру, а иногда выпивал столько ж растопленнаго коровьяго масла. Вид сего человека не подтверждал нимало того, что об нём сказывали: он был росту небольшаго и собою сухощав, почему вздумалось мне сделать над ним опыт. Я приказал нарочно сварить из ржаной муки густую саломату и положить в неё коровьяго масла три фунта, потом всё это вывесили. Нашлось двадцать восемь фунтов (почти одиннадцать с половиной килограммов. — *Ред.*). Обжора хотя на ту пору уже и позавтракал, однако принялся кушать с великою жадностию, и к крайнему моему удивлению съел всё, не вставая с места. Тогда брюхо его и ниже спины полыя места так раздулись, что всё вместе по-

ходило на набитой туго мешок. Однако после того не чувствовал он никакого вреда, и на другой день в состоянии был опять приняться за такой же обед. Я советовал этому объедале быть умереннее в пище и располагать производимым ему провиянтом так, чтоб доставало на назначенное время. После сего не стал он уже приготовлять для себя саламаты, а ел сырую муку, размешенную в холодной воде, и чувствовал более прежняго сытости.

Берега реки продолжались, как и прежде, местами низменные, понимаемые водою, и местами гористые, смотря по тому, как река изгибами своими подходила к хребтам с той или с другой стороны и отчасти производила утёсы. Один из них, называемый Утоног, показался мне в разсуждении отменнаго своего виду достойным примечания. Лес по берегам виден лиственичной и местами топольник, ольховник и тальник. Горы также покрыты мелким лиственичным лесом. В двухстах одиннадцати верстах горы с обеих сторон подходят к реке и, так сказать, провожают её на довольное разстояние, почему место это названо Щёки.

Августа 7-го вода в реке возвысилась в одни сутки до такой степени, что потопила низменные берега и с сильным стремлением несла по реке множество лесу. Судя по толь великому разливу, думать надобно, что у вершин реки были сильные дожди. Трои сутки мы должны были стоять на одном месте и дожидаться, пока вода не збудет. По наблюдению моему, широта здешняго места 59°29'.

Августа 20-го перешли через подпорожье, которое простирается сажен на двести и которое подле берегов наполнено высунувшимися острыми камнями. Немалаго стоило нам труда тянуть лодки между сих камней и против течения. На средине, поверх воды, не видно ни одного камня, только вода течёт с чрезвычайным волнением и всплесками. Отсюда две версты вперёд есть настоящий порог, имеющий падение перпендикулярно до шести футов. Он простирается от праваго берега не чрез всю реку, а только до каменнаго маленькаго островка, лежащаго посредине Юдомы. Мы прошли по левую сторону сего островка, где хотя нет порогу, но течение было чрезвычайно быстрое и глубина малая, так, что принудило облегчать лодки выгрузкою некотораго количества клади. От порога далее вверх не видно было островов, и река текла как бы в трубе между гор. Вёрст за тридцать до Юдомскаго Креста разделяется она опять множеством островов на протоки, шеверы и большия отмели, так что бичевою не было возможности идти далее. Все люди должны были бродить в воде по пояс и перетаскивать лодки по одной на руках. К большей же нашей беде, наступила

стужа, по утрам бывали морозы, и вода в реке так настыла, что нельзя было долго в ней оставаться. Люди выходили из терпения и начинали роптать, особливо якуты не хотели совсем работать. Ни ласки, ни ободрение не сильны уже были их к тому понудить, наконец должен я был собою показывать пример и вместе с ними бродить в воде. Сим только средством мог удержать их в повиновении и успел переправиться благополучно через сии трудныя места, продолжавшияся двадцать пять вёрст.

Семь вёрст не доходя до Юдомскаго Креста, все протоки соединяются опять вместе. Здесь при проходе одной оконечности острова в самом быстром месте от неосторожности кормщика опрокинуло лодку, и несколько клади потонуло.

27 августа пришли благополучно к Юдомскому Кресту и того ж дня выгрузили из лодок все тягости в здешние магазейны. На другой день отпустил я обратно бывших в бичевой якутов на порожних лодках. Широта здешняго места по наблюдению моему 59°53'.

Должно ещё упомянуть, что во всё моё плавание по рекам Мае и Юдоме больших впадающих в них рек я не заметил; попадались только маленькия, текущия из гор: из них четыре несколько побольше. Одна впадает в реку Маю с правой стороны в шестидесяти пяти верстах от ея устья, называется Чевда. Прочия три текут в Юдому: первая в девяноста пяти верстах впадает с правой стороны, именуется Дерби; по ней ходят речные тунгусы на ветках для ловли зверей. Вторая течёт с левой стороны против самаго подпорожья. Третья от Юдомскаго Креста в трёх верстах, с той же стороны впадает в Юдому и называется Окачан; по берегам ея проложена летняя конная большая дорога из Якутска в Охотск.

За неимением здесь лошадей должен я был всю кладь оставить у Юдомскаго Креста под смотрением одного козака; сам же с коммандою 29-го числа отправился в Охотск на немногих лошадях, которых я взял из-под привезённой сюда муки. Дорога лежала несколько гористыми местами вверх подле реки Крестовки, текущей в Юдому. Горы вперёд от часу увеличивались. В тридцати верстах спустились мы на вершину реки Урака, по которой вниз ехали то берегом, то каменистыми ея отмелями. В семи верстах увеличивается она от соединения с другою речкою, текущею с правой стороны.

31 августа миновали две избы и магазейны, называемые Уракское плотбище, построенные в прежнюю Камчатскую экспедицию коммандором Берингом. Здесь строили тогда плоты и лодки,

на коих доставляли тягости и провиянт по Ураку до его устья, а оттуда уже морем перевозили на судах в Охотск. В нашу бытность вода в Ураке была так мала, что местами нельзя пройтить вниз даже на маленькой порожней лодке. Естьли надобно плыть по этой реке, то не иначе, как в весенний разлив или после больших дождей, когда вода поднимется. Все здешния реки выходят из гор, почему и наводняются вдруг чрезвычайно много от мелких ручьёв и речек, которыя также текут из гор и впадают в большия реки, но в сем положении вода долго не стоит и столь же поспешно опять збывает.

Дорога от плотбища лежала, как и прежде, подле Урака, по правую его сторону. На островах и отчасти подле берегов реки растёт топольник, тальник и березник. Впрочем, как горы, так и берега покрыты лиственичным лесом, где водится множество глухих тетеревов. В сие время были они чрезвычайно вкусны и жирны, потому что питались ягодами; напротив того, весною их почти есть нельзя — тогда кормятся они шишками с лиственниц, и мясо их имеет вкус ея и запах.

На другой день по отправлении нашем с плотбища обогнал нас капитан Биллингс, потому что ехал он налегке, с малым числом людей. Поруча комманду штурману, меня взял он с собою.

Дорога далее лежала вниз Урака по правую его сторону берегом. В восьмидесяти четырёх верстах от плотбища переправляются на однодеревках через Урак и поворачивают от него влево чрез невысокие горы. В сорока верстах от перевозу выезжают на реку Охоту к якутскому селению, называемому Мета.

Как отсюда можно было плыть по Охоте, то на двух спаромленных ветках и отправились мы вниз по ней. Течение было столь быстро, что в шесть часов переплыли мы не менее семидесяти вёрст и пристали у самаго города Охотска.

Со времени отбытия нашего в 1786 году из сего города капитан-лейтенант Галл находился здесь при строении двух для экспедиции судов, из коих одно в то время набрано было набором, а другое только заложено. Г. Биллингс, пробыв здесь десять дней, уехал обратно в Якутск.

По наступлении зимы отправлены из Охотска нарты с собаками к Юдомскому Кресту для перевозу оттуда разных тягостей, оставленных там прошлаго года. Чрез шесть недель привезли их в Охотск. Самыя тяжеловесныя вещи были пушки, камбузные котлы, якорныя лапы и цевья, которыя здесь должно было сварить, для чего и выписана большая наковальня.

Зиму всю провели мы в строении начатых судов. Между тем, приготовляли на них такелаж и прочия снаряды.

Март 1789 г. По наступлении весны описал я устье рек Охоты и Кухтуя и сделал план города Охотска. Географическая его широта, по наблюдению моему, северная 59°18'. Склонение компаса 00°40' восточное.

ГЛАВА IX

Отправление моё из Охотска на байдаре морем к реке Улькану. Замечание о низменном береге. Знаменитой мыс Ханянгда. Крепкой ветр и опасность от него. Остров Нансикан и промыслы на нём. Губа Святаго Феодора. Прибытие на Улькан. Отправление на реку Алдому. Описание Алдомскаго залива и дороги до Якутска. Нечаянное прибытие капитана Фомина. Мнение о заведении порта на Алдоме. Река Амур. Возвращение на реку Улькан, потом в Охотск.

Весною должен я был по повелению начальника экспедиции описывать морской берег, простирающийся от устья реки Охоты к юго-западу до реки Улькана. На сей конец принялись строить деревянную байдару, удобную к плаванию морем подле берегов, величиною в двадцать пять футов. В апреле строение было окончано, и я совсем приготовился в путь, но как тогда у берегов стоял ещё лёд, то не ранее 31 мая можно было выехать из устья Охоты. Служителей взял я с собою десять человек, в том числе два геодезии унтер-офицера; морской провизии запасено на три месяца.

В первой день путь наш был не очень поспешен за противным ветром и волнением. На другой день поутру миновали реку Урак. За сильным течением и буруном в ея устье войти было не можно. Немного подалее от Урака впадают в море две небольшия речки, Чичиканка и Хомот; текут обе из Уракских гор вёрст по тридцати.

Два дни не приставали мы к берегу за великим буруном, а на третий при приливе воды вошли в устье двух соединившихся речек Марияканки и Андыча, которыя текут обе из ближних гор, вёрст по сороку. На последней в двух верстах от устья живут две семьи якутов. Между речками Марияканкою и Хомотом есть озеро, называемое Марияканское, длиною на десять вёрст, шириною полверсты, лежит оно в параллель с берегом близ моря и соединяется небольшим ручьём с речкою Хомотом. Озеро это, равно как и прочия озёра, имеющия одинакое положение вдоль по морскому берегу, кажется, произошли от речек, которыя сперва текли по

нескольку вёрст подле самаго моря вдоль берега, но после при большом наводнении стремительностью своею прорывали узкие перешейки, отделявшия их от моря, и тем открыли себе другия устья, оставя в стороне прежнее приморское течение. От сего произошли продолговатые, из рек выдавшиеся вдоль моря проливы; напоследок течение и бурун засыпает мелким камнем с обеих сторон устья сих проливов, и таким образом превращаются они в озёра.

В полночь при полной воде отправились далее и поутру на другой день с немалым трудом вошли против сильнаго течения бичевою в устье реки Ульи, которое шириною семьдесят пять сажен. При входе в него нет никаких банок, глубины здесь в малую воду не менее двух сажен, а в устье три и четыре сажени. С правой стороны из реки вышел залив, продолжающийся сем вёрст, близ самаго моря, шириною на половину версты, а с левой, при самом устье, впадает речка, называемая Елгян, течение которой полагают сто пятьдесят вёрст, и которая пред впадением своим в реку Улью идёт близ самаго моря вёрст шесть. В Елгян впадает несколько небольших речек, в числе коих текущая с правой стороны из ближних гор речка Джудмал.

Река Улья выходит из того хребта, которой отделяет Улькан от Маи. В двухстах верстах от ея устья есть высокой порог, по коему для чрезвычайной его высоты и крутизны спускаться никакими судами невозможно, впрочем, далее от него на лодках вниз плыть способно. Лес, на строение годный, находится, по уверению тунгусов, вверху реки в довольном количестве. Здесь простояли мы за худою погодою одни сутки; в это время шёл дождь, потом снег, которым покрыло все ближния горы.

Июнь 1789 г. От реки Ульи продолжали плыть с попутным ветром под парусами. Берег шёл от самаго Охотска низменной, высотою не более трёх сажен; за ним горы в разстоянии вёрст на пятнадцать, которыя у реки Ульи подходят ближе.

Как низменный сей берег от самых гор весь состоит из мелких окатанных камешков, то думать надобно, что море омывало прежде подошвы тех гор, и что в последствии времени составился этот берег. Сему, кажется, способствовали текущия из гор реки, приносящия безпрестанно в море мелкия камешки, которыя оно волнением выбрасывает на берег и приметно всякой год его прибавляет.

В двадцати пяти верстах от Ульи горы подходят к самому морю, откуда начинаются утёсы и продолжаются на двадцать вёрст, высотою в иных местах, по глазомеру, до ста сажен. Далее берег идёт местами осыпью и местами увалом высотою до восьми сажен;

горы здесь удаляются несколько от моря. Около сих мест видели мы в трёх юртах оленных тунгусов, живущих для промыслу медведей, которых здесь водится множество; и как они питаются выбрасываемою из моря морскою капустою, то всегда ходят стадами по взморью для сыскивания пищи, и тунгусы удобно могут их стрелять. Медведи здешние чрезвычайно смирны и боятся людей.

На четвёртой день миновали реку Гюнчи. Ширина ея в устьи до одиннадцати сажен; выходить она из хребтов и вершиною своею склоняется к юго-западу. С нею соединяются две речки, Нандакан и Уба, первая с левой, другая с правой стороны. От сей реки в пятнадцати верстах начались опять каменные утёсы. Первой, выдавшийся в море, высотою до ста сажен, называется мыс Ханянгда. Замечания достоин он, потому что под ним водятся морские львы, или, по здешнему, сивучи; несколько из них видели мы лежащих под утёсами на камнях. На вершине утёсов гнездится множество разных родов птиц, как-то: чайки, урилы, ары, топорки, ипатки и каменушки.

Подле сего мыса подхватил нас крепкой попутной ветр и, борясь с противуположным ему течением моря, произвёл сильное волнение. Валы морския, отражаясь от утёсов, сделали сулой. Так называются здесь поднимающияся столбами от взаимнаго ударения волн всплески. Ими едва нас не залило, и мы находились в великой опасности, но чрезвычаною быстрым ходом байдары, которая в это время шла не менее шести миль в час, отражало с обеих сторон стремящиеся в судно волны и сохраняло нас от потопления. К щастью, увидели мы между утёсами в одном месте пологой берег, к которому и хотели пристать. Но лишь только подошли к нему, то сильным волнением бросило байдару на бок, и ежели б люди не успели заблаговремянно выскочить и поддержать, то следующим валом опрокинуло бы её совсем и изломало и, может быть, кто-нибудь из нас нашёл бы тут свою погибель.

Двои сутки пробыли мы здесь, занимаясь сушением подмоченной провизии и платья. Между тем, ветр утих, волнение стало меньше, и мы отправились далее. Сначала обошли другой утесистой каменной мыс, называемой Еикан. Против самой его оконечности, саженях в семи, есть отделившийся от него каменной столб, наподобие башни, вышиною равный почти с ним. В семи верстах от него далее впадает в море речка, называемся Кекра, которая течёт между хребтов вёрст шестьдесят, принимая две равныя себе величиною реки, Кивангду и Иняну, первую с правой, другую с левой стороны; вершины их в одном хребте с рекою Гюнчи.

Против устья Кекры, на взморье, должны были мы простоять всю ночь на якоре, потому что войти в неё за великим буруном было невозможно.

На шестой день, пройдя немного за утёс, называемой Оджан, против небольшаго острова нашли в четырёх юртах оленных тунгусов, которые живут здесь для промыслу по взморью медведей, на горах диких баранов, а на острове Нансикан сивучей. Сей остров лежит от берега в трёх милях. Он весь из утёсов дикаго камня, величиною в полмили италиянской, на нём водится множество водяных птиц из прежде упомянутых родов. Тунгусы во всё лето довольствуются от них с избытком яйцами, которыя обирают они по островским утёсам через два или три дни, чтоб птицы не имели времени их насиживать, почему яйца достаются им всегда свежия. Переночевав здесь, пошли поутру далее и в полдень миновали речку, называемую Токчи. Ширина ея в устье до десяти сажен, а до вершины ея двадцать вёрст; с нею соединяются с правой стороны от устья в семи верстах речка Огонькан, которой вершина находится в хребте, отделяющем впадающия в море реки от тех, кои текут в Маю. От сего места берег пошёл опять каменным утёсом и местами продолжался горою, вёрст на двадцать. Там, где оканчиваются утёсы, у маленькой речки, остановились мы ночевать.

7-го в полдень дошли до залива, названного мною заливом Святаго Феодота, который пространством на четыре мили и закрыт от юго-западных и северо-восточных ветров; на дне его песок и изредка попадаются большие камни. Ни речек, ни источников в него не впадает, на якоре разве по нужде стоять можно. В глубине в половине версты от берегу пять, шесть и семь сажен, в северовосточной только стороне гребными судами приставать можно, берег пологой и пещаной, от волнения со всех сторон закрыт. Впрочем, по всему заливу у берегов подводныя камни.

От сего залива начинается каменной утёс, называемый мыс Еикан. Он состоит из дикаго камня высотою местами более ста сажен. Близ него на каменьях мы видели много лежащих сивучей. За Еиканом далее есть небольшая губа, которую назвал я губою Святаго Феодора. По входе в неё при полной воде показалась она мне хорошею гаванью. Я описал её весьма тщательно, но, вымеривая глубину ея в малую воду, нашёл, что она чрезвычайно мелка. На пещаном берегу залива находили много выкидных разных раковин. Широта здешняго места по наблюдению моему 57°3'.

От сего места дошли мы в полдни до реки Улькана, где должен я был в силу даннаго мне повеления дожидаться прибытия

начальника. Он намерен был из Якутска приехать берегом прямо на сию реку.

Улькан описан был прошлаго года посыланным от меня с устья Маи штурманом. Ширина его в устье девять сажен, глубина в малую воду три фута, а немного подалее от устья вверх, — полтора фута. Широта здесь, по наблюдению моему, 57°00', возвышение прилива от шести до семи фут, а во время новолуния — девять и десять фут.

Близость реки Алдомы и то, что слышал я об ней в Якутске, побудили меня осмотреть её. Итак, 10 июня поутру, отправился я морем на байдаре в намерении описать в проезде и берег, к ней лежащий. В полдень вошли мы в Алдомской залив, названный так по имени реки Алдомы, впадающей в него с западной стороны. Сей залив закрыт от востока протянувшимся к югу гористым полуостровом, соединяющимся с материю землею узким низменным перешейком. Глубины по всему заливу в малую воду не более пяти с половиною сажен, и то перед входом. Впрочем, третья часть его при отливе обсыхает, и тогда остаются только небольшия из реки протоки, в которых глубина на полтора фута.

Алдома имеет две вершины. Во-первых, выходит она из Яблоннаго хребта и тут называется собственным своим именем; во-вторых, под именем Танчи выходит из тех же гор, из которых вытекает и речка Улькан, и соединяется с Яблонною Алдомою в тридцати четырёх верстах от ея устья. По ней лежит дорога на Маю. В шестидесяти верстах от моря переезжают невысокой пологой хребет и спускаются на речку Челасу, впадающую в реку Уй; во сте двадцати верстах от хребта выходят на реку Маю, близ устья реки Уи, откуда уже на лодках или плотах можно плыть водою до реки Алдана. Из сего видно, что дорога от Якутска до здешняго места гораздо удобнее, нежели к Охотску; переезд берегом только сто восемьдесят вёрст, и на сем разстоянии один плоской хребёт, через которой можно ехать на телегах. Далее дорога идёт всё по реке Мае, на которой нет никаких порогов и больших розсыпей, а что она не так быстра, как Юдома, доказывается тем, что по ней вниз спускаются на плотах. По Юдоме ж, напротив того, с великою опасностию и на лодках плыть можно. На устье Алдомы живут в трёх юртах пешие тунгусы, питающиеся одною ловимою в ней рыбою, которая та же самая, что и в Охотске, и приходит в обыкновенное время года; однако ж в Алдоме нет совсем нярки, ломков и хариузов.

В исходе июня приезжают сюда оленные тунгусы от удской и майской стороны и живут здесь по нескольку времени для промыслу рыбы.

К строению годнаго лесу на Алдоме, по уверению тунгусов, нет совсем, но я приметил, что между наносными деревьями по берегам ея есть и такия, которыя в отрубе на четырёх саженях толщиною от двенадцати до четырнадцати дюймов.

На реке Алдоме пробыл я для описи ея двои сутки. Между тем, сверх всякаго чаяния приехал туда ж от Удской стороны на байдаре капитан Фомин. При встрече нашей удивление с обеих сторон было чрезвычайное. В самом деле, кто из нас мог вообразить, что в толь отдалённом и пустом месте и притом так нечаянно найдём мы друг друга? Отчего свидание наше было тем чувствительнее.

Господин Фомин имел повеление на реке Уде основать порт. Но как устье ея нашлось очень мелководно и к принятию судов неспособно, то он должен был искать другаго выгоднейшаго положения; отправился на байдаре из Удскаго острога и осматривал весь морской берег как от устья реки Уди к востоку до границ китайскаго владения, так и к северо-востоку до реки Алдомы, однако ж нигде не нашёл желаемаго. Один только Алдомской залив показался ему несколько удобным к заведению порта, потому что он закрыт ото всех ветров, кроме южнаго, но и тут в защиту судам можно сделать мулю (мол. — *Ред.*) на каменном рифе (выдавшаяся узкою косою мель), выдавшемся внутрь залива от гористаго полуострова на двести сажен. Глубина позади сего рифа от тринадцати до четырнадцати футов, следственно, небольшия суда свободно и безопасно стоят могут. Сверх того, дорога до Якутска от сего места способнее, нежели из Удскаго острога. Впрочем, известно уже как по прежним, так и по нашим описаниям, что кроме сего залива других удобнее нет, также и рек больших в Охотское море не впадает, кроме славнаго Амура, текущаго около четырёх тысяч вёрст большею частию через китайское владение и, наконец, впадающаго в Охотское море не в дальнем разстоянии от наших границ.

Сия река прежде принадлежала России, и с 1664 по 1689 год руские козаки и промышленники собирали ясак со всех живущих по ней народов до самаго ея устья. По берегам ея построены были города, остроги и деревни и заведено хлебопашество. Земля сия плодородна, рыбы здесь изобильно, и поселяне жили в совершенном довольстве. Со временем край тот мог бы сделаться благополучнейшею страною во всей России. Китайцы, завидуя вновь заводимым селениям и боясь, может быть, опасных для себя из

того следствий, старались сколько можно воспрепятствовать распространению наших заведений и посылали немалыя войска для истребления оных. Но россияне храбро оборонялись, до учинённаго между нами и Китаем в 1689 году трактата, которым оставлена за Россиею верхняя только часть Амура под именем рек Шилки и Аргуня. Оне, сливаясь близь новоустановленных границ, составляют реку Амур. От сего места далее вниз вся река уступлена китайцам, и бывший на берегу Амура российской город Албазин с селениями и с Аргунским острогом на южной стороне реки Аргуни раззорён; остался только город Нерчинск, но после на северной стороне Аргуня вновь построен Аргунской острог.

Китайцы от владения рекою Амуром не получают никакой пользы, но естьли б она до сих пор оставалась под Российскою державою, то мы, без сомнения, давно бы владели всем Восточным океаном, но и торги бы на сих морях могли производить несравненно выгоднее всех прочих европейских держав.

Господин Фомин удержал меня на Алдоме ещё двои сутки с тем, чтоб со мною вместе ехать берегом к реке Улькану на оленях; байдару свою отпустил я морем вперёд. Разстояния от Алдомы до Улькана берегом около тридцати вёрст; в дороге пробыли мы не более шести часов и приехали к устью Улькана, где поставлена была палатка и люди, которые меня ожидали. Г. Фомин сделал мне удовольствие, пробыл со мною двои сутки, после чего простился и поехал обратно на реку Алдому.

Я уже упомянул, что по данному мне повелению должен был здесь ожидать капитана Биллингса, который имел намерение из Якутска берегом приехать на сию реку, чтоб вместе со мною отправиться на байдаре в Охотск. В это время позволил я служителям съездить к мысу Ейкану за промыслом сивучей. Через два дни возвратились они и привезли двух сивучей, которых убили из винтовки. Стреляют их обыкновенно лежащих на каменьях и в самом близком разстоянии, так, чтоб можно было безошибочно попасть в темя или в висок. По этим только двум местам можно сивуча убить до смерти, в противном случае уйдёт в воду, и хотя умрёт там, но уже достать его нельзя, потому что тотчас потонет. Мясом сих двух зверей, котораго было, как кажется, не менее восьмидесяти пуд, загрузили почти всю байдару. Служители ели его с великим удовольствием, и оно казалось им отменно вкусно; однако я не мог его есть, кроме ластов, мозгу из головы и почек, которыя не имели никакого отвратительнаго запаху и были довольно хороши.

27 июня получил я чрез тунгусов от капитана Биллингса повеление: не дожидаясь его прибытия на Улькан возвратиться в Охотск. Вследствие чего того же дня предприял я обратной путь. На шестой день при самом крепком ветре и сильном волнении вошли в устье реки Ульи. После того заходили в реку Урак, где пробыли для описания оной двои сутки. Ширина сей реки в устье семьдесят сажен, глубина в малую воду пять и шесть футов, а немного далее вверх два и полтора фута. Три года назад Урак впадал в море немного западнее, но при большом бывшем тогда наводнении прорвало узкой перешеек, отделявший реку сию от моря, отчего прежнее устье забросало, и река течение своё начала иметь через сделанный прорыв. Сказывают, что прежнее устье было гораздо глубже.

На здешних берегах Урака живут несколько якутов, переселившихся из Якутска. Также находятся казармы и еленги купца Шелехова, где строил он три судна.

7 июля вошли мы в устье Охоты и были встречены на берегу всеми почти городскими жителями. Начальник наш и прочие чиновники были все в Охотске. По представлении мною журналов и карт моего плавания определён я под главною коммандою капитана Биллингса на судно «Слава России», которое уже было спущено на воду и вооружалось. Длина его по палубе восемьдесят шесть футов и шесть дюймов, ширина двадцать три фута восемь дюймов, глубина девять футов и шесть дюймов. Другое судно стояло ещё на еленге и приготовлялось к спуску.

ГЛАВА X

Спуск судна, называемаго «Доброе намерение». Вооружение судов. «Слава России» переходит к устью Охоты и потом на рейд. Судно «Доброе намерение», выходя на рейд, разбивается при устье Охоты. Отправление наше с охотскаго рейда. Крепкой ветр. Открытие острова Ионы. Путь между Курильскими островами. Прибытие в Авачинскую губу и вход в Петропавловскую гавань.

Июля 8-го при обыкновенных обрядах спустили другое судно на воду и назвали его «Добрым намерением». Это судно против «Славы России» меньше пятью с половиною футами. Коммандиром на него определён капитан-лейтенант Галл, к нему под начальство назначен капитан-лейтенант Беринг с приличным числом нижних чинов.

Оба судна поставили мы на Охоте прямо против города и старались сколько можно поспешать вооружением, которое более всего нас затрудняло. Матрозы все почти были из козаков, набранные по разным городам Сибири. Они не только не плавали в море, но и морских судов никогда не видывали; следственно, работа эта была для них новая, и много стоило труда приучить их к оной. Хотя мы взяли несколько человек из охотских портовых матрозов, но и те были не много искуснее козаков: наше вооружение с их галиотским имело великую разность. Шхипер Баков, боцман и ещё несколько унтер-офицеров, приехавших с нами, должны были большую часть сами работать.

Судно «Слава России» вооружили совсем, но нельзя было нагружать его глубже $8^1/_2$ фута для того, что до устья реки Охоты есть мелководныя банки, не имеющия глубины в самую большую воду девять футов. Через сии банки, простирающияся на полторы версты, должно было перевести судно. При благополучном бы ветре под парусами перешли мы их в полчаса, но за противностию онаго принуждены были несколько дней тянуться завозами и всякия сутки два раза по одиннадцать часов при збывании воды стоять на мели. Сверх того завозы наши иногда не действовали, потому что верпы не держали по причине рухлаго дна реки и сильнаго течения, которое во время прилива и отлива бывает до шести миль в час.

Переведя судно через мели, ошвартовили его у берегу реки Кухтуя, на другой стороне устья обеих соединившихся рек, где было довольно глубокое место. От носу в воду положили большой якорь, а с кормы стоп-анкор и верп; почему и казалось, что надёжно укрепили. Два дни стояли спокойно, на третий же ночью при отливе воды стремительность течения так усилилась, что сорвало судно с якорем, а как береговыя швартовы удержали, то и прижало нас к берегу, где на мели должны были стоять двенадцать часов. На другой день при полной воде оттянулись на глубину и положили со стороны реки два больших якоря.

К половине августа приготовили судно «Слава России» к выходу на рейд. Между тем, описал я устье реки и промерил форватер, продолжающийся в море версты на две. Глубина в самом мелком месте в малую воду пять и шесть футов. По обе стороны форватера лежат подводныя и выдавшияся наружу пещаныя банки; ширина между ими не более ста саженей.

27 августа при тихом попутном ветре судно «Слава России» благополучно вышло на рейд и стало на якорь в четырёх верстах от берегу на шести саженях глубины при песчаном дне. Капитан

Биллингс поехал на берег, препоручив мне привести всё в надлежащий порядок и докончить нагружение судна. Для последняго употреблены были охотские галиоты.

Между тем, поспешали вооружать судно «Доброе намерение», которое от города перешло уже к устью реки. 8 сентября был нещастный для него день, в которой видели мы начало и с крайним прискорбием конец его плавания. Поутру рано изготовили его к выходу на рейд, сняли все швартовы и вывели в самое устье реки. В девять часов, когда поднялась вода, пошло оно под всеми парусами при самом тихом попутном ветре с помощью буксирующих нескольких гребных судов. По выходе из устья реки ветр совсем утих и, следовательно, не было от парусов никакой помощи, а чрезвычайная зыбь, бывшая с моря прямо на нос, отнимала действие буксира и производила сильную килевую качку, отчего судно мало подавалось вперёд и едва могло держаться против воздымающихся горами волн, которыми склоняло его к банке. В одиннадцать часов зыбь усилилась, и один большой вал привёл буксирующия шлюбки в безпорядок и замешательство и тем ослабил буксиры. Судно вдруг поворотилось боком и через минуту было уже на банке. Тогда сильный бурун с пенящеюся засыпью, разбиваясь о судно, воздымался выше марсов и силою своею то ударял в дно и подвигал к берегу, то бросал с чрезвычайным стремлением с боку на бок, отчего скоро сломило все мачты. При таком нещастном случае никакой помощи подать было невозможно. Все городские жители, сбежавшись на берег, стояли против того места, где судно «Доброе намерение» разбивалось, и как ни подъехать на гребном судне, ни подойти к нему, ни с него людям попасть на берег за сильным буруном не было возможности, то первые смотрели только с соболезнованием на сие ужасное зрелище, а последние с отчаянием ежеминутно ожидали смерти. Страшные валы, следующие один за другим, ударяясь безпрестанно о судно с чрезвычайным стремлением, бросали его со стороны в сторону, и сильным сотрясением всех частей отрывало людей от верёвок, за кои держались, некоторых же сбросило в воду, а обломки мачт, реев и марсов, летавшие со всех сторон, готовы были их раздавить. В сем ужасном и жалостном состоянии препроводили они четыре часа, пока при отливе моря не збыла вода и судно перестало буруном бить. Тогда люди принялись сгружать с него тягости и все припасы. Между тем, осмотрели повреждённыя места и нашли, что его можно ещё исправить. Тотчас начали делать приготовления, чтоб по снятии бывшаго на нём грузу при будущей полной воде

втащить его на берег и потом починивать. Но как в следующие за сим два прилива возвышение воды с волнением было ещё больше прежняго, то судно повредило столько, что не оставалось уже никакой надежды к исправлению. Г. Биллингс с совету всех бывших на берегу офицеров решился его сжечь, чтоб достать из него, по крайней мере, железо. Ввечеру 9-го числа с крайним прискорбием увидели мы, как пламень пожирал судно «Доброе намерение», стоившее толь многих трудов, забот и иждивения.

Зыбь продолжалась трои сутки, и бурун в устье реки и на банках был столь велик, что от нас с судна нельзя было тогда пробраться в город. Я ожидал, что с той стороны, откуда была зыбь, должен скоро последовать жестокий ветр, но вместо того восемь дней стояла тихая погода, из чего заключить должно, что ветр был только вдали на море и до нас не дошёл. Во всё это время привозили к нам с разбитаго судна разные припасы и матриалы.

15-го перебрался к нам на судно капитан-лейтенант Беринг, и тогда позволено мне было съехать на берег для своих надобностей.

16-го зделался с моря крепкой ветр, сперва от юго-востока, потом от востока, который к ночи усилился и произвёл большое волнение, так что на судне должно было опустить стеньги и реи. Капитан Биллингс, г. Галл и я в сие время, хотя были на берегу, однако всю ночь не спали и находились в чрезвычайном безпокойстве, ибо ввечеру приметили по бывшему на судне огню, что его подрейфовало (выражение «дрейфует судно» употребляется тогда, когда якорь не держит и тащится по дну моря). Зная худость на рейде дна, состоящего из мелких камешков, мы имели причину страшиться, чтоб не случилось и с ним такого ж нещастия, какому бывают часто подвержены здешния транспортныя суда: одно из них выброшено на берег в нашу здесь бытность 1787 года. Сие судно пришло из города Инжиги, и как в то самое время вода убыла и нельзя было войти в устье реки, то остановилось оно на якоре перед банками. Между тем, ветр усилился, сделалось волнение, и судно начало дрейфовать. Тогда, хотя брошены были все остальные якори, однако стащило его на мель и выбросило на берег. Наше судно, по щастию уцелело.

К 19 сентябрю ветр совсем утих. Тогда капитан Биллингс, г. Галл и я отправились на судно. В сие время подняли опять стеньги и реи. В следующую ночь выпало столько снегу, что палубу покрыло оным на полфута, также и берег весь был им покрыт.

Как мы приготовились уже совсем к походу, и ветр 19-го числа сделался попутный от севера, то, не мешкав ни мало, снялись

с якоря и пошли в море. Тогда настояла уже осень, и мы предприяли путь в Камчатку мимо Курильских островов прямо к Петропавловской гавани, чтоб провести там наступающую зиму, а будущею весною ранее отправиться в море.

Благополучный ветр послужил нам одни только сутки. После того начал дуть ветр крепкий от востока и произвёл сильное волнение, так что мы принуждены были убрать все паруса и лечь под одною безанью на дрейф (убрать все паруса, кроме одного задняго; закрепить руль на подветренную сторону и отдаться на произвол ветра и волнения). Большая часть людей, находившихся с нами, никогда прежде не бывали на море, следственно, по непривычке многие сделались больны, а чрезвычайное волнение и колебание судна приводило их в ужас, каждая стремящаяся на него горою волна, казалось им, зальёт его или опрокинет. Некоторые прежде бывшие на море из охотских матрозов, люди суеверные, внушали прочим, что буря сделалась от того, что капитан Биллингс взял с собою на судно пойманнаго на берегу живаго орла, почему и просили все, чтоб его отпустить на волю, надеясь, что тогда ветр свирепствовать перестанет. Однако их не послушались. Буря через два дни утихла, и 22-го сделался опять попутной нам от севера ветр. Мы распустили все паруса и стали держать на *ZO* прямо ко второму Курильскому острову.

В сем пути хотя мы и не воображали новых открытий, ибо здешнее море довольно известно, и транспортныя суда ежегодно ходили но одному из Охотска в Камчатку, однако послали на саленг человека смотреть во все стороны. В десять часов утра посланный наверх закричал, что в правой стороне видит землю. Мы все обратились туда со зрительными своими трубами и, действительно, уверились, что земля видна, а чтобы не осталось никакаго сомнения, мы направили плавание своё прямо к ней. Через час подошли довольно близко и увидели, что это был небольшой каменной остров величиною в полмили (суть итальянские), высотой от воды на сто сажен. Он казался окружённым со всех сторон высокими утёсами и подводными камнями, видом походил издали на стог сена.

Этот остров, будучи неизвестен здешним мореплавателям, был очень опасен в туманное и ночное время. Я думаю, что отправленное прошлаго году в сентябре из Охотска в Камчатку транспортное судно, пропавшее без вести, не погибло ли у сего опаснаго острова? Тем более, что по выходе его в море на третий день сделался жестокий ветр с пасмурностию от юго-востока. Стремительностью

ветра, может быть, принесло его в ночное время сюда на камни и разбило. Иначе естьли б, например, нещастие сделалось с ним у матераго берега или близ Курильских островов, то нельзя бы не получить о том известия. Остров сей назвали мы именем Ионы, в честь святому, котораго память в тот день была празднуема. Широта места здешняго по наблюдению моему 56°55', глубина по лоту двадцать семь саженей, на дне мелкой камень; остров был тогда от нас на *ZtW* в пятнадцати милях.

Во время пребывания нашего на охотском рейде приметил я, что водяныя птицы, а особливо чайки, всякой вечер улетали от берегу в море к югу и поутру рано опять возвращались. Отсюда можно заключить, что они бывали на острове Ионе или на другом, который, может быть, находится ещё ближе, и который ему подобен. На таких утёсистых островах морския птицы обыкновенно любят делать свои гнёзды, тут их никто не может безпокоить.

Попутный ветер служил нам до самых Курильских островов, из коих первый, Алаид, увидели мы 27-го числа. Лежит он против втораго Курильскаго острова, несколько в сторону, почему и не щитается в числе прочих сей гряды островов. Он есть не иное что, как одна высочайшая гора, покрытая вечным снегом и вершиною своей поднимающаяся выше облаков. Вид его с сей стороны имеет подобие сахарной головы, но от юго-востока кажется он плоскою, несколько продолговатою горою. Сказывают, что временем выходит из него дым. За Алаидом скоро показался из-под туману и второй Курильской остров.

К ночи по неизвестности места поворотили прочь от островов, а поутру на разсвете пошли к третьему, называемому Ширинки, полдень прошли близь него по левую сторону. Величиною он около двух миль, кругом утёсист, состоит из каменной горы, покрытой местами мхом. Когда были мы очень близко у сего острова, то от него прилетало к нам много чёрных птиц, называемых урилы. Оне попеременно, одна за другою, облетали кругом судна, довольно близко, каждая не менее трёх раз, как будто осматривали нас со вниманием, потом возвращались к утёсам в свои гнёзда. Сия любопытная птица, сказывают, служит достоверным признаком близости земли в туманное время, потому что далеко от берегов она не летает.

От третьяго Курильскаго острова держали мимо четвёртого, гористаго и утёсистаго, называемаго Мамриш, в проливе, лежащий между вторым и пятым островом, Онекотаном (второй и пятой остров лежат по линии один за другим вдоль гряды Курильских островов, а третий и четвёртый несколько в стороне и выдались к северо-

востоку). По полудни на самой средине пролива захватила нас совершенная тишина. Тогда бросили лот, но дна не достали. Ширина сего пролива двадцать семь миль и, следовательно, он из числа самых больших между Курильскими островами и безопаснейший для плавания. В нём не бывает больших сулоев, и течение воды не так стремительно, как в прочих узких проливах.

Третий и четвёртый Курильские острова безлесны и необитаемы, а на втором и пятом растёт местами березник и есть небольшое число жителей, которые видом и образом жизни подходят ближе к камчадалам, нежели к южным курильцам, отличающимся длинными бородами, и потому называются мохнатыми курильцами. Северные курильцы, может быть, произошли от камчадалов, естьли судить по сходству между ими, но мохнатые откуда происходят, отгадать трудно, ибо все народы, окружающие их, как-то японцы, китайцы и вообще живущие к северу по всему азиятскому берегу, бород почти не имеют, кроме гиляков, живущих на устье Амура.

Прошедший день был из самых лучших во всё наше плавание. Солнце безпрерывно светило до самаго вечера и согревало нас, как бы среди лета. После продолжительных холодных погод, казалось, что мы вдруг перешли из холоднаго климата в тёплый. Однако и то правда, что мы в одну неделю переменили широты от севера к югу на десять градусов. Теплота воздуха, приятной вид берегов и тишина моря, гладкаго подобно стеклу, привлекали общее внимание. Это был для нас праздник, который с удовольствием проводили мы все на верху палуб, между тем как в другое время за худою погодою, кроме караульных, не выходил из кают ни один человек.

В полночь сделался опять попутный нам ветр, с помощью котораго, идучи несколько часов к юго-востоку, вышли из пролива и к утру поворотили на северо-восток, потом на *NNO* вдоль втораго Курильскаго острова, которой закрывало от них пасмурностию. Сего дня видели мы стадо косаток и морских свиней.

Два дни шли к *NNO* при благополучном ветре и пасмурной погоде, а в третий, когда прояснило, открылся гористой камчатской берег, вдоль котораго продолжали путь по 1 октября до высоты Петропавловской гавани.

Тут увидели пять отменно высоких и приметных гор, по коим легко узнать можно Авачинскую губу. Одна из сих гор называется Вилюйчинская и лежит по левую сторону губы; другия три вместе по правую сторону в разстоянии от моря на пятидесяти

верстах. Из них лежащая на запад называется Стрелошною, она кверху острее и выше прочих; другая, близ ея, огнедышущая Авачинская, она ж называется и Горелою; третия, безимянная, восточнее и ниже двух первых. Последняя, Жупанова, лежит севернее и далее всех прочих, вид имеет плоской. Хотя сии горы и далеко от моря внутрь земли, однако по чрезвычайной своей высоте открываются гораздо прежде ближняго гористаго и довольно возвышеннаго берега.

Вид сих гор в книге последняго путешествия Кука изображён на рисунке очень сходственно. Хотя мы находились далеко и не на том месте, где оный сниман, но тотчас узнали по рисункам, что это он. Небольшое различие, происходящее от местоположения Кукова и нашего, можно видеть, слича его рисунок с моим.

Наступившую ночь пролежали на дрейфе, а поутру на другой день пошли к Авачинской губе. Чрез несколько часов открылось ея устье и поставленный при входе в него маяк к восточной стороне, на высоком каменном утёсистом мысе. Подходя ближе, миновали в левой руке каменный, не высокою горою островок, называемый Старичков, по имени небольших морских птиц, делающих себе на нём гнёзды в великом множестве. Урилы нас и здесь встретили, осматривали с таким же любопытством, как и прежде, и улетали назад. Кроме сих птиц в утёсах водится много топорков, или морских попугаев, и чаек.

В семи милях от устья губы достали лотом дно, глубины было шестьдесят сажен, на дне песок. От сего места чем далее подавались вперёд, тем глубина становилась меньше и в самом устье против маяку было только тринадцать сажен. Ширина входа $2^1/_2$ мили, в длину же продолжается на пять миль; по обе стороны на сем разстоянии утёсистые каменные берега, а местами в небольших изгибах есть и отлогости. В правой стороне, немного подалее от маяка, находятся три отделённые высокие камня, наподобие столбов, стоящие вместе один подле другаго, почему и называются Три Брата. Немного далее за сими каменными братьями, с той же стороны, есть небольшой залив, называемой Соловаренным по причине находящихся на берегу соловарен. При входе в него лежит низменной каменной островок, называемой Изменной (это имя дано сему острову во время прежде бывших бунтов от камчадалов, изменивших россиянам и укрывавшихся на нём). На противуположной стороне подле берега стоит высокой камень, называемый Бабушкиным; на нём множество чаек вьют свои гнёзды. Далее от него две мили кончится вход и начинается большая Авачинская

губа, имеющая вокруг пространства до двадцати шести миль. Из неё есть три побочные залива: один называется Тарьинской, другой Раковой, третий, меньше двух первых, — Петропавловская гавань. К сей последней и пошли мы через губу. Лежит она от устья, или входу, на север. Прямо по сему румбу идти нельзя для того, что посредине есть подводная небольшая банка, на коей глубины не более $1^1/_2$ сажени; миновать её можно, держа на один румб левее. Глубина по всей губе от шести до пятнадцати сажен, на дне ил, следственно, везде хорошия якорныя места. Положение кругом губы гористое, в северо-западной только части есть низменныя ровныя места, где впадают в губу реки Авача и Паратунка.

Ввечеру положили якорь близь Петропавловской гавани, которая величиною в окружности одна верста и триста сажен, закрыта с западной стороны гористым узким полуостровом, а с южной выдавшеюся от берегу низменною, из мелкаго камня состоящею, узкою косою, называемою кошка. Вход в гавань между оконечностью кошки и гористым полуостровом, ширина его до сорока сажен, глубиною семь и восемь, а на самой средине гавани восемь и девять сажен; на дне ил.

Строения в двух местах; обывательских деревянных домов двенадцать, из коих восемь построены на вышеупомянутой кошке, и между ими несколько балаганов (шалаши, поставленные на высоких столбах), а остальные в северной части гавани. Там же есть и казённое строение: деревянный дом и в прежнюю экспедицию построенные коммандором Берингом магазейны, которые довольно ещё крепки. Жители здешние: одиннадцать камчадалов, армейской прапорщик и двадцать три человека козаков. Положение места около гавани гористое, однако можно на северной и на восточной ея стороне по косогору построить до трёхсот домов.

ГЛАВА XI

Расположение наше к зимованию в Петропавловской гавани. Строение юрт. Описание мест кругом гавани. Замечание о рыбной ловле и разведении рогатаго скота в Камчатке. О езде на собаках. Путь в Большерецкой острог. Камчадальская пляска. Возвращение в гавань. Нынешнее состояние камчадалов.

5 октября вошли внутрь Петропавловской гавани и ошвартовили судно в северной ея части близь берега против магазейнов, в которые сложили сухую провизию и некоторые припасы; между тем, судно разоружили. Люди все перебрались на берег и поместились

довольно тесно по обывательским квартирам. Г. Биллингс занял казённый дом, который сделан изрядно и довольно пространен. Капитан-лейтенант Галл, Баков и я стали поблизости в одном казачьем доме, который так был мал, что повешенныя наши койки заняли большую его часть; высота его соразмерна величине, и мы только что могли стоять свободно, не доставая головою до потолка. Господин доктор со штаб-лекарем стал подле нас в другом доме, прочие расположились в домах, построенных на кошке.

Для облегчения обывателей в разсуждении постою и тесноты начали строить в северной части гавани большую юрту, сверх того баню и кузницу. Лес на строение доставали берёзовой, который один только здесь и есть, растёт кругом гавани по косогорам и пологостям. Время способствовало нашей работе, она с успехом и скоро была кончана. До 1 ноября погода стояла хорошая и тёплая, снегу не было нигде, кроме высоких гор, которыя давно уже были им покрыты.

Хотя берега, лишённые оживляющей их зелени, и обнажённыя от листьев деревья не представляли прелестей весны или лета, однако по косогорам сухия места, обросшия изредка кедровыми кустарниками и березником, казались нам приятны, и мы часто ходили туда прогуливаться, но когда выпал снег, то лишились сего удовольствия. В сие время можно было ходить только по тропинкам, проложенным жителями чрез косогор на кошку и по разлогу к северу до озера, лежащаго от селения в трёхстах саженях. По сей последней дороге, недалеко от селения, в правой стороне, на берегу текущаго в гавань ручья погребены два знаменитые мужа, один близь другого: профессор де Лилль де ла Кроер, бывший в экспедиции коммандора Беринга астрономом, и начальствовавший над двумя английскими судами после смерти капитана Кука капитан Клярк. От вышеупомянутаго озера хотя и можно в малую воду обходить кругом по подножию утёсов гористый полуостров, закрывающий гавань с западной стороны (что сделает около двух вёрст), но как сия каменная дорога трудна и безпокойна, то мало по ней ходят, и то охотники, которые стреляют уток, называемых савки, и чаек. Тех и других во всю зиму водится на губе множество, они часто подплывают к самому берегу.

Некоторые слои в утёсах сего полуострова состоят из сыпучей выветрившей зелёной яшмы, на коей видны изображения, представляются подобие нарисованных кустов и деревцов. Там же находили в разселинах камней небольшими тонкими слоями

амиянт (мягкий волокнистый камень тальковой породы, вид асбеста, горного или каменного льна. — *Ред.*).

28 октября начальник при собрании всех нас объявил, что высочайшим указом, данным ему в Санкт-Петербурге, с отправления нашего из Охотска в море, то есть 19 сентября, произведены господа Галл, Беринг и я в капитаны второго ранга, также и другие некоторые из бывших с нами повышены чинами, а прочим прибавлено жалованья.

С прибытия нашего свежей рыбы никакой уже не было. В начале ноября ловилось неводом в Петропавловской гавани довольно вахни (род мелкой рыбы). Сия рыба весьма похожа на пикшу как вкусом, так и видом, только не одинакой величины; иная с лишком длиною в фут, другая полфута, большая часть была с мелкою, довольно вкусною икрою. Между вахнею попадались и сельди. Как мы, так и все местные жители довольствовались ею с избытком до половины ноября, но после перестала она ловиться; чрез то лишились мы свежей здоровой пищи и должны были приниматься за солёную, естьли б не убедили одного козака продать нам за шестьдесят пять рублей небольшую корову, из которой хотя немного вышло мяса, но с бережливостию стало нам надолго. Во всей Петропавловской гавани была одна только сия корова да семь быков казённых, пригнанных из Верхнекамчатскаго острога для экспедиции, назначенной из Кронштадта в здешния моря под начальством капитана Муловскаго (Григория Ивановича, назначенного начальником первой русской кругосветной экспедиции, не состоявшейся из-за начавшейся русско-турецкой войны. Погиб в бою в 1789 г. в чине капитана бригадирского ранга. — *Ред.*).

Рогатый скот завезён сюда в Первую Камчатскую экспедицию, чему будет около пятидесяти лет. Казалось бы, что через такое долгое время, естьли б приложено было хотя малое старание о разведении его, он должен бы довольно размножиться. Места для скотоводства нельзя желать лучше, как на Камчатке: сенокосных лугов довольно, особливо близ Петропавловской гавани, по рекам Аваче и Паратунке, а летом вообще пастьбы везде изобильныя. Трава растёт большая, сочная и питательная, от которой мясо у скотины бывает отменно хорошо, жир имеет вкусом приятный и много походит на мозг.

По наступлении зимы каждый из здешних жителей начал приуготовлять свои санки и стал привязывать собак к столбам, чтоб чрез то сделать их способными к езде, а до сего времени бегали они по воле. Это обыкновенный экипаж здешних жителей;

каждой должен его иметь как для езды самому, так и для домашних потребностей. Мы также с г. Галлом завели свой. Сперва учились мы ездить на трёх только собаках и поблизости, но после уже могли управлять довольно хорошо пятью собаками и смело пускались через горы до ближняго селения, отстоящаго от Петропавловской гавани на двадцать пять вёрст, называемаго Паратунка.

Санки здешния совсем отменны от нарт, употребляемых в Охотске: первыя гораздо последних короче, уже, легче и вдвое выше. Сидеть на них можно только двоим, и то с нуждою; по высоте своей чрезвычайно валки. При спусках под гору и в раскатах должно с великою осторожностию и уменьем править ими посредством ног и оштола, в противном случае от неосторожности ушибиться можно до смерти об деревья, навислыя к дороге, что нередко, как сказывают, случалось и с привыкшими ездоками. Собак в санки запрягают хотя не более пяти или четырёх, однако трудно их удержать, когда почувствуют по духу какого-нибудь зверя или когда спускаются под гору. Для остановления их втыкают между передними копыльями оштол, которой бороздит снег и одерживает санки; сверх того, передовую пару собак притягивают к санкам привязанным за их ошейники особливым ремнём, чтобы не могли лямками тянуть и мешали бы бежать коренной паре. Когда ж повстречается спуск под гору очень крут и опасен, то на полозья надевают из берёзовых ветвей сделанныя кольца, которыя служат вместо подрезей. При удерживании собак обыкновенно употребляют слова: «Ко, ко, ко», а когда погоняют, то кричат: «Аах, аах»; при поворотах вправо: «Хна, хна, хна», а влево: «Уга, уга, уга». Охотник, будучи на промысле, не говорит и не кричит никогда, чтобы тем не испугать зверя, а при поворотах вправо стучит только потихоньку с правой стороны по полозу оштолом, при повороте ж влево бьёт наотмашь в ту сторону оштолом по снегу.

Впрочем, езда на собаках, кроме того, что сопряжена с опасностями, есть самая безпокойная и, можно сказать, настоящая собачья. Надобно беречься, чтобы собак не упустить. Когда случится опрокинуться и упасть, то никак не должно покидать из рук санок, как бы далеко ни тащили по снегу: не удержаться ж и упустить собак, а самому идти несколько вёрст пешком почитается немалым безчестием. Кроме того, собаки часто запутывают упряжку, и ездок должен на морозе голыми руками её расправлять и пачкаться в их кале. Чтоб пошутить над едущим позади стоит только бросить на дорогу кусок юколы. Собаки бросятся за нею, пере-

путаются и станут грызться; тогда седок должен с немалым трудом их разнимать и распутывать, а между тем, непременно отстанет далеко от своих товарищей. Ехать назади невыгодно ещё и потому, что полозья у санок мараются от собачьяго калу, которой, примерзая к ним, останавливает экипаж. Надобно безпрестанно ножом очищать полозья. На ночлеге требуется особливой присмотр за собаками. Когда выпрягут их из санок, то на тонких железных цепочках привязывают к столбам. Кормят их не скоро после езды, но через несколько часов, когда на них обсохнет пот; дают им по одной или по половине юколы. Хозяин тут же должен быть с палкою и смотреть, чтобы при нём каждая собака свою часть съела и не отнимала у других, он также отгоняет и ворон, которыя здесь очень нахальны, прилетают в великом множестве и у глупых собак отнимают корм.

В исходе ноября капитан Биллингс поехал в Большерецкой острог, взяв с собою капитана Галла, штаб-лекаря и шхипера Бакова.

В начале декабря морозы увеличились, и тогда покрылась льдом Петропавловская гавань. В последних числах сего месяца по пригласительному письму капитана Биллингса г. Беринг и я отправились также в Большерецк на собаках. От Петропавловской гавани ехали мы сперва близь Авачинской губы через невысокия горы, покрытыя берёзовым лесом. Наверху одной из них видели ноздреватый горелый камень величиною в окружности до пяти сажен. Казалось, что он выкинут из какой-нибудь огнедышущей горы, но как отсюда до ближней Авачинской будет около сорока вёрст, то невероятно, чтоб и при самом сильном ея возгорении толь огромный камень выбросило так далеко. Скорее можно заключить, что извержение было прежде поблизости. Может статься, на месте Авачинской губы возвышалась когда-нибудь огнедышущая гора, которая по выгорении внутри обрушилась и образовала сию превосходную гавань. Самыя берега ея доказывают, что она произведена землетрясением.

В семи верстах от Петропавловской гавани спустились мы с гор на низменныя ровныя места, продолжавшияся двадцать вёрст. На сем разстоянии переехали две реки, Авачу и Паратунку, и остановились в Паратунском камчадальском селении, находящемся на правом берегу сей последней в семи верстах от ея устья. Здесь есть деревянная церковь, сделанная из походной после Камчатской экспедиции коммандора Беринга.

От Паратунскаго острога (здесь все селения называются острогами или уменьшительным именем острожками) дорога лежала

вверх подле реки Авачи. Сего дня видели мы по сторонам дороги в лесу на снегу следы соболей и лисиц, а по рекам выдр.

Здешние соболи почитаются не из лучших в Сибири, напротив того, красныя лисицы камчатския принадлежат к числу превосходнейших и покупаются довольно дорого по своей доброте и огненному цвету, по которому и называются огнёвками. Кроме сих зверей, по сказкам камчадалов, водятся в горах дикие бараны и олени, также есть медведи и волки. Последние опаснее первых и часто зимою нападают на проезжих; напротив того, медведи здешние так смирны, что боятся людей, и как скоро увидят человека, убегают.

В тридцати трёх верстах ночевали мы в Корякском острожке, названном так по первым жителям-корякам, основавшим оный. Далее за сим селением места пошли несколько гористее. В тридцати верстах от него в Начикинском остроге ночевали. Отсюда в двух верстах, несколько в стороне от дороги, есть горячие ключи, называемые Начикинскими. Мы с Берингом ездили к оным. Вода в текущем из них ручье довольно горяча, хотя в то время и были жестокие морозы; запах имеет она серной, а вкус горьковатой; положенныя в неё монеты через несколько часов делаются как бы вылуженными и получают светло-серой цвет.

Камчадалы в этом ручье часто моются вместо бани, и для того сделаны на нём два огороженныя досками места, одно вверху ручья для зимы, другое для лета пониже перваго. Мы хотели видеть самые ключи, но не могли близко подойти к ним, потому что земля вокруг самая вязкая и топкая.

От Начикинскаго селения отправились мы очень рано, ещё до свету, чтоб успеть в один день доехать до Апачинскаго острожка, до коего щитают от Начикинскаго девяносто пять вёрст. Дорога лежала между высоких гор, которыя идут грядою вдоль всей Камчатки посредине. От сего хребта к востоку горы продолжаются до самаго берега и кончатся утёсами. Напротив того, западная сторона Камчатки низменная и болотистая. Апачинский острожек стоит по выезде из помянутых гор на реке, называемой Большая. От него до Большерецкаго острога оставалось только сорок вёрст, которыя по ровной и гладкой дороге мы переехали меньше, нежели в четыре часа.

Большерецкой острог стоит на берегу реки, называемой Большая. В нём церковь и до тридцати обывательских домов; жители здешние по большой части козаки, купцов и мещан немного. Прежде учреждения в Нижнекамчатском остроге города имел здесь пребывание главный начальник над Камчаткою, теперь же

управляет Большерецким острогом сержант. Козаки здешние зажиточнее петропавловских, все почти имеют скот и занимаются более домоводством. У них в огородах родится хорошая репа и картофель, последний разведён ещё недавно и привёзен сюда бывшим камчатским начальником надворным советником Рейникиным.

Платье все жители вообще носят в будни из оленьих кож, так как камчадалы, парки (платье, сшитое из оленьих кож, покроем похожее на рубашку) и камлеи (похожи на парки, только шьются из кож без шерсти, выделанных мягко); женщины ж в праздник все одеваются в шёлковое платье, грезетовое или юстриновое стариннаго покрою, какой в употреблении был за шестьдесят лет прежде в России; на головах носят платки шёлковые барсовые.

В это время как были святки, то жители часто собирались на вечеринки, и женщины плясали по-руски хорошо, но удивились мы, как увидели, что танцовали польской и а-ла-грек довольно правильно. Музыку составляли трое скрипачей из козаков.

Камчадальская пляска здесь не в употреблении. Напротив того, в Петропавловской гавани по большой части казачки ею забавляются. Она столь неблагопристойна, что всякая скромная женщина не только плясать, но постыдится и смотреть на эту пляску. Начинает её сперва одна женщина. Имея в руках платок, растянутый накось за концы, выходит на средину избы и, переступая тихо, делает движение руками, всем корпусом и головою, которая кажется движущеюся с одного плеча на другое, а иногда качается взад и вперёд.

Между тем, плясунья подходит к мужчине и ломается перед ним. Сие значит, что она вызывает его с собою плясать. Он берёт таким же образом, как и она, свой платок и выходит к ней. Тогда один к другому с сильным движением всеми членами приближаются.

Женщина временем отворачивается от мужчины, но опять скоро к нему поворачивается; наконец опускается понемногу на колени и ложится навзничь, не оставляя прежних движений; тогда и мущина становится также на колени и наклоняясь над нею делает любострастныя движения и сим последним действием кончится пляска. Во всё продолжение ея, как плясуны, так и все зрители, поют песню, состоящую в повторении двух только слов: «Ан-келле, ан-келле». Кроме сей песни есть много других, столь же коротких, под звук которых пляшут подобно как под звук первой. Некоторыя пляски состоят у них в передразнивании зверей и птиц.

Например, мущина представляет медведя, а женщина медведицу. Иногда выходят плясать вдруг многие, и скачут, подобно куропаткам, или ходят как гуси, стараясь подражать сколько можно сим птицам.

В Большерецком остроге пробыли мы две недели. После чего капитан Биллингс и г. Галл отправились в Нижнекамчатск, а я с г. Берингом поехал назад по прежней дороге в Петропавловскую гавань, куда прибыли мы чрез пять дней. Во время пути нашего, как в Большерецк, так и обратно, камчадалы в селениях своих принимали нас ласково и угощали с усердием. Иногда получали мы от них куропаток, свежую рыбу мальму, называемую здесь гольцами, мёрзлую кету, юколу, ягоды и коренья некоторых трав, доставаемые ими в немалом количестве из мышачьих нор и составляющие знатную часть их съестных припасов.

Для собирания сих кореньев ходят нарочно осенью по полям, стучат чем-нибудь в землю, и где по звуку услышат пустоту, в том месте роют и находят магазейны сих животных. Запасу всего не берут, а оставляют на пропитание мышам третью часть, вероятно, чтоб чрез то не отогнать сих полезных для них тварей. Камчадалы сказывали, что мышь, у которой не оставят ничего, непременно из отчаяния удавится на дереве. К сплетению такой басни подала повод, может быть, одна какая-нибудь мышь, случайно увязшая между сучьев.

Сравнивая нынешнее состояние камчадалов и образ их жизни с описанием г. Крашенинникова, нашли мы великую перемену. Камчадалы вообще оставили уже прежние суеверные свои обряды и все почти окрещены. Юрт их, или землянок, нигде не видно, а вместо того построены везде русския избы (балаганы остались в употреблении по-прежнему). Камчадалки стали одеваться по праздникам большею частию так, как козачки: носят душегрейки и юбки, а на голову повязывают платки.

Впрочем, камчадалы столь же ленивы, как были и прежде: изобилие рыбы, которая ловится без дальняго труда, и привычка к ней есть причиною, что они не стараются о разведении скота и хлебопашества.

Всего удивительнее, что чрез такое долговременное обращение с россиянами не сделались они ни осторожнее, ни умнее, ибо и ныне легко отдают купцам за безделицу соболей и лисиц. С сею простотою сохранили и хорошие свои свойства. Они так же добродушны, искренны, миролюбивы, услужливы и гостеприимны, как были и прежде. Пороки в них приметны только леность и неопрят-

ность, воровство очень редко между ими случается, и тем реже ещё смертоубивство. Некоторые путешествователи приписывают им порок пьянства, но я не могу утвердить этого, ибо не должно делать заключения обо всех по некоторым только камчадалам, пристрастным к вину.

Камчадалы, хотя и оставили многие из прежних своих суеверных обрядов, однако и теперь не менее верят шаманам и мнимым делаемым от них чудесам. Один козак, знав их легковерие, выдал себя за шамана и забавною выдумкою изобличил вора. Это случилось, когда он был в дороге с несколькими камчадалами, из коих один украл у него табак. Козак спрашивал всех поодиначке, но никто в воровстве не признавался, тогда для найдения пропажи употребил он следующее средство: наломал несколько ровной величины лучинок и дал каждому камчадалу по одной с надёжным уверением, что у вора через ночь, к другому дню, силою шаманства данная лучинка непременно вырастет и будет длиннее всех прочих.

Тот, кто украл, всю ночь безпокоился и часто смотрел, не прибывает ли его лучинка, а как от сильнаго предуверения и воображения казалось ему, что будто и действительно лучинка становится длиннее, то отламывал от неё понемногу, чтоб сделать не так длинною. На другой день, когда все камчадалы принесли к козаку свои лучинки, он легко узнал вора. Уличённый камчадал сам после признался и отдал украденное, извиняясь при том, что, издержав свой табак, без котораго он жить не может, и, не имея денег, на что ево купить, принужден был украсть.

В сие время табак на Камчатке чрезвычайно был дорог: один фунт его в розницу продавался по сто рублей. Несмотря на то здешние жители покупали, и чтоб только его иметь, отдавали последнее. Обыкновенная же цена табаку во время привозу от полуторых и до двух рублей. Вообще, для торгующих здесь купцов нет выгоднее товару, как табак, сколько бы его ни было привезено, скоро раскупят и с великою прибылью, ибо все здешние народы, кои только имеют сношение с рускими, курят его, нюхают или кладут за губы и, следственно, табаку расходится ежегодно чрезвычайное множество.

Буряты, якуты, коряки, юкагиры и чукчи любят табак самой крепкой черкаской; того ж, которой разводится в окрестностях Иркутска, не берут. Курят его пополам с мелкими древесными стружками. Камчадалы и алеуты не курят, а нюхают и кладут за губы.

ГЛАВА XII

Работы, происходившие на судне «Слава России» во время зимованья. Камчатские берёзовые леса, землетрясение и извержение огнедышущей Ключевской сопки. Служители подвержены цинготной болезни. Приготовление судна к походу. Описание губы Авачи. Мысли о заведении торгов с ост-индскими селениями.

1790 г., февраль. В продолжение зимы происходили разныя работы, которыя по скорости отправления из Охотска не были кончаны. Также вновь построен шестивёсельной гребной катер из ольховаго лесу, которой доставляли мы за тридцать вёрст с берегов реки Паратунки. Берёзовой лес, которой растёт поблизости гавани, употребляли на многия к судну потребности. Он так крупен, что можно бы строить из него небольшия мореходныя суда, естьли б только был прочнее и имел более крепости. Впрочем, построенная в первую экспедицию из камчатской берёзы добельтшлюбка служила во всё продолжение оной и после транспортным судном для перевозу провианта из Охотска в Камчатку, лет двенадцать. Камчатской берёзовой лес употребляют и ныне на блоки и шхивы для транспортных и купеческих судов. По тучности здешней земли можно бы, кажется, в сем краю желудями развести дубовой лес.

25 февраля около полудня слышно было землетрясение, продолжавшееся несколько секунд. По причине близости Авачинской огнедышущей горы землетрясения бывают здесь очень часто, и временем чрезвычайно сильныя, но в нашу бытность это случилось ещё в первой раз. Огнедышущая Авачинская гора во всё время была покойна и не делала никаких извержений, а курился из неё небольшой только дым. Напротив того, камчатская Ключевская сопка в генваре месяце извергала пламя, камни, лаву и множество чёрнаго песку, которым покрыло близлежащия места.

Марта 5-го капитан Биллингс возвратился из Нижнекамчатска в Петропавловскую гавань. С половины апреля начали вооружать судно и грузить на него припасы. В сие время Авачинская губа ото льду уже очистилась. В прошлую зиму не вся она покрывалась им, а только близ берега; побочные ж заливы, Раковой, Тарьинской и Петропавловская гавань, стояли подо льдом почти до 1 мая, и потому ранее из Петропавловской гавани судна вывести мы не могли.

Во время зимованья нашего здесь по недостатку свежей пищи многие из служителей подвержены были цынге, которая при на-

ступлении весны усилилась ещё больше; но как скоро, в половине апреля, стала ловиться рыба: кунжа, гольцы, или мальма, сельди и камбала, и когда показалась первая зелень, род чесноку, называемого здесь черемшою, то все больные при употреблении свежей сей пищи очень приметно стали поправляться, и в мае немного оставалось уже таких больных, кои бы не могли работать.

К первому числу мая судно совсем приготовили к походу, и люди все туда перебрались. Тогда вывели его из Петропавловской гавани и поставили в самом ея устьи в ожидании благополучнаго ветра к выходу в море. Между тем, ездил я описывать Авачинскую губу и осмотрел два побочные выходящие из неё залива. Один называется Раковой и простирается от *NWtV*$^{1}/_{2}$*W* к *SOtO*$^{1}/_{2}$*O* на три мили, ширина его полмили, глубина от шести до тринадцати сажен, на дне ил. Другой называется Тарьинской. Он лежит в северо-западной части Авачинской губы, в длину от *NWtW*$^{1}/_{2}$*W* к *SOtO*$^{1}/_{2}$*O* до пяти миль, в ширину полмили. Северо-восточной его берег составляет узкой гористой мыс, отделяющий его от Авачинской губы. Глубина по сему заливу на средине пятнадцать сажен, далее внутрь уменьшается, на дне ил.

В Авачинскую губу в северной ея части впадают две реки, Авача и Паратунка, выходящия из гор и, наконец, протекающия равными низменными местами пред впадением своим в губу. От устья сих рек простирается отмель на полторы мили. Впрочем, по всей губе у берегов глубоко и можно становиться на якорь большими судами поблизости их. На средине губы везде глубина от четырнадцати до пятнадцати сажен, а к берегам уменьшается до шести сажен, на дне в самых глубоких местах ил, а там, где мельче, песок.

По пространству Авачинской губы с побочными ея заливами может в ней стоять на якорях спокойно многочисленной флот. Жаль, что эта превосходная от натуры устроенная гавань находится в таких отдалённых морях, где нет российскаго флоту, и чрез то остаётся без пользы. Но, может статься, со временем будет она важнейшею и нужною пристанью, когда купечество наше обратит внимание на выгоды торговли с Китаем, Японией и прочими ост-индскими селениями и распространит мореплавание по здешним морям. Тогда Авачинская губа будет главным сборищем судов, отправляемых как за промыслами на острова и в Америку, так и для торгу в Ост-Индию, ибо на здешних морях по всем берегам, принадлежащим России, нет удобнее и безопаснее сего места для пристани судам, почему и магазейны для складки товаров должны построены быть здесь.

Что касается до произведений, которыя могут с нашей стороны отправляемы быть для торгу в Китай и Японию, то одни здешния, без тех, кои находятся внутрь России, весьма достаточны, как-то морские бобры и коты, выдры, лисицы, песцы и белки, а сверх того моржовые зубы. Важнейший же торг может быть китовым жиром и усами, естьли только учредить нарочные промыслы китов, которых здесь чрезвычайное множество. Наконец, изобилие рыбы в Камчатке может обращено быть также в немалую пользу сей торговли, ежели заготовлять рыбу надлежащим образом и отправлять её солёную и сушёную. Доставление ост-индских товаров из Авачинской губы внутрь России может облегчиться, когда отвозить их из губы сперва на малых мореходных судах в Алдомской залив, которой удобен к принятию небольших судов, а оттуда уже, как я прежде упомянул при описании того берега, отправлять легко можно водою по реке Мае в Якутск.

Сверх всех выгод, произойти могущих от сей торговли, естьли б ещё размножены были колонии в Камчатке, распространено хлебопашество, распложен скот и учреждены разныя фабрики, то со временем страна сия зделалась бы страною изобилия, богатства и щастия. Климат здесь умеренный, земля продородна и с избытком произращает всё нужное для жизни. Хлебопашество уже несколько лет производится с успехом по реке Камчатке, в Верхнем остроге и в населённой русскими мужиками Ключевской деревне, которые живут щастливо. Но как их весьма немного, то и польза, доставляемая ими, не чувствительна. Для всей воинской комманды провиянт привозят из Охотска. Мука ржаная с доставкою обходится здесь казне три рубли семьдесят шесть копеек пуд, крупа грешневая и яшная по шесть рублей четверик. Картофель, завезённой сюда лет десять назад, родится хорошо и довольно размножился, особливо в Большерецке, где стараются о разведении его. Нет сомнения, что здесь можно растить лён и делать холст вместо привознаго, которой продают купцы, самой простой, по семьдесят копеек и по рублю аршин. Рогатой скот, котораго малое число завезено сюда во время Первой Камчатской экспедиции, несколько расплодился, и теперь продают частные люди от восьмидесяти до ста рублей быка.

Горячее вино делается здесь из сладкой травы и имеет чрезвычайно отвратительной запах и вкус, продаётся по сорок рублей ведро, а водка французская от шестнадцати до восемнадцати рублей штоф.

Медных денег на Камчатке совсем почти нет, и до сего времени одни серебреные были в употреблении, но ныне начали показываться мелкие ассигнации.

ЧАСТЬ II

СО ВРЕМЕНИ ОТПРАВЛЕНИЯ ИЗ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ГАВАНИ ДО ОКОНЧАНИЯ ЭКСПЕДИЦИИ

ГЛАВА I

Плавание от Авачинской губы мимо Алеутских островов к острову Уналашке. Описание Бобровой губы и Капитанской гавани. Замечание об алеутах.

9 мая сделался благополучный ветр, с помощию котораго вышли мы из Авачинской губы и направляли путь свой к юго-востоку. Следующаго дня видели мы плавающую по морю доску, которая, казалось, служила обшивкою какому-нибудь судну.

По данному предписанию следовало нам идти к ближним Алеутским островам и продолжать плавание к Америке вдоль гряды оных, описывая и полагая их на карты. Но как по выходе нашем из Авачинской губы продолжались безпрестанные туманы, то капитан Биллингс с совету всех офицеров решился, не тратя напрасно времени в осмотрении ближних островов, продолжать путь далее к Америке, придерживаясь, сколько можно, южной стороны Алеутских островов и осматривая из них только те, которых туман не воспрепятствует видеть.

16-го числа видели мы много плавающей морской капусты и с сучьями дерево. Вокруг нас множество летало птиц, и один кулик прилетел на судно. Широта места, где мы тогда находились, была 50°39′, долгота от Гренвича 169°04′ (означенною как здесь, так и во всех местах сей книги долготу, при которой упомянуто по наблюдению, разуметь должно счислимою). Остров Атта разстоянием от нас во сте восьмидесяти милях была самая ближайшая к нам земля.

Служители наши, которые прошлой зимы страдали цынготною болезнию, хотя пред отправлением из Камчатки и казались все здоровы, но по выходе в море приметили мы, что многие ещё были слабы, и производимая им солёная пища не позволяла совершенно оправиться, свежаго же ничего мы для них не имели, ибо живностью в Камчатке запастись не могли. Баранов совсем там нет, а из дворовых птиц хотя и есть у некоторых жителей по нескольку кур, но их не продавали ни за что.

До 23 мая ничего примечания достойнаго не случилось. Во всё сие время ветры нам благоприятствовали, но туманы безпрестанно

продолжались. Ввечеру приметили мы в пасмурности на северовосток землю. Следующаго дня подошли к ней ближе и узнали, что это остров Амчитка из числа Крысьих островов. Берега его, покрытые туманом, казались невысоки, безлесны и не очень гористы, западная сторона кончится низменностию; отсюда несколько на запад виден был в тумане остров, собственно называемой Крысьим (на нём не было крыс до разбития при берегах его японскаго судна, с котораго они, вероятно, выплыли на землю, и после как сей остров, так и все, близь его лежащие, получили название Крысьих). Восточная сторона Амчитки гористее, и берега продолжаются каменным утёсом от юго-запада к северо-востоку. В полдень широта была 51°18', долгота 179°21'; тогда южная оконечность сего острова лежала от нас на *NW* 24°00' в семи милях. Длина его, определённая нами во время нашего плавания, тридцать четыре мили.

26-го числа по полудни возстал от севера столь крепкий ветр, что принудил нас убрать все верхние паруса и марсели. Ввечеру прямо на север, а в следующий день на северо-запад видны были из-под туману высокия покрытыя снегом горы на островах Адахе и Егитке.

28-го поутру ветр утих. Около полудни при прочищении несколько тумана открылись остров Амля и смежной с ним, лежащий к западу большой гористой остров Атха, оба из числа Андреяновских островов. В сие время по наблюдению широта была 51°54', долгота 187°57'. Западная оконечность Амли лежала тогда от нас на *NW* 52°30' и была в пятнадцати милях. Во весь сей день шли мы в параллель острова Амли в разстоянии от него на восемь миль. Сей остров безлесен, горист, узок и длинен, продолжается от запада к востоку на сорок четыре мили. Восточная его часть кончится высоким прямым каменным утёсом. На средине острова есть несколько небольших гор конической фигуры в близком одна от другой разстоянии. Жителей считается на нём до шестидесяти человек.

Под вечер увидели мы гористой остров, называемый Сигуам. Он лежит от Амли на *NOtO* в двадцати двух милях. Сказывают, что находящаяся на нём гора прежде была огнедышущая. Величиною сей остров в окружности до двадцати четырёх миль, жителей на нём нет.

29-го в полдень проплыли гористый остров Амухту в разстоянии от него на шесть миль. Широта по наблюдению найдена тогда 52°24'. Сей остров величиною в окружности до двадцати семи миль. На нём, сказывают, есть огнедышущая гора. Ввечеру ми-

новали другой остров, по имени Чугаган, лежащий от Амухты на восток в двенадцати милях, длина его двенадцать, ширина пять миль.

30-го поутру подошли близко к островам Четырёхсопошным, которые так называются по четырём сопкам, на них находящимся. Сии острова лежат один близ другаго, и каждой имеет ещё из них особое своё имя. Южно-западной называется Уляга, северовосточной Чигинок, северо-западной Тана, южно-восточной Хагамиль. Первые два несколько более других, величиною каждой в окружности около двадцати миль. В полдень широта по наблюдению была 52°34', долгота 191°36'. Остров Хагамиль был тогда от нас на *NNW* в десяти милях. На Четырёхсопошных островах прежде были жители, но теперь они необитаемы. Ввечеру открылся остров Умнак, один из числа знатнейших Лисьих островов, простирающихся грядою до самой Америки. Лисьими называются они потому, что на них водятся лисицы чёрныя, черно-бурыя и красныя; напротив того, на Андреяновских, Крысьих и ближних к Камчатке островах лисиц нет, а есть белые песцы, которые на Лисьих островах совсем не водятся. От южно-западной оконечности Умнака в десяти милях бросили мы лот и нашли пятьдесят пять сажен глубины, на дне чёрная дресва с изгарью.

Следующую ночь лежали на дрейфе и приметили, что течением снесло нас к *ZZW* на тринадцать миль.

Остров Умнак от запада начинается пологостию, далее к северо-востоку возвышается и, наконец, у пролива к острову Уналашке кончится горами, между которыми есть одна огнедышущая, высотою отменная от прочих и покрытая вечным снегом. Длина сего острова пятьдесят пять миль, положение его от *ZWtZ* к *NOtN*.

Ширина пролива между островами Умнаком и Уналашкою в узком месте $2^1/_2$ мили. Не доходя тридцати вёрст до помянутаго пролива есть два маленькие каменные острова, лежащие от Умнака в семи милях. 31 мая были они от нас на *NtW* в пяти милях. Широта по наблюдению здесь найдена 52°49', долгота 192°45'.

1 июня в полдень по наблюдению широта была 52°53', долгота 193°44'; южно-западная оконечность Уналашки отстояла тогда от нас на *NW* 43°00' в двадцати трёх милях. Сей остров начинается пологостию и далее возвышается к северо-востоку горами.

3-го числа подошли мы к Спиркину острову, который лежит близ восточной стороны Уналашки и отделён от него узким проливом шириною на одну милю. В полдень широта была по наблюдению 53°44', долгота 195°09'. Как долгота острова Уналашки чрез многия учинённые капитаном Куком наблюдения определена верно,

то посему и приметили мы, что наше счисление пятьдесят семь италиянских миль восточнее. Погрешность сию сделали мы от Петропавловской гавани в двадцать пять дней плавания.

Пред полуднем приехали к нам на судно в одноместных байдарках (маленькая обтянутая кожею лодка, в которой один только человек может сидеть) семь человек уналашских алеутов, из коих двое говорили довольно хорошо по-руски; они взялись проводить нас до якорнаго места. В то же время пристала к нашему судну коженая большая байдара, на коей был один руской промышленник и восемь человек алеутов для гребли, они выехали собирать на дрова по берегам выкидываемой морем лес. Промышленник объявил, что он с купеческаго судна, называемаго «Варфоломей и Варнава», принадлежащего складочной компании купца Панова с товарищи, которое судно стоит у острова Унимака в Исаноцком проливе. Здесь же, на острове Уналашке, оставлен для промыслу зверей байдарщик с байдарою и людьми.

Пополудни ветр совсем почти утих; мы спустили на воду гребныя суда и буксиром повели большое судно в пролив между островами Спиркиным и Кигалгою. Пред входом в сей пролив есть два высокие выдавшиеся из воды камня, один близь другаго, они лежат от острова Кигали на *ZZO*$^{1}/_{2}$*O* в разстоянии на 2$^{1}/_{2}$ мили. Сии камни суть те самые, промеж которых капитан Кук в туманное время, подходя к Уналашке, попал своим судном и был в опасности, почему и назвал сие место мысом Провидения, Cap de Providence.

К вечеру помощию буксирующих гребных судов и попутнаго течения обошли мы северной мыс Спиркина острова, позади котораго близ берега стали на якорь против алеутскаго селения, называемаго Седанка, чем мы все весьма были довольны, ибо надеялись, что здесь свежею рыбою и зеленью поправим здоровье больных.

От места, где мы стояли на якоре, к юго-западу внутрь острова Уналашки простирается большая губа, называемая Бобровою. Я получил тогда ж от начальствующаго экспедициею повеление описать сию губу, почему на другой день после полудни и отправился на коженой промышленнической байдаре. Со мною поехал доктор Мерк, его помощник и два егеря. Мы взяли на семь дней запасу. Плавание наше от большаго судна простиралось на юго-запад, внутрь Бобровой губы, возле самых берегов Спиркина острова, которой с сей стороны не так утёсист, как с юго-восточной. Здесь одне только оконечности мысов заключаются невысокими каменными обрубами. Впрочем, отлогости гор идут до самой воды. Напротив того, южная сторона острова вся утёсистая. Четыре доволь-

но немалые залива вдались внутрь острова, один от другаго не в дальнем разстоянии. Глубина в них посредине более пятидесяти сажен, но к берегам уменьшается постепенно. В одном из вышеупомянутых заливов остановились мы ночевать, и ввечеру, когда збыла вода, открылось на отмелях множество раковин (мушилей), в коих находили мы мелкой незрелой жемчуг. На другой день поутру должны были до девяти часов простоять на месте и дочинивать байдару, на которой кожа об вострые прибережные камни весьма повредилась.

В семи милях от места, где большое судно стояло на якоре, нашли мы пролив, отделяющий Спиркин остров от Уналашки. Здесь г. доктор остался для собирания по берегам растений, а я поехал осматривать пролив, которой имеет одну милю ширины, и простирается на $3^1/_2$ мили к юго-востоку, до побочнаго залива, называемаго Илмудихчит, вдавшагося в остров Уналашку на три мили. Глубина по всему проливу и посредине залива пятьдесят сажен. Отсюда далее к морю пролив становится вполовину уже прежняго, и берега его гораздо утёсистие: глубина двадцать и двадцать пять сажен, на дне песок с ракушками. На половине сего пролива, ближе к правому берегу, находятся подводные камни, а при выходе из него в море виден один, и сверх воды довольно возвышенный. Глубина поблизости сих камней десять сажен. У больших каменьев и утёсов подводная часть покрыта коралловою корою, имеющею цвет изкрасна-белый, испещрённый приставшими разноцветными раковинами и морскими животнорастениями, представляющими вид прекрасной картины.

Ввечеру весьма уже поздно возвратился я назад. Между тем, доктор набрал довольно разных трав и укладывал их в тиски. Егери наши застрелили двух куропаток и нашли гнездо сих птиц со свежими яйцами, и чрез то имели мы хороший ужин. Других береговых птиц не видали, кроме белоголовых орлов и маленьких птичек, из коих одне казались нам родом снегирей. Алеуты красными перьями сих птичек украшают камлейки (из китовых или сивучьих кишок сшитыя рубашки, надеваемыя сверх всего платья для защиты от дождя и мокроты).

6 июня продолжали мы плавание своё подле того ж берега Бобровой губы, внутрь оной, и миновали пять заливов, из которых первой находится в одной миле от пролива и называется Амугул, на средине коего есть маленькой островок; второй, Танеска, внутри его есть четыре небольшие островка; третий, отстоящий от втораго на одну с половиною милю, называется Углохмих; четвёртой

Кисселек, а пятый Кикулкален, сии два последние составляют вершину Бобровой губы. Все сии заливы вдались внутрь острова, каждой на пространство от двух до трёх миль, глубина их посредине более пятидесяти сажен, но к вершине и к берегам не так глубоко. В них впадают текущие из гор ручьи свежей и чистой воды. От последняго залива Кикулкален пошли мы возле другаго берега Бобровой губы к ея устью. Ночевали, проехав небольшой водопад, низвергающийся с высокой горы.

7-го, продолжая наше плавание, миновали залив, называемый Унытхален, и от него в двух милях другой, по имени Угадага, внутри котораго остановились обедать. Бывшие с нами алеуты сказали нам, что от сего места через горы очень близко Капитанская гавань, названная так после капитана Левашова, которой зимовал в ней. Господин Мерк согласился со мною посмотреть ея, а чтоб быть там сего же дня засветло, мы оставили свой обед и, не мешкав ни мало, отправились пешком. Около двух миль подымались мы на гору и, взошед на верх, увидели высокой горной хребёт, простирающийся по всему острову Уналашке. Тут же приметна была на *WtZ* и огнедыщущая сопка, лежащая на северной стороне острова. Вообще, все сии горы снизу до половины только покрыты мхом и травою, верхи же их голы и кончатся каменными скалами. В долинах по берегам ручьёв и озёр в некоторых местах растёт невысокий ольховник и тальник кустами. На вершине той горы, где мы были, есть два небольшие озера, имеющия пресную воду, железистая охра составляет дно оных, и мокрыя вокруг их места наполнены таковою же ржавщиною. Отсюда далее продолжали мы путь свой чрез невысокия горы, и в пяти милях спустились вниз под гору к алеутскому селению, называемому Иллюлюк.

Селение сие лежит на берегу восточнаго предместия Капитанской гавани при устьи небольшой речки и состоит из четырёх разной величины юрт или землянок, которыя вид имеют продолговатаго четырёугольника. Основание их вошло несколько в землю, они сделаны из выкидываемаго морем лесу, покрыты травою и осыпаны землёю, вход в них сверху в небольшое отверстие, по бревну, на коем вырублены ступени. Внутри юрты по сторонам ея живут алеуты семьями, одна подле другой, в нарочно зделанных отделениях, где травяныя рогожи посланы вместо постелей. Всякая женщина в своём отделении занимается рукодельем, которое состоит в плетении травяных ковров, мешочков и корзинок. Работу сию делают оне с отменным искусством и чрезвычайно хитро. Траву выбирают для того самую чистую и длинную, которая, буду-

чи высушена, получает палевой цвет. На тонкия изделия траву разрезывают вдоль надвое ногтём, и для сего у каждой такой мастерицы на указательном персте ноготь отрощен и завострён, как ножик. Оным не только траву, но и жилы морских зверей разделяет она на тонкие волокны, из коих сучат одними пальцами без всяких орудий самыя тонкия, ровныя и чистыя нитки, употребляемыя для шитья платья и обуви. Иголки у них костяныя без ушков, и нитки к ним привязываются. Когда ж достанут от русских железную иголку, то всегда обламывают у ней ушки и вместо их, обтачивая тупой конец на камне, делают зарубку, чтоб можно было привязывать нитку.

Собственныя их иголки бывают из костей чаячьих ног, разной величины, толще и тоньше, смотря по шитью. Самыя тонкия употребляют для вышивания узоров, вырабатываемых с таким искусством и хитростию, что ни одна европейская золотошвейка не в состоянии сравниться с ними. Вышивают обыкновенно на коже довольно твёрдой, выделанной из перепонки, бываемой в горле птиц. Вместо ниток служит им козья длинная шерсть, ею пришивают к коже волосы из лошадинаго хвоста, переплетая их белою оленьею шерстью и разных цветов шелками, от чего шитьё их походит на самой мелкой низанной бисер. Подобными узорами вышивают оне праздничныя мужеския парки, шапочки, пояса и зарукавья, употребляемыя только во время пляски.

Парка, или мужеское платье, походит на рубашку, только нет у ворота разрезу, и воротник круглой стоячий, которой делается обыкновенно из оленьей кожи. Парки шьются всегда из кож морских птиц, называемых топорками, украшают их козьею шерстью и привешивают узенькие ремешки, выкроенные из котовой кожи (котами называются здесь морские звери, величиною с малаго тюленя, имеющие серую сребровидную шерсть).

Женское простое или буднишное платье одинакаго покрою с мужеским, только шьётся не из птичьих, но из котовых кож. Воротник бывает обыкновенно стоячий, в ладонь шириною, и унизан весь бисером разными узорами. К передней части воротника пришивают несколько длинных нанизанных бисером и кораллками (бусами, некогда делавшимися из кораллов, позже общее обозначение бус. — *Ред.*) ниток, которые висят по платью. Подол парки и концы рукавов обложены подзором. Нарядное платье такое ж, только на нём больше бисеру, поперёк рядами пришита козья шерсть и обвешено кругом коральками, топорковыми носиками и ремешками.

Мущины, когда выезжают в море, имеют ещё сверх обыкновенаго платья рубашку с капишоном, сшитую из кишок морских зверей, штаны и сапоги носят сделанные из горла сивучей, а голову покрывают деревянною с навесом вперёд шляпою, украшенною коральками и сивучьими усами. Когда алеуты во всём своём наряде сидят в байдарах, тогда вид имеют величественной, но когда стоят, кажутся не проворными и вялыми. Ноги у них от многаго сиденья в коленках не разгибаются прямо, но всегда согнуты немного вперёд. Впрочем, вид их несколько суров, но не противен, рост посредственной, лице приятное, во всех частях довольно благообразное, только скулы немного выдались. Волосы на голове чёрные и жёсткие, на бороде у многих совсем нет, у некоторых же хотя и есть, но очень мало. Я видел у одного только старика седую маленькую бородку.

Мущины лица своего не портят, но женщины, желая украшаться, чрезвычайно себя безобразят, и все одинаким образом. Оне накалывают и натирают углём на щёках от нижней части носа к средине ушей по две дорожки, а от нижней губы к подбородку по одной широкой полосе, которыя, когда заростут, получают синеватой цвёт. В носовой мякоти под хрящом прокалывают оне дыру, в которой носят род длинных серёг, кои состоят из четырёх ниток, нанизанных бисером, кораллами и янтарём. Бисер получают оне от руских, а кораллы и янтарь достают от американцов с мыса Аляксы и почитают как то, так и другое драгоценностию. Под губами прокалывают две дыры и вставляют в них по одной длинной косточке. К ушам вокруг пришивают нитками из жил голубой и белой бисер.

Много есть, однако ж, женщин, которыя из угождения к руским подобными украшениями себя не безобразят. Сюда принадлежат вообще все те, кои происходят от смешения руских с природными жителями. Из сих последних женщин многия имеют лице белое, совершенно европейское, и волосы русые. Я видел некоторых толь приятнаго лица, что и в Европе почли бы их не последними красавицами. Женщины вообще на голове ничего не носят, задние волосы завязывают в пучок повыше затылка, а передние от половины головы зачёсывают на лоб и обрезывают по самыя брови. Впрочем, кроме одной парки, другаго никакаго платья не носят и ходят босиком.

Несколько алеутов, бывших в тот день на промысле в море, возвратились к вечеру и сказали, что они в западное предместие Капитанской гавани прибуксировали убитаго ими небольшаго

кита. Доктор весьма желал его видеть, почему, переночевав в селении, поутру рано поехал его осматривать, а я, между тем, на трёхместной алеутской байдаре отправился описывать Капитанскую гавань. День был самой прекрасной, погода тихая и приятная, и я смело пустился в море на такой маленькой лодке, коей длина была двадцать три, ширина полтора, глубина три четверти фута. Вся она вокруг обтянута сивучьими кожами, оставлены только для трёх человек три отверстия: одно в передней части, другое в задней, а третье на средине. В первых двух сидели алеуты, а я в последнем. Со мною поехали ещё четверо алеутов на одноместных байдарках, одному из них дал я лот, чтоб мерил, когда велю, глубину воды. Компас взял к себе для определения румбов с байдары, а где можно было, выходил я на берег и брал пеленги. Таким образом, в один день довольно исправно описал я всю Капитанскую гавань, или губу. При входе с моря от северной стороны разделяется она гористым островом Амакнаком на два предместия, или пролива, ведущие ко внутренней настоящей Капитанской гавани. Ширина восточнаго предместия на одну милю, глубина на средине при самом входе двадцать две и двадцать три сажени, но естьли немного податься в море к северо-западу, то оная вдруг увеличивается до ста сажен и более. Далее ж внутрь по проливу на юг, как глубина, так и дно переменное. Сначала уменьшается она от двадцати трёх до десяти сажен, на дне мелкой песок; потом на три кабельтова длины глубина девять и десять саженей, на дне крупной камень; засим далее увеличивается она постепенно до двадцати пяти сажен, на дне ил. В миле с четвертью от устья, у острова Амакнака есть залив, называемой Удахта, пространством на полмили, закрытый с моря узкою мелкокаменною косою. Глубина в нём посредине от семнадцати до двадцати саженей, на дне ил. От сего залива далее на две мили против селения Иллюлюк есть хорошее якорное место, имеющее дно иловатое, глубину семь, восемь и девять сажен. Здесь пролив становится гораздо уже и изгибается коленом к западу, вдаваясь в остров Амакнак, служащий закрытием с моря от ветров и волнения. Пред входом в сие место на средине лежат выдавшиеся из воды камни; плыть должно по левую их сторону, разстояния между ими и берегом только шестьдесят сажен, глубина же от пяти до восьми саженей; по правую их сторону к острову глубина четыре и три с половиной сажени. От селения по проливу далее на полторы мили остров Амакнак кончится, и начинается внутренняя Капитанская гавань; ширина ея одна миля, к югу простирается она на три с половиной мили,

глубина посредине пятьдесят сажен, но далее внутрь уменьшается постепенно, на дне ил. При самой вершине низпадает с гор ручей, неподалеку от котораго в правой стороне есть четыре маленькие острова. За ними стояло судно капитана Левашова во время зимования его на сем острове.

На небольшом набережном холме алеуты показывали место, где построены были юрты для команды, но я никаких следов не приметил, а только нашёл упавший деревянный крест, который почти весь сгнил. На оном едва мог я разобрать следующую надпись: «С 1768 на 1769 год зимовал здесь с судном флота капитан-лейтенант Левашов». Настоящий и без опасения вход в Капитанскую гавань против южной оконечности острова Амакнака, по правую его сторону из западнаго предместия, или пролива, шириною до двухсот саженей. Сие предместие вдвое обширнее восточнаго, глубина его посредине столь велика, что лотлинем в пятьдесят саженей не могли достать дна. При входе в него с моря в правой стороне на выдавшемся низменном мысу есть алеутское селение, называемое Пестряково, а в левой подле острова Амакнака лежит маленькой остров, называемый Укнодок, величиною на одну милю. Глубина между сими островами шестнадцать, двенадцать и семь саженей, дно пещаное.

Ввечеру, уже поздно, возвратился я от описи в селение Иллюлюк, где ожидал меня доктор Мерк и много собравшихся алеутов из ближних селений. Я имел повеление осведомиться обстоятельно о худых с островитянами поступках некоторых руских промышленников, бывших здесь за два года прежде нас. Поводом к исследованию сего дела был донос сержанта Буйлова, находившагося при вышеупомянутых промышленниках на сих островах для сбору ясака. Он, живучи с ними, примечал всякаго рода притеснения, деланныя ими островитянам, записывал оныя в свой журнал и по возвращении своём в Охотск представил его начальству, откуда препровождён оный и далее. Наконец генерал-губернатор иркутской, желая узнать справедливость того доноса, предписал капитану Биллингсу исследовать всё, описанное в журнале сержанта Буйлова, на тех самых местах, где оное происходило, а как сие случилось в здешних селениях, то многие алеуты подтвердили мне справедливость оных. Я уверил островитян, что виновные промышленники за таковые грубые с ними поступки претерпят достойное наказание и старался внушить им, что великая наша государыня весьма печётся о благосостоянии их, и что руским наистрожайше запрещено делать им малейшее озлобление.

Коснувшись до обращения промышленников наших с островитянами, почитаю я за должное объявить здесь моё о том мнение, тем паче, что иностранные писатели часто в путешествиях своих весьма различно и неосновательно о сем пишут. Иные хвалят их, другие злословят, а многие с великою нелепостию заключают по оным и обо всех россиянах. (В изданном путешествии капитана Биллингса от секретаря его Соура, глава XVI, там, где упоминается о свидании английскаго капитана Кокса на Алеутских островах с русскими промышленниками и о сделанных им подарках штурману Прибылову, между прочим, сказано: «Ничто в свете не может удивить столько россиянина, как безкорыстная щедрота или какая-либо услуга без всяких видов своей в том пользы. Великодушным называют всякаго человека, кто справедлив и оказывает своим подвластным некоторыя малыя снисхождения. Всё же свыше сего почитается глупостию, и верно за то обманут будет. Они не имеют иных чувств, кроме тех, кои возбуждаются ударами. Приемля сие за главное свойство российских промышленников, легко можно представить удивление, в какое приведён был Прибылов и его товарищи щедростию г. Кокса, и проч.» Иные, прочитав выражение nothing in the world can astonish a Russian, подумают, что господин Соур говорит сие не об одних промышленниках, а вообще о всех россиянах, но таковаго безрассуднаго и нелепаго заключения не можно сделать ни господину Соуру об нас, ни же благоразумному читателю о нём. Он разумеет под сим единственно промышленников наших, как из следующих нижесказанных слов его ясно усмотреть можно: «Taking this for the ruling character of the Russian hunters». Надлежит паче думать, что господин Соур хотел описать сим свойство некоторых, токмо известных ему, промышленников, ибо даже и вообще обо всех оных сделать таковое заключение было бы излишне строго. Везде в России и в Англии бедных людей удивляет щедрота, но, без сомнения, в России меньше, нежели во всякой другой стране света. Везде есть люди, которых чувства управляются больше страхом, нежели гласом чести и совести. Мудрено ли находить их между промышленниками, когда нередко находятся они и между философами?)

Дабы иметь истинное о них понятие, надлежит ведать, что российские промышленники, отправляющиеся на купеческих судах в Восточной океян, состоят по большей части из людей, которые или от невоздерженнаго поведения своего, или от приключившихся с ними каких-либо нещастий пришли в разорение и доведены до того, что принуждены удалиться в толь отдалённыя страны и искать

там с великими трудами и опасностию своего пропитания. Превеликая отдалённость Охотска от внутренности России, трудность пути к оному и от онаго морем до Америки на судах, не могущих по скудости в тех краях и недостатку во всёх нужных вещах иметь ни прочнаго построения, ни той исправной оснастки, ни того достаточнаго снабжения, какое мореходному судну потребно, суть причиною с одной стороны малаго числа охотников, а с другой невозможности набирать их по разсмотрению. Таковое сборище разнозванцев не может, следственно, уподобляться благоустроенному обществу торговых людей, привыкших, наподобие военнослужащих, повиноваться поставленному над ними начальству, пекущемуся о соблюдении между ими порядка и благочиния. При таковых обстоятельствах нимало не удивительно, что люди не токмо низкаго и грубаго состояния, но многие из них и пороками себя обезславившие, на отдалённых и никем, кроме самих островитян, не обитаемых островах дерзают иногда впадать в предосудительное безчинство и своеволие.

Над бывшими с сержантом Буйловым промышленниками начальствовал один из них же самих выбранный промышленник, которому никто не повиновался. И так легко могли произойти некоторыя островитянам притеснения, состоявшия, по доносу сего сержанта, по большей части в том, что промышленники принуждали их ловить зверей и отбирали у них оных без всякой за то платы. Ныне торговое общество сие заводится на лучшем основании. Многие морские офицеры, иные отправились уже туда, а другие отправляются для начальствования над посылаемыми в Америку судами, а потому и надлежит ожидать, как в порядке и повиновении лучшаго устройства, так и твёрдаго соблюдения сего необходимо нужнаго правила, что никакое торгующее с отдалёнными народами общество не приобретёт желаемой себе прибыли иначе, как основывая прибыток свой на справедливости, на доверенности сих народов и на взаимной с ними пользе.

Июня 9-го поутру отправились мы из селения Иллюлюк обратно пешком по прежней дороге к оставленной нами в Бобровой губе байдаре, куда и пришли около полудня, а после обеда начали паки плавание наше подле северо-западнаго берега сей губы к ея устью. Пройдя три мили, пришли к заливу, называемому Агамгик, который лежит против самаго пролива Спиркина. Алеуты сказывали, что в последнем году чрез пролив сей приходило английское купеческое судно и стояло на якоре в заливе Агамгик. Сей залив простирается внутрь берега на полторы мили, ширина его

в устьи одна миля, глубина по средине пятьдесят, но далее внутрь уменьшается до пяти сажен, на дне ил и местами песок. Чрез три с половиною мили от вышепомянутаго залива пришли мы к алеутскому селению, называемому Учуюг, которое находится в изгибе берега при устьи текущего из гор ручья. Отсюда далее берег Бобровой губы идёт утёсом каменным, вдоль его есть подводные и наружу выдавшиеся камни; кончится он в трёх милях каменным утёсистым мысом.

10-го числа довершил я опись Бобровой губы и возвратился к судну «Слава России», которое уже было готово к выходу в море и ожидало только попутнаго ветра.

Во всё время стояния нашего на якоре алеуты каждой день привозили нам свежую рыбу — палтусов и треску — в таком достаточном количестве, что все люди нашего судна тем довольствовалися. Егери, посыланные нами на остров Кигалгу, настреляли разных морских птиц и гусей особливаго роду с чёрными головами: доктор называл их канадскими. На отдельном от острова и возвышающемся над водою камне убили они одного сивуча.

Священник наш по желанию и прозбе островитян окрестил здесь девяносто двух человек, но по незнанию алеутскаго языка, не мог их приуготовить, как должно, своими наставлениями к толь важному делу, почему сии новообращённые християне совершили один обряд таинства крещения, не имея должнаго понятия о догматах веры.

Хотя мы и совсем уже были готовы к выходу в море, но противные ветры и временем тишь задержали нас ещё целую неделю.

ГЛАВА II

Плавание от острова Уналашки до острова Кадьяка. Описание виденных на пути Алеутских островов, острова Кадьяка и его жителей.

Июня 17-го капитан Биллингс ездил со мною на другую сторону Бобровой губы в селение Учуюг, где приготовлена была для нас баня живущим там руским промышленником. Бани здесь только в тех селениях находятся, где живут руские. Делают их в землянках, выкладывая одну только каменку.

Здешние алеуты сказывали нам, что чрез гору очень близко подходит тот залив, в котором стоял с судами своими капитан Кук. Мы хотели его осмотреть, но лишь только пошли туда, как увидели, что наше судно снялось с якоря и идёт под парусами,

почему оставили мы своё предприятие и возвратились на судно. Надобно знать, что от начальствующаго экспедициею приказано было капитану Галлу сняться с якоря, как скоро сделается благоприятная погода. Исполняя сие, выступил он в путь при тихом попутном ветре, которой вывел только судно на средину Бобровой губы и вдруг затих. В сие время бросили лот, но на сте двадцати саженях не достали дна. Ввечеру начал дуть опять благополучной ветр, с помощию котораго вышли мы из Бобровой губы в море тем же проливом, каким вошли, и направили путь свой к востоку. Мне очень хотелось снять вид сего входа, но темнота ночная воспрепятствовала мне то сделать; в первой же раз, когда мы увидели сии берега, то есть 3 июня, во весь день были от них близко. (В ближнем разстоянии снимать виды берегов почитаю я не только безполезным, но и вредным: по таковым рисункам нельзя узнать одного и того же места, ежели хоть мало переменишь своё положение. Особливо естьли отъехать далеко в море, то открывшияся из-за ближних дальния горы представят совсем другой вид, и чрез то мореплаватели могут обмануться.)

С острова Уналашки взяли мы с собою двух алеутов и одну алеутку, один из них изрядно говорил по-руски; оба бывали на всех островах, лежащих от Уналашки к востоку до Шумагинских островов, и знали их названия.

С полуночи поднялся густой туман, продолжавшийся до семи часов утра. Тогда несколько прочистилось, и открылся остров Акутан, горевшая на нём сопка и близлежащие небольшие острова. В десять часов видны стали на острове Унимак верхи сопок, подобные сахарным головам. Одна из них огнедышущая, из коей в то время выходил дым, называется Агаедан; она была от нас на *NW* 2°30'. Другая, по имени Хагынан, на *NO* 19°00'; верх сей горы казался обвалившимся. Третья называется Кугидах-Ягуча и была на *NW* 13°30'. В полдень находились мы по наблюдению под 53°52' широты и под 194°41' долготы. Вскоре после полудни все острова скрылись от нас во мрачности. Продолжая плавание наше прямо к острову Саннаху, в полночь оказалось дно иловатое и глубина шестьдесят саженей, но чем далее шли, тем глубина становилась меньше, дно было не одинаково, местами каменья с ракушками и местами песок. Поутру в пять часов увидели мы в тумане прямо перед судном выдавшияся из-под воды камни и для того поворотили прочь от них. Вскоре потом туман несколько прочистился, и открылся позади камней на юго-восток остров Саннах в семи милях, а в левой стороне остров Икатун, лежащий против

Исаноцкаго пролива, и часть Унимака. Глубина была тридцать пять сажен, на дне серой песок. Тогда, поворотя судно, пошли мы опять к острову Саннаху. Проходили мимо его по северную сторону в разстоянии на две мили. В северо-западной стороне сего острова есть гора, имеющая вид трёх холмов. Впрочем, берег всего острова невысокой. Длина острова до двенадцати миль. С западной стороны идут от него в море на шесть миль подводные и наружу выдавшиеся камни, на коих, по сказанию бывших при нас алеутов, водится много бобров. На восточной стороне Саннаха, не в дальнем от него разстоянии, есть три маленькие низменные острова.

В полдень находились мы в широте 54°22', долготе 197°52'. Глубина оказалась сорок сажен, на дне мелкой камень с песком и с ракушками; остров Саннах был тогда от нас на *ZW* в четырнадцати с половиной милях. Отсюда стали мы держать на северовосток, прямо к Шумагинским островам. На пути сем миновали в левой стороне множество островов, из коих восемь более прочих и называются: первой от Саннаха к *NNO* в двенадцати милях, Нанимак; от него к *ZO* лежит несколько маленьких безымянных островков, показывающихся из воды холмами. Второй, Анимак, он же называется и Оленьим по причине находящихся на нём диких оленей; лежит от перваго на север в шести милях. От него к востоку и юго-востоку есть много маленьких островков, подобных тем, кои находятся у Нанимака. Третий остров, Лялюских, лежит от Оленьяго к северо-востоку в четырнадцати милях. Четвёртой, Агаянаксях, от третьяго к северу в трёх милях. Пятой от четвёртаго к северо-западу в трёх милях. Шестой от четвёртаго к востоку в двух милях, называется Куегдах. От него к *OZO* в трёх милях лежит седьмой остров Китаготах. Восьмой от шестаго к северо-востоку в двух милях называется Унатхох. Между сими двумя последними в проливе есть высокой, наружу вышедший острой камень. Примечания достойно, что против острова Унатхоха на аляксинском берегу видна высокая огнедышущая гора, у которой в 1786 году при возгорении с чрезвычайным громом взорвало верхнюю часть и обрушило.

21-го подошли к Шумагинским островам, названным так от коммандора Беринга по имени погребённаго на одном из них матроза Шумагина. Всех их щитается тринадцать; два побольше прочих; один называется Унга, другой Нагай, а меньших имена Кагай, Саюлюктусих, Нюняк, Тах-Кинях и Кюнюю-Тананы, прочие безымянные. Все они гористые, лежат один близ другаго. В полдень

широта по наблюдению была 55°02', долгота 199°27'. Остров Кагай был тогда от нас прямо на север в трёх милях.

После полудни увидели мы едущих к нам на маленьких байдарах алеутов с Шумагинских островов. Хотя судно наше шло тогда по четыре мили в час, но островитяне нас догнали. С ними приехал в трёхместной байдаре один руской промышленник, которой сказал, что он с купеческаго судна, стоящаго в Исаноцком проливе, послан на Шумагинские острова с восьмьюдесятью человеками алеутов за промыслом бобров. Мы пролежали в дрейфе три часа, пока между тем капитан Биллингс изготовил и отправил с сим промышленником повеление к начальнику их судна.

22-го в полдень широта по наблюдению была 55°09', склонение компаса найдено чрез азимут 20°00', восточное. С полудни ветр почти затих. По морю видно было много разных птиц, а особливо великими стадами сидели глупыши, из коих несколько мы застрелили. Они довольно жирны, только мясо их не очень вкусно. Кругом судна ходили киты, оставляя позади себя род жиру, которой плавал на поверхности воды и, кажется, служил пищею чайкам и глупышам. Сивучи и морские коты выныривали иногда очень близко возле нашего судна.

24-го полуденная широта была 55°41', долгота 201°40'. После полудня сделался ветр от *ZZO*. Чрез час увидели на *NO* 40°00' довольной величины утёсистой камень, окружённый другими подводными и наружу вышедшими камнями, на коих водится много сивучей.

25-го подошли к Евдокьевским островам, коих считается семь. Имена первых трёх: Алексиной, Семидин и Агеях; последние четыре не имеют названия и меньше прочих. Все они гористые, лежат один близ другаго и окружены подводными и наружными камнями. В полдень, когда находились в самом проливе между островами, сделалось совершенное безветрие. Широта по наблюдению была 56°10', долгота 202°51', глубина сорок саженей, на дне хрящ белой.

После полудни приехали к нам на судно в трёхместных и двухместных байдарах американцы и с ними один руской промышленник, которой сказывал, что послан он с острова Кадьяка из селения купца Шелихова с тремястами человек островитян для промыслу сивучей и птиц по островам.

Из приехавших к нам на судно кадьякских островитян один сорокалетний, весьма безобразной, мущина одет был в женское платье, лице у него вышито, а в носу повышены серьги из бисеру. Промышленник сказывал, что человек сей заступает место жены

у одного молодаго островитянина и исправляет все работы, приличныя женскому полу.

По причине стоявшей тишины судно наше неслось одним течением весьма тихо вдоль пролива. Г. Биллингс и доктор успели в сие время съездить на острова и настрелять несколько морских птиц, которых там находится множество, потому что нет жителей, да и с других островов американцы редко приезжают и, следственно, никто их не пугает.

К вечеру хотя и сделался ветр от юго-востока, но в ожидании оставшихся на острове двух наших егерей пролежали следующую ночь до утра в дрейфе. Тогда они возвратились. Причиною их медления было то, что, занявшись стрельбою, запоздали они и принуждены были дожидаться утра. Поставив паруса, стали мы держать к острову Кадьяку. В полдень широта по наблюдению была 56°20', долгота 203°20'. Чрез час после полудни увидели мы на *ZO* 56°00' низменной остров, называемой Укамок, в расстоянии от нас на двадцать шесть миль.

27-го подошли близко к острову Кадьяку. В полдень западная его оконечность была от нас *NW* 4°30' в двадцати трёх милях, а юго-западная *NO* 50°30' в пятнадцати милях; широта тогда по наблюдению найдена 56°55', долгота 204°35'.

Хотя благоприятствовавший нам ветр к вечеру совсем утих, однако возставшим северным маловетрием подвигались мы к островам Тугидоку и Ситхиноку, лежащим у юго-западной оконечности Кадьяка. Ночь всю плавали вокруг нас киты и безпрестанно производили сильные по воде удары, подобные пушечным выстрелам.

28-го поутру приезжали к нам островитяне на двухместных байдарках. Они безбоязненно входили на судно, осматривали оное со вниманием, к продаже нам ничего не предлагали и скоро возвращались в свои селения. С наставшим попутным ветром шли мы к юго-западному мысу острова Кадьяка. Глубина уменьшилась до шестнадцати сажен, на дне песок и местами мелкой камень.

В полдень, миновав низменной остров Тугидок, находились мы в проливе между юго-западным мысом Кадьяка и островом Ситхиноком. Близь Кадьяка вдоль его берега лежат четыре небольшие островки, один за другим, первой из них более протчих и называется Анаяхталих. Выходя из пролива, миновали мы и последний из оных, имеющий вид высокой горы, называемой Насикак. Обойдя его по южную сторону, поворотили мы на *NNW* между островом Кадьяком и островом Сяхлидоком к гавани Трёх Святителей. При входе с моря ширина сего пролива четыре с половиной мили, глубины

по средине не могли достать, но далее внутрь оказалась оная семьдесят пять и семьдесят саженей, на дне ил. По утру на разсвете подошли мы к гавани Трёх Святителей; тогда из оной приехал к нам на судно управитель находящагося там российскаго селения, заведённаго купцом Шелиховым.

В сие время сделалась тишина, почему спустили мы гребные суда и пошли буксиром. Пред полуднем задул свежий ветр от стороны гавани. Мы воспользовались оным и несколькими поворотами подошли к самому берегу. Тогда убрали паруса и бичевой ввели судно в гавань Трёх Святителей, называемую островитянами Маникаксяк. Она лежит в проливе по левую сторону острова Кадьяка, при входе в нарочитой залив, называемой Ляхик. Сия гавань составляет род небольшой заводи, окружённой и закрытой с моря выдавшимся от горы низменным мысом, которой, заворачиваясь дугою внутрь залива Ляхик, подходит оконечностию своею опять к той же горе, оставляя узкой вход в гавань шириною шестьдесят, глубиною от пяти до восьми сажен; вся гавань в окружности полторы версты, глубина по средине оной двенадцать сажен, на дне ил.

Ввечеру по положении якоря съехали мы на берег и осматривали селение купца Шелихова, которое построено по берегу в южной стороне гавани. Оно состоит из нескольких землянок, одного амбара и двух изб, построенных из еловаго лесу, которой привозили за неимением здесь с восточной стороны острова Кадьяка на галиотах. В сем селении живут руские промышленники под управлением морехода грека Деларова. В одной землянке видели мы аманатов, детей, взятых от островитян в залог верности. Содержат их довольно хорошо и без строгости, позволяют во всякое время не токмо иметь свидание с родственниками, но и отпускают их на время в свои домы. Отцы обязаны их кормить и привозить для них всё нужное.

Остров Кадьяк (Шелихов наименовал его Кыхтаком, но как сие имя на языке кадьякских островитян есть общее всякому большому острову, то я за лучшее почёл следовать собственному его и давно известному всем наименованию Кадьяка) тридцать лет как известен уже россиянам. В 1763 году был у онаго и зимовал передовщик Глотов на купеческом складственной компании судне. В 1765 году зимовало другое купеческое судно, на коем был передовщик Брагин. В 1770 году заходил на него штурман Очередин. В Первую Камчатскую экспедицию командор Беринг видел сей остров при возвратном его пути из Америки и северо-

восточной его мыс назвал мысом Иермогена. Капитан Кук тот же мыс наименовал Гревиль, а острова Тугидок и Ситхинок Троицкими островами.

30-го свезли мы на берег водяныя бочки к ручью, текущему с горы против самаго нашего судна. Бочки надобно было все перополоскать, ибо бывшая в них вода попортилась и имела отвратительной гнилой запах. На другом, супротив нас лежащем берегу поставили мы астрономическую палатку и поблизости оной походную церковь.

Островитяне приезжали к нам ежедневно во множестве и с великим любопытством осматривали судно наше. Более всего дивились величине и отличности его от купеческих галиотов. Для продажи ничего нам не предлагали, как видно, по боязни от руских промышленников, которые, кроме себя, другим продавать запрещают.

Жители острова Кадьяка, хотя живут в соседстве с алеутами, но совсем отменны от сего народа: гораздо их великорослее, лице имеют шире и площе, говорят совсем другим языком. Одежда их состоит в одной птичьей парке, сшитой просто, без всякаго украшения, и маленькой круглой плоской шляпе, сплетаемой из кореньев. Волосы подрезывают в кружок и намазывают их жиром, а некоторые насыпают ещё красным порошком и сверху налепливают белым птичьим пухом. У одного видели мы в носовой под хрящем мякоти продетую костяную спицу длиною в пять дюймов; у другаго на место оной вложены некоторыя коренья. Во время весёлостей и игрищ каждой у себя лице намазывает красками, выводя по своему произволению разные чёрные, красные и белые узоры и полосы. Байдарки, или коженые лодки, здесь вдвое шире алеутских, гораздо короче и по большей части двухместные, однако есть и одноместные. Вёслы к ним употребляют однолопастные, короткие, наподобие лопаток. Жилищ их я не видал, для того что поблизости нет их селений. Капитан Биллингс и доктор Мерк ездили на остров Сяхлидок, видели оные и сказывали что много походят на алеутские. Число всех жителей на острове Кадьяк и на около его лежащих островах Афогнаке, Сяхлидаке, Шуёхе, Тугидоке и Ситхиноке, по уверению Деларова, простирается до трёх тысяч человек.

3 июля поутру рано отправился я для описи залива Ляхик. Он начинается от гавани Трёх Святителей, где ширина его одна миля, простирается внутрь острова Кадьяка на три с половиной мили по румбу $NtW^1/_2W$, потом заворачивается на ZW и в двух милях кончится. В вершине залива берег разделяется мысом на

два небольшие пещаные изгиба, в кои впадают из гор две речки с чистою пресною водою. Залив Ляхик, начиная от устья своего до повороту, глубину имеет пятьдесят пять, шестьдесят и пятьдесят сажен, а от повороту далее внутрь сорок пять, сорок и тридцать сажен, на дне ил. К самой вершине глубина уменьшается до семи саженей, на дне песок с мелким камнем. Берега залива везде гористыя и местами утёсисты, лесу никакого нет, кроме что по речкам и разлогам гор есть кустарниками ольховник. От описи возвратился я к судну ввечеру уже поздно.

К 6-му числу июля изготовились мы совсем к походу: исправили всё нужное, налили пресною водою бочки, сняли астрономическую палатку и походную церковь. Во время стояния нашего здесь на якоре сыскана по наблюдению широта места гавани Маникаксяк 57°12'. Долгота от Гренвича чрез расстояние Луны от Солнца найдена капитаном Биллингсом 200°47'. Склонение компаса чрез азимут вычислено 26° восточное. Высота прилива примечена от трёх до четырёх футов, прикладной час 11 часов и 45 минут.

Управитель Деларов дал нам двух американцов в толмачи, один был уроженец острова Кадьяк, другой с берегов Америки, лежащих немного южнее мыса Св. Ильи. Оба говорили изрядно по-руски. Деларов, узнав, что мы намерены идти в Кенайскую губу, выпросил у капитана Биллингса позволение доехать на нашем судне до сей губы, где имел он под своим владением артель руских промышленников, которые известили его, что пришло гишпанское трёхмачтовое военное судно и стало на якоре у мыса Св. Елисаветы.

ГЛАВА III

Плавание от острова Кадьяка к губе Шугачской. Приключения во время стояния на якоре в сей губе.

6-го числа июля после полудни вывели мы судно из гавани, поставили паруса и пошли в море. Ввечеру при выходе из пролива миновали юго-восточной мыс острова Сяхлидока, от коего есть отделившийся в одной версте наружной камень.

7-го шли на север вдоль острова Кадьяка. Берега его везде гористы и безлесны, местами видны большие заливы, в коих, по уверению Деларова, много есть хороших якорных мест. В полдень широта по наблюдению была 57°25' долгота 207°15', острова Кадьяка северо-восточной мыс отстоял тогда от нас на *NW* 37° в разстоянии пятнадцати миль. На английской карте назван он мыс Гревиль и положен южнее тринадцатью милями. Командор Беринг, иду-

чи обратно от мыса Св. Илии, назвал его мысом Св. Иермогена, а руские промышленники имянуют его Еловым по причине растущаго на нём сего лесу.

8-го в полдень широта по наблюдению была 58°10', долгота 207°45'. Тогда маленькой островок, называемой Еврашичей, лежащий от острова Афогнака в двух милях, был от нас на *NW* 55°00' в десяти милях. Капитан Кук назвал его островом Св. Иермогена и положил южнее пятнадцати милями. Надобно думать, что когда он был здесь, то туман не позволил ему учинить наблюдения, и потому вышла у него таковая ошибка в широте. Ввечеру увидели мы в устьи Кенайской губы, или Куковой реке, лежащие маленькие острова, называемые Шуиох, и вдали виден стал мыс Св. Елисаветы. Наступившая ночь и противной ветр не позволили нам приближиться к оным, потом при продолжительных туманах и безветрии течением моря отнесло нас далеко к востоку.

12-го туман прочистился и открылся к северу в пяти милях от нас американской гористой берег. Скоро после сего увидели мы двух американцов в одноместных байдарках, едущих к нам. Они, не доходя до нашего судна, остановились, разспростёрли руки и повторяли сии слова: «Ляли, ляли!» Мы чрез толмача призывали их на судно, но они не скоро на сие решились, и по многом уже от толмачей наших уверений в безопасности осмелились пристать к судну и с немалым страхом взошли на оное.

От сих американцов узнали мы, что видимая перед нами губа называется Нука, и что по восточную сторону её казавшийся мыс есть остров, отделённой от матерой земли узким проливом. Они сказывали, что в сей губе есть побочные пещаные заливы, в коих могут безопасно стоять суда на якоре, и в одном из оных находится их селение, куда нас усердно приглашали. Капитан Биллингс приказал поворотить судно и держать внутрь губы, тогда мы находились близь вышеупомянутаго острова и пошли подле его, оставя по левую сторону наружной камень, лежащий от острова в двух милях. Когда стали мы входить в самое устье губы, тогда капитан Биллингс, не разсудив идти далее, поворотил судно назад, и мы пошли опять в море. Между тем, американцы от нас уехали.

Губа Нука имеет ширину в устьи семь с половиной, а в длину простирается до девяти миль. Берега её гористы, покрыты лесом. Внутри губы в одном разлоге между гор лежит столь толстой снег или лёд, что поверх его видны местами одне токмо вершины деревьев.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ФЛОТА КАПИТАНА САРЫЧЕВА

ПО

Сѣверовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, въ продолженіе осьми лѣтъ, при Географической и Астрономической морской Экспедиціи, бывшей подъ начальствомъ флота Капитана

Биллингса.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано съ Указнаго дозволенія въ типографіи Шнора.

Титульный лист и одна из страниц второй части

миляхъ; другой же за онымъ ZO 64°, 00′, въ 12 миляхъ; первой величиною въ окружности до двухъ, второй около 13 миль; оба гористы. Сей послѣдній, называемый Чугинокъ, долженъ быть одинъ изъ четырехъ видѣнныхъ нами въ 1790 году; прочіе же острова закрыты были отъ насъ шумаиомъ. 1792 г. Май.

23. Поутру по прочищеніи нѣсколько шумана увидѣли мы на Юговостокъ землю; бывшіе у насъ Алеуты почитали оную сѣверовосточнымъ мысомъ острова Атхи; но послѣ, когда воздухъ отъ шумана совсѣмъ очистился, узнали, что видимая нами земля есть островъ Сегуамъ; въ тожъ время открылся и островъ Амля. Въ полдень найдена по наблюденію широта 52°, 27′; долгота 187°, 09′. Сигуамъ былъ тогда отъ насъ на OZO въ 8 миляхъ, а восточной мысъ острова Атхи на ZW 10°, 00′, въ 27 миляхъ. Когда я по широтѣ и по симъ пеленгамъ опредѣлилъ мѣсто нашего судна, на картѣ сочиненной мною во время плаванія моего въ 1720 году, тогда въ счисленіи нашемъ оказалось разности въ долготѣ только 25 минутъ. 23.

24. Въ полдень по наблюденію найдены: широта 52°, 37′; долгота 187°, 08′; склоненіе компаса 14°, 44′, восточное. Въ прошедшую ночь примѣчено, что теченіемъ моря снесло насъ на NTO, 10 миль. Предъ полуднемъ вѣтръ задулъ отъ сѣверозапада, а къ вечеру усилившись перешелъ къ Западу и нагналъ густой туманъ. 24.

книги Г. А. Сарычева «Путешествие флота капитана...»

Поутру сделалась совершенная тишь на море. Деларов, видя, что мы не можем попасть в Кенайскую губу, отправился от нас на своей трёхместной байдарке и поехал подле берега к мысу Св. Елисаветы. В полдень широта была 59°17', долгота 209°26'. Губа Нука отстояла тогда от нас на *NNW* в девяти милях.

До 16-го числа при маловетриях и тишине течением носило нас вдоль американскаго берега взад и вперёд. Тогда подул ветр от юго-востока, и мы направили плавание наше к Шугачской губе, названной англичанами проливом Принца Вильгельма. Между тем, ветр отходил к юго-западу и наконец сделался западной.

17-го в полдень подошли мы к острову Цукли, названному капитаном Куком Монтугю, южная его оконечность была тогда от нас в $2^{3}/_{4}$ мили; широта места нашего по наблюдению найдена 59°46', долгота 212°23'. Миновав немного вышепомянутую оконечность, поворотили мы к северу и пошли по восточную сторону острова Цукли. Сей остров горист и местами покрыт лесом. Против средины его, в двух милях к востоку, есть пять камней, или маленьких островков, лежащих один близь другаго. Подходя к оным, остановило нас совершенное безветрие. Глубина оказалась сорок пять сажен, на дне камень с ракушками.

18-го в полдень широта была 59°50', долгота 213°17'. Вышепомянутые камни отстояли тогда от нас на пять миль. После полудни при возставшем от юго-востока ветре пошли мы к северу подле острова Цукли.

19-го в полдень широта по наблюдению найдена 60°02', долгота 214°09', тогда северо-западная оконечность острова Цукли была от нас на *NW* 16°00' в десяти с половиной милях. Наружные камни, лежащие перед входом в Шугачскую губу, находились от нас *NO* 56°00' в трёх с половиной милях; на сих камнях водятся сивучи.

После полудни приехали к нам на маленьких байдарках двое американцов и, не доходя несколько до нашего судна, остановились, разпростёрли руки и кричали: «Ляли, ляли!» Хотя по долгом чрез толмача уговаривании, наконец, и пристали они к судну, однако ж не взошли на оное. Мы дали им несколько стеклянных пронизок, после чего они скоро от нас уехали и обещали опять к нам быть со своими товарищами.

Ввечеру вошли мы в устье залива, называемаго Нучек, лежащаго при входе в Шугачскую губу на правой стороне против северной оконечности острова Цукли. Якорь положили за первым мысом на глубине семь саженей на пещаном дне в трёх кабельтовых от берегу, против текущаго из разлогу гор ручья, из коего

с удобностию могли наливать бочки водою. Весь берег и горы покрыты березником, ольховником и отменнаго рода деревьями, с виду похожими на ель.

20-го поутру рано приехали к нам американцы, взошли на судно и с нами познакомилися. Следующие дни приезжали они в большем числе и предлагали нам в промен из стараго распоротаго платья бобровые лоскутья, стрелы и домашнюю свою деревянную посуду; от нас охотнее всего брали стеклянные мелкие голубаго цвету пронизки. При промене часто употребляли они слова «амико» и «пленти» («амико» на гишпанском языке значить «друг», а «пленти» на англинском «много») и сказывали толмачу нашему, что выучились оным от приходящих к ним судов; почему мы и заключили, что виделись они с гишпанцами и англичанами.

Здешние американцы росту средняго, лицем смуглы, волосы на голове имеют чёрные, жёсткие и прямые, много походят на алеутов. Платье их состоит в одной птичьей парке, на голове носят такия же кореневыя маленькия шляпы, как и жители на острове Кадьяк. У некоторых американцов разрезана нижняя губа под самым ртом, в параллель его на полтора дюйма, и в сию дыру вкладывают из зелёной яшмы сделанные дощечки в три четверти дюйма шириною и в два с тремя четвертями дюйма длиною. Байдарки здешних жителей одноместныя и двуместныя, точно такия же, каковыя мы видели у кадьякских островитян. Жилищ их мы не видали, ибо селений поблизости нет, и те американцы, которые к нам приезжали, сказывали, что живут далеко.

21-го капитан Биллингс объявил нам, что в высочайшем ея императорскаго величества имянном указе предписано по прибытии с вверенными ему судами к мысу Св. Илии всемилостивейше пожаловать его капитаном перваго ранга, а как по данным ему из Адмиралтейств-Коллегии картам достиг он до сего мыса, то и принял на себя оной чин.

22-го получил я от капитана Биллингса письменное повеление ехать внутрь Шугачской губы для осмотрения берегов, у коих стоим на якоре, и для разведания, матерая ли то земля или остров.

Один американец согласился сопутствовать мне на своей байдарке и сказывать имена островам и речкам. Я его обласкал, подарил бисеру и кораллов, позвал к себе в каюту и подчивал чаем, которой по сладости очень ему понравился. Выпивши чай, спрятал он чайную чашку под своё платье и хотел уйти; когда же я обратно оную потребовал, объясняя, что она мне самому нужна, тогда, отдавая её назад, сказал, что он полагал её уже своею и думал, что

она отдана была ему с чаем вовсе. Замечания достойно, что здешние жители чрезвычайно склонны к воровству. Редкой день проходил, в которой бы они чего-нибудь у нас или у служителей не украли, а иногда вырывали из рук и поспешно удалялись, что делали они по большой части на берегу со служителями. Один американец, разговаривая дружески с егерем, вдруг схватил с головы его каску, побежал к своей лодке и хотел уехать, но его поймали и взяли обратно каску, а другой у нашего портнаго вырвал из рук ножницы и убежал с ними. Впрочем, матрозы с сими дикими обходились всегда дружески и никогда не ссорились, только один раз вышло небольшое неудовольствие, которое мы скоро прекратили. Во время ужина матрозы в одной артеле пригласили американца с собою есть грешневой каши, которой он, взявши лошкой в рот, пожевал немного, и, как видно, она ему не понравилась, то он выплюнул её в ту же чашку, из которой ели служители. За таковое невежество матрозы так разсердились, что хотели его бить, но мы, услыша шум, поспешили на помощь и избавили сего беднаго от побой. Он не понимал, за что на него сердились, и спрашивал объяснения, когда же ему сказали, что ето гадко и никто после его плеванья каши есть не станет, тогда он с неудовольственным видом отвечал, что рот имеет не поганый, и что земляки его всегда с удовольствием жованое после него едали.

23-го отправился я на барказе в предписанной мне путь. Со мной послан для собирания по натуральной истории шихтмейстер Гауз. Служителей всех было шестнадцать человек да один толмач, которой взят был нами с острова Кадьяка. Сначала перешли мы устье залива Нучек, которое шириною две мили. На средине онаго есть три наружные высокие камня. От залива Нучек берег простирается одиннадцать миль прямо на север, потом заворачивается на восток; мы шли близь его. Сначала на четыре мили был он утёсист и горист, но далее пошёл низменной, обросшей лесом. Здесь догнали нас на четырёх байдарках шесть человек американцов и сопутствовали нам до самаго вечера. Когда я остановился для ночлегу, они советовали мне пройти ещё немного далее, к устью одной речки, уверяя, что в оной довольно рыбы, но, видя, что я совету их не слушаю, оставили нас и поехали далее. Мы, расположившись ночевать в небольшом заливе, сварили на берегу себе только пищу и, поужинав, убрались все на барказ, отвели его от берега и поставили на дрек. Для безопасности же от нечаяннаго нападения диких всю ночь стояли часовые.

Поутру на другой день поехал я далее и скоро миновал ту речку, в которую вчера ввечеру американцы нас приглашали. Поблизости оной видели мы постановленной крест с латинскими литерами, какия обыкновенно бывают на католицких крестах. Проехав шестнадцать миль, поворотили мы направо в залив, которой шириною был до двух миль, и шли внутрь онаго две мили на *ZZO*, потом на *NO*. Оба берега сначала были низменныя, но далее стали возвышаться невысокими горами. В полдень повстречались нам на восьми двухместных байдарках американцы, между коими находилось несколько нам знакомых, приезжавших на судно. Оне были в море за промыслами бобров и сказывали, что почитаемой нами залив, по которому мы шли, есть пролив при выходе в море столь мелкой, что они на своих маленьких байдарках едва могут проезжать в полную воду. По левую сторону берег называли они небольшим островом, отделённым от матерой земли таким же мелким проливом. К сему острову пристали мы для приуготовления себе обеда, чему последовали и американцы. Они вытащили свои байдарки на берег, принесли мне недавно убитую бобровую самку с двумя её детьми и ягод земляники, я дал им за оное бисеру и кораль ков.

Между тем, изготовили для меня обед, тогда некоторые американцы подошли ко мне и с любопытством разсматривали моё кушанье. Я просил их с собою обедать, на что они с видом удовольствия согласились и так проворно принялись есть, что я, с удивлением смотря на них, должен был остаться без обеда. После сего и они взаимно потчивали меня варёным бобровым мясом. Я, отведав, нашёл оное непротивным и, будучи побуждаем голодом, велел зажарить для себя часть молодаго бобра. Мясо его, когда ещё было горячо, казалось мне довольно приятно, и вкусом походило много на поросячье, но когда простыло, тогда отзывалось несколько запахом морских растений.

После обеда, оставив приятелей наших американцов, пошли мы далее по проливу и по причине нашедшаго густаго тумана держались близь леваго берега. Чрез два часа туман прочистился и открылся в правой стороне берег, а впереди море. Я поворотил поперёк пролива для промеру онаго; глубина оказалась две с половиной, две и полторы сажени, на дне песок; ширина пролива в сем месте до полуторых миль. Тогда была полная вода, я боялся, чтоб при отливе, идучи далее, не обмелеть с барказом, чего ради в семь часов вечера поворотил назад и пред утром вышел обратно из пролива в губу Шугачскую. Мне очень хотелось осмотреть всю сию

губу, но как провизии было со мною токмо на шесть дней, да при том же и от капитана Биллингса приказано мне было чрез четыре дни непременно возвратиться назад, почему, не смея пуститься далее, и принужден я был идти обратно к судну «Слава России».

25-го последнюю ночь ночевали мы, не доходя до залива Нучек шести с половиною миль, вместе с американцами, которых нашли несколько семей, расположившихся на самом берегу моря, как видно, для промыслу рыбы. Некоторые из них жили в составленных из досок шалашах, другие под тремя опрокинутыми большими кожеными байдарами. Увидев нас, подъезжающих к ним, делали они обыкновенной обряд — простирали руки и кричали: «Ляли, ляли!» Когда я вышел на берег, то один из них подошёл ко мне и, обняв меня, прикладывал свои щёки к моим. Сей человек был приметно выше прочих и имел лице, вымаранное чёрною краскою. Толмач сказал мне, что как он, так и другой, бывшей с ним, есть тоёны, или старшины, в своих семьях. Приметно было, что они сначала нам не доверяли и несколько боялись. Я обласкал их и уверял, что мы обиды им никакой не сделаем, а хотим быть друзьями. Тогда они, указывая на Солнце, свидетельствовались оным, что худого намерения против нас не имеют: «Вы к нам ласковы, — говорили они, — и лучше поступаете, нежели прежде бывшие здесь на судах, так за что мы с вами будем ссорится?».

Я хотел знать, какой нации здесь были суда, но они различить их не умели, а сказывали, что ныне каждой год приходят двухмачтовыя и трёхмачтовыя, и в сем году были два судна, которыя пошли к Кенайской губе. Мне пришло на мысль спросить их о коммандоре Беринге, не помнят ли его судна, которое самое первое должны они были видеть у сих берегов. Мне хотелось знать, в котором месте сей мореплаватель стоял на якоре, ибо я сумневался, чтоб Цукли был тот остров, которой назван мысом Св. Ильи, как назначено на данных нам из Адмиралтейств-Коллегии картах. Один из американцов сказал мне, что он слышал от своего отца о сем судне, и что оно приходило не к Цукли, но к острову, называемому Каяк, которой от здешняго места лежит к востоку, на полтора дня езды, где американцы в летнее время обыкновенно промышляют бобров. Люди с сего судна сходили на берег и оставили в их шалашах некоторое число ножей и коральков. Чрез несколько лет приходило другое большое судно, которое разбилось на острове Цукли, и ни один человек из бывших на нём не спасся.

Ввечеру тоёны принесли ко мне две доски длиною около четырёх, шириною около двух фут, а толщиною в полдюйма и просили

принять в знак дружбы. Я, напротив, подарил им по зеркалу, по ножу и по нескольку бисеру, что они с великим удовольствием взяли и предостерегали нас, чтоб мы прибирали далее свои вещи и береглись от некоторых из их товарищей, которые могут нас обокрасть. На завтрее же поутру узнали мы, что они говорили справедливо: ибо при всей нашей осторожности один американец украл у штурманскаго ученика парку, почти из-под него, так искусно, что тот, хотя и не спал, но не слыхал. Вор переоделся в другое платье, вымарал голову и лицо в красной краске и пришёл опять к нам с прочими своими товарищами, которые, видно, знали о его воровстве, ибо, когда я сказал тоёну о нашей пропаже, то оная того ж часу отыскана была, и тот же самой, которой украл, принёс её, отдал с усмешкою ученику и советовал ему вперёд лучше беречь свои вещи.

Матрозы сказали мне, что в лесу за озером виден дым. Я спрашивал о причине онаго у американцов и узнал, что там живут их товарищи. Полагая, что в сем месте находится зимнее их жилище, хотелось мне посмотреть онаго, и для того просил я их проводить меня до него. Они охотно на сие согласились и повезли меня на своих маленьких байдарках. Я взял с собою только шихтмейстера Гауза и толмача. Чрез небольшую речку выехали мы на озеро, которое в окружности будет вёрст пять, оно не очень глубоко и дно обросло травою. Пристали мы к берегу на другой стороне озера близь устья небольшой речки, где нашли на месте зимняго селения две вытащенныя на берег и опрокинутыя байдары и один из досок сделанной шалаш, в коем было несколько женщин с малыми ребятами. Они расположились здесь для промыслу рыбы, ибо в устье речки шло очень много рыбы-горбуши. Сия речка так мелка, что рыба, идучи вверх по ней, имеет спинные перья сверх воды. Мы видели, что собака очень удобно и скоро хватала рыбу в воде зубами и вытаскивала на берег.

Женщины имели на себе бобровые старые парки, волосы у них были завязаны на теме, вверх хохлом. Лица их не обезображены, так как у алеуток. Одарив их всех бисером, коральками и иголками, поехал я обратно к своему барказу.

В полдень, простяся с тоёнами, поблагодаря их за ласку и уверя в нашей к ним дружбе, отправился я к судну «Слава России», куда и прибыл ввечеру. Во время нашего пути опасался я всегда нечаяннаго нападения от американцов, и для того, когда приставал к берегу, не позволял всем людям выходить из барказу и далеко отлучаться. К ночи же приказывал всем собираться на оной и отводил его

нарочно далее от берега, становя на дрек; сверх сего один человек был на карауле. Таковая предосторожность в то время многим бывшим со мною казалась не нужною, но после узнали все, что оная была не лишняя и, может быть, спасла нашу жизнь.

С совершенною доверенностию на диких полагаться никогда не должно, ибо они, не обуздывая желаний своих никакими нравственными разсуждениями, следуют одним своим побуждениям и готовы всегда для маловажной причины отнять жизнь у человека. Мы едва не испытали над собою бедственнаго тому примера. Бывшей с нами толмач насказал диким, что я имею много бисеру и коральков. Сие самое возбудило в них непреодолимое желание завладеть таковым сокровищем, но как нельзя им было его украсть, то решились они всех нас перебить при первом удобном случае. В совет к себе приняли они нашего толмача, обещевая ему свободу и пособие доехать в его отчизну, притом запретили с великими угрозами сказывать о том мне. Он действительно исполнил их приказание, и тогда не объявил мне ничего о сем умысле, а признался уже после, спустя несколько времени.

Исполнение заговора против нас положили они сделать в первую ночь нашего пути, и для сего-то советовали мне, когда я остановился ночевать, проехать ещё далее, к одной речке, в которой, сказывали, что много рыбы. Они тут надеялись иметь удобной случай перерезать всех нас, так как они учинили то некогда с неосторожными гишпанцами, ловившими, как они сами сказывали, без всякаго оружия рыбу и положившимися совершенно на их верность. Другой раз намерение сих диких было сделать на нас нападение в то время, когда мы остановились с ними в проливе обедать.

Американцов было тогда на осми двухместных байдарках с лишком двадцать человек: в каждой байдарке по двое сидело в местах, а третий лежал внутри. Сначала обошлись они с нами ласково и дружески, но напоследок возобновили заговор свой против нас. Они ожидали, чтоб люди все сошли с барказа на берег, и тогда намерены были увести его, уповая, что, оставшись на берегу, должны мы будем сами отдаться им в руки. Но как они в чаянии своём обманулись, то явно начали уже делать матрозам многия грубости. Я приказал своим, чтоб сколько можно старалися избегать ссоры и обходились бы с ними дружески, а между тем, чтоб привесть их в некоторой страх, велел егерю выстрелить из заряженнаго дробью ружья по летающим над нами чайкам, из коих одну удалось ему убить.

Выстрел сначала устрашил их, потом с удивлением и любопытством разсматривали они чайку и спрашивали, где стрелка, которою она убита. Тогда я велел толмачу объяснить им действие наших ружей и для большаго их уверения приказал из заряженнаго пулей другаго ружья выстрелить в колоду, сквозь которую пуля прошла насквозь. Оное их так удивило, что остались они надолго изумлёнными. Между тем, мы собрались на барказ, отвалили от берега и от них уехали.

Сии американцы все были люди молодые, между ими не было ни пожилых, ни стариков, и, надобно думать, что заговор сей сделали против нас самые предприимчивые из них и дерзкие, по которым не должно заключать, что таковы и все здешние жители. Те американцы, с которыми мы ночевали последнюю ночь, обходились с нами откровенно и дружески, ничего против нас не умышляли, хотя и имели более случаев напасть на нас, нежели первые, а особливо, когда я, отлучась от барказа, самдруг только находился и без оружия между многими. Таковую доверенность имел я к ним потому, что видел между ими почтенных стариков и обстоятельных пожилых людей.

27-го прибыл я на судно. Оно тогда не совсем было ещё готово к походу: запасали дрова и наливали бочки пресною водою. Против самаго судна на берегу вырубали в лесу запасныя стеньги, реи, лиссель-шпирты и несколько брёвен из американской ели, которая хотя с виду и походит на нашу ель, но крепостию и вязкостию превосходит и самую лиственъ; хвоя на ней мягкая, как на лиственн. Судя по величине деревьев, можно из сего лесу строить небольшия суда. Американцы свежей рыбы совсем к нам не привозили, а мы сами иногда ловили неводом горбушу и другую мелкую рыбу.

ГЛАВА IV

Плавание из Шугачской губы к востоку до острова Каяк и от онаго обратной путь к Камчатке. Прибытие в Петропавловскую гавань и зимовка в ней.

Июля 30-го снялись мы с якоря и пошли в море. В полдень были на средине пролива между заливом Нучек и островом Цукли. Тогда широта места по наблюдению найдена 60°16'49'', долгота 213°02'.

До 3-го числа шли на восток в параллель берега, которой казался пещаной, низменной, и за оным горы несколько в отдалении.

Поутру увидели впереди три острова, один из них именуется Каяк. Капитан Кук называет его Кее; оный горист, покрыт лесом

и от прочих близь его лежащих островов выдался в море; положение имеет от северо-востока к юго-западу, и на сем его конце есть отменно приметная гора, оканчивающаяся к морю высоким каменным утёсом, столь белым, что лежащий под ним снег издали различить почти нельзя. Сия гора с восточной и западной стороны кажется плоскою, а с южной острою. От неё в море есть отделённый кекур, или каменный высокий столб, наподобие пирамиды (таковые возвышенные над водою камни называются в Сибири кекурами, и когда они находятся близь берега или утёсов, тогда имянуются отпрядышами). На матером берегу вдали видна была между хребтами отменно высокая, покрытая вечным снегом гора, которую капитан Кук назвал горою Св. Ильи. Здесь также полагать должно и мыс тот, который от коммандора Беринга назван мысом Св. Ильи, ибо остров Каяк с кекуром, или отпрядышем, высокая гора или сопка, местоположение и сходность широты в журнале коммандора Беринга удостоверяют, что первое судно, о котором в Шугачской губе сказывали американцы, что отцы их видели оное у сего острова, есть точно то самое, на котором был коммандор Беринг. Да и в журнале у лейтенанта Вакселя написано, что 19 июля видели они мыс Св. Ильи на *ZWtW*$^{1}/_{2}$*W* и близ его отпрядыш на *ZWtW*, а за два дни пред сим высокая сопка была от них на *NtW*; по сим пеленгам из всех здешних берегов не может быть нигде сходнее сего места: на *ZWtW* нельзя видеть никакого мыса, кроме сего острова и острова Цукли, не имеющаго никакого отпрядыша, да и сей последний не столь мал, чтоб, как сказано в журнале г. Беринга, мастер Хитров мог в один день объехать его кругом и возвратиться назад. К тому ж, между островом Цукли и другим берегом глубина не пять и шесть сажен, но более ста.

31-го широта счислимая 59°49', долгота 214°58'. Южный мыс острова Каяка был тогда от нас *NO* 70°00' в двенадцати милях.

1 августа находились мы по наблюдению в широте 59°21', долготе 215°6'. Ввечеру при захождении солнца чрез амплитуд сыскано склонение компаса 26°00' восточное. От перваго числа августа некоторых морских провизий у нас на судне оставалось впредь ненадолго, да и получить их нигде мы не могли, кроме Петропавловской гавани, до которой на переход в разсуждении дальняго от нас разстояния не менее двух месяцов полагать было должно. Чего ради капитан Биллингс по совету всех офицеров предприял обратный путь к Камчатке. Мы надеялись, что по требованию капитана Биллингса привезена сего лета из Охотска в Петропавловскую гавань на транспорте морская провизия, только крайне

сожалели, что не приказано было доставить её к нам на остров Кадьяк или в Шугачскую губу, тогда бы не имели мы надобности идти зимовать в Камчатку, а с пользою могли бы употребить сие время на осмотрение американских берегов, лежащих далее к югу, и, препроводя зиму в тёплых странах, в марте месяце возвратиться опять к северу, на место того, что в Камчатке без всякаго дела должны жить семь месяцов праздно.

Капитан Биллингс располагал, не заходя никуды, идти прямо к Петропавловской гавани, почему и приказал иметь крайнюю бережливость в воде. Из провизии более всего недоставало у нас сухарей, и для того стали производить служителям половинную только дачу оных.

4 августа в полдень широта по наблюдению была 57°02', долгота 215°9'. Чрез амплитуд сыскано склонение компаса 24°50' восточное.

16-го были мы в широте 53°41', долготе 199°54', склонение компаса найдено 20°, восточное.

29-го считали мы себя близь острова Уналашки, почему капитан Биллингс спрашивал совету у офицеров, заходить ли на сей остров для получения пресной воды или продолжать путь прямо к Камчатке, на что все согласно положили в разсуждении сближающейся осени и недостатка провизии не терять время и поспешать к Петропавловской гавани, соблюдая всевозможную бережливость в воде. Находившихся у нас с острова Уналашки алеутов должны мы были по условию, на котором их взяли, доставить в их селения при обратном нашем пути от Америки. Они ласкались сею надеждою и были веселы до тех пор, как увидели, что направили мы путь к Камчатке; тогда чрезвычайно запечалились, и отчаяние их простиралось до такой степени, что один из них зарезал себя ножом по горлу. Штаб-лекарь, осмотря рану, нашёл, что она не смертельна и можно было её зашить, однако при всём старании, которое прилагали к его выздоровлению, он по прибытии в Камчатку скоро умер.

30-го после полудни в мрачности показалась на $NW^1/_2W$ земля двумя холмами, которая скоро закрылась опять от нас туманом. После чего в два дни переменили мы разность долготы к западу на полтора градуса и 1-го числа сентября, будучи в той же широте, увидели опять ту землю на NO 63°00'. Морские птицы показались в большем числе против прежняго, между коими были и урилы, которые, по общему замечанию всех здешних плавателей, есть знаком близости земли. В сие время по наблюдению были мы в широте 53°00', в долготе по счислению 190°02', но после узнали,

когда случай позволил наблюдением чрез разстояние Луны от Солнца поверить долготу, что мы тогда находились восточнее на семь градусов. Судя по оному и широте места, не могли мы видеть никакого берега из числа известных нам островов, и так полагать надобно, что показавшаяся нам земля есть какой-нибудь новой остров.

Я думаю, что по южную и северную сторону известной гряды Алеутских островов находятся ещё многие не открытые никем острова. К сему мнению подают повод морские звери, как-то бобры и коты, которые в июне месяце проходят с южной стороны мимо Алеутских островов к северу и после в октябре месяце возвращаются к югу, из чего заключить должно, что лето препровождают они на неизвестных островах, лежащих севернее гряды, а зиму на тех островах, которые южнее. Первые должны быть не далее 60°00' широты к северу, а последние не южнее 45°, ибо между сими только широтами бобры и коты водятся.

Сентября 4-го числа после полудни нашедшим сильным шквалом сломило у нас топ у фок-мачты и фор-стеньгу, которые на другой день исправили.

Противные ветры, продолжавшиеся с отбытия нашего от Америки, удерживали нас безпрестанно, и мы всегда должны были идти в бейдевинд на те галсы, которые почитали выгоднее, почему в пятьдесят два дни перешли немного более половины всего пути. Судя по оставшемуся разстоянию до Петропавловской гавани, должны были соблюдать большую ещё бережливость в воде, которой к 21-му числу сентября оставалось двадцать бочек. Все на судне, без изъятия, как офицеры, так и служители, с сего числа получать оной стали по одной только кружке в день, а чтоб не имели сильнаго побуждения к жажде, перестали давать солёное мясо, на место котораго приказали варить горох.

24-го поутру открылись на $N^1/_2W$ высокия горы острова Танаги, покрытыя снегом, и на N высокая сопка острова Горелаго, в пятидесяти милях. На другой день поутру увидели мы небольшой и не очень высокой остров, называемый Аматыгнак. В полдень был он от нас NW 19°00' в девятнадцати милях. Широта по наблюдению найдена тогда 50°48', долгота 169°36', склонение компаса 11°19' восточное.

Октября 5-го числа по наблюдению чрез разстояние Луны от Солнца сыскана долгота 167°10', из чего увидели мы, что счисление наше впереди по долготе 11°16'. Таковая погрешность во время плавания от Шугачской губы произошла, как думать надобно,

от неизвестных течений моря и противных ветров, которые по большой части были от запада, склоняясь иногда к юго-западу и северо-западу; редко переменялися на юг и юго-восток. Восточный ветр был один раз 2-го октября и дул двои сутки, северных и северо-восточных совсем не было. Приметили мы, что при северо-западных, западных и юго-западных ветрах погоды стояли, хотя облачные, но не пасмурные. Напротив того, юго-восточной, южной и восточной ветры всегда приносили с собою дождь или туман.

К 6-му числу октября пресной воды оставалось у нас семь с половиною бочек, а до Петропавловской гавани должно ещё было перейти триста пятьдесят миль, почему убавили мы дачу воды и стали производить по восемь только чарок в день на человека, как на варение пищи, так и на питьё. Некоторые недостаток в воде сносили терпеливо, но многие чрезвычайно мучились жаждою и для утоления оной держали во рту свинец. Несказанно радовались, когда шёл дождь, тогда каждый старался собирать его всеми возможными способами. Будучи в таком положении, малейшая перемена ветра производила сильное действие в душах наших. При благополучном все восхищались надеждою скораго прибытия в гавань, разсчитывали ход судна, оставшееся разстояние и время, в которое должны увидеть вожделенный для нас берег. Но возстававший вдруг противный ветр часто разрушал надежду нашу и обращал в ничто все наши расположения. Тогда с видом прискорбия взглядывали мы друг на друга с молчанием и удалялись в свои каюты.

Чрез четыре дни при переменных ветрах и туманной погоде едва приблизились мы к камчатским берегам, и 10-го числа к несказанному всех удовольствию увидели Шипунской мыс и высокую Вилючинскую сопку, однако в Авачинскую губу не могли попасть прежде 13-го числа вечера, а в гавань вошли после полуночи. Судно ошвартовили у берегу в том же месте, где стояло оно и прошедшую зиму.

Нельзя описать той радости, каковую чувствовали мы, достигнув до пристанища и окончив благополучно плавание наше. Вода у нас вся почти вышла, и ежели б противные ветры продержали нас ещё сутки с двои в море, тогда бы мы были в самом бедственном положении. Удивительно, что употребляя толь малое количество воды, и то протухлой, все мы были здоровы и не чувствовали от того худых следствий. Когда привезли к нам с берегу свежую воду, все бросились утолять свою жажду, и тогда казалось, что мы во всю нашу жизнь не пивали никогда вкуснее сего напитку.

Чрез два дни все служители перебрались на берег и поместились в прежних построенных нами юртах. Судно разоружили, провизию и припасы свезли в магазейны. Здесь, в гавани, ожидал нас присланный из Охотска галиот с провизиею, на нём также привезены оставшиеся в Охотске служители с разбитаго судна «Добраго намерения».

До исходу октября погоды стояли хорошия, и тогда выпал снег и пошли морозы. Для сбережения провиантов и по тесноте в юртах отправлено в Большерецкой острог тридцать четыре человека служителей.

Капитан Биллингс в прошедшую нашу здесь зимовку предпринял для сопутствования судну «Слава России» построить вновь катер на реке Камчатке и для сего отправил тогда ж в город Нижнекамчатск тиммермана и плотников. Капитан Галл по старшинству должен был командовать новопостроенным судном, почему 16 декабря и отправился он из гавани для надзирания за строением онаго. За ним вслед посылали на собаках нужные к строению материалы и такелаж. Провожая капитана Галла, все ему завидовали, что едет заниматься должностию, напротив того, мы должны жить всю зиму в совершенной праздности и скуке, и притом в таком пустом месте, как Петропавловская гавань. Четыре месяца оставалось ещё ожидать нам, когда должны будем приниматься за работу, и можно будет приступить к вооружению судна. Между тем, чтоб сократить как-нибудь скучное сие время, капитан Биллингс, капитан Беринг и я согласились ехать на несколько дней в Большерецкой острог, куда и отправились мы в исходе декабря. Господин Беринг и я, пробыв там две недели, возвратились в Петропавловскую гавань, а капитан Биллингс остался в Большерецке. При обратном нашем пути, когда проезжали мы между гор, лежащих на средине полуострова Камчатки, встретили нас жестокие морозы, но в то же время во ста верстах далее на приморских местах Петропавловской гавани были оттепели и шёл дождь.

Капитан Беринг с частию команды, назначенной на вновь строющейся катер, отправился в Нижнекамчатск.

С половины генваря и в феврале месяце были столь сильные морозы, что часть Авачинской губы от Петропавловской гавани до Раковой губы покрылась довольно толстым льдом, так что мы без всякой опасности ездили по нём в санках на собаках.

В начале апреля месяца стали килевать судно как для осмотрения у него подводной части, так и для очищения оной от морских растений, ибо по всему дну его выросла морская капуста на пять

фут длиною, и между оной к доскам пристало множество гнездами мушелей и других ракушек.

Весь апрель приуготовляли судно к походу.

Здешние жители сказывали нам, что близ Шипунскаго мыса есть хороший залив, почему для осмотрения онаго отправился я мая 1-го на деревянной большой байдаре. От устья Авачинской губы пошли мы при попутном ветре под парусами на *NO*$^{1}/_{2}$*O* прямо к высокому утёсистому каменному мысу, называемому Налачева гора. Берег, к оному простирающейся небольшею излучиною от устья Авачи, начинается каменным утёсом, потом продолжается до самой горы низменной и пещаной. Шесть миль не доходя до мысу впадает в море речка, называемая Налачева. От мыса или Налачевой горы берег опять идёт низменной и пещаной. Ввечеру остановились мы ночевать у острова, лежащаго в одной миле от берегу против устья небольшой речки, называемой Островная. Налачев мыс был тогда от нас *ZWt*Z$^{3}/_{4}$*W* в пяти милях. Вышеупомянутой остров горист и утёсист, величиною в одну милю.

Мая 2-го поутру пошли мы прямо к устью Бичевинскаго залива, которой от помянутаго острова лежит на *WtN*$^{3}/_{4}$*W* в шести милях. Чрез два часа при безветрии пришли мы на гребле к устью сего залива. Берег от онаго по обе стороны продолжается высокими горами, к Шипунскому мысу на *OZO*, а к Налачевой горе на *NW*, до речки, называемой Вахильская, в которую прежде сего входили для зимовки купеческие галиоты, и для того на устье ея был маяк. Бичевинской залив при входе широту имеет одну милю, простирается внутрь берега между высокими горами на *NOtN* до двух миль. Далее есть ещё внутренняя губа, или озеро, имеющее в окружности четыре мили; входить в оное можно небольшим проливом шириною в пятьдесят, глубиною от трёх до четырёх сажен. Далее внутрь к средине озера глубина увеличивается до пятнадцати сажен, на дне ил, напротив того, в первом заливе пред входом в озеро глубины нет более четырёх фут. Следовательно, в сию превосходную гавань не могут входить никакия суда, кроме мелких гребных, и то только когда нет с моря волнения. Переночевав здесь, поутру пошли мы обратно к Авачинской губе. В полдень у Налачевой горы чрез наблюдение найдена широта 53°04'.

5-го возвратился я в Петропавловскую гавань. Судно наше в сие время было уже вооружено, и провизия вся погружена в него, но бывший ещё в гаване лёд препятствовал вывести оное на рейд.

7-го числа офицеры и служители перебрались на судно и стали на якорь пред устьем Петропавловской гавани.

ГЛАВА V

Плавание из Авачинской губы к Берингову острову и от онаго по северную сторону Алеутских островов до острова Танаги. Случившееся во время стояния на якоре у сего острова. Отбытие и плавание мимо Андреяновских островов к острову Уналашке. Прибытие в Капитанскую гавань.

16 мая снялись мы с якоря и пошли из Авачинской губы, но едва успели поравняться против маяка, как сделался противной ветр, чего ради должны мы были возвратиться назад и простоять на якоре до 19-го числа. Тогда при возставшем попутном ветре от *WZW* вышли в море и в полдень были от маяка на *NO* 64°00' в семи с половиною милях. Широта тогда по наблюдению найдена 52°49'. Мы полагали, что вновь строющееся на реке Камчатке судно под начальством капитана Галла должно быть готово к выходу в море в исходе сего месяца, почему предприяли путь прямо к устью сей реки, чтоб, соединившись с сим судном, продолжать вместе сего лета плавание. Капитану Галлу дано было о сем знать, и ежели он прежде нашего прибытия выйдет в море, тогда велено ему ожидать нас у северной оконечности Берингова острова до 29 мая.

21-го в полдень широта по наблюдению была 53°00', долгота 161°39'; тогда Шипунскаго мыса к юго-востоку оконечность была от нас на *NW* 87°00'.

24-го поутру увидели мы Кроноцкой мыс и от него к западу лежащую высокую сопку. В полдень широта по наблюдению найдена 54°13', долгота 162°20', тогда Кроноцкая сопка была от нас *NW* 63°30' в пятидесяти милях; Кроноцкаго мыса к востоку оконечность *NW* 2°30' в двадцати милях.

Противные ветры не допускали нас приближиться к устью реки Камчатки, почему стали мы держать к Берингову острову, в назначенное к соединению с другим судном второе сборное место.

27-го после полудни увидели мы Берингов остров. Ввечеру приближились к юго-западной его стороне, которая продолжается довольно высокими горами, и пошли на *NW*, вдоль сего берега при *WZW* ветре, которой к ночи усилился и едва позволил нам обойти отделившейся от берега высокой камень. В полночь были мы так близко его, что, казалось нам, можно с судна бросить на него камень.

28-го поутру, обошед северной низменной мыс Берингова острова, пошли по северо-восточную его сторону к юго-востоку. В полдень широта места по наблюдению найдена 55°14', долгота 166°22', тогда находились мы от острова в разстоянии трёх с половиною

миль, и восточная его оконечность была от нас *ZOtZ*. В сие время проходили мы весьма близко того места, где коммандор Беринг при возвратном пути из Америки, будучи в бедственном положении, принужден был пристать к острову, где и окончил жизнь свою. Мы очень сожалели, что нам не можно было съехать на берег, посмотреть место, где погребён первый сей по здешним морям плаватель, и отдали долг праху его одним воспоминовением, вздохами о плачевной участи погибших с ним здесь соотчичей наших. Пройдя назначенное к соединению место и не видя другаго судна, капитан Биллингс решился идти далее к Алеутским островам.

К вечеру покрыл нас густой туман. Капитан Биллингс, располагая путь свой по англинской карте, сочинённой во время путешествия капитана Кука, назначил оный гораздо севернее Меднаго острова, но как по российской карте тот же путь вёл нас прямо в средину острова, того ради и предложил я о сем капитану Биллингсу. Однако он столько не доверял российским картам, что едва мог я убедить его переменить предпринятой им путь на два румба к северу, и сим самых избавились мы предстоявшей нам опасности, ибо на другой день поутру в четыре часа, когда туман несколько прочистился, увидели мы, что прошли мимо северной оконечности Меднаго острова в разстоянии не более двухсот сажен, и каменья подводные были видны за кормою судна. Тогда все удостоверились, что на англинской карте сей остров положен гораздо южнее настоящего.

Сказывают, что на Медном острове при убылой воде между каменьями в трещинах находят самородную медь, от чего, думать надобно, он и название своё получил. Обойдя Медной остров, стали мы курс держать к первому обитаемому людьми Алеутскому большому острову Атте.

Июня 4-го поутру увидели мы сквозь туман часть гор на южной стороне острова Атты, покрытых снегом. В полдень были мы от них к югу в пятнадцати милях, тогда же открылся из-под туману впереди остров Агатта, коего берега казались невысокими пологими горами. Величиною он в окружности тридцать четыре мили.

5-го на разсвете в три часа утра открылися вдали верхи гор острова Семича на *NWtW*. После полудни миновали остров Булдырь, который лежит в широте 52°40', в долготе от Гренвича 176°13'; величиною в окружности двенадцать миль; весь он состоит из гор и окружён каменным утёсом. От онаго к юго-западу в полутора милях есть несколько поверх воды высоких каменьев.

6-го подошли мы к Крысьим островам, из коих первый, лежащий к западу, называется Кыска, большой гористой остров, восточная его сторона положее западной и казалась с низменным берегом. Против северо-западной его стороны в трёх милях от него к *NW* стоит высокой каменной столб. Южной части острова мы не видали за туманом. Далее к востоку открылись из-за него четыре небольшие гористыя острова. В полдень первой из них, имянуемый Чегула, был от нас на *ZW* в пяти, другой на *ZOtO* в одиннадцати милях; последние два, лежащие один близ другаго, на *ZZO*$^{1}/_{2}$*O* в восьми милях. Острова же Кыски северной мыс на *ZW* 75°00' в семнадцати милях. В то время по наблюдению находились мы в широте 52°23', долготе 176°59'.

После полудни сделался ветр от юго-востока, которым стало отделять нас от помянутых островов и к вечеру закрыло их туманом.

До 8-го числа лежали мы правым галсом на *ONO*, тогда сделался ветр от сего румба, почему поворотили на другой галс. Ветр отходил понемногу к северу, и мы поднялись на *ONO*. Во всё сие время продолжался густой туман.

9-го числа в полдень один из сопутников наших сказал нам, что видна земля, и указал почти над нами чернеющийся сквозь туман утёс острова Танаги. Мы тотчас поворотили судно на другой галс и бросили лот, но дна не достали. Скоро после сего поднялся туман, и открылась превысокая огнедышущая гора, опускающаяся к нам страшной высоты черным утёсом, в двух только милях от нашего судна. По счислению находились мы в широте 52°06', долготе 180°22'. После полудни ветр совсем почти утих, маловетрием же и течением несло нас к юго-востоку вдоль острова Танаги. Берег его был сначала гористой, но далее к югу пошёл не очень высокой. Находившийся у нас байдарщик, взятой из Охотска, бывавший прежде на сих островах, сказал нам, что немного далее вперёд есть хороший большой залив, в котором часто российских промышленников суда пристают. Я отправился на байдаре для осмотрения онаго и, отъехав от судна четыре мили, поворотил за мыс в залив, котораго глубина при входе посредине оказалась сорок, а далее внутрь двадцать пять сажен; к левому берегу уменьшалась она постепенно и в полумиле от него была семь и восемь сажен, на дне мелкой чёрной песок. На другой стороне залива есть алеутское селение, к которому я по причине наступавшаго вечера не поехал, а поворотил обратно и поспешал, чтоб засветло попасть к судну. При возвратном моём пути я нашёл на мысу летнюю алеутскую юрту и в ней одну старуху, от которой узнал, что все почти алеуты

с сего острова уехали на остров Атху, к стоящему там рускому промышленническому судну, и что здесь осталось из них очень малое число. Когда отъехали мы две мили от залива, тогда густым туманом закрыло от нас судно наше, и мы всю ночь тщетно искали его на том месте, где находилось оно ввечеру; наконец принуждены были пристать к берегу. На другой день поутру, хотя воздух от тумана и очистился, но судна нашего было не видно, чего ради решился я ожидать здесь до вечера, и ежели в сие время оное не подойдёт, то располагался идти искать алеутскаго селения.

Провизии с нами никакой не было, почему голод не допустил бы нас ждать здесь долее и принудил бы прибегнуть к сему последнему средству. Однако, по щастию нашему, около полудня увидели мы судно наше, выходящее из-за мысу с северной стороны, и благополучно к нему приехали. Тогда узнал я от бывших на судне, что прошедшаго вечера переменившееся течение унесло их за остров к северо-востоку, где они всю ночь в тумане лавировали и поутру пошли к прежнему месту.

Капитан Биллингс, услыша от меня, что в заливе есть хорошее якорное место, приказал держать к оному. Ввечеру при маловетрии с помощию буксира вошли мы в залив, которой вдался в остров с западной стороны и простирается в длину на восемь, а в ширину на пять миль. Берега его местами песчаны, местами же оканчиваются невысоким каменным утёсом. Мы положили якорь в северной части залива против устья двух речек, текущих с гор, на глубине восемь сажен, дно чёрной песок, в полумили от пещанаго берега, коего утёсистой мыс и от него выдавшиеся высокие надводные каменья закрывали нас с моря. Немного севернее сего мыса с увалу низпадает ручей пресной воды, к которому гребное судно весьма близко подходит и воду прямо рукавом в бочки наливать может.

Берег в заливе против судна нашего низменной пещаной, но далее в остров возвышается и к северу кончится высокими покрытыми снегом горами, из коих одна огнедышущая. В сие время шёл из неё один только дым. От нас казалась она не очень далеко, почему некоторыя из сопутников наших покушались до неё дойти, но принуждены были за трудностию пути возвратиться назад, набрав несколько горючей серы и лавы. Лесу на острове никакого не растёт, подошвы гор и низменныя места покрыты довольно высокою травою.

На другой день прибытия нашего приехали к нам с южной стороны залива из селения двое алеутов и привезли свежей рыбы. В полдень по наблюдению найдена широта места 51°52'.

12-го с южно-западной стороны острова из селения приехали к нам ещё шесть человек алеутов и также привезли свежей рыбы.

15-го пред полуднем снялись мы с якоря и пошли по северную сторону острова Танаги к востоку.

16-го в полдень широта по наблюдению найдена 52°18', долгота 180°56'. Ввечеру при захождении солнца чрез амплитуд сыскано склонение компаса 16°26' восточное.

17-го в полдень находились мы против пролива, отделяющаго остров Танагу от Канаги; сей последней остров имеет на северной части отменно высокую сопку, в прочем весь низменной. Пред проливом лежит горою небольшой остров, называемый Бобровой, которой был от нас на *ZWtZ* в двенадцати милях. Широта тогда по наблюдению найдена 52°08', долгота 181°37'. Северо-восточной ветр не допустил нас обойти острова Канагу и Адах, почему пошли мы обратно прежним проливом, мимо острова Танаги к югу. От Танаги на запад в семнадцати милях лежит остров, называемый Горелой, величиною в окружность до семнадцати миль, на нём есть отменно высокая и покрытая снегом огнедышущая гора. Ввечеру вышли мы на южную сторону Алеутских островов и миновали в правой стороне три острова, из коих первые два маленькие и низменные, лежат один близ другаго, от юго-западнаго мыса острова Танаги на *ZW* в шестнадцати милях. Третий, южнее оных, именуется Иллак, он выше двух первых и лежит от Танаги на *ZtW* в тринадцати милях. Противные ветры от северо-востока, потом восточные принудили нас лавировать в виду островов Танаги и Канаги.

19-го в полдень широта по наблюдению найдена 51°27', долгота 181°29'. Остров Канага был тогда от нас на *NO*, в девятнадцати милях. Южныя стороны обоих островов, как Танаки, так и Канаги, имеют низменный берег.

20-го ветр отошёл к югу, и мы шли к северо-востоку при густом тумане.

21-го в полдень широта по наблюдению была 51°05', долгота 182°29'. В половине пятого часу после полудни увидели мы в тумане на *NtW* в семнадцати милях остров Адах, который вскоре закрыло опять туманом. Ночь всю пролежали мы в дрейфе, поутру стали держать курс *NOtN*.

В восемь часов открылися из-под туману в левой стороне небольшие острова, лежащие один близь другаго и простирающиеся к острову Атхе. В полдень западной мыс сего последняго острова был от нас *NW* 3°00' в восьми милях. Широта по наблюде-

нию найдена 51°58', долгота 184°41'. После полудни в половине втораго часа находились мы в проливе между Атхой и другим небольшим островом, лежащим от западной оконечности Атхи на *ZW* 80°00' в семи милях. Глубина в сие время оказалась сорок пять сажен, на дне мелкой камень. Чрез сей пролив вышли мы на северную сторону гряды островов и стали держать курс на северовосток, параллельно острову Атхе в разстоянии от него от трёх до четырёх миль. Берега сего острова гористы и безлесны, горы к северу возвышаются и кончатся высокою, покрытою снегом сопкою. Мы видели многие заливы, вдавшиеся в остров, из коих один более прочих, называемый Коровинская гавань, идёт близь сернаго мыса Атхи. При входе в него разделяется он надвое и простирается далеко внутрь острова.

Миновав Атху, стали мы держать прямо к острову Умнаку при юго-восточном ветре, который после отошёл к юго-западу.

24-го в полдень широта счислимая 53°27', долгота 191°28'. В половине втораго часу пополудни открылася из-под туману южно-западная часть острова Умнака на *ZO* в шести милях. Глубина оказалась пятьдесят сажен. Ввечеру миновали мы северовосточной мыс сего острова, тогда открылась нам западная часть острова Уналашки, и в проливе между сими островами увидели мы высокой надводной камень.

В десять часов вечера подошли мы весьма близко к северозападному мысу острова Уналашки, который называется Макушинской, по имени губы и алеутскаго селения, лежащаго за мысом.

25-го поутру, подходя к западному предместию Капитанской гавани, увидели мы впереди судна множество китов, пускающих безпрестанно вверх воду. В полдень вошли мы в восточное предместье Капитанской гавани и стали на якорь против алеутскаго селения Иллюлюк на глубине восемь сажен.

Счисление нашего пути сего лета так было верно, что от Петропавловской гавани до сего места в долготе не вышло никакой погрешности.

Алеуты из разных селениев, узнав о нашем прибытии, приехали к судну и привезли свежей рыбы. Недостаток у них табаку побудил их из дальных селениев и из других островов приезжать к нам для получения онаго. Капитан Биллингс обласкал их и одарил табаком и разными мелочами, а между тем, обещал всем приезжим алеутам дать большее ещё количество всего онаго, ежели они к прибытию нашему обратно на сей остров изготовят для нас сухой рыбы и ягод. Мы уверены были, что по их пристрастию

к табаку и по настоявшей в нём надобности они усердно нашу прозьбу исполнят.

Взятая нами прошлаго года с сего острова женщина обрадовалась, увидясь со своими родными, уехала в своё селение, и как она от капитана Биллингса была изрядно одета и награждена бисером и табаком, то все ея земляки завидовали такому щастью и почитали её богатейшую из всех на острове.

Две недели простояли мы здесь на якоре в ожидании прибытия капитана Галла на новопостроенном в Нижнекамчатске катере, но как в сие время он не пришёл, то и не хотели мы в должайшем ожидании его терять напрасно время, чего ради, оставя нужные для него вещи и провизию в селении Иллюлюк и при них лекаря Алегрети с одним егерем, предприяли продолжать плавание наше к Берингову проливу.

ГЛАВА VI

Плавание от острова Уналашки к северу мимо островов Св. Георгия, Св. Павла и Св. Матфея к острову Св. Лаврентия. Прибытие к сему последнему и опасное положение судна «Славы России». Случаи во время стояния на якоре у сего острова. Плавание от онаго к берегам Северной Америки и свидание с жителями оной. Якорное наше стояние в губе Св. Лаврентия.

8-го числа июля снялись мы с якоря и вышли в море. Намерение капитана Биллингса было осмотреть новооткрытые штурманом Прибыловым два острова, к которым и пошли мы прямо.

9-го в семидесяти милях к северу от Уналашки глубина оказалась восемьдесят восемь сажен, на дне ил. В сие время появились сивучи и морские коты.

11-го, когда по счислению были мы близко вышеупомянутых островов, тогда глубина уменьшилась до сорока пяти сажен, но густой туман препятствовал нам их видеть. Множество птиц ар летало кругом судна нашего, и морские коты показались ещё в большем числе.

12-го в полдень туман прочистился. Тогда увидели мы оба острова: первый из них, называемый остров Святаго Павла, был от нас *NW* 25°00' в восьми милях; вторый, именуемый Святаго Георгия, виден был в час пополудни позади нас на *ZO* 57°00' в двадцати двух милях. Берега сих островов состоят из гор посредственной высоты; Св. Павла северо-восточная сторона кончится низменностию. Против юго-западнаго его мыса в семи милях есть

небольшой и невысокой утёсистой островок. Сего числа полуденная счислимая широта была 56°59', долгота 189°45', глубина пятьдесят две сажени, на дне ил с мелким песком. Когда мы находились от западнаго мыса острова Св. Павла к юго-западу в шести милях, тогда глубина оказалась тридцать пять сажен, на дне камень с ракушками.

Сии острова открыты в 1786 году на купеческом судне штурманом Прибыловым, которой, найдя множество морских зверей и моржовых зубов, остался на них для промысла со своими промышленниками, и в два года убили они 2 320 бобров, 30 000 котов, 480 кошлоков и медведков и 8 000 голубых песцов. Сверх сего найдено по берегам 700 пуд моржовых зубов. Всего, полагая по средним в городе Охотске ценам, на 250 000 рублей.

Миновав Прибыловы острова, направили мы плавание наше к острову Св. Матвея, названнаго англичанами Гор. Глубина увеличилась до пятидесяти пяти сажен и после стала уменьшаться.

14-го поутру увидели мы из-под туману островок на *NO* 50° в одиннадцати милях, верх котораго казался гребнем из острых камней. Англичанами назван он Пеникль, глубина тогда была двадцать восемь сажен, на дне мелкой камень. По прочищении ещё больше тумана открылась западная сторона острова Св. Матфея. При подходе к оному глубина уменьшилась до четырнадцати сажен; тогда пошли мы вдоль западнаго берега его. В полдень широта по наблюдению найдена 60°29', долгота 187°15', тогда маленькой остров Пеникл был от нас *ZO* 40° в десяти с половиной милях; острова Св. Матфея западной мыс *NO* 52°00' в шести милях. В сие время находились мы от западнаго берега его в трёх милях.

Едва миновали мы северо-западную оконечность острова Св. Матфея, как открылся другой остров, лежащий от оной оконечности к *NW* в трёх милях. Мы прошли между сими островами на восточную сторону. Глубина была по средине пролива двенадцать сажен, на дне камень с ракушками.

Капитан Биллингс разсудил побывать на малом острове, и для того остановились мы на якоре на глубине тринадцать сажен, дне пещаном, от острова в 1¾ мили. В три часа пополудни капитан Биллингс, доктор Мерк и я поехали на берег, и лишь только стали подъезжать к острову, как вдруг окружили нас в великом множестве морския птицы, которыя, летая над нами взад и вперёд, производили толь великий шум, что мы не могли слышать речей друг друга. Вышед на берег, разделились мы на разные дороги, чтоб удобнее было нам стрелять; иные пошли внутрь острова, другие

поверху утёсов, а некоторые по самому берегу, и стрельба наша была столь удачна, что привезли на судно довольно много разных морских птиц, большая же из них часть были ары. Егери наши убили двух молодых чёрных лисиц и нашли два зуба моржовых. Во время бытия нашего на сем острову не случилось ничего достопамятнаго, только один стрелок перепугался до чрезвычайности, повстречав большаго белаго медведя, от чего почти без памяти прибежал к шлюбке.

В горах сего острова нашли мы большими глыбами каменья кремнистой породы, чрезвычайно красиваго вида с нежными разных цветов жилками. На восточной стороне острова по берегам находится много наноснаго лесу, напротив того, на западной не видно ни одного выкинутаго дерева, почему заключать должно, что на американском берегу против сего острова впадает в море какая-нибудь большая река, изобильная лесом.

Ввечеру снялись мы с якоря и пошли к северу, густой туман скоро закрыл от нас оба острова. Ночь всю пролежали мы в дрейфе, а по разсвете пошли опять к *N*, глубина была сорок сажен, на дне ил, но, подаваясь далее к северу, оная стала уменьшаться.

16-го ввечеру глубина воды под нами была двадцать семь сажен, на дне мелкой песок. Как по счислению находились мы близко острова Святаго Лаврентия, названнаго англичанами Клярков, то по сей причине и пролежали всю ночь в дрейфе.

17-го поутру, невзирая на разпространявшийся по всему морю густой туман, снялись мы с дрейфу и пошли далее. Глубина весьма скоро стала уменьшаться, и в шесть часов утра с пяти с половиной сажен глубины поворотили мы назад и легли в бейдевинд на $Z^1/_2W$. Скоро после сего туман немного прочистился, и мы увидели на *NW* низменный берег милях в трёх от нас. Тогда капитан Биллингс приказал держать прямо к видимому берегу, а потом вдоль онаго на *WNW*; но как глубина стала уменьшаться и берег закрыло туманом, то привели мы судно опять в бейдевинд на *ZZW*. В половине десятаго часу с уменьшившейся от семи до четырёх сажен глубины поворотили мы на другой галс и легли на *ONO*. Глубина под идущим сим румбом судном нашим прибавлялась и доходила до одиннадцати сажен. В сие время по счислению находились мы в широте 63°23', долготе 189°29'. После полудни глубина стала опять уменьшаться, из чего заключали мы, что находимся в каком-нибудь заливе, из котораго при юго-восточном ветре и бывшем тогда волнении вылавировать не можем, ибо приметили по дрейфу судна, что мы больше теряем, нежели выигрываем.

Почему в три часа пополудни бросили якорь на глубине шести сажен, дно песок.

По отдании четверти каната якорь не задержал, тогда бросили мы другой якорь, на коем и остановились. По глубине, которая была тогда за кормою четыре с половиной сажени, заключали мы, что находимся недалеко от берегу, которой, хотя и закрывало от нас густым туманом, но слышанный шум буруна предуведомлял нас об опасности нашего положения, которое от усиливающагося ветру и увеличивающагося с открытаго моря волнения становилось отчасу худшим. Ночь всю, однако ж, уравнивая канаты двух якорей наших, простояли мы благополучно, но на другой день большая волна, сильно ударившая в нос судна, подорвала у нас один канат. После чего бросили мы ещё два якоря, но на канаты их мало могли надеяться, ибо оные сделаны были из малосмольных каболок, почему от сырых здешних погод совсем почти сгнили.

20-го ветр стал несколько тише, и туман начал прочищаться, тогда открылся за кормой в миле от нас низменный берег. В полдень по наблюдению широта найдена 63°24'. После полудни увидели мы на берегу двух островитян, которые, остановясь против нашего судна, поднимали вверх на шесте парку и, махая ею, казалось, призывали нас на берег. Мы послали к ним на байдаре шхипера Бакова с подарками, но они, не дождавшись его, ушли, шкипер же, не могши за великим буруном пристать к берегу, принужден был возвратиться назад.

Сего числа склонение компаса по азимуту найдено 24°11' восточное.

21-го ветр совсем утих, туман прочистился и прямо против нашего судна открылся низменный, далеко простирающийся к востоку берег, за коим видно было с верху мачты большое озеро, а далее пология, местами снегом покрытыя горы. К западу берег сей опускался увалом и последняя его оконечность отстояла от нас *ZW* 50°00' в четырнадцати милях. К югу от сего мыса показались нам в тумане два небольшие острова: один на *ZWtZ*, другой на *ZtW* (после узнали мы, что сии острова не иное что были, как сгустившийся туман).

Капитан Биллингс, доктор Мерк, шхипер Баков и подпорутчик Бакулин поехали на берег на двух гребных судах. Они с великим трудом могли пристать к берегу, ибо сильным буруном шлюпки их выкинуло на оный и всех их перемочило. Капитан Биллингс с немногими пошёл к западу в надежде найти селение; прочие же остались у гребных судов. Между тем, увидели мы сверху мачт

выезжающую от дальней стороны озера байдару с островитянами, которые гребли к нам, прямо на перешеек, отделяющий море от озера, и, как думать надобно, намерены были перетащить чрез него байдару и приехать к нам на судно. Матрозы, оставленные у гребных судов на берегу, увидя идущую к ним байдару, хотели дать знать о сем капитану Биллингсу, кричали ему вслед и старались его воротить, но как он уже был далеко и не мог слышать их крику, то вздумали они стрелять из ружей, чтоб тем обратить его внимание, но и сим ничего не успели, а только перепугали диких островитян, которые, услышав звук от ружей, поворотили назад и уехали из виду. Таким образом, неосторожность сия лишила нас удовольствия познакомиться с жителями сего острова.

Ввечеру капитан Биллингс со всеми бывшими на берегу возвратился на судно, не найдя никакаго селения. И как в сие время возстал ветр от северо-запада, то мы снялись с якоря и пошли на *ZZO* прочь от острова. Отделившись на десять миль, легли в дрейф во ожидании дня.

22-го поутру пошли к восточной оконечности острова, придерживаясь ближе к берегу, глубина от шестнадцати уменьшалась до десяти сажен, на дне мелкой камень и изредка песок. Берег продолжался низменной, за ним видно было вдали несколько гор, отделённых одна от другой. Впереди судна на *ONO* открылось несколько гористых островов, но когда мы приближились к ним, то увидели, что сии мнимые острова соединены между собою низменным берегом, и что весь сей берег есть продолжение одного острова; не доходя юго-восточной его оконечности в двух местах на низменном берегу есть немалыя селения. (На карте лейтенанта Синда на место сего большаго острова назначено множество островов, почему думать должно, что он видел сей остров в дальном разстоянии и почёл так же, как и мы, разделённыя низменностью горы его за особливые острова.) В полдень вышеупомянутая оконечность была от нас на $N^1/_2W$ в четырёх милях, широта тогда по наблюдению найдена $62^\circ 53'$, долгота $191^\circ 07'$, глубина двадцать одна сажен, на дне мелкой камень. В сие время покрытая водою банка, на коей виден бурун, отстояла от нас *NW* 55°, в двенадцати милях.

После полудни, обошед юго-восточный мыс, пошли мы на *NO* к северо-восточной оконечности острова. Берег между сими мысами вдался внутрь острова несколько излучиной. От перваго мыса в шести с половиною милях близ воды есть селение. Ввечеру миновали последний северо-восточный мыс острова Святаго Лав-

рентия, от него к *ZO* в четырёх с половиною милях лежат три маленькие низкие островка, один близь другаго. На одном из них стоит кекур, наподобие каменной пирамиды, около его построены шалаши и вешалы для сушения рыбы, но людей не видно было никого, почему думать должно, что островитяне приезжают на сей островок времянно, для ловли рыбы или морских зверей. При благополучном ветре от острова держали мы к северо-западу, глубина увеличилась до двадцати пяти сажен, на дне мелкой песок.

Ночью на 24-е число ветр переменился и сделался нам противный от севера и к утру так скрепчал, что принудил нас убрать все паруса, а как мы находились в сие время на ветре, прямо против средины острова Святаго Лаврентия в двадцати милях, то для безопасности отошли к востоку и, миновав сей остров, легли в дрейф под бизанью.

26-го ветр утих. В полдень по наблюдению найдена широта 63°10', долгота 193°25'. Тогда острова Св. Лаврентия северо-восточная оконечность видна была от нас на *NW* 89°30' в тридцати трёх милях, следовательно, находились мы по карте капитана Кука на том самом месте, где у него назначен Андерсонов остров. Но мы ничего не видали, хотя в сие время горизонт довольно был чист. Глубина по лоту оказалась восемнадцать сажен, на дне песок.

27-го чрез разстояние Луны от Солнца по наблюдению найдено, что долгота места нашего восточнее счислимой 56'.

28-го поутру увидели мы американского берега мыс, называемый англичанами Родней. В полдень широта наблюдением определена 64°11', долгота 193°58'. Мыс Родней был тогда от нас *NW* 56°00', в двадцати семи милях; остров Следж *NW* 63°00', в двадцати шести милях. Ввечеру в начале шестаго часу положили мы якорь от американскаго берега в восьми милях, а от островка Следж к *OtN* в одиннадцати милях на глубине четырнадцать сажен, дне иловатом.

Капитан Биллингс, доктор Мерк, шхипер Баков и рисовальной мастер Воронин поехали на берег на двух гребных судах; ввечеру одно из сих судов прислано обратно с известием, что они на берегу нашли жителей, которыми приняты ласково, почему и остались там ночевать.

29-го поутру увидели мы из-за мысу идущую к нам большую байдару с американцами. Они от нас остановились так близко, что могли мы разсмотреть без зрительной трубы, что было на оной девять человек мущин, в носу байдары на шесте повешен надутой пузырь и в корме на другом шесте две красные лисицы. Думать

надобно, что это означало мирное их намерение. Долго они не приближались к нашему судну и стояли на одном месте, поднимая кверху руки. Я приказал тоже делать нашим матрозам, стоящим на шкафуте, показывая, что и мы против их оружия никакаго не имеем. Наконец они осмелились и пристали к судну. Толмачи наши их не разумели, почему и не могли мы с ними объясниться. На байдаре у них было несколько красных лисиц, пыжичьи и еврашичьи парки, деревянныя чашки и сделанные из моржовых зубов разныя мелочи, которое всё меняли они матрозам на коральки, бисер и пуговицы, табаку же совсем не брали. После сего торгу хотели они ехать на берег, но как услышали, что матрозы наши запели рускую песню, то остановились, взошли на судно и слушали её с великим вниманием. После того сами запели посвоему, и двое из них пошли плясать. Пляска их состояла в разном и сильном движении всем телом, а особливо руками и головою, которою, переступая ногами с места на место, поварачивали они весьма проворно во все стороны, и всё сие делали в лад песни и бубна.

Сии американцы росту средняго, лицем смуглы, но некоторые из них есть и белокурые, волосы они вообще все обрезывают, так как якуты, с которыми несколько сходны, только расположением лица подходят ближе к европейцам. Вид имеют весёлой и обещающий более откровенности, нежели те американцы, коих мы видели в Шугачской губе. В ушах у них для украшения нанизан бисер, по обе стороны рта в нижней губе продеты в дырочки, наподобие одинаких запанок, сделанные из алебастру два камушка. Платье их состояло из коротких оленьих парок и штанов из тюленьей кожи, на ногах обуви никакой не имели. Подарил я сим гостям несколько безделиц, которые приняли от меня с великим удовольствием, и поехали на берег, обещаясь опять к нам быть.

Ввечеру возвратился капитан Биллингс, прочие же с имеющимся при них барказом остались на берегу. К ночи нашёл густой туман, которой не прежде, как на другой уже день к вечеру, несколько прочистился. Тогда пришёл барказ, но не было ещё с шестью человеками матроз байдары, вымененной от здешних американцов на бисер. Мы много о сем безпокоились и думали, не случилось ли с ними чего-либо неприятнаго, однако на другой день поутру приехали и они благополучно. Причиною замедления их была темнота ночи, ибо они, едучи к судну, запоздали и, потеряв его из виду, всю ночь проискали тщетно.

Во время стояния здесь на якоре примечено течение моря вдоль берега по большой части от губы Нортон к *WZW* до полумили, а иногда и до полуторых миль в час.

3-го снялись мы с якоря и пошли к острову Следж, по-американски называемому Аяк. В полдень по наблюдению найдена широта 64°34', долгота 193°31'; остров Аяк был от нас *ZW* 67°00' в пяти милях. После полудни ветр совсем затих, почему на глубине десять сажен, дне дресвяном, положили мы якорь, будучи от американскаго берега в двух милях. В сие время приехали к нам с берегу на одной большой и двух маленьких байдарах те же американцы, которые были у нас вчерашняго дня, и с ними много других, которых мы ещё не видали. Они привезли такие же, как и прежде, товары и торговались с матрозами весьма охотно, более ж всех других вещей старались выманивать стеклянные кораллки, которые почитали они дороже всего. Капитан Биллингс за нитку оных купил одноместную байдарку. Продавший её американец, получа нитку кораллков, спрятал их с великою поспешностию, опасаясь, может быть, чтоб мы, приметя ошибку свою в уступке ему толь дорогой вещи за толь малоценную, не раздумали и не отняли бы у него назад кораллков. Сия байдарка величиною и постройкою своею была точно такая же, как и у кадьяцких островитян, с тою токмо разностию, что на место сивучей кожи обтянута моржовою, которую по толстоте ея разпластывают для сего натрое.

Ввечеру, при возставшем северном ветре, снялись мы с якоря и пошли между островом Аяком и мысом Роднеем, на котором в разных местах видно было несколько летних юрт.

Августа 1-го в полдень были мы в широте 64°40', долготе 192°27' и после полудни в четвёртом часу увидели на *NW*³/₄*W* гористой остров, называемой американцами Окибень, англичанами же Кинг. Ввечеру прошли мы по правую его сторону милях в двух от онаго. Величиною он в окружности пять миль. По неприступным вокруг его каменным утёсам и по дикости места казалось, что он необитаем; однако ж после узнали мы от чукоч, что на нём живут несколько семей американцов.

2-го поутру в тумане увидели мы маленькой островок, самой меньшой и южнейший из числа трёх Гвоздевых островов, лежащих в Беринговом проливе. В полдень открылися и прочие два острова: сии были тогда от нас первый *NW* 15°00' в двадцати одной, вторый *NW* 4°00' в двадцати, третий *NO* 14°00' в пятнадцати милях. Первые два гористы, последний же имеет вид небольшаго

холма. Широта в сие время по наблюдению найдена 65°24', долгота 100°29', глубина двадцать восемь сажен, дно песок.

3-го при северном ветре лавировали мы в Беринговом проливе между северо-восточным мысом Азии и северо-западною оконечностью Америки. Оба сии берега гористы и безлесны, горы местами покрыты снегом.

4-го после полудни вылавировали мы так далеко к северу, что могли войти в губу Св. Лаврентия. При самом входе в неё на правой стороне по берегу видели несколько летних чукотских юрт сидячих чукоч, расположенных при устьи небольшой речки, называемой Унягма. Пройдя до четырёх с половиною миль внутрь губы, положили мы якорь на шести саженях глубины, дно песок, близь праваго берега и низменнаго мыса, на коем поставлены четыре шалаша, или чукоцкие летние юрты. Едва успели мы бросить якорь и стали убирать паруса, как увидели едущих к нам с берегу на большой байдаре чукоч, которые, не доходя до нашего судна, остановились, звали нас на берег и показывали сложенную наподобие письма бумагу. Чрез бывшаго у нас козака, знающаго коряцкой язык, звали мы их на судно, но они, или не поняв его, или побоявшись нас, уехали назад.

Капитан Биллингс, доктор Мерк и я первые съехали на берег. Чукчи встретили нас ласково и звали в свои юрты, только просили оставить на шлюпке наши шпаги: «Мы как друзей своих, — говорили они, — встречаем вас без всякаго оружия, то и вы со своей стороны должны то ж самое сделать». Желание их было удовольствовано, и тогда повели они нас в юрты. По входе в оныя отдали нам бывшую у них сложенную бумагу. Она была рапорт к капитану Биллингсу от сотника Кобелева, посланнаго сюда в 1787 году из Нижнеколымскаго острога с толмачом Дауркиным для предварения чукоч о нашем к ним прибытии. Кобелев в своём рапорте доносил, что он с оленными чукчами ожидал здесь и на восточном мысу прибытия наших судов с 26 июня по 26 июля, и как чукчи не хотели долее ждать, то он принужден был с ними отправиться морем на байдарах к острову Кулючину, лежащему на Ледовитом море, где у чукоч оставлены были стада оленей и находилось главное их стойбище. Наконец уведомляет, что там простоят они до 15 августа и тогда отправятся все на оленях внутрь земли.

Сотник Кобелев ничего не написал в своём рапорте о толмаче Дауркине, почему спрашивали мы о нём здешних чукоч, которые сказали, что он живёт у оленнаго чукчи, называемого Имлерата Киренева, кочующего не очень далеко от здешняго места, и обе-

щали в то ж время послать нарочнаго дать ему знать о нашем прибытии.

Капитан Биллингс остался на берегу и приказал мне промерить глубину пролива между низменнаго мыса и выдавшеюся от него наружною пещаною банкою, и ежели найду довольно глубины, тогда судно завести за мыс. Я при промере нашёл, что глубина по средине сего пролива была две с половиною сажени, почему на другой день поутру помощию завозов провели мы без всякой трудности судно своё и поставили его на якоре на глубине двенадцать сажен, дно ил, против летняго чукотскаго селения. Сие селение состоит из четырёх шалашей, сделанных из жердей и китовых костей, и покрытых сверху моржовыми кожами. От сего места губа Св. Лаврентия идёт ещё очень далеко внутрь земли; берега ея гористы и безлесны, на коих местами лежит оледенелой снег. Вершины гор всегда почти покрыты густым туманом.

В полдень широта якорнаго нашего места по наблюдению найдена 65°40'.

ГЛАВА VII

Приезд оленных чукоч с толмачом Дауркиным. Описание сего народа. Предприятие и отправление капитана Биллингса с чукчами чрез их землю к реке Колыме.

Ввечеру приехал к нам на двенадцати больших байдарах толмач Дауркин с оленными чукчами и с ними их тоён Имлерат Киренев, тот самой, которой привёз Дауркина из Инжиги, и у котораго сей жил в ожидании нашего прибытия. Мы обласкали сих гостей, дали им несколько подарков, чрез что скоро снискали их к нам доверенность и дружбу. Они вытащили свои байдары на берег против нашего судна и, опрокинув их, расположились жить под оными. Ни одного дня не проходило, в которой бы они нас не посещали; любопытствуя и разсматривая наше судно, всему удивлялись, а более всего привело их в изумление действие наших пушек, из которых нарочно для показания им сделали мы несколько выстрелов с ядрами в море. Между тем, с великим усердием старались они производить с нами торг, меняя на табак, бисер и корольки лисиц, моржовые зубы, свои орудии и посуду.

Чукчи, как мущины, так и женщины, росту средняго, но отчасти есть некоторые и довольно высокаго; собою статны и здоровы, вид имеют откровенной и не столь суровой, какой бывает по большой части у диких; лицем они очень похожи на тех американцов,

которых мы видали у мыса Роднея. Волосы обрезывают и платье носят такое же, только мущины не украшают лиц, как те, вставленными в губы косточками; напротив того, женщины здешние вышивают на теле разные чёрные узоры, а на лице у всех одинаково накалывают по обеим щекам по два полукруга, соединённые поперек дорожками. Волосы заплетают в две косы, так точно, как руские бабы, только не подвязывают их на голове и не покрывают ничем, а опускают по спине. Платье, как у мущин, так и у женщин почти одинаковое, состоит в оленьих парках и широварах, различие только, что у последних верхния парки короче, а нижние шьются вместе с широварами, которые гораздо шире мужеских. Летом в сухое время на ногах носят из ровдуг (выделанные кожи оленьи) сшитые алачики (род коротких сапогов), а в сырые и дождливые дни надевают длинные торбасы (длинные большие сапоги без каблуков) из выделанной тюленьей кожи. Орудии их состоит в длинных копьях и луках со стрелами.

Чукоч есть два рода, так же, как тунгусов и коряк. Одни оленные, другие сидячие; первые составляют главную часть чукоцкаго народа, ведут кочевную жизнь, переходя безпрестанно с табунами своими с места на место. Напротив того, последних немного. Сия малая часть чукоч состоит из бедных людей, лишившихся какимнибудь случаем оленей своих, главнаго здешних жителей богатства, и потому принужденных, поселясь в непременных селениях близь моря, искать пропитания от онаго. Зимою живут они в земляных юртах, а летом в шалашах. Море доставляет им пищу в изобилии, они заготовляют не только для себя, но и для оленных чукоч рыбу и из морских зверей жир; шьют также кишечные камлеи и летнюю обувь. Напротив того, в замену получают от сих последних на платье и на зимнюю обувь оленьи и другия привозимыя из Инжиги кожи, также табак и другие российские товары.

Сидячие чукчи за неимением оленей держат для зимней езды собак, санки для сего имеют небольшие и низкие, наподобие наших чунок; полозьи под них подделывают из моржовых зубов. Собаки здешние походят на охотских, только величиною меньше тех. Запрягают их в санки по шести рядом, одна подле другой, так близко к санкам, что с оных можно доставать до собак плетью. Ежели надобно поворотить направо или налево, тогда седок с противной стороны бьёт собак и машет плетью, отчего они, уклоняясь, поворачивают в ту сторону, куда надобно.

В летнее время для выезду в море чукчи имеют большия кожаныя байдары, которыя обыкновенно бывают длиною от двад-

цати до двадцати пяти, шириною до четырёх, глубиною два с половиною фут. Члены ея, или основание, отделывают очень тонко из наноснаго с моря лесу и связывают их между собою волокнами из разделённых китовых усов; кругом сей решётки обтягивают моржовою кожею, которую нарочно для сего, смотря по ея толстоте, разспластывают надвое или натрое. Готовая совсем байдара так легка бывает, что два человека без всякаго труда на себе нести её могут. На таковых байдарах ездят чукчи в море, не токмо близь берегов, но часто переезжают на острова и чрез Берингов пролив в Америку, а как они очень валки, то более употребляют вёслы, нежели паруса, и в последнем случае для безопасности, чтоб байдара не опрокинулась, подвязывают под бока ея надутые пузыри. Американские байдары, которые мы видели у мыса Роднея, точно такие же, как и здесь.

Вообще, как оленные, так и сидячие чукчи разделяются на небольшие общества, состоящие из нескольких семей, соединённых родством или дружбой. Особенных властей, или начальников, не имеют, а почитают в каждом таковом обществе одного, которой богатее прочих и имеет большое семейство. Дальнаго повиновения ему не оказывают, он может только преподавать советы и воздерживать от дерзостей или худых поступок одними словами, но никого не имеет власти наказывать. При таковом безначалии удивительно, что сей народ по сие время мог удержать свою вольность и делать многократныя сопротивления немалым посыланным против него отделениях российских войск. Но чего не может произвесть сильное побуждение к защищению своей независимости! Оно заставляло их на сей случай соединяться и придавало им столько храбрости, что из всех разных народов, населяющих северо-восточную часть Азии, они остались одни непобеждёнными.

Коряки были главною причиною, побудившею россиян предпринимать походы против чукоч, ибо сии два народа, имея между собою непримиримую вражду, вели безпрестанно войну. Но как коряки, будучи не в состоянии одни противустоять толь сильному и храброму неприятелю, принуждены были прибегнуть под покровительство россиян, обязавшись платить всегда ясак, тогда уже правительство наше должно было их, как российских подданных, защищать. Почему, имев они случай удовлетворить своему мщению, не упускали при всяком случае пользоваться сим правом, принося безпрестанные жалобы на чукоч, и часто одними клеветами и несправедливыми подозрениями приводили россиян ко принятию оружия против них, иногда казалось, что согласие

и доверенность возстановлялись, но вдруг малейший донос от коряк был опять поводом к разрыву оных. Так что мир и война зависели от благоразумия или неблагоразумия бывших тогда командиров в острогах Анадырском и Инжигинском. Но после, когда уничтожили совсем Анадырской острог и в Инжиге учредили городовое правление, тогда уже прекратились совсем военныя предприятия против чукоч, и стали мы ласкою привлекать их к дружбе. Сие благоразумное средство возымело своё действие. Они теперь ежегодно приходят в Инжигу и в Нижноколымской острог для торгу с россиянами, а между тем многие приносят и ясак. Приезжают они обыкновенно в исходе февраля или в марте. По произведении торгу немедленно отправляются к Ледовитому морю и лето всё препровождают по берегам онаго, промышляя морских зверей и рыбу. Для сего имеют они байдары, на коих ездят морем не токмо подле берегов, но иногда по свойственной им привычке к грабежам переплывают Берингов пролив и вооружённою рукою нападают на селения диких американцов. Ограбя оные и захватя пленных, отъезжают обратно с добычею.

Сколько чукчи храбростию превосходят всех своих соседей, столько же варварством и жестокостию нравов отличаются от них. Они не только истребляют детей своих, родившихся с недостатками или с изувеченными членами, но и сын отца без всякой жалости убивает, ежели он по старости, дряхлости или болезни нимало не может полезен быть семейству. Часто бывает, что и сам больной просит о сем, как о милости, желая умереть геройски, ибо у них естественная смерть почитается безчестною и, как они говорят, прилична одним лишь бабам. В обидах мстительны и жестоки до того, что не уважают ни родства, ни дружбы. Сказывают, был такой пример, что сын убил отца за то только, что он упрекнул его в трусости и непроворстве.

Что касается до их суеверия и обрядов, то они менее всех других диких народов оными занимаются. Однако есть у них отправление некоторых празднеств и особливой обряд при сожигании мёртвых тел покойников. Но как в кратковременное наше здесь пребывание не случалось ничего подобного, то и обстоятельнаго о сем описания сделать не можно, равно ничего нельзя сказать о их вере, ибо мы не приметили ничего такого, что бы хотя мало относилось к богослужению. Видели только у них небольших деревянных и костеных болванчиков, одетых в платье, которых, однако ж, они нимало не почитали и охотно нам за безделицу продавали.

По прозбе капитана Биллингса здешние жители показывали нам свою пляску. Она очень походит на американскую, которую мы видели у мыса Роднея, только здесь больше прыгают и перескакивают с места на место. После пляски мущины сели на землю, женщины одна за другою, составя полукружие, сняли с праваго плеча парки и обнажили с сей стороны вышитые узорами руки, потом запели песню, и, согласно оной, все вдруг правыми руками стали делать движение, как будто брали что с земли и клали в колени, а иногда наклонялись на ту сторону всем корпусом и головою. Впереди сидящая женщина начинала первая, а на неё глядя, и прочие старались делать точно такие же телодвижения.

Главная цель прибытия нашего к сим берегам клонилась более к соделанию ещё покушения в Ледовитом море от Беригнова пролива к западу для обхода кругом Шалацкаго мыса. Мы уже расположились отправиться для сего предприятия, но приятели наши чукчи, которые безпрестанно кочуют около Ледовитаго моря, уверили нас, что нет возможности на судах ходить по сему морю по причине множества льду, и что они сами с нуждою на байдарах ездят подле самаго берега, и то не во всякое время.

Мы тем вероятнее утвердились на их показании, что капитан Кук и потом капитан Клярк тщетно покушались пройти по сему морю между льдом к западу. Таковые причины понудили капитана Биллингса переменить прежний свой план. Он решился сам с малым числом из нашей команды ехать с чукчами берегом кругом Ледовитаго моря и описать Шалацкой нос. На сей конец уговорил чукотскаго тоёна Имлерата Киренева, чтоб он согласился на своих оленях доставить его в Нижнеколымской острог.

13 августа капитан Биллингс здал мне судно и команду, сам же отправился с чукчами на четырнадцати байдарах морем в губу Мечигмен, близь которой находилось стойбище тоёна Имлерата. Он взял с собою доктора Мерка, помощника его Мейна, штурмана Батакова, подлекаря Леймана, толмача Дауркина и трёх человек егерей. Мне оставил предписание: «Не ходя далее к северу, идти к Анадырской губе и, описав оную, продолжать путь к острову Уналашке, где взять оставленную для другаго судна провизию и людей, а как сие воспоследовать может не ранее сентября, то в разсуждении позднаго времени остаться зимовать на Уналашке. На будущей год весною идти прямо к Камчатке и к Петропавловской гавани, ожидать Биллингсова прибытия до половины июня месяца, но ежели тогда он не будет, то предпринять плавание, предписанное ему в XI статье наставления к описанию моря

между Курильскими островами, Японией и матерой землёй Китая. Исполнив оное, оставить судно в Петропавловской гавани и с коммандою возвратиться на транспортном судне в Охотск».

ГЛАВА VIII

Плавание от губы Св. Лаврентия мимо чукоцкой земли и острова Св. Лаврентия к Уналашке. Прибытие в Капитанскую гавань. Судно «Чёрной орел» приходит в сию гавань, где и положено советом, чтоб обоим судам зимовать. Учреждение коммиссии для положения на островитян ясака. Тоён острова Атхи приезжает на байдарах с алеутами Андреяновских остров. Котовой промысел. Умножаются на обоих судах больные цингою.

По отбытии капитана Биллингса я, не находя нужды здесь стоять, на другой же день поутру при совершенном безветрии поднял якорь и стал тянуться завозами между тонким мысом и наружною банкою. Глубина в сем месте была две с половиною сажени. По обходе мыса ветр, сделавшись от запада, позволил нам идти под парусами. Глубина от двух с половиною скоро увеличилась до пяти сажен, на дне песок. Миновав мелкое место, легли мы в дрейф для дожидания барказа, посланнаго поднимать верп.

Сим фарватером, чрез которой мы вытягивались завозом, можно проходить только небольшими судами, при тихом ветре и без волнения, придерживаясь тонкаго мыса; глубина близь онаго две сажени, но ежели случится быть здесь большому судну, то надобно обходить наружную банку по левую ея сторону, где глубина большая.

Во время стояния нашего на якоре прилива и отлива воды не примечено.

Снявшись с дрейфа, пошли мы чрез губу Св. Лаврентия к правой стороне ея устья. Глубина посредине была двадцать пять сажен, на дне ил. Ширина устья губы Св. Лаврентия от северовосточнаго мыса до юго-западнаго одиннадцать миль. По берегу сего последняго мыса, под горою у воды, в четырёх местах видели селения пеших чукоч.

Миновав в двух милях каменной утёс, составляющий южновосточную оконечность мыса при устье губы, поворотили мы вдоль берега и шли восемь и три четверти мили на *W*, потом на *WZW* четыре с половиною мили. Глубина была пятнадцать, тринадцать и десять сажен, на дне везде песок и мелкой камень. Горы стали понижаться и отделяться одна от другой разлогами. Берег к воде

кончится низменностию. Впереди на *NW* 89°00' видна была оконечность низменнаго берега в пяти с половиною милях, и на оном большое чукоцкое селение, откуда начинается губа, именуемая Мечигмен. Далее от оной берег заворачивается к *ZZO* и продолжается горами, которые, понижаясь к воде, кончатся низменностию. В разсуждении переменившагося ветра, возставшаго от *ONO*, также и начинающейся посмурности, которою закрыло впереди берег, переменили мы прежний курс и стали держать на *ZOtZ*$^{1}/_{2}$*O*, чтоб по оному обойти выдавшейся впереди далее прочих к востоку мыс, находившейся тогда по счислению от нас на *ZZO* в тридцати пяти милях. В полночь, миновав сей мыс, остались мы до разсвету в дрейфе, ибо намерение моё было осмотреть берег, лежащий к Чукоцкому носу. Между тем, ветр стал стихать и поутру переменился и сделался *ZW*. Густой туман покрывал весь берег.

15-го в полдень счислимая широта 64°37', долгота 188°11', глубина двенадцать сажен, на дне мелкой камень. После полудни по прочищении несколько туману открылся к юго-западу в семнадцати милях от нас гористой берег и видны были внутрь его вдавшияся две губы, одна называется по-чукоцки Гельягын, другая Течекуюм. В устье первой, по сказанию чукчей (сие известие сообщили нам чукчи во время стоянки нашей на якоре в губе Св. Лаврентия), есть три острова, но мы приметили только один маленькой, другие, может быть, лежат близко берега, почему и различить с оным мы их не могли, к тому ж и туман ещё не совсем прочистился и препятствовал разсмотреть хорошо берег.

При возставшем от севера ветре шли мы к *ZZW* в параллель берега, которой временно закрывался туманом. В семь часов вечера на *NW* 76°00' увидели немалое на берегу чукоцкое селение. В полночь поравнялись против южной оконечности Чукоцкаго носу и легли в дрейф до разсвету, чтоб поутру осмотреть оной и идти подле берега Анадырской губы.

1791 г., август. 16-го зделавшейся крепкой ветр и туман принудили нас лежать в дрейфе. Ввечеру хотя ветр и стал тише, но туман был густой. До 18-го числа ходили мы близь Чукоцкаго носу в надежде, что прочистится туман и откроется берег, но как и тогда сего не случилось, ветр же переменился и сделался *ZZW*. Почему я по совету всех чиновников решился в разсуждении недостатка дров, коих при употреблении с крайнею бережливостию не было более как на неделю, не терять напрасно времени и идти для получения оных к острову Св. Матфея, где видели мы, когда первой раз его проходили, на восточной стороне довольно наноснаго лесу;

в Анадырской же губе не было надежды запастись дровами, ибо, как чукчи уверяли, так и из журналов, бывших в походе с майором Павлутским, видно, что лесу ни стоячаго, ни наноснаго по берегам совсем нет. После консилиуму поворотили мы судно и пошли прямо к острову Святаго Матфея.

19-го числа поутру ветр переменился и стал отходить к югу, после сделался от юго-востока, туман прочистился и открылся на *ONO* Клярков остров, или Св. Лаврентия. По-чукоцки называется он Ейвугьен. Чукчи ездят на оной в байдарах для торгу с островитянами, выменивают у них на разные доставаемые от россиян мелочи байдары и китовые большие усы. В полдень по наблюдению найдена широта 63°23', долгота 186°39'. Южная оконечность острова была от нас *NO* 61°30' в двадцати четырёх милях.

Когда мы первой раз, проходя сей остров, стояли на якоре у онаго, тогда видели в тумане два островка, которые должны быть не что иное, как туман, потому что ныне нарочно подошёл я к тому месту довольно близко, однако и при самой ясной погоде ничего не видал. Из числа найденных здесь лейтенантом Синтом островов, надобно думать, что несколько было сим подобных. Да и капитан Кук, может быть, также ошибся и почёл туман за острова. Назначенных им на карте Андерсонова острова и другаго, лежащаго севернее Кляркова, мы не нашли, хотя и были в ясную погоду на тех самых местах.

После полудни, подходя ближе к острову Св. Лаврентия, открылся его северо-западной мыс, казавшейся прежде небольшим островком, но когда приближились, то увидели, что он соединён низменностию с большим островом. Англичане полагают его тем самым, которой назван от командора Беринга островом Св. Лаврентия. Кажется вероятнее, что господин Беринг видел горы большаго острова, которые гораздо выше и далее видны, нежели оной мыс; следовательно, справедливее назвать должно сей остров Св. Лаврентия, нежели Клярков. Чрез азимут сыскал я здесь склонение компаса 22°46' восточное.

20-го сделался восточной благополучной, и после северо-восточной ветр, которым к полудням на другой день, то есть 21-го, подошли мы близко к острову Св. Матфея, но туман не позволил его видеть. К вечеру ветр стал усиливаться, в полночь сделался самой крепкой, а к утру почти буря, чего ради принуждены мы были лежать под гротом и бизанью в дрейфе.

22-го к вечеру ветр стал утихать, но волнение было великое, сим ветром снесло нас далеко к юго-западу. До 26-го числа ожи-

дал я перемены погоды и думал, что она позволит нам приближиться к острову Св. Матфея, но как туман не прочищался и погоды стояли прежние, в дровах же был у нас недостаток, так что мы чрез день принуждены были варить служителям пищу, того ради по совету всех офицеров положил я поспешать к острову Уналашке, ибо наступающее осеннее время мало подавало нам надежды ожидать лучших погод. Итак, поутру 26-го числа стали мы держать к сему острову.

27-го ввечеру подошли к Прибыловым островам и на другой день миновали южной из оных, называемой Св. Георгия. В девять часов был он от нас на $N^1/_2O$ в двадцать одной миле; после сего до полудни прошли мы на $ZOtO^1/_2O$ пятнадцать с половиной миль; широта по наблюдению найдена тогда 55°57', долгота 191°06'.

29-го поутру увидели остров Уналашку, в полдень широта по наблюдению 54°22', долгота 193°38'; тогда мыс, лежащей от Веселовскаго селения к устью Капитанской гавани, был от нас ZO 80°00' в тридцати шести милях; посему увидели мы, что от губы Св. Лаврентия сделали в долготе погрешности сорок шесть миль к востоку. Ввечеру за островом Амакнаком против восточной его стороны положили якорь. На другой день пошли далее и остановились против селения Иллюлюк на том же месте, где прежде стояли. Здесь узнал я, что другое судно под командою капитана Галла приходило в сию гавань, запаслось водою, взяло провизию и чрез тринадцать дней ушло опять в море.

Приметил я, что от якорнаго нашего места на юго-запад в полумиле к острову Амакнах за маленьким островком спокойнее можно стоять судну, почему перевёл оное за сей островок и с обеих сторон положил швартовы, ибо ширина сего маленькаго пролива была только семьдесят сажен, следовательно, и швартовы могли доставать до обоих берегов пролива.

Первое наше старание было заготовить дров, которых и привозили ежедневно на байдаре и гребных судах, нарочно посылаемых для собирания по берегам выкиднаго лесу.

Сентября 2-го поутру алеуты уведомили меня, что против западнаго предместья Капитанской гавани в море видели они одномачтовое судно, но как об оном не могли объяснить они обстоятельно, то я сам пошёл на верх горы острова Амакнака и с помощию зрительной трубы увидел по вооружению, что сие судно должно быть новопостроенное в Камчатке под командою капитана Галла. Тогда, нимало не медля, поехал я к оному на шлюбке и по прибытии встречен был от всех находившихся на нём с чрезвычайною

радостию. Они сказывали, что всё лето ходили по следам нашим, но нигде не могли нас застать. Причиною тому было, что не успели они изготовиться так рано к походу, как бы надлежало, и потому вышли в море после назначеннаго срока к соединению с судном «Слава России». После полудни за тихостию ветра судно «Чёрной орёл» (капитан Галл так именовал судно, коим он командовал) остановилось на якоре в западном предместии Капитанской гавани близь Натыкинскаго селения, а как ввечеру ветр совсем утих, то гребными судами помощию буксира ввели его в гавань и поставили подле судна «Слава России».

3 сентября был со всеми чиновниками совет о назначении места для зимовки судов. Отдалённость Камчатки и наступающее осеннее время, в которое по большой части дуют сильные и противные западные ветры (что мы сами испытали в прошедшем году при возвратном нашем пути из Америки), было главною причиною, что все согласились остаться зимовать на Уналашке.

Хотя и предписано было от капитана Биллингса в случае зимовки на сем острову разделить людей по селениям, но мы нашли сему многия препятствия. Первое, что крепкие ветры с сильными из-за гор вихрями мало подавали надежды к спокойному стоянию судам, которых никак не можно было оставить с малым числом людей по той причине, что от таковых сильных ветров часто рвались шварговы. Второе, помещение людей по селениям могло бы отяготить островитян попечением о снабдении их пищею, которую и сами для себя не всегда они имеют; с судов же доставлять провизию за отдалением селений совсем неудобно. Итак, за лучшее сочли остаться на судах и производить для збережения впредь нашего запасу половинную дачу морской провизии, что и полагали к продовольствованию и сохранению здоровья служителей достаточным, присовокупляя к тому привозимую иногда алеутами свежую или запасённую здесь ими же по приказанию капитана Биллингса сушёную рыбу и коренья сараны. Положение сие сентября 11-го числа утверждено было всеми чиновниками.

Ко облегчению судов и збережению съестных и других припасов велел я сделать на берегу сараи из реев и стенег и покрыть их вокруг вместо досок травою, а для печения сухарей и покоя больных построить юрту из выкиднаго, собираемаго по берегам лесу.

12-го получил я от капитана Галла предписание пригласить господ чиновников и составить коммисию для исполнения XVII статьи даннаго начальнику экспедиции наставления, в котором сказано: «В бытность вашу на принадлежащих Российской Импе-

рии местах осведомляться как можно вернее о числе мужеска полу обитающих там людей и положить основание к собиранию с них впредь ясака или подати». Сие долженствовало быть главною целию коммисии, а сверх того поручено ей было обласкать островитян подарками, такожде и разсмотреть достоинство и усердие тоёнов для всемилостивейшаго награждения их от имени ея величества золотыми, серебреными и медными медалями (на сих медалях имелось с одной стороны изображение ея императорскаго величества, а с другой судна «Слава России»). Мы, чтоб не упустить удобнаго случая, приступили к сему делу того ж числа, ибо в сие время приезжали к нам с островов и из разных селений алеуты для получения обещанных им от капитана Биллингса подарков за приготовленную ими сухую рыбу, ягоды и сарану. Награждая и обласкивая таковых, отпускали мы их обратно в их жилища. Они охотно соглашались платить ясак и обещали по наступлении зимы привезти оной как за себя, так и за всех, могущих промышлять зверей, да и впредь платёж онаго брали на себя охотно. До сего времени ясак положен был в каждом селении по выбору промышленников, не более как на двух или на трёх человек, которые и назывались ясашными.

В половине сентября окончили строение сарая, в которой и перевезли с судов съестные и некоторые другие припасы.

В тихие погоды временно алеуты привозили к нам рыбу, а именно треску и палтусов. Здешняго селения алеуты достают рыбу в западном предместии Капитанской гавани. Они ловят её удами, зделанными из китовых усов или из тонкой морской капусты. Крючки употребляют на сие костяные или железные; приманку на крючок насаживают из рыбы же и сверх того привязывают к оному коренья травы ангелики или другой, привозимой из Аляксы, особаго рода, имеющей острой и приятной запах.

За привозимую алеутами к нам рыбу дарили мы их разными безделками, однако они всего более предпочитали табак. Охотно брали также самые тоненькие иглы и козью шерсть, которою украшают они и парки и камлеи свои, употребляя оную и на место ниток при вышивании узоров; для сего ж нужны им и белые из хвоста лошадинаго волосы, и оленья белая шерсть. Бисер любят белой и красной, употребляют его обыкновенно на украшение женской одежды. Весьма нравится им руское платье, а особливо китайчетые камлеи, рубашки, порты и платки.

2 октября был столь жестокой ветр, что порвало положенной вместо швартова бухтов канат.

Около сего времени приехал к нам с острова Унимака на большой байдаре Андеяновских островов острова Атхи главный тоён Панков. Он был на Унимаке для свидания с своими родственниками, а как в 1789 году ездил он на купеческом судне в Камчатку и, оттуда возвращаясь обратно, получил от правительства повеления, касающияся до островитян, то и развозил оныя по всем Алеутским островам.

Сей тоён имеет пожалованную ему от ея императорскаго величества алаго сукна с золотыми бахрамами парку и бархатную шапку. По-руски говорит довольно чисто, по разговорам его приметить можно, что против здешних тоёнов имеет он великое превосходство, как в понятии, так и разсуждении. От него осведомились мы о числе жителей на Андреяновских островах, сколько на котором селениев и в них мужеска пола людей, а как с ним были тех островов тоёны, то он, посоветовав с ними, положил на себя и на них ясак, за что с нашей стороны высочайшим именем ея императорскаго величества даны медали: Панкову золотая, прочим серебреныя, и все они одарены подарками.

С тоёном Панковым приехали Андреяновских островов двадцать пять человек алеут: четырнадцать на большой байдаре, прочие на маленьких одноместных байдарках. Сказывали они, что при переезде самаго большаго пролива от острова Сигуама к Амухте захватили их бури, так что они принуждены были для облегчения большой байдары выбросить много своего скарбу и запасу. В продолжение сей бури двои сутки носило их по морю, в которое время один алеут в маленькой байдарке отстал и пропал без вести.

Алеуты, будучи на море, при крепком ветре и волнении не могут продолжать пути своего. Они связывают тогда все байдарки свои рядом, одну подле другой, но чтоб волнением при качке не тёрло байдар, кладут в промежутке надутые пузыри и становятся носами против волнения, ожидая перемены ветра.

Андреяновские алеуты совершенно сходны с здешними, как видом, так и образом жизни. Небольшое только есть различие при разговоре в некоторых словах и произношении. Платье, как мущины, так и женщины, имеют такое ж, как и здесь. Женщины в носу и в ушах носят подобное ж украшение; разность только, что косточки, вкладываемые подо ртом в нижней губе, гораздо меньше, и дырочки сделаны далее одна от другой к сторонам рта. На щеках посредине накалывают чёрной маленькой двойной кружечик, поперек лба на средине узенькую дорожку и над носом между бровями две коротенькие дугами полоски.

В начале октября послан был для описи Алеутских островов на байдаре геодезии унтер-офицер Худяков, и тогда же Андреяновских островов алеуты уехали опять на Унимак, чтоб препроводить там зиму.

В исходе сего месяца начался у алеут котовой промысел и продолжался до ноября. Коты в сие время возвращаются из северных мест к полуденной стороне и заходят в заливы сего острова; тогда алеуты гоняют их на своих байдарках, разделясь человека по три и по четыре за каждым котиком. Примечают, где он должен вынырнуть из воды, подгребают к тому месту, и только что он покажется, то и бросают в него стрелки. Таким образом мучат его до тех пор, пока он от частаго нырянья и от сделанных стрелками ран утомится, но чтоб он не утонул, когда смертельно ранят его, то бросают для сего стрелку с надутым пузырём, и тот только один имеет право владеть шкурою сего зверя, кто первой попал в него стрелкою.

Бобровые и других морских зверей промыслы производятся таким же образом, только добыча сивучья делится следующим порядком: первой, попавший стрелкою, получает половину кожи и половину кишок, сверх того имеет право другую половину кожи и кишок назначить, кому он за благо разсудит, из бывших с ними на промысле. Второй, попавший стрелкою, получает горло и достальные кишки; третий берёт пузырь; четвёртому и пятому дают передние ласты, шестому и седьмому остальные задние ласты; мясо же делится по всем, кто только был на промысле.

С начала промысла перваго убитаго зверя мясо хозяин онаго раздаёт в своём селении всем алеутам по части каждому; кости же должны они ему возвратить, и когда все собраны будут, то бросают их в море.

Когда котовой промысел начинается, тогда рыба по причине ненастных холодных погод и крепких ветров перестаёт ловиться. Алеуты сначала питаются котовым мясом, но когда не станет его, то принуждены бывают есть черепокожных, коренья и морскую капусту. Некоторые, хотя и запасают летом несколько сухой рыбы, сараны и жиру, но и то скоро выходит, ибо заготовляют сего очень мало и берегут на самой нужной случай, впрочем, надеются совершенно на море, которое их питает, иногда промыслами рыб, а иногда выкидыванием китов и прочаго, почему и ведут беспечную жизнь, не думая о будущем.

1 декабря здал я судно «Славу России» и команду капитану Галлу, а на место онаго принял катер «Чёрный орел».

5-го ввечеру сделавшеюся от запада жестокою бурею порвало с правой стороны у судна «Слава России» канат, и хотя в помощь оставшемуся с великим трудом завезли другой запасной, однакож и сей вскоре также порван был. Буря продолжалась около трёх суток с такими сильными из-за гор порывами, что опрокинутой на берегу барказ и лежащие поблизости его порожния бочки сбросило в воду.

До сего времени на дрова доставали мы ивняк, растущий по берегам речки, впадающей в Натыкинской залив, но как выпало много снегу и речка покрылась льдом, то уже и не могли мы ивняк сплавливать по оной. Однако отыскали его в другом месте, вверху по речке, впадающей у селения Иллюлюк, за озером, верстах в четырёх, куда и стали посылать всех людей своих пешком для доставания онаго. Сим движением надеялись мы прервать цинготную болезнь, которая у многих служителей стала уже показываться.

19-го, как скоро настала тихая погода, то по прозьбе нашей алеуты из ближних селений поехали ловить рыбу, однако ж во весь день более не могли поймать, как только две трески.

21-го поутру послали мы пять человек своих стрелков стрелять птиц. Трое из них поехали чрез пролив на трёхместной байдарке, но едва успели они отплыть несколько от берегу, как поднявшимся вдруг вихрем опрокинуло байдарку, и один из них утонул, прочих же спасли.

По жалобе служителей, что положенной советом пищи для них недостаточно, с 23-го числа стали производить им гороху, масла и говядины полную дачу, также и муки до двух третей прибавили.

К исходу декабря больных цинготною болезнию умножилось до двенадцати человек. Мы старались делать им всевозможныя пособия. Всегда питались они свежею дичиною, для стреляния коей отряжаемы были по пяти, а иногда и по семи человек стрелков, которые почасту в хорошие дни приносили от трёх до шести птиц разных родов, по большей части морских уток, урилов, аров, чаек и лайденных гусей, а из береговых редко когда куропаток. Иногда же случалось, что стрельцы наши возвращались и без всего, а особливо в ненастные погоды.

1792 г., генварь. 2 и 3 генваря стояли хотя пасмурные, но тихие погоды. Алеуты в сие время наловили рыбы и привезли к нам двенадцать тресок и два палтуса, один величиною был до двух с половиной пуд. К половине генваря больных цинготою умножилось до двадцати трёх человек.

С 19-го по 25-е число стояли от северо-запада крепкие ветры, которыми в западное предместие Капитанской гавани принесло

мёртваго кита и выкинуло на островок, называемой Укнодок. Алеуты известили нас о сем и спрашивали, не надобно ли и нам китовьяго жирку? Мы велели им для жжения в ночниках привезти онаго до двенадцати пуд. Сей кит хотя величиною был не более трёх сажен, но для алеут в недостатке пищи был немалою помощию; оным удовольствовались все поблизости лежащия селения.

Ненастные погоды и выпавший снег остановил совсем ходьбу наших людей за ивовыми прутьями, которых до сего времени, хотя и с трудностию, однако ж на нужное употребление вместо дров доставали мы довольное количество. Итак, стали мы посылать гребныя суда для собирания выкиднаго по берегам лесу.

К 8-му числу февраля больных цинготных умножилось до двадцати трёх человек да умерло два человека.

ГЛАВА IX

Я отправляюсь на маленькой трёхместной байдарке описывать остров Уналашку, по северную его сторону к западу. Прибытие мое в Макушинское селение. Игрище островитян. Описание заливов западной стороны острова Уналашки. Шеман лечит больную женщину. Обратной путь. Тоён селения Кошиги чрез шеманство призывает духа. Возвращение моё к своим судам.

Узнав от алеут, что на западной стороне Уналашки находится много хороших заливов, которые ещё никем не были описаны, предприял я описать оные, и для сего 13 февраля отправился на трёхместной байдарке в провожании нескольких алеут на одноместных байдарках. Я взял с собою одного только матроза да в толмачи тоёна селения Иллюлюк, названнаго при крещении Елисеем Пупышевым, которой говорил довольно хорошо по-руски. Я должен был одеться по примеру островитян в кишечную камлею, надеть деревянную шляпу и гребсти веслом так, как и они. Компас укрепил я на байдарке перед собою в таком положении, чтоб удобно было брать пеленги и определять румбы. Матроз на одноместной байдарке имел с собою лот, которым по приказанию моему мерил глубину.

Вышед из западнаго предместия Капитанской гавани, ехали мы к северо-западу подле каменнаго утёсистаго берега северной стороны острова Уналашки до открытаго залива, или губы, вдавшейся в остров на три четверти мили и называемой Веселовская. В неё из разлогу гор впадает речка, при устье которой есть алеутское селение, называемое также Веселовским, состоящее в двух

юртах, в коих было жителей алеут мужеска полу тридцать один человек. Против селения в губе есть небольшой каменной остров, которой с моря очень приметен, потому что он выше внутренняго низменнаго берега губы.

Переночевав в сем селении, поутру пошли мы далее. Берег продолжался к *ZZW* утёсом до другой губы, называемой Сахтусик. Сия губа вдалась внутрь острова не более полумили. В неё впадают из гор три маленькие речки. Низменный из мелкаго камня берег ея составляет подошву гор.

В восьми милях от Веселовскаго селения миновали мы огнедышущую сопку, называемую по-алеутски Айягын. Она выше всех прочих на Уналашке гор, вид имеет более плоской, нежели острой, и с южной стороны острова кажется гребнем. Она давно уже перестала гореть, и ныне временем идёт из неё только дым.

Землетрясения ныне случаются редко, а прежде бывали очень часто и столь сильны, что от оных обваливались утёсы и юрты. Наверху сей сопки алеуты собирают горючую серу и лаву, из коей делают к стрелкам своим копьецы.

Погода поутру была пасмурная и ветр от востока тихий, но после полудни оный усилился и развёл большое волнение. Алеуты на маленьких байдарках своих спокойно и безбоязненно продолжали путь, напротив того, я был в великом страхе: мне казалось, что каждой вал, покрывающий нас и байдарку, опрокинет её, ибо она была чрезвычайно узка и в самой средине имела не более полуторых фут ширины. Алеуты, сидевшие со мною, один впереди, а другой позади, будучи привычны к управлению сих малых судов, при всяком ударении вала с великим искусством поддерживали байдарку вёслами и безпрестанно соблюдали равновесие. В противном же случае от малейшей оплошности оная тотчас может опрокинуться.

От Веселовскаго селения в пятнадцати милях берег простирается на две мили пещаной и вдаётся немного внутрь острова, составляя небольшую губу, в которую впадает текущая с гор речка. Далее берег заворачивается к северо-востоку и, наконец, на восток, к селению, называемому Макушинское, отстоящему от повороту берега в двух с половиною милях. Ввечеру остановились мы в сем селении: оно расположено вблизи устья речки, текущей из трёх озёр, лежащих одно за другим к востоку и соединённых небольшими протоками. В сии озёра вверх по речке из моря заходит много красной рыбы, нярки, ломков и горбуши, которая здесь начинает идти с начала месяца мая. Жителей алеут

находится в сем селении сорок пять человек, которые живут в двух больших юртах. Крепкой ветр принудил меня пробыть в сем месте трои сутки.

Я застал ещё здесь игрища, бываемые у алеут обыкновенно зимою и продолжающиеся до весны или до тех пор, насколько станет китоваго жиру. Начало сих празднеств, как сказывают, произошло от шаманов, которые уверили алеут, что служащие им духи любят сии увеселения и обещают за оныя выкидывать на берега их китов. Для таковых игрищ обыкновенно делаются деревянныя личины по виду казавшихся шаману духов. Ныне алеуты, хотя и не так верят шаманам, как прежде, однако ж делают всегда сии празднества в том селении, где выкинет кита. Первой человек, нашедший онаго, в знак того носит на голове узкую повязку, вышитую узорами, и сверх сего имеет право взять себе половину перепонки с языка, также половину кишок и половину жил; остальное ж тоён того селения разделяет всем своим алеутам поровну.

В той юрте, где я остановился, алеуты сделали один раз игрище. Приуготовления к тому были следующия: повесили в юрте горизонтально три жерди, каждую на двух ремнях, привязанных к концам их так, что первая жердь висела под самым верхним отверстием юрты, фута на три от онаго; другая жердь пониже первой и на сажень далее; третья в одной с половиною сажени от второй и высотою от полу или от земли фута на четыре. Когда таким образом приуготовили, то все приезжие из других селений алеуты должны были спускаться в верхнее отверстие по сим жердям, перескакивая с одной на другую при звуке бубнов и крик от хозяев. Кто не мог спуститься и упадал, над таковым смеялись. Когда гости сели по местам, тогда началась пляска обыкновенным порядком. Сперва нагие мальчики и большие мущины в шитых шапочках, препоясанные поясом и имеющие на руках и на ногах повязки, с бубнами в руках один за другим скакали; потом выходили по две женщины в ряд в вышитых и украшенных козьею шерстью повязках. Перед ними положены были на полу надутая тюленья кожа и пузырь, которые оне попеременно, то та, то другая, брали в руки и скакали с оными, а иногда в такт бубнов трясли головами, то посовывая оную вперёд, то поворачивая на обе стороны. За сими вышел ряд других женщин, которыя плясали так же, как и первыя, держа каждая в руках по стрелке. Когда все женщины переплясали, тогда выходили мущины один за другим под разными личинами. Первая из них имела разинутой рот

и вверху ея тюленья голова; алеуты, ударяя в бубны, пели ей песню, которую хотя мне толмач и переводил, но я смыслу оной понять не мог. Она состояла в следующих словах:

Что мне делать?
Как я умудрюся,
Так я и сделаю.

После сей песни вышла другая личина с искривлённым ртом и посохом в руке. Ей пели:

Вот тебе обман!
Вот тебе лукавство!
Ты, Аммех, сделал землю.

Третия личина была об одном правом глазе, ей пели:

На средине Аляксы
Есть юрта Агмагалюк —
Тебя станем мы поминать.

После мущин вышли в личинах же две женщины и сели по сторонам алеута, имевшаго личину с тюленьим ртом. Перед ними плясали несколько женщин, одна из них имела растрёпанные волосы. Все же оне держали в руках сивучьи усы, которыми иногда показывали на сидящую в средине харю. В сие время алеуты пели:

Дьявольской остров Сакхадок,
На нём воткнуто три стрелки.
Надобно их поминать,
А на что воспоминать меня,
Какая вам прибыль?

Сим последним действием кончилось игрище.

Здесь было несколько алеут с Андреяновских островов; они также показывали пляску свою, которая совсем отменна от здешней. Мущины, снявши с себя парку, в одной рубашке и портках пляшут по одиначке. На голову надевают они вышитую шапку с длинною и узкою верхушкою, высунувшеюся далеко вперёд, загнувшеюся несколько кверху и украшенною кругом козьею шерстью. Перед плясуном положены были надутая тюленья кожа, два сивучьих пузыря и платок. Когда алеуты запели песню, тогда плясун взял в каждую руку по пузырю и, держа их за один конец так, чтоб они лежали вдоль руки другим концем к лохтю, начал с оными скакать, делая разныя движения руками и кривляя головою в лад бубнов. Потом, брося пузыри, взял надутую тюленью кожу и, поднимая её многократно кверху, показывал всем. После

сего, положа кожу, плясал таким же образом с платком, держа концы его в обеих руках. Напоследок, взяв палку, делал ею так, как гребут веслом на байдарке. Сия пляска, сказывают, выдумана или произошла от передражнивания своих сотоварищей в насмешку их хвастовства в промысле зверей, ибо пузыри, надутая тюленья кожа и платок означают промышленных им зверей, над коими он любуется и показывает их.

Женщины, приготовляясь к пляске, надевают мускую птичью парку, подпоясывая её посредине, на голову повязывают такую ж повязку, как и здешние алеуты, за спину на ремне вешают стрелку с надутым пузырём. В сем наряде выходит она перед сидящих мущин, становится посреди травеной рогожи на колени, и когда зрители начинают петь песни, тогда она станет понемногу пошевеливаться и привставать, держа руками за пояс. Потом, вынув из-за спины стрелку, приподнимается на ноги, и с нею пляшет на одном месте, потряхивая головою в лад бубнов и поворачивая стрелку в разныя стороны.

17-го при ясной погоде видно было солнце, почему я с мысу, лежащаго близь селения, сделал наблюдение и сыскал широту места 53°51'. У сего мыса внизу, под каменным утёсом, находятся выходящие из-под камней горячие ключи, которые видны бывают токмо при убылой воде, а во время прилива понимаются водою.

18-го наставшая тихая погода позволила мне отправиться из селения далее. Во-первых, осматривал я Макушинскую губу. Берег к ней от селения лежит невысоким утёсом на *ZO* 60°00'. Устье губы шириною $2^3/_4$ мили. Вход в губу на *NO* 55°00'. От мыса, составляющаго северною сторону устья, в двухстах двадцати саженях на юго-запад есть отделившиеся два высокие камня. Близь оных в разстоянии десяти сажен глубина семь сажен, на средине же самаго устья лотлинем не могли доставать дна. Также большая глубина продолжается и внутрь губы, длина всей губы девять с половиной миль. В полдень, будучи на левом берегу против боковаго залива, называемаго Икшактах, чрез наблюдение сыскал я широту места 53°46'. После полудни поехал я в сей боковой залив, лежащей от устья в правой стороне в пяти милях. К вершине он разделяется мысом надвое, и одна половина его называется Удамак, а другая Наганах; первая простирается к юго-востоку на четыре с половиной мили и посредине ея лежат один за другим два небольшие островка, из коих первой находится в самом устье обоих заливов и разделяет вход надвое. По левую сторону разстояние между оным и берегом есть одна треть версты, глубина посреди

тридцать две сажени, на дне дресва; по правую сторону разстояние шире, а имянно на версту; глубина большая, так, что лотлинем в пятьдесят сажен не доставали дна. Другая половина, или залив Наганах, простирается к югу на две с половиной мили, глубина в оном сначала большая, но в трёх четвертях мили начинается от пятидесяти сажен и уменьшается к вершине. В $1^{3}/_{4}$ мили от острова оба берега залива сходятся мысами близко и делают вход шириною на полверсты в овальной водоём, имеющий в поперешнике одну милю. В него впадает из гор небольшая речка. Глубина посредине водоёма семь, а в устье двадцать пять сажен, на дне ил.

Ввечеру остановились мы ночевать на первом острове, где нашли зделанной из китовых костей шалаш, в котором осенью обыкновенно живут макушинские алеуты для промыслу котиков, ибо сии звери заходят тогда в большом количестве в сию губу. На другой день поутру поплыли мы из Макушинской губы и в четырёх милях от ея устья у селения Акмаган пристали. Оно расположено на берегу, близ речки, текущей из озера. Жителей в нём алеут семь человек. Переночевав здесь, поплыли далее. Сначала перешли чрез устье двух соединённых заливов, вдавшихся в остров к юго-востоку мили на три; оба они открыты и, по-видимому, неспособны к стоянию судов на якоре, почему и не разсудил я ехать внутрь оных для описания их. От сих заливов берег продолжается высоким каменным утёсом к юго-западу мили на полторы, потом заворачивается на *ZOtZ* к заливу, именуемому по-алеутски Алюксо, а по-руски Мокровским. Сей залив, имеющий в устье до полутора миль ширины, идёт между утёсистыми берегами внутрь острова к востоку на три с половиной мили, потом заворачивается к югу, где, хотя со стороны моря и закрыт от всех ветров, однако ж сказывают, что в разсуждении утёсистых и каменистых берегов опасен для судов. В двух с половиною милях к юго-востоку за мысом есть другой залив, называемый Кошига, открытой с западной стороны, положение имеет $OtZ^{1}/_{2}O$, длиною полторы, шириною в устье три четверти мили. Пред устьем его к правой стороне близко берега лежит небольшой островок, а к стороне моря на *WtN* в одной миле стоит высокой столб, или наружной камень, окружённой подводными каменьями. Проходить мимо его можно по обе стороны, глубина между оным и островком тридцать пять сажен, на дне дресва. В устье залива глубина двенадцать сажен, далее же внутрь уменьшается до семи сажен, на дне мелкая дресва; однако, судя по берегам, думать должно, что дресва лежит не очень толсто

сверх плитнику. Может быть, сие самое было причиною разбития судна купца Шелехова в 1790 году. Оно, идучи на остров Кадьяк, зашло в сей залив для получения воды и стало на якорь, но возставшим от юго-запада крепким ветром стащило его с якорей и выбросило на берег.

Внутри залива есть алеутское селение, именуемое Кошига. Оное состоит из трёх юрт, жителей в нём алеут тридцать два человека. Здесь живут двое руских промышленников из артели, оставленной прошедшаго году с судна купца Шелехова на западном мысу острова Умнака; судно же ушло зимовать на вновь найденные штурманом Прибыловым острова.

Из числа провожавших меня алеут из селения Акмаган один был шаман, который ввечеру по прозбе родственников одной болящей женщины взялся её лечить. Он сел подле больной с несколькими алеутами и запел с ними шаманскую песню, ударяя сам в бубен, потом чрез несколько времени вдруг все они замолчали. Причиною сему, как сказал мне толмач, было явление шаману духа, котораго и стал он просить о сделании больной облегчения, на что дух будто бы долго не соглашался; однако, наконец, по усильной прозьбе шамана принялся лечить больную и объявил при том, что она страдает за отца своего, которой, когда ходил за промыслом зверей и китов, вынимал из голов мёртвых людей мозг и мазал оным стрелки свои. За что в наказание, так как сам он уже умер, напущен на дочь его один из злых духов, коему велено её мучить. После сего алеуты снова запели песни и чрез пять минут паки умолкли. Тогда шаман вторично разговаривал с подвластным ему духом и будто узнал от него, что дух входил в утробу больной, осмотрел всю болезнь ея и сделал пособие, почему и надеется, что она чрез три дни будет здорова. Шаман уверял, что призывал и другаго духа, и что сей подтвердил ему то же, чем и кончилось шаманство. Шаманы за лечение никогда не требуют платы, а довольны бывают тем, что им дадут, равно и духам никаких жертв не приносят.

21-го поутру поехал я далее. Погода казалась хороша, и на море было тихо, но к полудни сделался краткой ветр от северо-запада, так что я с нуждою мог доехать только до перваго мыса, лежащего от Кошиги на *WtZ* в четырёх милях, где и пристал за оным у небольшаго построеннаго на нём селения, называемаго по-алеутски Умшалюк, а по-руски Седанка. В сем селении находится алеутов только двенадцать человек. От мысу на *WtZ* в четверти мили есть маленькой каменной островок и к западу в одной миле высокой камень, окружённой подводными и наружными каменьями.

Крепкой ветр продолжался двои сутки, на третий день утих, тогда оставил я сие селение и поехал прямо на видимой впереди высокой каменной, утёсом выдавшийся далее прочих, мыс, называемой Аммак, которой лежит от мыса Седанки на *ZW* 51°00' в пяти милях. Между сими двумя мысами есть три открытых губы. Первая, начинающаяся от мыса Седанки и идущая внутрь острова к западу на две с половиной мили, именуется Алим-Уда. Вторая простирается к юго-востоку на две мили. Третья отделяется от второй только узким мысом, положение имеет к юго-востоку, оная одна с четвертью мили.

Когда мы поравнялись против мысу Аммак, тогда открылось из-за него (в $2^3/_4$ милях на *ZW* 34°30') устье Чорновскаго залива. Оное показывается двумя выдавшимися острыми и утёсистыми каменными мысами с отделившимися от них высокими каменьями. Берег от мыса Аммак к Чорновскому заливу идёт небольшою излучиною, местами утёсист, а местами горист и приметным образом ниже мыса Аммака, которой и с моря высотою своею отличен от сего берега. В Чорновское селение приехал я уже ввечеру, почему и оставил описание залива до другаго дня.

1792 г., февраль. 24-го хотя и зделалась ненастливая погода с дождём и снегом, однако не помешала мне объехать кругом весь залив и промерить оный. Я нашёл его лучше всех прочих виденных мною на сем острову заливов. Он имеет положение от *WtN* к *OtZ*, в длину до трёх с половиною миль. Вход в него составляют выдавшиеся каменным утесом два острые мыса, которые окружены наружными каменьями и лежат в разстоянии один от другаго на половину мили; глубина пред устьем в полумиле от онаго тридцать пять сажен, в самом же устье пятнадцать сажен, на дне дресва. На милю далее глубина увеличивается до восемнадцати сажен, а потом внутрь залива опять уменьшается. Дно везде иловатое. В двух с четвертью милях от устья в левой стороне есть боковой залив, вдавшийся к северо-западу на полмили; глубина посредине его четырнадцать сажен, дно ил; здесь самое лучшее место для стояния на якоре. Внутри сего залива на узком низменном перешейке, отделяющем его от моря, стоит Чорновское алеутское селение, состоящее в одной большой и другой маленькой юрте, в коих живут тридцать девять человек алеут.

Здесь сыскал я широту места чрез наблюдение 53°29'.

Намерение моё было ехать до самаго западнаго мыса острова Уналашки и после кругом по южную его сторону возвратиться к судну, но крепкие ветры и ненастливыя погоды продержали

меня здесь трои сутки. Взятыя мною съестные припасы стали выходить, почему и принужден я был возвратиться назад.

Марта 1-го, приехав в Кошигинское селение, узнал я от алеут, что с южной стороны острова Уналашки подходит близко к сему месту другой большой залив, котораго выгодное положение весьма они выхваляли, почему и вознамерился я осмотреть оной. Ненастные погоды и крепкие ветры не позволяли мне прежде 6-го числа туда отправиться, а в этот день уговорил я тоёна и алеут, чтоб они перенесли в помянутый залив мою трёхместную байдарку. Путь к оному разстоянием около пяти миль идёт чрез озера по разлогу гор. Залив сей называется Кульлиляк, он не весьма пространен, но закрыт с моря от всех ветров; длиною от юго-запада к северовостоку на полторы мили, вход в устье на *NW* 65°00'.

Ширина между выдавшихся с обеих сторон от утёсов двух наружных камней до ста сажен; глубина посредине и близь самых же камней четыре и пять сажен. Далее внутрь заворачивается оный к северо-востоку и становится шире, глубина уменьшается и, не доходя маленькаго каменнаго островка, лежащаго ближе к левой стороне, становится не более пяти с половиной сажен; на дне песок. К левому берегу мельче, и от онаго лежат наружные и подводные каменья, почему по входе должно держаться ближе к правой стороне. Пройдя помянутой остров, глубина увеличивается от пяти до семи сажен, дно ил. Сия глубина продолжается до самой внутренности залива, где втекают в него две речки, одна из озёр, другая из гор. Берега залива инде гористы, инде высоки и утёситы, инде пологи.

Когда выехал я из залива в море, к ближнему в правой стороне выдавшемуся на полторы мили мысу, тогда увидел, что южной берег острова Уналашки лежит на *ZW*, и что сей остров к югозападу весьма узок. По другую сторону залива Кульлиляк к северовостоку берег закрывало от меня противулежащим утёсистым мысом, называемым Амчик. Алеуты сказывали, что, идучи с моря, по отменной высоте сего издалеча отличающагося мыса легко можно находить залив Кульлиляк. Сверх сего примечать должно, что, находясь от него к *OZO* далеко в море, остров Уналашка против самаго залива кажется быть разделённым надвое проливом.

В Кошигинском селении задержали меня крепкие ветры и ненастныя погоды, которыя безпрерывно продолжались шесть суток. В оное время и достальная бывшая со мною провизия вышла, почему принужден я был питаться сушёною рыбою, морскою капустою и мушилами, изредка приносили алеуты свежую рыбу,

называемую терпуги, но по непривычке без хлеба и соли ел я её без всякаго вкусу.

Наконец и алеутам наскучила худая погода. В один день все они, как мущины, так и женщины, с малыми ребятами вышли на двор, развели огонь и, поворотясь по ветру, махали руками и кричали во всё горло, думая, что чрез сие переменится погода.

Ввечеру услышал я в углу юрты стук бубна и пение, почему спрашивал толмача, что это значит. Он мне сказал, что тоён шеманит и призывает духов, дабы они установили хорошую погоду. Чрез четверть часа стал он громче кричать, наконец вдруг затих и упал без памяти, тогда все бывшие в юрте алеуты испужались, собрались около шамана и запели печальным голосом, прося духа о помиловании его. Несколько времени лежал он без чувства, напоследок опамятовался и сказывал всем с уверительным видом, что когда по призыву его явился подвластной ему дух, тогда приказывал он ему на место худой погоды возстановить хорошую, но дух на то не соглашался, за что тоён упрекал его непослушанием и упрямством, говоря, что когда он сего не исполнит, то подаст повод всем думать, что он не в состоянии того сделать, и тем причинит себе не малый стыд. За таковой выговор дух разсердился, напал на тоёна и его мучил до того, что он лишился чувств. Во время беспамятства чрез откровение узнал он, что из его селения одна женщина, называя ея по имени, умрёт сего лета, и что погода не переменится прежде, как чрез три дни. «Тогда можем мы ехать, — говорил он, — но не далее как до Макушинскаго селения, где опять задержат нас худыя погоды, и нам не должно торопиться ехать далее, хотя тамошние жители и будут нам то советовать». Мне же предсказывал, что я по прибытии в Капитанскую гавань к судну найду своих сопутников не очень в хорошем состоянии, и что хотя мы и будем сожалеть, для чего зимовали на сем острову, однако по наступлении лета пойдём в море и благополучно возвратимся туда, откуда пришли. Здесь сыскал я широту места по наблюдению 53°31'.

16 марта приехал я в Макушинское селение. Но как далее по морю нельзя было ехать за крепкими ветрами, то решился я идти чрез горы берегом в Капитанскую гавань, куда, как сказывали мне, алеуты летом в один день пешком засветло переходят.

18-го я доехал на байдаре до самаго кута (конца залива. — *Ред.*) Макушинской губы, пошёл оттуда пешком, взяв с собою в проводники трёх алеут. Более половины дороги прошёл я без всякаго препятствия, но, подходя к одному хребту гор, должен был подыматься на оной по косогорам утёсистаго берега речки. Чем далее

шёл я, тем косогоры становились круче, и как они покрыты ещё были довольно твёрдым снегом, то с трудом должно было на оном пробивать ногами ступеньки. Занимаясь сим, не приметил я, идучи вверх, опасности, которой подвергался. Но когда уже дошёл до того, что далее идти было не можно, тогда, осматривая вокруг себя, увидел, что я находился над пропастью, ибо косогор, по которому я шёл, оканчивался к речке превысоким каменным утёсом, от чего страх овладел мною столько, что я, возвращаясь назад по прежним следам, при каждом шаге мнил поскользнуться, покатиться по косогору и слететь с сей ужасной высоты. Однако ж спустился благополучно и достиг обратно в то ж селение, откуда пошёл, где за худою погодою и ветрами должен был жить ещё пятеры сутки.

20-го с полуночи сделалась столь жестокая буря от запада, что нельзя было стоять человеку на ногах. На другой день хотя и стихло, но на море была великая зыбь. В полдень чрез наблюдение сыскал я широту места 53°50''35'.

Макушинской тоён, видя безпокойство моё и претерпеваемую в пище нужду, сжалился надо мною и сказал мне, что можно попасть к нашему судну, перенеся байдарки берегом из Макушинской губы в Бобровую, чрез которую легко доехать уже можно до судна. Я подарками и ласкою склонил некоторое число алеут, так что они согласились проводить меня и перенести мою и свои байдарки чрез перешеек, разделяющий вершины обеих губ на разстояние трёх с половиной миль.

Таким образом отправился я в путь, и на другой день прибыл благополучно к судну. Во время моего отсутствия цинготная болезнь так усилилась, что почти половина служителей заражены были оною; одиннадцать человек с большаго судна и три с малаго умерли от сей болезни. Между тем, приметя, что перемена воздуха способствует к выздоровлению больных, стали мы переводить оных по ближним селениям в нарочно очищенные для сего юрты. Тогда ж в некоторых местах стал сходить снег и показалася местами трава, которую больные, употребляя, чувствовали облегчение. Главную причину сей болезни приписывать должно сырым ненастным погодам, продолжавшимся почти безпрерывно во всё время пребывания здесь нашего, и можно сказать действительно, что мало было таких дней, в кои бы люди могли обсушить своё платье. Также не менее сего способствовала цинге начавшаяся уже портиться провизия, а особливо ржаная мука, из которой, когда пекли хлеб, то не имел он никакаго вкусу и отзывался гнилостию.

ГЛАВА X
Описание острова Уналашки

1792 г., март. Остров Уналашка, или как островитяне называют Нагуналаска, есть самой большой из всей гряды Лисьих островов, лежит под широтою северною 64°00′, долготою от Гренвичскаго меридиана 193°. С западной стороны смежен он с островом Умнаком, а с восточной прилежат к нему небольшие острова Спиркин, Кигалга и Уналга. В длину простирается он от юго-запада к северовостоку на семьдесят четыре мили, ширина его самая большая посредине двадцать миль. К западу у острова Умнака кончится он узким мысом. Множество заливов со всех сторон вдались внутрь его, и так далеко, что вершины их подходят близко одна к другой. Из числа сих заливов три суть самые большие. Первый, называемый Угадьях, или Бобровой, с восточной стороны простирается в длину на шестнадцать миль. Второй, Макушинской, с западной стороны на десять. Третий, Капитанской, с северной стороны на семь с половиной миль. Все они имеют ещё от себя вдавшиеся посторонние заливы. Глубина во всех их посредине большая, так что шестидесятисаженным лотлинем не могли доставать дна. Также по северную и южную сторону острова во сте саженях от берега в море глубина оказывалась более ста сажен; в проливах же по западную и восточную сторону от двадцати до сорока сажен. Весь остров Уналашка состоит из высоких, кверху скалами оканчивающихся каменных гор, между коими одна есть огнедышущия; оная лежит в северной стороне. Вся южная сторона острова кончится высокими каменными утёсами, северная же не так утёсиста и имеет местами отлогой берег. Верхи гор состоят из голаго камня, а от половины вниз покрыты мохом и травою. В разлогах по берегам текущих с гор ручьёв растёт кустарниками ивняк и ольховник. Низменныя места покрыты высокою тучною травою, между которою во множестве находится сладкая трава кипрея, кутагарник и ангелика (дудник, травянистое растение. — *Ред*.). По косогорам растёт местами голубица, жимолость, шишка, толокнянка и малина отменной величины, которая вкусом не так приятна и сладка, как в Европе, и очень водяна. Коренья, употребляемые островитянами в пищу, суть макарша (по В. И. Далю, макаршино коренье, змеин корень. — *Ред*.) и сарана, да ещё есть особливой род жёлтаго корня, которой они почитают лекарством для глаз. Едят его только по вечерам, и сказывают, что на другой день поутру от онаго бывают глаза так ясны и чисты, что в весьма

далёком разстоянии видят самые малые предметы; и для того те алеуты, кои намериваются ехать в море за промыслом зверей, накануне того дня едят вышеупомянутой корень.

Из береговых зверей на острове водятся много лисиц чёрных, черно-бурых и сиводушек; красных же очень мало. Руские промышленники ловят их клепцами (по В. И. Далю, кляпцы, — капканы. — *Ред.*). Мехи сих зверей здесь, в безлесных местах, не так хороши, как в лесистых странах Сибири; шерсть на них грубая и жёсткая, отчасти свалявшаяся, цвет на чёрных лисицах несколько рыжеватой, почему и продаются оне гораздо дешевле сибирских, однако при всём том приносят руским купцам, имеющим здесь промыслы, немалую прибыль.

Других земляных животных никаких нет, кроме множества небольших мышей с короткими хвостами, которыя под дёрном по всем местам острова прорывают дорожки для искания в пищу себе кореньев и по оным бегают свободно, как летом, так и зимою; следовательно, им нет нужды запасать на зиму в норах своих, подобно камчатским мышам, а потому алеуты не имеют от сих животных таковых выгод, как камчедалы, которые пользуются находимыми в норах у своих мышей кореньями.

Что касается до береговых птиц, то их также мало. Мы видели только орлов, имеющих белые головы и хвосты, ястребов, куропаток и несколько родов маленьких птичек, из коих некоторые поют довольно приятно. Напротив того, морских птиц великое множество, как-то урилов, ар и топорков; жители ловят сих птиц по утёсам каменным в их гнёздах, из шкур их островитяне шьют муские парки. Урилы величиною с дикаго гуся средняго рода, шеи длинныя, нос вострой, как у утки-крохаля; перья на них чёрные, с зелёным на шейке прекрасным отливом, а у самцов шея изредка испещрена тоненькими белыми перьями. Ноги имеют у самаго хвоста, и когда сидят на каменьях, кажутся стоящими, вытягивая туловище и шею перпендикулярно. Ары величиною с утку и походят на гагар, перья имеют чёрныя и брюшко белое. Топорки величиною с ару, перья на них изчерна-серые, шеи короткия, нос красной, широкой и плоской, по отвесу от головы простирающийся, на голове от глаз имеют из белых узких перышков длинныя брови, висящия косицами. Шкуры сих птиц по крепости своей почитаются преимущественно против прочих, и из оных шьют по большой части муские парки, а носки сей птицы употребляют к украшению женскаго платья. Никакой птицы не было для нас труднее застрелить дробью, как топорка. Перья на нём так плотно

лежат, что дробь по оным скользит, притом ныряют в воду очень часто и долго держатся под оной. Мы приметили, что, плавая под водою, употребляют они крылья, подобно как и на воздухе.

На острове Уналашке временно бывают два рода гусей. Одни прилетают в половине апреля из южных стран и водятся во всё лето по озёрам, величиною они с средняго роду дикаго гуся, цвет перьев на них серой, шеи и головы чёрные; улетают с острова в сентябре и октябре. На место их появляются другие, величиною подобные первым, но цвет перьев имеют пёстрой или белой с пепельным пополам. Сии гуси прилетают от севера, живут всю зиму на каменьях, понимаемых временно водою, где питаются растущею на оных травою, известною под названием морской капусты. По наступлении весны, в апреле, улетают к северным странам, уповательно (может быть, видимо. — *Ред.*), для выводки детей. В бытность нашу в Чукоцкой земле сего рода гусей мы не приметили, почему заключать должно, что летом водятся они на северном американском берегу.

Водоземных животных здесь менее, нежели на прочих Алеутских островах. Бобров прежде было множество, так что островитянки носили из кож их парки, но со времени прибытия россиян сих животных стало умаляться, и ныне весьма редко можно увидеть бобра. Морские коты появляются здесь весною и осенью на короткое время. Весною идут к северу, а осенью возвращаются к югу. Сивучи живут на отделённых от берегу каменьях зиму и лето. Тюленей есть несколько разных родов, только в небольшом числе.

Рыбы ловятся около острова палтусы, треска и терпуги, с виду похожие на судака, но испещрённые красными, зелёными и жёлтыми пятнами. В речки из моря идут в июне, июле и августе месяцах кета и горбуша. Из черепокожных есть подле берегов три рода раков. Первые большие, круглые с длинными ногами, походят с виду на паука, почему и называются морскими пауками. Другой род меньше оных, видом круглые же, но ноги имеют короче и клещи побольше; третий род маленьких раков, похожих на речных, но хвост, или плесо, имеют они непокрытое черепом, и для того прячутся в пустые улитковые раковины, которыя таскают с собою.

Судя по безплодности, дикости и недостаткам потребных для жизни произведений на сем острове, казалось бы, что не можно на оном обитать людям. Однако при всём том уверяют, что по прибытии россиян был он довольно многолюден, но после разныя стекшиеся неблагоприятныя для островитян случаи, как-то болезни и голод, истребили большую часть жителей, и ныне осталась

едва третья часть оных. Селения их находятся по берегам близь моря, на северной, восточной и западной стороне острова, южная же необитаема. Всего считается четырнадцать селений, в них жителей мужеска пола триста двадцать три человека. Каждое селение состоит из двух или трёх разной величины землянок, из коих самыя большия длиною в девять, шириною в три сажени. Основание землянки врыто несколько в землю; верх оной сделан плоскою кровлею из выкиднаго по берегам лесу, покрыт травою, потом дёрном и засыпан землею. В самом верху оставлено несколько четвероугольных отверстий, коими освещается внутренность землянки, и чрез оныя же жители входят внутрь её по лестнице, зделанной из бревна с вырубленными на нём ступеньками. От сторон юрты, уступя к средине фут на сем, поставлены столбы, поддерживающие верх землянки, они же отделяют места для каждой семьи, где вместо постель посланы травеные плетёные рогожи. Днём сидят на оных, упражняясь в рукоделии, а ночью спят, одеваясь своими парками. Островитяне посредине землянки льют помои и всякую нечистоту, от чего бывает мокро и грязно, и ежели б не было в верху юрты отверстий, чрез которыя вытягивает сырость и духоту, то нельзя бы было долго пробыть внутри оной. Каждая семья пред своим отделением в особенных деревянных посудах скопляют урину, как для крашения в ней травы, так и для умовения рук, ибо она, так как и мыло, выедает всякую грязь; однако ж после сего умыванья ополаскивают ещё руки в свежей воде, и потом, не вытирая ничем, сушат их на воздухе, махая ими.

Огонь в юрте разводят весьма редко и единственно токмо для варения рыбы или мяса морских зверей, которое в пищу сырое не употребляют; треску же едят свежую, надрезывая поперег тоненькими кусочками для того, как сказывают, что в теле сей рыбы находятся червячки, которые, ежели не будут перерезаны, причиняют вред здоровью. Огонь достают, ударяя камень о камень над птичьим пухом, усыпанным горючею серою, которая от упадающих от удару искр скоро загорается. По вечерам жгут в каменных плошках китовой жир, и на место светильны (фитиля. — *Ред*.) употребляют сухой мох. Сим огнём не токмо освещают юрту, но и согревают себя во время холоду, ставя плошку под платье и закрывая ворот у парки, отчего теплота не может выходить вон, и чрез неколько минут под платьем бывает так тепло, как в бане. Камень, из котораго делают плошки, очень мякок и удобен для выдалбливания другими крепкими каменьями не только ношников, но и противней, в коих варят рыбу. Ныне мало употребляют

их и по большой части варят пищу в медных или железных котлах, привозимых рускими промышленниками. Деревянной посуды у островитян другой нет, кроме делаемых из выкиднаго лесу лукошек для держания в них воды. Жир китовой и тюленей хранят в пузырях, прочие же сухие провизии в корзинках или мешочках, сплетённых из травы.

Ножи и топоры получают от руских, только настоящих топоров употреблять не умеют, а делают их по-своему, привязывая к ним деревянную рукоятку, так что ими как шляхтою можно только шляхтить (строгать. По В. И. Далю, шляхта — род топора, обороченного поперёк топорища, или шляхтовища, рукояти. — *Ред.*), а не тесать или рубить. Большие же деревья колят обыкновенно деревянными клиньями.

Нет медлительнее и скучнее их плотничей или столярной работы, которая состоит в делании лукошек, стрел и для байдар решёток. Год целый или более потребно времяни для составления одной байдары, чего ради и покупают их дорогою ценою. Великаго также стоит труда набрать по берегам довольное число годных для построения байдары деревьев. Главный член ея есть киль длиною в двадцать один фут. Оный всегда бывает составной из двух или трёх штук, к нему укрепляют согнутые штевни и рёбра из прутьев ивовых и ольховых, привязывая их волокнами из расколотых китовых усов. На верхние концы рёбр накладывают раму с поперечными распорками шириною на средине фута полтора, которая и связывает всю байдарку. Решётку обтягивают кругом кожею морских львов или больших тюленей, оставляя вверху круглое небольшое отверстие, в котором должен садиться человек. Все члены байдарки делаются так тонки и легки, что вся она, совсем готовая, не тяжелее пуда. Весло для байдарки делают длинное, имеющее на обоих концах по лопасти; во время гребли держут за средину онаго и гребут на обе стороны то тою, то другою лопастью.

Орудия островитян состоят в одних только стрелах и для бросания их маленьких дощечках. Стрелы употребляют они при разных случаях и надобностях, а потому и имеют их пять разных родов. Первыя для нападения на людей и на больших зверей, длиною бывают в четыре фута; в передний конец их вставляют на место копьеца сделанной наподобие же онаго кусок лавы длиною в полтора, шириною в три четверти дюйма. Второй род меньше первых, употребляется для малых зверей; у сих стрел на место каменных копьецов вкладываются костяные носки, привязываемые составляемыми из жил верёвочками. Третий род, употребляе-

мый для стреляния птиц, величиною равен перваго рода стрелам; передний конец их вооружён четырьмя костяными спицами с зазубринами. Четвёртой род, также для зверей, величиною в девять фут; в переднем конце вставлено костяное копьецо, привязанное к жиленому снурку, у котораго другой конец раздвоен и привязан лапкою, то есть в двух местах посредине стрелы, к заднему концу ея прикреплены орлиныя перья. Пятой род, длиною четыре фута и четыре дюйма, с костяным носком и привязанным посредине стрелы надутым пузырём; сия стрела употребляется для того, чтобы зверь, когда умрёт, не утонул. Дощечки для бросания стрел длиною бывают в полтора фута, шириною в два дюйма; на одном конце сделано место, чтоб ловко можно было держать рукою, а на другом вставлена наподобие гвоздика косточка, в которую во время бросания стрел конец ея упирается.

Стрелы и дощечки мажут красною краскою, которую достают из утёсов и разводят её на воде, отстаивающейся от крови, отчего краска так крепка бывает, что ни дождём, ни солёною водою не смывает.

Кровь для сего употребления достают алеуты из своего носу, вкладывая в него соломинку и ковыряя ею в ноздре, доколе вытечет достаточное количество крови. Каждой алеут при выезде в море все стрелы свои и дощечку кладёт перед собою и позади себя в ремешки, прикреплённые к байдаре. Стрелы бросает одною правою рукою, а левою поддерживает веслом байдарку, сохраняя равновесие оной. Все брошенныя стрелы собирает опять и кладёт на свои места.

Островитяне на байдарках своих так скоро ездят, что никакая лёгкая шлюпка догнать их не может. Мы приметили, что когда судно наше шло по четыре мили в час, то и тогда они его догоняли.

Господин Мирс в своём путешествии пишет, будто алеуты на своих байдарках могут по произволу опрокидываться и опять вставать, но сие несправедливо. Ежели нечаянно и случится таковое нещастие, то без помощи других должен опрокинувшийся погибнуть, и потому в предосторожность ездят по большей части несколько алеут вместе. К удержанию же равновесия байдарок, ежели нет никакаго грузу, кладут каменья. Когда понадобится остановиться для исправления какой-нибудь нужды, тогда соединяют вместе байдарки и держат их одна подле другой. Во время приставания к берегу, когда ходит большой бурун, находящиеся на берегу алеуты прибегают на помощь и подхватывают байдарку приезжаго.

Хотя островитяне на байдарках своих ездят проворно и с великою способностию управляют ими, однако плавать без них совсем

не умеют, и я не видывал, чтоб они когда-нибудь купались, может быть потому, что здесь больших жаров не бывает, и вода всегда холодна.

О наружном виде алеутов, их одежде и рукоделии здесь повторять не нужно, ибо об оном упомянуто уже было в первой главе сей книги, почему я присовокуплю токмо здесь разныя мнения их о своём начале или происхождении, також упомяну о суеверии, обыкновениях и обрядах их при погребении.

Весьма трудно определить начало или происхождение народа, отдалённаго и дикаго, не имеющаго никаких письменных преданий, кроме одних изустных пересказываний, преходящих от одного человека к другому, и запутанных нелепыми баснями. Кажется, в таковом случае нет лучшаго средства доходить до истины, как сличая нравы, обряды и сходство языков одного народа с другим и делать из того вероятныя заключения. Не отвергая однако ж и сего, что и самыя глупыя сказки могут иногда подать некоторый свет или повод к догадкам, старался я разговаривать с некоторыми престарелыми алеутами. По малолюдству на здешних островах, думал я, что оные не очень давно должны быть населены, и что жители по преданиям помнят, откуда они перешли на сии острова, однако ж ничего на вопросы мои не мог я от них узнать, кроме пересказанных мне стариками двух басен, не сходных одна с другою и не могущих послужить ни к каким заключениям.

Одни говорили, что Бог по сотворении островов создал и людей, которые сначала были безсмертны, и когда доживали до старости, то всходили на одну высокую гору и бросались в находящееся там озеро, откуда выходили опять молодыми. Между тем, Бог влюбился в одну их девицу, взял её к себе на место жены, и как она, некогда разговаривая с ним, сказала ему, что он при сотворении Алеутских островов сделал великую погрешность, произведя их гористыми и безлесными, то за таковую дерзость Бог разгневался и умертвил ея брата, после чего и весь человеческий род стал смертным. Другою баснею уверяли меня, что все алеуты происходят от низпавшей с неба на остров Умнак собаки, родившей двух младенцов мужескаго и женскаго пола с собачьими лапами. От сих двух произошли уже совершенные люди. По умножении же народа, когда тесно стало жить на одном острову, так что возстали из того частыя междоусобия и несогласия, принуждены были многие искать других мест к поселению. Одни поехали на восток к мысу Аляксе, другие к западу по лежащей гряде островов, на коих и поселились, получив разныя наименования. Жители на острове Атту

называются *сасигнанами*, на Крысьих *кагохами*, на Андреяновских *негохами*, на Четырёхсопошных *акоганами*, на Умнаке и Уналашке *кагуланцами*, на Акунском и протчих, около его лежащих островах, *кигегонами*, на Унимаке, Санахе и Унге *кагантаяумами*, на Кадьяке *канягами*, в Куковой реке *кенайцами*, в губе Принца Вильгельма *шугачами*. Откуда взяты сии названия, никто из алеут не знает. Все сии народы, кроме каняг, кенайцов и шугач, имеют одинакия обыкновения, одежду и почти одинаковой язык с некоторыми малыми отменами в словах и произношении, так что они друг друга разуметь могут.

На тех островах, где более пристают российския купеческия суда, как-то на Уналашке, Унимаке и Андреяновских, алеуты стали гораздо просвещённее; некоторые из них говорят довольно хорошо по-руски и многие окрещены в христианскую веру. На прочих же островах почти столько же грубы и дики, как были и прежде. Хотя признают они Бога всемогущим и всеблагим существом, но поклонения, жертвоприношения и молитв никаких не делают, говоря, что Бог лучше, чем они сами, знает их нужды, и без прозбы их всё то им даст, что для них полезно. Случающиеся с ними нещастия и болезни почитают происходящими от злых духов, и в таком случае прибегают всегда к шаманам, надеясь, что они им пособят и дадут исцеление от болезни. Шаманы здешние не имеют особаго одеяния и во время призывания духов не делают никаких чрезвычайных движений, но поют песни с прочими алеутами, сидя спокойно на одном месте и ударяя изредка в бубен. Бубны их небольшие и те же самые, которые употребляются у них при всяких песнях и пляске.

Алеуты имеют по одной, по две и по три жены, смотря по тому, кто сколько содержать их в состоянии. При бракосочетаниях обрядов свадебных никаких не бывает. Обыкновенно жених договаривается с родителями невесты, обещает дать им что имеет у себя излишняго, как то калги (полонённые с других островов люди или оставшиеся без отцов и матерей сироты, которые сами для своего пропитания определяются к богатому алеуту в работники, и когда хозяин вскормит их, то может продавать, кому хочет), парки или байдарки. И когда между собою согласятся, тогда, чтоб невеста привыкала к будущему мужу, жених начинает ездить к ней в гости и проживает по нескольку времени. Наконец, когда полюбят друг друга, тогда жених берёт к себе невесту или сам переходит к ней. Естьли они согласно жить будут, то тесть с своей стороны взаимно делает зятю подарки. Буде же муж женою будет недоволен,

то может отослать её от себя, только не имеет права требовать обратно своих подарков, но когда жена сама не захочет жить с мужем, то он волен взять от тестя своё назад.

Муж жену не может продать, однако может по согласию ея уступить другому вовсе или на время, что нередко случается. Сим правом всегда пользуются руские промышленники и берут к себе от алеут жён и девок на время, платя какую-нибудь безделицу. Никогда не случается, чтобы жена без согласия мужа оказала благосклонность другому, ибо не любострастие делает их податливыми, но одно только корыстолюбие. Сей порок, вероятно, до прибытия россиян не был известен островитянам, они и теперь не без стыда пользуются таковым гнусным торгом, а некоторые мужья и ни за что на оное не соглашаются. Мне сказывали, что было прежде обыкновение не из прибытку, но из жалости и усердия угощать возвратившагося после долговременнаго отбытия алеута всем женщинам той юрты, где он живёт, препровождая с ним по очереди каждая одну ночь. От сего происходит, что отец родившихся детей от его жены не может признавать точно своими, и мать всегда имеет одна над ними власть: даже дядя с матерней стороны более почитается, нежели отец. Дети одного отца, но разных матерей не считаются родными, и им позволено совокупляться браком, но одной матери и разных отцов детям сие запрещается. Наследство после смерти отца делят родственники, жене и детям дают большую часть, достальное же берут себе.

Похорон умерших я не имел случаю видеть; слышал однако ж от здешних жителей, что прежде было обыкновение по смерти тоёна или какаго богатаго алеута убивать одного из его любимых прислужников и класть с ним. Ныне сей варварской обычай отменён, а кладут только с покойником его байдарку, стрелки и другие подобныя сему вещи. Брюхо из мёртваго вынимают и набивают туда сена. Незажиточных алеут хоронят просто в землю или иногда под утёсом в пещерах; богатых же погребают в зделанных нарочно из наноснаго лесу срубах, где, насыпав несколько земли, постилают травеные ковры и кожу с байдарки; на оную кладут покойника спиною, связаннаго ремнями таким образом, как они обыкновенно сидят, колени пригнуты к грудям и руки под оным. Потом покрывают сверху рогожею и засыпают землею. Байдарошную решётку ломают в куски и обломки втыкают сверху могилы в землю. Жена умершаго, ежели она любила своего мужа, в знак печали обрезывает на голове свои волосы и оплакивает его несколько дней; некоторыя же из любви к покойнику держут его по несколь-

ку недель в юрте, сделав для него рамы наподобие лежащей боком треугольной призмы. Сии рамы делают они по величине мёртваго, обтягивают и обшивают их кругом кожами. Сажают туда покойника так, чтоб он был в положении сидячаго человека, и до тех пор хранят его в отделённом месте юрты, покуда жестокой смрад не принудит похоронить онаго. Маленьких же детей, так как удобнее и крепче можно зделать для них таковое хранилище, держат по году и более или до тех пор, как родится другой ребёнок. Украшают оное снаружи бисером, коральками, ремешками, топорковыми носками и подвешивают его близ своих постель.

Я окончу описание моё об островитянах общим замечанием о их способностях, нраве и склонностях. Алеуты одарены природным разумом, имеют многия способности и довольно понятны. Я видел некоторых из них, играющих в карты (сему искусству обязаны они руским промышленникам, которые от праздности здесь тем только и занимаются, не думая ни мало показать островитянам что-нибудь полезное. Проживая по нескольку лет без всякаго дела на одном месте, могли бы сделать пробу над хлебопашеством, садить огородные овощи, развести домашних животных и выучить алеут нужным рукоделиям; из всего онаго, увидев островитяне немалую пользу, охотно бы последовали их примеру) и в шашки, большую игру называемою шах, так хорошо, что никто из сопутников наших не мог у них выигрывать. Природные жители нраву тихаго и миролюбиваго. Мы во всё наше здесь пребывание не видали между ими никаких несогласий или раздоров.

Во время путешествия моего кругом острова в селениях принимали меня с отменною ласкою и угощали весьма усердно, можно сказать, что гостеприимство между сими дикими есть первая добродетель, оказываемая не токмо приятелям или знакомым, но вообще всем проезжим чрез их селения. Я сам был свидетелем, что других островов незнакомым совсем алеутам отдавали половину последняго своего запасу без всякой платы; притом наблюдается ещё похвальное обыкновение, чтоб не иметь стыда просить себе пищи, стоит только имеющему в ней нужду надеть дорожное верхнее платье, камлею и шляпу, придти в юрту и сесть посредине оной, тогда уже всякой узнает его нужду и даст ему, что имеет. К похвале алеут надобно ещё сказать, что они не воры, и сего общаго порока, свойственнаго всем диким, населяющим берега и острова Восточнаго и Южнаго океана, не имеют. Также и прочих худых склонностей в них не приметно, кроме лености и неблагодарности. Сильных страстей никогда не изъявляют и при чрезвычайных

произшествиях не видно на лицах их ни досады, ни печали, ни радости. Ежели из дальнаго отсутствия возвратился ближней родственник, то так равнодушно его встречают, что не встанут с места и не показывают даже виду удовольствий, как-будто приехавший никуды не отлучался. Входит он в юрту, не делая никакаго поздравления и не говоря ни слова, садится в своём отделении близь жены или родни, снимает дорожное платье, и когда попросит, дают ему есть, а ежели озяб, согревают плошкою с огнём. Потом без дальнаго любопытства с обеих сторон, ежели вздумается, один разсказывает про своё путешествие, а те ему объявляют случившееся без него.

ГЛАВА XI

Приуготовление к походу. Совет о расположении сего лета плавания. Отправление с острова Уналашки. Плавание к Петропавловской гавани и к Охотску. Окончание экспедиции.

1792 г., апрель. В начале апреля месяца приехали с острова Кадьяка на маленьких байдарках двое руских промышленников от находящегося там управителя купца Баранова (после отбытия нашего из Кадьяка прежней управитель Деларов сменён) с прозьбою о снабдении их некоторыми нужными для них припасами. Мы отпустили им сколько могли из остающихся за употреблением нашим излишние.

В прошедшую компанию примечена была течь в катере «Чёрном орле», почему для осмотрения подводной части его выгрузили мы из него все тягости и балласт на берег, поставили его при полной воде на мелкое место и сумнительные места в пазах у обшивных досок оконопатили. После сего, отведя на глубину, погрузили в него опять балласт и все тягости.

10-го числа острова Акуна алеуты привезли к нам свежей рыбы, которой мы тем более обрадовались, что здесь ещё мало оной ловилось. С сими островитянами приехал с острова Унимака атхинской тоён Паньков. Он сказывал, что во время его зимовки на сем острову находившиеся с ним алеуты все были больны, двое умерли и сам он опасно был болен.

15-го числа был совет в разсуждении расположения сего лета нашего плавания, в коем капитан Галл, Беринг и я согласно положили: при следовании ныне в Камчатку сделать сей путь сколько можно полезным. Сначала идти от острова Уналашки по северную сторону Лисьих островов к острову Атхе и по возможности

осмотреть лежащие между ими прочие острова, а как известно, что на острове Атхе есть заливы, в кои входили прежде руския промышленничьи суда, то при случае, ежели ветры будут способствовать, войти в один из заливов для описания сего острова. На такой конец по согласию главнаго тех островов тоёна Панькова взяты на каждое наше судно из находящихся с ним знающих те места по два алеута. От Атхи следовать по северную ж сторону островов до острова Семисопошнаго, стараясь как возможно вернее определить разстояние между островами Атхи, Егитки, Ситхина и Адаха. Осмотря Семисопошной, пуститься в пролив на южную сторону островов и идти мимо Амчитки и Кыски; потом держать между сим последним и Булдырем в пролив к северо-западу. При обходе северной стороны Семича и Атту, ежели ветры благоприятствовать будут, зайти в залив, лежащей на северной стороне сего последняго острова, в коем прежде сего стаивали на якорях промышленничьи суда. В противном же случае, ежели сему что воспрепятствует, тогда, не теряя времени, исполнять данное от капитана Биллингса предписание, то есть поспешать к Камчатке в Петропавловскую гавань. В половине сего месяца показались вновь прилетевшие гуси отменнаго рода, называемые канадскими.

17-го, видя, что хорошая погода установилась, поехали мы, капитан Галл и я, на трёхместных байдарках к восточному мысу острова Уналашки для взятия полуденной высоты Солнца. Но мы не успели доехать до залива Самгануды, как зделался крепкой юго-восточной ветр с дождём и снегом, так что мы принуждены были пристать к берегу и идти пешком чрез гору в селение Боброво. Измучась и перемокнув, наконец достигли мы до онаго и ночевали спокойно. На другой день стало опять ясно, и мы успели чрез наблюдение полуденной высоты Солнца с мысу, лежащаго в одной с половиною миле от селения к востоку, определить широту места 53°58'. Ввечеру переехали мы чрез Бобровую губу на Спиркин остров и в селении того ж имени ночевали. 19-го возвратились к своему судну.

21-го приехал посланной для описи островов Унимака, Саннаха и мыса Аляксы геодезии сержант Худяков и с ним пятьдесят пять человек алеут. Сии алеуты охотно положили на себя ясак, и каждой из них по состоянию своему обещал платить ежегодно бобра или лисицу. Мы тоёнам дали медали, а прочих одарили табаком, бисером и ножами. При возложении именем ея императорскаго величества на тоёнов медалей объясняли мы им, как они должны уважать и беречь сей знак монаршаго благоволения, и что имеющий

оной может без опасения ехать на всякое пришедшее к островам их судно, какой бы оное нации ни было, ибо тотчас по знаку сему увидят, что они находятся под покровительством ея императорскаго величества, и потому никто не дерзнёт делать им обиды. Островитяне слушали нас с великим вниманием и были весьма довольны. Каждому получившему медаль даны грамоты за подписанием начальствующего экспедициею и с приложением печати.

В последних числах апреля рыба, палтусы и треска, стала ловиться более прежняго, и 26-го числа впервые показалась красная рыба в речке при Веселовском селении.

К 27-му числу изготовились мы совсем к походу, вытянули оба судна из-за островка и стали на якорь против селения Иллюлюк. Больные наши при употреблении в пищу свежей рыбы и зелени приметно оправлялись, но при всём том тридцать человек было ещё больных и несколько слабых. Сие самое побудило нас остаться здесь ещё на две недели.

В девятимесячное наше пребывание на сем острову погоды безпрестанно продолжались ненастные, небо было всегда покрыто облаками, и редкой день проходил, чтоб дождь, снег или туман с мокротой попеременно нас не беспокоили. Солнце так редко показывалось, что во всё оное время насчитали мы только девятнадцать дней, в которые оное было видно.

16 майя при тихом юго-восточном ветре вышли мы из гавани в море и ввечеру миновали Веселовской мыс. Ночь всю и следующей день было безветрие, и мы очень мало подвигались вперёд. В полдень широта по наблюдению найдена 54°05', долгота 192°39', склонение компаса сыскано чрез азимут 20°24' восточное.

Ввечеру зделался тихой попутной ветр от юго-востока, с которым продолжали мы идти к западу. На другой день поутру в восемь часов увидели высокой камень наподобие столба, показавшийся нам издали большим судном с распущенными парусами. В полдень был он от нас по компасу на *ZW* 10°00' в пяти милях. Тогда находились мы в широте 54°01', долготе 191°54'. Из сего видеть можно, что на карте капитана Кука сей камень положен западнее по долготе сорока восемью минутами. Я не думаю, чтоб с нашей стороны могла быть погрешность, ибо пред полуднем за два часа на острове Уналашке видели мы многие приметные места, по пеленгам коих утвердил я широту и долготу нашего места.

Следующие два дни при противном ветре от юго-запада и пасмурной погоде лавировали.

20-го в полдень найдена по наблюдению широта места 64°00', долгота 190°26'. Скоро после полудня ветр стих и открылись из-под туману острова Умнак и Уналашка. По положении нами пеленгов на карту усмотрели мы, что против счисления нашего находимся северо-восточнее двадцатью девятью милями. Причиною сему должно полагать течение моря.

Ввечеру ветр сделался от юго-востока, чего ради и пошли мы в параллель острова Умнака. Поутру, хотя берег сего острова и закрыт был мрачностию, но временно показывались верхи гор. В девять часов на *ZZO* открылись два острова из числа Четырёхсопошных; тогда же видна была на Уналашке высокая огнедышущая сопка на *NO* 88°00'. Широта в полдень найдена 53°11', долгота 190°00'. Ближней из Четырёхсопошных островов был от нас в сие время *ZO* 80°00' в восьми милях; другой же за оным *ZO* 64°00' в двенадцати милях. Первой величиною в окружности до двух, второй около тринадцати миль, оба гористы. Сей последний, называемый Чугинок, должен быть один из четырёх, виденных нами в 1790 году. Прочие же острова закрыты были от нас туманом.

23-го поутру по прочищении несколько тумана увидели мы на юго-востоке землю. Бывшие у нас алеуты почитали оную северовосточным мысом острова Атхи, но после, когда воздух от тумана совсем очистился, узнали, что видимая нами земля есть остров Сигуам, в то ж время открылся и остров Амля. В полдень найдена по наблюдению широта 52°27', долгота 187°09'. Сигуам был тогда от нас на *OZO* в восьми милях, а восточной мыс острова Атхи на *ZW* 10°00' в двадцати семи милях. Когда я по широте и по сим пеленгам определил место нашего судна на карте, сочинённой мною во время плавания моего в 1790 году, тогда в счислении нашем оказалось разности в долготе только двадцать пять минут.

24-го в полдень по наблюдению найдены широта 52°37', долгота 187°08', склонение компаса 14°44' восточное. В прошедшую ночь примечено, что течением моря снесло нас на *NtO* на десять миль. Пред полуднем ветр задул от северо-запада, а к вечеру, усилившись, перешёл к западу и нагнал густой туман.

25-го поутру не видно было судна «Слава России», хотя туман и довольно прочистился, ветр стал отходить к югу и, наконец, сделался от юго-востока. Я приказал ночь всю держать на $ZZW^{1}/_{2}W$ прямо к северо-восточному мысу острова Атхи, уверен будучи, что судно «Слава России» должно туда ж идти, где и надеялся с ним соединиться, но 27-го числа поутру увидели мы оное назади, почему,

убавив парусов, его дождались; между тем, ветр стал переменяться и, обходя чрез север, сделался от запада.

28-го поутру увидели в мрачности на *ZZO* северо-восточной мыс острова Атхи. На сем мысу есть отменная высотою от прочих гор, бывшая прежде огнедышущая сопка, которая давно уже гореть перестала. Двои сутки при переменных противных ветрах от юго-запада и юга лавировали в виду берегов острова Атхи. В сие время примечено, что течением моря сносило нас к северо-востоку по одиннадцать миль в сутки.

29-го в полдень по наблюдению широта места найдена 52°40', долгота 185°49'. Острова Атхи оконечность к северо-востоку была от нас *ZO* 61°00' в двадцати двух милях, мыс Коровинскаго залива *ZO* 10°00' в двадцати милях. Склонение компаса сыскано чрез азимут 13°42' восточное.

30-го ветр сделался от *ONO*, с мрачностью. И как при оном нельзя было войти ни в которой залив острова Атхи, то, не теряя напрасно времени, стали держать к острову Ситхину, после чего скоро открылись два небольшие острова Конюжей и Косаточей, виденныя нами в 1790 году. Ночью ветр утих и поутру очистился совсем туман, тогда открылися острова Адах, Канага и Ситхин. Сей последней состоит из одной огнедышущей горы, поднимающейся так высоко, что самые верхние облака опоясывают оную на половине её высоты. 31-го в полдень широта по наблюдению найдена 52°13', долгота 183°27', остров Ситхин был тогда от нас на *O* в тринадцати милях, Адаха северной мыс *ZO* 40°00' в двенадцати милях, острова Канаги северо-западной мыс *ZW* 35°00' в двадцать одной миле. Взятыя нами на острове Уналашке здешних островов алеуты по желанию их отпущены с наших судов в свои домы. Они, имея с собою байдарки и будучи в близком разстоянии от берега, при настоявшей тихой погоде удобно могли доехать до своих селениев.

Июня 1-го в полдень миновали остров Танагу. После полудня туман закрыл от нас все острова. При северо-восточном ветре держали мы прямо к острову Семисопошному и на другой день поутру, увидев оный, поворотили на юг, в пролив к острову Амчитке. В полдень широта 52°05', долгота 180°24'. Острова Семисопошнаго восточный мыс был тогда от нас *ZW* 11°00' в шести милях. Сей остров обитаем людьми, величиной он в окружности до тридцати миль, состоит из невысоких гор. На восточной его стороне из одной небольшой горы видели мы выходящей густой дым.

Замечания достойно, что, начиная от Америки, по всей цепи Алеутских островов, продолжающихся грядою, есть огнедышущие горы, многие из них гореть совсем перестали, а из некоторых идёт только дым. Прежде же сего, как сказывают, бывали сильныя извержения с страшными землетрясениями, опровергавшими горы и утёсы, да и по берегам островов видно, что подземельной огонь произвёл великие перемены. Во многих местах слои каменных утёсов находятся в чрезвычайном безпорядке; иные опускаются под острым углом в море и опять подымаются вверх, то перпендикулярно, то косвенно, а в иных местах и переопрокинуты. Сие самое даёт повод к заключению, что вся оная гряда островов, продолжающихся один за другим от мыса Аляксы до Камчатки, была, может быть, некогда безпрерывным кряжем матерой земли, которая от сильных землетрясений разделилась на острова и произвела проливы.

После полудни ветр стал усиливаться и к вечеру сделался чрезвычайно крепкий, с немалым волнением. До шести часов держали мы прямо к острову Амчитке в надежде засветло его осмотреть, но как густая пасмурность с наступающей ночною темнотою закрывала сей остров, то поворотили мы прочь от онаго. Ночь всю мы шли под малыми парусами к югу, следуя за судном «Слава России»; пред утром густый туман закрыл его от нас, и как в шесть часов утра по прочищении воздуху от туману не видно его было, то я переменил курс и приказал держать на *WtZ*.

В полдень широта по наблюдению найдена 50°34, долгота 179°30', ветр стал несколько стихать и заходить к северо-западу.

6-го в полдень широта по наблюдению найдена 50°23', долгота 175°41', склонение компаса сыскано чрез азимут 11°04' восточное.

Намерение моё было осмотреть остров Атху, и для того старался я приближиться к оному.

8-го числа по счислению были близко сего острова, но густая мрачность закрывала его от нас. Туман продолжался безпрестанно и следующие дни, между тем, востал ветр от юга, почему, не теряя напрасно времени, решился я, оставя сей остров, идти прямо к Авачинской губе.

16-го прочистилось несколько от туману, и открылся на северозападе Шипунской мыс в сорока шести милях. Тогда увидели мы, что счисление нашего пути от острова Уналашки показывало место наше назад по долготе на 3°29'. Причиною таковой погрешности я полагаю течение моря, которое было попутное по выходе нашем на южную сторону островов. Напротив того, будучи на северной стороне оных, видели мы, что оно было нам противное, и ежели б

мы тогда при счислении нашего пути не исключали примеченнаго течения моря, то счислимой пункт наш далеко бы был впереди.

Алеуты Андреяновских островов сказывали, что сие действие моря продолжается только до осени, тогда переменяется течение, на северной стороне острова обращается оно к западу, а на южной к востоку. При разсматривании журналов прежних плаваниев, видеть можно, что мореплаватели, отправляющиеся летом из Камчатки по северную сторону островов к востоку, всегда находили, что счисление их было назади, идущие же осенью к западу по южную сторону оных счислением были впереди. Прошедшаго года капитан Галл, идучи сим путём на Уналашку, нашёл, что счисление его было назад 3°25' по долготе. В 1790 году осенью при возвратном нашем пути от Америки на судне «Слава России» счисление на карте было далеко на берегу Камчатки, но мы не видели ещё земли.

17-го ввечеру вошли мы в устье Авачинской губы и за безветрием остановились на якоре, пройдя немного три высокия камня, называемые Три Брата, на глубине девять саженей, дне пещаном.

19-го при возставшем благополучном от юга ветре вошли в Авачинскую губу и стали на якорь близь Петропавловской гавани. Здесь нашли судно «Слава России», пришедшее прежде нас тремя днями, и другое, стоящее на якоре, купеческое двухмачтовое, под англинским флагом.

Во время стояния нашего в устье Авачинской губы примечено при началах прилива и отлива моря два разных течения; одно верхнее, глубиною от поверхности моря на сажень или несколько более, идущее с приливом или отливом, другое нижнее, под слоем перваго течения, стремящееся совсем в противную сторону. (Известный естества-испытатель граф Бюфон в XI статье доказательства своего на теорию земли на 64 странице говорит, что примеченные некоторыми наблюдателями верхния течения в Босфоре и Гибралтарском проливе несправедливы, и что таковые течения противны законам гидростатики. Однако после в примечанием своём на сию статью признаётся в несправедливом своём заключении, получив от г. Деланда убедительные с опытами доказательства о существовании верхняго и нижняго течения. Г. Деланд следствие сего явления относит давлению воды и действиям ветров, но причины примеченнаго нами течения, полагать должно, от прилива и отлива океана, ибо заметил я, что при окончании отлива вода во всю глубину свою стремилась в одну сторону, и при начале прилива, когда вода должна была обращаться на прилив, следуя

движению Луны, тогда поверхность моря, подлежащая большому ея действию, прежде переменяла своё течение и стремилась на прилив, между тем, как внизу или в глубине она следовала ещё прежнему своему направлению. От чего и происходили два течения, верхнее и нижнее.) Таковое же действие моря примечено нами было и прежде, во время тишины, близь американскаго берега у острова Цукли на глубине шестьдесят сажен. Опущенный на дно лотлинь изгибался по направлению течения в разные стороны, и привязанные к лотлиню марки из фландуку, означающие сажени, верхние обращены были по направлению верхняго течения, а нижние влекомы были совсем в противную сторону исподним течением.

По прибытии нашем в Петропавловскую гавань оставалось ещё исполнить нам предписание капитана Биллингса, касающееся до описи Корейскаго моря. На двух судах к сему делу приступить мы не могли в разсуждении малаго количества оставшейся морской провизии и худаго состояния парусов и такелажа, почему с совету всех офицеров положено большое судно «Слава Россию» оставить в Петропавловской гавани, а катер «Чёрной орёл», исправив и снарядив всем нужным с другаго судна, употребить к плаванию в Корейское море. На сей конец оба судна ввели в гавань, и катер «Чёрной орёл» стали исправлять, а как во время прошедшаго плавания примечено на сем судне, что мачта очень ниска и топ ея короток, да и многие паруса пришли в ветхость, то мачту вынули и увеличили, паруса переправили и худой такелаж переменили на хороший с судна «Слава России».

Июль 7-го. Англинское купеческое судно по запасении водою и дровами отправилось в море. Сие судно приходило из Бенгал, на оном был сам хозяин, англичанин Барклей. Товары его состояли в железе, листовой меди для обшивки судов, простой бумажной материи и разных мелочах. К нещастию его, в сие время из российских купцов никого в Камчатке не было, и потому ничего он не продал, кроме некоторых мелочей частным людям. Нам же променял часть своей провизии на мягкую рухлядь и моржовые зубы.

Ежели иностранные купцы вознамерятся привозить в здешнюю гавань товары, то должны непременно сделать прежде условие в Петербурге с российскими купцами, имеющими торги свои в Сибири, как о свойстве товаров, так и о цене оных. В противном случае, не взявши сей предосторожности, невозможно здесь продать товаров, ибо настоящие купцы сами сюда не ездят, а посылают своих

прикащиков, не имеющих от хозяев ни доверенности, ни денег на покупку большаго количества товаров.

К 15-му числу судно «Чёрной орел» приуготовили совсем к походу, вывели его из Петропавловской гавани и в ожидании попутнаго ветра поставили на якорь в Авачинской губе. Капитан Галл перебрался ко мне на судно. Несколько нижних чинов прибавили с судна «Слава России», так что всех с чиновниками находилось сорок человек. Капитан Беринг с прочею командою остался в Петропавловской гавани. Ему предписано было от капитана Галла отдать судно «Слава России» в ведение командира здешней гавани и по прибытии из Охотска транспортнаго судна отправиться на оном с командою в Охотск.

Противные ветры и безветрия, продолжавшиеся безпрестанно, не выпускали нас из Авачинской губы по 6-е число августа, тогда при возставшем попутном ветре вышли в море и направили путь к юго-западу, вдоль камчатских берегов и Курильских островов.

До 20 августа ничего примечания достойнаго не случилось, густые туманы с мокротою закрывали от нас всегда берег, а поутру сего числа из-под туману увидели на *WZW* землю. По приближении к оной открылся небольшой гористой остров. В полдень был он от нас *NW* 30°00' в семи с половиной милях, а на *WtZ* видны были верхи гор в разстоянии примерно двадцать миль. Широта тогда по наблюдению найдена 47°28', долгота 154°04'. По положении на англинскую карту широты нашего места, оказалось, что виденной нами берег должен быть остров Мариакан, а по российским бывшим у нас картам (хотя верно и нельзя узнать в разсуждении положения Курильских островов не в настоящих широтах), полагать надобно, что виденные нами острова должны быть четвёртойнадесять и пятойнадесять.

Мы хотели осмотреть обстоятельно сии острова, но скоро после полудни закрыл их от нас густой туман и продолжался безпрестанно следующие дни. Ветры были в сие время от юга, юго-запада и юго-востока, препятствовавшие нашему плаванию, так что не подавались мы нисколько вперёд. Сие самое принудило отменить предприятое нами плавание в Корейское море, до коего оставалось ещё немалое разстояние. Наступал сентябрь месяц и приближилось время бурных ветров, свирепствующих здесь осенью, при коих не токмо описывать неизвестные берега, но опасно плавать и на открытых морях. Положено было с общаго совету всех офицеров идти в Охотской порт.

25-го в полдень находились по наблюдению в широте 40°10', долготе 155°41', после полудня в четыре часа седьмой Курильской остров был от нас *NW* 43°00' в сорока восьми милях; вдали острая высокая гора на второмнадесять острове видна была на *ZW* 80°00' в семидесяти милях. После полудни густой туман закрыл от нас виденные острова. Южно-западной ветр стал усиливаться и к 26-му числу сделался чрезвычайно крепок, так что принуждены мы были, поравнявшись против третьяго пролива, лечь в дрейф.

28-го ветр стих, туман прочистился, тогда открылась южно-западная часть втораго острова и верх трёх сопок на пятом острове.

30-го, будучи в полдень в широте по наблюдению 49°55', долготе 156°29', ввечеру чрез азимут найдено склонение компаса 5°30' восточное.

До 31-го числа при противном северо-западном ветре лавировали между вторым и пятым островом. В полдень широта счислимая 50°05', долгота 156°15', втораго острова южно-западной мыс был от нас *ZO* 72° в четырнадцати милях, пятаго острова северная оконечность на *ZW* 12° в двадцати пяти милях. К вечеру ветр сделался от юго-востока, и мы к другому дню отделились довольно далеко от островов.

Сентября 10-го числа, находясь в широте 55°57', долготе 149°22', нашли склонение компаса 2°49' восточное.

13-го поутру на разсвете увидели землю на северо-западе, милях в пятнадцати; глубина тогда оказалась тридцать шесть саженей, на дне мелкой камень. До полудни лавировали мы при северном ветре в виду сей земли, которая была утёсистый берег, лежащий немного южнее устья реки Ульи. 15-го сделался попутной нам от юго-востока ветр, с помощию онаго подошли мы к устью реки Охоты, но за наступившею ночью стали на якорь против охотских соловарен на глубине десяти сажен, дне пещаном.

16-го поутру ветр зашёл к востоку и стал крепчать, почему простояли мы на якоре до следующаго дня, тогда ветр отошёл к северо-западу, и мы приближились к охотскому рейду и стали на якорь на глубине семь саженей, дне пещаном, в ожидании приливу воды. 18-го ввечеру при исполнении воды вошли в устье реки Охоты и остановились в сей реке близь самаго города.

На другой день все люди перебрались на берег, и судно стали разоружать и выгружать из онаго как провизию, так и материалы. По выгрузке из судна и по разоружении подвели оное при

полной воде к самому берегу и, вытащив несколько на оной, подложили под его киль блоки и подставили подпоры, дабы безопасно оно могло стоять в продолжение зимы.

Мы известились здесь, что капитан Биллингс кончил благополучно свой путь чрез Чукоцкую землю и прибыл в город Якутск. Капитан Галл послал к нему рапорт, как о прибытии своём в Охотск, так и о расположении нашем к зимовке, а между тем, требовал дальнейших повелений.

1792 г., октябрь. В начале октября пошли морозы, выпал снег, а 24-го река Охота покрылась льдом.

С прибытия нашего и чрез всю зиму ветры стояли северные между северо-востоком и северо-западом при ясной погоде; восточные редко когда были, которые здесь обыкновенно в сие время дуют непродолжительно, но с жестокостью и приносят с собою ненастные погоды и снег.

1793 г., февраль. В начале февраля капитан Галл получил из Якутска от капитана Биллингса повеление оставить продолжение экспедиции и отдать судно «Чёрной орёл» со всеми принадлежащими снарядами в здешний порт, команду же отправить при первом удобном случае в Якутск.

За неимением в Охотске лошадей не могли мы отправиться в Якутск так скоро, как бы мы желали, но должны были дожидать прибытия из Якутска конвоев с провиантами, дабы лошадей из-под оных употребить для отправления нашего. Первые лошади пришли в Охотск не прежде июля, но тогда наставшие ненастные погоды с безпрерывными дождями удержали нас ещё две недели.

1793 г., июль. 14-го выехали мы из Охотска. За разлитием реки Охоты, наводнившейся от бывших дождей, с нуждою в два дни добрались до перваго селения, отстоящаго от Охотска в тридцати верстах, называемаго Медвежья голова, где должны были жить до 20-го числа. Тогда убыло воды на четыре фута, река стала входить в берега, и мы отправились далее.

24-го прибыли мы к Юдомскому Кресту, где по приказанию капитана Галла приготовлена была для нас лодка, на которой мы пустились вниз по реке Юдоме, и чрез четыре дни, выплыв на реку Алдан, пристали к Усть-Майской пристани. От сего места до города Якутска ехали берегом на верховых лошадях и 6 августа прибыли в сей город.

Здесь нашли капитана Биллингса и прочих бывших с ним в пути чрез Чукоцкую землю.

Как от Якутска к Иркутску тележной дороги нет, то в летнее время, доколе река Лена не покроется льдом, все желающие ехать в Иркутск должны плыть на больших судах, отправляющихся вверх по реке бичевою до Качугской пристани, а оттуда уже ехать на лошадях телегами. Мы принуждены были три недели дожидать отправления таковаго судна, на котором очень покойно дошли до города Киринги, где, дождавшись зимняго пути, лошадьми уже на санях доехали до города Иркутска.

1793 г., август. В сем городе препроводили мы три месяца, между тем, всех служителей, взятых из разных городов Сибири, разослали в прежние их команды; прочие же, бывшие из Петербурга, отправились с нами в сию столицу, куда и прибыли в апреле месяце (1794 г. — *Ред*.).

Конец

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

С. В. ГАВРИЛОВ

МОРЕ КОРМИТ, МОРЕ ХОРОНИТ

Море продолжает собирать свою скорбную дань. За время, истекшее со времени публикации четвёртого выпуска «Летописца», нами выявлены ещё сорок погибших, имена которых известны, и шестнадцать, увы, безымянных жертв морской стихии за 1906, 1945, 1947, 1978 и 2013—2015 гг.

1906

21 сентября в устье реки Озерной на шлюпке-восьмёрке перевернулись и утонули восемь матросов транспорта «Колыма» Сибирской военной флотилии. В этот день погибли [1, с. 16—17]:

Берюнок Трофим
Волков Степан
Питюлин Георгий
Полковников Тимофей
Порсинский Михаил
Тимкин Матвей
Шабуров Яков
Шишкин Сергей.

Их тела были найдены и похоронены в братской могиле на старом, ныне не существующем кладбище в Петропавловске. Сейчас на его месте находятся здание городской администрации, жилые дома, проходит главная городская магистраль. На могиле был поставлен заметный памятник, состоявший из бетонного основания в виде усечённой конусообразной пирамиды, увенчанной чугунным православным крестом с венком наверху. На кресте было написано: «Погибшим в борьбе с волнами. Вечная память».

Фрагмент этого креста сейчас выставлен в постоянной экспозиции Камчатского краевого объединённого музея.

1945

18 августа во время боя за высадку передовой группы войск на остров Шушму в ходе завершающего сражения Второй мировой войны — Курильской десантной операции взорвался и затонул пограничный катер ПК-8 Камчатского морского пограничного

отряда. Он принял на себя артиллерийский огонь японских батарей, прикрывая группу офицеров, высаживавшихся на берег с пограничного сторожевого корабля «Дзержинский», получил несколько попаданий. Было убито несколько членов экипажа, катер загорелся. По приказу старшего начальника, находившегося на нём, уцелевшие моряки сошли на берег и влились в ряды десантников.

Смертью героев во время выполнения воинского долга пали [2, с. 65—66]:

старший лейтенант, командир катера Федченко Н. Т.

старшина 2-й статьи, командир отделения рулевых Бородянко С. В.

краснофлотец, комендор Елагин К. Г.

старшина 2-й статьи Злобин Б. И.

старший краснофлотец, командир группы мотористов Одиноков В. И.

Памятник на могиле моряков транспорта «Колыма» и верхняя часть надгробного креста с него из экспозиции Камчатского краевого объединённого музея

1947

2 июля двадцатитонный грузовой кунгас № 1055 Озерновского рыбокомбината ГКРП заводил в реку Озерную катер № 659. В самом устье реки буксир лопнул, катер намотал его на гребной винт и остановился. Кунгас развернуло лагом к бурунам, залило волнами, а затем кунгас выбросило на берег и разбило. При этом двух кунгасников смыло за борт, и они погибли [3, л. 1]. К сожалению, их имена нам пока установить не удалось.

19 июля такой же двадцатитонный грузовой кунгас № 1340 Майно-Пыльгинского рыбокомбината ГКРП, заполненный солью, заводили в реку. Буксирный трос порвался, кунгас перевернулся. Из трёх находившихся на нём членов экипажа удалось спасти только одного [2, л. 1].

4 августа моторный кавасаки № 253 «Невер» Авачинского рыбокомбината ГКРП (его база располагалась в бухте Тарье, ныне Крашенинникова), заводя в реку Авачу кунгас с солью, сел в устье на мель. Кунгас, не имевший возможности двигаться самостоятельно, удерживался возле кавасаки на буксире. «Кунгасник, опасаясь оставаться на кунгасе в полосе бурунов, решил перебраться на берег. С этой целью он спустился в воду в одежде и обуви и сразу скрылся под водой и погиб. Через полтора часа труп выбросило на берег...» Так погиб кунгасник Храпов.

Причиной аварии названо отсутствие знаков ограждения на фарватере и в устье реки [2, л. 1].

5 ноября потерпел аварию грузовой кунгас № 1465 Ново-Олюторского рыбокомбината ГКРП. При этом погибли пятеро рабочих-корейцев.

Рано утром 4 ноября их послали на буксире катера «Столбовой» с рыбозавода № 5 в бухту Лаврова за дровами. В тот же день в 18.00 катер с кунгасом, заполненным дровами, возвратился на рейд рыбозавода. Его директор плавсредство под разгрузку к берегу не принял. Люди остались на рейде, где переночевали. Утром 5 ноября подул шестибалльный восточный ветер, но сигналов с берега о подаче кунгаса под разгрузку по-прежнему не было. Начался снегопад. Старшина катера взял кунгас на буксир и повёл его в бухту Южно-Глубокую. По пути дважды рвался буксир. После второго обрыва катер пытался снять рабочих, но из-за крупного волнения этого сделать не смог. Кунгас залило, и катер потерял его. В тот же день в 12.00 кунгас был найден на берегу в пяти милях к западу от бухты Южно-Глубокой полностью разбитым. Тут же обнаружены пять тел рабочих [2, л. 2—3].

Причиной гибели людей названа «вина лиц береговых учреждений».

1978

14 сентября в 19.15 при заходе в устье реки Крутогорово опрокинулся на барах рыболовный бот РБ-80 № 151 Крутогоровского рыбоконсервного завода ПО «Камчатрыбпром», в результате чего погибли семь человек.

Судно работало в транспортном варианте, обслуживая бригаду сетного лова, было укомплектовано спасательными средствами и средствами связи, экипаж по морским дипломам соответствовал занимаемым должностям. По распоряжению заместителя директора завода на бот погрузили три ящика автозапчастей, привезённых из посёлка Ичи к реке. Кроме этого, капитан самостоятельно взял на борт трёх пассажиров из числа работников завода, находившихся в отпуске и отгулах и решивших поохотиться, а также поставил на палубу лодку «Казанка», два мотора «Вихрь» и личные вещи охотников.

Погода на переходе стояла благоприятная, дул умеренный юго-западный ветер, было ясно. На подходе к устью реки Крутогоровой капитан запросил у диспетчера завода разрешение на вход и получил его. Стояла полная вода, до этого в реку благополучно зашли МРС-80 и катер тип «Ж», доложив диспетчеру, что условия хорошие. РБ-80 шёл полным ходом, двери в рулевую рубку не были закрыты. Подход к устью осуществлялся с севера, лагом к волне и в непосредственно близости от песчаной отмели. Экипаж и пассажиры пребывали на палубе без спасательных жилетов. В момент входа на бар на подошве крутой волны судно коснулось грунта и получило крен. Незакреплённый груз и пассажиры сместились, увеличив крен ещё больше, следующей волной судно было опрокинуто. Все находившиеся на палубе и в рулевой рубке погибли. Заведующий гаражом выплыл на берег самостоятельно, механика и матроса извлекли из корпуса через вырезанное отверстие [4, л. 74].

Ниже представлены материалы о погибших тружениках моря за 2013—2015 гг., собранные при благожелательном содействии заместителя руководителя Государственной инспекции труда — заместителя главного государственного инспектора труда в Камчатском крае (по охране труда) советника государственной гражданской службы Российской Федерации 1-го класса Алексея Николаевича Кожевникова [5].

2013

31 июля в 20.00 в реке Ананапыльген утонул бригадир рыбаков прибрежного лова ООО «ТихВе» (Олюторский район, с. Пахачи) Люцко Андрей Юрьевич, 1984 г. р.

Лодка, шедшая к неводу, ударилась об отмель, бригадир выпал из неё в воду. Его тело нашли через двое суток.

21 августа утонул матрос-кок МРС-150 ООО «Дельта» (Усть-Большерецкий район, пос. Озерновский) Сайфуллин Рифкат Лотфуллович, 1962 г. р.

11 октября около 22.45 при невыясненных обстоятельствах на ходу судна упала за борт буфетчица БМРТ «Московская олимпиада» ОАО «Океанрыбфлот» Галеева Альмира Айратовна, 1988 г. р.

30 октября в 10.00 от сердечного приступа умер матрос КПС «Соломон» ООО «УТРФ» Хилько Василий Владимирович, 1966 г. р.

1 декабря в 10.15 на КРПС «Бристоль» ООО «Чатка» скончался старший механик Лунин Андрей Анатольевич, 1963 г. р.

18 декабря около 20.00 пропал без вести механик-наладчик технологического оборудования СЯМ «Тибурон» ЗАО «ЯМСы» Ким Валерий Ендокович, 1952 г. р.

Он не вышел на смену в рыбный цех завода. Поиски, проведённые на судне и в открытом море, результата не дали...

2014

17 января в 12.05 при нахождении в Охотском море в районе острова Парамушира от сердечного приступа скончался помощник капитана по производству СРТМ «Николай Котляр» ООО «Камчатимпэкс» Гатин Равиль Абдрахманович, 1968 г. р.

18 февраля в 20.45 во время пребывания в рейсе в районе порта Северо-Курильск скончался помощник капитана по радиоэлектронике СЯМ «Вераспер» ООО «Тымлатский рыбокомбинат» (Карагинский район, с. Тымлат) Устименко Александр Савельевич, 1958 г. р.

Находясь на ходовом мостике, он настраивал навигационное оборудование, почувствовал себя плохо, спустился в свою каюту, где вскоре потерял сознание. «Силами членов экипажа ему пытались оказать первую медицинскую помощь, но все усилия оказались тщетными».

9 апреля в реке Утке (Усть-Большерецкий район) утонул техник Уткинской наблюдательной группы ФГУП «КамчатНИРО» Алексеев Виталий Архипович, 1948 г. р.

18 апреля в 23.45 при нахождении теплохода «Карпаты» в китайском порту Далянь погиб матрос ЗАО «Артель старателей “Камчатка”» (Пенжинский район, с. Каменское) Васильев Павел Геннадьевич, 1965 г. р.

При следовании на судно он упал с трапа на причал, затем в воду.

19 мая в 08.30 на ошвартованном у причала судоремонтного предприятия в китайском порту Далянь БМРТ «Владимир Бабич»

ОАО «Океанрыбфлот» в помещении судового изолятора от долевой пневмонии скончался матрос 1-го класса Кожин Леонид Андреевич, 1968 г. р.

28 мая в 07.20 при нахождении БМРТ «Анатолий Пономарёв» ОАО «Океанрыбфлот» в Беринговом море в машинно-котельном отделении от сердечного приступа умер третий механик ОАО «Океанрыбфлот» Максимов Михаил Станиславович, 1960 г. р.

Его обнаружили лежащим на палубе в 05.07, все меры к спасению жизни, предпринятые судовым врачом, окончились безрезультатно.

24 июня в море во время доставки членов экипажа СРТМ-К «Финвал» на теплоходе «Афина» скончался внезапно почувствовавший себя плохо мастер обработки ООО «Поларис» Машуков Роман Николаевич, 1970 г. р.

1 июля около 23.10 при невыясненных обстоятельствах с борта МРС-150 № 353 ООО «Западный лиман» (Соболевский район, с. Соболево) исчез повар Дрянев Андрей Алексеевич, 1968 г. р.

Его тело нашли 17 июля в пятидесяти километрах севернее мыса Левашова.

21 июля около 06.30 исчез бригадир рыбаков прибрежного лова ООО «Фирма "Жупанова"» Саатов Рафаэль Хуррамович, 1972 г. р.

Трагедия разыгралась в бухте Третьи ворота Кроноцкого залива на Восточной Камчатке, в пятнадцати километрах от устья реки Жупановой. При доставке из бухты Большая Медвежка рыбы-сырца на рыбозавод «Жупановский» (расстояние сорок километров) моторная лодка, на которой находился бригадир, дала крен и опрокинулась.

25 июля, находясь в Анадырском заливе (Берингово море) на борту БМРТ «Борис Трофименко» ЗАО «Акрос», скончался машинист рыбомучной установки Колесников Павел Валерьевич, 1983 г. р.

15 августа в море, в Северо-Курильской промысловой подзоне, скончался четвёртый электромеханик БАТМ «Сероглазка» рыболовецкого колхоза им. В. И. Ленина Михалев Владимир Иванович, 1968 г. р.

В этот же день около 18.30 недалеко от посёлка Таёжного Мильковского района при переправе через реку Камчатку перевернулась самоходная баржа ОАО «Камчатавтодор».

Погиб капитан Павленко Виктор Алексеевич, 1956 г. р.

18 августа в период с 23.00 до 24.00 произошёл групповой несчастный случай. Погибли двое рыбаков ООО «Начикинское»

(Карагинский район, с. Ивашка). В воду с борта жилого кунгаса упали и пропали из виду:

рыбак ставного невода Кукленко Тимофей Владимирович, 1981 г. р.

механик катера Шкуратов Вячеслав Юрьевич, 1984 г. р.

Тело первого найдено утром 25 августа на правом берегу реки Ивашки, второго — через два дня примерно в пятистах метрах севернее устья реки, недалеко от береговой полосы.

28 ноября в Охотском море умер слесарь БМРТ «Министр Ишков» ОАО «Океанрыбфлот» Сизов Николай Николаевич, 1976 г. р.

«Произошло резкое ухудшение здоровья... реанимационные мероприятия не принесли положительного результата, в 01.00 судовой врач констатировал смерть».

22 декабря около 10.00 в своей каюте от острой сердечной недостаточности скончался старший механик МРТК-316 ФГУП «КамчатНИРО» Бажинский Сергей Александрович, 1964 г. р.

2015

8 января на находившемся в Охотском море обрабатывающем судне «Планета» рыболовецкого колхоза им. В. И. Ленина скончался помощник капитана по радиоэлектронике Шейгус Василий Аврамович, 1947 г. р.

21 января на ведшем промысел в Охотском море БМРТ «Министр Ишков» ПАО «Океанрыбфлот» от сердечной недостаточности скончался машинист рыбомучной установки Сирота Сергей Викторович, 1964 г. р.

«Был обнаружен в бессознательном состоянии и перемещён для выполнения реанимационных мероприятий в судовую амбулаторию... В 03.43 судовым врачом была констатирована смерть».

2 февраля в 14.30 при постановке порядка крабовых ловушек на промысле в Баренцевом море был сбит за борт ловушкой, находился в воде около двадцати минут и утонул старший мастер добычи краболовного судна «Камчатка» ООО «Мидель» Ли Игорь Владимирович, 1973 г. р.

Причиной смерти признано «нарушение требований охраны труда пострадавшим».

6 февраля в 13.25 во время промысла в Охотском море от острой сердечной недостаточности в своей каюте умер машинист рыбомучной установки СРТМ «Гранит» ООО «Рыбная компания “Лунтос”» Осипов Михаил Фёдорович, 1961 г. р.

21 февраля во время межвахтенного отдыха с 18.00 до 04.00 в Охотском море пропал с борта судна матрос СРТМ «Волк

Арктики» ООО «Рыболовецкая артель “Вилючинск”» Козырев Александр Сергеевич, 1992 г. р.

В ходе расследований обстоятельств нескольких смертельных несчастных случаев их основной причиной названо самоубийство. Так, 12 мая 2014 г. в 07.30 на рыболовном судне «Александр Ксенофонтов», стоявшем у причала, найден «в подвешенном состоянии» сорокатрёхлетний третий механик. А 25 сентября 2014 г. во время ремонта БМРТ «Иртышск» ОАО «Океанрыбфлот» в китайском порту Чжоушань свёл счёты с жизнью матрос 1-го класса, родившийся в 1980 г. [5].

ИСТОЧНИКИ

1. *Шерстенников Д.* Памятники и надписи как достопримечательности города Петропавловска-на-Камчатке. — Владивосток, 1913. — 21 с.

2. *Акшинский В. С.* Курильский десант. 2-е изд. — Петропавловск-Камчатский, 1995. — 190 с.

3. ГАКК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 1360.

4. Там же. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 2491.

5. Несчастные случаи в 2013, 2014, 2015 гг. База данных Государственной инспекции труда в Камчатском крае.

Приложение

МОРЯКИ И РАБОТНИКИ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, УМЕРШИЕ, УТОНУВШИЕ, ПОГИБШИЕ И ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Алексеев Виталий Архипович, 1948 г. р., техник Уткинской наблюдательной группы ФГУП «КамчатНИРО», утонул 9 апреля 2014 г.

Бажинский Сергей Александрович, 1964 г. р., старший механик МРТК-316 ФГУП «КамчатНИРО», скончался 22 декабря 2014 г.

Берюнок Трофим, матрос военного транспорта Сибирской флотилии «Колыма», утонул 21 сентября 1906 г.

Бородянко С. В., старшина 2-й статьи, командир отделения рулевых катера ПК-10 Камчатского морпогранотряда, погиб во время выполнения воинского долга 18 августа 1945 г.

Васильев Павел Геннадьевич, 1965 г. р., матрос ЗАО «Артель старателей “Камчатка”», утонул 18 апреля 2014 г.

Волков Степан, матрос военного транспорта Сибирской флотилии «Колыма», утонул 21 сентября 1906 г.

Галеева Альмира Айратовна, 1988 г. р., буфетчица БМРТ «Московская олимпиада» ОАО «Океанрыбфлот», упала за борт на ходу судна 11 октября 2013 г.

Гатин Равиль Абдрахманович, 1968 г. р., помощник капитана по производству СРТМ «Николай Котляр» ООО «Камчатимпэкс», умер в море 17 января 2014 г.

Дрянев Андрей Алексеевич, 1968 г. р., повар МРС-150 № 353 ООО «Западный лиман», Соболевский район, исчез с судна 1 июля 2014 г.

Елагин К. Г., краснофлотец, комендор катера ПК-10 Камчатского морпогранотряда, погиб во время выполнения воинского долга 18 августа 1945 г.

Злобин Б. И., старшина 2-й статьи катера ПК-10 Камчатского морпогранотряда, погиб во время выполнения воинского долга 18 августа 1945 г.

Ким Валерий Ендокович, 1952 г. р., механик-наладчик ТО СЯМ «Тибурон» ЗАО «ЯМСы». Исчез с судна в открытом море 18 декабря 2013 г.

Кожин Леонид Андреевич, 1968 г. р., матрос 1-го класса «Владимир Бабич» ОАО «Океанрыбфлот», скончался 19 мая 2014 г.

Козырев Александр Сергеевич, матрос СРТМ «Волк Арктики» ООО «Рыболовецкая артель "Вилючинск"», исчез с судна 21 февраля 2015 г.

Колесников Павел Валерьевич, 1983 г. р., машинист рыбомучной установки БМРТ «Борис Трофименко» ЗАО «Акрос», умер 25 июля 2014 г.

Кукленко Тимофей Владимирович, 1981 г. р., рыбак ставного невода ООО «Начикинское», утонул 18 августа 2014 г.

Ли Игорь Владимирович, 1973 г. р., старший мастер добычи краболовного судна «Камчатка» ООО «Мидель», утонул 2 февраля 2015 г.

Лунин Андрей Анатольевич, 1963 г. р., старший механик КРПС «Бристоль» ООО «Чатка», скончался на судне 1 декабря 2013 г.

Люцко Андрей Юрьевич, 1984 г. р., бригадир рыбаков прибрежного лова ООО «ТихВе», утонул 31 июля 2013 г.

Максимов Михаил Станиславович, 1960 г. р., третий механик БМРТ «Анатолий Пономарёв» ОАО «Океанрыбфлот», скончался 28 мая 2014 г.

Машуков Роман Николаевич, 1970 г. р., мастер обработки СРТМ-К «Финвал» ООО «Поларис», скончался 24 июня 2014 г.

Михалёв Владимир Иванович, четвёртый электромеханик БАТМ «Сероглазка» рыболовецкого колхоза им. В. И. Ленина, умер 15 августа 2014 г.

Одиноков В. И, старший краснофлотец, командир группы мотористов катера ПК-10 Камчатского морпогранотряда, погиб во время выполнения воинского долга 18 августа 1945 г.

Осипов Михаил Фёдорович, 1961 г. р., машинист РМУ СРТМ «Гранит» ООО рыбной компании «Лунтос», скончался 6 февраля 2015 г.

Питюлин Георгий, матрос военного транспорта Сибирской флотилии «Колыма», утонул 21 сентября 1906 г.

Полковников Тимофей, матрос военного транспорта Сибирской флотилии «Колыма», утонул 21 сентября 1906 г.

Порсинский Михаил, матрос военного транспорта Сибирской флотилии «Колыма», утонул 21 сентября 1906 г.

Саатов Рафаэль Хуррамович, 1972 г. р., бригадир рыбаков прибрежного лова ООО фирма «Жупанова», утонул 21 июля 2014 г.

Сайфуллин Рифкат Лотфуллович, 1962 г. р., матрос-кок МРС-150 ООО «Дельта», утонул 21 августа 2013 г.

Сизов Николай Николаевич, 1976 г. р., слесарь БМРТ «Министр Ишков» ОАО «Океанрыбфлот», скончался 28 ноября 2014 г.

Сирота Сергей Викторович, 1964 г. р., машинист РМУ БМРТ «Министр Ишков» ПАО «Океанрыбфлот», скончался 21 января 2015 г.

Тимкин Матвей, матрос военного транспорта Сибирской флотилии «Колыма», утонул 21 сентября 1906 г.

Устименко Александр Савельевич, 1958 г. р., помощник капитана по радиоэлектронике СЯМ «Вераспер» ООО «Тымлатский рыбокомбинат», умер в море 18 февраля 2014 г.

Федченко Н. Т., старший лейтенант, командир катера ПК-10 Камчатского морпогранотряда, погиб во время выполнения воинского долга 18 августа 1945 г.

Хилько Василий Владимирович, 1966 г. р., матрос КПС «Соломон» ООО «УТРФ», скончался 30 октября 2013 г.

Храпов, кунгасник Авачинского рыбокомбината ГКРП, утонул 4 августа 1947 г.

Шабуров Яков, матрос военного транспорта Сибирской флотилии «Колыма», утонул 21 сентября 1906 г.

Шейгус Василий Аврамович, 1947 г. р., помощник капитана по радиоэлектронике обрабатывающего судна «Планета» рыболовецкого колхоза им. В. И. Ленина, скончался 8 января 2015 г.

Шишкин Сергей, матрос военного транспорта Сибирской флотилии «Колыма», утонул 21 сентября 1906 г.

Шкуратов Вячеслав Юрьевич, 1984 г. р., механик катера ООО «Начикинское», утонул 18 августа 2014 г.

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

К 90-летию перехода сторожевого корабля «Воровский» на Дальний Восток

В. А. БАХТИН

«ВОРОВСКИЙ» НА ОХРАНЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖЕЙ

20 ноября 1924 г. в бухту Золотой Рог г. Владивостока прибыл сторожевой корабль «Воровский», совершивший длительный переход из Архангельска на Дальний Восток. В 2014 г. мы отметили 90-летие этого исторического перехода и присвоения кораблю имени «Воровский», и это хороший повод вспомнить его боевой путь. Сегодня об этом прославленном корабле многие слышали, на его счету много славных дел, о нём много написано. Любопытна и интересна его судьба до 1924 г., и ещё более богатой и насыщенной стала его биография после перехода на Дальний Восток.

В 1924 г. в целях усиления охраны рыбного промысла на Дальнем Востоке было принято решение направить одно посыльное судно из Архангельска во Владивосток. Выбор пал на «Воровский», обладавший хорошими мореходными качествами и большой автономностью, имевший относительно небольшой срок эксплуатации.

Судно было построено в 1901 г. в Англии, на верфи в г. Думбартоне по заказу американского миллионера, владельца нью-йоркской газеты «Нью-Йорк Геральд Трибьюн» Гордона Бенетти и получило название «Лизистрата» (в мифологии — богиня удачи). Тип судна — одномачтовая океанская прогулочная пятипалубная яхта.

В 1916 г. яхту приобрело Морское ведомство России, ей присвоили имя «Ярославна» и по окончании вооружения зачислили в состав флотилии Северного Ледовитого океана (СЛО) в качестве посыльного судна. «Ярославна» участвовала в Первой мировой войне, несла дозорную и конвойную службу в Баренцевом и Белом морях, обеспечивала воинские перевозки и боевые действия сил флотилии. 17 февраля 1918 г. судно вошло в состав Красной флотилии СЛО, но уже 2 августа 1918 г. было захвачено в Архангельске вооружёнными контрреволюционными формированиями

и английскими интервентами и в качестве флагманского корабля включено в состав их флотилии. В январе 1919 г. «Ярославну» обновили, оборудовали, укомплектовали отборным экипажем и направили во Францию с французским послом в России Нулансом и председателем правительства Северной области Н. В. Чайковским. В этом же году, стремясь облегчить своё тяжёлое экономическое положение, белое правительство вело переговоры о продаже некоторых судов за границу. В первую очередь речь шла о «Ярославне». Однако продать русские суда не удалось, а то бы у «Ярославны» была совершенно иная судьба.

Однако власть белых близилась к концу. Войска интервентов покинули Север. В начале февраля 1920 г. Красная Армия перешла в наступление на Архангельск. Белые стали поспешно готовиться к эвакуации, и 19 февраля «Ярославна» в числе других судов флотилии с беженцами на борту покинула Архангельск. Сложная ледовая обстановка в Белом море не дала ей выйти на чистую воду, и её бросили, а пассажиров сняли и перевели на ледокол «Козьма Минин». Вот так и это стечение обстоятельств в очередной раз не позволило «Ярославне» оказаться за границей.

В апреле 1920 г. «Ярославну» зачислили в состав Морских сил Северного моря в качестве крейсера-заградителя, а в марте 1921 г. её возвратили в класс посыльных судов и в ноябре 1922 г. передали Морпогранохране ОГПУ, где переклассифицировали в сторожевой корабль (СКР). В 1924 г. СКР возвращён в состав Рабоче-Крестьянского Красного Флота (РККФ).

Корабль имел следующие тактико-технические характеристики: водоизмещение 2 100 т, длину 98,15, ширину 12,16, осадку 6,1 м, суммарную мощность двух паровых машин 3 000 л. с., скорость полного и экономического хода 18 и 12 узлов соответственно, дальность плавания 4 500 миль. Он был вооружён двумя орудиями калибром 120 и четырьмя калибром 47 мм, мог нести сотню морских якорных мин. Экипаж насчитывал 112 чел.

Необходимо отметить, что в 1920-х гг., после окончания гражданской войны, в Советском Союзе сложилась тяжёлая социально-экономическая обстановка, чем воспользовались государства, участвовавшие в интервенции на территории России: США, Англия, Франция и Япония. Они активно внедрялись в экономику советской страны. На Дальнем Востоке особую активность проявляла Япония, с которой в соответствии с положениями Портсмутского договора по итогам войны 1904—1905 гг. царское правительство вынуждено было в 1907 г. подписать на двенадцать лет рыболовную

конвенцию, согласно которой японским капиталистам предоставлялось право ловить рыбу по морскому побережью Дальнего Востока наравне с русскими подданными. И этим правом японская сторона пользовалась с максимальной выгодой для себя и с громадным ущербом для России, о чём свидетельствуют и некоторые цифры. Так, в 1910—1911 гг. русскими на Камчатке начато строительство первых рыбоконсервных заводов. Японцы также начали сооружать у нас свои заводы. В итоге в 1922 г. из двадцати трёх на Камчатке только два принадлежали русским промышленникам, да и те кредитовались японскими капиталистами. Если в 1907 г. в охотско-камчатских водах вели промысел 11 японских пароходов и 93 шхуны, то в 1917 г. уже промышляли 121 пароход и 273 шхуны. О количестве же ежегодно добываемой рыбы до революции наглядно говорят следующие данные: в 1909 г. добывалось 1 212 739 пудов, а в 1916 г. — уже 5 098 655 пудов. При этом если на русских капиталистических рыбалках трудилось около пяти тысяч рабочих, то на рыболовных участках, арендованных японцами, — около двадцати тысяч. Однако решительных мер по борьбе с иностранной экспансией на Северо-Востоке не принималось. Похоже, что в то время правительство России даже смирилось с мыслью о возможности захвата Камчатки Японией. Для охраны охотско-камчатских вод от иностранцев царские власти выделяли два-три охранных судна. А в период гражданской войны и военной интервенции на Дальнем Востоке вопрос охраны рыбных промыслов практически был сведён к нулю. С установлением на Дальнем Востоке советской власти руководство страны начало предпринимать меры контроля промысла рыбы, но необходимых для этого средств у местных властей не имелось.

С 4 июня по 24 сентября 1923 г. посыльное судно «Красный вымпел» со старшим инспектором рыболовства И. И. Семёновым на борту осуществило поход в охотско-камчатские воды, который показал, что правила рыболовства не соблюдаются как иностранными промысловыми судами, так и русскими, а также местным населением.

В связи с этим Морскому ведомству была поставлена задача: подобрать соответствующее судно и направить его на Дальний Восток. Выбор тогда пал на посыльное судно «Ярославна», которое по своим характеристикам и техническому состоянию могло осуществлять дальние плавания. Поскольку переход предполагал заход в иностранные государства с целью демонстрации флага Страны Советов, а во время пребывания в Китае — оказание

моральной поддержки и материальной помощи народному правительству Сунь Ят-сена, подготовке судна придавалось большое политическое значение. И, очевидно, это также послужило основанием для переименования корабля. Решение о присвоении ему имени Вацлава Воровского было принято после его гибели. 10 мая 1923 г. он был злодейски убит бывшими белогвардейцами в Лозанне (Швейцария).

21 января 1924 г. состоялся приказ Революционного Военного Совета СССР № 40/6: «В дополнение приказа РВСР 1922 года № 2903/569 посыльное судно "Ярославна" переименовать в "Воровский"». Подписал приказ заместитель Председателя Реввоенсовета СССР Э. М. Склянский.

Вацлав Вацлавович Воровский — советский государственный деятель, публицист, дипломат, родился в Москве 15 (27) октября 1871 г. в семье инженера. В 1891—1897 гг. учился в Московском высшем техническом училище, участник студенческого революционного движения. С лета 1894 г. — член Московского рабочего союза, член социал-демократической партии. Существенной частью его общественно-революционной деятельности стала литературная работа в большевистских газетах, он был страстным пропагандистом марксизма. Его статьи пользовались популярностью в рабочих кружках. После Февральской революции 1917 г. возглавлял Заграничное представительство ЦК РСДРП(б), находившееся в Стокгольме. С ноября 1917 г. — посол Советской России в скандинавских странах (Швеции, Дании, Норвегии). С 1921 г. полпред в Италии, добился подписания 24 мая 1922 г. итало-советского торгового соглашения, проделал большую работу для заключения Рапалльского договора с Германией в 1922 г. Был генеральным секретарём советской делегации на Генуэзской (1922) и Лозаннской (1922—1923) международных конференциях. Похоронен на Красной площади в Москве.

Вопрос о командире корабля был делом весьма ответственным. Им должен был стать опытный моряк высокой культуры, знакомый с дипломатической практикой, прежде всего протоколом, и хорошо знающий маршрут. Командиром на переход был назначен Андрей Семёнович Максимов, обладавший всеми необходимыми качествами.

А. С. Максимов родился 22 июля 1866 г. в г. Улеаборге (Оулу) в Финляндии, которая в то время входила в состав Российской Империи. До наших дней дошло мало материалов, в которых бы раскрывались биография и личность этого известного на флоте человека. В Советской военной энциклопедии отражены основные этапы его службы и жизни. В 1887 г. он окончил Морской корпус, а в 1895 г. — офицерские классы. Службу начал на Балтийском

флоте, затем был переведён на Дальний Восток офицером на броненосный крейсер «Адмирал Нахимов», на котором совершил переход из Владивостока в Кронштадт. В 1891—1894 гг. служил старшим офицером на крейсерах «Рюрик» и «Гайдамак». Во время русско-японской войны 1904—1905 гг. командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал С. О. Макаров, хорошо знавший Максимова как опытного военного моряка, назначил его командиром миноносца «Бесшумный». Затем в качестве старшего офицера он служил на броненосце «Цесаревич», командовал миноносцем «Москвитянин», крейсером «Громобой». В 1913 г. — командир бригады крейсеров, а в 1914 г. — бригады строившихся линкоров. В этом же году ему был присвоен чин вице-адмирала. В 1915—1917 гг. А. С. Максимов являлся начальником минной обороны Балтийского моря, на заграждениях которой подорвались десятки боевых и вспомогательных кораблей германского флота.

После Февральской революции, 4 марта 1917 г., на митинге революционных матросов и солдат в Гельсингфорсе его единодушно избрали командующим Балтийским флотом. Матросские массы уважали его за честность и справедливость. Он тотчас же отдал приказ о выпуске из тюрьмы политзаключённых. Конечно, его согласие исполнять обязанности командующего флотом с возмущением восприняли его бывшие друзья из высшего морского офицерства. Но А. С. Максимов остался на этом посту и с честью оправдал оказанное ему матросами доверие. Временное буржуазное правительство, стремясь избавиться от неугодного командующего, назначило его на должность начальника морского штаба при Ставке главкома в Могилёве, а вскоре после назначения уволило в отставку. После Октябрьской революции он перешёл на сторону советской власти и в марте 1918 г. был назначен на должность старшего инспектора Наркомата по военно-морским делам, был принят В. И. Лениным.

29 апреля 1924 г. Совет Народных Комиссаров СССР утвердил поход посыльного судна «Воровский» во Владивосток по ранее намеченному маршруту.

Переход судна из Архангельска на Тихий океан был одним из первых дальних плаваний молодого РККФ. Но он стал страницей не только в истории советского мореплавания, а явился важной вехой в установлении дипломатических отношений с другими государствами и в развитии отношений между СССР и Китаем. Именно это последнее обстоятельство придало походу «Воровского» большое политическое значение.

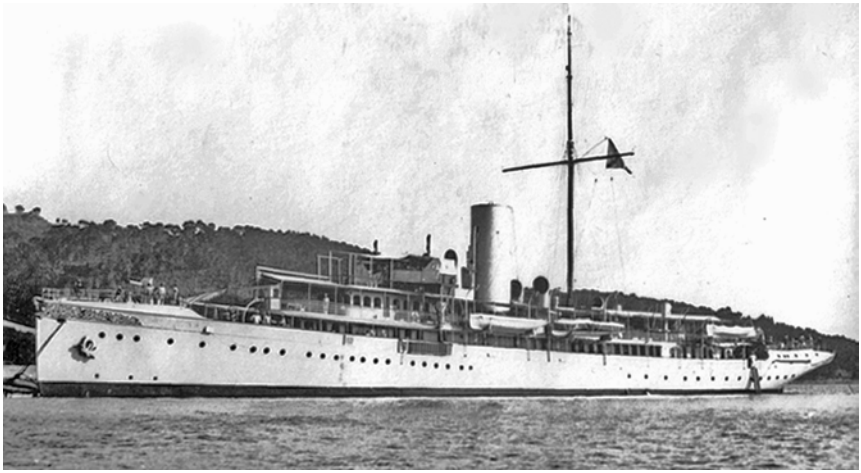
1924 г. вошёл во внешнеполитическую историю СССР как «год признаний». В феврале были установлены дипломатические отношения де-юре с Англией. Поэтому маршрут плавания корабля предполагал заходы в порты, находящиеся в её владениях. Помимо этого «Воровский» должен был посетить Неаполь, один из крупнейших портов Италии, с которой также в 1924 г. были установлены дипломатические отношения. В это же время планировалось посещение Ленинграда итальянским лидером эскадренных миноносцев «Карло Мирабелло». В связи с этим Наркомат иностранных дел 10 июля 1924 г. направил в штаб РККФ следующее сообщение: «...заход посыльного судна "Воровский" в Неаполь надлежит рассматривать как ответный визит на заход "Мирабелло" в Ленинград. Однако НКИД не видит необходимости муссировать это обстоятельство и придавать ему особое значение».

Между военно-морским ведомством и Наркоминделом обсуждался также ряд вопросов, касавшихся политических аспектов похода. Рассматривалось, в частности, «как должен вести себя "Воровский" при встрече с кораблями с Андреевским флагом... Как следует поступить при встрече с кораблями государства, не признавшего нас де-юре?»

Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин дал по этим вопросам следующие указания: «НКИД сообщает, что он не считает целесообразным, чтобы "Воровский" предпринимал при встрече с судами под Андреевским флагом какие-либо враждебные действия. "Воровский" не должен салютовать первым флагам государств, не признавшим нас де-юре, но в случае салюта по их инициативе — отвечать».

Подготовке экипажа и судна было уделено очень серьёзное внимание. Комиссаром корабля назначили П. И. Смирнова-Светловского, который в дни Октябрьской революции был помощником главного комиссара Кронштадтского сводного отряда, принимавшего участие в штурме Зимнего дворца. Позднее, командуя Днепровской флотилией, он явился организатором известного Лоевского прорыва в июне 1920 г., за что удостоился ордена Красного Знамени. Секретарём партийной организации «Воровского» на переходе был З. И. Закупнев, впоследствии назначенный командующим созданной в 1933 г. Северной военной флотилией.

В переходе корабля участвовали слушатели штурманского класса Специальных курсов комсостава ВМС РККА, практикой которых руководили опытные педагоги-навигаторы Н. А. Сакеллари — учёный, профессор, автор многих научных трудов по кораблевождению и Н. Ф. Рыбаков — преподаватель штурманского класса.



Посыльное судно флотилии Северного Ледовитого океана «Ярославна» (1916—1924 гг.)

Схема перехода СКР «Воровский» из Архангельска во Владивосток в 1924 г.

Экипаж СКР «Воровский» в Плимуте с представителями посольства СССР в Англии

Книга П. П. Гаврилова, рулевого СКР «Воровский» в 1924 г., издана в 1925 г.

Книга Н. Ф. Рыбакова, преподавателя штурманского класса, участника перехода в 1924 г., издана в 1928 г.

В числе четырнадцати слушателей были ставшие впоследствии адмиралами, командующими Тихоокеанским флотом И. С. Юмашев и Ю. А. Пантелеев. И. С. Юмашев в 1947 г. назначен Главнокомандующим ВМС, а с 1950 г. — военно-морским министром СССР. Контр-адмиралом также стал и ещё один слушатель — Н. Ф. Заяц, в годы Великой Отечественной войны — начальник тыла Черноморского флота, а с 1942 г. — председатель постоянной приёмной комиссии строящихся кораблей при Наркомате ВМФ.

«Воровский» вышел из Архангельска 12 июля 1924 г. под звуки оркестра и добрые напутствия многочисленных провожающих. Маршрут плавания был разработан с учётом захода во многие иностранные порты, в том числе Плимут, Неаполь, Порт-Саид, Аден, Коломбо, Сингапур и Гонконг, заканчивался во Владивостоке с датой прибытия 27 сентября. (Порт Коломбо в 1991 г. во время перехода с Чёрного моря на Тихий океан также посетил ПСКР 1-го ранга «Воровский», носящий это имя в третьем поколении).

Первый пункт стоянки корабля — порт Плимут (Англия). Утром 25 июля «Воровский» произвёл салют наций в двадцать один выстрел с подъёмом на мачте английского флага. С форта англичане ответили также двадцатью одним выстрелом. Затем произвели второй салют в пятнадцать выстрелов старшему адмиралу в Плимуте, на него последовал равный ответ. Этими салютами да обменом официальными визитами между командиром «Воровского» и британскими морскими властями и ограничились официальные отношения с англичанами.

По возвращении командира на корабль был разрешён съезд личного состава на берег. Команда гуляла по отделениям, командный состав — посменно.

Это был первый визит военного корабля Советской России в Англию, что вызывало большой интерес у местного населения. Большинство из членов экипажа «Воровского» также впервые очутились за границей и с любопытством знакомились в ходе посещения города с окружавшей их обстановкой. Шесть дней пребывания в Плимуте пролетели быстро, никаких недоразумений допущено не было, экипаж советского корабля достойно вёл себя за границей.

8 августа «Воровский» прибыл в Неаполь. Произошел обмён официальными визитами и был разрешён съезд на берег. Морское командование устроило для личного состава экскурсионную поездку на прелестный остров Капри, железная дорога предоставила советским морякам удешевлённый поезд к вулкану Везу-

вий. К 14 августа «Воровский» пополнил запасы угля, воды и провизии и вышел в море.

В Адене на борт «Воровского» вместе с грузчиками угля пробрался беспризорный мальчуган-сомалиец. Краснофлотцы накормили его, приласкали и научили нескольким словам по-русски. Мальчуган слёзно просил оставить его на корабле, команда ходатайствовала за него перед командиром, но сделать этого, понятно, было нельзя. Пришлось черномазого «комсомольца» списать обратно на берег.

С 9 по 12 сентября корабль провёл в порту Коломбо (остров Цейлон), где зачистили днище, покрасили его по ватерлинию, пополнили запасы. 19 сентября «Воровский» прибыл на рейд Сингапура, принял уголь и уже через сутки снова вышел в море.

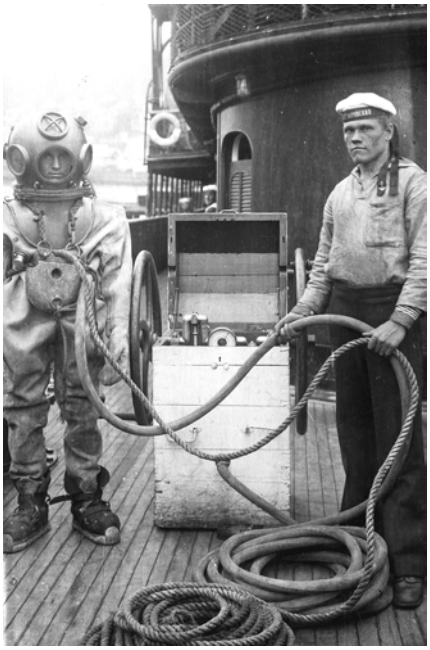
26 сентября корабль подошел к Гонконгу. Из Гонконга он должен был следовать в Японское море без захода в промежуточные иностранные порты. Но во время стоянки здесь командир судна получил приказание советского морского командования подняться по реке Жемчужной до Кантона и нанести визит правительству Южного Китая, революционному китайскому народу, мужественно боровшемуся за своё освобождение, и его вождю, первому президенту Китайской республики Сун Ят-сену.

Обстановка в то время в Китае была напряжённая. 10 октября противники Сун Ят-сена подняли мятеж. Именно с учётом этих событий становится понятной политическая целесообразность захода «Воровского» в Кантон. Более того, только теперь проясняется вопрос о причинах срочности похода, о том, почему корабль даже с недоделками должен был спешно идти на Дальний Восток: стоял вопрос о судьбах революционного правительства в Кантоне, нуждавшегося в поддержке, в первую очередь оружием. Впервые взметнувшийся для приветствия «Воровского» на фортах и судах советский флаг вызвал небывалый энтузиазм, подъём революционного духа воинских частей и населения Кантона.

Экипаж «Воровского» в Китае встречали с большим радушием. В его честь за одну ночь накануне прихода соорудили триумфальную арку. На другой день после прибытия на остров Вампу моряков пригласили в лагерь генералиссимуса Сун Ят-сена за четыреста с лишним километров от Кантона, куда был направлен специальный поезд.

По окончании поездки А. С. Максимов писал в рапорте: «Приняли очень любезно, со всеми почестями и музыкой. Участвовали в параде войск Сун Ят-сена, прошли церемониальным маршем».

Молодёжь и комсомольцы Петропавловска на «Воровском», 1925 г.



Водолаз на палубе «Воровского»

Привет Краснофлотцам „Воровского“

Окружное Бюро Комсомола от имени Комсомола и беспартийной молодежи Камчатки — Дальне-Восточному Флоту и его боевой, нашей подшефной единице „Воровскому“ шлет пламенный комсомольский привет.

Окружное Бюро надеется, что приход Воровского в воды далекой Камчатки пребывание его в Петропавловске явится моментом усиления нашей связи, толчком к углублению военно-морской пропаганды в организации.

Да здравствует Красный флот!

Да здравствует подшефный „Воровский“!

Камчатское Окружное Бюро ВЛКСМ.

Приветствие камчатского комсомола подшефному пограничному кораблю «Воровский» (1925 г.)

Подготовка к спуску водолаза в Петропавловском порту

«Воровский» на рейде Петропавловска, 1925 г.

Делегация советских моряков была принята в ставке Сун Ят-сена, где огласили приветствие, в котором говорилось: «Сегодня Вы, уважаемый командир, привели к нам издалека свой корабль. Этот визит, несомненно, поможет нашим государствам наладить ещё более близкие, дружественные отношения. Отныне мы рука об руку, сметая все преграды со своего пути, вместе продолжим шествие к Великому Единению (Да Тун). И разве не сулит это процветание нашим странам и счастье всему миру!»

Вскоре после прибытия судна на остров Вампу состоялось общее собрание экипажа «Воровского». Здесь рассказывалось об освободительной борьбе китайского народа и положении в Кантоне, поступило предложение: «Для большей связи с китайским народом и революционными моряками СССР избрать доктора Сун Ят-сена почётным моряком посыльного судна “Воровский”». Предложение было поддержано с большим энтузиазмом. Единогласно принятая резолюция гласила: «За время нашего пребывания в Кантоне мы видели, как тяжело вести борьбу китайскому народу с мировым империализмом. Мы, моряки посыльного судна “Воровский”, всегда готовы встать с оружием в руках в защиту китайской революции. Мы преклоняемся перед героической борьбой вождя китайской революции Сун Ят-сена. В знак нашей преданности китайской (мировой) революции считаем доктора Сун Ят-сена почётным моряком посыльного судна “Воровский”».

Для подавления контрреволюционных действий мятежников использовались вооружённые силы сторонников революции: курсанты школы Вампу, милиция, крестьянские отряды, верные революции воинские части. Большую роль сыграло оружие, находившееся на «Воровском». В работе «Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа» отмечается: «Молодая советская страна послала военный корабль “Воровский” с оружием, боеприпасами (8 тыс. винтовок, 9 млн патронов, орудия, снаряды) для школы Вампу». 16 октября мятеж был подавлен, и в Кантоне возобновилась деловая жизнь.

Очень ценно свидетельство советского военного советника в Китае А. И. Черепанова о событиях тех дней и о роли в них «Воровского»: «Во время мятежа мы сделали всё, что было возможно, чтобы превратить островок Вампу в надёжное убежище для Сун Ят-сена и его окружения, которым они могли воспользоваться в случае поражения. В Вампу, как я упоминал, находилось советское военное судно “Воровский”. Именно на “Воровском” производилось укорачивание полевых пушек для горных орудий, так как

у нас не было снарядов нужных калибров. Катер с “Воровского” стоял у пристани, и на нём находилась казна правительства Сун Ят-сена, так как мятежники, несмотря на их ироническое прозвище “бумажные тигры”, были довольно серьёзной силой».

Выражая признание советским морякам, прибывшим весьма своевременно в Китай и оказавшим реальную помощь делу китайской революции, Сун Ят-сен в один из дней посетил «Воровский». Он осмотрел корабль, ознакомился с условиями службы и жизни моряков, присутствовал на обеде, данном командованием корабля в честь гостей, и сфотографировался на память на его борту.

Кстати, во время пребывания в Китае состоялся футбольный матч между командами экипажа корабля и курсантами военной школы на острове Вампу, победа в нелёгкой борьбе со счётом 2 : 1 досталась морякам с «Воровского».

11 ноября «Воровский» покинул Кантон и через восемь суток вошёл в бухту Золотой Рог. Длительный переход был завершён, в навигационном журнале появилось число — 13 927. Столько миль он прошёл за время перехода из Архангельска во Владивосток. Здесь посыльное судно «Воровский» превратилось в сторожевой корабль Морских сил Дальнего Востока (МСВД). В этом заграничном плавании экипаж корабля достойно представил военно-морской флот и молодую советскую страну. А. С. Максимов показал себя умелым мореходом, тонким дипломатом и прекрасным командиром.

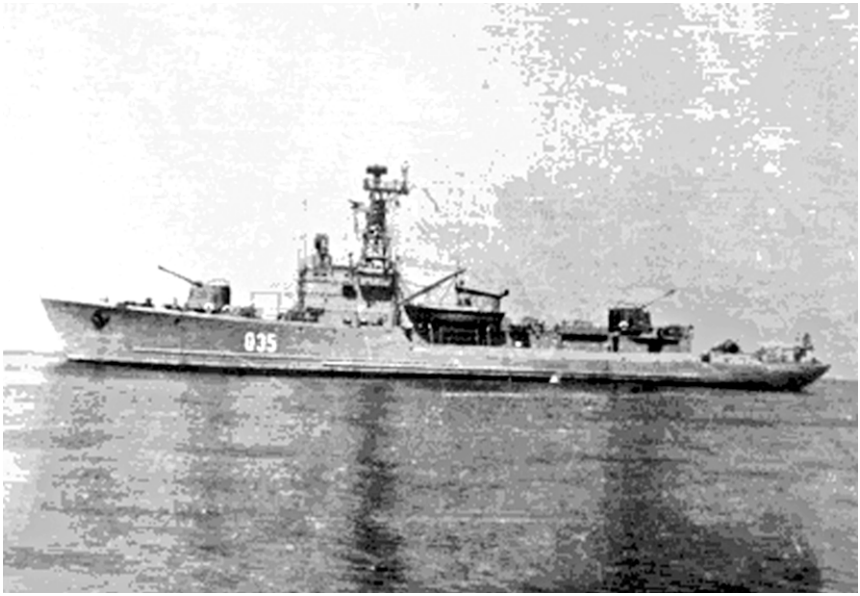
После ознакомления командования МСВД с материалами похода и пребывания в Кантоне комиссар Э. И. Батис обратился к начальнику военно-морских сил СССР с предложением опубликовать в печати сообщение о пребывании судна в Кантоне и о решении экипажа избрать Сун Ят-сена почётным моряком СКР «Воровский». Вносилось предложение преподнести генералиссимусу соответствующую военно-морскую форму. Командующий ВМС СССР запросил на сей счёт мнение народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина. Тот ответил: «Предание гласности всей этой истории (избрание Сун Ят-сена почётным моряком) считаю несвоевременным». Да, положение в то время было сложным, обстановка в Китае напряжённая. Вряд ли уместно было подливать масла в огонь этим сообщением.

Сейчас мы имеем возможность представить всю картину похода «Воровского» и по достоинству оценить его как важную страницу в истории советско-китайских отношений, истории дружбы двух великих народов.

Экипаж «Воровского» приветствует спасённых челюскинцев в Петропавловске, 28 мая 1934 г.

П. И. Державин, капитан 1-го ранга, Герой Советского Союза, водолаз «Воровского» в 1927—1932 гг.

С. В. Тимонькин, почётный гражданин г. Петропавловска-Камчатского, служил на «Воровском» рулевым-сигнальщиком в 1932—1934 гг. по путёвке камчатского комсомола



ПСКР 2-го ранга «Воровский» — корабль второго поколения, (1960—1991 гг.)

ПСКР 1-го ранга «Воровский» — корабль третьего поколения в порту Коломбо (Шри-Ланка) во время перехода из Севастополя на Камчатку, 1991 г.

После похода старший помощник командира, он же и комиссар «Воровского» П. И. Смирнов-Светловский стал военным советником при революционном правительстве Китая, а в 1938 г. он, флагман флота 2-го ранга, был заместителем народного комиссара Военно-Морского флота.

А. С. Максимов с 1927 г. пребывал в отставке. Он умер в 1951 г. в г. Бабушкине Московской области. Его жизни и деятельности посвящена историческая повесть И. М. Жигалова «Штормовой океан», вышедшая в 1959 г.

Переход «Воровского» был описан в 1925 г. в книге «Под красным вымпелом по четырём океанам» П. П. Гаврилова, рулевого на переходе. В 1928 г. опубликована книга «Вокруг старого света» Н. Ф. Рыбакова, преподавателя штурманского класса, отвечавшего во время плавания за обучение слушателей. Переходу «Воровского» посвятил отдельную главу в своей книге «Полвека на флоте» адмирал Ю. А. Пантелеев. Кстати, в Российском государственном архиве Военно-Морского флота в г. Санкт-Петербурге хранится его уникальный фотоальбом со 153 фотографиями, отражающими это событие.

С первых дней пребывания на Тихоокеанском театре СКР «Воровский» начал службу по охране морских границ Советской Республики. 25 ноября 1924 г. его новым командиром был назначен Александр Иванович Клюсс, до этого командовавший сторожевым кораблём «Красный вымпел», в прошлом яхта камчатского губернатора «Адмирал Завойко». Назначение этого достойного человека командиром уже получившего известность корабля словно предопределило тот большой вклад, который он внесёт в охрану тихоокеанских границ. Моряки очень ценили и любили своего командира. И эту признательность они выразили в почётном адресе, который вручили ему 9 октября 1926 г. в связи с их увольнением в запас.

Вот выдержки из этого уникального документа, хранящегося в музее Тихоокеанского флота во Владивостоке: «Уходя в долгосрочный отпуск после совместной работы по созданию и укреплению боевой мощи СССР, считаем необходимым передать Вам, Александр Иванович, нашу искреннюю благодарность, как одному из лучших командиров РККФ... Ваше командование в то время “Адмиралом Завойко” послужило для нас первым примером настойчивости, силы воли и беззаветной преданности первой в мире Республике Советов. В момент создания отряда судов, в походе “Красного вымпела” на Камчатку, в последующее командование “Воровским” — всегда мы видели в лице Вас лучшего воспитателя-моряка, достой-

ного общественного работника и справедливого строгого командира, жившего целиком и полностью жизнью корабля и его команды... Как общественный работник, Вы сделали большой вклад в дело популяризации идей флота и поднятия престижа его командиров. И, наконец, пример в дисциплинированности, умение требовать её от нас, примерная заботливость о корабле и его команде — именно те качества, которые мы видели в Вас, обязывают, прощаясь, выразить Вам, Александр Иванович, нашу искреннюю признательность как лучшему командиру, как человеку и как достойному гражданину пролетарской республики. Краснофлотцы-отпускники». Затем следуют двадцать девять подписей.

Такую оценку подчинённых надо уметь заслужить... Это уже в назидание нынешним командирам всех степеней.

В 1924—1925 гг. корабль использовался для доставки правительственной комиссии на Северный Сахалин, принимавшей его под юрисдикцию СССР от Японии, совершил поход в Берингов пролив к острову Ратманова и поднял на нём государственный флаг, ликвидировав там американскую факторию.

В октябре 1922 г. комсомол страны взял шефство над военно-морским флотом, и комсомолия Камчатки и города Петропавловска не остались в стороне от укрепления шефских связей с флотом. В 1925 г. строго централизованное шефство над флотом несколько изменило свои формы. Отдельные комсомольские организации страны стали брать шефство над конкретными кораблями. То же самое произошло и на Камчатке, когда здешняя губернская комсомольская организация приняла шефство над кораблями «Воровский» и «Красный вымпел». Оно осуществлялось в форме проведения совместных комсомольских собраний, вечеров отдыха, выпусков стенгазет, чтения художественной литературы. Военные моряки рассказывали молодёжи о флотской жизни, о профессии моряка, устраивали экскурсии по кораблю, помогали в благоустройстве города, разгружали прибывшие в Петропавловск суда, проводили спортивные состязания. После таких мероприятий у молодых парней появлялось желание попасть на службу во флот.

Одним из таких юношей оказался Сергей Тимонькин, алеут, по путёвке Петропавловского горкома комсомола направленный служить на «Воровский». Он отлично освоил специальность рулевого-сигнальщика, стал непревзойдённым мастером лотового дела. За четыре года службы на корабле неоднократно принимал участие в задержании японских рыбаков-браконьеров. Отмечая примерную службу, командование корабля отправило его матери благодарственное

письмо, которое 6 октября 1935 г. было опубликовано на первой странице газеты «Камчатская правда».

Служба на корабле закалила юношу, подготовила его к большой и интересной жизни. Сергей Венедиктович стал единственным в мире капитаном дальнего плавания-алеутом, лоцманом, участвовал в Великой Отечественной войне. Его боевые заслуги и трудовые дела отмечены орденами, званиями «Почётный гражданин города Петропавловска-Камчатского» и «Почётный гражданин Алеутского района Камчатской области».

В 1926 г. «Воровский» во время несения службы в Японском море задержал за нарушение государственной границы десять японских судов. Всего же с 1925 по 1943 г. на счёту корабля около сорока задержанных японских судов — нарушителей границы, расхищавших морские богатства СССР. В 1927 г. корабль участвовал в ликвидации белогвардейских банд на северном побережье Охотского моря, в 1928 г. он обеспечивал работу Гидрографической экспедиции Восточного океана. В 1929 г. «Воровский» нёс службу в пределах советских конвенционных вод по охране промыслов, находясь в распоряжении Управления рыболовства и охоты на Дальнем Востоке. В 1930 г. его вместе с экипажем передали в состав морской пограничной охраны НКВД в Дальневосточном крае.

В 1931 г. на «Воровском» совершил поход вдоль побережья Приморья народный комиссар по военным и морским делам К. Е. Ворошилов. В 1932 г. корабль использовался для доставки пограничников на остров Птичий в Охотском море для подавления мятежа японских рыбаков, захвативших его и объявивших территорией Японии.

До середины 1930-х гг. «Воровский» был единственным кораблём, решавшим все задачи по охране территориальных вод Камчатки. Отличная выучка экипажа и боевые возможности дальневосточного первенца пограничной охраны заставили вспомнить о вежливости привыкших к безнаказанным действиям командиров японских контрминоносцев «Асакадзе», «Точикадзе» и «Камикадзе», входивших в состав 5-й эскадры, зоной действия которых была Камчатка.

В камчатских водах японские суда под прикрытием контрминоносцев перекрывали сетями входы в нерестовые реки, хищнически уничтожая тем самым ценные породы рыб. С провокационными целями японцы топили или срезали советские рыболовные сети, неоднократно обстреливали наших моряков и работников рыбнадзора.

Особую ярость у японцев вызывали смелые и неожиданные действия «Воровского», который в каждом походе задерживал по нескольку промысловых шхун, браконьерствовавших в наших водах, конфисковывал уловы и сами шхуны, а капитанов-нарушителей передавал следственным органам. К примеру, только в 1931 г. «Воровский» задержал в водах Камчатки десять японских шхун, нарушивших государственную границу, и выдворил тридцать две шхуны.

С 1935 г. японская военщина начала высаживать на берега Камчатки с провокационными целями группы солдат и офицеров, провоцировать вооружённые конфликты на всей дальневосточной границе. 30 июня 1935 г. «Воровский» задержал в Кроноцком заливе японскую шхуну «Таиро-мару», «сидевшую на сетях» в одной миле от устья нерестовой речки. Улики были неопровержимы. Вскоре к месту задержания на полном ходу подлетел японский контрминоносец «Точикадзе», на котором сыграли боевую тревогу, привели в готовность орудия и торпедные аппараты и подняли флажное сочетание по международному своду сигналов с требованием отпустить «Таиро-Мару». «Воровский» снялся с якоря и, прикрыв шхуну бортом, поднял ответный сигнал, требуя от «Точикадзе» немедленно покинуть территориальные воды СССР и не мешать ему «заниматься боевой подготовкой». Контрминоносец демонстративно приблизился к «Воровскому» на стометровую дистанцию и произвёл холостой выстрел, направив орудийный ствол на клотик фок-мачты пограничного корабля. Тогда, не отвечая на выстрел, с «Воровского» сбросили за борт бочку с остатками керосина и, отойдя на два кабельтова, выстрелили по ней из кормового орудия, как бы выполняя огневое упражнение «по расстрелу плавающей мины». От первого же снаряда бочка, полыхнув керосином, гулко ухнула и разлетелась. «Точикадзе» тут же спустил флажный сигнал и резво скрылся в сторону моря. Спустя два часа он вновь появился из-за горизонта в сопровождении другого контрминоносца и военной шхуны. Почти одновременно, с южной части Кроноцкого залива, появился силуэт пограничного СКР «Дзержинский» и с юга-запада послышался гул самолётов, вылетевших на помощь «Воровскому». Японские корабли, поспешно сделав поворот «все вдруг», скрылись в сторону моря. Подобные случаи в служебной деятельности «Воровского» происходили довольно часто.

В ознаменование пятнадцатилетия пограничной охраны НКВД СССР, отмечая выдающиеся заслуги в защите границ социалистической родины, бдительность и героические поступки, проявленные частями пограничной охраны, командирами и бойцами, и достижения

в деле боевой и политической подготовки постановлением ЦИК СССР от 15 февраля 1936 г. была награждена большая группа пограничников. Ордена Красной Звезды получили и моряки «Воровского»: командир корабля капитан-лейтенант А. С. Болтинский, комиссар старший политрук Л. И. Бондаренко, старшины групп главный старшина М. М. Чернуха и главный старшина В. П. Чашунашвили.

С октября 1937 г. корабль выполнял правительственное задание по доставке избирательной документации по выборам в Верховный Совет СССР в отдалённые районы Камчатки и Чукотки. Плавание проходило в тяжелейших погодных условиях, когда в дальневосточных морях свирепствовали циклоны и ураганы. По пути из Владивостока в Арктику «Воровский» доставил документы в Советскую Гавань, Петропавловск-Камчатский, на Командорские острова. По пути в Анадырь корабль настиг ураган: ветер дул со скоростью до сорока метров в секунду, палуба, надстройки и леера покрылись многотонным льдом, была разбита шлюпка, сорван трап, вода проникала в бункера, что грозило остановкой главных машин, крен превысил сорок градусов. В этой очень тяжёлой обстановке командир Н. В. Антонов не потерял самообладания, организовал самоотверженную борьбу личного состава за живучесть корабля.

Более четырёх суток моряки сражались со стихией. Не приспособленный для плавания во льдах корабль упорно продвигался на север. До выборов оставались считанные дни, надо было успеть. И «Воровский» успел. Избирательные бюллетени были вовремя доставлены в бухту Провидения, на мыс Дежнёва, в посёлок Уэлен, на ряд совсем маленьких точек арктического побережья Чукотского моря. Поставленная задача была успешно выполнена. Во Владивосток «Воровский» вернулся 15 января 1938 г., весь обросший льдом. За неполные три месяца в суровых условиях зимы корабль прошёл более 7 600 миль.

За образцовое выполнение задания, отвагу и инициативные действия командиру корабля капитан-лейтенанту Н. В. Антонову было присвоено звание капитана 2-го ранга, минуя одну ступень, а старший помощник командира В. М. Богатов, не проходивший в звании старшего лейтенанта и трёх месяцев, стал капитан-лейтенантом. Всему личному составу корабля объявлена благодарность, даны отдельные поощрения.

В предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны с 1941 по 1943 г. корабль нёс пограничную службу на участке от Владивостока до Чукотки, включая Охотское море, Курильские

и Командорские острова. Члены его экипажа принимали участие в боевых действиях на различных фронтах, мужественно сражаясь с врагами родины на морских рубежах. За мужество и отвагу, проявленные в боях, были удостоены звания Героя Советского Союза воспитанники корабля: командующий Амурской военной флотилией контр-адмирал Н. В. Антонов, его бывший командир, и командир бригады бронекатеров Дунайской военной флотилии капитан 1-го ранга П. И. Державин, в 1930-х гг. проходивший службу на нём водолазом.

В период с 1944 по 1948 г. корабль после двадцатилетней службы на границе был поставлен на капитальный ремонт во Владивостоке. Затем продолжилась его активная служба по охране государственной границы СССР на всём протяжении Тихоокеанского региона.

1950—1951 гг. в связи с износом механизмов корабль вновь провёл в капитальном ремонте на Дальзаводе во Владивостоке. В 1952 г. «Воровский» совершил переход на Чукотку, где поступил в оперативное подчинение Главнокомандующего Вооружёнными Силами Дальнего Востока Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. В течение пяти суток корабль обходил побережье в поисках подходящих мест для строительства аэродромов. Тогда же на его борту находился и командующий отдельной группой войск дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Н. И. Крылов, который ещё в 1920-х гг. стажировался на нём и отлично знал его устройство.

23 сентября 1952 г. «Воровский» возвращался со службы и при входе в Авачинскую губу в штормовых условиях сел на мель, получил пробоину в корпусе, но утром следующего дня самостоятельно снялся с грунта и зашёл в базу, став носом на отмель. Необходимость длительного и серьёзного ремонта надолго вывели его из строя.

17 июля 1953 г. в сопровождении пограничного СКР «Дзержинский» корабль осуществил свой последний выход в море для перехода во Владивосток на ремонт. В сентябре 1953 г. «Воровский» до окончания ремонта был прикомандирован к 28-му Отдельному дивизиону транспортов и ремонтирующихся кораблей во Владивостоке. На этом завершилась его служба по охране дальневосточных рубежей.

В 1954 г. «Воровский» законсервировали и поставили на отстой, но продолжали использовать в качестве штабного корабля. В 1955 г. его вывели из состава погранвойск, передали военно-морскому флоту

и в качестве плавказармы зачислили в состав Тихоокеанского флота. 28 февраля 1961 г. «Воровский» был исключён из списков судов ВМФ в связи со сдачей в отдел фондового имущества для демонтажа и разделки на металл.

За время службы на корабле сложился крепкий, дружный коллектив, порождённый морем, опасностями и чувством долга. Большинство его моряков оставались на сверхсрочную службу, поступали в специальные училища. Охрана границы становилась для них профессией, которой они отдавали все свои силы и знания. Такие моряки, как мичманы М. М. Чернуха и П. Чашунашвили, участники перехода на Дальний Восток, прослужили на корабле сверхсрочно по шестнадцать лет, мичманы В. Лямин и А. Головин — по семнадцать лет, а мичман А. Терновой — четверть века. Они знали своё заведование и корабль в совершенстве, он заменил им родной дом.

Славные дела и боевые традиции первого «Воровского» продолжили следующие поколения кораблей, носившие это имя. С 1960 по 1991 г. службу по охране дальневосточных границ страны нёс пограничный корабль 2-го ранга проекта 264А, в течение многих лет объявлявшийся «отличным» и лучшим в соединении. С 1967 по 1970 г. им командовал капитан 3-го ранга Евгений Игнатьевич Сигарев, который после увольнения с военной службы посвятил себя литературной деятельности, был поэтом-маринистом, с 1979 г. являлся членом Союза советских писателей.

С 1991 г. боевые традиции «Воровского» продолжены в «третьем поколении» — экипажем корабля 1-го ранга проекта 1135.1, построенного в 1990 г. в Керчи на заводе им. Бутомы. 5 апреля 1991 г. на новом «Воровском» был поднят военно-морской пограничный флаг. 18 августа 1991 г. корабль вышел из Севастополя и 9 октября этого же года ошвартовался в бухте Солёное озеро в Петропавловске-Камчатском. Памятным событием для экипажа стало посещение корабля в 1993 г. Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. В историческом журнале корабля патриарх написал: «16 сентября 1993 г. мы посетили Петропавловск-Камчатский и имели радость встречи с моряками-пограничниками, несущими нелёгкую ратную службу, защищая священные рубежи нашего Отечества. Помощь и Благословение Божье да сопутствуют им».

Нынешние моряки «Воровского» свято помнят этот наказ, чтят и приумножают боевые дела своих предшественников, гордятся службой на своём корабле.

С. В. ГАВРИЛОВ

КАМЧАТРЫБФЛОТ: ОТ ТРАНСПОРТНОГО — К ПРОИЗВОДСТВЕННОМУ (1972—1975)

Управление транспортного и рефрижераторного флота «Камчатрыбфлот» являлось хозрасчётным предприятием МРХ СССР, непосредственно подчинявшимся территориальному Управлению рыбной промышленности Камчатки «Камчатрыбпром». Управление флота располагалось в центре г. Петропавловска-Камчатского на ул. Ленинской, в старом деревянном доме № 59.

К началу 1972 г. Камчатрыбфлот (КРФ) имел в своём составе 46 плавединиц, в том числе 35 самоходных общей грузоподъёмностью 39 793 т, пять несамоходных, вмещавших 4 400 т, четыре морских буксира и плавмастерские. В течение года были списаны пароход «Пётр Соловьёв», теплоходы «Хабаров» и «Академик Губкин». За счёт этого чистая грузоподъёмность самоходного флота уменьшилась на 2 354 т по сравнению с предыдущим годом. Готовились документы на списание старого парохода «Щорс». В хорошем техническом состоянии находились 27, в удовлетворительном — 14, в неудовлетворительном — пять судов. План грузоперевозок в 341 100 т моряки выполнили на 102,7 %, перебросив 350 453 т [1, л. 12—13].

Флот занимался исключительно транспортными перевозками, изредка передавая свои суда, в основном старые пароходы, в аренду предприятиям Камчатрыбпрома, где их использовали как склады или базы для переработки рыбы.

1972

1 января создан транспортный участок из 18 единиц техники со штатом 27 чел., заведование поручено старшему мастеру, а руководство возложено на главного инженера флота [2, л. 20]. Вскоре старшего мастера переименовали в начальника, коим стал известный рационализатор В. С. Нароушвили.

10 января в штат управления флота введена должность старшего инструктора по работе с моряками загранплавания с окладом 120 руб. [3, л. 232].

12 января начальник флота приказал всем капитанам до 1 июля 1972 г. рассчитать маневренные элементы судов и составить для хода в балласте и грузу таблицы: соответствия скорости хода и оборотов винта; инерции; поворотливости; поправок и коэффициентов лага. Инспекторские проверки показали, что ряд судов не имел

таких таблиц, использование которых гарантировало ведение прокладки с высокой точностью. Они имели большое значение при плавании в узкостях, постановке на якорь, швартовке, буксировке и расхождении в море. Составлять их следовало при любой возможности: на переходах в благоприятную погоду и непроизводительных стоянках [2, л. 18].

15 января в левом котле парохода «Пятрас Цвирка» лопнули три трубы нижнего ряда, примыкавшего к топке. Котёл вывели из эксплуатации. При его осмотре в трубах обнаружен слой накипи толщиной до трёх миллиметров, восемь труб были полностью забиты шламом, две заглушены, двенадцать деформированы из-за перегрева, также вызванного загрязнением. При расследовании причин неудовлетворительной эксплуатации выяснилось, что во время действия котлы засаливались, продували их редко, обязательный контроль качества воды не вели, а в журнал водоконтроля вносили фиктивные записи. В результате перегрева металла трубы стали перегорать и деформироваться. Старший механик не контролировал действия третьего, в результате чего главные котлы пришли в неудовлетворительное техническое состояние [2, л. 190].

26 января механик-наставник А. Н. Жуков на теплоходе «Холмск» приступил к теплотехническим испытаниям для установления норм расхода топлива. Судно только что вышло из длительного ремонта, в ходе которого менялись главные двигатели. Испытания длились до 5 февраля. Новые нормы потребления топлива составили: на ходу — 2,8, на стоянке с грузовыми операциями — 0,7, без них — 0,5 т в сутки [2, л. 175].

3 февраля в 19.15 в котельном отделении парохода «Алтай» возник пожар из-за вылившегося под плиты из топки левого котла горящего мазута. Он скопился из-за плохо организованного топочного процесса. Пожар ликвидировали моряки и работники плавучей судоремонтной базы (ПСРБ) флота «Красноярск» [2, л. 59, 135].

4 февраля в результате пребывания во льдах у танкера «Сунгари» в подводной части возникли три трещины, приведшие к значительной течи. Танкер находился в полном грузу. Работы по подкреплению корпуса и ликвидации течи были поручены бригаде судоремонтников А. Д. Рыбкина. Её члены, не считаясь со временем, работали двое суток, не сходя с судна, проявляя при этом «хорошую рабочую смекалку и изобретательность». Вечером 6 февраля работы завершились, «Сунгари» ввели в эксплуатацию, избежав значительного простоя. За отличное выполне-

ние ответственного задания премиями по 40 руб. поощрены: бригадир и В. А. Фёдоров, А. Н. Кошевой, Н. И. Вашкеба, Е. И. Сусликов [2, л. 66].

Вторую премию в 150 руб. на конкурсе, проведённом Камчатским областным советом научно-технических обществ, получил технический кабинет, организованный в 1971 г. в здании механико-судовой службы (МСС) [4, л. 5]. Он сыграл существенную роль в подготовке судовых мотористов.

17 февраля на основании проведённого МСС и бухгалтерией анализа расходования топлива за 1971 г. установлена плановая стоимость одной его тонны с учётом фрахтовых платежей: дизельное — 83,3, мазут — 37,82, уголь — 59,53 руб. [4, л. 14].

18 февраля Главное управление (ГУ) «Дальрыба» издало приказ № 71, согласно которого приморский Востокрыбхолодфлот (ВРХФ) должен был передать КРФ ряд необычных для него судов — производственных рефрижераторов ПР-600 типа «Братск». 22 марта аналогичный приказ № 70 издал КРП. Вскоре КРФ *предстояло заняться принципиально новым делом — выпуском рыбопродукции* [5, л. 37].

26 февраля директор Крутогоровского рыбокомбината Г. Бойко отправил руководству флота, в газету «Камчатская правда» и областной комитет по радиовещанию и телевидению следующее письмо: «Погодные условия не балуют нас, жителей Крутогорово. Особенно сейчас, когда один циклон сменяется другим, холод и ветер, снег и лёд. В этих сложных условиях редко приходится принимать груз, направленный в наш адрес. Но на этот раз экипаж парохода “Кадиевка” Камчатрыбфлота доставил нам крайне нужные и важные грузы. Несмотря на сложные погодные условия, экипаж парохода серьёзно отнёсся к выполнению этого рейса. Администрация судна провела большую работу по мобилизации экипажа в оказании нам помощи в разгрузке. Вызвав на соревнование коллектив рыбокомбината по досрочной разгрузке, члены экипажа, не считаясь с трудностями и личным временем, обеспечили своевременную загрузку подаваемых к борту плавсредств. Бригады, сформированные из отдыхающих вахт машинной и палубной команд, работали круглые сутки. Особенно хорошо работала бригада машинной команды, возглавил которую третий механик тов. Балашов Н. Т. Активно работали машинисты Мусухранов, Бузин, Ширшов, старший электрик Тахомов, токарь Тихонов, второй радист Великжанин, матросы Хайбуллин и Косьяненко. От имени коллектива рыбокомбината мы просим поблагодарить

администрацию и весь экипаж парохода за оказанную нам помощь и добросовестно выполненную работу». Приказом по флоту № 123 от 7 апреля все перечисленные моряки премированы, а капитану А. Д. Коломейцу и его старшему помощнику А. М. Попкову объявлены благодарности [5, л. 9, 11].

29 февраля списан с баланса флота морской буксир (МБ) «Прилив» [2, л. 126].

3 марта издан праздничный приказ, поощрявший всех женщин управления и флота за добросовестное отношение к труду и активное участие в общественной жизни. Каждой полагались премия в 15 руб. и подарки. Благодаря этому документу мы теперь знаем, что в КРФ весной 1972 г. на разных должностях трудились 302 женщины, в том числе на должностях матросов и ученика котельного машиниста пароходов [2, л. 139—142].

15 марта приказом по КРП одним из лучших рационализаторов рыбной промышленности Камчатки признан и награждён грамотой обкома профсоюза и КРП, а также денежной премией старший механик парохода «Даугава» В. М. Сидоренко [5, л. 18].

20 марта при следовании танкера «Нарымнефть» в Аляскинскую экспедицию в 17.20 в топке котла КВВА 6/15 взорвалось топливо. Обшивка левой стороны агрегата вздулась и местами лопнула, были повреждены воздушный короб и газоход. «Только случайность не привела к более тяжёлой аварии». Причина: вахтенный покинул котельное отделение, не включив защиту котла [5, л. 38].

25 марта на приём производственных судов от ВРХФ во Владивосток командированы главный инженер В. Д. Романов, механик-наставник МСС Н. П. Ротонос и помощник начальника управления по кадрам Н. Н. Пименов [2, л. 188].

7 апреля КРП приказом № 92 распорядился об организации в КРФ участка по заготовке металлолома. Участок с годовым объёмом переработки в 5 000 т заработал с 1 мая при ПСРБ «Красноярск» [5, л. 175].

13 апреля во время стоянки парохода «Приморск» на рейде Октябрьского комбината моряки ощутили лёгкий рывок. Выяснилось, что лопнула левая якорная цепь в районе конца второй смычки. 18 апреля на рейде Крутогоровского комбината цепь лопнула в начале первой смычки, это же повторилось 26 апреля. Обрыв цепей произошёл из-за их предельного износа. Ещё 21 октября 1971 г. при освидетельствовании корпуса «Приморска» после ремонта в Николаевске-на-Амуре Регистр СССР выдал удостоверение на годность к плаванию только на два месяца, выставив

требование в двухмесячный срок испытать цепи. По прибытии парохода в Петропавловск капитан вызвал инспектора Регистра на судно. Тот счёл возможным перенести срок испытаний на время капитального ремонта и продлил документы на год. Два потерянных якоря стоили 1 530 руб. Вины администрации судна не усмотрено [5, л. 172].

15 апреля в связи с предстоящим получением производственных рефрижераторов (ПР) «Эльтон», «Хасан» и «Болонь», находившихся в районе промысла, на них на десять дней для знакомства с условиями оплаты труда экипажей и установления порядка приёма-передачи судов направлены капитан-наставник В. А. Дубовицкий и старший инженер по труду Ф. А. Левин [5, л. 20].

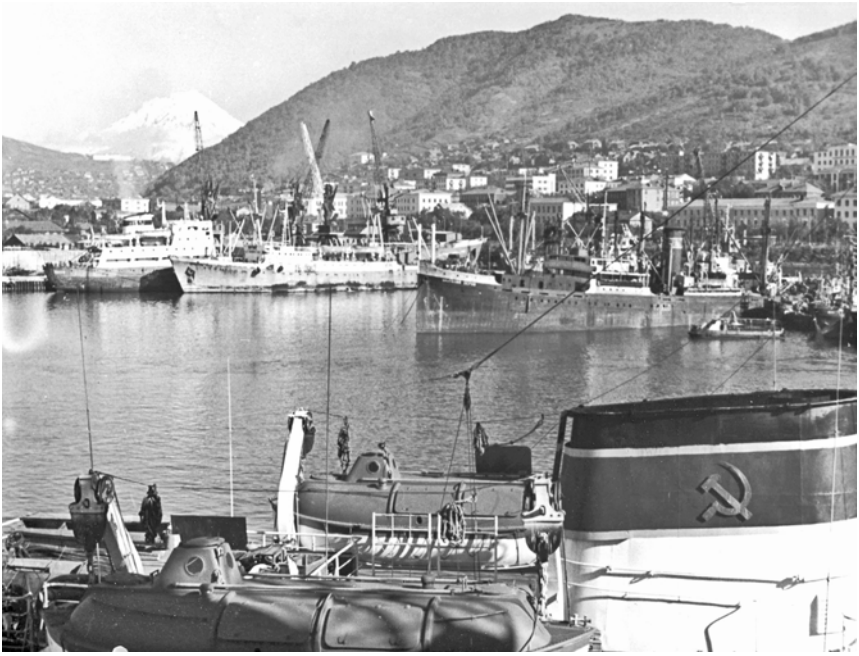
20 апреля премированы за экономию топлива в четвёртом квартале 1971 г. (23 т) члены машинных команд танкера «Нарымнефть», теплоходов «Корсаков» и «Гомель» общей суммой 575 руб. 16 коп. [5, л. 42].

25 апреля прошло совещание по определению режима работы принимаемых ПР при участии заместителя начальника КРП В. А. Бирюкова. Во исполнение решений совещания с 1 июня в штаты этих судов вводились должности инженеров по производству с месячным окладом 105 руб. «по первому тарифному поясу». Временно, до создания производственного отдела, эти работники подчинялись службе эксплуатации [5, л. 179].

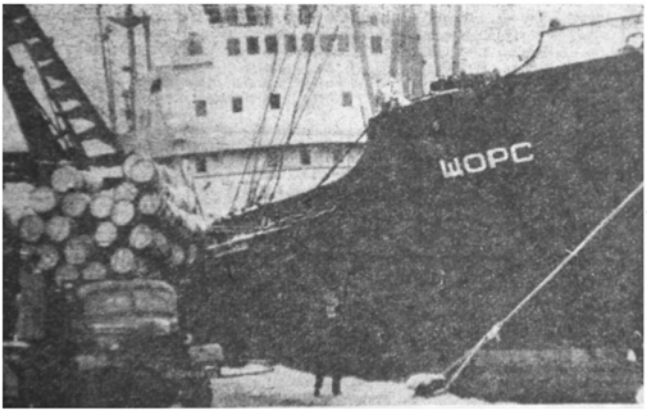
3 мая назначена комиссия по приёмке судов типа ПР-600 «Болонь», «Эльтон» и «Хасан» под председательством В. Д. Романова. Члены комиссии отправились на место приёмки (в район промысла) на попутных судах КРФ [5, л. 90].

4 мая в 00.45 пароход «Приморск» (капитан П. Е. Фёдоров) снялся с рейда посёлка Кировский для спасения катера ЖК-1524 Крутогоровского комбината с экипажем на борту. Поиск катера, снятие людей и взятие на буксир проходили в условиях жестокого шторма при полном отсутствии видимости. После напряжённых десяти часов «жучок» был обнаружен, после чего пароход сутки штормовал с ним на буксире, ожидая улучшения погоды. Благодаря самоотверженности экипажа и мастерству капитана спасательная операция завершилась успешно [6, л. 67].

12 мая в связи с ожидавшимся получением восьми производственных и одного транспортного рефрижератора («Тауйск») увеличивался штат подменной команды: в него вводились по две должности капитанов, старших, вторых, третьих помощников капитанов, старших, вторых и третьих механиков [5, л. 103].



Пароход-ветеран «Анатолий Серов» в Ковше Петропавловского морского рыбного порта



К его имени привыкли, он пользовался огромным уважением, поэтому и провожали его на заслуженный отдых с почестями.

Ветеран Дальневосточного бассейна, самый старый пароход, «Щорс» отслужил свою службу. 52 года бороздил он моря, а совсем недавно, в последний раз загрузив трюмы, он направился в Находку, в свой последний рейс...

Фото Б. РЫСЕВА.

Прощание со «Щорсом». Фотография из газеты «За высокие уловы» за 10 марта 1972 г.

Теплоход «Оленск»

Пароход «Белоруссия» на Западной Камчатке

Отработка действий по пожарной тревоге

21 мая при стоянке теплохода «Крашенинников» в реке Большой под погрузкой у причала Октябрьского комбината в 01.07 утонул матрос. Будучи нетрезвым, он решил искупаться. Поиск тела результата не принёс [5, л. 118, 156].

23 мая в 22.30 на вахте второго механика гидравлическим ударом вырвало крышку цилиндра паровой динамо-машины парохода «Новая Земля». Не разобравшись в причине поломки, механик запустил вторую машину, которая также вышла из строя. Выяснилось, что в паропровод из открытого клапана наполнения секций пароперегревателя котла попала вода. Клапан открыл котельный машинист по приказу второго механика, не знавшего его назначения и плохо разбиравшегося в других магистралях [5, л. 138].

26 мая по флоту озвучено постановление коллегии МРХ СССР и президиума ЦК профсоюза рабочих пищевой промышленности от 14 марта 1972 г., которым работникам КРФ присвоены звания лучших по профессии за 1971 г. Ими стали: капитан «Пятраса Цвирки» А. О. Башкирцев, старший помощник капитана «Советской Арктики» В. К. Фузеев, рефрижераторный механик «Суходола» А. А. Давыдов и начальник радиостанции «Нарымнефти» А. П. Шевелёв [5, л. 132].

29 мая объявлен конкурс на лучшее техническое решение способа слива топлива с танкера «Максим Горький» на берег. Изобретателям предлагалось подумать над механизацией подачи и выборки капронового шланга длиной 2 000 м, способах хранения и перевозки его на судне, обеспечения безопасности при работе, предотвращения возможных утечек и загрязнения моря. Победителя ждала солидная премия в 500 руб. Установлены ещё две — поощрительные — по 200 руб. [5, л. 151].

1 июня в преддверии поступления судов от ВРХФ в штат группы бортового снабжения введены пять дополнительных грузчиков и один рабочий склада [5, л. 129].

14 июня списан старый, построенный в 1920 г. в США пароход «Щорс» балансовой стоимостью 1 379 тыс. руб. Стальной ветеран подлежал разделке на металлолом [5, л. 183].

17 июня в 03.38 теплоход «Холмск» (капитан В. И. Попов) сел на мель на юго-западной оконечности Авачинской губы. В 02.55 на вахте второго помощника капитана судно пошло к воротам губы. Дул слабый северо-восточный ветер, лежал густой туман. Все электрорадионавигационные приборы были исправны и работали нормально. На баке находился впередсмотрящий — боцман. В 03.06 капитан перевёл машинный телеграф в положение

«Полный вперёд». При прохождении бонового заграждения ход сбавили до малого. В 03.31 при очередном определении капитан принял полосу плотного тумана за берег, решил изменить курс, чтобы выйти на линию выходного створа. Но, как было установлено позже, судно уже находилось в створе. В 03.38 капитан с левого крыла ходового мостика дал указание рулевому матросу положить руль право на борт и в этот момент заметил сигнальный огонь, дал «Полный вперёд», одновременно почувствовал удар о грунт. В 06.50 к борту «Холмска» подошёл базовый тральщик Камчатской военной флотилии. Его силами и работой машины в 07.10 теплоход снят с мели при полной воде. В результате посадки он получил в днище две рваные пробоины и вмятину, оторвал часть бортового киля. Авария произошла по личной вине капитана, нарушившего «основы судовождения и обычной морской практики». Общий убыток 10,5 тыс. руб. [6, л. 54—55; 7, л. 24].

28 июня списано транспортно-холодильное судно (ТХС) «Меркурий», построенное в ГДР в 1953 г., строительный номер 1216. Но ему ещё предстояло послужить и флоту, и Камчатке в новом качестве: корпус длиной 38,5, шириной 7,2 и высотой борта 3,5 м зачислялся в основные фонды. Его намечали использовать как ёмкость для сбора с судов остатков нефтепродуктов и льяльных вод [5, л. 208].

29 июня от ВРХФ принят танкер «Баскунчак», построенный в ГДР в 1962 г., заводской номер 8009 [6, л. 45].

1 июля исключён из состава действующего флота пароход «Анатолий Серов». На основании заключения комиссии по технической оценке, его остаточная стоимость определена в 35 тыс. руб. Начальникам отделов и служб В. Т. Носкову, В. И. Афанасьеву и А. А. Скиндеру предписывалось «использовать пароход для учебных целей, оставив его временно на балансе как судно-тренажёр» [8, л. 28].

В этот же день выведены из системы планово-предупредительных ремонтов (ППР) ТРС и ТХС «Пенжино», «Медведица», «Паратунка», «Омь», «Мильково» и «Соболево». Двум первым сроком списания установлено 1 декабря 1972 г., двум последующим — 1 декабря 1974 г., остальным — 20 декабря 1975 г. [5, л. 204].

25 июля началось создание начальных школ по изучению основ экономических знаний для рядового состава на судах и в береговых отделах флота. Для руководства и контроля хода экономической учёбы утверждён совет по экономическому образованию. В его состав вошли: председатель — заместитель начальника флота В. А. Колодяжный, члены — начальник планового отдела

И. К. Хлюстов, главный диспетчер В. И. Ралдугин, начальник коммерческого отдела Э. В. Климчук, инженер ОТиЗ Н. И. Ищенко и заместитель начальника флота по кадрам Н. Н. Пименов. Отныне «экономическая учёба моряков и работников флота будет рассматриваться как обязательная сторона квалификации работников». Едиными днями проведения занятий установлены первый и третий понедельник каждого месяца [6, л. 56].

28 июля ГУ «Дальрыба» издало «циркуляр № 2-1032». Документ обязывал управления флотов организовать так называемые «морские патрули» для «усиления общественного воздействия на кадры плавсостава, укрепления трудовой дисциплины и улучшения организации службы на судах». В КРФ система патрулирования в ночное время существовала и эффективно действовала ещё с 1968 г. Стоявшие в порту и на ремонте суда обходила народная дружина. Теперь во исполнение полученного указания дружину во время несения патрульной службы по флоту с 19 сентября следовало именовать «морским патрулём». Руководством им принимал начальник службы мореплавания (СМ) В. И. Афанасьев, его замещал командир дружинников И. К. Хлюстов. В качестве мер поощрения участникам патруля полагались трёхдневный дополнительный ежегодный отпуск и отдых в размере половины рабочего дня на следующий день после дежурства [6, л. 187—189].

3 августа совету капитанов дано указание проработать июльские приказы МРХ СССР и КРП о нарушении режима рыболовной зоны у берегов США плавбазой УТРФ «Ламут» и БМРТ УОР «Колывань». Следовало организовать «глубокое изучение обстоятельств и причин» их задержания американскими властями всем командным составом судов, посещавших международные воды. Объявлялось, что судоводители, нарушившие установленный режим плавания вблизи границ специальных зон иностранных государств, «будут впредь привлекаться к уголовной и материальной ответственности. За нарушение установленных буферных зон виновные будут лишаться морских дипломов на максимальные сроки». Морскому инспектору А. Н. Пикалову дважды в сутки на основании диспетчерских сводок и радиотелефонных переговоров следовало наносить на карту координаты судов, работавших в международных водах, и немедленно докладывать руководству флота обо всех происшествиях [6, л. 83].

29 августа на теплоходе «Советская Арктика», работавшем как плавбаза, вводилась должность пятого помощника капитана (по пожарно-технической части) с окладом в 100 руб. «по первому

тарифному поясу». Это делалось по порядку, установленному приказами по Дальрыбе № 469 от 20 октября 1967 г. и 330 от 4 августа 1969 г. и по КРП № 10-44 от 18 мая 1970 г. Названные документы вводили положение о помощнике капитана по пожарно-технической части на всех плавбазах и плавзаводах [8, л. 8].

19 сентября от ВРХФ принят ПР «Ханка», построенный в 1961 г. в ГДР, строительный № 8006 [6, л. 220].

В связи с поступлением нескольких подобных ПР: «Хасан», «Эльтон», «Болонь», «Эворон», «Ханка» — КРП решил их часть передать в аренду своим рыбокомбинатам. Для повышения ответственности экипажей за образцовое выполнение заданий арендаторов и увеличения времени нахождения на промысле начальник флота установил на второе полугодие систему премирования членов палубной и машинной команд, производственного (без обработчиков) и обслуживающего персонала. Для получения премии нужно было постараться выполнить квартальный план дохода от аренды и не иметь претензий к экипажу со стороны арендатора и руководства экспедиции [6, л. 201].

22 сентября для приёма от ВРХФ ПР «Орель» в пос. Жупаново выехали механик-наставник МСС Н. П. Ротонос, капитан-наставник СМ М. А. Кренгель, старший инженер по ЭРНП Р. И. Таванцев и инженер-кадровик В. П. Липинский [6, л. 196].

1 октября на баланс КРФ зачислен полученный от ВРХФ ПР «Эворон», построенный в 1961 г. Его приняли на рейде Оссоры [8, л. 14, 36].

14 октября сильным юго-восточным штормом от участка по заготовке металлолома оторвало МБ «Прилив», находившийся под разделкой. Его выбросило на мель в районе реки Авачи. Снять «Прилив» было поручено МБ «Капитан Загорский». Благодаря хорошей работе экипажа буксира и его капитана операция успешно завершилась ровно через месяц — 14 ноября [8, л. 97].

20 октября во Владивостоке началась приёмка от ВРХФ транспортного рефрижератора (ТР) «Тауйск» [8, л. 79]. Этот бывший банановоз построили в 1956 г. в ФРГ. За ним тянулась «слава» судна-неудачника, неоднократно возвращавшегося в порт на буксире и больше стоявшего, чем работавшего, и крайне запущенного. Забегая вперёд, отметим, что в составе КРФ «Тауйск», попав в хозяйские руки «деда» В. И. Колодина, дважды ветерана — флота и Отечественной войны, — вскоре стал одним из передовых судов.

Спустя годы В. И. Колодин вспоминал: «Я поработал год на берегу. Однажды приехал главный инженер и говорит, что надо

принять во Владивостоке транспортный рефрижератор. Пригоним его сюда, сдадим рыбному порту как холодильную ёмкость, и опять пойдёшь на берег работать... Принял я "Тауйск", построенный в 1956 г. в Гамбурге как банановоз. Сначала он назывался "Бонита". Мощный двигатель — 6 140 л. с., мы брали 3 200 т мороженой рыбы в брикетах. Приняли, в трюма погрузили запчасти на другие пароходы и взяли курс на Петропавловск. Только Аскольд прошли, получаем телеграмму: "Следуйте в Охотоморскую экспедицию". Пришли, стали принимать селёдку в бочках, и нас четыре месяца не пускали в порт. Туда-сюда ходим. Я тогда говорю ребятам, что надо навести порядок в машинном отделении. А там всё чёрное, грязь. Страх был в машине. Навели порядок, помыли, покрасили... Через четыре месяца приходим в Петропавловск. Приходит комиссия. Был тогда в руководителях В. Д. Романов. Он как увидел чистоту и порядок в машине, стал меня обнимать, целовать. Он ведь видел, какая там жуть была... На "Тауйске" дизель был немного особенный. Мощный, малооборотный, двухтактный двойного действия. Это значит, вверх поршень пошёл — форсунка. Вниз пошёл — две форсунки. Огневой сальник. Шток, только прямолинейное движение. Он соединён с крестовиной. Сложная машина. От этого двигателя шума не было, только "Чух! Чух!" У него сто десять оборотов в минуту полных. А мы ходили на девяноста, больше я не давал. Ходили восемнадцать узлов, а если кого надо обогнать, то давали сто оборотов и легко обгоняли пассажирские суда...»

30 октября списано ТХС «Юпитер», построенное в ГДР в 1952 г., заводской номер 171. Остаточная стоимость судна определена в размере 18,8 тыс. руб. [8, л. 58].

14 ноября премированы за экономию топлива в количестве 40 т члены экипажа парохода «Новая Земля», обеспечившие добросовестную и грамотную эксплуатацию энергетической установки [8, л. 145].

21 ноября премированы радиомонтажники ПСРБ В. А. Абрамов и В. И. Лепский, механики-наставники по ЭРНП А. И. Стешенко и Р. И. Таванцев. При окончании ремонта МБ «Сигнальный» выяснилось, что у вибратора его эхолота НЭЛ-5 пробита обмотка, требуется её перемотка, то есть постановка судна в док. Энтузиасты затратили на устранение неисправности двое суток, «применив рационализацию, много умения и профессиональной сметки». Работоспособность эхолота восстановлена без докования, судно своевременно вышло в рейс [8, л. 86—87].

25 ноября от ВРХФ принят ПР «Орель», построенный в 1961 г. Командовать им назначен капитан В. И. Бабинец [8, л. 102].

15 декабря от ВРХФ принят дизель-электрический ПР «Дмитрий Часовитин», построенный в 1962 г. [8, л. 192].

19 декабря во время девятибалльного шторма вышел из строя главный двигатель ПР «Орель». Судно оказалось в аварийном положении и его понесло к берегу. На помощь из Петропавловска вышли МБ «Сигнальный» и ПР «Дмитрий Часовитин», из бухты Русской снялся ПР «Эльтон». В штормовых условиях «Эльтон» (капитан В. И. Кириллов) смог завести буксир и привести аварийного собрата в Петропавловск. На рефрижераторе оказалась залита морской водой обмотка электрической муфты главного двигателя. Это произошло из-за несогласованных действий механиков, приведших к тому, что балластная вода попала в систему осушения (на этом типе судов они были связаны между собой) и через незакрытую крышку фильтра системы осушения затопила кормовой колодец. Муфта главного двигателя находилась почти на одном уровне с колодцем, почему в неё и попала вода [8, л. 168, 180].

20 декабря от ВРХФ принят ПР «Приморск» постройки 1959 г. [8, л. 185].

25 декабря от ВРХФ принят дизель-электрический ПР «Андрей Евданов», построенный в 1961 г., и ПР «Первомайск», спущенный на воду в 1959 г. [8, л. 193, 196]. Первое судно находилось во Владивостоке.

При «Красноярске» создана группа электромонтажников по автоматике со сдельной оплатой труда в составе двух специалистов 6-го разряда. Их кандидатуры согласованы с МСС [8, л. 194]. На судах флота уже имелось много приборов электрической автоматики и сигнализации, требовавшей квалифицированного ремонта и специального наблюдения.

По состоянию на 31 декабря 1972 г. в КРФ работали 2 256 чел., из них 1 846 моряков на судах. Из числа последних 437 прошли специальные проверки и получили разрешение на выполнение загранплаваний, в том числе 348 командиров и 89 рядовых моряков. Аппарат управления насчитывал 68, отдел материально-технического снабжения (ОМТС) — 40 чел. На ПСРБ «Красноярск» трудились 228 рабочих и инженерно-технических сотрудников [9, л. 4, 86].

Службы КРФ располагались в отдельных зданиях Петропавловска. Управление размещалось на «красной линии» в двухэтажном деревянном доме на ул. Ленинской. МСС пребывала на перешейке

между мысом Сигнальным и Никольской сопкой в каркасно-засыпном здании, переоборудованном из летнего буфета. ОМТС занимал каркасно-засыпное здание в посёлке Моховая на территории «Красноярска», там же находились склады.

К концу 1972 г. КРФ располагал 52 плавединицами, в том числе 32 судами транспортного самоходного флота общей грузоподъёмностью 36 586 т, несамоходными лихтером и баржой, вмещавшими 3 400 т, тремя морскими буксирами, судном-тренажёром и 12 производственными судами, в том числе семью типа «Братск», двумя типа «Первомайск» и тремя типа «Таврия»: («Хасан», «Болонь», «Эльтон», «Эворон», «Орель», «Приморск», «Дмитрий Часовитин», «Ирбит», «Андрей Евданов», «Первомайск»). Три из названных ПР были к тому же ещё и дизельэлектроходами. Такие суда ранее моряки КРФ не эксплуатировали.

В течение года работали шесть ПР, четыре из них в производственном варианте, а два («Баскунчак» и «Ханка») — в транспортном. Остальные шесть были приняты в конце года и фактически не использовались. В декабре флот пополнился большим ТР «Тауйск».

В течение года списаны МБ «Прилив», пароход «Щорс», ТХС «Меркурий», «Юпитер», одна 400-тонная баржа, ещё две таких баржи переданы комбинатам КРП. Выведен из эксплуатации и превращён в учебно-тренировочное судно пароход «Анатолий Серов». К списанию готовились теплоходы «Поярков», «Омь», ТРС «Пенжино», ТХС «Хоста». Как хорошее оценивалось техническое состояние 21 судна, как удовлетворительное — 26, и как неудовлетворительное — шести [10, л. 3—4].

Установленный на 1972 г. план перевозок в объёме 321 200 т был выполнен на 104,05 % (по отчёту переброшено 334 194 т). Не справились с заданием по грузоперевозкам и грузообороту теплоходы типа «Тисса» — в третьем квартале («Гомель») и четвёртом квартале («Омь»). «Гомель» выполнял «круговой» рейс с разным грузом из Петропавловска на комбинаты западного побережья, обратно вывозя скопившийся там металлолом. При плановой продолжительности в девятнадцать, на деле на него затратили более шестидесяти суток. Много времени непроизводительно потрачено на ожидание выгрузки у комбинатов, помешала и непогода. «Омь» простояла на западном побережье из-за штормов 28 суток при плановой продолжительности рейса 25 суток. Получается, что судно пропустило одно своё среднее плавание [10, л. 5].

Вообще-то непогода в этом году проявила себя сильно, особенно в первом квартале: «Кадиевка» простояла на комбинатах 34,

«Пятрас Цвирка» — 63 суток. Пароход «Приморск» там же, но во втором квартале, потерял 17 рабочих дней. Зато сократились стоянки в ожидании бункера, из-за аварий и происшествий, межрейсового ремонта [10, л. 17].

Согласно «Плану внедрения новой техники» флоту следовало перевезти новым, только осваивавшимся, комплексно-механизированным пакетным способом 10 000 т грузов, но перевезли всего 6 200 из-за острого недостатка пакетирующих средств, которые отечественная промышленность серийно ещё не выпускала. Кустарно изготовленные собственными силами, они имели низкое качество. К тому же на судах пока отсутствовала внутритрюмная механизация [10, л. 22].

В 1972 г. флот перешёл на так называемое «порейсовое планирование». Обобщение опыта работы показало его целесообразность и необходимость. Экипажи, получавшие конкретные задания на ближайшее время, прилагали все усилия для повышения эффективности работы своего судна. Они всячески стремились к сокращению времени рейса, увеличению объёма перевезённого и снижению эксплуатационных расходов. К тому же всё это сказывалось и на заработках. Стремление выполнить рейсовое задание стимулировало работу судовых бюро экономического анализа, выискивавших ещё не использованные резервы, могущие повысить показатели. Всё это удовлетворяло не только потребностям предприятия и работавших на нём людей, но и вписывалось в общую стратегию развития экономики страны. На недавнем XXIV съезде КПСС руководитель партии — генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев так сформулировал её задачи: «Главное, на что мы должны рассчитывать, — это повышение эффективности производства. Если говорить проще, суть проблемы состоит в том, чтобы на каждую единицу затрат — трудовых, материальных, финансовых — добиться существенного увеличения объёма производства и национального дохода».

В течение года эксплуатировались 33 судна, 25 выполнили годовой план перевозок и грузооборота. Лучших результатов добились теплоходы «Советская Арктика» (капитан К. В. Бобров), «Алдома» (Ю. В. Титов), «Крашенинников» (Н. К. Козловский), «Корсаков» (Ф. Н. Кустов), «Холмск» (В. Н. Смыслов), пароходы «Новая Земля» (Б. С. Петухов) и «Даугава» (Я. В. Ерошкин), танкеры «Нарымнефть» (А. И. Ковалев) и «Сунгари» (Г. Е. Пысин).

Всего за год сделано 434 рейса с грузом. Рейсовые задания по типам судов выполнялись неравномерно. Пароходы справились

менее чем с половиной заданий, рефрижераторы и теплоходы выполнили более двух третей, танкеры — свыше 80 %. С учётом такой неравномерности разработаны новые валовые нормы грузовых работ, учитывавшие род груза, количество пунктов захода, районы и сезоны плавания. Эти нормы с учётом данных за прошедший год были ужесточены для отдельных типов судов и применены при расчёте рейсовых заданий в 1973 г. [10, л. 27—29].

Годовая выработка на одного работника составила 9 922 руб., или 114,5 % к плану, средняя зарплата — 3 690, а с учётом выплат из фонда материального поощрения — 3 887 руб. [10, л. 26].

Отчёт флота за 1972 г. не содержит данных о выпуске пищевой продукции. Это связано с тем, что производственные суда поступали в середине и конце года, их закрепили за комбинатами побережья, которые и учитывали их работу, а также сдали в аренду другим организациям. Так, ПР «Эльтон» с 11 августа по 22 сентября находился в аренде у Камчатского облрыболовпотребсоюза (кооперации) и в бухте Наталья принимал оленину от совхозов Корякского национального округа [8, л. 120].

Суда ремонтировались и проходили техническое обслуживание на судоремонтном заводе (СРЗ) «Фреза», Петропавловской судоверфи (ПСРВ), Северном СРЗ в Советской Гавани (там в текущем ремонте с докованием в октябре и ноябре пребывал ПР «Болонь»), в Николаевске-на-Амуре и на собственной базе «Красноярске». Уже традиционно ремонт, дававшийся на ПСРВ, признавался неудовлетворительным. Как пример назывался теплоход «Оленск»: при плановой продолжительности работ 534 суток выходе ещё 5 августа 1971 г. он простоял 1 048 суток и не вышел до конца 1972 г. [8, л. 22; 10, л. 20].

Техническое состояние судов во многом поддерживалось благодаря грамотному использованию моряками машин и механизмов и соблюдению правил технической эксплуатации. По этим причинам период эксплуатации парохода «Пятрас Цвирка» был продлён на девять месяцев [5, л. 146]. Согласно графику ремонта «Советской Арктике» планировалась стоянка продолжительностью 71 сутки и затраты 70 тыс. руб., фактически судно стояло всего 25 суток, а затраты снижены до 56 тыс. руб. Это было достигнуто также благодаря его хорошей эксплуатации экипажем и умелой организации работ администрацией «Красноярска» [8, л. 2].

Произошла одна авария корпусно-палубной части и три аварийных происшествия, все из-за нарушений правил технической эксплуатации. Теплоход «Холмск» сел на каменистую отмель

острова Завойко, повредив днище. Затраты на ремонт и убыток от простоя составили 24 тыс. руб. На лихтере «Повенец» не подлежал восстановлению сожжённый паровой котел КВ-3. После перестановки котла с однотипной «Яузы» лихтер передали Петропавловскому морскому рыбному порту (ПМРП) как склад. На танкере «Максим Горький» расплавлен упорно-опорный подшипник главного двигателя 8ДР 30/50. Неисправность устранена силами экипажа без затрат. На ПР «Орель» затоплена электромуфта, в результате снизилось сопротивление изоляции семи её полюсов. Это происшествие также устранено «силами экипажа просушкой в течение полутора суток» [10, л. 24—25].

За год СМ организовала 2 495 учебных тревог, подготовила 39 приказов по флоту, провела семь заседаний совета капитанов. Прошли аттестацию 184 судоводителя, шестеро из них впервые назначены капитанами [7, л. 20—23].

Недостаток кадров плавсостава стал хроническим и, более того, усугублялся: процент обеспеченности в 1972 г. упал до 60 против 89 прошлого 1971 г. В первую очередь это было связано с поступлением большого количества производственных судов. Общая численность судового состава выросла на четверть. Особенно тяжёлое положение создалось с механиками-паровиками и рефрижераторных установок. Из-за отсутствия выбора в качестве паровиков были вынуждены «оставлять лиц, неоднократно нарушивших трудовую дисциплину», а нехватка рефрижераторных специалистов привела к тому, что летом три ТРС ходили с опломбированными рефустановками. Они возили не пищевые продукты, а технический груз, для чего были не предназначены.

Вообще, в период летней навигации с кадрами складывалась наиболее тяжёлая обстановка: большинство моряков уходили в очередные трудовые и учебные отпуска. Это вынуждало обеспечивать отходящие суда людьми за счёт раскомплектования экипажей стоявших в ремонте, а также отзыва плавсостава из отгулов и выходных дней. Тем не менее, нередко суда отправлялись в море с неполными экипажами. За совмещение должностей моряки получали доплаты. Интересна статистика роста этих доплат: в 1967 г. (первом году самостоятельной работы КРФ после выделения из состава Тралфлота) они составили 7, в 1968 г. — 12, в 1960 г. — 15,2, в 1970 г. — 14, в 1971 г. — 20, а в 1972 г. — уже 31 тыс. руб.

А вот как распределялась численность плавсостава по стажу работы (в %): менее одного года — 44, от года до трёх лет — 20, от

трёх до пяти лет — 16, от пяти до десяти лет — 7, от десяти до пятнадцати — 6, свыше пятнадцати — 7 [9, л. 14].

В партийной организации флота состояли на учёте 242 коммуниста, 179 из них трудились на судах. Свыше 90 % коммунистов имели постоянные партийные поручения, 47 являлись пропагандистами, руководителями семинаров и школ партийного и экономического образования, 26 — лекторами-общественниками, политинформаторами и агитаторами, 43 коммуниста участвовали в работе выборных органов партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Три береговых и 35 судовых «первичек» объединяли 403 флотских комсомольца. Звания комсомольско-молодёжных и красный комсомольский значок с жёлтым профилем «вождя мирового пролетариата» на рубке носили шесть судов: танкеры «Лира» и «Нарымнефть», ТРС «Коряки», «Мильково», «Тиличики» и «Медведица» [9, л. 34]. Их экипажи подбирались отделом кадров по предложениям комитета комсомола. Как известно, все перемещения людей должны были согласовываться с этим «комсомольским штабом», дабы комсомольско-молодёжный экипаж не оказался «размыт» и не перестал быть таковым по факту.

По-прежнему большую помощь администрации, партийной, комсомольской и профсоюзной организациям в укреплении дисциплины и воспитании кадров оказывала техническая общественность в лице советов капитанов (председатель капитан-наставник В. А. Дубовицкий), старших механиков (председатель механик-наставник Г. С. Фёдоров) и радиоспециалистов (председатель начальник службы связи А. А. Скиндер). При управлении флота продолжал действовать товарищеский суд, членами коего были «пользующиеся авторитетом в коллективе люди, которые имеют моральное право обсуждать проступки нарушителей порядка и трудовой дисциплины». Председателем суда избрали старшего юрисконсульта П. Д. Шарову. Общефлотский женский совет возглавляла Л. П. Козырькова. Появился и ещё один — новый — орган: общественный отдел кадров, но «к работе он ещё не приступил» [9, л. 37].

Покажем деятельность общественных организаций флота на примере его базкома. Он разрешал трудовые споры, распределял жильё, отдельные виды дефицитных товаров, выделял материальную помощь, хлопотал о поощрениях достойных лиц, делил места в пионерском лагере и детском садике, рассматривал ход социалистического соревнования и утверждал его победителей.

19 мая базком утвердил очередь на приобретение в личное пользование автомашин согласно поданным заявлениям. Первым по счёту числился секретарь парткома флота (внесён в очередь 10 сентября 1963 г.). Имелись и записанные годом раньше — 1 и 14 сентября 1962 г., но они почему-то стояли девятым и седьмым соответственно.

Завершал список — 92-м по счёту — один из заслуженных капитанов, занесённый в него лишь неделю назад — 12 мая 1972 г. Решения по списку очередников принимались индивидуально. На сей раз счастливчиками стали второй, третий, четвёртый и седьмой по счёту. Самого раннего — девятого — почему-то обошли. Не повезло и секретарю. Его «отодвинули на попозже», возможно, что из соображений «социальной справедливости», дабы не давать повода к лишним разговорам.

Средством передвижения попроще — мотоциклом — желали обзавестись восемь работников. Первый из них стоял в очереди с 25 августа 1965 г., то есть «всего» семь с небольшим лет, последнего, вернее, крайнего, зарегистрировали совсем недавно — 28 января 1972 г. [11, л. 107—111]. Выходит, что для получения разрешения на покупку долгожданного автомобиля уходили две, а мотоцикла — полторы пятилетки. Ещё какое-то время тратилось на ожидание его поставки и собственно покупку.

А вот в прямом смысле «судьбоносные» решения, принятые в ноябре: «Имеющего первую очередь на жилплощадь Х. — за пьянство и нарушение общественного порядка — очередь на получение квартиры передвинуть на 1973 г. Имеющего вторую очередь на получение жилплощади В. за систематические нарушения требований устава службы и пьянство на судне — очередь на получение квартиры передвинуть на 1973 г. Имеющего четвёртую очередь на получение жилплощади П. за пьянство и посещение медицинского вытрезвителя 14 октября 1971 г. — очередь на получение квартиры передвинуть на 1973 г. Имеющего двадцать первую очередь на жилплощадь В. за пьянство и совершение мелкого хулиганства — очередь на квартиру передвинуть на *сто номеров*, считать его очередь 121-й... Предупредить товарищей... что если они допустят ещё нарушения трудовой дисциплины и требований устава службы, то очередь их на жилплощадь будет передвинута на конец списка» [11, л. 18].

Интересно, что сказали этим «товарищам» их жёны, когда узнали о переносе долгожданного новоселья с «вот-вот» на весьма неопределённый срок?

ПОКАЗАТЕЛИ ПРИЕМА СЫРЦА ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ РЕФРИЖЕРАТОРАМИ И ПЛАВБАЗАМИ КАМЧАТРЫБФЛОТА В 1974 ГОДУ

	План		Факт.		Процент выполнения	
	июля	7-ми месяц.	июля	7-ми месяц.	июля	7-ми месяц.
П/б. «Чукотка»	—	1.080	—	1.307	—	121,0
«А. Евдаков»	775	4.975	848	5.921	83,6	119,1
«Приморск»	625	2.925	576	3.152	92,2	107,8
«Д. Часовитин»	775	3.995	650	3.984	83,9	99,7
«Первомайск»	775	4.525	786	3.950	101,4	87,8
«Орель»	744	4.514	471	3.473	68,3	76,9
«Сов. Арктика»	—	12.500	—	8.410	—	67,3
«Кизи»	744	1.470	19	513	2,6	34,9
«Болонь»	250	354	89	89	35,6	25,1
Итого:	4.688	36.338	3.239	30.799	69,1	84,8

ПЛАНОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

НАШ КОММЕНТАРИЙ

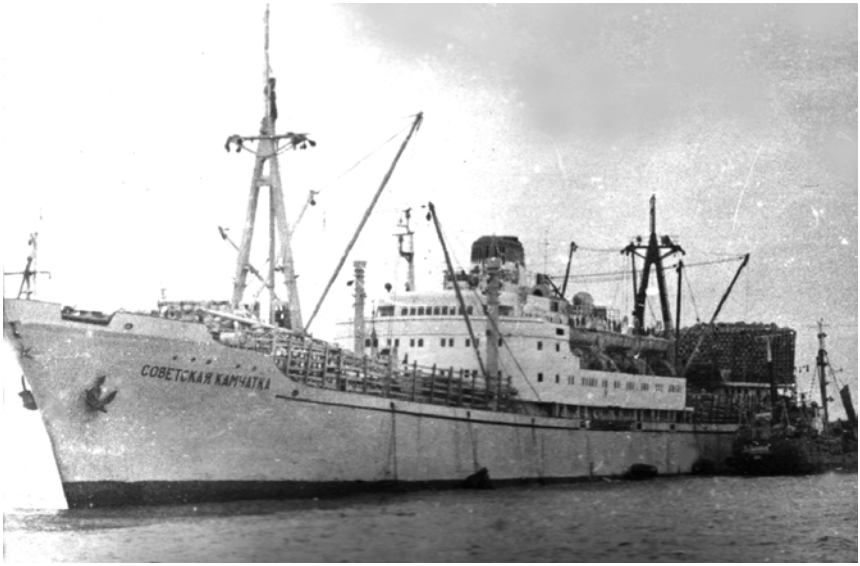
За рамками этой сводки остались другие экономические показатели, в том числе показатели работы транспортного флота КРФ. Можем сообщить, что планы этими типами судов уверенно выполняются, а четыре из них завершили пятилетние задания.

Не может не радовать и другой факт: Камчатрыбфлотом выполнен план по реализации выпускаемой продукции.

Однако беспокоят систематические — из месяца в месяц — плохие результаты работы производственных рефрижераторов и плавбаз по приему рыбы. Специалисты управления отставание в июле объясняют плохой сырьевой базой и

Сведения из газеты «За высокие уловы» от 11 августа 1974 г.

Плавбаза «Чукотка» принимает улов от СРТ



Плавбаза «Советская Камчатка» на промысле

Плавбаза «Советская Камчатка» в рыбном порту Петропавловска

1973

1 января во исполнение приказа ГУ «Дальрыба» № 564 от 25 декабря 1972 г. и соответствующего распоряжения КРП Управление транспортного и рефрижераторного флота «Камчатрыбфлот» преобразовывалось в «Производственное управление рефрижераторного флота "Камчатрыбфлот"» (ПУРФ), то есть в организацию, занимающуюся не только грузоперевозками, но принимающую рыбу-сырец и выпускающую из него продукцию. В его штатное расписание впервые вводилась должность начальника производственного отдела [13, л. 10].

От ВРХФ следовало получить ещё один ПР — дизель-электрический «Ирбит», построенный в 1964 г. [8, л. 191; 13, л. 41, 26].

3 января выехала группа специалистов для приёмки «Андрея Евданова» и «Ирбита». Последний пребывал в капитальном ремонте на Приморском СРЗ в Находке [13, л. 2].

10 января официально поставлен на баланс ТР «Тауйск» [13, л. 13].

16 января от ВРХФ принят ПР «Кизи», построенный в ГДР в 1961 г. [13, л. 59].

18 января поощрены благодарностями и премиями моряки МБ «Сигнальный» (капитан М. С. Сафин). В декабре 1972 г. они провели две сложных спасательных операции. При возвращении из Октябрьского комбината в Петропавловск 12-го числа на траверзе мыса Сивучьего приняли на буксир аварийный танкер «Максим Горький» и, несмотря на резкое ухудшение погоды и очень тяжёлую навигационную остановку, благополучно доставили его в порт. С 23 по 25 декабря из района Четвёртого Курильского пролива, сначала сопровождая, а затем буксируя, привели в Петропавловск пароход «Алтай» [13, л. 25].

В 08.50 в бухте Ольги при швартовке к «Дмитрию Часовитину», стоявшему на якоре, на ПР навалил теплоход «Корсаков». У обоих судов повреждены надводные части корпусов. 23 февраля «Часовитину» не повезло ещё раз: теперь в его левый борт ударил «Холмск», повредив ширстрек. Помимо прочих причин этих столкновений, выявилось «значительное рысканье» самого дизельэлектрохода [13, л. 183].

22 января списан «с последующей разделкой на металлолом» на «Красноярске» теплоход «Поярков», построенный в 1952 г. в Хабаровске. Его балансовая стоимость некогда составляла 448 тыс. руб. [13, л. 27].

1 февраля капитан-наставник Ф. Н. Панин отправился в бухту Ольги для проверки судовой и штурманской службы и ознаком-

ления с производственным процессом на «Дмитрии Часовитине», «Орели» и «Эвороне» [13, л. 51].

2 февраля решено установить в течение 1973 г. на танкерах «Нарымнефть» и «Сунгари», теплоходах «Оленск», «Корсаков», «Гомель», «Холмск» и «Болонь» сварочные аппараты и снабдить суда всем необходимым для их работы: газом, электродами, горелками. Это должно было способствовать проведению качественного саморемонта и более надёжной эксплуатации механизмов [13, л. 60].

При следовании в Петропавловск вышла из строя главная машина на ПР «Первомайск». Его принял на буксир теплоход «Гомель» (капитан П. Д. Гайдаков) и при зыби и сильном северном ветре благополучно привёл в порт. За отличную работу поощрены капитан, его помощники А. Ф. Щерба, В. Ф. Котков, В. Л. Иванов, боцман В. И. Кондрашов, плотник В. Н. Фролов, матросы А. В. Вахрушев, И. И. Жирнов и А. Г. Крамаренко [13, л. 89].

12 февраля для более глубокого знакомства с организацией производственных процессов и решения на месте практических вопросов, связанных с приёмом и обработкой сырца, на ПР «Дмитрий Часовитин», «Орель», «Эворон», «Приморск» в море отправились заместитель начальника флота В. А. Колодяжный, начальник коммерческого отдела Э. В. Климчук и инженер производственного отдела А. А. Шориков [13, л. 74].

15 февраля объявлен конкурс на «лучшее решение тем»: 1) механизации погрузочных работ в третьем трюме судов типа ПР-600, 2) защиты электромуфт гребных валов этих же судов от попадания воды и 3) обогрева санитарных помещений средней надстройки «Тауйска». Итоги конкурса намеревались подвести на совместном заседании технического совета и совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР) к 20 июня. На премии победителям выделены 500 руб. [13, л. 85].

22 февраля ПР «Дмитрий Часовитин» стоял на левом якоре при в ходе в бухту Моржовую с семью вытравленными смычками якорного каната. Дул северо-восточный ветер силой до двенадцати баллов, с моря накатывалась крупная зыбь, видимость была плохая, временами шёл снег. Машина пребывала в двадцатиминутной готовности. В 01.08 РС-300 «Умный», находившийся в бухте, сообщил, что его несёт дрейфующим льдом на берег. На «Дмитрии Часовитине» стали готовить машину. В 01.32 судно начало сниматься с якоря. На палубе находился один боцман, помощника капитана не было. Для ослабления натяжения якорного каната ПР подрабатывал машиной вперёд. В 01.48 на гребне волны

якорная цепь испытала сильный рывок и оборвалась. В воду «с концами» ушли якорь и четыре цепных смычки [13, л. 174].

28 февраля началось опытное внедрение автоматизированной системы сбора и обработки информации о деятельности судов океанического флота «Океан-ДВ». Приказом по КРП № 9 от 10 января 1973 г. все суда КРФ должны были приступить к сбору и передаче данных для этой системы в вычислительный центр Камчатского филиала Центрального проектно-конструкторского и технологического бюро (ЦПКТБ) Дальрыбы. Ответственными за внедрение системы и её эксплуатацию назначены диспетчер по рейсовому планированию В. Ф. Ищенко и капитаны. До 1 марта суда должны были получить справочники по кодированию и бланки радиограмм. Собранные диспетчерами флота сведения ежедневно направлялись вычислительному центру [13, л. 125—126].

1 марта введена ежегодная аттестация заведующих производством, рыбных мастеров, флагманских технологов. Особое внимание в ходе её проведения уделялось знанию технологии обработки рыбы, оборудования, техники безопасности, трудового законодательства и устава службы. Заработала аттестационная комиссия под руководством заместителя начальника флота В. А. Колодяжного. Её составили: начальник производственного отдела Р. Р. Мазитов, начальник МСС В. Т. Носков, начальник отдела техники безопасности В. М. Фоминых, старший юрисконсульт П. Д. Шарова, начальник СМ В. И. Афанасьев. Для повышения знаний специалистов производственному отделу предписано еженедельно проводить семинары с мастерами обработки и заведующими производством судов, стоявших в порту [13, л. 136].

Введена должность заместителя начальника МСС по технической эксплуатации флота с месячным окладом 160 руб. [13, л. 149].

8—11 марта морской патруль проверял дисциплину, санитарное состояние, несение пожарно-вахтенной службы на стоявших в Петропавловске судах флота. 8-го числа на многих судах «гуляли». Так, в каюте вахтенного второго помощника капитана «Анатолия Серова» шло «распитие спиртных напитков с посторонними лицами». Такие же «лица» заполняли каюту старпома. На «Крашенинникове» отсутствовал вахтенный штурман. Он, «будучи в нетрезвом состоянии», покинул судно и уехал в город. 9 марта празднество продолжилось. Была пьяна вся вахтенная служба ТРС «Милково». «Каюты личного состава в антисанитарном состоянии. На судне грязь и запущенность». Здесь также пребывало четверо нетрезвых «гостей».

Как показательный факт отмечено, что на ряде проверенных судов царят строгий порядок и дисциплина. На ТРС «Соболево», «Тиличики», «Коряки», пароходе «Пятрас Цвирка» и других все требования устава службы соблюдены, вахты несутся бдительно, соблюдается чистота, то есть «созданы условия для культурного досуга и отдыха членов экипажа» [13, л. 183—184]. Бдительность морского патруля особенно усиливалась в дни получения заработной платы и аванса, то есть в отмеченные 8—11-й, к тому же совпавшие с праздниками, и 21—24-й каждого месяца.

15 марта для осмотра и окончательного решения о приёмке плавбазы (парохода) «Белоруссия» в Клайпеду выехал механик-наставник Н. П. Ротонос [13, л. 160].

18 марта при проведении испытания батареи провизионной камеры ПР «Болонь» рассолом, вытекавшим из расширительного бака, залита и выведена из рабочего состояния электромагнитная муфта главного двигателя. Судно вышло в рейс с шестидневным опозданием. Виновный рефмеханик характеризовался по службе отрицательно: появлялся на службе нетрезвым, совершал прогулы, одним словом, «разлагающе влиял на подчинённых и других членов экипажа». Переведён на три месяца на нижеоплачиваемую работу слесарем ПСРБ [14, л. 40].

23 марта получил резаную рану первого пальца и межпальцевой промежности кисти левой руки матрос-обработчик ПР «Дмитрий Часовитин», работавший на дисковой головообрезной машине [14, л. 28].

28 марта освобождена от должности заведующая производством ПР «Орель», допустившая ряд грубых нарушений при приёме рыбы и оформлении квитанций промысловым судам. Так, на сырец, полученный 16 февраля от РС-300 «Артек» колхоза «Красный Октябрь», квитанция была выписана только через два дня с завышением количества против фактического. В бумаге значились 20 ц бычка и 40 ц минтая. Фактический выпуск продукции из этого сырья составил 1,62 и 6,38 ц соответственно. Подобные задержки и ошибки допускались виновной неоднократно [13, л. 192].

1 апреля в соответствии с прошлогодним декабрьским решением правительства СССР введены новые штаты и должностные оклады членов экипажей ПР и транспортных судов МРХ СССР. Запрещалось применение для рабочих-повременщиков тарифных ставок сдельщиков «в связи с отсутствием отраслевых технически обоснованных нормативов трудовых затрат». Одновременно вводились утверждённые Дальрыбой, согласованные с профсоюзом

повышенные единые бассейновые нормы выработки и сдельные расценки на обработку рыбы. На 20 % поднимались и действующие «местные нормы выработки» на саморемонтные работы по чистке котлов и танков [13, л. 130—131].

В связи с созданием в составе флота группы ПР групповым механиком с окладом 170 руб. назначен В. С. Карцев, до этого старший механик подменной команды [14, л. 65].

5 апреля ПР «Приморск» и «Первомайск» отправились в Берингговоморскую экспедицию (БМЭ) на приём сырца терпуга, трески и минтая. В Карагинской экспедиции уже трудился ПР «Эворон», бравший от местных колхозников камбалу. В это время на Северных Курилах морозил терпуг «Дмитрий Часовитин», а в ОМЭ перерабатывали треску, минтай, навагу, частик, камбалу и терпуг «Ирбит», «Кизи», «Орель», «Болонь» и «Эльтон» [14, л. 5—7].

16 апреля на ПР «Приморск» для проверки правил плавания и производства грузовых операций у берегов США командирован капитан-наставник М. А. Кренгель. Это делалось в рамках обеспечения выполнения недавно заключённых соглашений между правительствами СССР и США, СССР и Канады по рыболовству в северо-восточной части Тихого океана. Для предотвращения возможных нарушений соглашений суда обеспечивались комплектами из 32 карт масштаба 1 : 500 000 с нанесёнными на них территориальными и рыболовными зонами и местами перегруза. Капитанам следовало самостоятельно отметить буферные зоны. Проверялось чёткое написание на бортах названий судов, порта и номера приписки, бортовых и пограничных номеров. Командный и рядовой состав изучал «Наставление по предотвращению загрязнения моря нефтью». На суда, направлявшиеся в районы действия соглашения, устанавливались очистители льяльных вод. При нахождении в районах, сопредельных с американскими и канадскими водами, требовалось систематически определять местонахождение судна с учётом возможного дрейфа, не допуская попадания в запретные для плавания районы. Расследование, проведённое Дальгосрыбфлотинспекцией (ДГРФИ) по Камчатскому району, показало, что 29 марта с 23.30 до 24.00 ПР «Приморск» находился в запретном районе № 4 у американского острова Кадьяк. Его снесло туда течением и ветром [14, л. 35, 195—196, 214].

17 апреля подписан приказ «О дальнейшем внедрении пакетных перевозок на транспортных судах КРФ». При этом в трюмах укладывались готовые «пакеты», которые без расформирования перевозились и выгружались в пункте назначения. Грузы в однород-

ной упаковке собирались в «пакеты» одинаковой формы с равным количеством мест. Так было удобно перевозить мороженую рыбопродукцию, консервы, рыбную муку, картонную тару, соль в мешках, банкотару, технические грузы, снабжение и продовольствие. Обычно вес одного пакета не превышал 700 кг брутто, его содержимое укладывалось так, чтобы обеспечить устойчивость и сохранение прямоугольной формы. План пакетной перевозки на 1973 г. определён в 10 000 т. В их числе 4 200 т рыбной муки из экспедиций, или 10 % всего её объёма. Больше всех пакетных перевозок возложено на теплоход «Холмск» — 1 500 т [14, л. 38, 43].

20 апреля установлено план-задание по приёму сырца и выпуску мороженой рыбопродукции на экспорт в 1973 г.: минтай — приём 3 393, выпуск 3 360 т; мойва — соответственно 2 520 и 2 500 т. Планировалось производство и стрелозубого палтуса по мере его поступления на ПР от колхозных промысловиков [14, л. 50].

28 апреля «за грубые нарушения технологии» отозван в распоряжение отдела кадров заведующий производством ПР «Эворон». Во время перегруза мороженого минтая на рефрижератор ВРХФ «Черняховск» из-за высокой температуры в теле рыбы (−15 °С) не приняты 67 т, в результате чего «сорвана отгрузка». Забракованную партию 25 марта передали на свой «Тауйск», причём в процессе выгрузки треть мест перетарировали из-за нарушения целостности упаковки. 19 апреля от 300 т продукции ПР «Кизи» отказался рефрижератор ВРХФ «Наманган». Причинами несоблюдения температурного режима (не выше −18 °С) стало нарушение графика закатки и выкатки тележек с рыбой в морозильные камеры. Вместо шести в одну камеру помещали семь тележек, разгружали камеры по одной вместо двух сразу. Дефростация камер шла одновременно на оба борта, поэтому приём сырца в эти дни существенно ограничивался. Нередко суточная паспортная производительность камер превышалась на 20 % и даже более [14, л. 66, 131—132].

3 мая «в связи с производственной необходимостью приёма и сдачи сырца» на японскую плавбазу «Хойя-мару» в штат теплохода «Советская Арктика», планировавшегося к перестройке под плавбазу, введена должность старшего мастера по обработке рыбы [14, л. 85].

7 мая началась организация Охотоморской экспедиции (ОМЭ) по приёму и выпуску сельди. В ней с 1 августа должны были работать ПР «Эльтон», плавбазы (ПБ) «Советская Арктика» и «Чукотка». Последнее судно передавалось в состав КРФ из УТРФ

с 1 июля. Ему установлен план приёма сырца 5 500, выпуск продукции — 4 588 т [14, л. 95].

9 мая «Советская Арктика» выведена из эксплуатации и поставлена на ремонт и переоборудование.

24 мая решено, что молодые специалисты, окончившие мореходные училища и занимавшие до получения рабочего диплома должности рядового плавсостава, будут получать оклады комсостава. Например, на ТРС: матрос — 130 руб. (оклад третьего помощника капитана), моторист — 135 (оклад третьего механика), столько же электрик (оклад электромеханика). Это должно было поправить денежные дела молодых моряков, особенно семейных, многие из которых приехали на полуостров с семьями и пока не заработали северных надбавок. Но уже 13 августа этот приказ был отменён «в связи с поступившим разъяснением Дальрыбы». Оплачивать труд «молспецев» теперь следовало «по выполняемой работе, но не менее установленного минимального оклада по должности техника (90 руб.)» [14, л. 143].

30 мая коллегия ГУ «Дальрыба» присвоила КРФ ведущее место за победу во Всесоюзном социалистическом соревновании за первый квартал 1973 г. с вручением переходящего Красного знамени и премии в 12 600 руб. Первые места присуждены ПР «Ирбит», пароходу «Приморск», МБ «Сигнальный» и участку ПСРБ [14, л. 149].

31 мая подведены итоги работы за пять месяцев «решающего года пятилетки». Благодаря передовикам социалистического соревнования — экипажам ПР «Дмитрий Часовитин», «Кизи», «Орель» и «Эльтон» — раньше срока выполнено полугодовое задание по выпуску мороженой продукции. Её сдали на 4 738 тыс. руб., или на 238 тыс. больше планового. Особенно успешно производственный флот действовал в мае. Неплохо поработали и транспортники. Одними из лучших среди них были моряки парохода «Приморск». Они уже дали больше половины своего годового плана в 21 200 т. На судне трудились хорошо известные всему флоту специалисты: старший штурман В. Наприенко, боцман В. Припадаев, старший механик И. Поляков, третий штурман В. Салюхин [15, № 65].

1 июня при Петропавловском рыбокомбинате заработали двухмесячные курсы бондарей, специально организованные для пятнадцати матросов-обработчиков «Советской Арктики», готовившейся к отходу в ОМЭ [14, л. 147].

В рамках внедрения хозрасчёта всем ПР, выходившим в район промысла после ремонта или получения снабжения в порту, решено выдавать рейсовые план-задания. Теперь работу каждого

судна, оплату труда экипажа и его премирование следовало производить по показателям выполнения рейсового задания. Одновременно утверждены форма и методика составления рейсового отчёта.

26 июня списаны теплоход «Омь», построенный в 1951 г. в Венгрии, заводской номер 1556, и ТРС «Медведица», построенный в 1953 г. в Швеции, номер 14 [14, л. 253].

29 июня как поощрение за внедрение новой технологии работникам «Красноярска» выплачена премия в 500 руб. До этого ремонт паровых котлов пароходов типа «Алтай» производился на Камчатке только на ПСРВ. Теперь же сложные работы по гибке и изготовлению водогрейных труб и секций были освоены силами флотских мастеров [14, л. 240].

23 июля у главного двигателя «Нахаб Поляр» танкера «Сунгари», стоявшего у причала ПСРВ, во время прогрева из-за закрытого клапана подачи масла сломалась направляющая продувочного насоса. Двигатель некоторое время работал без смазки. Танкер пришлось задержать в ремонте на продолжительное время [16, л. 127].

27 июля за добросовестный труд премирован старший механик ПР «Приморск» Л. А. Вьюхов. При осмотре состояния судна командированным в море сотрудником управления флота обнаружено, что все механизмы и устройства находятся в образцовом техническом состоянии и отвечают требованиям техники безопасности [16, л. 43].

12 августа от УТРФ принята ПБ «Чукотка» типа В-62, построенная в 1962 г. в Польше. Капитаном-директором назначен В. К. Бобров. На промысле «Чукотка» начала работать 5 сентября. Первые результаты оказались не очень хорошими: с заданием плавбаза не справлялась. К 22 сентября она приняла 820 т сырца при плане 1 200. Качество продукции тоже пока оставляло желать лучшего: сказывался недостаточный опыт работы персонала на выпуске солёной продукции. К тому же поступавшая сельдь дрифтерного улова имела большой процент сырца с механическими повреждениями (до 30 %). Для ликвидации отставания требовалось организовать подвахты по разделке повреждённой сельди в числе не менее 20 чел. К 1 октября следовало подобрать и отправить на судно рыбмастеров, «имеющих опыт работы на плавбазах и обладающих организаторскими способностями». Для большей заинтересованности обработчиков в выполнении и перевыполнении плана выпуска продукции и повышения её качества утверждённые сдельные расценки повышались на 20 %,

а для поощрения лучших бригад и отдельных членов экипажа в распоряжение капитана-директора выделялись 1 000 руб. [16, л. 132, 136, 149].

13 августа создана комиссия под председательством начальника технического отдела флота Г. С. Фёдорова по приёму от СРЗ «Фреза» плавмастерской с одноимённым названием, построенной в Северодвинске в 1957 г. Комиссии предстояло оценить её техническое состояние [16, л. 79].

19 августа на баланс КРФ зачислен новый танкер «Сахалиннефть», построенный в этом году в Финляндии, заводской номер 219. Для помощи его радиоспециалистам в освоении новейшей однополосной аппаратуры связи: радиопередатчиков «Бриг», «Корвет», «Муссон» и радиоприёмника «Шторм», впервые поступивших на флот, во Владивосток, к месту стоянки судна на трое суток откомандирован А. И. Стешенко. После перегона во время приёма-передачи судна в главной энергетической установке танкера обнаружены неисправности, на борту отсутствовало достаточное количество запчастей. Поэтому пришлось установить ограничения в режиме эксплуатации судна: на первых порах его использовали на местных перевозках [16, л. 87, 137].

21 августа на Украину, в г. Жданов (Донецкая область, ныне Мариуполь) направлен заведующий производством ПР «Дмитрий Часовитин» П. П. Королёв. Ему следовало разобраться в причинах забраковки тамошними торговыми организациями партии произведённой на судне мороженой пристипомы и обеспечить её «сдачу на месте». Помполит «Дмитрия Часовитина» А. Ф. Демченко выехал в Красноярск: здесь местный Росмясорыбторг тоже забраковал одну вагонную тридцатитонную партию пристипомы. В этот же день инженер-технолог лаборатории КРФ Ф. М. Микаэлян отправилась в Рязань и Никополь: там также возникли большие сомнения в качестве девяти вагонных партий — целых 270 т — мороженой рыбы. Её командировку даже пришлось продлить до 27 сентября [16, л. 114].

Эти поездки стали первыми подобными. Освоение нового вида деятельности — выпуска рыбной продукции — сопровождалось большими трудностями, и техническими, и организационными. Как тут не вспомнить поговорку о том, что первый блин всегда выходит комом!

20 сентября поощрены премиями члены судомеханической службы ТР «Тауйск». Судно находилось в эксплуатации с ноября 1972 г. по 18 августа 1973 г. Моряки произвели ремонт «на ходу»,

существенно продлив эксплуатационное время. По приходу в порт 16 августа осмотром установлено хорошее состояние механизмов, годное к предъявлению Регистру. Месячные оклады получили: стармех В. И. Колодин, третий механик В. В. Козанов, его дублер Е. А. Большанов, четвёртый механик А. И. Рябухин, рефижераторный механик Н. И. Князев, электромеханик В. Ф. Иванов, мотористы А. И. Одинцов, Н. В. Закин, А. Н. Примакин, рефмашинисты А. В. Щеглов, В. Н. Мещеряков, Ю. К. Григорьев, электрики В. Н. Копытов и Г. В. Чинин [16, л. 193—194].

1 сентября от СРЗ «Фреза» в состав флота принята одноимённая плавмастерская [16, л. 175].

5 октября капитанам всех судов предписано до 10 ноября на занятиях с комсоставом и на технической учёбе с рядовыми моряками изучить новый устав службы на судах флота рыбной промышленности (ФРП) СССР и принять зачёты. Устав введён в действие приказом МРХ СССР № 356 от 25 октября 1972 г. с 1 октября 1973 г. [12, л. 44].

9 октября на основании приказа по КРП № 69 от 29 марта 1973 г. после окончания ремонта Октябрьскому комбинату передан МБ «Капитан Загорский», построенный в 1966 г. в ГДР, заводской № 6121 [12, л. 13].

18 октября на расширенном заседании базового и партийного комитетов флота подведены итоги социалистического соревнования между производственными и транспортными судами за третий квартал 1973 г. [12, л. 116]. Экипажам, достигшим лучших показателей, вручены премии и присуждены:

— первое место с вручением переходящего Красного знамени — ПР «Приморск», пароходу «Приморск» и теплоходу «Алдома» (правда, как выяснилось позже, значительная часть продукции производственного рефрижератора оказалась очень низкого качества);

— второе место с вручением переходящего Красного вымпела — теплоходу «Гомель», ТРС «Паратунка»;

— третье место — теплоходу «Корсаков».

По итогам работы ПСРБ «Красноярск» победителем признан коллектив первого участка (руководитель — старший мастер В. А. Чумаков).

30 октября из системы ППР исключен заслуженный ветеран — танкер «Максим Горький», построенный ещё в 1937 г. в Японии, имевший изношенный корпус и механизмы [12, л. 54].

12 ноября списана по износу ПМ-1117, построенная в 1960 г. в ГДР [12, л. 99].

13 ноября в 12.20 при заходе в устье реки Большой сел на мель танкер «Лира». Только 16 ноября в 10.45 при помощи буксиров Октябрьского комбината он сошёл с мели. Проведённый позже водолазный осмотр обнаружил деформацию днища в районе помпового отделения со стрелкой прогиба 15 мм. Причиной посадки на мель явились неправильные действия капитана, не потребовавшего от руководства портпункта комбината промеров фарватера устьевой части реки после шторма. Он не принял на борт лоцмана, входил в реку при ограниченной видимости, сообщил в управление спустя двадцать семь часов после происшествия. Рассчитывая на наступление полного прилива, не предпринимал никаких мер по снятию: не завёл якоря на глубину, не подмывал грунт катерами, не принял мер к уменьшению осадки. Капитану объявлен строгий выговор [12, л. 122].

20 ноября для выполнения постановления «штаба партии» — ЦК КПСС «Об улучшении экономического образования трудящихся» при управлении флота создан постоянно действующий лекторий по экономическим проблемам. Лекции проводились ежемесячно в третий четверг, после окончания рабочего дня, в 18.00. Посещать их должны были все управленцы, не охваченные учёбой в сети партийного просвещения. Отвечал за организацию занятий в соответствии с заранее утверждённым планом Г. Ф. Кравцов. Начальники отделов и служб должны были обеспечить их посещение своими сотрудниками, а явку последних проверял начальник отдела кадров Н. Н. Пименов [12, л. 103].

Из системы ППР выведено ТРС «Паратунка», имевшее значительный износ корпуса и механизмов и нуждавшееся в большом ремонте. «В связи с нецелесообразностью проведения текущего и капитального ремонтов, ввиду затрат на них, превышающих остаточную стоимость судна», решено в 1974 г. произвести поддерживающие работы до списания [12, л. 106].

27 ноября подведены итоги конкурса на лучший коллектив по рационализации [12, л. 118]:

— первое место и приз в 350 руб. завоевал экипаж ПР «Ирбит» (капитан-директор В. А. Миньшенин, председатель технического совета Н. П. Ротонос);

— второе место и приз в 200 руб. взял коллектив радиоучастка (бригадир Н. М. Клемин) и отдела связи (начальник отдела А. А. Скиндер);

— поощрительная премия в 50 руб. досталась экипажу ПР «Приморск» (старший механик Л. А. Вьюхов).

В развитии технического творчества большую роль играли старшие механики. Их опыт, инициатива, любовь к профессии часто становились решающими в налаживании рационализаторской работы. К числу таких энтузиастов принадлежали Н. П. Ротонос («Ирбит»), И. А. Янин (пароход «Приморск»), О. И. Водяницкий («Холмск»), В. И. Колодин («Тауйск»), Л. А. Вьюхов (ПР «Приморск»), Ж. Г. Австриевский («Ханка»). Такое отношение к рационализаторству положительно сказывалось на состоянии дел в экипажах. Так, ПР «Приморск» и «Ирбит» неоднократно становились передовиками социалистического соревнования.

2 декабря в 01.30 после приёма груза на нефтебазе в Сероглазке танкер «Максим Горький» под командованием капитана В. Я. Полторанина вышел в рейс на Западную Камчатку. В 05.30 танкер зашёл в бухту Русскую для пополнения запасов пресной воды, встал на якорь в ожидании очереди. В 11.55 снялся и малым ходом двинулся на швартовку. Обходя суда, стоящие на рейде, близко подошёл к берегу, отклонившись от входных створов. Во время циркуляции в 12.15 наскочил на мель. Самостоятельно принятые меры, помощь парохода «Кадиевка» и ПР «Ханка» успехом не увенчались. 4 декабря на эти суда перекачаны 348 т дизельного топлива, после чего старый танкер в 08.35 сошёл с мели. Случай классифицирован как аварийный, капитану объявлен строгий выговор [12, л. 155].

19 декабря по итогам соревнования коллективов КРП в честь традиционного XII слёта рыбаков Камчатки победителями признаны [12, л. 177]:

— ПР «Приморск» с присуждением диплома второй степени, премии в 1 600 руб. и выделением для продажи членам экипажа за наличный расчёт двух автомобилей — «Москвича» и героя советских анекдотов — «микролитражного» «Запорожца»;

— ПР «Эворон», награждённый дипломом третьей степени, премией в 1 200 руб. и «Москвичом»;

— теплоход «Гомель», заработавший диплом второй степени, 800 руб. премиальных и «Москвич»;

— теплоход «Корсаков» с вручением диплома третьей степени, премии в 800 руб. и «Запорожца».

20 декабря четвёртый механик парохода «Алтай» занимался устранением дефектов носовых паровых лебёдок. Завершив работу, он приказал машинисту 1-го класса продуть их паропроводы от скопления конденсата. Машинист продул, но с нарушением правил эксплуатации. При подаче пара 22 декабря обнаружилось,

что растрескались цилиндры грузовой и поворотной лебёдок, и механизмы к работе не пригодны. Машиниста понизили до 2-го класса на три месяца и удержали в счёт частичного погашения убытков треть месячного оклада. Механик получил «строгач», с него также вычли треть оклада [17, л. 96].

23 декабря в 06.05 на ТРС «Соболево» заклинило руль. Пусками главного двигателя на передний и задний ход его удалось расходить. До 17.00 двигатель работал передним ходом от малого до полного. При реверсе послышался удар в кормовой части судна, после чего резко увеличились обороты. При осмотре винторулевой группы в порту водолазы установили, что винт сошёл с конуса вала, но был задержан пером руля. Гайка-обтекатель со шпонкой отсутствовали. Судно ремонтировалось с поднятием на слип в августе 1973 г. на ПСРВ [17, л. 16].

26 декабря в 14.00 ТРС «Елизово» подходило к ПБ «Советское Заполярье». Палубная команда заняла места по швартовому расписанию. В 14.14, когда два матроса снимали стопор с заведённого на плавбазу кормового продольного конца, судно качнуло. От напряжения лопнуло звено цепи стопора. Один из матросов в это время находился в опасной зоне. Концом стопора его ударило по левой ноге, причинив открытый перелом голени [17, л. 40].

27 декабря для обеспечения судов шлюпочными закрытиями от непогоды, согласно международной конвенции, начальнику технического отдела Г. С. Федорову приказано составить соответствующую документацию для всех типов шлюпок, а начальнику ПСРБ «Красноярск» Ю. П. Дулисову приступить к их оборудованию. Начальник отдела снабжения К. Н. Пиянзин получил чертежи закрытий для подготовки заказа на материалы. Сшитые чехлы передавались «Красноярску» для размещения на судах [17, л. 184].

ПУРФ «Камчатрыбфлот» по-прежнему занимало деревянное двухэтажное здание на ул. Ленинской, где находились руководство, партком, базком, комитет ВЛКСМ, отделы: планово-экономический, коммерческий, юридический, финансовый, кадров, труда и заработной платы, административно-хозяйственный, службы мореплавания и связи. Рядом в деревянном каркасно-засыпном домике располагалась бухгалтерия. Служба эксплуатации разместилась на третьем этаже шлакоблочного здания ПМРП на склоне Никольской сопки над такелажной и механической мастерской порта. МСС после пожара в здании на перешейке Никольской сопки теснилась в каркасно-засыпном домике на склоне сопки. Техни-

ческий отдел и отдел техники безопасности занимали каюты ПМ «Фреза», недавно принятой от одноименного СРЗ. ОМТС всё так же пребывал в посёлке Моховая на берегу Авачинской губы в каркасно-засыпном здании на территории «Красноярска» [18, л. 6].

По состоянию на 31 декабря 1973 г. на балансе предприятия находились 48 самоходных производственных и транспортных судов и пять несамоходных плавсредств [19, л. 17—18]:

— пять ПР типа «Братск»: «Болонь», «Орель», «Эльтон», «Эворон», «Кизи»;

— два ПР типа «Первомайск»: «Первомайск» и «Приморск»;

— три ПР типа «Таврия»: «Ирбит», «Андрей Евданов», «Дмитрий Часовитин»;

— две плавбазы типа В-62: «Чукотка», «Советская Арктика»;

— 14 транспортных рефрижераторов: ТРС «Елизово», «Тиличики», «Мильково», «Паратунка», «Коряки», «Пенжино», «Соболево»; ТХС «Хоста» и «Плутон», ТР «Суходол», «Тауйск», «Ханка», «Хасан», «Баскунчак»;

— 12 сухогрузов: пароходы «Кадиевка», «Приморск», «Пятрас Цвирка», «Даугава», «Новая Земля», «Алтай»; теплоходы типа «Тисса» — «Гомель» и «Оленск», малые теплоходы пр. 229 — «Алдома» и «Крашенинников», теплоход «Холмск»;

— грузопассажирский теплоход «Корсаков»;

— шесть танкеров: «Сахалиннефть», «Нарымнефть», «Сунгари», «Максим Горький», «Вега» и «Лира»;

— два морских буксира: «Сигнальный» и «Маячный»;

— катер типа «Ж» «Зюйд-Вест»;

— несамоходные: баржа СБ-400 № 715, плавмастерские ПМ-455 и «Фреза», СРБ «Красноярск»;

— судно-тренажёр «Анатолий Серов».

За год флот пополнился ПР «Кизи», танкером «Сахалиннефть», ПБ «Чукотка» и ПМ «Фреза». Списаны ТРС «Медведица», теплоход «Омь», плавмастерская ПМ-1117, переданы другим организациям лихтер «Повенец» (ПМРП), МБ «Капитан Загорский» (Октябрьскому рыбокомбинату). Планировались к списанию в 1974 г. изношенные «Пенжино», «Хоста», «Плутон», «Крашенинников», «Максим Горький», «Лира» и баржа СБ-400 № 715.

Прошедший год стал временем полноценного освоения выпуска рыбной продукции. Её произведено на 25 071 тыс. руб. при плане 24 486 тыс., в том числе пищевой — на 17 287 тыс. руб., или 114 % от плана. Выработка продукции на одного работника из числа производственного персонала достигла 17 076 руб.

ПР и ПБ в 1973 г. пребывали на Западной и Восточной Камчатке на разнорыбице, камбале и треске, в ОМЭ — на сельди, на Гавайях — на пристипоме, у берегов Аляски — на бычке и минтае, на Курилах, принимая скумбрию и минтай. Но в последних трёх районах работа не ладилась из-за слабой сырьевой базы. В начале года по настоянию УТРФ, оформленному приказом КРП, в Аляскинский залив ушли ПР «Первомайск» и «Приморск». Однако получить здесь достаточно сырца они тоже не смогли. На бесполезные переходы оба судна затратили в общей сложности 120 суток. Среднесуточный приём составил всего 12,5 при 25 т, достигнутых на камчатском побережье.

Производственные суда приняли в обработку от государственных предприятий 11 985 т, в том числе 1 700 от УТРФ и 2 274 от УОР. Больше всех — 2 985 т — сдал Крутогоровский комбинат. От камчатских колхозников получено в общей сложности 48 867 т сырца. Самый крупный улов передал городской колхоз им. В. И. Ленина. Ещё бы! Ведь это хозяйство было самым большим в СССР. Наибольшая доля полученного сырца пришлась на «голубоглазый» минтай — 28 197 т, или 46,3 %. При этом 16 304 т ушло на экспорт. Вторую позицию заняла камбала 10 723 т (17,6 %), затем сельдь — 8 808 т (14,5 %). Флот не справился с заданием по выпуску филе ввиду отсутствия специального оборудования, нехватки места для разделки рыбы и невозможности использования отходов [19, л. 24—26].

Производственный флот снимался на транспортные перевозки для доставки собственной продукции. Этим занимались «Дмитрий Часовитин», «Первомайск», «Эльтон», «Кизи». Грузы других отправителей возили «Ирбит» и «Эворон». Сокращение транспортных рейсов хотя бы наполовину могло позволить принять ещё 8 000 т сырца и дать продукции на 3,6 млн руб. Имея основным поставщиком сырья рыболовецкие колхозы, КРФ не мог самостоятельно (издержки планового хозяйства) решать вопросы расстановки судов. Любой ПР в любое время мог быть по распоряжению КРП снят на транспортные работы с судами-ловцами УТРФ и УОР.

При сокращении непроизводительных простоев и лучшего использования ПР можно было бы дать дополнительной продукции на 5,5 млн руб. С учётом того, что затраты на содержание судов и общезаводские расходы являлись условно постоянными и с увеличением выпуска продукции практически не менялись (они составили 33,8 % от себестоимости продукции), убытки могли быть уменьшены на

2,4 млн руб. Главной причиной сверхплановых потерь стало неудовлетворительное использование производственного флота.

Продолжительность рейсов ПР (в сутках) составила: «Болонь» — 240, «Ирбит» — 208, «Кизи» — 264, «Приморск» — 296, «Эворон» — 159, «Эльтон» — 169.

Вот как выглядел режим работы «Эльтона» во втором квартале 1973 г. Из 91 суток на ремонт на ПСРВ отводилось десять (с 1 по 10 апреля), на подготовку к рейсу — шесть (до 16 апреля), переходы заняли ещё четверо. С 17 по 18 апреля — переход на Западную Камчатку, до 30-го числа приём минтая, 1 и 2 мая — перегруз, затем до 14-го числа снова работа на минтае, 15 и 16 мая — очередной перегруз, до 18 мая — переход в район лова разнорыбицы. Приём улова от колхозных судов до конца мая, 1 и 2 июня — очередной перегруз приготовленного, до 15 июня — выпуск продукции, затем её двухсуточное снятие, после чего снова приём разнорыбицы до конца июня [14, л. 9].

Несмотря на большую продолжительность рейсов (до 264 суток) полностью сменить экипажи ПР возможности не имелось: остро недоставало электромехаников 1-го и 2-го разрядов (потребовавшихся в связи с обзаведением дизельэлектроходами), рефмехаников 2-й категории и технологов по обработке рыбы. Между прочим, отчётные документы предприятия содержат интересное наблюдение: «Выполнение плана не находится в прямой зависимости от сменяемости экипажа, а зависит от каких-то других причин... не от количества сменившегося экипажа, а от квалификации и удачного подбора людей и других социально-психологических причин» [18, л. 81—82].

На протяжении всего 1973 г. ПР «Приморск» выпускал мороженую рыбу с отступлением от стандартов и технических условий. Приморская Госторгинспекция составила несколько актов о несоответствии продукции (3 мая, 21 августа, 6 и 7 декабря), сняв её с экспорта и направив на перемаркировку и доработку, частью перевела в нестандарт. Эти факты свидетельствовали о низкой технологической дисциплине на судне. Для предотвращения проникновения в торговлю мороженой продукции, не отвечавшей требованиям, введён особый режим отгрузки продукции «Приморска» [17, л. 62].

«Введение особого режима... считается “чрезвычайным положением” не только для нашего управления, но для всей рыбной промышленности Камчатки» [20, л. 205]. Так что начальнику производственного отдела Р. Р. Мазитову было, что улучшать во вверенном ему хозяйстве.

Моряки-транспортники с грузовым планом в 361 300 т справились успешно: перевезли 383 900 т, или 106,2 %. Но в этом почти не участвовали «Баскунчак», «Алтай», «Сунгари», «Тиличики», «Лира», стоявшие в ремонте [19, л. 19]. План пакетных перевозок (рыбная мука и лесоматериалы) выполнен на 100,4 %, ещё раз показано на практике, что пакетирование способствует снижению стояночного времени. Вступление в состав флота танкера «Сахалиннефть» существенно повысило по сравнению с 1972 г. перевозку наливных грузов: с 88,2 до 118,4 тыс. т. Благодаря «Тауйску» резко выросла доставка мороженой рыбы: с прошлогодних 8,5 до нынешних 31,1 тыс. т.

В большинстве своём моряки, будучи материально заинтересованы в максимальном количестве принимаемых грузов, следили за работой докеров в портах и портпунктах и сами принимали меры к лучшей заполняемости трюмов. Они творчески подходили к составлению и выполнению грузовых планов. Хороших результатов при загрузке добились экипажи «Новой Земли», «Гомеля», «Пятраса Цвирки», «Крашенинникова» и другие.

Но не всегда плавания проходили успешно. Как пример приведём рейс № 6 парохода «Кадиевка» по маршруту Находка — Петропавловск — Западная Камчатка, начавшийся 1 августа и завершившийся 22 ноября. Решением диспетчерского совещания судно после выгрузки в Находке планировали поставить под приём разного груза на Петропавловск, хотя Находкинский рыбный порт предупредил, что загрузка в августе невозможна из-за занятости причалов и большой очереди. Простояв до 22 августа и взяв за это время всего 153 т, судно в балласте ушло в Петропавловск за снабжением для камчатских комбинатов. Всего в этом рейсе «Кадиевка» непроизводительно простояла 88 суток, из них 60 — на побережье. Снова подтвердился старый вывод о нецелесообразности отправки на побережье Камчатки крупнотоннажных судов [19, л. 51].

За год произошёл один аварийный случай. 27 февраля на ПР «Первомайск», работавшем в Аляскинской экспедиции, из-за старой трещины оборвался бурт цилиндровой втулки главного двигателя. Неисправность ликвидирована силами экипажа без простоя, технический убыток — 1,5 тыс. руб.

Сотрудники МСС провели 109 инспекторских осмотров технического состояния судов. Аттестованы 213 судомехаников, 14 из них повышены в должностях. В ходе аттестации особое внимание уделено вопросам технической эксплуатации, знанию нового

устава службы и наставления по предотвращению загрязнения моря нефтью (ПЗМН). Групповые механики и механики-наставники провели в командировках в море и на СРЗ в общей сложности 223 дня [19, л. 56].

В КРФ трудились 2 832 чел. (в 1972 г. — 2 256), в том числе 1 366 производственного персонала. Средняя годовая зарплата одного работающего с учётом премий — 4 576 руб. (в прошлом году — 3 887 руб.) [19, л. 69].

За год среди работников флота отмечены 650 нарушений общественного порядка: 59 хулиганских проявлений, 589 появлений в общественных местах в нетрезвом виде, два случая «аморального поведения в семье». К нарушителям применены следующие меры дисциплинарного и общественного воздействия: 454 выговора и замечания, 93 увольнения за прогулы, 18 понижений в должности, 62 приговора товарищеского и 16 — уголовного суда, 37 административных арестов на пятнадцать суток, 23 штрафа, наложенных судом и милицией, 23 удержания трети оклада в счёт причинённого ущерба и одно лишение рабочего диплома. Кроме того, 529 выпивох доставлены в медицинский вытрезвитель, 198 нарушителей «разобраны» на заседаниях советов капитанов и механиков и 371 — частично лишены премии. Почти две трети провинившихся — 64 % — работали в КРФ менее года, и всего 12 % — свыше трёх лет [19, л. 73].

Успешно действовал совет молодых специалистов в составе семи человек под председательством старшего инспектора отдела кадров В. П. Липинского. По мнению совета, большинство пришедших на флот «молспецев» удачно влились в коллектив. Особенно хорошо зарекомендовали себя на производстве и в общественной жизни [18, л. 64]:

— выпускник Дальрыбвтуза 1972 г. второй штурман рефрижератора «Тауйск» В. В. Павлуш;

— выпускник ПКМУ 1971 г. второй помощник капитана ТРС «Елизово» А. А. Злотник;

— выпускник ПКМУ 1973 г. второй штурман парохода «Приморск» С. П. Борисов;

— выпускник Ростовской «мореходки» 1973 г. четвёртый механик ПР «Дмитрий Часовитин» А. С. Быковских;

— выпускник ПКМУ 1973 г. четвёртый механик танкера «Сахалиннефть» Б. Н. Антонов;

— выпускник Днепропетровского техникума рефрижераторный механик ПР «Приморск» В. Г. Дроздов;

— выпускник Лиепайского мореходного училища 1971 г. электромеханик МБ «Сигнальный» В. В. Антонов.

1974

5 января для усиления эффективности использования флота, сокращения непроизводительных простоев, времени обработки судов в портах и коммерческого брака решено включить в аттестационный лист капитанов и их старших помощников сдачу в службе эксплуатации (СЭ) дисциплины «Организация работы флота». Начальнику службы В. И. Ралдугину следовало подготовить и передать на суда перечень соответствующих вопросов [21, л. 1].

18 января в связи с тем, что обслуживанием технологического оборудования ПР и ПБ занимались неаттестованные механики-наладчики, назначена комиссия по проверке их знаний под председательством главного инженера В. Д. Романова. Проверку решено вести по мере прихода судов в порт [17, л. 34].

25 января на готовившуюся к обработке скумбрии ПБ «Чукотка» командирован старший инженер-конструктор Г. С. Степанов. Он должен был помочь судовым специалистам в монтаже и отладке различных технологических машин и льдогенераторов и уточнении схемы расстановки оборудования [17, л. 70].

3 февраля в 14.41 на рейде Авачинской губы ТРС «Мильково» швартовалось к танкеру «Максим Горький». Пущенный на средний задний ход главный двигатель вдруг резко набрал обороты. Машину остановили, проверили, не найдя повреждений, запустили вновь, но не заметили за кормой буруна от вращающегося гребного винта. В 14.55 с катера «Зюйд-Вест» осмотрели винторулевую группу и выяснили, что винт сошёл с конуса гребного вала, а гайка-обтекатель отсутствует. От утопления винт удержало перо руля. Судно прошло текущий ремонт с докованием на ПСРВ в июне прошлого года [17, л. 84].

11 февраля в 09.05 девятибалльный ветер выжал ПР «Ирбит» на мель в районе устья реки Авачи. На следующий день в 07.05 после подмыва грунта винтами двух катеров с помощью МБ «Ударный» ПР стянули с мели и отбуксировали в безопасное место. При подъёме якорь «Ирбита» зацепил лапой кабель [17, л. 161].

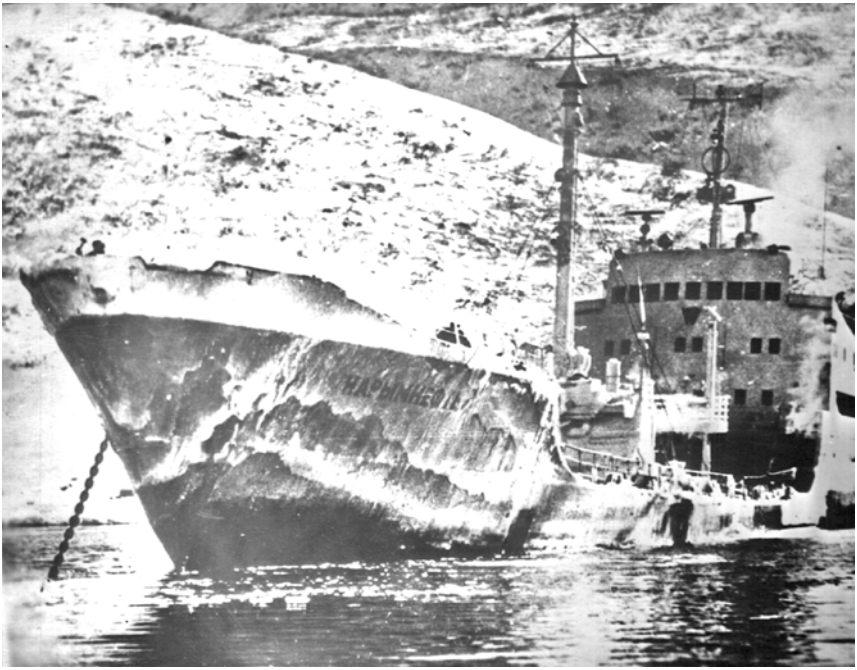
22 февраля на основании постановления президиума Камчатского обкома профсоюза и правления научно-технического общества (НТО) флот включился в проведение Всесоюзного смотра по выполнению планов внедрения достижений науки и техники в промышленность и повышения качества продукции. Смотру, шедше-

му до 31 декабря, присвоили шифр «НТК-74», что означало «Наука, техника, качество в 1974 г.». Его цель: направление творческой инициативы и активности общественности на выполнение исторических решений XXIV съезда КПСС. На съезде, помимо прочего, говорилось о повышении эффективности общественного производства и ускорении темпов роста производительности труда на основе всемерного использования достижений советской науки и техники [17, л. 125].

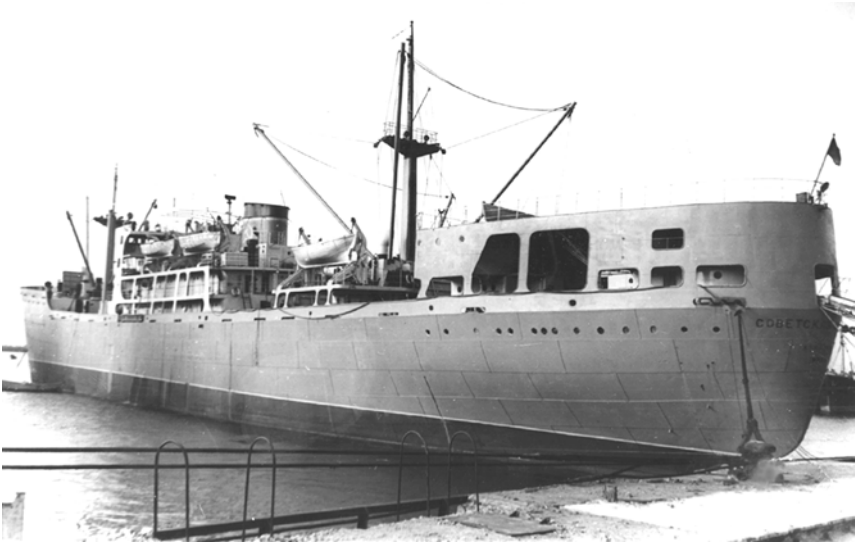
28 февраля на танкере «Максим Горький» моторист, растапливавший паровой котёл, получил ожог лица и рук пламенем, выброшенным из смотрового отверстия топки. Пострадавший был госпитализирован, в должности он проработал десять месяцев [22, л. 18].

12 марта на заседании президиума базкома о своей многогранной деятельности отчитывался женсовет. Докладывала его председатель Л. П. Козырькова. Из пятнадцати членов совета, избранных на общефлотском собрании еще 12 января 1971 г., по разным причинам выбыло шестеро. Довыборы пока не проводились. По словам председателя, строго планировать работу было сложно, потому что она «бывает самая неожиданная. По поступившим сигналам сразу же приходится принимать меры». Работать, в основном, приходилось с семьями, у которых возникали те или иные домашние конфликты. Туда посылались члены женсовета, ведшие беседы на месте или даже вызывавшие их в управление. Здесь дела разбирались совместно с парткомом и базкомом.

В женсовет обращались по разным поводам. Так, надолго уходивший в море механик попросил позаботиться о беременной жене и малолетнем сыне. По ходатайству женсовета малыша, пока мама пребывала в роддоме, определили в круглосуточную группу детсада. Одна работница никак не могла получить жильё. Женсовет настоял перед жилищно-бытовой комиссией о выделении ей квартиры из обменного фонда вне очереди, так как двум её детям было негде жить, когда мама уходила в море. По приходившим из моря телеграммам женщины вручали подарки ко дню рождения. У одного из моряков заболела супруга, двое малолетних детишек остались без присмотра. Старшую дочку устроили в круглосуточные ясли, сынишку — на две смены в пионерский лагерь «Дружба». Так что до прихода отца из плавания за них можно было не беспокоиться. Поселили в общежитие мать-одиночку, до этого прописанную «по флоту». Школьник, мама которого совершала длительный рейс, тоже с пользой для себя провёл все лето в «Дружбе».



Комсомольско-молодёжный танкер «Нарымнефть»



Теплоход (плавбаза) «Советская Арктика»

Передовой производственный рефрижератор «Дмитрий Часовитин»

Передовой ПР «Первомайск»

Женсовет вместе с базкомом устраивал новогодние вечера, отмечал 8 марта. К каждому празднику пенсионерам и семьям погибших моряков посылали поздравительные открытки, посещали больных, длительно лечившихся в больнице или дома, вручали им подарки. «На членов женсовета ложится и такая миссия, как оказание необходимой помощи в похоронах... Миссия, конечно, не из приятных...»

По заданию администрации женсовет дважды обследовал общежитие флота, жилой дом на Моховой. Здешние обитатели жаловались на неисправности отопительной системы, грязь в подъездах и, почему-то, на «драки между матерями-одиночками». Был составлен акт, переданный администрации «для принятия мер». Проверялся ход строительства детского садика. На расчистку его территории от снега и строительного мусора отправили моряков из резерва. Женсовет участвовал даже в оценке санитарного состояния судов, стоявших в порту и готовившихся к отходу в море. Отлично потрудились его члены Н. С. Головатюк, Е. А. Еланцева, П. И. Ковалева, И. Т. Абрамова и другие, «которые всегда, не считаясь с личным временем, посещают неблагополучные семьи, откликаются на каждую просьбу...» [23, л. 45—47].

14 марта в 02.44 танкер «Сахалиннефть», следуя в БМЭ, на подходе к проливу Унимак на полном ходу под прямым углом столкнулся с БМРТ «Советские профсоюзы» УОР, получив большую пробоину в районе третьего танка [20, л. 172—174].

22 марта объявлен выговор капитану-директору ПБ «Советская Арктика», не принявшему своевременных мер по прекращению выпуска солёного витаминизированного кормового фарша, ускорения отгрузки его остатков и перехода на выпуск фарша только с пиросульфитом. Со дня отправки распоряжения ПБ выпустила его ещё 1 000 т, «реализация которого будет значительно усложнена» [24, л. 17].

28 марта утверждено «Положение о рационализаторской работе». Капитанам приказано образовать судовые технические советы «для руководства работой по техническому прогрессу». Попутно разъяснялось, что же следует считать рационализаторским предложением. Таковым оно признавалось, если содержало обоснованное решение технической задачи, а не только её постановку, давало новое решение без повторения того, что уже использовалось, являлось результатом самостоятельной работы, было полезным и подкреплялось заданием, поданным до внедрения. Отвечали за рационализаторскую работу на судах старшие (главные) механики.

В этот же день выплачены авторские вознаграждения за ранее внедренные предложения. В. И. Федоренко получил 20 руб. за «Способ обогрева замерзших трубопроводов сварочным трансформатором», В. С. Безлобенко — 96 руб. за новую конструкцию муфты (экономический эффект 1 854 руб.), А. В. Шелестовский — 65 руб. за два предложения: «Приспособление для шлифовки цилиндров паровых насосов без доставки в цех» и «Применение магнитной обработки питательной воды на котельной установке ПСРБ "Красноярск"», В. Н. Губа — 15 руб. за установку масляного клапана в системе охлаждения и смазки главного двигателя [24, л. 37—40].

29 марта утверждено положение о хозрасчёте на ПР и ПБ. Оно составлено на основе типового положения для судов МРХ СССР, разработанного Государственным проектно-конструкторским институтом рыбопромыслового флота «Гипрорыбфлот» и утверждённого 29 сентября 1970 г. Суда действовали на основе принципов внутризаводского, то есть цехового, хозрасчёта. Он считался неполным и рассматривался как составная часть флотского. Суда не имели счетов в банке, не вели законченной бухгалтерской отчётности и расчётов за сданную продукцию или выполненную перевозку, а также не заключали договоров с другими предприятиями и организациями на поставку рыбопродукции и получение материальных ценностей и услуг [24, л. 54—56].

Март. Комсомольско-молодёжный экипаж «Нарымнефти» взял обязательства ко дню открытия XVII съезда ВЛКСМ выполнить свое пятилетнее задание — перевезти 127 540 т. В середине марта он был уже близок к этому. Капитан танкера А. Н. Пикалов рассказывал об опыте работы: «Значительную часть времени мы экономим в период выгрузки, принимая под обработку до трёх судов типа СРТМ. К моменту подхода судов у нас подготавливаются шланги, устанавливаются счётчики, прокачивается система водоотдачи. Таким образом, с окончанием швартовки судна сразу начинаем выдавать груз. Когда минусовая температура, своевременно, до подхода в районы работы промысловых экспедиций, прогреваем системы сдачи груза. Вахтенные помощники предупреждают вахтенного механика о подготовке вспомогательного котла и обеспечении грузовых насосов паром. Ещё до подхода в экспедицию выходим на связь с флагманом и уточняем очередность подхода судов к борту». За счёт сокращения запасов топлива и масла моряки увеличили грузоподъёмность своего судна на 100—150 т. На переходах из экспедиции они принимали минимум балласта, сокращая время на его откачку в пункте приёма груза.

Успехи судна не были возможны без трудового вклада штурманов А. Хайрулина, А. Емельянова, механиков А. Цуприкова, боцмана А. Стукалова, матросов А. Полюбина, П. Чертовского, Е. Гойды, моториста В. Посельского, электрика В. Сушко, начальника рации А. Шевелёва, донкермана В. Самойленко [25, № 32].

1 апреля начался «Смотр использования материальных ресурсов по снижению затрат на единицу продукции». Его цель: поиск и принятие мер по уменьшению расходов сырца, материалов, топлива и электроэнергии на тонну готовой продукции и грузоперевозки. Для этого следовало позаботиться о внедрении новой техники и технологии, совершенствовании организации производства. Конечная цель поисков — исправление действовавших норм расхода [20, л. 114].

3 апреля в связи с приближающимся завершением во Владивостоке ремонта ПР «Приморск» на судно откомандирован групповой механик В. С. Безлобенко. Ему следовало заехать в Хабаровск на завод «Продмаш», выпускавший различные пищевые машины: на «Приморске» внедрялось технологическое оборудование с корзинами и подпрессовкой продукции [24, л. 91].

13 апреля в 05.07 моторист разжигал паровой котёл на танкере «Нарымнефть». В нарушение правил технической эксплуатации он плохо провентилировал топку, в результате в газоходе выше экономайзера взорвались пары топлива. Газоход деформировало и разорвало, на переднем и заднем фронтах котла выбило смотровые стёкла, осколки которых поранили моряку лицо [24, л. 158].

14 апреля во время следования в Усть-Камчатск в 22.05 на теплоходе «Холмск» почувствовали вибрацию корпуса судна. При снижении скорости хода она прекратилась. В Усть-Камчатске водолазы обнаружили отсутствие одной лопасти, сломавшейся при ударе о льдину. 4 июня винт осмотрел инспектор Регистра СССР, нашедший на изломе следы старой трещины. На остальных лопастях они также находились в районе ступицы. «Это свидетельствует о том, что винт, поставленный на теплоходе, имел скрытый дефект, поэтому вины экипажа в поломке не усматривается» [20, л. 134].

15 апреля принят на баланс пароход «Белоруссия», построенный в 1957 г. в Польше, регистровый номер М-26082 [24, л. 153].

20 апреля состоялась «красная суббота», посвящённая очередному дню рождения В. И. Ленина. На промысле находились ПБ «Советская Арктика» и пять ПР, принимавшие пищевые породы. Все суда заблаговременно получили красочные этикетки с надписью: «Продукция выпущена в день Всесоюзного коммунисти-

ческого субботника». Экипажи «Приморска», «Первомайска», «Дмитрия Часовитина» и «Андрея Евданова» решили ознаменовать этот день наивысшей производительностью труда и дать, в зависимости от породы рыб, по полторы-две суточные нормы приёма и обработки. Большинство транспортов совершали переходы. Их команды занимались покраской, профилактическим ремонтом, палубными работами. Экипаж «Даугавы» своими силами грузил судно на рейде Крутогоровского комбината [25, № 47].

23 апреля подведены итоги социалистического соревнования за первый квартал 1974 г. Первое место с вручением переходящего Красного знамени присуждено ПР «Андрей Евданов», танкеру «Нарымнефть» и ТРС «Елизово», второе с вручением Красного вымпела — ПР «Дмитрий Часовитин» и «Ханка», третье — пароходу «Даугава» [24, л. 186].

25 апреля поощрён капитан А. С. Кириченко и экипаж «Тауйска», сопровождавшего двенадцать рыболовных судов из Владивостока до ОМЭ. Переход, начавшийся 21 февраля, проходил в неблагоприятных погодных условиях, но успешно завершился 1 марта [24, л. 156].

Предписано принять меры по устройству на корме всех ПР отсутствовавших у них приспособлений для приёма аммиака в систему рефустановки от специальной колонки во Владивостокском рыбном порту [24, л. 161].

30 апреля победителем соревнования по флотам и предприятиям КРП вновь признан экипаж «Андрея Евданова» с присуждением диплома 1-й степени и премии в 2 500 руб. [23, л. 192].

8 мая решено продать Моховскому совхозу по 6 коп. за килограмм кормовой рыбный фарш, произведённый «Советской Арктикой» и доставленный в Петропавловск на «Алдоме» [21, л. 28].

18 мая на «Баскунчаке», стоявшем на находкинском рейде, меняли масло в упорном подшипнике. Этим занимался моторист, вроде бы под наблюдением второго и старшего механиков. Но, как известно, у семи нянек дитя всегда остаётся без присмотра. Моторист залил всего десять литров вместо положенных по инструкции тридцати. 20 мая третий механик, не проверив уровень масла в подшипнике, пустил главный двигатель для швартовки к причалу. Непродолжительного времени хватило для того, чтобы упорный гребень вала и подшипник вышли из строя. Судно надолго лишилось хода и было выведено из эксплуатации [26, л. 28].

1 июня для лучшей организации санитарно-гигиенической подготовки плавсостава в штат судна-тренажёра «Анатолий Серов»

введена должность санитарного врача, на которого возложены обязанности по обучению плавсостава всех управлений флотов КРП [20, л. 128].

6 июня «Алдома» стояла в ПМРП под грузовыми операциями. На вахте находился третий штурман. В 19.00 выгрузка завершилась, теперь судну следовало идти на жестянобаночную фабрику. Капитан, уходя, предупредил старшего штурмана о предстоящей швартовке, но тот не выполнил указаний и тоже покинул судно. Тогда третий помощник, будучи нетрезв, решил перейти к ЖБФ самостоятельно. В 23.00 дал по телеграфу команду готовить машину. В машинном отделении находился старший механик. Он поднялся на мостик и, узнав, что на судне нет ни капитана, ни старпома, отказался выполнять указание пьяного штурмана. В 23.30 тот вторично дал указание готовить машину и обманул стармеха, сказав, что капитан прибыл на теплоход. В 23.38 машина была готова, третий штурман вышел на связь с портнадзором, представился старшим помощником капитана и запросил разрешение на переход. Получив добро, отошёл от берега и начал маневрировать, пытаясь выйти из ковша ПМРП, но в 23.50 врезался в строящийся причал, повредив несколько свай. «Алдома» осталась цела. В 24.00 на неё прибыл капитан и представитель портнадзора. Третий помощник отстранён от вахты, составлен акт о повреждении причала [20, л. 136].

11 июня ПБ «Советская Арктика» под командованием капитана-директора Н. И. Левковича, находясь в Японском море, следовала в порт Корсаков. Судно пребывало в транспортном режиме, матросы-обработчики на нём отсутствовали, все их каюты, находившиеся в носовой части, пустовали и были отключены от отопления. Каждые четыре часа специальный дозор обходил все помещения. В 18.30 дозор обнаружил в носовой части запах дыма. Немедленно объявлена пожарная тревога. К месту обнаружения дыма прибыла аварийная партия, в помещения направились три моряка, оснащённые КИП, заработали три пожарных шланга. Благодаря умелым и быстрым действиям аварийной партии во главе с заведующим производством В. М. Лопухиным помещения были обследованы, надёжно загерметизированы, и 18.45 очаг возгорания в каюте № 44 ликвидирован. Отважно и смело работали матросы О. Л. Черных, А. В. Закиров, И. А. Смирнов, механик завода В. А. Хрюкин, четвёртый механик Ю. П. Харин, газоэлектросварщик Н. С. Ильин. Причиной возгорания стало замыкание силовой электросети и проводов радиотрансляции [27, л. 29].

12 июня старший инженер технического отдела Г. С. Степанов направлен на пароходе «Даугава» в БМЭ для экспериментальной отработки перегруза рыбной муки при помощи ленточных стропконтейнеров [20, л. 100].

16 июня состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Первыми из камчатцев «проголосовали» члены экипаж ПР «Ханка», находившегося в Ванкуверо-Орегонской экспедиции. В радиограмме с борта судна говорилось, что экипаж, проявив полное единодушие, отдал голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, «выдвинутых народом представителей в высший орган государственной власти нашей страны». Находясь вдали от родины, раскиданные от берегов Камчатки и Приморья до сопредельных с США и Канадой вод, моряки продемонстрировали в день выборов «единодушие и сплочённость, любовь и преданность своей отчизне, коммунистической партии». Вот текст «выборной» телеграммы с «Первомайска»: «Весь экипаж проголосовал в течение сорока минут. В эти сутки несли предвыборную вахту все три бригады. Победителем в соцсоревновании вышла бригада Н. П. Зуева. На её счету 175 т обработанной рыбы вместо 135 по плану. Экипаж выполнил свои предвыборные обязательства. На борту 408 т готовой рыбопродукции вместо 400 по плану. Соревнование продолжается. Экипаж готовится достойно встретить День рыбака». Телеграмму подписал помполит А. Тройский [25, № 70].

26 июня для подготовки и проведения празднования Дня рыбака назначена комиссия под председательством В. А. Громова. Ей следовало разработать перечень мероприятий по достойной встрече главного камчатского торжества, согласовав их с партийным и базовым комитетами. Вот этот перечень. Первым следовало, естественно, «развернуть социалистическое соревнование по достойной встрече рыбацкого праздника». На каждом судне, где их нет, установить Доски почёта передовиков, выпустить боевые листки, «молнии», списки трудовой славы «Кто впереди сегодня», отражавшие ход соревнования. На стадионе «Спартак» выставить галерею портретов передовиков. Обеспечить представление кандидатур к награждению грамотами обкома и горкома КПСС. Оформить наглядную агитацию. Издать распоряжение об установлении порядка на судах, стоящих в порту, предусматривающее противопожарные мероприятия. Премировать особо отличившихся членов экипажей подарками за счёт фонда соцкульбыта, обеспечить их доставку в районы промысла. Провести торжественное общефлотское и собрания на судах. Подвести итоги состязания

за звание «Лучший по профессии». Организовать предпраздничное украшение территорий ПСБР и здания управления, объявить субботник по благоустройству. Поздравить пенсионеров — ветеранов флота, работников, находящихся на лечении. Обеспечить выдачу «праздничных продуктов» судам в море и в порту, береговым предприятиям. Изготовить новую эмблему флота, подготовить автомашину с ней для участия 14 июля в параде на «Спартаке». Обеспечить явку приглашенных на торжественное собрание в Доме культуры рыбаков, ветеранов флота и «лучших людей» на «Спартак» для участия в параде [20, л. 177—179].

5 июля состоялось заседание балансовой комиссии КРФ. За рейс с 16 февраля по 3 июня отчитывался капитан-директор «Советской Арктики» Н. И. Левкович. ПБ находилась в ОМЭ, в основном, выпуская минтаевый фарш. План выполнен на 107,9 %. Кроме фарша произведено 37 т печени и 27 т икры. По окончании промысла судно 27 суток находилось в транспортном рейсе, заработав за него 41,5 тыс. руб. По словам капитана-директора, в организации работы обнаружилось много упущений. «По приходу на промысел стояла всего одна рыборезка. Это сдерживало работу. После установки дополнительной машины производительность повысилась. Плохо обстояло дело с перегрузом, вначале его вообще долго не было. Помещения очень узкие, тесно. Сразу забили продукцией, поэтому искусственно занижался темп работы. Когда стали перегружать продукцию, то дело двигалось тоже очень медленно из-за слабой производительности лебёдок. Техническое состояние лебёдок очень плохое. Это отвлекало часть обработчиков на перегруз. К концу рейса кончилась тара, были вынуждены искать её на других судах экспедиции. Как правило, эти суда стремились отдать тару в плохом ликвидном состоянии. Много времени затрачивалось на ремонт». Судно не могло работать зимой: в помещениях было очень холодно. Для бесперебойного действия капитан-директор предлагал иметь судно-спутник, ссылаясь на опыт действовавшей рядом ПБ «Армань». В этом случае суточную норму приёма, по его мнению, можно было довести до 300 т.

Следующим выступил первый помощник капитана Г. Ф. Исаев, охарактеризовавший партийно-организационную работу и морально-деловой климат на судне. «Вся деятельность экипажа была направлена на выполнение плана, социалистических обязательств, встречного плана. Эта задача выполнена, способствовала этому организационная работа с коллективом. Регулярно проводились партийные собрания. Итоги работы бригад и смен оповещались через “Бое-

вые листки", по радио, в беседах». Имели место и «отрицательные факторы». Состояние производственной дисциплины было невысокое: случались драки и «неправильное поведение в быту», отмечено шестнадцать помещений в вытрезвитель. Текучесть кадров составила 22 %. Все то, что мешало в работе, по словам помполита, можно было сформулировать так: «Плохой подбор и расстановка кадров. Люди набирались случайные, непроверенные. Этими же качествами отличаются и кадры, посланные управлением. Мастера Ф. и П. — пьяницы. Присланная замена работой не занималась. Это отрицательно повлияло и на качество. Очень плохо обстояло дело со снабжением во время подготовки базы в рейс. Приходилось всё доставать по крохам». Командный состав характеризовался хорошо, «регулярно выносились поощрения отличившимся в работе».

Флотские управленцы снова попеняли капитану-директору на выработку солёного фарша после 13 марта: «Очень неустойчив в хранении... Убыток составляет 32 тыс. руб.». Тот объяснил причину задержки в переходе на пиросульфит: «Сам не имею опыта работы на фарше. Мастер сумел меня убедить, что на переход не готовы. Когда получил разъяснение по этому вопросу из управления, то понял суть дела и исполнил приказ».

В итоге деятельность судна признана удовлетворительной. За выполнение производственной программы экипажу полагалась премия в 16,5 % от заработка [27, л. 77—82].

8 июля по случаю приближающегося Дня рыбака утверждён список на получение автомобилей в 1974 г. В него вошли победители соцсоревнования в честь предстоящего праздника. Первое место среди производственных судов занял «Андрей Евданов» (капитан А. С. Черепнев, парторг Л. У. Черпаков, председкома Е. П. Громыко), среди транспортных — танкер «Нарымнефть» (капитан В. И. Зиневич, председкома Б. Н. Сушко). Второе место взяло ТХС «Мильково» (капитан Н. К. Козловский, председкома Е. И. Кытманов), третье досталось пароходу «Кадиевка» (капитан Ю. В. Филонов, председкома А. С. Кальмуцкий). Среди шестерых членов экипажа из числа комсостава этих судов распределено право покупки за наличный расчёт четырёх «Москвичей» и двух «Запорожцев». Всего же передовикам рыбной промышленности Камчатки в честь профессионального праздника выделено восемь «Москвичей» и шесть «Запорожцев» [28, л. 48—51].

14 июля торжественно отмечен День рыбака. За достигнутые высокие производственные показатели к награждению грамотой

обкома КПСС представлены рефмеханик «Первомайска» Н. С. Кащеев и капитан «Ханки» В. Г. Кисель. Занесены в портретную галерею передовиков производства КРП старший механик «Белоруссии» В. М. Сидоренко и капитан «Нарымнефти» В. И. Зиневич.

К награждению знаком «Отличник соцсоревнования МРХ СССР» представлены: капитан-директор «Чукотки» А. С. Кириченко и электромеханик «Гомеля» П. П. Медведенко, грамотой МРХ СССР — капитан-директор «Андрея Евданова» А С. Черепнев.

Грамотой Дальрыбы награждены: слесарь-монтажник «Красноярска» С. Н. Богатель, рефмеханик «Первомайска» И. Г. Велиев, рефмашинист «Приморска» Ю. В. Грандин, слесарь «Дмитрия Часовитина» А. Х. Тындюк [27, л. 3].

Праздник оказался омрачён гибелью бывшего моториста «Нарымнефти», 1941 г. р., который, будучи сильно пьяным, в сопровождении товарищей пытался пройти на борт танкера, стоявшего пятым корпусом у «Красноярска». При переходе с борта «Эворона» на «Пенжино» он упал с подтрапника за борт и утонул. Тело водолазы подняли на следующий день [23, л. 103; 27, л. 142].

15 июля балансовая комиссия слушала рейсовый отчёт капитана-директора «Андрея Евданова» А. С. Черепнева за рейс с 1 января по 1 июня. Судно побывало в нескольких экспедициях, перевыполнило производственную программу по всем показателям, снизив плановые убытки. Но в организации его эксплуатации имелись и «отрицательные моменты». Главным из них, как и на «Советской Арктике», оставалось положение с тарой. «В очередном ремонте считаю необходимым сделать корзины с крышками, чтобы можно было выпускать мороженую продукцию с подпрессовкой». Это обещало, например, экономию ёмкости трюмов на 20 % и сбережение самой тары. Вместо 27 в ящик тогда могло поместиться 32 кг. «Увеличив вес, за одно время можем перегрузить вдвое больше продукции». По таре выходило много забраковок. «Ящики получаются выпуклыми, рвутся. Всего этого можно избежать, сделав подпрессовку».

Требовалось разрешить вопрос с установлением нормы расхода трески-сырца на производство солёной продукции. Опыт показал, что расход составлял 2,2 ц на 1 ц готовой продукции, а по норме полагалось всего 1,82 ц. В результате образовался перерасход сырья на 254 т. «Отрицательным моментом в работе судна явился плохой сбор и морозка голов. На это существуют объективные причины. Поступление в морозилку сырых головок резко повышает температуру в камере. Зима была тёплая. Естествен-

ным способом головки не замерзали. Пытались тарировать их в бумажные мешки, а потом морозить. Мешки размокают и рвутся. Необходимы джутовые мешки для тарировки головок и замораживания их в них». В заключение капитан-директор отметил, что до конца года судно может принять ещё 7 000 т сырца.

Организацию работы ПР присутствующие назвали хорошей. А. С. Черепнев по этому поводу отметил, что коллектив трудился слаженно: «Экипаж подобрался работоспособный, старались тщательно подбирать кадры в Находке. Ежемесячно подводились итоги работы, ставились задачи на будущий период». Как и на «Советской Арктике», самым «слабым звеном» назван состав рыбмастеров.

С заключительным словом выступил заместитель начальника управления В. А. Колодяжный, по совместительству председатель балансовой комиссии. Он признал деятельность «Андрея Евданова» удовлетворительной, попросил капитана-директора «совместно с активом экипажа» подготовить информационный бюллетень с обобщением накопленного опыта для распространения среди экипажей других ПР.

Моряков ожидало премирование, но за «допущенный перерасход сырца, за брак в работе, за невыполнение плана по выпуску голов трески» заведующий производством лишился половины премиальных, а капитану-директору объявлено замечание. Попутно отмечалось, что во время нахождения морозильщиков в Кроноцком заливе работники управления на них не побывали. «Это задерживало решение производственных вопросов непосредственно на месте работы, что тоже оказало влияние на качество продукции. Необходимо в дальнейшем оказывать судам более действенную помощь на местах» [27, л. 90—93].

16 июля ТРС «Тиличики», загруженное свежей капустой, снялось из северокорейского порта Хиннам назначением на Петропавловск. В пути капитан получил распоряжение диспетчера КРФ следовать в район БМЭ. По утверждению таможни, «не проявив инициативы опровергнуть противозаконное телефонное распоряжение, капитан повёл судно в БМЭ, проследовав мимо порта Петропавловска-Камчатского в пятидесяти милях... Своим противоправным действием капитан судна и диспетчерская служба Камчатрыбфлота игнорировала Таможенный кодекс СССР». Согласно кодексу, выгрузка разрешалась таможенным учреждением в специальных местах, определяемых таможней и пограничным контрольно-пропускным пунктом. В этих же местах должны останавливаться все транспортные средства, прибывавшие из-за границы.

За нарушение таможенного законодательства капитан оштрафован на 50 руб.

В качестве ещё одного примера такого же «неквалифицированного и противоправного указания» называлось и распоряжение, данное капитану ТРС «Соболево», следовавшему из Канады. Но тут «только безупречное знание законодательства первым помощником капитана тов. Рыбалкиным Д. Д., большой опыт работы и настойчивость капитана тов. Сафина М. С. исключили возможность повторения случая, произошедшего с ТРС “Тиличики”» [27, л. 178—182].

27 июля «Кадиевка» начала рейс № 7, принимая на Западной Камчатке рыбную муку и консервы на Находку. Для пополнения запасов топлива и догрузки пароход зашёл в Петропавловск. Здесь случилась авария парового котла, и судно на длительный срок вышло из эксплуатации, не перевезя 3 000 т груза и принеся убыток в 159 тыс. руб. Кроме этого, флот понёс расходы по перевалке грузов с «Кадиевки» на другие суда.

30 июля создана технологическая лаборатория КРФ в составе четырёх человек, заведующая А. П. Такинова [29, л. 19].

31 июля принят на баланс новенький малый транспортный рефрижератор (МТР) «Речица» пр. 1350, построенный в 1974 г. в Хабаровске, заводской номер 805. Он стал первым подобным судном в КРФ [21, л. 133; 26, л. 75].

15 августа танкер «Лира» возвращался с западного побережья Камчатки в Петропавловск. Капитан получил извещение от военно-морского командования о закрытии районов плавания на восточном побережье, но «внимательно не ознакомился с оповещением и не принял мер к обходу района, в результате вошёл в запретный район, чем сорвал мероприятие кораблей ВМФ». Танкер отконвоировали в бухту Вестник, откуда после двухчасовой стоянки ему разрешили следовать дальше. К тому же капитан не сообщил диспетчеру КРП о входе в район с особым режимом плавания. За грубые нарушения правил судовождения он на два месяца понижен в должности до старшего помощника [26, л. 1].

16 августа на «Кадиевке», грузившейся в ПМРП, в 08.30 начался пожар в верхней части шахты котельного отделения. Объявили пожарную тревогу. Вахтенный помощник капитана доложил по радио дежурному диспетчеру, тот по телефону связался с городской пожарной командой. А пока моряки действовали по пожарному расписанию, вооружили четыре шланга, использовали десять огнетушителей ОП-5. В 08.40 к борту прибыли две пожарные машины. Общими усилиями очаг возгорания быстро ликвидиро-

вали. Его причина — износ коленчатого вала и уплотнения парового котельного вентилятора. Сальник начал пропускать масло, которое, разбрызгиваясь, попало на горячий паропровод и воспламенилось [26, л. 13].

17-го числа происшествия в котельном хозяйстве «Кадиевки» продолжились. Ночью пароход перешвартовался из ковша ПМРП к причалу ЖБФ, пуская и реверсируя главную машину, при этом ни капитана, ни стармеха на борту не было. Нетрезвый вахтенный третий механик контролировать несение службы не мог. Действовал левый котёл, давление пара в нём падало несколько раз, подпитка велась нерегулярно, водоуказатели не продувались, поэтому «образовавшиеся в нижней части стекла застойные зоны позволяли предполагать котельному машинисту, что уровень воды в котле вполне достаточен». Заступивший на вахту следующий котельный машинист не удержал давление пара ввиду плохой работы топливного насоса, а резервный запустить не сумел. Давление пара упало настолько, что остановились пародинамо и питательный насос котла. В 07.50 судно обесточилось. Электромеханик и нетрезвый четвёртый механик запустили резервный дизель. Третий механик, не проверив наличия в котле воды, включил электрический растопочный насос. Через десять минут в котле загорелась сажа, что указывало на то, что он пуст. Пожар в газоходах привёл к расплавлению труб. В это время третий механик спал в каюте. Результат: котёл полностью вышел из строя. Решением ДГРФИ результаты расследования переданы в прокуратуру для привлечения виновных к уголовной ответственности. Третий и старший механики на год лишены рабочих дипломов [26, л. 216—217].

10 сентября во исполнение приказа по МРХ СССР от 1 апреля 1974 г. и приказа Дальрыбы № 255 от 5 мая 1974 г. для обеспечения надлежащей подготовки к вводу в действие новых Международных правил предупреждения столкновений судов (МППСС-72) капитанам приказано начать их изучение со штурманами с последующей сдачей зачётов в СМ. Изучение правил включено в планы командирской учёбы на 1974—1975 гг. С 1 января 1975 г. следовало начать приём зачётов у штурманов, закончив это до 1 января 1976 г. После этой даты выход в море судоводителям, не прошедшим проверку или не сдавшим зачёт по МППСС-72, запрещался [26, л. 72].

9 октября балансовая комиссия рассматривала отчёт капитана-директора ПР «Орель» В. И. Наприенко о работе с 8 декабря 1973 по 30 августа 1974 г. За это время судно побывало в нескольких

экспедициях и сделало транспортный рейс, длившийся 53 дня. План приёма сырца выполнен только на 94,3 %: взято 4 149 т, из них выпущено 4 037 т продукции. Не справились и с заданием по сортности: первым дали 93 вместо 94,3 %. Имелись значительные забраковки и понижение в сортности — 117,9 т. Ещё 337 т пришлось перевести в нестандартную и кормовую продукцию с убытком 72,1 тыс. руб. На невыполнение плана выпуска продукции повлияли плохая промысловая обстановка в Кроноцком заливе и шестикратная смена районов промысла, хотя в благоприятные дни принимали по 50 т. Во время простоев рабочих занимали резкой бумаги, выбивкой штампов, перештабелевкой грузов. Как и на других судах, наблюдался перерасход упаковочной тары, особенно большой во время тарировки мокрых головок. Блоки не подпрессовывались, поэтому мешки «горбатились» и рвались.

Во время рейса велась большая общественно-политическая работа. Костяк экипажа составляли пять коммунистов и десять комсомольцев. Состоялись пятнадцать общесудовых собраний. Шло соцсоревнование, выявлялись и поощрялись его победители. За рейс моряки получили 57 поощрений, но почти столько же — 55 — взысканий. Были списаны 28 членов экипажа, всего же сменилось 105 чел. Действовали курсы техминимума, шла экономическая учёба, работала комиссия по качеству, заседали технико-экономический совет, группа народного контроля, товарищеский суд. Часто обсуждались вопросы качества и хода выполнения плана. Судовые умельцы внедрили пять рацпредложений. За время рейса был выполнен большой объём саморемонта. По мнению капитана, для улучшения показателей работы необходимо сократить переходы из одного района промысла в другой. Нежелательны и транспортные рейсы во время нахождения на промысле.

По заключению А. Р. Янсона, результаты работы судна оказались «очень неудовлетворительные» [30, л. 5—8].

11 октября в 21.30 ТХС «Хоста» вышло из Петропавловска в Усть-Камчатск с техническим грузом. В 02.30 12 октября второй механик обнаружил поступление воды в машинное отделение. Объявили водяную тревогу, приступили к осмотру места возможной течи. Выяснилось, что в левом борту в районе двадцать пятого шпангоута примерно на полметра выше ватерлинии имеется рваная пробоина размерами 200 на 20 мм. Её заделали клиньями с брезентом и паклей, после чего доложили в управление. Судно отозвали в порт. В ходе разбирательства выяснилось, что 8 октября при отходе от причала Петропавловского рыбокомбината «Хоста»

ударилась о гружёный плашкоут, стоявший рядом. Старший помощник не осмотрел борт и не доложил капитану. Пробоина дала себя знать только с выходом в плавание [26, л. 212].

13 октября на «Холмске», завершившем выгрузку в Олюторском рыбокомбинате, тоже обнаружили течь корпуса. Рейс № 20 был сорван, судно отозвано в Петропавловск, где разыгравшимся штормом выброшено на мель и выведено из эксплуатации до конца года.

14 октября завершился очередной рейс «Андрея Евданова». На судне сложился экипаж, способный решать самые сложные производственные задачи. Многие командиры и значительная часть рядовых моряков уже приобрели основательный опыт. Остальных быстро обучили и подтянули до уровня передовиков. Хорошо проявили себя все три бригадира: Н. Д. Грудин, А. Д. Куцый и Ю. И. Сорокин. Особо отличились матросы-обработчики Н. П. Козлов, Ю. Ф. Кузьмин, В. А. Чебураев, А. М. Лагуткин, матросы П. Г. Попов, Н. И. Конюхов, моторист В. П. Шевченко, электрик Н. Г. Спирин, старший электромеханик В. И. Жихарев, штурманы А. Н. Плотников и С. Г. Заиграев. Чёткий ритм завода наладил помощник капитана по производству П. К. Вовнянко.

Применение технологических и технических новшеств, творческий настрой коллектива и дали высокий результат. Капитан-директор А. С. Черепнев делился секретами успеха: «Головорезные машины установлены у нас в конце линии. Рыба сначала потрошилась с выемкой печени, а затем обезглавливалась. Этим мы достигали полного сбора печени... За рейс у нас заморожено 179 т печени трески. Дефростация морозильных камер производилась, как правило, без выбивки рыбопродукции. Корзины с рыбой одного борта выкатывались в цех, делалась дефростация. Затем корзины закатывались, камеры охлаждались. Потом в такой же последовательности обрабатывались камеры другого борта. При этом время на дефростацию значительно сокращалось... В бортовых приёмных бункерах мы сделали окна, что позволило быстро и без особых затрат ручного труда производить перевалку сырца каплером в средний бункер или на другой борт» [25, № 146].

17 октября аварийный «Холмск» прибуксирован в Петропавловск — по пути у него отказал главный двигатель. Из-за отсутствия места в ПМРП судно поставили на якорь в Авачинской губе. 19 октября вахту нёс второй штурман. В 16.40 он запросил у диспетчера флота прогноз погоды и получил ответ: «Ветер южный и юго-западный, 7—8 баллов с сохранением до 09.00 20 октября». В 18.55 диспетчер флота получил штормовое предупреждение, но о надвигающейся

непогоде не оповестил ни суда, ни руководство управления. К 04.00 20 октября ветер достиг ураганной силы, «Холмск» понесло к берегу. Вахтенный штурман, заметив дрейф, неправильно оценил обстановку, не отдал второй якорь, не потравил якорный канат, не дал ход судну, хотя повреждённая машина была приготовлена к действию, и старший механик обещал пустить её. В 04.35 судно коснулось кормой грунта у мыса Сигнального. Подошедший МБ «Ударный» помочь уже не смог. Все его попытки подать буксир, длившиеся несколько часов, не удались. Остальные спасатели Камчатского морского пароходства помогали другим судам, терпящим бедствие в Авачинской губе. В 05.00 теплоход развернуло лагом к берегу и выбросило на мель. Прибывшие в 05.20 в диспетчерскую службу работники СМ нашли дежурного диспетчера спавшим. Никаких мер помощи судну он не предпринимал, на связь не выходил. Капитан «Холмска» попал на судно, когда оно уже прочно сидело на мели. С улучшением погоды из-за отсутствия буксиров снятие «Холмска» по распоряжению капитана порта, возглавлявшего спасательные операции, было отложено. В первую очередь решили стаскивать плотно сидевший на мели СРТМ «Черемхово». 28 октября к «Холмску» отправился буксир «Зевс». За три часа без подготовительных работ он стянул многострадальный теплоход на воду. «Холмск» простоял на мели восемь с половиной суток [30, л. 52—53].

21 октября для оказания практической помощи производственным судам в район промысла отправились заместитель начальника управления по производству В. В. Герт и групповой инженер-диспетчер службы эксплуатации Г. А. Ревин [26, л. 182].

29 октября над Авачинской губой пронёсся очередной юго-восточный циклон с двенадцатибалльным ветром. Многие суда, особенно стоявшие в ремонте на «Красноярске» и ПСРВ, попали в критическое положение. У «Новой Земли» порвало швартовые концы. Судно не оказалось в аварийном состоянии только благодаря помощи, своевременно поданной «Зевсом». В крайне тяжёлое положение попала «Паратунка» с грузом металлолома на палубе, получившая опасный крен на левый борт [30, л. 43].

1 ноября в преддверии очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции за высокие производственные показатели, достигнутые в ходе социалистического соревнования, к занесению на областную Доску почёта представлены: механик теплохода «Корсаков» А. И. Подвигин и матрос-обработчик ПР «Приморск» В. Ф. Гнилица; на городскую Доску почёта: бригади-

ра обработчиков ПР «Андрей Евданов» Н. Д. Грудик; к награждению почётной грамотой Ленинского райкома КПСС г. Петропавловска-Камчатского: инженер-диспетчер П. И. Линник и шофер отдела снабжения А. В. Булгаков. Поощрены и ещё несколько десятков лучших работников флота [30, л. 16—17].

10 ноября утверждена плановая грузоподъемность МРТ «Речица» — 320 т. Судну установлена расчётная скорость хода: летом 10,3, зимой — 9,7 узла.

25 ноября двадцатипятилетняя повар «Суходола», проработавшая три с половиной месяца, накрывая стол в кают-компании «с нарушением формы обуви», со щегольскими туфельками на высоких каблуках, поскользнулась, упала и сломала лодыжку правой ноги [22, л. 19].

1 декабря при годовом плане 76 140 т производственные суда приняли в обработку 59 819, или 78,6 %. Первенствовал «Приморск», выполнивший задание на 118 %, за ним шли «Андрей Евданов», «Первомайск» и «Эворон». Близко к этому была «Советская Арктика» со своими 99,2 %, остальные пока отставали [25, № 144].

12 декабря запрещён выпуск аммиака за борт при постановке рефрижераторных судов в ремонт. Сдавать хладагент следовало на городской холодильник № 30 в ПМРП. Клапана аварийного выпуска требовалось опломбировать, о чём произвести записи в судовых журналах [30, л. 142].

По состоянию на 31 декабря 1974 г. КРФ имел 52 единицы флота, в том числе 13 ПР (три из них использовались на перевозках), плавбазу типа В-62 «Чукотка», шесть танкеров, семь транспортных теплоходов, столько же пароходов, 12 рефрижераторных судов и шесть прочих единиц (буксиры и несамоходные плавсредства). Возраст судов распределялся следующим образом: ПР имели по 10—14 лет «от роду», транспорты — по 13—25 лет. Самыми «пожилыми» были танкер «Максим Горький» (37 лет) и рефрижератор «Суходол» (30 лет). В течение года принят пароход «Белоруссия». Хабаровскому крайрыбакколхозсоюзу предана плавмастерская ПМ-455. Готовились к списанию ТРС «Пенжино», «Паратунка», теплоход «Крашенинников», пароход «Алтай» [31, л. 2, 16]. Техническое состояние четырёх судов оценивалось как хорошее, стольких же — как неудовлетворительное.

В 1974 г. КРФ план по основным показателям не выполнил. Срыв задания по приёму рыбы, выпуску продукции, грузоперевозкам привёл к превышению фактических убытков против плана

на 9 555 тыс. руб. и на 8 452 тыс. против факта 1973 г. Главной причиной невыполнения назывались большие непроизводительные потери времени как производственным, так и транспортным флотом, а также нарушения производственно-финансовой дисциплины.

Производственный флот в течение 1974 г. принял в обработку 59 850 т сырца (80 % от плана), выпустил 55 822 т пищевой продукции (82,9 %). Это принесло убыток в 8 629 тыс. руб. [31, л. 2—3]. У ПР эксплуатационное время составило 53 % календарного и снизилось против плана на 506 суток и на 746 суток по сравнению с 1973 г. Непосредственно на приёмке и обработке рыбы они находились всего 18 % календарного времени при плане 35,9 и прошлогоднем факте 23 %. На деле оно составило 760 суток, а потери времени достигли 813 суток. Промысловое время снизилось за счёт сверхпланового ремонта, в том числе аварийного. Только на постановку в него ушли 240 суток. Ожидание перегруза и задержки с подачей сырца отняли ещё 311 суток. В портах ПР бесцельно потеряли 111 суток. Масса времени впустую ушла на внеплановую передислокацию из одного района в другой по распоряжениям КРП. Итогом всего этого стала потеря в возможном приёме сырца в 6 147 т, что в пересчёте на стоимость не произведённой товарной продукции составляло в 2,22 млн руб.

При общем недоборе сырца 16 890 т потери произошли в основном в ОМЭ, где в первом полугодии не удалось взять 13 609 т сырца минтая [31, л. 18]. В ОМЭ производственный флот должен был работать 217, фактически отработал 122 суток. «Советскую Арктику» перевели в транспортный режим, а ПР прекратили выпуск мороженого минтая. Особенно неэффективно ПР работали на сайре и скумбрии. Колхозники предпочитали сдавать улов на береговые базы Сахалинрыбпрома, получая взамен инвентарные ящики и лёд в соответствии с требованиями инструкции по транспортировке сырца.

От комбинатов КРП и УТРФ, то есть от государственных предприятий, получено 11 973, от рыбаков других областей — 1 047, от рыбколхозов Камчатки — 46 344 т. Больше всех вновь сдали рыбаки колхоза им. В. И. Ленина — 9 320 т [31, л. 27].

Годовой план выполнили лишь пять ПР: «Орель» — 117,6, «Приморск» — 143,7, «Первомайск» — 100, «Андрей Евданов» — 204,4 и «Дмитрий Часовитин» — 126,7 %. Не справились с заданием «Болонь» — 20,3, «Эльтон» — 5,2 и ПБ «Чукотка» — 49,9 %.

В течение года с ПР произошли следующие аварийные происшествия:

— с 25 января по 4 февраля «Орель» из-за отказа главного двигателя буксировался в район рыбозавода «Чуркин», на что затрачено 11 суток. С 23 по 29 марта ПР ремонтировал технологическое оборудование (ТО) на Юго-Восточной Камчатке, снимался на семь суток в Петропавловск. 7 августа на Западной Камчатке судно потеряло один день на устранение неполадок ТО. Ещё один его ремонт пришёлся на 27—30 августа. При этом судно вновь отзывалось в Петропавловск;

— 11 февраля «Ирбит» сел на мель в Авачинской губе, стянут буксиром;

— 12 и 13 февраля «Первомайск» ремонтировал ТО в ЮКЭ, а с 7 мая на Северных Курилах получил течь корпуса, после чего был отозван с промысла в Петропавловск, на что ушло 25 суток. С 12 по 19 июля на Западной Камчатке судно в течение восьми дней ремонтировало систему охлаждения трюмов и ликвидировало утечку хладагента;

— 11—12 июня «Кизи» на Западной Камчатке устранял неполадки морозильных камер и манипуляторов дверей;

— 8 и 9 сентября «Эворон» устранял дефекты морозильных камер в ЮКЭ;

— 25 и 26 сентября «Болонь» ремонтировал машину, с 22 октября на нём вышла из строя электромуфта главного двигателя. ПР пришлось буксировать танкером «Эребус» в Петропавловск, где он простоял до 11 ноября;

— С 20 октября на «Эльтоне» в ОМЭ также вышла из строя муфта главного двигателя, отведён в Петропавловск, потерял две с половиной недели.

Таким образом, на устранение различных отказов техники затрачено 109 дней. За это время по фактически сложившейся среднесуточной нагрузке ПР не приняли 2 174 т, или не выпустили продукции на 1 219 тыс. руб. [31, л. 33—34].

В 1974 г. КРФ освоил шесть новых видов продукции: солёной скумбрии и трески, солёной пробойной тресковой икры («Чукотка»), мороженой тресковой икры в ястыках, производившейся в том числе и на экспорт (ПР), солёной пробойной икры минтая, кормового витаминизированного фарша («Советская Арктика»). Последнего выпущено 2 215 т.

Каждый случай выдачи некачественной продукции тщательно расследовался. За год виновным в нарушении технологии и производственной дисциплины объявлено 12 строгих выговоров, 20 выговоров, с пятерых удержан среднемесячный заработок, с 17 — треть

оклада, объявлено одно замечание, один технолог понижен в должности, у 23 снижен размер рейсовых премий [31, л. 45].

Один из случаев снижения качества 95 т солёной сельди произошёл на «Советской Арктике». Здесь она, убранная в бочки, своевременно не спускалась в трюм, накапливалась в цехе, где температура достигала двадцати градусов. Приём сырца и полуфабриката, приготовление продукции осуществлялись без надлежащего контроля качества. При сдаче продукции Дальрыбсбыту её понизили в сортности, а частью перевели в нестандартную из-за «гнилостного запаха, окисления жира, дряблой консистенции, безтузлучных бочек» [17, л. 58].

Ухудшению качества рыботоваров способствовало то обстоятельство, что зачастую ПР выходили из ремонта с неисправленным ТО. Так, морозильные установки «Кизи», «Орель», «Эворон» и «Болонь» из-за негерметичности дверей (не нашлось морозоустойчивой резины) не развивали паспортную мощность. На этих судах приходилось часто дефростировать камеры, на что терялось промысловое время. В течение года рефрижераторы систематически испытывали недостаток в аммиаке. В результате холод подавали поочередно: то в морозилки, то в трюм, чем снижали возможности приёма и суточной заморозки. Все ПР нуждались в замене противней.

Для повышения качества продукции и улучшения условий работы людей ТО было частично модернизировано. На «Советской Арктике» переделали линию по выпуску готовой продукции, сократив двух матросов-обработчиков. На ПР «Орель» силами «Красноярска» и экипажа заменили старые тележки на новые с подпрессовкой рыбы в противнях. В результате вес каждого блока увеличился, они приобрели правильную форму, что дало экономию тары и ёмкости трюмов. На «Кизи», «Орель» и «Эльтоне» глазировочные машины периодического действия заменили непрерывно работающими, к тому же в них установили змеевики для охлаждения воды.

Техническое состояние производственного флота было следующим: восемь ПР-600 прошли малый капитальный ремонт в 1970—1972 гг., «Хасан» стоял в капитальном ремонте. Три ПР типа «Таврия» завершили малые капитальные ремонты без смены механизмов в 1972—1973 гг. Им требовалась замена главных двигателей типа 5Д50, вспомогательных двигателей 6Ч25/34, компрессоров рефустановок ДАУ-80. «Первомайск» и «Приморск» прошли малый капитальный ремонт в 1971—1972 гг. «Чукотка», построенная в 1962 г., получила текущий ремонт в 1974 г.

Транспортный флот перевёз 259 600 т (81,1 % от плана), заработал 12 289 тыс. руб., но принес 4 196 тыс. руб. убытков. Средний эксплуатационный период одного судна составил 201 сутки, всего флота — 6 295 суток, из них 1 874 потрачены на вспомогательные операции и бесполезные простои. Снижение эксплуатационного периода на 30 % к плановому произошло за счёт перестоя в ремонте высокоэффективных транспортов — пароходов «Пятрас Цвирка», «Приморск», «Новая Земля», ТР «Тауйск», танкера «Сунгари». Аварии и аварийные происшествия тоже повлияли на снижение эксплуатационного времени. На ремонт «Сахалиннефти» ушли 252 дня, транспортного ПР «Баскунчак», получившего аварию валовой линии, — 93, «Суходол» восемь суток просидел на мели. На «Алтае» вышел из строя паровой котёл, на его восстановление потратили 16 суток, теплоход «Корсаков» 17 суток устранял повреждения от неудачной швартовки, теплоход «Холмск» из-за течи корпуса, полученной при посадке на камни, с 13 октября выведен из эксплуатации. «Кадиевка» из-за аварии котла стояла с августа. Только в результате названных происшествий флот понёс 2,2 млн руб. коммерческих убытков, не перевёз 104,2 тыс. т груза и лишился 3,5 млн руб. фрахтовых поступлений. Как результат резко возросла себестоимость перевозок на тысячу тонно-миль. Если в 1970 г. она составила 42 руб., 96 коп., в 1972 г. — 41 руб. 88 коп., в 1973 г. — 57 руб. 15 коп., то в 1974 г. — уже 70 руб. 72 коп.

Затраты на капитальный и текущий ремонт равнялись 12 589 тыс. руб. [31, л. 4—7]. Перерасход произошёл из-за сверхплановых и аварийных работ. Почти по всем судам не соблюдены сроки выхода, отмечено существенное удорожание. Яркий пример этого — пароход «Приморск». Его поставили на ПСРВ 20 сентября 1973 г. Первоначально выход намечен на 31 декабря 1973 г., затем продлён до 18 апреля 1974 г., потом ещё раз до 13 июля, а 28 июня сделаны дополнительные заказы со сроком окончания уже 27 сентября. На деле же работы завершились лишь 15 ноября 1974 г. Потрачено 707,4 тыс. руб. при плановых 432 тыс.

Пароходы типа «Донбасс» постройки 1953—1958 гг. капитально не ремонтировались. Танкеры «Сахалиннефть» и «Нарымнефть» находились в хорошем техническом состоянии, «Сунгари», «Максим Горький», «Лира», «Вега» требовали капитальных работ, но по сроку службы подлежали списанию. Теплоходы типа «Гомель» также нуждались в капитальном ремонте, «Холмск» и «Алдома» пребывали в хорошем техническом состоянии.

ТРС «Елизово», «Тиличики» и «Коряки» прошли малый капитальный ремонт, имели хорошее техническое состояние, «Соболево» и «Мильково» для продолжения дальнейшей нормальной эксплуатации нуждались в проведении существенных работ. ТХС «Плутон», «Хоста» находились в удовлетворительном техническом состоянии, но по сроку службы подлежали списанию. ТР «Тауйск» прошёл текущее обслуживание в 1974 г. и находился в удовлетворительном техническом состоянии, «Суходол», построенный в 1944 г., был капитально отремонтирован в 1973 г., но по возрасту тоже требовал списания.

К концу 1974 г. в КРФ работали 3 280 чел., в том числе 2 718 — плавсостава, из них 762 командира. При этом прописку «по флоту» имели 2 100 моряков [32, л. 88]. Такая прописка, по сути, означала, что человек является бездомным. Каждому уходившему она автоматически погашалась, и моряк, уволенный хотя бы за нарушение трудовой дисциплины, так же автоматически пополнял число бродяг: без прописки на работу его нигде не брали. В подобном положении мог оказаться и порядочный сотрудник, например, по какой-либо причине не понравившийся начальству. Получалось, что на предприятии нередко его держала, по сути, только боязнь потерять пресловутую «прописку».

Основной контингент (81 %) пребывал в возрасте до сорока лет, молодёжи (до тридцати лет) насчитывалось около половины всех работников, старше пятидесяти (то есть, по морским меркам, пенсионеров) было всего 4 %. Несмотря на подавляющее число молодых, образовательный уровень был невысок. Высшее образование имели всего 108 чел., то есть 3,5 %, среднее специальное — 659 чел., или 20 %. Специалисты с высшим образованием трудились в основном в аппарате управления и береговых подразделениях. Абсолютное большинство лиц командного состава окончило средние специальные учебные заведения. Инженерно-технические должности (всего 879 чел.) занимали в основном техники (614, или 73 %) и практики (165, то есть 19 %), дипломированных инженеров было только 100 чел. (8 %). В вузах учились всего 17, в техникумах — 32, а в заочной школе моряков — 80 чел.

Состояние трудовой дисциплины оставляло желать лучшего: отмечено 1 056 невыходов на работу, 780 чел. доставлены в медицинский вытрезвитель, 14 — осуждены народным (читай — уголовным) судом, семеро лишены дипломов. За год наложено 235 дисциплинарных взысканий.

Недостаток кадров, особенно дипломированных, привёл к тому, что многие должности командного и берегового инженерно-технического персонала были укомплектованы «практиками». На судах их было 146, на береговых предприятиях — 19. «Необходимо отметить, что подавляющее большинство практиков имеют хороший опыт, постоянно работают над повышением своих специальных знаний и неплохо справляются со своими обязанностями. Из числа практиков три человека учатся в высших и двенадцать — в средних специальных учебных заведениях». Но имелись и лица, слабо справлявшиеся с обязанностями. Четверых «практиков», не отвечавших требованиям, освободили от работы. Поэтому отдел кадров в своём перспективном плане наметил меры по их замене дипломированными специалистами в течение 1975—1976 гг. [32, л. 10].

Текущая деятельность флота проверялась специалистами управления. Так, за год только МСС провела 116 инспекций. Механики-наставники и групповые механики 104 дня находились за пределами Камчатки, решая вопросы ремонта судов, 79 суток провели в море. Состоялось 209 аттестаций, 29 механиков повышены в должности. Прошли пять заседаний совета механиков и шесть заседаний его президиума. Еженедельную командирскую учёбу посещали 320 специалистов.

При управлении флота был создан совет содействия заочной учёбе моряков, определены её «опорные базы»: ПСРБ «Красноярск» и ПБ «Чукотка». Там в библиотеках были собраны необходимые учебники и литература, проводились консультации, принимались зачёты. Библиотекарей плавбаз оформили библиотекарями-учителями, дополнительно направили учителя на «Чукотку». Правда, охват заочной учёбой молодёжи оставался невысоким: из 1 320 чел. в возрасте до тридцати лет среднего образования не имели 379, а выразили желание учиться всего 40. Тем не менее, руководство флота распорядилось «создать для учителей на судах все необходимые условия для успешной работы, ставить на довольствие в кают-компании, обеспечить размещение наравне с командным составом». Капитанам рекомендовалось не загружать их дополнительной работой и сохранять эти должности на время ремонта [26, л. 83—84].

Исходя из анализа производственно-финансовой деятельности, КРП признал работу флота в 1974 г. неудовлетворительной. По его мнению, все упущения носили «субъективный характер. Не видно объективных причин, вызвавших такое финансовое состояние

предприятия. Так, например, анализ работы транспортного флота говорит, что он имеет все возможности работать рентабельно и получать прибыль в пределах 1—1,5 млн руб. Производственный флот при более рациональной расстановке (тем более с получением плавбазы «Советская Камчатка») имеет возможность увеличить выпуск товарной продукции на 8—10 млн руб., что значительно повысит его экономическую эффективность и резко снизит убытки» [31, л. 11]. Хотя, как мы знаем, сам КРП зачастую и мешал этой самой «рациональной расстановке»...

1975

6 января введено в действие «Положение об условиях оплаты труда работников плавсостава морских производственных рефрижераторных судов ФРП Дальневосточного бассейна», утверждённое Дальрыбой 2 декабря 1974 г. В соответствии с ним зарплата плавсоставу выплачивалась за сданную готовую продукцию по установленным сдельным расценкам. Её начисляли по результатам рейса. При не выполнении рейсового задания по выпуску продукции по независящим от моряков причинам, они должны были получить не ниже 75 % должностных окладов за время нахождения судна в море и доплату за переработку. Распределялся сдельный заработок по паям пропорционально должностным окладам. За один пай принимался оклад матроса 1-го класса. На ПР типа «Таврия» распределение было таковым (оклад, руб./количество паёв): капитан-директор — 252/2,29; первый и старший помощники капитана — 205/1,86; начальник радиостанции — 165/1,5; боцман — 145/1,27; матрос 1-го класса — 110/1; матрос 2-го класса — 100/0,91; главный механик 240/2,18; четвёртый механик — 155/1,41; моторист 1-го класса — 115/ 1,05; помощник капитана по производству — 205/1,86; мастер — 140/1,27; матрос-обработчик 1-го класса — 110/1; матрос-обработчик без класса — 95/0,86 [29, л. 9—13].

12 января в 17.33 на каменистой отмели в районе мыса Шипунского потерпел кораблекрушение ПР «Эльтон». Экипаж не пострадал. Приказом ДГРФИ капитана-директора и его старшего помощника на год лишили дипломов и привлекли к уголовной ответственности. Народный суд осудил обоих на три года условно с выплатой 12,5 тыс. руб. Попытки снять судно с камней признаны неосуществимыми. Созданная аварийно-спасательная партия занялась демонтажем оборудования, которое можно было использовать на однотипных судах. Общие убытки от гибели «Эльтона» состави-

ли 835 тыс. руб. (балансовая стоимость 734 тыс. руб., судовой инвентарь на 12 тыс. и тара, топливо, продукты ещё на 107 тыс. руб.). Обстоятельства кораблекрушения рассмотрены на расширенном совете капитанов, «проработаны» на командирской учёбе штурманского состава. Кроме этого состоялось заседание парткома с приглашением комсостава, затем прошла внеочередная проверка организации штурманской службы на судах [29, л. 51].

17 января около 03.00 возник пожар в прачечной «Ирбита». Его случайно обнаружил второй электромеханик. При тушении взломали дверь, «вследствие чего увеличился приток воздуха к очагу пожара, коридоры были задымлены, чем создана реальная опасность распространения пожара на смежные помещения. Это говорит о том, что личный состав не обучен приёмам борьбы с пожаром в закрытых помещениях». Причина возгорания — отсутствие кожухов у отопительных приборов, хранение в непосредственной близости от них загрязнённой одежды и несоблюдение температурного режима [33, л. 37].

20 января в связи с тем, что МТР «Речица» направлялся в ёще редкую «загранку» — в канадский порт Ванкувер, отделу снабжения флота предписано в срок до 29 января приобрести для него стационарный магнитофон, проигрыватель виниловых пластинок, столовый сервиз на двенадцать персон и шестиметровую ковровую дорожку [34, л. 7].

22 января в Советскую Гавань на приём ПБ «Советская Камчатка» отправились шестеро работников управления флота под руководством начальника отдела кадров Н. Н. Пименова: механик-наставник Н. М. Трякин, морской инспектор А. К. Мальцев, старшие бухгалтеры З. И. Куличенко и В. И. Алтынникова, заведующий производством В. М. Лопухин. Вскоре за ними для участия в наладке линий по переработке минтая последовали старший конструктор Г. С. Степанов и групповой механик по ТО В. С. Безлобенко [29, л. 48—49].

23 января в бухту Моржовую на производственные суда для разъяснения экипажам принципов новой системы оплаты труда командирован заместитель начальника отдела труда и заработной платы Ф. А. Левин.

29 января в Доме культуры рыбаков торжественно открылся XIII слёт рыбаков Камчатки. КРФ на этом главном рыбацком форуме полуострова представляли [28, л. 91]:

капитан теплохода «Корсаков» Ю. В. Титов, беспартийный

электрик парохода «Даугава» А. Т. Хузеев, беспартийный

радист теплохода «Алдома» А. Г. Орел, член ВЛКСМ

старший механик теплохода «Холмск» В. М. Смирнов, член ВЛКСМ

электромеханик теплохода «Гомель» П. П. Медведенко, беспартийный

третий механик ТХС «Плутон» А. Г. Вдовенко, член ВЛКСМ

плотник ТР «Суходол» Ф. Ф. Королев, беспартийный

третий механик ПР «Орель» В. И. Лысенко, член ВЛКСМ

боцман ПР «Орель» О. М. Павлов, член КПСС

рефрижераторный механик ПР «Андрей Евданов» А. Н. Буйный, член ВЛКСМ

механик-наладчик ПР «Приморск» А. А. Мартынов, беспартийный

капитан ПР «Приморск» С. И. Нестроев, член КПСС

моторист ПР «Приморск» В. Л. Шевченко, член ВЛКСМ

начальник ПСРБ «Красноярск» Ю. П. Дулисов, член КПСС.

31 января на ПР «Болонь» командирован капитан-наставник Ю. В. Филонов. Он должен был выйти в море с вновь назначенным командиром Н. Н. Дектеревым для проверки организации судовой и штурманской службы [29, л. 75].

3 февраля на десять дней в Москву для участия в семинаре передовиков социалистического соревнования отправился матрос «Советской Арктики» В. Е. Луценко [29, л. 73].

5 февраля звание «Комсомольско-молодёжный» присвоено экипажу танкера «Сахалиннефть» [29, л. 105].

10 февраля пароход «Пятрас Цвирка» вышел из Находки для сопровождения группы промысловых судов до ОМЭ. Переход протекал в сложных погодных условиях. Штурманы парохода постоянно наблюдали за состоянием каравана, выдавали рекомендации о движении, чтобы избежать обледенения и повреждений при следовании во льдах. Никаких происшествий за время плавания, завершившегося 20 февраля, не случилось. Капитану «Пятраса Цвирки» В. А. Никифорчуку объявлена благодарность [29, л. 227].

Всем капитанам судов, отходящим в рейсы и стоявшим в ремонте, предписано по согласованию со СМ и капитаном судна-тренажёра «Анатолий Серов» направлять судовые аварийные партии в полном составе под руководством старших помощников капитана для обучения борьбе за живучесть [29, л. 102].

14 февраля создана комиссия под руководством начальника флота для анализа штатного расписания и расходов на содержание управленческого аппарата. Приказами по Дальрыбе и КРП предписано снизить их на 57,9 тыс. руб. [29, л. 111].

20 февраля на ПР «Приморск» вышел из строя подшипник ротора турбокомпрессора главного двигателя. Судно пришлось снимать с промысла и буксировать в Петропавловск [29, л. 128].

23 февраля в связи с подготовкой к празднованию тридцатилетия Победы в Великой Отечественной войне проходили встречи экипажей судов с ветеранами. Одна из них состоялась на «Новой Земле». Перед моряками этого судна, а также «Даугавы» и «Советской Арктики» выступил участник боёв А. А. Скиндер. С большим вниманием слушали его обращение с призывом «беречь родину, быть достойными славных боевых и трудовых традиций отцов». Ответное слово взял матрос Владимир Луценко, удостоившийся чести быть сфотографированным у Знамени Победы в Москве. Он заверил ветеранов, что молодёжь «шла и будет идти в первых рядах строителей коммунизма». Встреча завершилась самодеятельным концертом, прозвучали песни и стихи военных лет [35, № 27].

25 февраля объявлены победители соцсоревнования за прошедший 1974 г. Первое место среди транспортов взял теплоход «Корсаков» (капитан Ю. В. Титов, предсудкома Ю. Д. Аверьянов). Это судно рыбаки в шутку называли «коробейником». Его хорошо знали все, и в море, и на берегу, знали и любили. Оно всегда было желанным гостем в экспедициях и на комбинатах. Пришёл «Корсаков», значит, жди долгожданную весточку от семьи, посылку, замену тех, кто отработал на рыбалке причитающийся срок. Теплоход доставлял людей, продукты, снаряжение, промышленные товары, всё, что могло понадобиться для нормальной жизни и работы в море. Ю. В. Титов принял судно в январе 1974-го, когда оно числилось в «середнячках», и быстро вывел его в передовые. В течение года на стальном ветеране — построенном в Венгрии ещё в 1949 г. — прошли практику два десятка юных мореходов — курсантов ПКМУ [35, № 1]. Второе место завоевал «Гомель» (капитан Д. И. Хаби, предсудкома В. А. Баглай), третье — «Алдома» (капитан Н. Г. Рой, предсудкома А. Г. Былков).

Среди производственных судов первенствовал ПР «Андрей Евданов» (капитан-директор А. С. Черепнев, предсудкома Жихарев), второе место уверенно взял ПР «Приморск» (капитан-директор С. И. Неструев, предсудкома П. В. Дроздов), третье —ПР «Дмитрий Часовитин» (капитан-директор Л. Г. Добров, предсудкома В. Ф. Семенченко) [28, л. 95].

ПР «Ханка», работавший в транспортном режиме, переведён в производственный для восполнения возможного провала в выполнении годового плана управления по основным показателям,

вызванного кораблекрушением «Эльтона». Началось спешное комплектование экипажа и работы по переоборудованию судна силами коллектива «Красноярска», которые предполагалось завершить к 31 марта [29, л. 233].

Февраль. Комсомольцы флота, руководимые секретарём комитета ВЛКСМ Г. К. Кононовым, поддержали инициативу передовых организаций Камчатской области и включились в борьбу за выполнение плана начавшегося года к 25 декабря. Производственные суда обязались принять и обработать каждое не менее 10 600 т сырца и сдать готовую продукцию сортностью на один процент выше плановой. Транспортники решили перевезти 75 000 т грузов и дать 200 тыс. руб. прибыли. Комсомольцы обязались бороться за усиление режима экономии, отработать на ремонте флота не менее 40 тыс. нормо-часов и потрудиться на благоустройстве родного города по двадцать часов каждому [35, №17].

8 марта в 16.15 на «Орели» произошло чрезвычайное происшествие: пьяный матрос-обработчик «выбросил на лёд своего гостя и друга». Тот разбился насмерть [36, л. 6—7].

10 марта в связи с завершением работ по обследованию аварийного «Эльтона» и снятию с него наиболее ценного оборудования, из состава аварийно-спасательной партии исключены капитан-наставник Б. С. Петухов, механик-наставник Е. М. Левин и старший механик Ю. А. Авдонькин. Руководство дальнейшими работами по демонтажу и промеру глубин поручено капитану ТХС «Плутон» И. Г. Иванченко, которому подчинён весь состав спасателей [33, л. 15].

После возгорания каюты № 93 парохода «Кадиевка» в ней повреждена краска на подволоке и переборках, обуглилась дверь и электропроводка, лопнул плафон. Очаг пожара обнаружен и ликвидирован вахтенной службой. Виновники — обитатели каюты, нетрезвые машинисты, бросившие непотушенный окурок на промасленную телогрейку, валявшуюся у дверей [33, л. 39].

11 марта «для установления максимально возможной производительности оборудования по производству минтаевой икры» в море на «Чукотку» в командировку отправился инженер по новой технике В. И. Курышев [33, л. 18].

12 марта сменился начальник управления флота. На основании приказа по КРП № 21-к от 11 марта 1975 г. вместо А. Р. Янсона в командование КРФ вступил О. А. Заварин, до этого заместитель начальника УОР. Вскоре последовали изменения в руководстве КРФ. Главным инженером назначен Ю. А. Гончаров. Бывший главный инженер В. Д. Романов стал его заместителем по технике

безопасности. Заместителями начальника управления назначены А. А. Томилов и В. А. Громов [33, л. 28, 84].

14 марта для оказания помощи в организации приёма сырца и его обработки на ПР «Ирбит» и «Эворон» выехал начальник производственного отдела В. Г. Лобов. Его командировочное задание: обеспечить приём до 60 т трески в сутки на судно, провести «День качества», проверить качество выпускаемой продукции и состояние техники безопасности. Приказ о командировке В. Г. Лобова стал первым, подписанным новым начальником флота О. А. Завариным [33, л. 24—25].

28 марта принята на баланс ПБ «Советская Камчатка» пр. В-62, построенная в 1961 г. в Польше, регистровый номер 26485. Пока она с 29 января пребывала в Советской Гавани на ремонте, завершившемся 10 июня [29, л. 37; 37, л. 50; 38, л. 71].

1 апреля якорь «Ханки» зацепил лапой цепь «Красноярска». Для очистки под цепь завели стальной трос. После освобождения якоря и подборки его в клюз начали выбирать трос через турачку брашпиля, не разобщив звездочку с валом. Вследствие чрезмерного натяжения с болтов сорвался корпус редуктора и согнулся червячный вал. Убытки по ремонту брашпиля составили 1 325 руб., отнесены за счёт предприятия. С боцмана, управлявшего механизмом, и старшего помощника капитана удержано по трети основных окладов [33, л. 139].

4 апреля для участия в комиссии по определению возможности снятия с мели аварийного «Эльтона» на буксире-спасателе «Зевс» к месту кораблекрушения отправился главный капитан СМ Б. С. Петухов [33, л. 81].

Развернулась подготовка к выборам в депутаты местных Советов. Кабинет политического просвещения флота отправил в море ряд наглядных пособий, плакатов и брошюр. При партийной организации создан агитационно-пропагандистский коллектив, назначены агитаторы. Кандидаты в депутаты встречались с избирателями, получали от них наказы. А депутатами в Петропавловский городской Совет от флота стали механик А. М. Матчугов, матрос В. Е. Луценко, начальник управления О. А. Заварин, секретарь горкома партии В. А. Шапошников, слесарь ПСРБ «Красноярск» А. А. Цуприков.

24 апреля звание «Комсомольско-молодёжный» присвоено экипажу морского буксира «Сигнальный» [33, л. 134].

30 апреля в рейс на танкере «Вега» с вновь назначенным командиром Б. А. Боярищевым отправился капитан-наставник

Ю. В. Филонов. План-задание на командировку, подписанное начальником СМ А. Г. Гавриловым, предусматривало: ознакомление с деловыми качествами нового капитана, оказание ему помощи непосредственно в море, проверку несения судовой и штурманской службы, особенностей организации плавания в условиях ограниченной видимости, соблюдения МППСС-72, устава службы, «правил хорошей морской практики» и состояния техники безопасности, а также проведение учебных тревог по борьбе за живучесть судна [33, л. 158—159].

1 мая мастер рыбообработки «Советской Арктики» А. П. Борцова назначена заведующей лабораторией вновь поступившей ПБ «Советская Камчатка» [33, л. 215].

4 мая капитан-наставник СМ М. А. Кренгель на месяц командирован на ПР «Эворон» для оказания помощи вновь назначенному капитану-директору В. И. Якунину. Помимо прочего, ему следовало проверить соблюдение «Инструкции о взаимоотношениях капитанов плавбаз и промысловых судов» [33, л. 173].

12 мая во Владивосток и Уссурийск командирован заместитель начальника управления А. А. Томилов для разъяснений и приглашения на работу увольняемых в запас военнослужащих. Командировочные расходы отнесены за счёт оргнабора рабочей силы [33, л. 176].

Продолжилась разборка «Эльтона» на месте кораблекрушения: на него направлена бригада из 10 чел. по снятию и доставке в порт оборудования, пригодного для использования на однотипных судах, под началом механика-наставника Е. М. Левина [33, л. 213].

13 мая утром в ПМРП звучал приветственный марш в честь «Чукотки». Её экипаж заслужил торжественную встречу четырёхмесячным ударным трудом на промысле. Митинг на борту плавбазы открыл секретарь парткома управления В. В. Шувалов. Начальник флота О. А. Заварин поздравил экипаж с успешным рейсом и пожелал ему хорошего отдыха. Затем он остановился на предстоящих делах: в двух будущих путинах предстояло выпустить продукции почти на пять миллионов рублей. «В рейсе вы доказали, что умеете работать с рыбаками колхозного флота, — сказал он. — Нужно, чтобы и в будущем эта связь была прочной и эффективной». Начальник флота вручил почётные грамоты матросу С. С. Ерошкину, бригадиру обработчиков А. М. Лобанову, электромеханику К. И. Головачеву. Судно удостоилось почётной грамоты от Ленинского райкома КПСС Петропавловска, вручённой

его секретарём Н. К. Кичигиным. От имени экипажа выступил капитан-директор А. С. Кириченко. Поблагодарив за тёплую встречу, он заявил, что коллектив учтёт «отдельные недостатки в своей работе» и приложит все силы для выпуска добротной продукции [35, № 56].

27 мая создан учебно-методический совет по профессионально-техническому образованию под председательством главного инженера. Его заседания проходили раз в месяц, на них рассматривали вопросы организации и методики обучения, обобщали опыт работы лучших преподавателей и инструкторов, ход роста мастерства рабочих, инженерно-технических работников и служащих. При управлении работали постоянно действующие курсы нового обучения и повышения квалификации. Экзамены у рабочих принимала комиссия, также под руководством главного инженера. Она присваивала 4, 5 и 6-й разряды береговым рабочим, всем газоэлектросварщикам, матросам 1-го класса и членам машинных команд [37, л. 52]. Но случалось всякое. Боцман «Орели» О. М. Павлов сокрушался: «Попросил только что присланного отделом кадров на судно матроса принести шкентель и услышал в ответ: “А что это такое?”» [35, № 26].

2 июня установлены новые оклады флагманских специалистов управления, руб.: капитан — 275, механик — 240, рефмеханик — 205, электромеханик — 216. Труд флагманских специалистов, находившихся на берегу более тридцати дней, оплачивался из расчёта 70 % должностных окладов. За время пребывания на промысле за переработку сверх нормального рабочего времени им доплачивались 40 % должностного оклада. Премии полагались за выполнение плана всеми обслуживаемыми судами по выпуску продукции в натуральном и денежном выражении в размере 20 % должностного оклада. За каждый процент перевыполнения всеми судами экспедиции — еще 2 % оклада. Эти меры должны были способствовать увеличению количества производимой рыбопродукции и повышению её качества [38, л. 105].

3 июня для получения практических навыков по обработке лосося на Усть-Камчатский комбинат на десять дней командированы заведующие лабораториями «Чукотки» и «Советской Камчатки» А. В. Буряк и А. П. Борцова, мастера обработки В. И. Крючкова и Г. А. Денисов. По распоряжению КРП плавбазам вскоре предстояло принять в обработку 1 600 т лосося-сырца и произвести из него слабо- и среднесолёную продукцию, а также 48 т зернистой икры [37, л. 91].

5 июня, значительно раньше заявленного срока, Регистру СССР предъявлен теплоход «Гомель». В ремонт на СРЗ «Фреза» его оформили 10 февраля 1975 г. с плановым сроком окончания 22 июля. Завод определил стоимость работ в 204 тыс. руб. В их ходе старший механик А. И. Буш предложил не ремонтировать некоторые трубопроводы, так как при их осмотре выяснилось, что состояние разобранных участков оказалось вполне удовлетворительным, хотя трубы и прослужили около десяти лет. Из-за этого ремонт обошёлся на 27,3 тыс. руб. дешевле. Хорошо ли это? «Для Камчатрыбфлота, как для судовладельца, лучше и не придумаешь. Тем более, что судно ещё и досрочно выходит из ремонта. А как же для завода? ...Приведённый пример с ремонтом теплохода "Гомель" как раз и показывает всю нелепость в планировании объемных показателей, когда ремонтник в силу своего положения ищет те самые объёмы работ, которые надо сэкономить заказчику», — так охарактеризовал сложившуюся обстановку директор завода Ю. Т. Жуков [35, № 72].

9 июня начальник технического отдела Г. С. Степанов предложил передать на «Анатолий Серов» оборудование и наглядные пособия учебного класса «Красноярска». Они размещались в помещении технического кабинета и когда-то использовались для обучения мотористов. Но теперь их подготовкой КРФ самостоятельно не занимался, поэтому и отпала необходимость в содержании класса. По словам Степанова, он «уже начал разрушаться, частично растащили мебель, исчезли некоторые наглядные пособия, помещение недавно было залито льяльными водами». На «Красноярске» оставлять это было нельзя, «так как все будет расхищено или приведено в негодность», а на «Серове» наглядные пособия можно было сохранить и использовать по назначению [37, л. 126].

23 июня в 18.21 во время стоянки во Владивостоке на ТРС «Тиличики», находившемся под бортом ПБ «Южно-Сахалинск», возник пожар. Без разрешения пожарной охраны и рыбного порта и без принятия мер безопасности в районе румпельного отделения вели электросварку. В результате вышло из строя рулевое управление, сгорела электрическая проводка, обгорели переборки отделения [38, л. 29].

30 июня на «Чукотку» и «Советскую Камчатку», принимавшие лосось на Восточной Камчатке, отправилась группа работников управления флота во главе с заместителем начальника В. В. Гертом. Такой представительный «десант» должен был помочь обработчикам наладить выпуск качественной продукции. Немногим ра-

нее В. В. Герт рассказывал о том, какие выводы сделало руководство флота из накопленного опыта работы, и какие меры оно намеревалось предпринять впредь: «На базах Дальрыбсбыта и в местах потребления в минувшем году забраковано 1 370 т нашей продукции. Вина в первую очередь ложится на нас, технологов, мастеров, заведующих производством и лабораторий. Мы крайне слабо осуществляем контроль качества сырца, его хранения, качества готовой продукции. В 1974 г. только в скумбриевой экспедиции выработано 260 т продукции низкого качества. Практика показала, что производственные рефрижераторы Камчатрыбфлота не могут гарантировать высокое качество продукции из сырца, получаемого с судов Океанрыбфлота, так как они сдают нам только излишки, а это, как правило, всегда залежалый сырец. Всем известно, что оборудование на наших судах устаревшее, сильно изношенное. Но почему-то никто не желает нам помочь и заставить заводы изготовить для нас необходимое, хотя мы обращались с такой просьбой в различные инстанции. Несмотря на ряд трудностей, в управлении флота намечены конкретные меры для предотвращения выпуска некачественной продукции в завершающем году пятилетки. Ещё в декабре (1974 г. — *С. Г.*), когда большинство технологов, обработчиков находились в порту, проведён пятидневный семинар, на котором проанализированы недостатки в выпуске продукции, намечена программа на 1975 г. Теперь перед выходом судов из ремонта технологическое оборудование предъявляется специальной комиссии, проверяется санитарное состояние рыбообрабатывающих цехов, трюмов. На всех судах раз в декаду проводятся “Дни качества”, рассматриваются результаты работы экипажа, выясняются причины, повлекшие нарушения технологии. Намечена также установка на всех рефрижераторах глазуровочных аппаратов непрерывного действия с обязательным охлаждением воды в ванне, разработка единой технологической линии для однотипных судов, применение контрольных талонов укладчиков и т. д. Всё это должно обеспечить выпуск качественной продукции, значительно сократить случаи забраковок» [35, № 32].

В штат обеих плавбаз временно вводились по четыре мотоботчика (старшины и мотористы) для обеспечения круглосуточной двухсменной работы плавсредств, подвозивших улов [38, л. 1].

8 июля теплоход «Гомель» прибыл в Николаевск-на-Амуре. Здесь ему следовало взять на буксир два стотонных плашкоута для колхоза им. Октябрьской революции и Кировского комбината и десять смычек каната для КРФ. Плашкоуты оказались не готовы

к переходу. Экипаж, не считаясь с личным временем, подготовил промежуточный стальной буксир, два огона, брагу. Всё это сделали вручную и досрочно. Моряки погрузили и якорные цепи. Наиболее отличились старший помощник капитана А. Д. Щерба, боцман В. И. Кондрашов, матросы А. Л. Антонов, В. И. Концов, С. М. Дунаев, В. В. Майоров, В. В. Писаренко [38, л. 117].

11 июля переведена на эксплуатацию по системе непрерывного технического обслуживания (СНТО) ПБ «Советская Камчатка», вышедшая из текущего ремонта с докованием на Северном СРЗ в Советской Гавани. 25 июля плавбаза встала на переоборудование к борту «Красноярска». Работы завершились 2 июля [38, л. 64, 74, 92].

13 июля — День рыбака. Но в этот день они не только праздновали, но и напряженно трудились. Танкер «Сахалиннефть» под командованием капитана В. А. Дубовицкого направлялся в Петропавловск. На судно пришла радиограмма с указанием взять на буксир аварийного собрата «Нарымнефть», у которого вышло из строя рулевое управление. При входе в Авачинскую губу буксир лопнул, и «Нарымнефть» понесло к берегу. Быстрые и умелые действия капитана и экипажа «Сахалиннефти» позволили в кратчайший срок поставить аварийный танкер под борт и отвести его на безопасное якорное место. За успешную операцию поощрены премиями капитан и наиболее отличившиеся члены экипажа: старший помощник капитана В. В. Каргин, второй помощник Н. М. Галимов, матросы А. М. Заречный, Н. В. Андреев, А. Ю. Рольгейзер, Р. С. Фаткулин, плотник А. И. Петров и юнга С. Н. Рябушкин [38, л. 116].

26 июля в 07.09 в Петропавловске второй помощник капитана парохода «Белоруссия» самовольно отшвартовался от танкера «Батуми» и встал на якорь. В 08.05 на судно прибыл капитан, который «мер по безопасной стоянке судна не принял». На следующий день старпом начал сниматься с якоря для перехода в район мыса Сигнального. На циркуляции пароход сел на мель, повреждений не получил, но простоял без малого сутки. Убытки флота по снятию с мели составили 6 211 руб. 67 коп. «Основной причиной посадки... является то, что капитан самоустранился от своих прямых обязанностей, оставил судно и младших помощников при бункеровке (то есть во время приёма опасных грузов), лично не руководил швартовыми операциями, не обеспечил безопасную якорную стоянку, в сложной навигационной обстановке покинул борт судна. Старший помощник капитана произвёл неграмотный

манёвр судна во время съёмки с якоря, пытался скрыть факт посадки судна на мель, не вызвал на борт капитана, не поставил в известность своевременно дежурного диспетчера. Второй помощник не вызвал на борт капитана, самовольно принял решение отшвартовать судно... и встать на якорь». Приказом по флоту капитан на шесть месяцев переведён в старшие, старпом — на тот же срок в младшие, а второй штурман — в третьи помощники [39, л. 2—3].

5 августа в ПМРП торжественно встречали танкер «Сунгари». С великолепными производственными результатами, перевыполненными пятилетним и годовым заданиями вернулись моряки домой. Под руководством капитана Э. М. Артыша они доставили в районы промысла 26 162 т питьевой воды, что составило 290,7 % от запланированных 9 000 т. Во время торжественной церемонии ряд членов экипажа получил за свой труд грамоты и подарки [35, № 106].

9 августа на «Чукотке», находившейся на промысле в районе Пахачи, в 16.50 исчезла с борта двадцативосьмилетняя матрос-обработчик. 27 августа её тело выбросило на берег в районе мыса Крещённый Огнём, что в Олюторском районе. Здесь его обнаружили местные пастухи. 28 августа в посёлок Тиличики «для организации захоронения» командирован пребывавший в резерве старший помощник капитана парохода «Новая Земля». Проведённое расследование обстоятельств гибели показало, что 9 августа около 12.00 бригадир обработчиков «организовал распитие спиртных напитков», в котором участвовала и покойная. «Развлекались приблизительно до 16 часов, они были свободны от работы, пили разные вина... Сожительствовавший с [обработчицей] бригадир избил [её]... а затем в 16.50 в нетрезвом виде явился на ходовой мостик и заявил вахтенной службе, что... могла или была должна выброситься за борт. Принятые администрацией судна меры поиска в течение суток результатов не дали... Как предполагает ведомственная комиссия, этот трагический случай произошёл на почве пьянки вследствие хулиганских действий [бригадира], против которого возбуждено уголовное дело» [38, л. 168; 40, л. 68, 161].

10 августа третий механик «Тауйска» во время несения суточной вахты устранял заедание выпускного клапана вспомогательного двигателя. Сделать это без его разборки было невозможно, почему стармех велел прекратить работу. Но механик пренебрег указаниями «дедушки». Он снял коромысла и штанги и приказал вахтенному мотористу провернуть двигатель на воздухе. Это привело к гидравлическому удару в цилиндре и окончательному

выходу машины из строя. Механик на три месяца понижен в должности до моториста, в счёт возмещения убытка с него удержана треть должностного оклада [40, л. 123].

13 августа моряки «Приморска» (капитан-директор С. И. Нестуев) обратились с предложением ко всем экипажам производственных судов встретить XXV съезд КПСС высокими трудовыми достижениями и приняли обязательство выпускать пищевую продукцию только отличного качества. Моряки «Сахалиннефти» (капитан В. А. Дубовицкий) призвали все экипажи танкеров встретить съезд партии новыми трудовыми победами и обещали добиться хороших производственных результатов за счёт экономии материалов, топлива и внедрения рационализаторских предложений [35, № 94].

1 сентября КРФ выполнил восьмимесячный план приёма сырца. Взято и обработано более 65,5 тыс. т, выпущено 62 тыс. т продукции. Её реализовали на 7 млн руб. больше, чем в прошлом году. Передовиками социалистического соревнования являлись шесть производственных судов: ПБ «Чукотка» (капитан-директор А. С. Кириченко, заведующий производством Н. С. Постнов), ПР «Приморск» (капитан-директор С. И. Нестуев, заведующий производством Ю. П. Кобыляшный), «Дмитрий Часовитин» (капитан-директор Л. Г. Добров, заведующий производством Г. С. Елкин), «Ирбит» (капитан-директор В. И. Наприенко, заведующий производством А. Н. Максюков), «Болонь» (капитан-директор В. С. Харин, заведующий производством П. Г. Журавлёв), «Кизи» (капитан-директор Ф. Н. Панин, заведующий производством Н. Ф. Бельтюков) [35, № 106].

15 сентября ярким, солнечным утром над гладью ковша ПМРП неслась торжественная музыка. Под её звуки к причалу медленно приближался ПР «Болонь». Его славный комсомольско-молодёжный экипаж возвратился домой с большой трудовой победой. Годовой план в 4 550 т он выполнил ещё ко Дню Победы, а всего с начала февраля принял 5 410 т рыбы и заморозил 11 815 оленьих туш. Управлению этот рейс принёс 588,2 тыс. руб. прибыли вместо запланированных 313,7 тыс. После швартовки капитан-директор В. С. Харин и его первый помощник М. Д. Сапегин первыми сошли на причал. Они отрапортовали об успешном окончании рейса главному инженеру флота Ю. А. Гончарову. За ними в объятия родных и друзей спустилась на берег большая группа членов команды. Все выступавшие сердечно поздравляли моряков с успехом и возвращением. Представители обкома и горкома ВЛКСМ вручили экипажу вымпел и грамоту, как лучшему [35, № 110].

29 сентября документы Регистра СССР на право плавания получил ТР «Суходол». Его поставили в текущий ремонт на «Красноярск» еще 29 ноября прошлого года со сроком окончания по графику 30 июня. В ходе работ с рефрижератора неоднократно снимали рабочих на переоборудование «Чукотки», «Советской Камчатки» и «Ханки», сроки завершения работ переносились. С вводом в июле в действие паровых котлов обнаружились пропуски пара между бочкой котла и фланцами питательных клапанов. Неоднократная замена прокладок ничего не дала, после разборки обнаружилось, что посадочные места наклёпышей и фланцев сильно коррозированы, пригонка их не производилась. Работу бригады слесарей принимал мастер отдела технического контроля (ОТК) и стармех. После проточки и пригонки посадочных мест пропуски прекратились. 14 августа на заводских ходовых испытаниях пар свистел между направляющими и штоками клапанов главной машины, её привод парораспределения имел увеличенные зазоры между пальцами и подшипниками тяг. После изготовления новых направляющих и пальцев машина «задышала» нормально, но в конденсаторе сильно колебался вакуум. Пришлось долго разбираться с инжекторами, мокровоздушным насосом и всей конденсатно-питательной системой. При проверке пародинамо № 3 оказалось, что оно не держит нагрузку, частота вращения сильно колеблется. Выяснилось, что утерян штатный регулятор числа оборотов, а вновь установленный собран из деталей нескольких механизмов и толком не работает. 19 августа при предъявлении судна Регистру обнаружилось отсутствие приводов на водомерных колонках и предохранительных клапанах котлов. 28 августа при повторном вызове инспектора Регистра для предъявления устранённых замечаний найдены трещины в воздушной трубе мазутного танка. Над исправлением всего перечисленного красноярцы и экипаж трудились до 24 сентября. На следующий день судно прошло ходовые испытания и «сдано полностью, кроме пародинамо № 3, у которого во время эксплуатации был выплавлен мотылёвый подшипник». «Всё вышеизложенное говорит о том, что при ремонте судов на ПСРБ “Красноярск” не производится дефектовка механизмов, узлов и деталей (отсутствует дефектовщик), слабо ведётся контроль выполнения работ со стороны производственных мастеров, некачественно принимается работа ОТК. Отсутствует контроль выполнения работ со стороны администрации судов. Суда плохо готовятся к предъявлению Регистру СССР, слабо контролируются работниками механико-судовой службы.

Всё это привело к срыву окончания ремонта ТР “Суходол” в августе 1975 г. и неоднократным вызовам инспекторов Регистра» [40, л. 144—145].

1 октября флот справился с девятимесячной программой по всем экономическим показателям. План приёма сырца выполнен на 106, реализации продукции — на 117, грузоперевозок — на 139, выпуск валовой продукции — на 113,1, производительности труда — на 111 %. Положение дел постепенно выправлялось: по сравнению с соответствующим периодом 1974 г. принято в обработку рыбы на 15,5 тыс. т больше, выпуск продукции увеличен на 14,4 тыс. т, в том числе пищевой — на 11,8 тыс. Управляться громоздким хозяйством из 58 судов 27 различных типов (!) было сложно. Их большая часть пришла из других бассейнов страны, имела солидный возраст и сильный износ. Отсутствие сменно-запасных частей, снятых с производства, и технической документации на часть оборудования приводило к сложностям в эксплуатации и ремонте, особенно ПР и старых пароходов типа «Донбасс». Сейчас основное внимание руководства флота сосредоточилось на «Чукотке» и «Советской Камчатке», принимавших в Охотском море сельдь от колхозных промысловиков. Плавбазам предстояло внести решающий вклад в выполнение годового плана и плана девятой пятилетки [35, № 126].

7 октября старшему помощнику капитана одного из ПР за нарушение правил ведения журнала пожарных вахт и правил поведения на судне объявлен строгий выговор от руководства флота. Это стало итогом разбирательства, проведённого товарищеским судом экипажа. Провинившийся «не составлял графика дежурств пожарных вахт, табель на оплату составлял не в соответствии с графиком и фактической отработкой, а по своему усмотрению. В результате чего отдельные члены экипажа имели десять-двенадцать дежурств в месяц, другие же на такие дежурства ставились один-два раза, что вело к нарушению нормальной службы по пожарной безопасности судна. Указанное выше связано с тем, что старший помощник капитана... свои взаимоотношения с членами экипажа, и особенно с женщинами, строил на отношениях симпатий и антипатий. С женщинами, членами экипажа, старший помощник капитана... допускал вольности, несовместимые с его служебным положением». Суд общественности решил, что он «проявил себя... как личность, морально неустойчивая, что является недопустимым для командира». Тот названных фактов не отрицал, но просил при наложении дисциплинарного взыскания учесть,

что ранее замечаний не имел [40, л. 171]. Вот такую силу имело мнение общественных организаций.

10 октября комсомольцы ПР «Орель» собрались на так называемый «ленинский урок» по теме «Пятилетке — ударный финиш! XXV съезду КПСС — достойную встречу!» В нём участвовали пятнадцать из семнадцати членов судовой организации ВЛКСМ. Не явившиеся вовсе не прогуливали — судно готовилось к выходу из ремонта, поэтому на нём обнаружилось много «горячих точек», так что двое судовых специалистов были основательно заняты. Урок при помощи первого помощника капитана В. В. Шубкина провёл комсомольский пропагандист, кандидат в члены КПСС рефмашинист А. Белобородов, к тому же комсорг. Предварительно молодёжь изучила некоторые ленинские работы. Теперь пропагандист задавал вопросы, а каждый, кто хотел, отвечал на них, высказывая своё мнение, пусть иногда и субъективное, но всегда откровенное. По каждому вопросу выступали не менее трёхчетырех человек. Началась дискуссия, порой переходившая в критику. Спорили о понятии «облик современного молодого человека». Живую реакцию вызвали вопросы «Как вы понимаете коммунистический труд, гражданское мужество?», «Как связываются основные положения ленинских работ с повседневной жизнью?» А вот как: один из главных ленинских заветов: «Учиться!» выполнялся очень даже неплохо. Двое молодых моряков были студентами-заочниками: Владимир Кавелин — пятикурсник ПКМУ, Анатолий Белобородов — третьекурсник рыбопромышленного техникума. Остальные занимались в заочной школе моряков. Рефмашинист Пётр Ильин и матрос Евгений Кургузов записали в свои комплексные планы: подготовиться и поступить в мореходное училище. Второй механик Сергей Копытин хотел учиться в Дальрыбвтузе. В конце урока каждому участнику были даны разные темы и поручено подготовить по ним выступления. Добавим, что комсомольская организация «Орели» боролась за право подписать рапорт комсомола предстоящему съезду партии [35, № 134].

28 октября нетрезвый рефмашинист «Эворона» запустил аммиачный компрессор и ушёл из рефотделения, оставив его без присмотра. Из-за переполнения испарителя жидким аммиаком механизм был «залит» и работал «влажным ходом», что могло привести к аварии. Стук компрессора услышал вахтенный моторист, заглянул в отделение и, увидев, что там никого нет, побежал вызывать машиниста, которого встретил в коридоре. Тот, зная, что в другом компрессоре нет масла, пустил его и также залил аммиаком. Аварии

не случилось только в результате отключения автомата электропитания из-за перегрузки. Старший механик «силой выдворил» пьяного машиниста и принял меры против развития аварии. При разборе происшествия выяснилось, что рефмеханик, «не обеспечив должного несения вахты... ушёл в 13 часов с судна и прибыл на борт только на следующее утро. Отдел кадров не принял мер для укомплектования рефрижераторного отделения по штатному расписанию, вследствие чего на ПР "Эворон" в течение двух месяцев не хватало по штату одного рефмашиниста, что не давало возможности должным образом обеспечить несение вахтенной службы» [41, л. 83].

14 ноября всем судам «с целью выполнения запланированных мероприятий по экономии топлива» предписано приступить к сбору и, где позволяли топливные системы, к сжиганию в паровых котлах отработанных масел двигателей, паровых машин, холодильных компрессоров и вспомогательных механизмов. На судах, где жечь масло было нельзя, его следовало собирать в специально выделенные ёмкости или металлические бочки и сдавать на объекты, где возможна утилизация. Капитанам пароходов, ПБ, «Красноярска» приказано «безоговорочно» принимать масла, как из цистерн, так и в бочках для своих котлов, при приёме и сдаче вести строгий учёт и составлять акты [41, л. 16].

21 ноября на два месяца переведён в матросы-обработчики мастер одного из ПРов. 10-го числа у него завершился срок аттестации, ему предложили пройти её за неделю. В этот срок он не уложился, так как готовился и сдавал технику безопасности, спасательные средства и другие предметы. На сдачу технологии рыбных продуктов «пришёл совершенно не подготовленным (не знает правил маркировки, ГОСТов на мороженую рыбу, мороженую сельдь, размерности рыб)», а повторно не явился совсем [41, л. 54].

18 декабря поощрена машинная команда «Чукотки», которая в море под руководством третьего механика Г. Ф. Пацука провела чистку и ремонт трёх главных котлов, проявив тем самым «высокую сознательность и самоотверженность». Каждый котёл вместо положенных по норме семи суток был обработан за трое. Это сыграло «немаловажную роль в производственной деятельности плавбазы в рейсах». Премированы, кроме отличившегося механика, старший машинист О. Я. Красуля, машинист А. И. Исайчиков и котельные машинисты В. М. Елин, Ф. Х. Шакиров, Н. Г. Панишев, К. М. Быков [41, л. 155].

31 декабря в связи с большим физическим и моральным износом и нецелесообразностью проведения капитального ремонта списан теплоход «Крашенинников» пр. 229, построенный в 1954 г. в Хабаровске. При остаточной стоимости 24,6 тыс. руб. его восстановление обошлось бы в 775 тыс.

По состоянию на 31 декабря 1975 г. на балансе КРФ находилось 50 судов, в том числе 13 производственных, 25 транспортных, шесть танкеров, три буксирных и три несамоходных [42, л. 4—5]: одиннадцать ПР, две плавбазы, шесть ТРС, два ТХС («Плутон» и «Хоста»), пять ТР («Суходол», «Тауйск», «Хасан», «Баскунчак», «Речица»), шесть сухогрузных пароходов, пять сухогрузных теплоходов, один грузопассажирский теплоход («Корсаков»), шесть танкеров, два морских буксира, буксирный катер, две несамоходных ремонтных базы («Красноярск» и «Фреза») и судно-тренажёр «Анатолий Серов». Из состава флота после кораблекрушения выбыл ПР «Эльтон», списаны баржа СБ-400 № 715, ТРС «Пенжино», пароход «Алтай», теплоход «Крашенинников». К концу года подготовлены документы на списание ТРС «Паратунка». За год получена ПБ «Советская Камчатка» типа В-62.

Производственный флот действовал в минтаевой и сельдяной ОМЭ, Кроноцком заливе на зимнем промысле трески, Карагинском районе (пищевые); на Северных Курилах (терпуг), Западной (мойва и пищевые породы, лосось) и Восточной Камчатке (пищевые и лосось). План приёма сырца не выполнен в Кроноцком заливе, на Западной Камчатке, в Карагинском районе и сельдяной ОМЭ. Промысловая обстановка здесь ухудшилась по сравнению с прошлым годом, несмотря на благоприятную погоду. КРП планировал начать лов мойвы в открытом море кошельковыми неводами в мае, но он практически не производился, а направленные за этой рыбёшкой «Болонь» и «Кизи» долго простояли в её ожидании. К западному побережью мойва пришла позже и появлялась в неводах эпизодически. Промысловая разведка КРП и Камчатское отделение ТИНРО не давали достаточно обоснованных рекомендаций по её добыче, не высказывали никаких соображений по организации зимнего лова трески в бухте Моржовой. В результате Камчатское межколхозное производственное объединение (КМПО) преждевременно выставило своих ловцов в этот район. ПР «Ирбит» простоял здесь 55 суток из 103 промысловых по району. КМПО, имея план сдачи сырца флоту, в течение всей путины 1975 г. арендовало в наиболее благоприятных в промысловом отношении районах морозильщики Магаданрыбтреста и Приморыбпрома.

Суда ПУРФ были вынуждены держаться в менее продуктивных районах (Озерная, Октябрьский, Усть-Камчатск), где сырец шёл, в основном, с берега. Подвёл усть-камчатский колхоз «Путь Ленина», не обеспечивший сдачу на простаивавшие «Ханку», «Приморск» и «Ирбит». В ОМЭ на минтае суточный приём «Приморска» составлял 63, у «Дмитрия Часовитина» — 53, у «Болони» — 44 т. На Северных Курилах «Ирбит» брал 26 т терпуга в сутки, а «Кизи» — 20. В ОМЭ на сельди «Чукотка» принимала по 66, а «Советская Камчатка» — по 76 т.

От камчатских колхозов получено 68 756 т, хозяйства других областей сдали 1 539, а гослов — 6 274 т. Самый весомый вклад в выполнение производственной программы внесла «Чукотка»: при плане 13 850 она взяла 20 393 т. Всего производственные суда приняли 77 413 т сырца при плане 69 800. Выпущено 72 545 т продукции при плане 74 592 (97,5 %). Пищевой продукции выдано «на гора» 40 751 т при плане 42 212 (96,5 %). «Чукотка» и «Советская Камчатка» втрое перевыполнили задание по засолу. Обе плавбазы освоили выпуск новой для ПУРФ продукции: лосося бочкового посола, лососёвой пробойной солёной икры. «Эти виды продукции являются наиболее ценными и имеют большой спрос у потребителя» [42, л. 19].

Выпуск мороженого лосося освоен на ПР. Его сделали 814 т, в том числе 126 т потрошёной горбуши. Заморозили 60 т гольца и приготовили на экспорт 18 т минтаевой пробойной икры. Продолжился и выпуск продукции, освоенной в прошлом году: мороженой ястыковой тресковой и солёной пробойной минтаевой икры, солёного и витаминизированного фарша. Кроме того, «управление взяло направление на полное использование непищевого прилова и отходов от разделки». В 1975 г. собрано и обработано 2 т горбушечьих молок и 115 — кормового бычка, а также 789 — прилова, солёных и мороженых отходов.

«Сортность», то есть выпуск первым сортом, выросла на 3,9 % по мороженой и на 4,4 % по солёной продукции. Высоким качеством отличалось сделанное на «Эвороне» и «Ханке». За выпуск «бездефектной продукции» Приморская госторгинспекция освободила «Эворон» от её сертифицирования на базах Дальрыбсбыта, а экипаж был поощрён денежной премией в 1 200 руб.

Но были забракованы и понижены в сортности в общей сложности 214,5 т, ещё 223,8 переведены в нестандарт, 57,3 — в кормовую и направлены на доработку 150,7 т. Наибольшее количество брака пришлось на «Дмитрий Часовитин». Из первого сорта

в нестандарт здесь перевели 111 т. На «Приморске» из первого сорта во второй «разжаловано» 47,3 т, а из первого в кормовую — 44,6 т. Несмотря на то, что «Приморск» длительное время находился на особом режиме реализации продукции, его экипаж пока «действенных мер по выпуску качественной продукции не предпринял» [42, л. 43—44]. «Виновные в выпуске низкокачественной продукции приказами по управлению и судну привлекаются к материальной и административной ответственности». За год объявлено 16 выговоров и замечаний, 13 работникам снижен размер премии от 10 до 50 %, а троих вообще лишили её полностью [42, л. 26].

Моряки-транспортники перевезли 340 543 т разных грузов, выполнив задание на 117,7 %. Снизилась средняя дальность перевозки одной тонны груза с 1 048 плановых до 889 фактических миль. Это произошло за счёт переключения водоналивного флота на работу на более коротком плече и снятия крупнотоннажных судов с вывоза продукции из дальних районов, то есть БМЭ, Ванкуверо-Орегонского района и берегов Аляски, другими словами, «обусловлено независимыми от управления причинами» [42, л. 27—28].

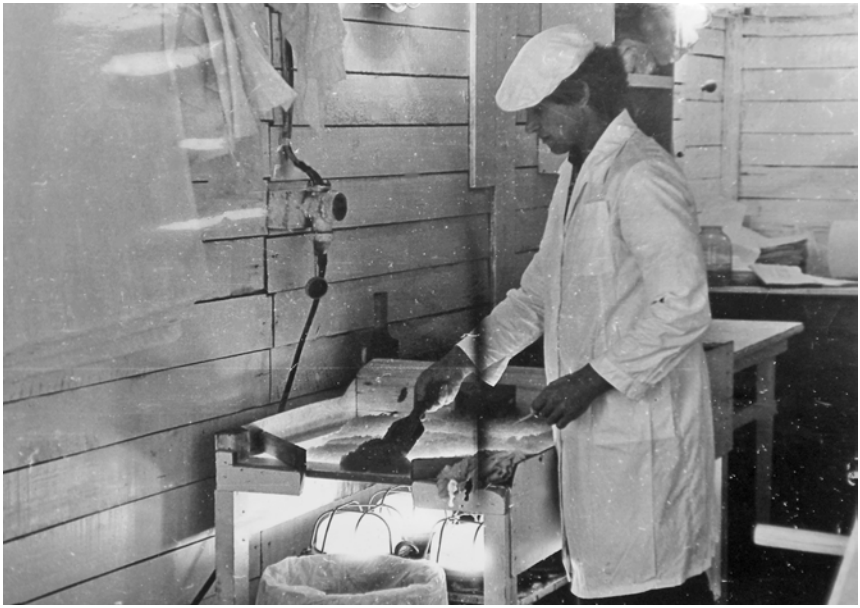
Постепенно развивался комплексно-механизированный способ пакетной перевозки рыбопродукции и снабженческих грузов. Таковых перебросили уже 17,1 тыс. т. Можно было бы и больше, но отправители отказывались «формировать пакеты в условиях моря», объясняя это увеличением простоев на перегрузе.

Внедрялась новая техника. Современные магнитные компасы установили на «Тауйске» и «Корсакове», внедрили дисульфитномолибденовую смазку на «Тауйске» с эффектом в 1 тыс. руб., применили магнитную обработку питательной воды котлов на пароходах «Приморск» и «Даугава» с экономией 17,4 тыс. руб. На «Чукотку» поставили линию по производству пастеризованной печени, «Тауйск» оборудовали сепаратором льяльных вод. Заменили турбонагнетатель главного двигателя «Ханки». «Чукотка» получила испаритель производительностью 100 т воды в сутки для технических нужд, принесший экономический эффект 145 тыс. руб., а также оборудование для разделки лосося. Такие же механизмы появились и на «Советской Камчатке», что и позволило втрое перевыполнить программу по лососю. Всего за год в рационализаторской работе приняли участие 160 чел., предложивших и внедривших 124 разнообразных новшества, сэкономивших флоту 108 тыс. руб. [42, л. 45—46].

Выпуск пресервов

Даешь только отличную продукцию!

В рыбном цеху



В икорном цеху

По состоянию на 31 декабря 1975 г. в ПУРФ трудились 3 083 чел., в том числе 2 550 моряков, 252 судоремонтника и 301 берегового персонала. В течение года численность работавших снизилась на 197 чел., но зато прибавилось 115 специалистов с дипломами. Теперь доля лиц с высшим и средним образованием составила 27,2 % [42, л. 48]. За год уволено 978 чел., то есть текучесть кадров составила 32 %.

Во вновь построенной межрейсовой гостинице «Океан» флоту из общего количества 600 мест выделено 104, чего было крайне недостаточно для 2 150 моряков, прописанных «по флоту». В очереди на жильё стояли 361 командир, 275 рядовых моряков и 67 лиц берегового персонала [42, л. 62].

Единая (коллективная) система оплаты труда плавсостава производственных судов дала положительный результат. Она привела к снижению трудоёмкости выпускаемой продукции, позволила значительно уменьшить простои и внутрисменные потери рабочего времени. Сокращение численности матросов-обработчиков при выпуске мороженой неразделанной рыбопродукции (путём привлечения других членов экипажей) явилось одним из факторов роста производительности труда. На плавбазах для резчиков, мойщиков, сортировщиков и укладчиков внедрены типовые рабочие места, частично механизированы тяжёлые ручные работы. На транспортных судах применялась повременно-премиальная система оплаты труда. За перевыполнение рейсовых заданий выплачивались премии, которых полностью или частично лишались нарушители трудовой и бытовой дисциплины. Средняя зарплата одного работающего составила 4 801 руб., при этом выработка на человека (производительность труда) достигла 19 974 руб., или 122 % к плановой.

Досрочно справились с выполнением годового плана 27 экипажей. Передовиками социалистического соревнования стали моряки ПР «Приморск» (капитан С. И. Нестуев), танкеров «Сахалиннефть» (В. А. Дубовицкий) и «Нарымнефть» (В. К. Попов), теплохода «Гомель» (В. А. Никифорчук), парохода «Приморск» и других судов. О досрочном завершении пятилетнего плана отрапортовали 24 экипажа, своих представителей на XIV слёт рыбаков Камчатки послали 22 судна.

1975 г. оказался богат знаменательными событиями. В их числе и 30-летие Победы, и 40-летие начала стахановского движения, и XXV съезд КПСС. По случаю каждого из них разворачивалось социалистическое соревнование. Их широкий размах и патрио-

тические начинания нашли отражение в самоотверженном труде отдельных экипажей. В августе труженики моря ознакомились с постановлением ЦК КПСС «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXV съезда КПСС» и, воодушевлённые им, стали принимать повышенные обязательства. Экипаж «Сахалиннефти» решил в честь съезда выполнить два годовых плана. Его моряки подхватили почин о создании группы судов-«стотысячников» и перевезли 116 тыс. т при годовом плане 43,6 тыс. По три годовых задания дали экипажи «Сунгари» и «Веги», по два — «Нарымнефти», «Речицы», «Елизово» и «Коряки». Коллектив ПР «Приморск» обязался принять и обработать 8 000 т рыбы пищевых пород. Эти почины одобрило бюро Камчатского обкома КПСС, отметив, что «социалистическое соревнование стало главным рычагом дальнейшего повышения производительности труда на флоте».

Победителями соцсоревнования 1975 г. стали: среди плавбаз — «Чукотка», среди производственных рефрижераторов — «Болонь», среди транспортных судов — танкер «Сахалиннефть». Отмечена хорошая работа коллектива «Дмитрия Часовитина».

Указом Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 15 мая за высокие достижения в труде и многолетнюю безупречную работу на одном предприятии недавно учреждённым орденом Трудовой Славы 3-й степени награждены [39, л. 8—10]:

бригадир электромонтажников ПСРБ «Красноярск» В. П. Алфёров
повар ПР «Приморск» Л. А. Долгушина
боцман ПР «Андрей Евданов» В. С. Мартынюк
боцман теплохода «Гомель» А. Н. Нестеров
боцман ТХС «Плутон» Я. А. Сивер.

Решением Камчатского облисполкома от имени ПВС СССР медалью «Ветеран труда» награждены 22 чел., люди, отдавшие флоту большую часть своей жизни. Юбилейные медали «XXX лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» с надписью «Участнику войны» вручены 54, а с надписью «Участнику трудового фронта» — 13 ветеранам. Знаком «Ударник девятой пятилетки» отмечены 45, знаком «Победитель соцсоревнования 1975 г.» — 90 чел. [42, л. 54].

В течение 1972—1975 гг. КРФ резко изменил характер деятельности, превратившись из чисто транспортного предприятия в производственное управление. В течение первых двух лет (1973—1974 гг.) эксплуатации производственных судов — ПР и ПБ —

он не выполнял плановые задания, оставаясь, таким образом, в долгу у государства. Но эти годы работы, пусть и не всегда удачной, позволили накопить ценный опыт, изучение которого помогло выявить главные, узловые вопросы организации производства. Основной причиной невыполнения заданий 1973 и 1974 гг. явилось плохое использование календарного бюджета времени ПР и ПБ [35, № 136].

При почти одинаковом эксплуатационном периоде (в % к календарному времени) — 57 % в 1974 г. и 56,9 % в 1975 г. — время нахождения их в море выросло с 37,4 до 50 %, переходы снизились с 3,6 до 3,2 %, промысловый период возрос с 39,7 до 46,8 %, а время, потраченное на приём сырца, увеличилось с 17,5 до 23,9 %. Впереди предприятие ждали годы успешной работы, в течение которых оно не раз становилось флагманом флота рыбацкой Камчатки.

ИСТОЧНИКИ

1. ГАКК. Ф. Р-284. Оп. 2. Д. 89.
2. Там же. Д. 114.
3. Там же. Д. 94.
4. Там же. Д. 118.
5. Там же. Д. 115.
6. Там же. Д. 116.
7. Там же. Д. 97.
8. Там же. Д. 117.
9. Там же. Д. 113.
10. Там же. Д. 111.
11. Там же. Д. 106.
12. Там же. Д. 133.
13. Там же. Д. 130.
14. Там же. Д. 131.
15. За высокие уловы. Комплект за 1973 г.
16. ГАКК. Ф. Р-284. Оп. 2. Д. 132.
17. Там же. Д. 157.
18. Там же. Д. 145.
19. Там же. Д. 139.
20. Там же. Д. 159.
21. Там же. Д. 163.
22. Там же. Д. 149.
23. Там же. Д. 175.
24. Там же. Д. 158.
25. За высокие уловы. Комплект за 1974 г.

26. ГАКК. Ф. Р-284. Оп. 2. Д. 161.
27. Там же. Д. 160.
28. Там же. Д. 169.
29. Там же. Д. 178
30. Там же. Д. 162.
31. Там же. Д. 167.
32. Там же. Д. 170.
33. Там же. Д. 179.
34. Там же. Д. 184.
35. За высокие уловы. Комплект за 1975 г.
36. ГАКК. Ф. Р-284. Оп. 2. Д. 194.
37. Там же. Д. 180.
38. Там же. Д. 181.
39. Там же. Д. 195.
40. Там же. Д. 182.
41. Там же. Д. 183.
42. Там же. Д. 189.

А. П. ПИРАГИС

В. П. КУСКОВ И ЕГО ДИССЕРТАЦИЯ «ТОПОНИМИКА КАМЧАТКИ»

Знакомство с творчеством краеведа Вячеслава Петровича Кускова в своё время меня удивило. Морской офицер, обременённый уставами и приказами, занимающий должность военного цензора, стал краеведом. Вспомнились биографии царского цензора — известного русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева и военного моряка — историка Александра Степановича Сгибнева. Что-то общее двигало этими людьми, далёкими в своих увлечениях от профессий и повседневной деятельности. Это не мешало им достичь определённых успехов во второй работе, где они оставили в истории свой след.

Краеведы и историки до настоящего времени не могут в исследовании прошлого Камчатки обойти вниманием работы В. П. Кускова по истории и географии нашего полуострова. Многие его труды в этих направлениях остаются ещё и сейчас настоящими открытиями. Имя Вячеслава Петровича известно не только на Камчатке. На его статьи, книги, диссертацию до сих пор ссылаются исследователи, краеведы.

Жизнь и судьба военного человека часто непредсказуемы. Отдельные биографические сведения В. П. Кускова в 2008 г. мне были представлены дочерью В. П. Кускова — Натальей Вячеславовной Кусковой. До этого биография краеведа была почти неизвестна.

Родился Вячеслав Петрович Кусков 14 ноября 1926 г. в городе Белорецке Башкирской АССР.

В автобиографии он писал:

«В 1942 г. я окончил 8 классов. В этот же год по причине острой нехватки рабочих на заводах г. Белорецка учащиеся старших классов были распущены и направлены на работу, так я попал на станкостроительный завод, где работал ремонтным слесарем.

В 1943 г. лица, имевшие достаточное образование, были приказом Наркомата откомандированы на учёбу в среднетехнические заведения черной металлургии. Я был зачислен студентом в Белорецкий металлургический техникум.

В феврале 1944 г. я обратился в военкомат с просьбой лишить меня брони и призвать на действительную службу. Просьбу мою удовлетворили, но, попав на пересыльный пункт, я, неожиданно для себя, был включён в списки команды, подлежащей отправке в военно-морское авиационное училище им. Леваневского в Безенчуке. Примерно через полгода окончил курс штурмана пикирующего бомбардировщика и ждал отправления в эскадрилью. Однако по решению командования училище передислоцируют в г. Николаев. Из курсантов была сформирована рота, на которую были возложены задачи охраны и обороны боевой техники и складов авиаимущества на период передислокации, так как помимо учебного имущества к эскадрилье относилась крупная авиационная база, находящаяся в распоряжении резерва Верховного Главнокомандующего. Командовал ротой младший лейтенант Кузьмин, я был назначен старшиной роты.

После отправки в начале 1945 г. последней партии охраняемых самолётов на Дальний Восток согласно предписанию явился в училище по месту его новой дислокации и продолжал учёбу».

Но лётчиком В. П. Кусков не стал: училище в 1947 г. было расформировано.

Вот что пишет об этом Л. А. Барканова в статье «Слово о краеведе Вячеславе Петровиче Кускове» [О Камчатке: её пределах и состоянии…: материалы XXIX Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2012. — С. 16]:

«Он пишет рапорт на имя командира роты училища: “Прошу вашего ходатайства перед вышестоящим командованием о зачислении меня в высшее военно-морское училище. Я желаю продолжить военно-морское образование и стать офицером ВМС”. В марте 1947 г. Кусков был зачислен в Каспийское высшее военно-морское училище в г. Баку, которое окончил в сентябре 1950 г. в числе лучших выпускников — за время обучения Вячеславу было объявлено пятнадцать благодарностей. Из аттестации на курсанта-выпускника В. Кускова: “Академическая успеваемость отличная. Целесообразно использовать по штурманской специальности на кораблях I и II ранга”».

На Черноморском флоте В. П. Кусков служил на известных крейсерах «Красный Крым» и «Адмирал Нахимов», на эсминце «Безукоризненный».

В 1959 г. В. П. Кусков, тридцатитрёхлетний морской офицер, был направлен с Черноморского флота на Камчатку для дальнейшей

службы в должности старшего военного цензора в штабе Камчатской военной флотилии.

Здесь он заинтересовался историей, географией, топонимикой Камчатки. Его увлечённость поддерживалась командующим Камчатской военной флотилией Григорием Ивановичем Щедриным, с которым по службе В. П. Кусков часто встречался. Щедрин был неравнодушен к прошлому Камчатки и интересно мог рассказать о нём. Это по его инициативе были установлены два памятника 3-й батарее А. П. Максутова, построен и создан Музей боевой славы в Петропавловске-Камчатском. В августе 1959 г. Григорий Иванович вместе с краеведом В. И. Воскобойниковым совершили экспедицию по Камчатке и восстановили памятный крест Атласова на реке Камчатке.

Увлечение ещё мало изученной историей, географией Камчатки XVIII—XIX вв. сблизило В. П. Кускова с камчатским краеведом Валерием Ивановичем Воскобойниковым, а затем и с краеведом Владимиром Николаевичем Виноградовым. Постепенно Вячеслав Петрович втянулся в исследование географических названий Камчатки и параллельно — в изучение истории и отдельных её личностей. Многолетние успешные труды В. П. Кускова в этих направлениях хорошо просматриваются по его немногочисленным публикациям, рассказывающим о прошлом полуострова.

Он не торопился с публикациями. Документов XVIII—XIX вв. в период его деятельности в архиве Камчатки не было (как нет и сейчас). Кропотливо, с пунктуальностью военного он изучал географию Камчатки по картам и лоциям, редким книгам в областной библиотеке, благо имел к ним доступ. Его публикации не были компиляцией, а были эксклюзивными. И появились в печати они через четыре года после того, как он взялся за изучение прошлого Камчатки. С 1963 г. Камчатский отдел Географического общества СССР стал издавать сборник «Вопросы географии Камчатки». Первые публикации В. П. Кускова появились в данном издании.

Следует отметить, что за камчатский период 1959—1967 гг. В. П. Кусков опубликовал в местной печати всего четыре своих материала, и все — в сборнике «Вопросы географии Камчатки». В них сразу же просматривалась его увлечённость топонимикой и историей Камчатки. Так, его первыми публикациями в стали две статьи, опубликованные в 1965 г.: «Петропавловску-Камчатскому — 225 лет» (в соавторстве с Иваном Ивановичем Лагуновым) и «К вопросу изучения топонимики Камчатской области».

Итогом изучения В. П. Кусковым топонимики Камчатки стала его книга «Краткий топонимический словарь Камчатской области» (Петропавловск-Камчатский, 1967. — 128 с.). После выхода её в свет имя В. П. Кускова сразу получило широкую известность среди краеведов Дальнего Востока, а книга в дальнейшем стала базой для подготовки им диссертации, о которой пойдёт речь ниже.

Краевед не ограничивался только своими исследованиями, он принимал активное участие в общественной жизни. С возобновлением в 1961 г. деятельности Камчатского отдела Географического общества СССР В. П. Кусков стал его членом, а в 1963 г. — заместителем председателя Камчатского отдела. С 1964 г. В. П. Кусков входил в редакционную коллегию сборника «Вопросы географии Камчатки». Опыт работы в Камчатском отделе Географического общества пригодился ему в дальнейшем.

Опять слово Н. В. Кусковой — дочери Вячеслава Петровича: «В 1967 г. (В. П. Кусков. — *А. П.*) переводится на Балтийский флот в г. Кронштадт и с этого времени становится членом Всесоюзного Географического общества (г. Ленинград), возглавляет Кронштадтский отдел в качестве председателя... После 1967 г. работ по истории Камчатки весьма немного».

В последнем Наталья Вячеславовна ошиблась. С отъездом В. П. Кускова на материк количество его публикаций камчатской тематики значительно возросло. Свободное от службы время, все отпуска он стал проводить в ленинградских архивах, библиотеках, продолжая собирать камчатский материал для своих статей, книги, будущей диссертации.

Он завёл картотеку. На карточки заносил сведения о лицах, связанных с Камчаткой в XVIII—XIX вв., о кораблях, плававших у берегов полуострова, о географических названиях, а также о разных событиях и фактах, происходивших на Камчатке. Он составил около десяти тысяч таких карточек. Об этом писал Е. В. Гропянов в заметке «Картотека краеведа» (Краеведческие записки. — Петропавловск-Камчатский, 1974. — Вып. 5. — С. 176). До настоящего времени обнаружить картотеку краеведа не удалось.

С 1968 по 1976 г. В. П. Кусков написал 38 статей по топонимике и истории Камчатки. Практически все они печатались в камчатских и дальневосточных изданиях: в газетах «Камчатская правда» и «Камчатский комсомолец», в «Краеведческих записках», в журнале «Дальний Восток». Восемнадцать исторических статей из этого числа вошли в книгу «Камчатские были» (Петропавловск-

Камчатский, 1970. — 112 с.). В своих публикациях В. П. Кусков писал о первых землепроходцах, появившихся на полуострове, о первых мореходах, достигших берегов Камчатки, о первых памятниках в Петропавловске-Камчатском, о различных камчатских событиях прошлых веков и о людях, участвовавших в них. Всего же у него было 45 работ, включая три книги. Только одна из них выпадала из камчатской тематики: «Корабли Октября» (Л.: Лениздат, 1984. — 192 с.). На статьи и книги В. П. Кускова до сих пор ссылаются исследователи и краеведы. Публикации востребованы. Многие из них стали базой для новых исследований Камчатки.

Важным событием для исследователя топонимики и истории Камчатки В. П. Кускова стала защита в 1971 г. диссертации «Топонимика Камчатки», представленной на соискание учёной степени кандидата географических наук. Материал для неё готовился десять лет. Впервые из учёных он дал историографический и источниковедческий анализ изучения топонимики Камчатки, охватывающий дореволюционный и советский периоды (до 1960-х гг. включительно). Ни одна кандидатская диссертация по топонимике ранее не была связана с изучением географических названий Камчатки и населяющих её народов. В своих исследованиях В. П. Кусков впервые использовал комплексные методы исследования: исторического и лингвистического анализа, картографический. Это хорошо прослеживается при знакомстве с диссертацией.

Однако этот труд В. П. Кускова практически не знаком многим краеведам и историкам, массовому читателю. Его диссертация хранится в Российской государственной библиотеке. В 2014 г., работая в Государственном архиве Камчатского края с личным фондом В. П. Кускова, я неожиданно для себя обнаружил в нём копию диссертации (ф. Р-566, оп. 1, д. 11). Раньше, разбирая фонд, не обратил на неё внимания. Тут же стал её читать, и она увлекла меня и поразила не только содержанием, но и прекрасным изложением. Своими свежими впечатлениями о диссертации поделился с находившимися в зале архива архивистом Анастасией Сергеевной Сесицкой и краеведом Сергеем Витальевичем Гавриловым и высказал мнение о необходимости её публикации в одном из краеведческих сборников Камчатки. Они, ознакомившись с диссертацией, также пришли к выводу, что она будет интересна не только историкам и краеведам, но и всем, кто увлекается топонимикой нашего края.

В 1967 г. В. П. Кусков покинул Камчатку. Он получил новое назначение — на должность военного цензора Ленинградской военно-морской базы. Десять лет прослужил в Кронштадте. Занимаясь общественной работой, возглавлял Кронштадтский отдел Географического общества СССР. Последнюю статью по истории Камчатки опубликовал в газете «Камчатская правда» в 1976 г. Больше к камчатской тематике В. П. Кусков не возвращался.

Выйдя в отставку, он в 1979—1989 гг. работал преподавателем основ судовождения и морской практики в 42-й школе специалистов рядового плавсостава Военно-морского флота в Кронштадте.

Умер В. П. Кусков 8 декабря 1994 г., похоронен в Кронштадте.

Ниже мы приводим полный текст диссертации В. П. Кускова на соискание учёной степени кандидата географических наук, выполненной и защищённой под научным руководством кандидата географических наук доцента В. К. Маляревского в Ленинграде в 1971 г. «Список географических названий Камчатки, упоминающихся в тексте» оригинала диссертации (с. 149—165) дан без ссылок на страницы, на которых они приведены. Список использованной литературы воспроизводится в авторском написании.

В. П. КУСКОВ

ТОПОНИМИКА КАМЧАТКИ

ВВЕДЕНИЕ

1. Предварительные замечания

В настоящей работе рассматривается топонимика Камчатской области с позиции географии — процесс её возникновения и развития в современное состояние.

Камчатская область рассматривается в современных границах, которые полностью охватывают территорию полуострова Камчатка и довольно значительную часть материка к северу от него. Во всех случаях, когда это особо не оговорено, «Камчатка» и «Камчатская область» употребляются в тексте как синонимы. Под топонимикой в работе подразумевается как сама наука, занимающаяся изучением географических названий, так и предмет её изучения — совокупность географических названий района, области, региона,

страны, материка и т. п. В литературе иногда встречается терминологическое разделение данных понятий. Некоторые авторы предлагают в отличие от самой науки — топонимики — называть предмет изучения, то есть совокупность географических названий, «топонимией». Есть, правда, и противоположные предложения: именовать науку топонимией, а предмет её изучения — топонимикой. Видимо, подобное раздвоение следует рассматривать как ничем не обоснованное терминологическое излишество. В отечественной научной терминологии издавна принято называть одним и тем же термином и науку, и предмет её изучения. Введение в терминологию наравне с математикой, физикой, химией, географией терминов вроде «математия», «физия», «химика», «географика», вероятно, вызывало бы только недоумение. Существующее обыкновение использовать один и тот же термин как для науки, так и для предмета её изучения, не вызывает и никогда не вызывало никаких затруднений. Большинство топонимистов не видит надобности такого разделения и в топонимике (Попов, 1965; Жучкевич, 1965 и др.).

Исходным элементом в топонимике является топоним. Из многочисленных определений его, в общем, мало чем отличающихся друг от друга, наиболее удачным можно считать определение А. В. Маракуева (1954, с. 32): топоним — «имя собственное, которое в соответствующем контексте с учётом места, времени, языка и письменности служит для отличия одного какого-либо географического объекта от других географических объектов». Таким образом, термин «топоним» равнозначен термину «географическое название» и предпочтительнее лишь краткостью. Разделение их по признаку нанесения на карты или употребления лишь в устной речи, встречающееся у отдельных авторов, также следует считать ненужным терминологическим излишеством, не дававшим никаких практических преимуществ перед синонимическим употреблением терминов «топоним» и «географическое название».

В современной советской топонимической литературе разделения, а тем более противопоставления, терминов «топоним» и «географическое название», как правило, не встречается (Жучкевич, 1965; Никонов, 1965; Попов, 1965 и др.).

Топоним — непременный элемент любой географической карты. Не представляет труда назвать карту, на которой будет отсутствовать какой угодно элемент нагрузки. Скажем, на картах политико-административного деления обычно не наносятся элементы

рельефа, на физических картах могут отсутствовать границы административных районов, на карте путей сообщения иногда вообще ничего не показано, кроме сети путей сообщения; глубины моря и характер грунта на его дне можно увидеть только на морских навигационных или на специальных картах. Но карты без географических названий представить нельзя. Таковых не существует. Даже на так называемых немых, или контурных, картах и то будет иметься хотя бы один топоним в заголовке.

Географические названия появляются на какой-то территории одновременно с заселением её человеком. При этом не было таких случаев, чтобы какие-то объекты географической номенклатуры получали названия избирательно, то есть нельзя себе вообразить местность, где бы оказались названными только горы, а всё остальное — реки, населённые пункты и т. д. — оставалось безымянным. Тем не менее, некоторые топонимисты выделяют из общей совокупности топонимов географические названия гор и других форм рельефа («оронимы») или же рек, озёр и других элементов гидрографии («гидронимы») и даже названия, связанные с личными именами («патронимы»), или с национальностью («этнонимы») и т. п. (Абдрахманов, 1965; Беккер, 1965; Воробьёва, 1965; Гринблат, 1965 и др.).

Безусловно, любая классификация является одной из первых ступеней обобщения и систематизации накопленного материала, но вышеприведённое выделение группы или классов топонимов вряд ли может быть взято за основу для классификации географических названий. В. А. Жучкевич (1968, с. 69) считает, что «такое выделение, частично оправданное для узкоспециальных целей и для определённых районов (например, Сибири), не оправдано в качестве самостоятельного исследования для большинства районов земного шара».

К таким случаям можно отнести хотя бы изучение топонимики в пределах какого-либо языка, в котором морфология топонима более или менее жёстко связана с номенклатурой названного объекта (например, чукотский, эскимосский языки), с сугубо лингвистических позиций. При этом выделение «оронимики», «гидронимики» может оказаться до такой-то степени уместным.

То же можно сказать и об изучении какого-либо конкретного явления в топонимике, скажем, образования географических названий от личных имён, использование в топонимах географических терминов и т. п. Однако и в таких случаях не избежать группирования совершенно разнородных топонимов.

Например, мыс Чукча (северо-западное побережье Камчатки) и селение Коряки — несомненно «этнонимы». В то же время крайне затруднительно объединять их в одной группе или классе топонимов. Мыс Чукча получил своё название от наименования гидрографического судна, производившего здесь в 1940 г. опись и промер (Лоция, 1959). Естественно, что этот топоним более целесообразно объединить с такими, как бухта Вестник, названная по наименованию клипера «Вестник», мыс Забияка, названный по наименованию крейсера «Забияка», река Сторож, названная по наименованию шхуны «Сторож», и т. п., чем с селением Коряки, получившим своё название в связи с проживанием в нём коряков, вынужденных перейти к оседлому образу жизни из-за потери оленей от падежа (Крашенинников, 1949).

Не вполне обоснованным окажется и объединение в классе «патронимов» селения Лазо, названного по имени героя гражданской войны С. Г. Лазо (Кусков, 1967-К), никогда не бывавшего на Камчатке, и бухты Бечевинской, открытой и в некоторой степени освоенной промышленником-мореходом И. Бечевиным, зимовавшим в ней в 1764—1765 гг. (Ефимов и др., 1964).

Разумеется, необходимость классификации топонимов не подлежит ни малейшему сомнению. Однако этот вопрос пока остаётся открытым. Единая классификация должна учитывать все аспекты топонимики и отвечать, по меньшей мере, на три вопроса: «1. Что (называется), какие объекты (реки, горы, города, поля, сёла, урочища, колодцы и т. д.)? 2. Каким образом (называется), на каком языке (русском, финском, китайском и т. д.) и какими средствами языка? 3. Почему (называется), в чём смысл названий?» (Жучкевич, 1968, с. 90).

Эти требования следует считать минимальными, но даже их выполнение при современном состоянии топонимики неосуществимо.

2. История изучения камчатской топонимики

Началом изучения камчатской топонимики следует считать время работы на полуострове академического отряда Второй Камчатской экспедиции Беринга. В классической работе С. П. Крашенинникова (первое издание 1755 г.), одного из наиболее деятельных членов отряда, написанной на основе его личных наблюдений во время пребывания на Камчатке около 1740 г., много внимания уделено и топонимике. Он упоминает около 1 300 топонимов, существовавших в то время, что делает его работу ценным источником, зафик-

сировавшим состояние камчатской топонимики в начале XVIII в. Подавляющее большинство этих названий легко отождествляются с географическими объектами на современной карте. Во многих случаях С. П. Крашенинников сообщает причины возникновения названий, их значение на местных языках и другие сведения.

Однако топонимика в книге С. П. Крашенинникова не первостепенный и даже не второстепенный вопрос. Весь материал по топонимике Камчатке, собранный им, разбросан по книге почти безо всякой системы и, в сущности, совершенно не обобщён.

У С. П. Крашенинникова приведены также некоторые общие принципы возникновения географических названий в языке дорусского населения Камчатки, существовавшие у него географические термины и ряд других топонимических сведений. Наибольшее внимание им уделено вопросу о происхождении названия основной реки полуострова — Камчатки, давшей впоследствии название всему полуострову и многим другим географическим объектам.

Попутно с основными исследованиями занимались изучением камчатской топонимики также К. В. Дитмар в 1851—1855 гг., В. П. Маргаритов в 1897 г., В. Н. Тюшов в 1903—1905 гг., В. Л. Комаров в 1908—1909 гг., С. А. Конради и Н. Г. Келль в 1908—1910 гг. и другие. Все они касались вопросов топонимики несколько меньше, чем С. П. Крашенинников, но из их работ можно узнать значительное число существовавших при них географических названий и названий, данных ими. Такие данные позволяют проследить ход изменения названий многих географических объектов, а в ряде случаев установить и причины их.

Все исследователи касались вопроса о происхождении названия реки Камчатки, что будет подробно изложено в дальнейшем.

Работ, специально посвящённых топонимике Камчатки, очень мало, а в работах, рассматривающих более обширные регионы, камчатская топонимика представлена весьма скупо. Несколько больше по сравнению с другими исследователями ей уделили места П. П. Семёнов-Тян-Шанский (1863—1885) и А. Кириллов (1894). В работе А. Кириллова, посвящённой Дальнему Востоку, рассматривается около 4 300 географических названий. На территорию Камчатки из них приходится лишь 330 (8 % от общего количества их в работе). К тому же при рассмотрении камчатских топонимов А. Кириллов в большинстве случаев ограничивается только сведениями о примерном местонахождении названного им географического объекта. Более или менее полные сведения приведены им лишь в двадцати трёх случаях.

Ещё меньше внимания в работах Н. И. Березина (1894) и А. А. Ивановского (1914), где сведения о камчатских топонимах встречаются в единичных случаях. Весьма мало сведений содержится и в работе И. А. Вендера (1948) — всего двенадцать камчатских топонимов среди пяти с половиной сотен упомянутых в ней географических названий; у И. П. Магидовича (1952) — двадцать четыре из восьмисот.

Столь малый удельный вес камчатской топонимики в указанных работах объясняется тем, что они посвящены рассмотрению значительно больших территорий — до земного шара в целом. Неудивительно, что Камчатка отражена в них выборочно. К тому же авторы таких работ, естественно, не могли лично исследовать географические названия, разбросанные по всему земному шару, Европе и Азии, или хотя бы России. Поэтому они широко использовали уже опубликованные сведения, нередко без критической проверки их. В результате накопилось немалое количество ошибок и неточностей, зачастую восходящих к одному и тому же источнику, далеко не всегда указываемому.

Конкретно вопросами камчатской топонимики занимались К. Бауэрман (1928), И. С. Вдовин (1961), В. И. Воскобойников (1962-К, 1962-С и др.), Г. А. Меновщиков (1963), Б. П. Полевой (1965 1967 и др.), В. П. Кусков (1965 и др.), а также многие другие исследователи различных специальностей.

В. И. Воскобойников первым в некоторой степени обобщил накопленные материалы по камчатской топонимике. К сожалению, он не только не исправил допущенных ранее ошибок, но и прибавил к ним свои. Ошибки его объясняются, с одной стороны, некритическим доверием к опубликованным материалам, а с другой — недостаточным вниманием ко времени возникновения топонимов. Наибольшее внимание им уделено происхождению названия реки Камчатки. Не выдвигая никакой новой гипотезы, он подробно рассмотрел предположения, выдвинутые ранее, и резюмировал: «Несмотря на ряд предположений, которые заслуживают внимания и, конечно, дальнейшего изучения, история названия “Камчатка” остаётся ещё невыясненной» (Воскобойников, 1962-С, с. 24). Кроме того, он рассмотрел без особо строгой системы сотни две камчатских топонимов, основываясь на литературных источниках и личных наблюдениях во время поездок по Камчатке.

Прочие авторы рассматривали в своих работах отдельные вопросы камчатской топонимики. Любопытно, что во многих слу-

чаях работы являются не исследованием камчатской топонимики, а использованием её данных. Так, К. Бауэрман (1928) приводит большое количество топонимических данных, обосновывая азиатское происхождение коряков, И. С. Вдовин (1961) приводит данные топонимики в доказательство экономических связей между эскимосами, чукчами и коряками и т. п.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на продолжительный период изучения камчатской топонимики, оно далеко не закончено. Очень многое остаётся совершенно невыясненным, некоторые из опубликованных работ противоречат друг другу. Работы обобщающего характера насчитываются единицами. В опубликованных работах встречается значительное количество ошибок географического и исторического характера, не говоря уже о многочисленных лингвистических ошибках. Если применить предложенную Е. М. Поспеловым методику оценки топонимической изученности территории (1970), то таковая оценка для Камчатки расположится между средней и слабой изученностью.

3. Источники для изучения камчатской топонимики

Наиболее древним источником сведений о топонимике Камчатки являются «скаски», отписки и другие документы русских землепроходцев. Правда, сравнительно с аналогичными источниками для европейских областей СССР их древность очень относительна, ибо землепроходцы вышли на подступы к Камчатке всего лет триста с небольшим назад. Первое упоминание о Камчатке имеется на общем чертеже Сибири, составленном в 1667 г. Вряд ли возникла раньше и существующая в настоящее время топонимика Камчатки. Очень сомнительно, чтобы первонасельники Камчатки могли сохранять в своей памяти географические названия длительное время. Во всяком случае, примерно три четверти топонимов, упомянутых С. П. Крашенинниковым (1949), ныне не существуют. Что же касается сохранившихся, то они известны в современном обиходе как раз благодаря фиксированию их в книге С. П. Крашенинникова, на картах и в других документах Второй Камчатской экспедиции.

Большое количество документов тех времён опубликовано в различных сборниках (КПЦ, ДАИ, ОРЗ, ПСИ, РМ и др.), что сделало их легко доступными для пользования. Но большая часть их находится в Центральном государственном архиве древних актов. Встречаются они и в некоторых других архивах. Сведений

о географических названиях в документах первопроходцев не так уж много, как можно было бы ожидать. Даже в «скасках» В. В. Атласова, являющихся, по существу, первым маломальским цельным географическим описанием Камчатки, их крайне мало.

Позднее, в начале XVIII в., началось ведение различных документов, связанных со сбором ясака. Поскольку в них при перечислении собранной пушнины указывается, кем и где она собрана, то в них перечисляется большое количество названий рек, селений и других географических объектов.

Существенным недостатком древних документов является трудность, а нередко и невозможность осуществить отождествление упомянутых в них топонимов с конкретными географическими объектами. Как правило, географические названия упоминаются в них без каких-либо данных о местонахождении соответствующего географического объекта. Иногда невозможно установить хотя бы приблизительное местонахождение объекта.

До сих пор, например, нет достаточно убедительного отождествления неоднократно упоминающейся в древних документах реки Погычи с какой-либо из рек на современной карте, ибо о местонахождении её древние документы сообщают очень неопределённо, например: «...157 году, месяца июля в ...день служилые люди Михайло Стадухин с товарищи пошли с Колымы морем вперёд на новую реку Погычу, а назад с моря на Колыму реку пришёл он, Михайло, 158 году сентября в седьмой день...»(ДАИ, с. 12). Отсюда ясно только, что Погыча находится где-то к востоку от реки Колымы, и путь до неё и обратно преодолевается примерно за два месяца. Конечно, по таким данным отыскать реку на карте затруднительно.

В своё время В. Г. Тан-Богораз (1934), а следом за ним и Л. С. Берг (1946) отождествили древнюю Погычу с современной Пахачей, впадающей в Олюторский залив. Оба они не занимались специальным исследованием вопроса, а просто ограничились замечанием вскользь, как о само собою разумеющемся факте. Более подробно освещён вопрос о предполагаемом местонахождении реки Погычи в одной из неопубликованных работ Б. П. Полевого. Он привёл некоторые доводы в подтверждение мнений В. Г. Тан-Богораза и Л. С. Берга. Но, в конечном счёте, создаётся впечатление, что для отождествления рек Погычи и Пахачи нет других данных, кроме созвучия их названий, которое может быть чисто случайным.

Следующий ценный источник для изучения топонимики Камчатки — древние рукописные карты. К настоящему времени выяв-

лено свыше сотни их, и многие опубликованы (Ремезов, 1882; Багров, 1914; Берг, 1946; Ефимов, 1949; Ефимов и др., 1964 и др.). По сравнению с письменными источниками они обладают существенным преимуществом, так как позволяют приблизительно, а иногда и довольно точно установить местонахождение географического объекта, соответствующего какому-либо топониму. Однако и на них не всегда можно рассчитывать в вопросах отождествления. Зачастую карты составлялись не самими землепроходцами, а с их слов, наряду с последними данными использовали и данные предшествующих карт. Поэтому на древних картах можно встретить один и тот же объект под разными названиями, перепутывание относительного расположения географических объектов и другие ошибки.

На некоторых древних картах наносилась река Тыгим. Б. П. Полевой (1965) считает, что на современных картах ей соответствует река Тигиль. Основанием для такого предположения послужили сходство названий и расположение примерно в одном районе. Однако на карте 1701 г. (Ефимов и др., 1964, № 47) нанесены и Тыгим, и Кыгыл. Река Кыгыл это и есть Тигиль. Так её назвал В. В. Атласов (КПЦ). Вероятно, что он просто исказил ительменское слово «кыг» или «кыга» — река. Так что в начале XVIII в. созвучие в названиях отсутствовало. На различных картах река Тыгим нанесена в различных точках побережья (Ефимов и др., 1964, № 43, 44, 47), но всегда севернее реки Воямполки и тем более севернее Тигиля. Учитывая, что на древние карты наносились лишь наиболее крупные реки, можно предполагать, что река Тыгим сравнима с Воямполкой, Лесной, Пенжиной. В числе более или менее значительных рек западного побережья, впадающих в Охотское море севернее реки Воямполки, С. П. Крашенинников (1949, с. 150) упоминает реку «...Тинтигин, которая по объявлению коряк не меньше Уемляна (то есть Лесной. — *В. К.*)...» Нетрудно, пользуясь данными С. П. Крашенинникова, установить, что в наше время Тинтигин называется Шаманкой. Отождествление древнего названия Тыгим с современным Шаманка представляется более вероятным, чем с Тигиль, ибо название Кыгыл трансформировалось в Тигиль лишь лет через тридцать пять после появления на картах реки Тыгим. В пользу такого отождествления говорят и данные карт. Звуковое же сходство в названиях Тыгим и Тинтигин ничуть не меньше, чем между Тыгим и Тигиль.

Отождествление географических названий на древних картах с современными затруднено и мелким масштабом их, если к ним

вообще применимо понятие «масштаб». Об их масштабе можно говорить лишь условно, ибо никакого постоянного масштаба при их построении не закладывалось, всё делалось на глазок. Впрочем, и картами их можно называть тоже только условно, настолько они примитивны с точки зрения современной картографии.

В силу целого ряда вполне понятных причин современная топонимика прибрежных территорий Камчатки сложилась главным образом в результате исследования их русскими мореплавателями. В XIX в. у берегов Камчатки плавали многие русские суда, большая часть которых производила при этом промер и съёмку. Естественно, что при этом возникали и географические названия, в известной части сохранившиеся до наших дней. Часто мореплаватели не имели контакта с местным населением и поэтому называли наносимые на карту объекты без учёта названий, существующих у жителей Камчатки.

Журналы и отчёты довольно значительного числа плаваний опубликованы (Крузенштерн, 1809—1813; Литке, 1834—1835; Сарычев, 1811 и др.), о многих можно найти довольно подробные сведения в журнале «Морской сборник». Не представляет особого труда и использование неопубликованных журналов, ибо они почти все сгруппированы в одном фонде Центрального государственного архива Военно-Морского флота, и отыскать нужный журнал чрезвычайно легко.

Вахтенные журналы и отчёты о гидрографических работах имеют такие бесспорные достоинства, как точность и документальность. По ним можно с полной достоверностью установить время образования топонима и соответствие его конкретному географическому объекту. Во многих случаях оказывается возможным установить причины названия, нередко имеются прямые указания на них.

Очень многое могут дать топонимисту отчёты о работах географов, геологов и других исследователей. Работы наиболее значительных исследователей опубликованы (Маргаритов, 1899; Дитмар, 1901; Конради и Келль, 1925; Гультен, 1925; Келль, 1928; Комаров, 1950 и др.). Большая часть результатов исследовательских работ осталась, однако, неопубликованной. Их материалы хранятся, как правило, в местных и ведомственных архивах, что несколько затрудняет использование их для целей топонимики.

Много сведений топонимического характера содержат официальные документы по управлению Восточной Сибирью, Приамурским краем, Приморской и Камчатской областями. В приказах о назначе-

нии старост, награждении их и т. п. упоминается очень много географических названий, в первую очередь названий селений.

Сведения об отдельных топонимах, обычно относящихся к наиболее крупным географическим объектам, можно почерпнуть из географических словарей (Семёнов-Тян-Шанский, 1863—1885; Кириллов, 1898; Боднарский, 1958; Магидович, 1953 и др.). К материалам словарей следует относиться критически, ибо составители их не могли обойтись без привлечения ранее опубликованных данных, а полностью проверить их было физически невозможно. По этой причине даже в словаре Семёнова-Тян-Шанского можно встретить ошибки, что, конечно, ни в коей мере не умаляет его заслуг.

Весьма подробным и хорошо систематизированным источником являются лоции, современные карты и справочники административно-территориального деления. Недостаток лоций лишь в том, что они описывают довольно узкую полосу побережья (для чего они и издаются), совершенно не рассмотрены районы, удалённые от побережья. По причине сравнительно небольшой ширины полуострова значение этого недостатка для Камчатки несколько снижено, зато достоинства лоций — систематизированное изложение материала, тщательно отработанный справочный аппарат, регулярность издания — с лихвой перекрывают указанный недостаток. Лоции морей, омывающих Камчатку, регулярно издаются с 1905 г. (Деливрон, 1905, 1915; Деливрон и Клыков, 1909; Давыдов, 1923; Лоция Берингова моря, 1938, 1954, 1959, 1969; Лоция Охотского моря, 1938; 1954, 1959, 1960, 1968). Отдельные материалы лоцийного характера издавались и ранее (Егерман и Алексеев, 1884; Гек, 1888-З, 1888-О; Клыков и Зотов, 1888; Новаковский, 1897 и др.).

Под современными картами в данном случае понимаются карты, отпечатанные типографским способом, в отличие от древних рукописных. Первая печатная карта берегов Камчатки, охватывающая территорию от бухты Карагинской до мыса Олюторского, составлена на основе гидрографических работ шлюпа «Сенявин» (командир Ф. П. Литке), проводившихся в 1828 г. С тех пор картами постепенно перекрыта вся территория Камчатки. В дореволюционное время несколько раз издавались атласы. Наибольший интерес из них представляют атласы Ф. П. Литке (1835), И. Ф. Крузенштерна (1813), Г. А. Сарычева (1826), М. Д. Тебенькова (1952) и другие.

Справочник административно-территориального деления Камчатки издавался лишь раз (Камчатская область, 1962), а в таковых справочниках РСФСР и СССР упоминаются лишь наиболее

крупные населённые пункты, количество которых на Камчатке невелико. Этот пробел успешно заполняется регулярно публикующимися списками избирательных округов. В них перечисляются не только все населённые пункты, но и все улицы таких населённых пунктов, как Петропавловск-Камчатский, Ключи и другие.

В географической, геологической, вулканологической и другой научной литературе нельзя обойтись без географических названий. Поэтому привлечение её при изучении топонимики любого региона не только желательно, но и обязательно. Из многочисленных работ такого рода можно упомянуть работы Белова, Плансона и Клыкова (1899), В. М. Головнина (1861), С. И. Набоко (1954), Т. И. Устиновой (1955), Б. И. Пийпа (1956), В. Н. Виноградова (1956, 1968), В. Н. Виноградова и Н. В. Огородова (1966) и другие.

Наконец, целесообразно использовать и газеты. Значительное количество топонимических сведений можно извлечь из дореволюционных газет «Владивосток», «Восточное поморье», «Дальний Восток», «Иркутские губернские ведомости», «Иркутские епархиальные ведомости», «Камчатский листок», «Петропавловский листок объявлений», «Приамурские ведомости», «Приамурье», «Сибирь» и других. В настоящее время на Камчатке издаются две областные газеты, а также газеты в районах и на наиболее крупных предприятиях. Наибольшее количество сведений можно почерпнуть из газет «Камчатская правда», «Камчатский комсомолец», «Корякский коммунист» и «За высокие уловы».

Глава 1. Краткий физико-географический очерк Камчатской области

4. Взаимосвязь между географической средой и топонимикой

В любом случае невозможно возникновение топонимики вне времени и пространства. Возникая в рамках определённых физико-географических условий, она первоначально полностью определяется элементами географической среды. По мере освоения географической среды появляются названия, связанные с хозяйственной деятельностью человека в данной среде. Лишь намного позже топонимика отрывается от географической среды и становится преимущественно посвятительной, но и тогда немалое количество топонимов продолжает возникать на географической основе. Отсюда понятно, что совокупность географических объектов,

имеющихся в пределах какой-то территории, в значительной степени определяет характер топонимики данной территории.

В общем случае можно представить себе процесс возникновения топонимики следующей схемой. Люди приходят в новую, пока что не освоенную ими местность, поселяются там. Необходимость ориентироваться при передвижении по ней вызывает потребность в топонимах. Надо полагать, что в первую очередь должны получить названия ориентиры по маршрутам движения. В древние времена карт не существовало, поэтому ориентиры могли получать только описательные названия.

В наше время не представляет особого труда пройти по маршруту, предусматривающему, например, поворот на север от реки Иванова или, допустим, от горы Савича. Сличая карту с местностью, любой грамотный человек легко обнаружит нужные ему ориентиры. Но без карты так не получится. Просто так уразуметь, какая из рек река Иванова, а какая из гор гора Савича — невозможно. Чтобы надеяться на опознавание их, придётся потребовать от лица, что река Иванова — это шестой по счёту приток реки Чажмы, что на горе Савича имеются три зазубренных скалы. Иными словами, придётся дать ориентирам другие названия — река Шестая, гора Трёхзубая или ещё что-нибудь в этом роде. Именно такие названия и возникали в самом начале образования топонимики. Действительно, такие названия, как Пятибратская (братьями на Камчатке называют отдельные стоящие высокие камни или скалы), гора Острая, утёс Полосатый и т. п. дают возможность без дополнительных расспросов узнать названные ими объекты при первом взгляде на них.

Конечно, оценка физико-географической среды в топонимах может быть различной. Высокую остроконечную гору, до вершины заросшую берёзой, один человек назовёт Острой, а другой — Берёзовой, третий, у кого фантазии побольше, может назвать её Шлемом и т. п., но никто не решится назвать такую гору Плоской, Лысой, Лепёшкой или ещё как-нибудь в этом роде. В гористых местностях всегда много названий, образованных от слов «острый», «высокий», «зубчатый» и т. п. и очень редко встречаются названия, возникшие от слов «ровный», «плоский», «низменный» и т. п. В равнинных местностях можно наблюдать противоположную картину. Это самый простой, но вполне убедительный пример зависимости топонимики от географической среды.

Разумеется, Камчатка не исключение (если такие исключения возможны вообще), поэтому, говоря о её топонимике, целесообразно начать с краткого физико-географического очерка её.

5. Физико-географическое районирование Камчатской области

Площадь Камчатской области — 560 тыс. кв. км. Почти две трети её (350 тыс. кв. км) занимает полуостров Камчатка. В административном отношении область делится на одиннадцать районов, четыре из которых объединены в Корякский национальный округ.

Все исследователи выделяют полуостров Камчатку в отдельную таксонометрическую (сложноорганизованную, имеющую иерархическое строение. — *Ред.*) единицу. Э. Гультен (1925) различал в пределах полуострова четыре растительных зоны. Примерно так же районировал полуостров и В. Л. Комаров (1950), выделявший на его территории районы западного берега, Западный хребет, Восточный хребет и вулканическую область. Наиболее подробно районировала полуостров переселенческая экспедиция 1928 г. во главе с А. А. Красюком, выделившая в его пределах двенадцать районов. Л. А. Гречишкин (1935) делил полуостров на пять орографических районов, А. В. Щербаков (1938) — на пять зон, Г. М. Власов и Ю. Ф. Чемесов (1950) выделили на полуострове семь геоморфологических районов.

Вышеперечисленные исследователи, как и некоторые другие, районировали полуостров по частным признакам. Примерами комплексного районирования полуострова являются работы Е. Л. Любимовой (1961) и Л. Ф. Куницына (1963). Е. Л. Любимова делит полуостров на шесть таксонометрических единиц, которые называет то природными районами, то зонами (реже). Л. Ф. Куницын рассматривает полуостров как провинцию, в пределах которой имеются пять природных областей.

Все эти работы исходят из безусловной предпосылки, что полуостров является отдельной таксонометрической единицей. Против этого трудно что-нибудь возразить. Однако в них остаётся открытым вопрос о месте Камчатки в системе физико-географического районирования Дальнего Востока, не говоря уже о СССР в целом.

Работ, в которых Камчатка районируется в комплексе с окружающими территориями, значительно меньше. В качестве примеров можно назвать работы А. Я. Степанова (1965) и М. И. Давыдовой (1966). М. И. Давыдова исключает из Дальнего Востока западный и северный берега Охотского моря и на оставшейся территории выделяет три физико-географические области: Анадырско-Корякскую, Камчатско-вулканическую и Курильские ост-

рова. А. Я. Степанов выделяет северную часть Дальнего Востока, а в её пределах — пять физико-географических областей: Чукотскую, Анадырско-Пенжинскую, Корякскую, Камчатскую и Курильскую.

В задачу настоящей работы не входит рассмотрение достоинств и недостатков различных подходов к физико-географическому районированию севера Дальнего Востока. Ограничимся лишь тем, что при рассмотрении Камчатской области в её существующих границах районирование по А. Я. Степанову оказывается наиболее удобным. Поэтому физико-географическая характеристика Камчаткой области излагается в основном по А. Я. Степанову.

6. Камчатская вулканическая лугово-лесная область

Эта область охватывает весь полуостров Камчатка, вытянувшийся по меридиану почти на 1 200 км. Наибольшая ширина его — 450 км. Северная часть находится в широте 60° (широта Ленинграда), южная — в широте 51° (широта Киева). Очертания западного и восточного берегов резко отличаются друг от друга. Западный берег почти на всём протяжении представляет собою плавную линию. Мысы и бухты встречаются как исключение. Восточный берег очень сильно изрезан мысами, бухтами, заливами и т. п.

В рельефе преобладают горы. Почти по оси полуострова проходит Срединный хребет с наибольшей высотой 2 621 м (Ичинская сопка), а почти вплотную к восточному берегу и параллельно ему располагается Восточный хребет с наибольшей высотой 4 750 м (Ключевская сопка). Оба хребта состоят из отдельных горных цепей и изолированных массивов различных форм. Очень распространены вулканические долы. По обоим хребтам насчитывается несколько сотен вулканов, в том числе тридцать три действующих (Мархинин, Сирин, 1965). Извержения двадцати из них наблюдались в историческое время. У семи вулканов извержения не наблюдались, но существует сольфатарная (выделения сероводорода и сернистого газа. — *Ред.*) деятельность их. Остальные шесть вулканов относятся к действующим на основании косвенных признаков недавних извержений (свежие потоки лавы, молодые конуса и т. п.), которые вполне могли остаться незамеченными в малозаселённой Камчатке.

Самая большая река полуострова — Камчатка (длина 720 км, площадь бассейна 56 тыс. кв. км). Длина других рек значительно

меньше (Большая с Быстрой — около 200 км, Ича — 168 км, Тигиль — 124 км, прочие — меньше 100 км), ибо они, как правило, стекают с хребтов в море по кратчайшему пути, почти перпендикулярно к берегу. Питание рек в основном снеговое. По характеру течения большинство из них следует отнести к горным.

На полуострове насчитывается около сотни горячих источников, обычно располагающихся группами. Уникальный комплекс их находится в Долине гейзеров, где обнаружено двадцать девять гейзеров и пульсирующих источников (Виноградов, 1964).

Самое большое из озёр — Кроноцкое (площадь 200 кв. км), образованное подпруживанием речной долины лавовыми потоками. Значительная часть озёр образовалась в результате затопления кратеров и кальдер вулканов. На побережье (особенно на западе) при устьях рек встречается много озёр-лагун. Общее количество озёр не поддаётся учёту, но в подавляющем большинстве их размеры крайне малы — менее одного квадратного километра.

Полуостров Камчатка является крупнейшей областью распространения современных ледников на северо-востоке СССР. На большинстве вулканов и горных массивов Срединного хребта имеются благоприятные условия для образования ледников в результате систематического накопления льда и снега: влажный климат, большое количество осадков, короткое и прохладное лето. Всего на полуострове выявлено четыреста четырнадцать ледников и одиннадцать снежников общей площадью 867 кв. км. Наибольшее количество их находится на массиве горы Острой — горы Ховхойтун (восемьдесят три ледника и один снежник, площадь 255 кв. км). Преобладающие формы — каровые и карово-долинные ледники (Виноградов, 1965).

Флора полуострова насчитывает около восьмисот видов, свыше ста из которых эндемичны (растут в ограниченной области. — *Ред.*). Для долин и склонов гор наиболее характерны высокотравчатые луга и парковые каменноберёзовые леса. На Центрально-Камчатской равнине встречаются острова хвойных лесов из аянской ели и даурской лиственницы. Выше лесов по склонам располагаются развитые кустарниковые заросли, главным образом из кедрового стланика и ольховника. Ещё выше — горные тундры. На низменных побережьях довольно широко распространены торфяные болота.

Животный мир полуострова образован представителями охотско-камчатской и восточно-арктической фауны. В целом, он носит островной характер. Многие широко распространённые на Даль-

нем Востоке животные на Камчатке отсутствуют (например, лось, кабарга). Другие — рысь, бурундук, белка — проникли на полуостров совсем недавно. Наибольшее промысловое значение имеют камчатский соболь, горностай, росомаха, выдра. В очень большом количестве встречаются бурые медведи. Птиц насчитывается около двухсот видов, в большинстве перелётных.

У берегов обитают многочисленные стада морского зверя, среди которых особую ценность представляют морские котики и каланы.

Реки изобилуют проходной рыбой, преимущественно лососёвых пород. Наибольшее промысловое значение имеют кета, горбуша, нерка, кижуч, чавыча. Пресноводных рыб мало.

Характерной особенностью камчатской фауны является полное отсутствие земноводных и пресмыкающихся.

7. Корякская горная гольцово-лесотундровая область

Почти всю территорию Корякской физико-географической области занимает Корякское нагорье. Большая часть его находится в пределах Камчатской области. В центре нагорья возвышается Центрально-Корякский массив с наибольшей высотой 2 562 м (г. Ледяная). Он него по всем направлениям расходятся горные цепи, разобщённые межгорными понижениями массивы. Формы рельефа очень разнообразны, хотя и в меньшей степени, чем в Камчатской физико-географической области. В пределах горной системы встречаются крупные вулканические плато.

На Корякском нагорье располагаются семь очагов современного оледенения. В основном они расположены на вершинах горных цепей Пикась, Укелаят и Ватына (все три в пределах Камчатской области), преимущественно на северных склонах. Всего на Корякском нагорье 282 ледника общей площадью 180 кв. км.

Рек меньше, чем на полуострове Камчатка, однако в среднем они превосходят по длине и по площади бассейна камчатские реки. Питание рек преимущественно снеговое, по характеру течения почти все реки относятся к горным.

Растительность достаточно чётко разделяется на три пояса. В самом нижнем, в межгорных долинах, на песчано-галечных почвах речных пойм распространены рощи тополей, ивы и другие. Там же, на глинистых и суглинистых почвах, простираются осоковые тундры. В следующем, среднем поясе, шириной всего метров 150—200, растительность представлена в основном

кустарниковыми зарослями, преимущественно кедрового стланика. Выше кустарников располагается пояс мохово-лишайниковой тундровой растительности. На самых высоких вершинах, покрытых каменными россыпями, встречаются участки, занятые арктическими пустынями.

Животный мир состоит, главным образом, из представителей восточно-арктической фауны. Характерно обитание многих видов, общих с Северной Америкой. Наиболее распространены чукотский заяц-беляк, восточный горностай, анадырская летяга; из птиц — жёлтая трясогузка, анадырская красношейка, северный малый дрозд. На морском побережье имеются обширные лежбища сивучей, тюленей, моржей и другого морского зверя. На прибрежных скалах располагаются многочисленные птичьи базары.

8. Анадырско-Пенжинская область притихоокеанских тундр и лесотундр

Анадырско-Пенжинская область представляет собой тектоническую депрессию, состоящую из Анадырской и Пенжинской впадин, разделённых Майнским антиклинальным поднятием. В пределы Камчатской области входит почти вся Пенжинская впадина и частично Майнское плоскогорье.

Рельеф в основном представляет собою низменную равнину, сложенную галечником, песком и суглинком. Местами поднимаются невысокие горы. Равнина в основном покрыта осоковыми тундрами и мохотравяными болотами.

В поймах речных долин встречаются рощи тополя, каменной берёзы и других деревьев. Во внутренних районах, под защитой горных цепей, встречаются небольшие участки редкостойной лиственницы.

На водоразделах, высоких склонах и на плоскогорьях обычны заросли кедровника, достигающего местами высоты два-три метра, с примесью камчатского ольховника. Кустарники во многих местах образуют своеобразные стелющиеся низкорослые леса.

Животный мир по своему составу относится к восточно-арктической фауне и является переходным от тундр к лесам. Большинство типичных представителей его те же, что и в Чукотской физико-географической области: чукотский заяц-беляк, восточный горностай, анадырская летяга, а из птиц — пеночка-таловка, анадырская гаичка, анадырская красношейка.

Глава 2. Отражение физико-географических характеристик в топонимике Камчатки

9. Географические названия, возникшие в связи с внешним видом названного объекта

Физико-географические характеристики нашли значительное отражение в топонимике Камчатки. Несмотря на очень большие вкрапления в последние времена посвятительных топонимов, удельный вес топонимов, прямо или косвенно связанных с географической средой, весьма велик. По выборочным подсчётам такие топонимы составляют 55—65 %, а в отдельных случаях даже 80 % от общего количества.

Наиболее ранними следует считать топонимы, образовавшиеся в связи с внешним видом названного объекта. Самыми первыми из них появились названия, возникшие от местных географических терминов. Например, впервые увидев Ключевской вулкан, казаки назвал его «Горелой сопкой». Со временем Горелая сопка стало именем собственным. Позже выяснилось, что Горелая сопка у селения Ключи не единственная. Для различия к общему названию «Горелая сопка» стало присоединяться конкретное определение: Ключевская горелая сопка, Авачинская горелая сопка и т. п.

Часто встречаются на Камчатке острые, обрывистые хребты с причудливыми зазубренными скалами на вершинах, называющиеся у местного населения востряками. Для различения друг от друга и к вострякам прибавляли соответствующее определение. До сих пор наносятся на карты Ганальские востряки — наиболее высокая часть Ганальского хребта, названного в связи с расположением поблизости от селения Ганалы. Селение в свою очередь получило название от проживания в этом урочище в начале XVIII в. ительмена Ганалы.

Подобный способ образования географических названий — местный географический термин с присовокуплением определения, показывающего местонахождение объекта — широко распространён по всей территории СССР (Мурзаевы, 1959).

Часто встречаются названия, прямо вытекающие из внешнего вида географического объекта. Из существующих в настоящее время можно назвать горы или потухшие вулканы Конус, неподалёку от устья реки Хайрюзовой, Острая (Южно-Быстринский хребет), Плоская (Ближняя и Дальняя Плоские сопки Ключевского дола), Призма (западное побережье), Столовая, то есть гора с вершиной,

подобной поверхности стола (восточный берег Пенжинской губы), Тупая (к северо-западу от горы Асачи) и многие другие.

В ряде названий отражено сходство форм рельефа с другими предметами — гора Казарменная (остров Беринга), напоминающая по форме юрты, в которых размещались казармы промышленных людей Российско-Американской компании (Суворов, 1912), гора Колхозная (Кроноцкий полуостров), в форме которой усмотрено сходство со скирдой (Гаврилов, 1944). С первого взгляда можно понять и причины таких названий, как гора Монастырь (окрестности Петропавловска-Камчатского), Шапочка (к северо-западу от Авачинской губы), Шлем (бассейн реки Седанки) и ряда других.

Подобные названия встречаются и в языках коренного населения: Алнгей (по-корякски «самая высокая сопка»), Бакенин (искажение ительменского «баканг» — шалаш), напоминающая своей формой ительменский балаган (Крашенинников, 1949), Ипелька (искажение ительменского «аплькахь» — отлогий) с её очень отлогими склонами (Тюшов, 1906).

Здесь и в дальнейшем, говоря о топонимах на языках коренного населения, следует иметь в виду, что их переводы на русский язык во многих случаях нельзя считать достоверными. Более того, не всегда можно быть уверенным даже в принадлежности их к тому или иному языку. Всегда можно предполагать, что они пришли в корякский или ительменский язык из других, более древних, языков. В сущности, речь может идти только об осмыслении этих топонимов на современных языках, а в своём первоначальном виде они могли означать нечто совершенно иное.

Широко использовались внешние формы рельефа для образования названий и гидрографами, особенно в названиях мысов. Поныне существуют на карте Камчатки мысы Высокий (северо-восточное побережье), Горбатый (Карагинский остров), Арка (северо-восточное побережье), в котором вымыто круглое отверстие, наполовину скрытое под водой, Обрывистый (западный берег Пенжинской губы), Осыпной (Камчатский залив), Отвесный (Авачинский залив), Пирамидный (Авачинский залив), Пупырь (западный берег Пенжинской губы), напоминающий пупырышек, Складчатый (северо-восточное побережье) и другие. Многие из таких названий мысов повторяются.

В названиях мысов использовались и местные термины, связанные с рельефом. Более или менее протяжённый отвесный участок берега, не дающий возможности пройти непосредственно

у уреза воды, именуется непропуском или непроходом. Один из мысов на острове Беринга так и назван — мыс Непропуск, ибо он образован отвесным берегом. Для камчатских берегов типичны каменные столбы, образовавшиеся в результате выветривания и вымывания мягких пород. Их называют кекурами. Кекуры дали названия нескольким островам и мысам Кекурным. Наиболее примечательные кекуры имеют и собственные названия, например, скала Штык (Авачинский залив).

10. Другие случаи отражения физико-географической среды в топонимике

Отражение в топонимике форм рельефа встречается на Камчатке наиболее часто, но это не единственный вид отражения географической среды в топонимике.

Наличие современного вулканизма — одна из характерных для Камчатки черт. Вулканические явления отражены в топонимике гораздо меньше, чем можно было бы ожидать. Да и то названия обычно связаны не с вулканизмом, а с сопутствующими ему явлениями.

Сравнительно недавно появилось название «Долина гейзеров», из которой вытекает река Гейзерная. Смысл обоих названий не требует пояснений, как и смысл названий ряда гейзеров: Бурлящий, Парящий и т. п. (Набоко, 1954; Устинова, 1955; Виноградов, 1964).

В связи с наличием горячих источников названа и река Банная, хотя в данном случае налицо и переосмысление её древнего ительменского названия Бааню, смысл которого неизвестен. Горячие источники ассоциировались с баней, благодаря чему непонятное слово приобрело какой-то смысл.

С некоторой натяжкой сюда же можно отнести название кратера Апахончич (юго-восточный склон Ключевского вулкана). «Апахончичами» ительмены называли вулканы с более или менее регулярными извержениями. Прямой смысл этого слова что-то вроде «огнедышащая гора» (Башарина, 1953).

Думается, что вулканическая деятельность должна была бы найти отражение и в топонимике коренного населения, но достоверные данные об этом отсутствуют. Имеется только предположение Б. И. Пийпа (1948), что название вулкана Шивелуч есть искажение ительменского слова «суэличь», как они называли вулканы с продолжительными периодами покоя между

редкими извержениями в отличие от регулярно извергавшихся «апахончичей».

Во многих топонимах отразился животный мир Камчатки. Зачастую такие топонимы не являются чисто описательными, а заключают в себе и промысловую характеристику названного объекта. Они показывают не только факт обитания тех или иных животных в данном месте, но и отмечают места промысла их. Названия производственно-промыслового характера появились позже описательных, но разделить их весьма затруднительно, так как точные данные о времени возникновения топонима в большинстве случаев отсутствуют, а любое место обитания в конце концов становилось местом промысла.

Мыс Аргали (Шипунский полуостров) назван так по причине обитания на нём в большом количестве горных баранов породы аргали. Мыс Ара (полуостров Ильпыр) — по причине гнездования многочисленных стай ар. Ары дали название и многочисленным Арьим камням, которые имеются на карте Камчатки повсеместно. На Китоловной барке (остров Медный) в середине прошлого века промышляли китов.

Мыс Монати (остров Беринга) — единственное на Дальнем Востоке место, где обитание морских коров подтверждено достоверными данными. В названии мыса допущена некоторая ошибка: морские коровы не тождественны с монатами, живущими у берегов Южной Америки, хотя они относятся к одному и тому же отряду.

Мыс Ориа (Ильпинский полуостров) получил своё название от латинского наименования гнездующейся на нём породы уток. На Орловой реке (бассейн реки Еловки) действительно жили орлы. В бухте Турпанка (Авачинская губа) гнездовали утки-турпанки. Точно так же прямо связаны с фауной Камчатки такие названия, как Баранья гора (южная часть полуострова), осыпь и озеро Лахтак (устье реки Камчатки), селение Медвежка (Олюторский район), озеро Нерпичье (устье реки Камчатки), бухта Чавычья (Авачинская губа), селение Соболево (западное побережье), бухта Тюленье озеро (Олюторский полуостров), бухта Чаячья (Камчатский залив), не говоря уже о многочисленных Сивучьих камнях, Сивучьих, Старичковых и Топорковых островах.

Представители флоры в основном давали названия рекам. Почему-то, несмотря на достаточное богатство и разнообразие растительного мира, для образования топонимов использовалось крайне ограниченное число его представителей, в результате чего на карте и в устном употреблении встречается по нескольку рек

Берёзовых, Тополовых, Лиственничных, Осиновых, Ольховых и т. п. Есть, конечно, и такие названия, которые встречаются только по одному разу: река Морошечная, бухта Ягодная, бухта Моховая и другие.

Многие реки названы в связи с характером их течения. Эти названия также неоднократно повторяются: реки Быстрые, Мутные, Тихие и т. п. встречаются во всех районах Камчатки. Несколько раз в названиях рек отражено вытекание из озёр (несколько рек Озерных), а в названиях поблизости расположенных объектов — наличие на реке водопадов и водоскатов (мысы Водопадский и Водопадный) или порогов (селенье Запорожье).

То же можно сказать и о названиях рек на корякском и ительменском языках. Среди них река Анаук (по-корякски — лиственничная), река Таловоем (по-корякски — тополовая) и другие. Примерами отражения физико-географических характеристик могут служить река Ликвен (по-корякски — мутная), река Воямполка (по-корякски — река утопленников, которые не могли справиться с её быстрым течением), река Гытгапель (по-корякски — озерная), река Илилывин (по-корякски — островная), река Палана (по-корякски — водопадная) и другие.

Примером использования растительного мира могут служить названия селения Вэхлькун — «место, где много кипрея», селение Хычьет (ныне Палана) — «кедровое место».

В гористой местности обычны каменные россыпи и выходы на поверхность скальных пород. В таких местах возникли названия от слова «камень» — бухта Каменистая, вулкан Каменистый, источник Каменка, ручей Каменный и т. п.

Не очень часто, но встречаются и случаи, когда наиболее подходящей характеристикой для названия объекта оказывался цвет его. На картах имеются сопка Беленькая, вулкан Белый, ледник Жёлтый, два мыса Жёлтых, мыс Полосатый, сопка Красная, два мыса Красных, урочище Чёрный Яр и Красный Яр, мыс Серый, мыс Чёрный и другие.

Несколько раз использованы при образовании топонимов глубины: бухта Глубокая, где глубины от тридцати метров на входе внутри бухты увеличиваются до ста метров; бухта Шестифутовое озеро с однообразными глубинами по всей акватории её, почти равным шести футам; залив Мелководный и некоторые другие.

Вышеприведённые примеры не исчерпывают всех вариантов использования элементов географической среды для образования географических названий.

Следует также отметить, что эти примеры отнюдь не следует рассматривать как попытку классификации географических названий в зависимости от отражённых в них элементов географической среды («по рельефу», «по растениям» и т. п.). В любом случае использование для образования топонима какой-либо физико-географической характеристики называемого объекта не является чем-то характерным или определяющим. С равным основанием можно описать объект в названии его и с использованием совершенно иных понятий. Всё зависит от того, что окажется наиболее важным для назывателя (а иногда и покажется).

Глава 3. Общая характеристика топонимики Камчатской области

11. Некоторые особенности камчатской топонимики

Камчатская топонимика во всех отношениях не имеет принципиальных отличий от топонимики прилегающих территорий Дальнего Востока, от топонимики Восточной Сибири, да и от топонимики всего Советского Союза. Вместе с тем, в ней есть некоторые особенности, хотя и не имеющие особо существенного значения, но придающие ей известное своеобразие.

Однородные объекты с одинаковыми названиями встречаются по всей территории Советского Союза, но на Камчатке их удельный вес несколько больше, чем в остальных областях. По справочнику «Камчатская область» (1962) тридцать четыре населённых пункта (16 % всех населённых пунктов) имеют одинаковые или практически одинаковые названия (Берёзовка и Берёзовый, Большерецк и Большерецкий, два Кедровых, три Кирпичных, Козыревск и Козыревское и др.). Ещё больше одноимённых рек, гор и других объектов.

Точно так же обычно для всего Советского Союза образование географических названий от названий других, поблизости расположенных объектов. Нередко в результате таких заимствований образуются целые «цепочки» одноименных разнородных объектов: река, селение на ней, гора, административный район и т. п. Удельный вес таких «цепочек» на Камчатке больше, чем в других областях, а сами «цепочки» длиннее. Например, от названия реки Камчатки образованы существующие и в наше время названия двух полуостровов (Камчатка и Камчатский), мыса (Камчатский), двух населённых пунктов (Усть-Камчатск и Нижнекам-

чатск), двух административных образований (Усть-Камчатский район и Камчатская область), залива (Камчатский), хребта (Камчатский), горы на нём (Камчатская) и реки (Озерная Камчатка). Если же к этому прибавить сравнительно недавно исчезнувшие с карт названия двух населённых пунктов (Верхнекамчатск и Среднекамчатск) и сопки (Камчатская вершина), то получится цепочка в пятнадцать топонимов.

Аналогично, острог, поставленный на реке Козыревке, стал называться Козыревским, затем назвали Козыревской гору неподалёку от него, потом водораздельный хребет между реками Козыревкой и её притоком Быстрой также назвали Козыревским. На реке Толмачевой стояло селение Толмачево, Толмачевым же назван и потухший вулкан неподалёку, хребет на котором стоит вулкан, назван Толмачевскими горами, а озеро в его кальдере — Толмачевым озером. Примеры «цепочек» можно привести также, если принять за исходную точку названия рек Ичи, Авачи, Ключевки и других.

Повсюду встречаются случаи, когда один и тот же объект имеет несколько различных названий. Возможно, что и в этом Камчатка превосходит остальные области, хотя для категорического утверждения данных нет. Одна из причин синонимики — небольшая ширина полуострова, благодаря чему горные вершины во многих случаях видны с обоих берегов полуострова. Жители западного и восточного берегов называли их по-разному, затем приходили исследователи и также давали свои названия. Мореплаватели, нанося приметные горные вершины на карту, тоже называли их по-своему. К тому же в прошлом веке очередной исследователь далеко не всегда знал о работах своих предшественников, что ещё более увеличивало количество синонимов.

Например, жители западного побережья называли сопку к северо-востоку от Курильского озера Озерной, хотя древнее ительменское название её Вине. А жителям восточного побережья эта сопка была известна под названием Ильинская. Мореплаватели же нанесли её на карты под названием Вторая сопка, ибо она была второй по счёту приметной вершиной, если начинать от Лопатки.

Другой пример. Казаки назвали сопку Камбальной, что было для них гораздо удобнее, чем название коренных обитателей — Мутенкуп. Прошло время, и мореплаватели стали называть её Первой сопкой. Затем И. Ф. Крузенштерн назвал её сопкой Кошелева. В 1908 г. топограф Камчатской экспедиции Географического общества А. Ф. Машковцев обнаружил к северо-западу от сопки

Кошелева другую значительную вершину. Полагая её безымянной, чтобы восстановить казачье название Камбальной, он перенёс на неё название «Сопка Кошелева». На самом деле сопка уже имела два названия — ительмены называли её Чаохч, а коренное русскоязычное население — Широкая (Конради и Келль, 1925).

Ещё один пример. Жители долины реки Паратунки с давних пор промышляли зверя в районе верховьев реки. С этой же сопки начиналась река Мутная. Поэтому паратунцы именовали сопку Мутновской. А мореходы-промышленники дали ей название Поворотная, так как восточный берег полуострова от мыса Лопатки до мыса Поворотного, образованного одним из отрогов этой горы, идёт примерно на северо-восток, а здесь поворачивает почти точно на север. Сопка и ориентировала их на поворот (Гультен, 1925). Подобные примеры можно продолжить.

Наконец, нигде так не распространены топонимы, образованные от личных имён, как на Камчатке. В особенности это относится к названиям рек. Количество подобных топонимов настолько велико, что в случае отсутствия данных о названии отнюдь не бессмысленно начать с выяснения вопроса: не могло ли оно быть связано с личным именем?

Об островке Хлебалкине не имелось никаких сведений, кроме местонахождения острова и его существующего названия. Не дала существенных результатов попытка выяснить время его возникновения, так как островок по своей малости наносился на карты без названия, а то и вообще не наносился. Пришлось попытаться отыскать фамилию. Таковая нашлась в документах Петропавловского порта. Оказывается, в 1838—1842 гг. прапорщик корпуса флотских штурманов Алексей Хлебалкин командовал военным ботом «Алеут» [ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 373, л. 51—52]. Предположение о связи с его фамилией подтвердили и другие косвенные данные, а время службы его на Камчатке позволило установить и время возникновения топонима (Кусков, 1967-К).

Разумеется, обнаружив имя, от которого мог образоваться топоним, необходимо отыскать и другие подтверждения. Повторяющихся фамилий много, среди них окажется не одна, от которой мог бы образоваться топоним, поэтому без дополнительных подтверждений легко впасть в ошибку.

К северо-востоку от Олюторского полуострова расположен мыс Витгенштейна, хорошо известный мореплавателям своей приметностью. По мнению И. П. Магидовича (1953), так его назвал в 1828 г. Ф. П. Литке по фамилии генерал-фельдмаршала

П. Х. Витгенштейна, одного из руководителей русской армии в Отечественную войну 1812 г. Предположение, на первый взгляд, правдоподобное, но совершенно не соответствует действительности. Ни на картах Литке, ни в вахтенном журнале шлюпа «Сенявин» мыс Витгенштейна не фигурирует. Если же взглянуть на прокладку пути «Сенявина» на карте, то легко усмотреть, что, дважды проходя мимо мыса, шлюп не приближался к нему ближе, чем на шестьдесят миль. С такого расстояния и увидеть его затруднительно, а про нанесение на карту не приходится и говорить. Около шестидесяти лет после плавания Литке берег от мыса Олюторского до мыса Наварин наносился пунктирной чертой, чего не могло быть, если бы Литке картировал хотя отдельные участки на нём.

Впервые мыс Витгенштейна появился на картах в 1887 г., составленных по данным осмотра Ф. Ф. Гека в 1885 г. Сохранилась и подлинная рукописная карта Гека [ЦГА ВМФ, ф. 404, оп. 1, д. 157, л. 123]. Так что мыс назван не Литке, а Геком. Вряд ли Гек имел в виду фамилию фельдмаршала, скорее всего он и не слышал о нём. Точнее сказать, Гек вообще назвал его совсем по-другому. На упомянутой карте усматривается название мыс Фельдгаузена. Фельдгаузен тогда занимал должность главного командира портов Восточного океана, так что появление его фамилии на карте Гека вполне понятно. Перед отправкой бумаг в Санкт-Петербург Фельдгаузен заменил свою фамилию на фамилию Витгенштейна. Сомнительно, чтобы он вспомнил о фельдмаршале. Причина, видимо, должна быть ближе. Как раз в то время Приамурское генерал-губернаторство ревизовал некий генерал-майор Витгенштейн. Вот ему-то и польстил Фельдгаузен (Кусков, 1967-К). Вообще-то этот факт можно рассматривать как своего рода «взятку борзыми щенками». Во всяком случае, ни о каких нареканиях в связи с ревизией Витгенштейна неизвестно.

Без особых последствий прошла примерно в то же время и ревизия Командорских островов, проводившаяся чиновником Главного управления Восточной Сибири Сулковским, после которой на острове Медном появился мыс Сулковского. А вот фамилия полковника Волошинова, ревизовавшего тогда же Камчатку, на карте не появилась. Может быть, это случайность, но петропавловскому исправнику С. А. Херсонскому пришлось после ревизии Волошинова писать пространные объяснения [ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 423, л. 586—593].

Но далеко не все топонимы, представляющиеся с первого взгляда образованными от личных имён, являются таковыми на самом

деле. Река и бухта Квачина названы так не по фамилии Квачина, а в результате искажения ительменского слова «квачен». Река Мухина (а Мухиных по Камчатке хаживало немало) также искажение ительменского слова «муухин». На реке Орловой жили самые настоящие орлы, а ни с каким Орловым название не связано.

На юго-востоке Камчатки есть мыс и бухта Пиратковы. И они не имеют ничего общего с лицом по фамилии Пиратков, хотя существование такой фамилии вполне возможно. На карте 1826 г., составленной по работам Г. А. Сарычева, мыс наименован под названием Париосар. Что означает это название, и откуда оно взялось — неизвестно. Видимо, из-за своей непонятности оно и исчезло на следующей же карте. П. И. Ильин в 1830 г. назвал его на своей карте по-другому, хотя столь же непонятно — Пираткор. Отсюда до Пираткова совсем близко — осталось изменить всего одну букву, что и было сделано в скором времени.

Причиной очень большого количества образования топонимов от личных имён, что характерно не только для Камчатки, но и вообще для Дальнего Востока и Сибири, по мнению А. И. Воробьёвой (1965), послужили условия времени возникновения их. Заселялись новые места, плотность населения вообще невысокая, а русского — ничтожная, промысловые угодья длительное время используются одним человеком. При таких обстоятельствах топоним, образованный от личного имени, давал информацию более важную, нежели физико-географическая характеристика объекта. Нет никаких причин возражать против такого объяснения.

Распространение таких названий вело к тому, что и непонятные корякские и ительменские названия переиначивались так, что становились похожими на фамилии: река Толмачева, река Квачина и другие. Сейчас подобное образование топонимов встречается реже, но всё же оно довольно употребительно среди местного населения, когда ему приходится расширять официально существующую систему географических названий, недостаточную в охотничьей или в иной хозяйственной деятельности.

12. О количестве топонимов на Камчатке

По данным Е. М. Поспелова (1964), относящимся к густо заселённой и хорошо исследованной части центра европейской территории Союза, имеется следующая зависимость между масштабом карты и количеством топонимов, нанесённых на ней в пределах площади 1 100 кв. км:

Масштаб	Названия населённых пунктов	Названия других объектов	Всего
1 : 100 000	118	64	182
1 : 200 000	117	21	138
1 : 500 000	58	6	64
1 : 1 000 000	12	2	14

На территории Камчатки на карте масштаба 1 : 1 000 000 в пределах такой же территории наносится в среднем всего шесть топонимов, что можно объяснить значительно меньшим количеством населённых пунктов. Однако общий характер зависимости количества топонимов на карте от её масштаба, вероятно, такой же. То есть на карте масштаба 1 : 100 000 должно быть нанесено примерно в тринадцать раз больше топонимов, чем на карте масштаба 1 : 1 000 000. Считается также, что на самые подробные карты в лучшем случае наносится не более половины существующих топонимов (Никонов, 1964). В таком случае следует предположить, что с учётом малого количества населённых пунктов, незначительной плотности населения и недостаточной изученности на территории Камчатки должно насчитываться примерно шестьдесят тысяч топонимов. Эта цифра скорее занижена по отношению к действительному количеству их, чем завышена.

Как и везде, существующие на Камчатке топонимы далеко не охватывают всех объектов географической номенклатуры. Названия получают только те объекты, которые в этом нуждаются. Если какой-либо объект не имеет практического значения в деятельности человека, то он остаётся безымянным.

На карте Камчатки от мыса Лопатки до мыса Чажма легко усматривается сто семьдесят два мыса. Все они чётко выделяются и при визуальном обозрении местности. Только шестьдесят семь из них, то есть 39 %, имеют названия. Имеющееся количество топонимов вполне устраивает потребителей их, в первую очередь мореплавателей. Длина береговой черты от мыса Лопатки до мыса Чажма по сглаженной линии примерно семьсот шестьдесят километров. Таким образом, в среднем на каждые одиннадцать километров береговой черты имеется один мыс с названием. Такого количества в сочетании с названиями гор, бухт и других ориентиров, имеющих названия, вполне достаточно для нужд мореплавания.

Совсем другая картина на западном берегу. Примерно на такой же протяжённости его от мыса Лопатки до мыса Хайрюзова при самом тщательном изучении карты, с самыми большими натяжками можно выделить только пять мысов. Добрая половина их

практически не выделяется на местности при визуальном обозрении её. Тем не менее, все эти мысы имеют собственные названия: Лопатка, Камбальный, Сивучий, Левашова, Хайрюзова. Надо же иметь какие-то ориентиры с названиями и на западном, однообразном и слабо изрезанном, берегу.

Этот пример показывает, что для возникновения топонима решающее значение имеет не характер называемого объекта, не величина его, а потребность человека в каком-то количестве топонимов на единицу площади. Практикой такое количество вырабатывается более или менее постоянное. В пересечённых местностях с многочисленными возвышенностями, ущельями, лесами очень многие довольно значительные объекты остаются безымянными, ибо топонимов хватает и без них. В однообразной степной местности, в тундре особого названия удостаивается всё, что только можно назвать, вплоть до каждого деревца и даже каждого камня. И всё равно в таких местах названий не хватает. Это ощущают и охотники, и туристы, и геологи, и картографы, и представители различных других отраслей.

Разумеется, потребность в топонимах может быть самой различной. Пассажиру Ту-104, пересекающему Камчатку где-то на параллели Петропавловска-Камчатского, с избытком хватит двухтрёх топонимов (скажем, река Большая, Ганальский хребет и город Петропавловск-Камчатский), чтобы ориентироваться, описать свои впечатления, наконец, просто чувствовать себя в знакомых местах. Совсем по-другому будет смотреть тот, кто пройдёт это расстояние пешком. Ему понадобится куда больше топонимов — десятки, а может быть и сотни. Разумеется, соответствующее количество ориентиров в данном случае найдётся. Между Петропавловском-Камчатским и устьем реки Большой недостатка в них не будет.

12. Языковой состав камчатской топонимики

В настоящее время на карте Камчатки существуют топонимы, образованные на основе лексики семи языков: русского, корякского, ительменского, чукотского, юкагирского, эвенского и алеутского. Конечно, не исключено, а, наоборот, в обязательном порядке предполагается, что в формировании её принимали участие и другие языки. Вполне возможно, что какой-либо топоним, считающийся ныне корякским, фактически заимствован коряками из какого-то более древнего языка. Однако на карте усматриваются

лишь топонимы перечисленных выше семи языков. В некоторых работах указывается на наличие на Камчатке айнских (Берг, 1946; Воскобойников, 1962-К, 1962-С) и эскимосских (Вдовин, 1961) топонимов. Подобные предположения не находят подтверждения ни на карте, ни в письменных источниках. Ниже вопрос о наличии айнских и эскимосских топонимов рассматривается подробно.

Некоторые статистические данные о камчатских топонимах, полученных с карты масштаба 1 : 1 000 000, показаны в нижеприведённой таблице:

Топонимы	Количество в % от общего	Площадь ареала в % от площади области	Наибольшая плотность, %/район
Русские	49,5	97	100, о. Беринга
Корякские	24,4	60	100, Корякское нагорье
Ительменские	19,7	52	73, с. Ганалы
Чукотские	4,7	24	60, на границе с Магаданской областью
Юкагирские	1,4	15	50, бассейн р. Пенжины
Эвенские	0,4	4	13, с. Эссо
Алеутские	0,04	0,7	5, о. Медный

Под плотностью в таблице и далее следует понимать отношение топонимов на данном языке к общему количеству топонимов.

Как уже сказано, данные таблицы и схемы 1 получены с карты масштаба 1 : 1 000 000 и, по-видимому, в какой-то степени отличаются от действительности, ибо на карты такого масштаба наносится примерно 5 % от общего количества топонимов.

Преобладание русских топонимов, как по количеству, так и по площади распространения, очевидно. Они составляют почти половину всех топонимов на карте Камчатки и распространены практически по всей территории области. Нетрудно понять причины этого. Главная из них — выполнение картографических работ русскими картографами. Естественно, что они сохраняли имевшиеся русские названия, а также называли по-русски безымянные объекты и объекты, местные названия которых остались для них по каким-то причинам неизвестными или оказались неудобными для нанесения на карту.

По сей день, наряду с официальными русскими названиями, ряд географических объектов имеют и названия на языках коренного населения. Селение Тигиль, названное так русскими в связи с расположением на реке Тигиль, ительмены называют Самзат, или Самжат, то есть «крепость», коряки — Вуйвэн. Селение Сопочное ительмены называют Сузх, что по данным В. П. Мартыненко означает «место, окружённое сопками», «многосопочное место»

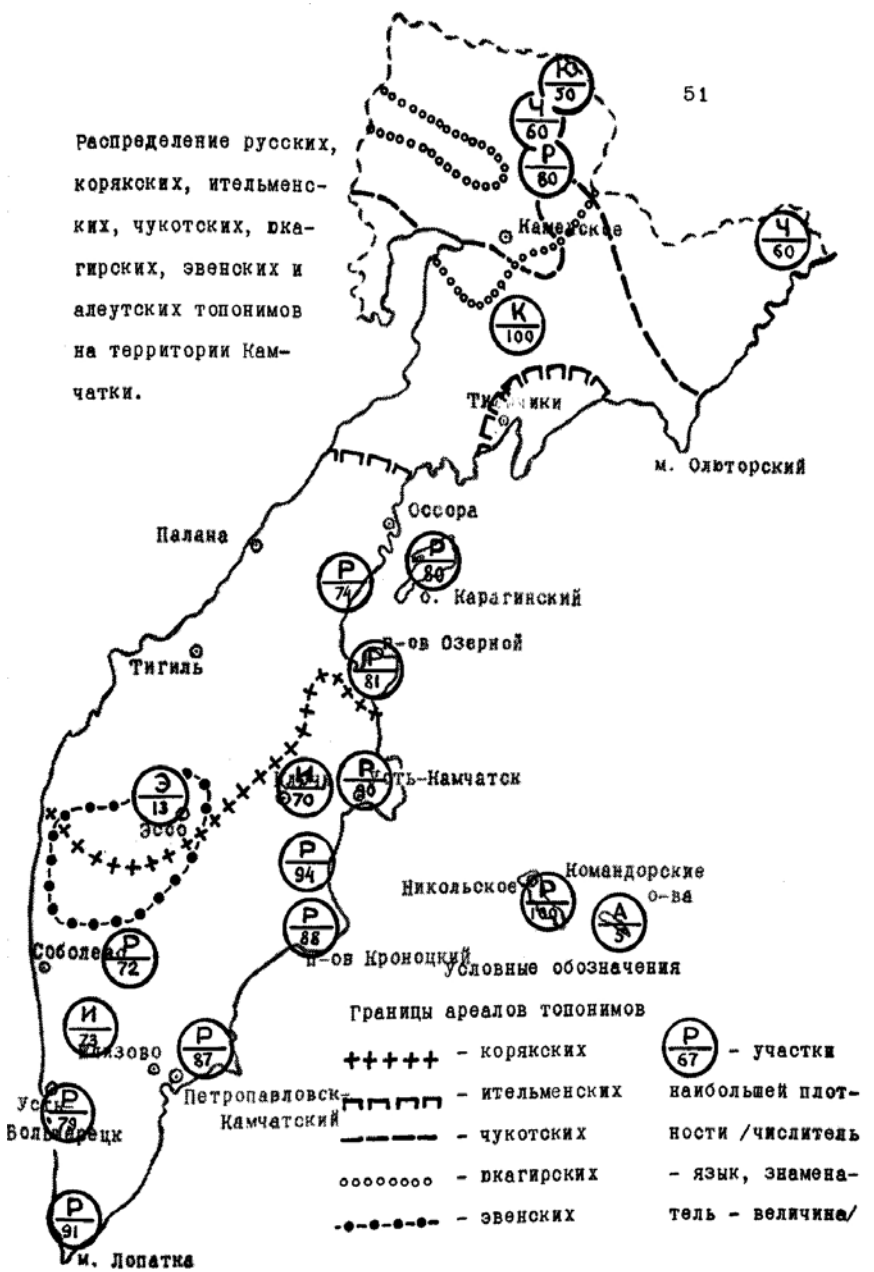

51
Распределение русских, корякских, ительменских, чукотских, юкагирских, эвенских и алеутских топонимов на территории Камчатки.
Ю 30
Ч 60
Р 80
Камчатские
Ч 60
К 100
Тигильский
м. Олюторский
Оссора
Палана
Р 74
Р 80
с. Карагинский
п-ов Озерной
Р 81
Тигиль
Э 13
Эссо
Усть-Камчатск
Р 94
Р 88
п-ов Кроноцкий
Никольское
Командорские о-ва
Соболево
Р 72
И 73
Р 87
Анзово
Петропавловск-Камчатский
Усть-Большерецк
Р 79
Р 91
м. Лопатка
Условные обозначения
Границы ареалов топонимов
- корякских
- ительменских
- чукотских
- юкагирских
- эвенских
Р 67 - участки наибольшей плотности /числитель - язык, знаменатель - величина/

Схема 1

(Мартыненко, 1966), хотя Е. П. Орлова переводит данное слово совсем иначе — «ящерица». Употребление ительменских названий весьма ограничено. Оно гораздо меньше, чем, например, употребление названия «Нижний Новгород» вместо «Горький».

Корякские названия более употребительны. В районах с преобладающим корякским населением многие объекты называют только корякскими названиями, а нанесённые на карту русские названия не только неупотребительны, но и неизвестны. Причина в том, что коряки, в сравнении с ительменами, в гораздо большей степени сохранили свои национальные особенности, в том числе и язык. Ительмены же практически обрусели.

В некоторых районах, например, на восточном побережье, местное население полностью вымерло во время эпидемии оспы в начале XIX в. Хранить старые названия оказалось некому. Там сохранились лишь те названия на местных языках, которые успели раньше войти в обиход русскоязычного населения, хотя бы и в искажённом виде.

Наконец, в ранее необитаемых районах, например, на Командорских островах, не существовало никаких названий. Понятно, что всё называлось только по-русски. Алеуты, поселённые на Командорские острова позднее, не могли существенно воздействовать на сложившуюся систему русских названий.

Вышеизложенные причины обусловили крайне неравномерное распределение русских топонимов на территории Камчатки (схема 2). По юго-восточному побережью идёт полоса их с плотностью выше 70 %. В ряде участков плотность выше 90 %. Это мыс Лопатка (91 %), селение Жупаново (94 %), селение Усть-Камчатск (90 %).

К западу и к северу от этой полосы плотность убывает, постепенно доходя до нуля на Корякском нагорье. Однако в ряде участков встречается существенное повышение плотности — выше 70 %. Такие увеличения есть в устье реки Большой (79 %), в верховьях реки Камчатки (72 %), у селения Мильково (71 %), в нижней части среднего течения реки Камчатки и в бассейне реки Еловки (71—75 %), в среднем течении реки Пенжины (80 %), на полуострове Озерном (81 %), в бассейне реки Ивашки (74 %) и на острове Карагинском (80 %).

Все они легко объясняются историческими причинами. Это либо районы, с которых началось освоение Камчатки русскими (устье реки Большой, долина реки Камчатки и другие), либо участки побережья, описанные русскими мореплавателями без участия местного населения (полуостров Озерной, остров Карагинский).

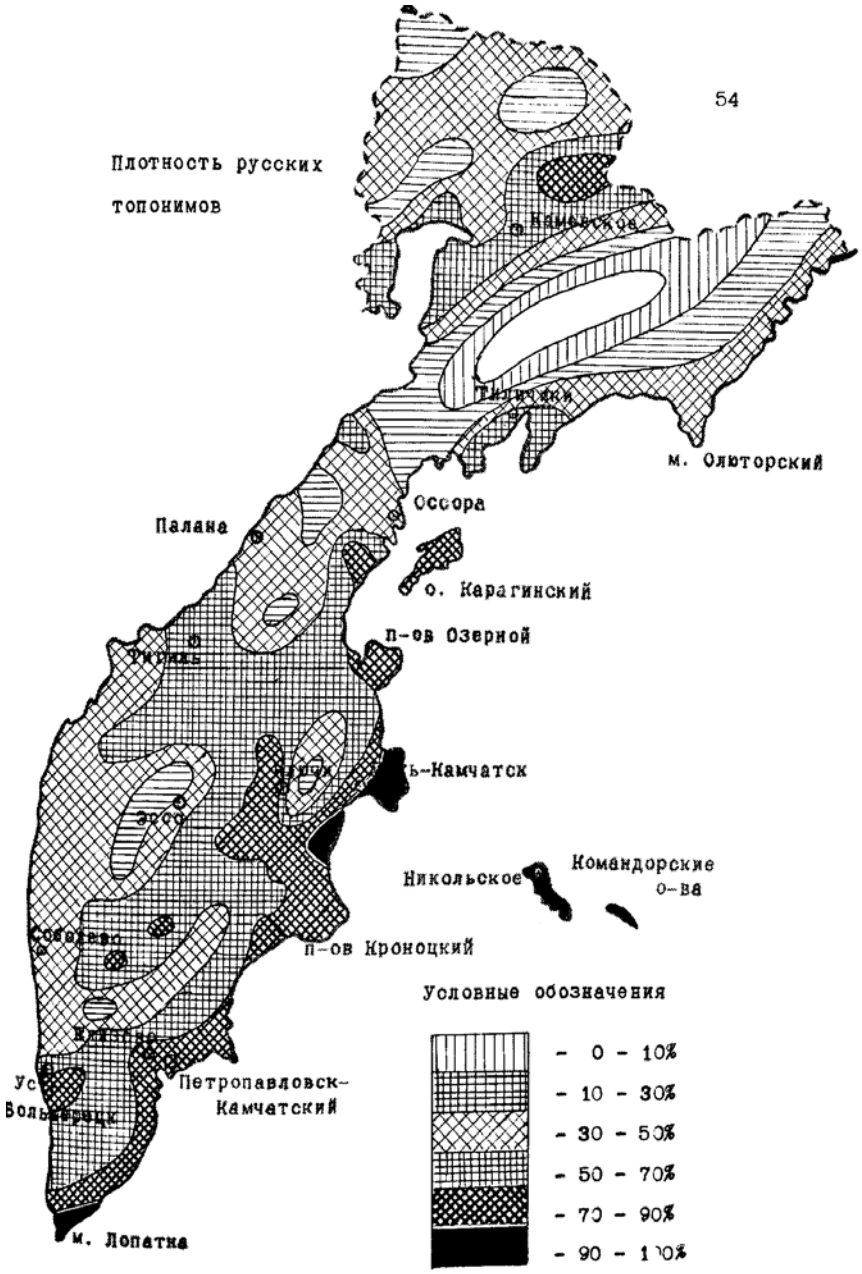

54
Плотность русских
топонимов
Тигильский
м. Олюторский
Палана
Оссора
о. Карагинский
п-ов Озерной
Усть-Камчатск
Никольское
Командорские
о-ва
п-ов Кроноцкий
Условные обозначения
- 0 - 10%
- 10 - 30%
- 30 - 50%
- 50 - 70%
- 70 - 90%
- 90 - 100%
Петропавловск-
Камчатский
м. Лопатка

Схема 2

Следующими, как по количеству, так и по площади распространения, идут корякские топонимы. Они составляют примерно четверть общего количества топонимов на карте масштаба 1 : 1 000 000 и встречаются почти на двух третях территории Камчатки. Любопытно отметить, что южная граница их ареала практически совпадает с южной границей Корякского национального округа (схема 3).

Наибольшей плотности корякские топонимы достигают в середине Корякского нагорья, откуда более или менее равномерно уменьшаются во все стороны, в какой-то степени следуя очертаниям Срединного хребта.

Ительменские топонимы встречаются на всей территории полуострова Камчатка, то есть на половине площади области, и составляют примерно одну пятую от общего количества топонимов. С севера их распространение ограничено параллелью 60°, если не считать небольшого участка в районе полуострова Говена. Наибольшая плотность их отмечена в верховьях реки Большой (73 %) и в нижнем течении реки Камчатки к востоку от селения Ключи. Изменение плотности в силу длительного вытеснения ительменских топонимов русскими, а в некоторой степени и эвенскими, выглядит на карте довольно причудливо (схема 4).

Совсем незначительно количество эвенских топонимов, что объясняют сравнительно коротким историческим периодом, в течение которого имело место их возникновение. Эвены прикочевали на Камчатку примерно в 1840 г. Малая численность их препятствовала созданию достаточно развитой системы географических названий на эвенском языке. К тому же им приходилось утверждаться на территории, где уже давно вошли во всеобщее употребление русские и ительменские топонимы. В результате их ареал охватывает всего 4 % от территории области. Границы его хорошо совпадают с границами Быстринского района, в котором административно объединены в настоящее время эвены. Наибольшей плотности — 13 % — они достигают в районе селения Эссо, районного центра.

По тем же причинам алеутские топонимы встречаются на карте в единичных случаях.

Ареалы чукотских и юкагирских топонимов лишь частично размещаются на территории Камчатской области, тем не менее, и те, и другие превосходят эвенские и алеутские топонимы, как по количеству, так и по площади распространения.

Чукотские топонимы чрезвычайно схожи с корякскими по корням и, особенно, по терминологическим форматам. Во многих

случаях при отнесении того или иного топонима к корякским или чукотским возникают затруднения, почему не исключено наличие ошибок. Наиболее вероятно, что такие ошибки привели к некоторому увеличению числа чукотских топонимов и, соответственно, к такому же уменьшению корякских. Однако вряд ли ошибки настолько велики, чтобы исказить общую картину.

Несомненно, что за пределами Камчатской области, в Чукотском национальном округе, плотность должна достигать 100 %. На границе Камчатской области она доходит до 60 % (схема 5).

Юкагирские географические названия встречаются в небольшом количестве в бассейне реки Пенжины. На границе с Магаданской областью их плотность достигает 50 %. Можно предположить, что за пределами Камчатки их плотность увеличивается, но не очень значительно (схема 4).

Следует ещё раз оговориться, что вышеприведённые данные относятся к карте масштаба 1 : 1 000 000. Не подлежит сомнению, что в обиходе эвенов и алеутов используется достаточно большое количество топонимов, образованных на их родном языке.

Рассматривая географическое названия разных языков в совокупности (схема 1), легко усмотреть, что в большинстве случаев, на 52 % территории области, встречаются топонимы на двух языках. Немало и таких районов, где встречаются топонимы на трёх языках — 36 % площади области. Всего на 7 % площади области встречаются топонимы на четырёх языках, а на 5 % — на одном языке.

Таковое распределение топонимов позволяет считать камчатскую топонимику в основном двуязычной. Если же перейти к более развёрнутой характеристике, то камчатская топонимика образована русским, корякским и ительменским языками с небольшими вкраплениями чукотского, юкагирского, эвенского и алеутского языков.

14. О возможности существования на Камчатке эскимосских и айнских географических названий

Как уже говорилось, некоторые исследователи считают, что на Камчатке имеются географические названия и на других языках, в частности, на айнском и эскимосском. В принципе, в таком предположении нет ничего невероятного, но ни одного айнского или эскимосского географического названия не обнаруживается ни на карте, ни в документальных источниках.

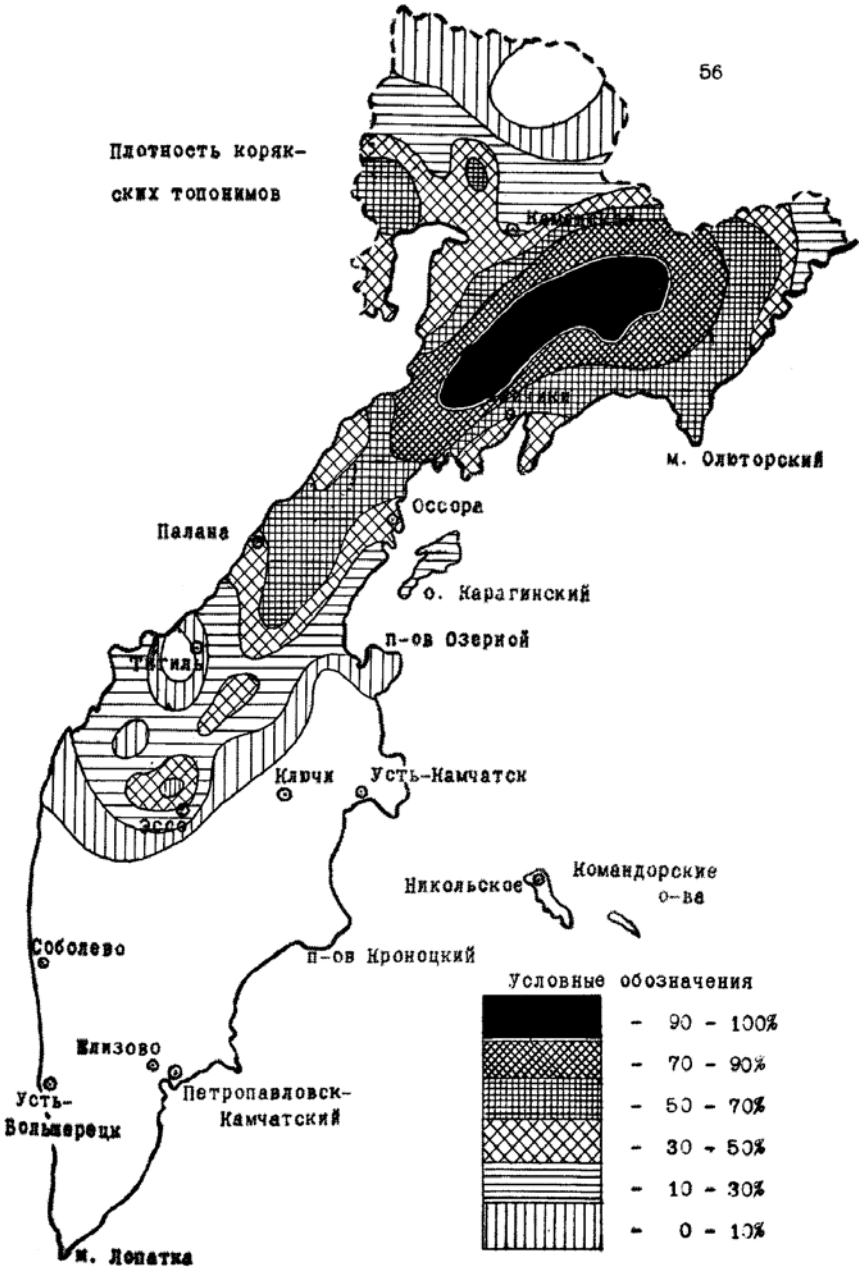

56
Плотность коряк-
ских топонимов
Камчатка
м. Олюторский
Оссора
Палана
о. Карагинский
п-ов Озерной
Тигиль
Ключи
Усть-Камчатск
Никольское
Командорские
о-ва
Соболево
п-ов Кроноцкий
Условные обозначения
- 90 - 100%
- 70 - 90%
- 50 - 70%
- 30 - 50%
- 10 - 30%
- 0 - 10%
Елизово
Петропавловск-
Камчатский
Усть-
Вольнерецк
м. Лопатка

Схема 3

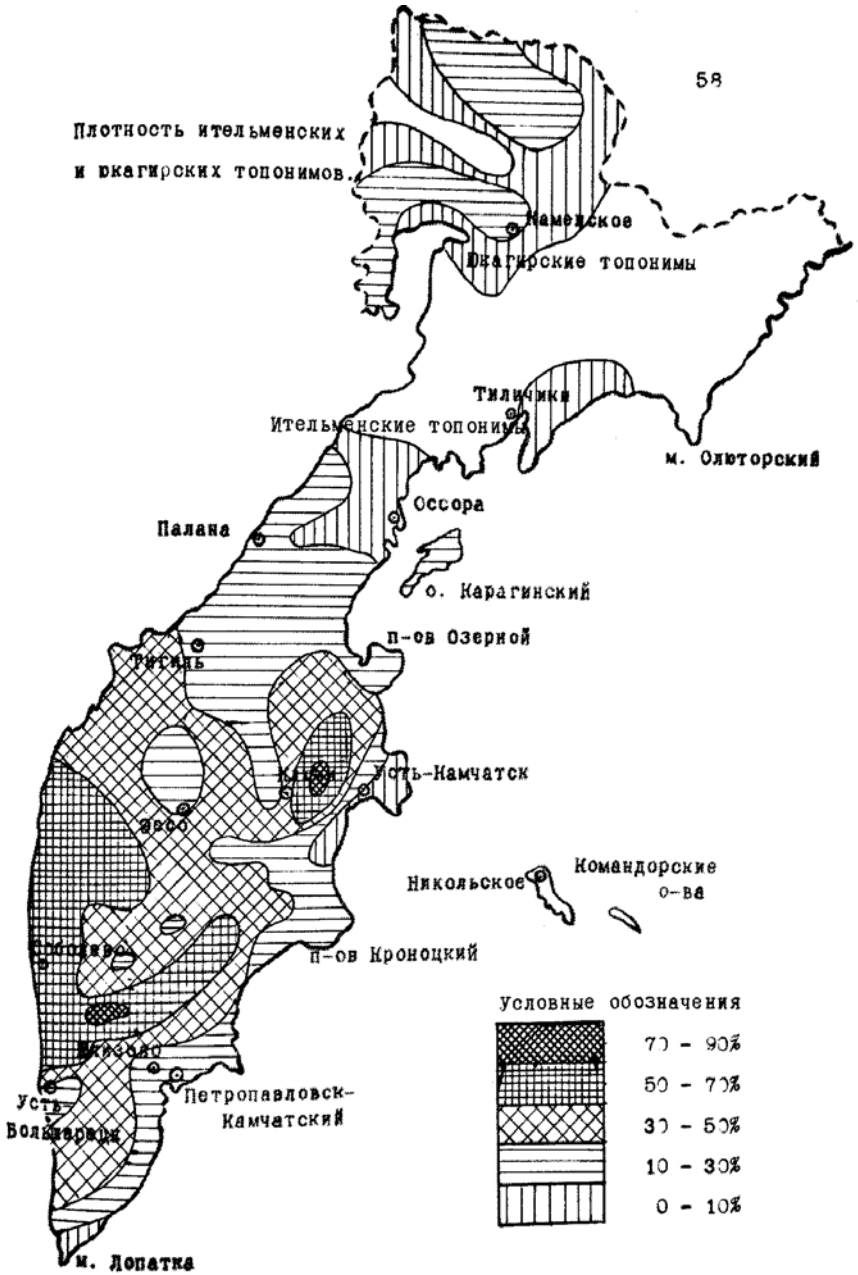

58
Плотность ительменских
и вкагирских топонимов.
Каменское
Вкагирские топонимы
Тилячики
Ительменские топонимы
м. Ольторский
Оссора
Палана
о. Карагинский
п-ов Озерной
Тигиль
Усть-Камчатск
Ключи
Эссо
Никольское
Командорские
о-ва
п-ов Кроноцкий
Условные обозначения
70 - 90%
50 - 70%
30 - 50%
10 - 30%
0 - 10%
Петропавловск-
Камчатский
Усть-
Большерецк
м. Лопатка

Схема 4

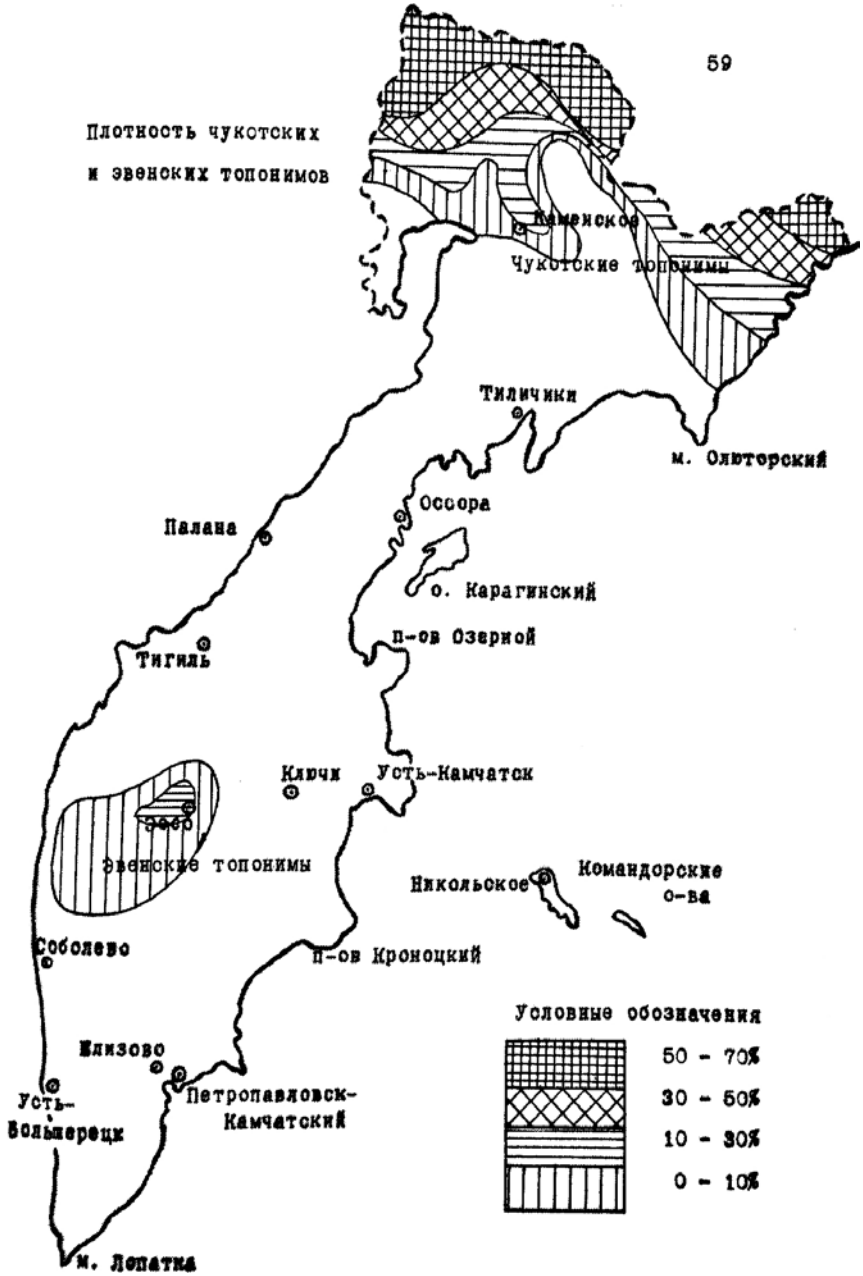

59
Плотность чукотских
и эвенских топонимов
Каменское
Чукотские топонимы
Тиличики
м. Олюторский
Оссора
Палана
о. Карагинский
п-ов Озерной
Тигиль
Ключи
Усть-Камчатск
Эвенские топонимы
Никольское
Командорские
о-ва
Соболево
п-ов Кроноцкий
Условные обозначения
50 - 70%
30 - 50%
10 - 30%
0 - 10%
Елизово
Петропавловск-
Камчатский
Усть-
Большерецк
м. Лопатка

Схема 5

О наличии айнских топонимов В. И. Воскобойников писал: «Айнских (курильских) названий на Камчатке очень мало (не более одного десятка), но и они подверглись изменению. Река Кожогчи превратилась у русских в Кошегочик, река Иавина — в Явину и т. д.» (Воскобойников, 1962-К, с. 56). На схеме, имеющейся в той же работе, показано, что айнские топонимы встречаются на южной оконечности полуострова — мысе Лопатка. Остаётся неизвестным, сколько всего айнских топонимов было известно В. И. Воскобойникову, так как других примеров, кроме рек Кошегочика и Явиной, он не приводит. Надо полагать, что в качестве примера он привёл те топонимы, айнское происхождение которых представлялось ему наиболее доказанными.

Сначала следует заметить, что вряд ли возможно безусловное отождествление айнов и курилов. Казаки называли курилами, или курильцами, одно из ительменских племён, живших на юге полуострова. От названия племени возникли такие топонимы, как Курильское озеро, Курильские острова. После походов на Курильские острова курильцами стали называть и жителей островов — айнов. Однако казаки чётко разделяли одних от других. Жители первых двух островов (Шумшу и Парамушира) были тесно связаны с полуостровными курильцами. Между ними имелись регулярные связи и родственные отношения. Про шумшинцев и парамуширцев казаки говорили, что это «не самые (то есть не настоящие) курилы». Настоящими курилами они считали жителей следующих к югу островов, то есть айнов.

Но дело даже не в этом. И Кошегочек, и Явина — русские названия. «Ишхачан-речка зовётся просто Явиною, которое происходит от испорченного Аанган», — писал С. П. Крашенинников (1949, с. 142). Далее он пояснял, что Аанган — главный приток реки Ишхачан. Может быть, С. П. Крашенинников ошибся в определении происхождения названия, его предположение не вполне убедительно, но суть его можно понимать только так: ительмены называли реку Ишхачан, а русские — Явиной. С. П. Крашенинников имел возможность изучать древние географические названия в почти нетронутом виде, поэтому для опровержения его точки зрения надо иметь очень основательные доводы.

Никаких доводов или хотя бы ссылок В. И. Воскобойников не приводит. Однако нетрудно догадаться о них. В списке использованной им литературы указана книга Л. С. Берга «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742 гг.» (1946). В этой книге в примечании на с. 70 мимоходом упоминается, что, по мне-

нию Тории, Явина — есть искажённое айнское «иавен» — долина. Работа Тории опубликована в 1919 г. в Японии на английском языке, на русский язык не переводилась. Тории занимался этнографией айнов и, в частности, искал места древнего обитания их. Одним из следов такового он считал географические названия. Это правильно, но единственным критерием отнесения того или иного топонима к айнским для Тории являлось созвучие его с тем или иным айнским словом. Созвучие — довольно ненадёжный критерий, оно неоднократно подводило исследователей. По-видимому, мимолётное упоминание Берга и послужило основанием для Воскобойникова.

Нельзя считать айнским и название реки Кошегочек. Упоминает С. П. Крашенинников и о нём: «В семнадцати верстах от Ишхачана течёт речка Кылхта, а по-казачьи Кошогочик» (Крашенинников, 1949, с. 142). Таким образом, и Кошегочик — русское название. О причине его достоверно неизвестно, но можно предположить, что оно произошло от встречавшегося среди ительменов имени Кожогчи. Во времена Крашенинникова человек с таким именем жил на реке Явиной. Вполне возможно, что тёзка его, а может быть, и он сам, когда-то жил на Кылхте. В подобном случае название реки вполне могло образоваться от этого имени. Подобных примеров образования топонимов казаками множество. Правда, подобная конструкция названий возникала в несколько иных случаях. Название реки Толбачик, например, образовано в результате искажения ительменского названия Тулуачь, Кихчик — искажение Хчукыг и т. д. От имени Кожогчи было бы более вероятным ожидать образования названия Кожогчева река (по аналогии с Амшигачевой) или Кожогчина (аналогично с Квачиной). Но, так или иначе, образование казаками названия реки от имени айна (если допустить, что Кожогчи айн) вряд ли может служить основанием для отнесения такого топонима к айнским.

Впрочем, в следующей своей работе В. И. Воскобойников уже ничего не пишет об айнских топонимах (1962-С). Из первой его работы имеется ряд заимствований об айнских топонимах, например, у В. А. Жучковича (1965, 1968).

Предположение о наличии на Камчатке эскимосских топонимов высказано И. С. Вдовиным (1961, с. 37). В качестве примеров он приводит свыше десятка топонимов. Единственное основание для того, чтобы считать их эскимосскими, — возможность этимологии на эскимосском языке. Однако с такой же, то есть очень небольшой, достоверностью их можно этимологизировать и на

корякском, и на ительменском языке. В сущности, речь идёт не более чем о мало-мальски правдоподобном созвучии. Такой приём может быть оправдан, да и то далеко не всегда, лишь в применении к топонимам, языковая принадлежность которых не вызывает сомнения.

Основная идея работы И. С. Вдовина — обоснование наличия в прошлом довольно тесных связей эскимосов с чукчами и коряками. В качестве одного из подтверждений он и приводит примеры наличия на Камчатке эскимосских топонимов. Не отрицая возможности существования на Камчатке топонимов, заимствованных из эксимосского языка, приходится всё же примеры И. С. Вдовина отклонить.

Г. А. Меновщиков (1963, с. 125) считает, что этимология И. С. Вдовина в большинстве случаев неточная. Её нельзя признать правильной, ибо она не укладывается в сложившиеся приёмы образования географических названий на эскимосском языке. Немыслимо, например, представить себе эскимосский топоним, который означал бы в переводе на русский язык «когда они уснули» (так этимологизует И. С. Вдовин топоним Кавачата). Г. А. Меновщиков также совершенно справедливо отмечает, что стремление к выяснению лексического значения слова не всегда даёт надёжные результаты, ибо многие древние слова исчезли из современного эскимосского языка или приобрели другое значение. По мнению Г. А. Меновщикова, с этимологией И. С. Вдовина можно согласиться лишь в четырёх случаях, причём в двух из них частично. Его мнение означает лишь то, что этимология топонимов Тарья, Тыпан, частично Конохвал и Унанц более или менее правомерна с точки зрения языка.

Попробуем подойти к этим же топонимам с позиций истории и географии. В таком случае ничего эскимосского в топонимах не останется. Самой правдоподобной этимологией из всех предложенных И. С. Вдовиным Г. А. Меновщиков считает Тарья — тар'рёк — соль, вкус морской воды. На самом деле это не больше, чем случайное созвучие. До последнего времени существовали топонимы полуострова Тарья, бухта Тарьинская, селение Тарья (теперь они переименованы). В конечном итоге все они восходят к Тареину острожку времён Беринга. Сведения о происхождении этого названия вполне определённы — Тареин острожек назван по имени его тойона Тареи.

Тареин островок неоднократно упоминается С. П. Крашенинниковым (1949). Например, в 1724 г. «на Аваче реке четыре ост-

рожка изменили, в которых тойоны назывались Шемкочь, Копыш, Оток и Тарея» (с. 748, то же с. 761). Несколько ранее тот же острожек назывался Купкиным по имени прежнего тойона Купки — «в Купином острожке у тойона Тареи» жило ясачных людей всего пятьдесят четыре, из них семнадцать собольников и тридцать четыре лисичника (с. 509). Название Купкин острожек сохранялось некоторое время (по привычке) и после смерти Купки. Потом, естественно, Купку забыли, и тогда стали называть острожек по имени правившего тойона Тареиным.

После смерти Тареи острожек снова бы переименовался, но его сын крестился. Фамилию ему дали по имени отца. Теперь, при переходе власти от отца к сыну, она всё равно оставалась в руках людей с одной и той же фамилией. Надобность в переименовании исчезла. Наиболее позднее упоминание об острожке у С. П. Крашенинникова гласит: «Строения в нём две юрты, тридцать балаганов, тойон новокрещён Михайла Тареин» (с. 120). Название Тареин острожек, а позже просто Тарья, стало устойчивым и сохранилось до наших дней. Очень трудно согласиться с его эскимосским происхождением.

Следует очень осторожно подходить к результатам попыток найти этимологию древнего названия, пользуясь словарём современного языка. В лучшем случае можно говорить об осмыслении древнего топонима на современном языке, сплошь и рядом не соответствующего языку, на котором он возник. Не прибавляют убедительности и ссылки на физико-географические, этнографические и иные подтверждения, тем более, что подыскание их, как правило, не представляет особого труда. Например, смысл названия «Река Утка» совершенно ясен. Это де река, на которой много уток. Утки там найдутся, а не найдутся, можно сказать, что сейчас их нет, но они на ней гнездовались в те времена, когда возникло название. А на самом деле Утка — искажение ительменского названия Уут, смысл которого неизвестен. Да и И. С. Вдовин в подтверждение своей этимологии топонима Тарья говорит, что поблизости имеются солёные источники, а некогда там работали солеварки (правда, построенные лет через сто после возникновения топонима).

Ещё раз заметим, что наличие айнских и эскимосских топонимов на Камчатке вполне допустимо. Категорически отрицать такую возможность нельзя. Однако ни одного айнского или эскимосского топонима пока что не обнаружено. Те же из них, которые иногда называют таковыми, при тщательной проверке оказываются какими угодно, но не айнскими или эскимосскими.

Глава 4. Формирование топонимики Камчатской области

15. Географические названия, оставшиеся от древних поселенцев Камчатки

Несомненно, что, как и во всех других местах земного шара, топонимика Камчатки начала формироваться с тех времён, как её стали заселять люди. Судить о древней топонимике Камчатки можно только по косвенным признакам и по аналогии с другими территориями. Надо полагать, что она соответствовала степени овладения природой человеком тех времён и позволяла достаточно полно описать местность в интересах охотника и оленевода, потребность которых в географических названиях гораздо выше таковой у современных жителей города.

Следует считать, что отдельные элементы её сохранялись в памяти не более чем одного-двух поколений. Сейчас у человечества в этом отношении крупное преимущество. Если мы в повседневной жизни используем, по-видимому, куда меньшее количество топонимов, чем древний охотник или оленевод, зато мы имеем возможность длительного и надёжного хранения их путём фиксирования на картах или в каких-либо документах.

Примерно в середине XVII в. сибирские казаки-землепроходцы первыми столкнулись с системой географических названий, существовавших у коренного населения Камчатки. По имеющимся источникам можно предполагать о наличии у него достаточно высокоразвитой системы географических названий, охватывающей охотничьи и иные хозяйственные угодья, пути сообщения, места посещения и т. п. Известное своеобразие условий жизни должно было вызвать и известное своеобразие географических названий. У оседлых племён должны были быть более или менее детально разработаны названия хозяйственных угодий, а у кочевых — путей кочевий. Торговые и иные связи были незначительными, соответственно незначительным было и количество названий, относящихся к путям сообщения в современном понимании этого слова. Население Камчатки не занималось морским промыслом на сколько-нибудь значительном удалении от берегов, поэтому береговая черта в названиях детализировалась слабо.

Волей-неволей на первых порах освоения Камчатки казакам приходилось пользоваться географическими названиями коренного населения. Конечно, использование их не могло обойтись без значительных искажений. В большинстве случаев названия на чужом языке не имели никакого смысла для казаков. Впрочем,

и для коренного населения далеко не все названия имели какое-то смысловое значение, в чём нет ничего удивительного, если учесть многоязычность и многодиалектность Камчатки. Это обстоятельство подтверждается и тем, что хотя в работе С. П. Крашенинникова чувствуется стремление дать русский перевод корякских и ительменских географических названий, но очень часто переводы отсутствуют даже в тех случаях, когда говорится о весьма значительных географических объектах. По-видимому, никто не мог их объяснить ему. Казаки как-то русифицировали местные названия путём прибавления привычных русских окончаний, приближением звучания к подходящим русским словам и т. п.

Непонимание смысла топонимов не имело бы существенного значения. И поныне в нашей речи встречается много географических названий, дотопонимический смыл которых полностью утрачен. Такие общеизвестные названия, как Волга, Москва, Сибирь, Амур давно стали русскими словами, и никто не сомневается в их принадлежности к русскому языку. А смысл их никому не известен, хотя он, бесспорно, существовал в момент возникновения названия. Есть несколько толкований значения названий Волга, Москва и других. Все они более или менее убедительны, но какое из них следует предпочесть? Ведь в лучшем случае лишь одно из них является правильным. Но таких вопросов не возникает при использовании этих названий. Их непонятность не вызывает никаких неудобств.

Главная причина искажений в том, что очень часто местные названия оказывались непроизносимыми для русских людей, как бы ни старались они правильно выговорить их. Некоторое представление о характере искажений могут дать такие топонимы, как Авача, Квачина, Толбачик, Толмачева. Сейчас названия этих четырёх рек представляются на слух различными. Можно привести большое количество примеров топонимов ительменского происхождения с наличием звука «ч» где-то в конце слова. В некоторых случаях известны и более древние записи таких топонимов. Авача, например, ранее называлась Суаачу, Квачина — Квачьн, Толбачик — Тулуачь. Пользуясь словарными записями С. П. Крашенинникова (1949), В. Н. Тюшова (1906) и других исследователей, можно усмотреть в них большое количество слов, оканчивающихся на «ч» с каким-то беглым звуком, который записывался по-разному: «-чь», «-чю», «-чу», «-ча».

Вероятно, не будет ошибкой предположение, что все (или, по крайней мере, почти все) существующие географические названия,

оканчивающиеся на «-ча», «-чик», «-чек», «-чева» и т. п., восходят к забытым ныне ительменским словам подобной конструкции. Отыскание лексического смысла их вряд ли имеет смысл. Можно, конечно, подобрать какое-то созвучное слово и вполне правдоподобно показать, что именно так и должны были назвать тот или иной географический объект ительмены. Ещё легче убедительно объяснить последовательные искажения слова, приведшие его к современному звучанию. Но вряд ли подобные толкования заслуживают иной оценки, кроме признания факта созвучия. Достоверность таких этимологий вызывает сомнение своей многовариантностью. Ещё более она снижается при подгонке топонима под словарный состав современного языка.

С. П. Крашенинников (1949) не счёл возможным дать перевод названия реки Авачи на русский язык. В то же время он записал слово «увачу», означающее на языке южных ительменов «камень». Прежде чем общепринятым среди русскоязычного населения названием реки стало «Авача», его произносили и писали как «Суаачю», «Суаачу», «Савача», «Овача» и т. п. Отсюда очень соблазнительно предположить, что название «Авача» — не что иное, как исковерканное «увачу». Не представит труда подыскать по течению реки Авачи физико-географических обоснований для названия её как-нибудь вроде «Каменной», «Каменистой» и т. п. И всё же такое предположение, скорее всего, не более чем игра слов. Во всяком случае, С. П. Крашенинников, которому двести тридцать лет назад было куда легче перевести на русский язык название реки, уклонился от каких бы то ни было предположений. Вряд ли это ошибка с его стороны.

Почти то же самое можно сказать и о реке Иче. Берёза ительменски — «ичу» (Крашенинников, 1949), «ич» (Тюшов, 1906). Искажения практически никакого, а почему бы не назвать эту реку Берёзовой? Пожалуй, даже более убедительно, чем Авача — Каменная, но столь же мало достоверно. К тому же жители западного побережья ещё в 1906 г. называли селение Ича на одноименной реке Шич (Тюшов, 1906).

Кроме того, «кыльх» также означает по-ительменски «берёза», а созвучные слова значат совсем другое: «кальх» — каменная стрелка», «кольх» — озеро, «кульх» — тундра, «кольх» — пришёл. Вероятно, вышеизложенного достаточно для того, чтобы показать ненадёжность этимологии древних названий при отсутствии более достоверных доказательств по сравнению с созвучием.

Говоря о способах образования топонимов древними насельниками Камчатки, С. П. Крашенинников писал, что они «ни рек, ни озёр, ни гор, ни островов именем людей не называют, но дают им имена по неким свойственным им качествам или по сходству с другими вещами» (Крашенинников, 1949, с. 361). Иными словами, они употребляли только описательные топонимы, то есть такие, смысловое значение которых более или менее ясно усматривалось из внешнего вида объекта или было связано с его хозяйственным значением.

Это подтверждается и примерами, имеющимися в работе С. П. Крашенинникова. Так, название реки Паланы, означающее в переводе «водопадная», образовалось от вполне очевидной особенности реки — в верховьях её есть несколько водопадов. В названии горы Бакенин, в переводе означающем «шалаш», конечно, отразилась форма вершины горы, напоминающей с некоторых направлений шалаш. По такому же принципу образованы и многие другие названия, означающие в переводе «острая», «мутная», «быстрая», «озерная» и т. п.

Вышеприведённое замечание С. П. Крашенинникова следует безоговорочно распространить только на собственно полуостров. В отношении территории области, находящейся за пределами полуострова (Пенжинский район, Олюторский район), имеются несколько иные данные. Там «коряки именуют свои реки и речки по тому или иному признаку, характерному для данной реки», но в то же время «нередко коряки дают рекам названия по именам умерших шаманов, главным образом хозяев табунов или шаманов, умерших на данной речке» (Бауэрман, 1928, с. 119).

В качестве примеров К. Бауэрман приводит такие топонимы, как Уттувеем — «Лесная», Лугунавеем — «Берёзовая», Ачайвеем — «Глинистая» и другие. Им отмечены также случаи образования названий от названий других географических объектов, расположенных поблизости: Вилюна — «Ушной сопки (Вильгуней) река», Велюна — «Вороньей сопки (Вильгуней) река». От личных имён образованы названия реки Юлгвам, на которой жил шаман по имени Юлга, реки Авнявли, у которой кочевал со своими табунами оленевод Авняв.

Примеры корякских топонимов, образованных от личных имён, по устному сообщению Г. Н. Миронова, встречаются и на самом полуострове (Срединный хребет). Например: река и гора Энпа названы по имени коряка Энпы, гора Эмматунуп названа по имени корячки Эммы. Однако к данным Г. Н. Миронова следует

отнестись критически. Они собраны лет через двадцать после картографических работ на Срединном хребте в 1940-е гг. Нет никакой возможности выделить из них старые корякские названия и названия, придуманные картографами по образцу корякских названий.

Самые древние названия, очевидно, выглядели ещё проще. В строгом смысле слова их даже нельзя считать географическими названиями. Это просто имена нарицательные: «гора», «река», «озеро» и другие. Кое-какие из них сохранились и до наших дней, хотя и в сильно исковерканном виде. Например, название реки Тигиль — искажение слова «кыгыл», как её назвал В. В. Атласов, что в свою очередь является неточным воспроизведением слова «кыга» — «река». Возможно, что название вулкана Шивелуч не что иное, как исковерканное ительменское слово «суэлич», что можно перевести на русский язык как «вулкан» (Пийп, 1948-Н).

Так продолжалось до тех пор, пока в пределах известного мира имелась одна гора, одно озеро, одна река и т. д. Конечно, такого положения не может быть, таких объектов даже в пределах видимости окажется несколько. Дело, однако, в том, что до какого-то времени лишь одна гора, река, озеро имели хозяйственное или иное значение, а на прочие внимания не обращалось, и надобность в названиях для них не возникала. Когда же в сферу деятельности включалась вторая река, озеро, тундра, то их для отличия от первых стали называть как-нибудь вроде «вторая гора», «дальнее озеро», «мутная река» и т. п.

В существующих ныне корякских, ительменских и других названиях подобные конструкции (определения + номенклатурный термин) встречаются очень часто — Воямполка, Тклевеем, Ускыг (ваям, веем, куг — река); Хувхойтун, Теклетунун, Алигэй (тун, тунуп, гэй — гора); Потатгытхын (гытхын — озеро) и т. п.

16. Географические названия казаков-землепроходцев

Где-то в середине XVII в., или немного позже, на Камчатке начинают появляться и русские географические названия. О ранних — доатласовских — походах до нас дошли лишь отдельные упоминания. Естественно, что и в топонимике следы этих походов единичны и не всегда объяснимы.

Самым древним русским топонимом на Камчатке является название основной реки полуострова — реки Камчатки. От её названия впоследствии образованы названия более десятка других гео-

графических названий. Название реки Камчатки — след похода Ф. А. Чекичева, одного из первых посещений полуострова русскими. Вопрос о происхождении топонима «Камчатка» рассматривался свыше двухсот лет, почти все исследователи Камчатки не обходили его своим вниманием, на примере истории его изучения очень наглядно проявляются многие вопросы топонимики Камчатки. Поэтому вопросу о происхождении названия реки Камчатки ниже посвящена отдельная глава.

Наибольшее, хотя и не столь большое, количество следов в топонимике Камчатки оставил поход В. В. Атласова. В его время река в южной части западного берега, известная у ительменов как Нынгучу, стала называться Голыгиной; приток реки Камчатки, называвшийся у ительменов Канучь, — рекой Крестовой. Причиной возникновения названия первой из них послужила пропажа где-то возле одного из участников похода — десятника И. О. Голыгина. Что с ним произошло — неизвестно, скорее всего, он утонул. Вторая — предположительно та самая река, по долине которой Атласов вышел к реке Камчатке. Видимо, в память этого события он и установил в её устье крест с надписью: «205 году июля 13 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи 55 человек» (Крашенинников, 1949). Обычай ставить в качестве памятных знаков более или менее массивные кресты был широко распространён в то время. Крест и послужил причиной названия реки. Много позднее неподалёку от устья её появилось селение Кресты. На современных картах река называется Белой, хотя местное население предпочитает именовать её Крестовкой. Вряд ли это название, прямо связанное с походом Атласова, долго просуществует. Селение Кресты ныне ликвидировано, река стала необитаемой, а в памяти старые названия мелких объектов сохраняются недолго, особенно при наличии на карте другого названия.

Оставил свой след на карте и поход П. Ф. Козыревского, отца известного И. П. Козыревского. Он первым побывал на реке Колю и объясачил тамошних ительменов. Река после этого стала называться казаками Козыревской (сейчас — Козыревка).

Несомненно, что названий, связанных с русскими землепроходцами, должно было бы сохраниться гораздо больше. Есть и другие названия, которые можно было бы связать со старыми русскими походами, но достоверные подтверждения тому отсутствуют.

Есть, например, на восточном побережье река Русакова. Такое название она получила от казаков по той причине, что тойон здешнего острожка Кымчу имел прозвище Русак (Крашенинников,

1949). Прозвище объяснялось тем, что Кымчу считал себя прямым потомком русских, которые по преданию когда-то приходили сюда и жили сравнительно долгое время. Возможно, что это след какого-то забытого похода, а может быть, и нет. Прозвище могло возникнуть и совершенно по другой причине, которая со временем забылась, а предание о русских возникло для того, чтобы объяснить его причину.

Сомнения в отношении реки Русаковой вполне правомерны, ибо есть примеры, когда топоним, на первый взгляд связанный с деятельностью землепроходцев, оказывается возникшим по совсем другим причинам. В Карагинский залив впадает река Ивашка. В. И. Воскобойников (1962-С) предполагал, что это имя какого-то землепроходца, избравшего реку местом своей промысловой стоянки. Вариант вполне возможный, хотя нельзя не заметить, что образование топонимов от собственно имён, а не отчеств или прозвищ-фамилий русских людей — редчайшее исключение на Камчатке. И всё же не было на реке никакого землепроходца Ивашки. Название Ивашка вошло в казачий обиход примерно в середине XVIII в., то есть довольно поздно для того, чтобы вспоминать о землепроходцах. Причина названия обнаруживается в документах о восстании коряков и ительменов в 1741—1745 гг. В них несколько раз упоминается «тойон Панкары-реки» по имени Ивашка (КПЦ, с. 100—101 и др.), который явно в восстании не участвовал, но без совета с ним не предпринималось в тех местах ни одного существенного дела. Он стал достаточно известен среди казаков, и они стали называть реку, где он жил, Ивашкой, а не Панкарой, как её называли коряки. Ивашка, вероятно, не уменьшительное от имени Иван, скорее это русское переиначивание какого-то корякского имени, так как о крещении тойона Ивашки в документах не упоминается, в то время как при упоминании новокрещенов обязательно оговаривался факт крещения и «иноземческое имя».

Географические названия землепроходцев и сибирских служилых людей не так уж отличаются от аборигенных названий. Большое сходство в условиях жизни и деятельности влекло за собою и сходную оценку географической среды. Землепроходцы и первопоселенцы пользовались исключительно описательными названиями. Иногда русские названия оказывались точными переводами (кальками) местных названий, хотя и возникали независимо от них.

Но были и существенные отличия. Из вышеприведённых примеров видно, что казаки образовывали географические названия

от имён как русских людей, так и от имён коренных жителей Камчатки. Правда, это тоже описательные названия. Для того чтобы чьё-то имя стало основой для образования топонима, обязательно требовалась какая-то очевидная связь между этим лицом и называемым объектом. Это существенное отличие от посвятительных географических названий («в честь») позднейших времён. Казаки, как и коренное население, не занимались придумыванием географических названий, они возникали сами собою, и им в голову не приходило, что, называя реку Улкаденгыту Налачевой, они оказывают такую-то «честь» тойону Налачу. Название Улкаденгыту и выговаривать трудно, и непонятно, что оно значит, а река Налачева — это река, где живёт Налачь.

Различия в названиях объясняются и разной направленностью деятельности казаков и коренного населения. Казаки в основном занимались разъездами по Камчатке для сбора пушной дани — ясака, а рыбная ловля или охота для пополнения продуктов питания были сопутствующими явлениями. Поэтому наиболее важным географическим объектом для них были реки, но не как места рыбной ловли, хотя и это имело значение, а как удобные пути сообщения и ориентиры. По названиям рек назывались и селения на их берегах, близлежащие горы и другие объекты на пути следования.

Некоторые объекты сохраняли за собой названия коренного населения, искажённые для более удобного произношения (Пенжина, Авача, Толбачик), другие называли по их физико-географической характеристике (реки Быстрая, Большая, Мутная, Тополёвая, Крутобереговая; горы Высокая, Острая, Плоская, Красная). Часто в географических названиях казаки отмечали местонахождение объекта на половине пути между двумя пунктами: несколько рек Половинных (Кроноцкий залив, неподалёку от реки Крутогоровой, между реками Кол и Кихчик и другие), бухта Половина и примыкающая к ней долина Половинная (остров Беринга), Половинная тундра (верховья реки Саичик), Половинный хребет (между Петропавловском-Камчатским и селением Коряки) и другие.

Уже говорилось, что некоторые объекты называли по личным именам служилых людей. В основном это реки. Помимо уже называвшихся рек Козыревки и Голыгиной можно упомянуть в качестве примеров реки Плотникову, Пирожникову, Глотову, Гаврилову, Басовскую и многие другие. Все эти названия образованы либо от отчеств, либо от прозвищ-фамилий. Известно лишь два случая образования топонимов казаками от собственного имени. Это озеро

Федосьи (ныне озеро Саранное) на острове Беринга и мыс Федосьи (ныне мыс Федоскина) там же. Объяснить чем-либо такое исключение трудно, но небезлюбопытно, что в обоих случаях фигурирует имя женщины, возможно, что одной и той же.

Нередко названия рек и населённых пунктов образовывались казаками от имени тойонов, «лучших мужиков», «князьцов» и т. п. Это реки Колпакова (первоначально — Компакова, от имени Компак), Хайрюзова (от имени Харюз), Начики (от имени Начика) и другие. Те же названия получали и острожки на берегах соответствующих рек. Зачастую трудно установить, что было названо раньше — острожек или река, ибо названия возникали почти одновременно. Многие из названий рек сохранились до нашего времени. Названия селений, хотя и существуют сейчас, но это совершенно другие названия, хотя звучание их полностью соответствует старым. По разным причинам все острожки XVIII в. прекратили своё существование. Позже возникли другие, иной раз на тех же самых местах, названные так же, как и река, на берегу которой они поставлены. Совпадение названия старых острожков и современных селений отнюдь не говорит о какой-то преемственности между ними, старое название перешло к современному селению через посредство реки. Ещё В. М. Головнин (1861) отметил, что все острожки одновременно с реками получили свои названия от рек, а не от имени тойонов. От названий рек образовывались и названия русских селений: Верхнекамчатский острог, Большерецкий острог, Милькова и другие.

Использовали казаки и нарицательные названия. Вулканы они называли горелыми сопками. Первой стала известна Ключевская сопка. Её так и называли — Горелая сопка. Потом стало известно о существовании и других «горелых сопок». Тогда возникли названия Ключевская горелая сопка (неподалёку от селения Ключи на реке Ключевка), Толбачинская горелая сопка (неподалёку от Толбачинского острожка на реке Толбачик), Корякская горелая сопка (неподалёку от селения Коряки) и другие.

17. Географические названия Витуса Беринга и его соплавателей

Формирование и развитие географических названий того или иного региона неразрывно связано с географическим изучением его. Во время более или менее крупных географических, геологических и иных работ в обязательном порядке появляются много-

численные географические названия. И если местное население даёт названия выборочно, то при исследованиях названия получают все изученные или обнаруженные объекты. Количество их зависит от подробности исследования. Нередко названия появляются и в таких местах, где никто не живёт, следовательно, ими никто не будет пользоваться в течение какого-то времени. Местное население в таких случаях быстро забывает возникшие названия, но топонимы, появившиеся в результате исследовательских работ, закрепляются на картах и в документах, что обеспечивает им длительную сохранность.

Бывают и исключения. Иногда местное название вытесняет официальное, несмотря ни на какие карты и даже на прямое стремление заставить людей забыть это название. Но в общем случае продолжительное существование топониму обеспечивает лишь фиксирование его на карте или в иных документах.

Любое исследование происходит в определённой научно-исторической обстановке, что находит отражение и в возникших в процессе его топонимах. Среди них обычно оказываются такие, которые характерны именно для данного периода исследований, а то и для конкретной экспедиции и даже для отдельного исследователя.

Первыми экспедициями, занимавшимися географическим изучением Камчатки, были Первая и особенно Вторая Камчатские экспедиции Беринга. С них началось изучение Камчатки на научной основе. В топонимике обе экспедиции Беринга отразились незначительно. По каким-то причинам Беринг и его спутники дали на Камчатке очень мало географических названий, большинство из которых давно вышло из употребления.

Наиболее известно название центра Камчатской области — города Петропавловска-Камчатского. Сначала Беринг назвал гаванью святых апостолов Петра и Павла бухту и поныне называющуюся Петропавловской. Петропавловским стали называть и острог на её берегу, возникший как береговая база экспедиции. Позднее острог заселился, вырос и стал современным городом. Беринг прямо указывает в своём рапорте Сенату, что гавань названа им в честь «святых апостол Петра и Павла» (ЭБ, с. 255). Обычай называть географические объекты именами святых был очень распространён в те времена. Как правило, избиралось имя того святого, праздником которого был день открытия, или же день открытия совпадал с кануном такого праздника. В данном случае причина несколько отклонялась от общепринятого обычая. Именами тех же апостолов назывались и корабли Беринга.

По взглядам того времени считалось, что если так, то они вроде бы должны оказать «своим» кораблям какую-то чудодейственную помощь. В то же время в рамках религиозного почитания святых неплохо укладывались и чисто житейские соображения. Хотя и обязаны «небесные покровители» помогать своим подопечным, но не мешает лишний раз об этом напомнить — свечку поставить, молебен заказать и т. п. А тут их именами гавань назвали! Неужто де они этого не почувствуют? В сущности, в таких взаимоотношениях со святыми мало отличия от взаимоотношений между дикарём и его божками: принесли они удачу — помазать им губы кровью, нет — и поколотить можно.

Конечно, нельзя отрицать, что какая-то связь с именами кораблей у этого топонима имеется. Назывались бы корабли именем других святых — по-другому бы называлась и бухта. Но никак нельзя утверждать, что гавань названа «в честь» кораблей — пакетботов «Св. апостол Пётр» и «Св. апостол Павел». Такие названия не типичны, если не сказать, невозможны для середины XVIII в. Пожалуй, самая первая попытка дать географическое название по названию судна имела место на Камчатке в 1765 г., когда одна из бухт на Шипунском полуострове названа на карте Т. И. Шмалева бухтой Гавриила по названию судна «Гавриил» (Ефимов и др., 1964). Но и это название оказалось неприемлемым. Никто им не пользовался. Бухта среди мореходов-промышленников стала называться Бечевинской по фамилии владельца судна «Гавриил» известного иркутского купца И. Бечевина, промышленника и морехода. Так она называется и сейчас.

В поздние времена названия кораблей послужили причиной образования многих топонимов. На современной карте Камчатки имеется двенадцать таких названий. Это банка Арчер (обнаружена американским китобойным судном «Арчер»), мыс Африка (описан в 1882 г. экипажем крейсера «Африка»), бухта Вестник (описана в 1882 г. экипажем клипера «Вестник»), мыс Забияка (уточнены очертания и положение в 1894 г. экипажем крейсера «Забияка»), коса Кострома (на ней в 1913 г. погиб пароход «Кострома»), остров Манчжур (описан 1903 г. экипажем транспорта «Манджур»), мыс Партизан (описан в 1940-х гг. экипажем гидрографического судна «Партизан»), бухта Сибирь (открыта в 1885 г. экипажем шхуны «Сибирь»), река Сторож (нанесена на карту в 1900 г. экипажем шхуны «Сторож»), мыс Чукча (описан в 1940-х гг. экипажем гидрографического судна «Чукча» и мель Якут (обнаружена в 1896 г. экипажем транспорта «Якут»). (Помимо этого есть

ещё, например, банка Минеола в Охотском море, место гибели в 1905 г. американского парохода «Минеола». — *Ред.*)

С объяснением причины названия Петропавловска, исходя из названия кораблей, не могли согласиться и дореволюционные историки А. С. Сгибнев, А. П. Соколов и другие. Они хорошо знали, что первоначальное название — Санкт-Петропавловская гавань, то есть гавань «святых Петра и Павла» — совершенно немыслимо по отношению к кораблям. Почему-то они не обратили внимания на рапорт Беринга, а предположили, что «во имя святых Петра и Павла» была поставлена церковь Второй Камчатской экспедиции. Выяснив, что это не так, они отказались дать окончательный ответ о происхождении названия Петропавловской бухты.

Многие географические названия, появившиеся во время экспедиций Беринга, можно считать искажениями ительменских названий: мысы Вауа (ныне Маячный), Моногычь (ныне Средний), Нитасьу (ныне Сигнальный), Сапосмы (ныне Безымянный) и другие. Однако во многих случаях остаётся непонятным, как могли участники экспедиции узнать ительменское название. Например, мыс Поворотный на карте И. Ф. Елагина назван мысом Иссопа. Ни Елагин, ни кто-либо другой на мысу не высаживался, поэтому маловероятно, чтобы он мог узнать его название от местных жителей. Нет оснований и для предположения о том, что он узнал это название позже. Возможно, что он сам придумал название мысу, но тогда оно должно что-то означать. В старом русском языке существовало слово «иссоп» — маслянистое растение, из которого изготовляли курения для религиозных церемоний. Но иссоп на Камчатке не растёт, а если бы и рос — как мог его разглядеть Елагин с моря? Возможно, правда, что это название перенесено с другой карты. Известно, что район Авачинской губы до Елагина картировался дважды: лейтенантом майорского ранга В. Вальтоном в 1735 г. и геодезистом в ранге поручика армейских полков И. Свистуновым вместе с подштурманом Е. Родичевым в 1738 г. Ни той, ни другой карты не обнаружено, видимо, они утрачены. Но, по косвенным данным, карты Вальтона и Свистунова не захватывали мыс Поворотный.

Больше всего следов экспедиции Беринга в топонимике на острове Беринга в группе Командорских островов, на котором зимовал экипаж «Св. Петра» после гибели пакетбота. Остров был необитаемым и, хотя мореплавателей меньше всего заботили названия, ибо они и выжить не надеялись, многие мыса, бухты, горы и т. д. на острове получили названия. Многие из них сохранились

до наших дней. Члены экипажа назвали остров островом Беринга по фамилии своего руководителя, северную оконечность его — мысом Юшина, по фамилии подштурмана Х. Юшина, южную оконечность мысом Монати в связи с обитанием там морских коров, ошибочно принятых Г. В. Стеллером за монатов.

Непосредственно за экспедициями Беринга за развитие камчатской топонимики принялись многочисленные промышленники. Исходным пунктом их маршрутов был, как правило, Нижнекамчатск. Промышленники-мореходы составили множество карт и планов. В основном они повторяли, и не без искажений, данные более ранних картографических материалов, но, направляясь в свои плавания к Командорским и Алеутским островам, они часто оказывались в ранее неизвестных для русских местах. В итоге их плаваний на картах появилось много новых топонимов, в том числе и на входящих ныне в состав Камчатской области Командорских островах.

В 1745 г. сержант нижнекамчатской команды Е. С. Басов открыл второй из Командорских островов и назвал его Медным. Причиной послужила якобы имевшаяся на острове самородная медь. Последующие исследования не подтвердили наличия меди на острове, но Г. Спасский (1822) писал, что в 1755 г. на острове работала горная команда из Якутска, «наломавшая» около двадцати пяти килограммов меди.

На картах того времени можно отыскать на острове Медном более двух десятков топонимов. В употреблении их, конечно, было гораздо больше. Все они описательные и, так или иначе, отражали деятельность промышленников. С одной стороны, встречались названия, содержавшие в себе промысловую характеристику объекта: река Бобровая, бухта Рыбная и т. п. С другой, причём чаще, в названиях звучало имя промышленника, освоившего или присвоившего это урочище: река Басовка, Колесовская бухта, Всевидовская гавань, Фролова бухта, река Дехтерева и т. п. Многие из этих фамилий известны по различным источникам, но далеко не все. Практически в современной литературе (Суворов, 1912; Макарова, 1968 и др.) перечислены все владельцы судов, кормщики, передовщики и прочие воротилы промысла. Что же касается названий, явно образованных от фамилий, но фамилий неизвестных, то вполне логично предположить, что это фамилии безвестных работных людей. Причинами в таких случаях, вероятно, служили более или менее необычные факты, главным образом гибель их в том или ином месте, что было не так уж редко.

18. Отражение в камчатской топонимике работ кругосветного мореплавателя Ф. П. Литке

После Беринга на Камчатке не прекращалась деятельность различных морских экспедиций, отделённых друг от друга не столь уж большими промежутками времени. Это экспедиции И. Б. Синдта в 1765—1768 гг., П. К. Креницына и М. Д. Левашева в 1766—1770 гг., И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева в 1789—1792 гг. и другие. Все они, однако, имели задачами исследование районов за пределами Камчатки. Камчатка служила для них базой, но не являлась объектом исследования. Поэтому деятельность этих экспедиций в камчатской топонимике не отразилась.

В 1804 г. Камчатку впервые посетил корабль, прибывший прямо из России, ранее все экспедиции строили свои суда или в Охотске, или в Нижнекамчатске. Вслед за первым — шлюпом «Надежда» под командованием первого русского кругосветного мореплавателя И. Ф. Крузенштерна Камчатку один за другим посещают и последующие кругосветные мореплаватели: В. М. Головнин на шлюпе «Диана» в 1809 г., О. Е. Коцебу на бриге «Рюрик» в 1815 г. и другие. Они также не занимались исследованиями на территории Камчатки, и следы этих плаваний остались лишь в названиях отдельных мысов, бухт и других береговых объектов.

В 1827—1828 гг. в Тихом океане плавали, совершая очередное русское кругосветное путешествие, шлюпы «Сенявин» и «Моллер». В число задач первого из них, которым командовал Ф. П. Литке, входила опись камчатских берегов, чем он и занимался в 1828 г. Командой шлюпа описаны и нанесены на карту бухта Карагинская, остров Карагинский, полуострова Ильпинский, Говенский, Олюторский. В ходе описи и промера на картах появились новые топонимы.

В большинстве это посвящения. Юго-западная оконечность Карагинского острова названа мысом Крашенинникова по фамилии С. П. Крашенинникова, первого исследователя Камчатки. Его же северо-западная оконечность — мысом Голенищева по фамилии тогдашнего начальника Камчатки А. В. Голенищева. Юго-восточная оконечность полуострова, разделяющего бухты Карага и Оссора, названа по фамилии помощника начальника Камчатки П. Ф. Кузмищева мысом Кузмищева.

Впрочем, название мыса Кузмищева содержит в себе намёк и на описательный элемент — от Кузмищева Литке получил много сведений о данном районе, использованных им в ходе описных работ.

Мыс на западном берегу Карагинского острова назван мысом Семёнова, который принимал самое деятельное участие во всех операциях и промерах.

Не все сведения, полученные от Кузмищева, оказались соответствующими действительности. Так, о бухте, образованной вышеупомянутым мысом Семёнова, Кузмищев сообщил, что она хорошо укрыта от ветров и весьма глубока: коряки-де видели, что киты подплывают к самому берегу. Исходя из этого, Литке намеревался использовать бухту для стоянки шлюпа во время описи острова. Но киты китами, а глубины в бухте оказались недостаточными для стоянки шлюпа, не давала она и укрытия от ветра. По этой причине Литке назвал её бухтой Ложных Вестей.

Литке стремился сохранить на карте и ранее существовавшие названия, известные ему от Кузмищева или из книги Крашенинникова, которую он использовал вместо лоции. Так, зная название реки Караги, он и бухту, куда она впадает, назвал Карагинской. Сохранил он на своей карте и такие старые названия, как полуостров Ильпинский, полуостров Говенский, полуостров Олюторский. Правда, при этом он допустил ошибку, вызвавшую сдвиг географических названий на одну ступень к востоку в довольно значительном районе.

С. П. Крашенинников описывает Ильпинский полуостров следующими словами: «...Ильпинский нос, который вёрст на десять вытянулся в море. Сей нос у матерой земли весьма узок, песчан и так низок, что вода чрез него переливается, а на изголови широк, каменист и высок посредственно» (Крашенинников, 1949, с. 137). Подобное описание никак не походит на тот полуостров, что ныне называется Ильпинским. В равной степени несхожи с этим описанием и очертания полуострова на карте Литке, зато западнее Ильпинского полуострова вдаётся в море полуостров Ильпыр. Все данные Крашенинникова об Ильпинском полуострове полностью подходят к полуострову Ильпыр.

Современная лоция описывает полуостров Ильпыр почти теми же словами, какими в середине XVIII в. Крашенинников описывал полуостров Ильпинский: «Гора незначительной высоты (у Крашенинникова — высок посредственно) с почти отвесными склонами, соединённая с берегом узкой песчано-галечной косой («у матерой земли весьма узок, песчан и так низок...»). Таким образом, современный полуостров Ильпыр во времена Крашенинникова назывался Ильпинским. К такому выводу можно прийти и при сопоставлении описания Крашенинникова с совре-

менной картой, начиная от реки Караги и Тымлатты (ныне Туумлат).

Нетрудно разобраться, как у Крашенинникова назван полуостров, нанесённый на карту Литке под названием Ильпинского. У Крашенинникова упоминается речка Ильпинская, которая течёт в четырёх верстах к западу от Ильпинского носа (то есть полуострова Ильпыр на современной карте). А «верстах в тридцати от Ильпинской речки течёт с северу Алкаингын речка, которая впала в губу, простирающуюся вдоль по берегу вёрст на двадцать, а внутрь земли вёрст на десять» (Крашенинников, 1949, с. 137). Легко узнать в Ильпинской нынешнюю Анапку, а в Алкаингын — Альховаям. И удаление Альховаям от Анапки, и размеры губы, куда она впадает, практически совпадают с данными современной карты. И название-то не так уж изменилось: «алкаин» и «альхо» можно считать разновременными или разнодиалектными произношениями одного и того же слова, а «гын» и «ваям» означают в общем случае одно и то же — «река». Сразу же за рекой Алкаингын «начинается Говенский нос, которой шириною вёрст на тридцать, а в море вытянулся на шестьдесят вёрст» (Крашенинников, 1949, с. 137). Конечно, это и есть нынешний полуостров Ильпинский. Соответственно переместились и другие географические названия (схема 6).

Причина ошибки Литке в том, что, используя вместо лоции книгу С. П. Крашенинникова, он повторил неточности, допущенные Крашенинниковым. «Есть на море небольшой островок, Верхотуровым называемый», — писал С. П. Крашенинников (1949, с. 137). После описи Карагинского острова Литке пошёл к северу и нанёс на карту остров Верхотуров. Затем нанесён мыс почти на север от этого острова. Этот мыс в соответствии со словами С. П. Крашенинникова принят за Ильпинский, против которого лежит остров Верхотуров. Данный район Крашенинников описывал со слов бывалых людей, а они в чём-то ошиблись. Почти на север от острова Верхотурова, примерно в пяти милях, находится оконечность Ильпинского полуострова (в наше время — Ильпыра) — примерно в десяти милях на северо-запад. Конечно, правильнее было бы сказать, что Верхотуров находится против Говенского носа, а не Ильпинского. Литке этого знать не мог и назвал Говенский нос Ильпинским. Следующий — Олюторский нос — Литке вынужден был назвать Говенским, а Олюторским, естественно, назван следующий мыс — Аннанон по-корякски, а среди землепроходцев известный как Пахачинский нос (Кусков, 1970-О).

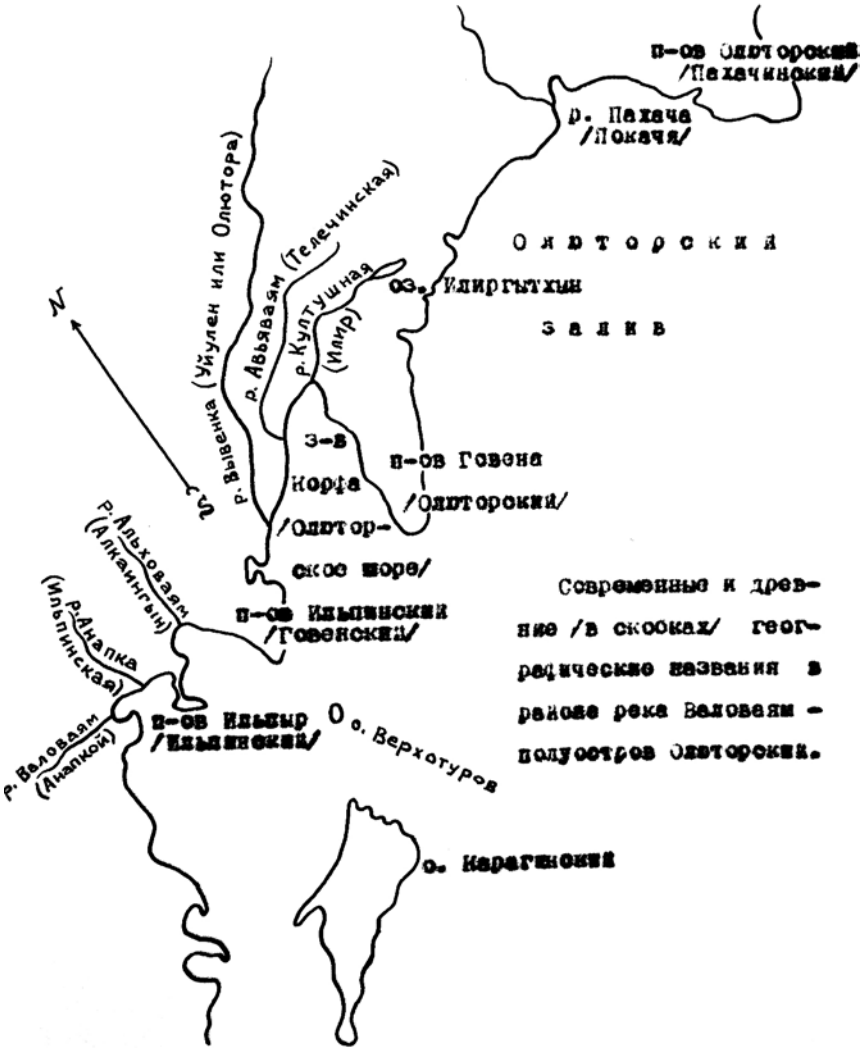


Схема 6

По данным работ Литке издана карта — первая печатная карта этого района. Ею пользовались лет шестьдесят, если не больше. Понятно, что ошибки Литке укоренились среди мореплавателей и повлекли за собой новые переносы названий. А местное население продолжало использовать в своём обиходе старые. Сохранялись они и на картах сухопутного ведомства. Например, на «Кар-

те Восточной Сибири», составленной в управлении Генерального штаба в Восточной Сибири в 1858 г., то есть тридцать лет после работ Литке, нанесены мысы Ильпинский, Говенский, Олюторский и Пахачинский в полном соответствии с описанием Крашенинникова. Вероятно, из-за ведомственных барьеров работы Литке остались неизвестными военным топографам, и они использовали более старые источники. В результате точность в нанесении береговой черты у них намного ниже, чем у Литке, и даже у Синдта, в 1768 г., этот участок побережья нанесён гораздо точнее.

Известно, что местное население употребляло древние названия вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Гидрограф М. Е. Жданко писал в 1907 г., что население данного района употребляет географические названия, отличающиеся от географических названий на карте. Так, полуостров, назвавшийся на карте Ильпинским, местные жители называли Говеном, а Говенский в свою очередь — Олюторским или Атвалык [ЦГА ВМФ, ф. 404, оп. 1, д. 6372, л. 45—47].

Этот же факт отмечал и В. Г. Тан-Богораз: «Мыс Олюторский на самом деле Ананнон, настоящий Олюторский мыс — мыс Говенский» (1934, с. 3).

В менее значительных размерах аналогичные переносы географических названий встречаются и в других районах Камчатки.

19. Названия шхипера Гека

Немалый вклад в камчатскую топонимику сделан шхипером Ф. Ф. К. Геком во время его плавания на шхунах «Сибирь» и «Сторож». Вообще-то в его задачи не входило исследование берегов Камчатки. В первом случае в 1885 г. он занимался китобойным промыслом, во втором в 1900 г. — выполнял задание Министерства государственных имуществ. Однако благодаря счастливому стечению обстоятельств ему удалось осмотреть берега, которые были закрыты туманом для всех предшествующих мореплавателей. Благодаря этому Гек произвёл глазомерную опись и рекогносцировочный промер побережья от устья реки Дранки на северовосток до границы Камчатской области и далее до Анадыря (шхуна «Сибирь», 1885 г.) и берегов Кроноцкого и Камчатского заливов (шхуна «Сторож», 1900 г.). При этом он дал большое количество новых географических названий, в том числе свыше полусотни на территории современной Камчатской области. Часть из них сохранилась до наших дней.

Плавание шхуны «Сибирь» в 1885 г. достаточно подробно описано в литературе (Гек, 1888-З; Гек, 1888-О; Ресин, 1888). Большинство топонимов, возникших во время этого плавания, расшифровано самим Геком. Сопоставление карт, изданных до 1888 г., с картами 1888 г. («Временная карта части западного берега Берингова моря от мыса Начикинского до Анадырского лимана», «Планы гаваней и бухт на восточном берегу корякской земли на полуострове Камчатка» и др.), составленных по материалам Гека, даст возможность вполне достоверно выявить топонимы, появившиеся в результате плавания шхуны «Сибирь».

О плавании шхуны «Сторож» в 1900 г. известно значительно меньше. Оно лишь вкратце описано в «Отчёте о действиях Главного гидрографического управления Морского министерства» за 1900 г. Однако это краткое описание содержит достаточно сведений для более или менее точного определения маршрута шхуны. Сравнивая же «Карту восточного берега полуострова Камчатка от мыса Столбового до мыса Сопочного», составленную по работам капитана парохода «Александр» Зандмана, с картами 1902 г. и последующих годов издания («Временная карта восточного берега полуострова Камчатка от мыса Столбового до мыса Лопатки», «Временная карта Кроноцкого залива», «Временная карта Камчатского залива» и др.), можно выявить названия, данные Геком в 1900 г.

Примерно половина всех названий Гека — посвящения. В большинстве случаев они связаны с именами людей, лично знакомых с Геком, названия, образованные от имён каких-либо других лиц — редкое исключение. Около половины названий — описания физико-географических и иных характеристик названных объектов. Наконец, несколько топонимов можно отнести к своего рода топонимическим курьёзам.

Остановимся сначала на топонимах, в которых Гек выразил своё уважение к боровшимся в то время за независимость южноафриканским республикам. Говоря о них, можно лишний раз убедиться в важности выяснения времени возникновения топонима. Вместе с тем при выяснении причин одного из них хорошо усматривается и необходимость знания более или менее подробных сведений о лице, придумывавшем названия.

Один из мысов на берегу Камчатского залива, несколько южнее устья реки Камчатки, Гек назвал мысом Шуберт. В. И. Воскобойников (1962-С) считал, что это название дано по фамилии генерал-лейтенанта Ф. Ф. Шуберта, начальника корпуса военных топографов

и директора Гидрографического департамента. По-видимому, основанием для такого предположения послужила только аналогия с названиями по фамилии Шуберта нескольких объектов на европейском севере, приведённых в справке И. П. Магидовича (1953). Его работой В. И. Воскобойников пользовался очень широко. Прямая ссылка на источник и предположение о времени возникновения топонима в работе В. И. Воскобойникова отсутствует.

До 1902 г. мореплаватели пользовались картами данного района, составленными по работам Зандмана (например, уже упоминавшейся «Картой восточного берега полуострова Камчатка от мыса Столбового до мыса Сопочного»). Камчатский залив нанесён на них довольно грубо, и на его берегах можно увидеть лишь четыре топонима: Камчатский залив, мысы Африка, Камчатский, Кроноцкий. Название мыс Шуберт на картах отсутствовало, не нанесены были и очертания его.

В 1902 г. издаётся «Временная карта Камчатского залива», на которой появляется мыс Шуберт. Можно, конечно, предположить, что мыс Шуберт знали и раньше, но не наносили на карты по чисто техническим причинам — масштаб «Временной карты Камчатского залива» примерно втрое крупнее масштаба карты Зандмана. Но это не так. В том же 1902 г. издана «Временная карта восточного берега полуострова Камчатки от мыса Столбового до мыса Лопатки» примерно одинакового масштаба с картой Зандмана, на которую также нанесён мыс Шуберт. На картах 1902 г. издания имеется помета о составлении их по работам капитана Зандмана в 1881 г., штабс-капитана И. И. Лелякина в 1898 г. и шхипера Ф. Ф. К. Гека в 1900 г. Если учесть, что ни один из маршрутов Лелякина не выходил к берегам Камчатского и Кроноцкого залива [ЦГА ВМФ, ф. 404, оп. 1, л. 4098, л. 19—21], то остаётся считать источником уточнением их берегов на карте работы Ф. Ф. К. Гека.

Почему же он назвал один из мысов мысом Шуберт? Мог ли он назвать его по фамилии Ф. Ф. Шуберта? Чтобы ответить на эти вопросы, требуется сказать несколько слов о Фридольфе-Фабиане Кирилловиче Геке. Финн по происхождению, авантюрист по призванию, он получил начальное мореходное образование и с дипломом шхипера отправился искать счастья на Дальнем Востоке. Его энергия, инициатива, любовь к морю дали много нового для географического изучения Дальнего Востока. Им составлены десятки карт и планов ранее совершенно неизвестных участков побережья, на которых он сотнями рассыпал новые географические

названия. Но многое только по количеству. Качество его гидрографических работ весьма низкое.

По отзывам современников, его никак нельзя считать не только высококультурным, но даже и просто образованным человеком. Он даже не умел как следует говорить по-русски (Ресин, 1888). В официальной переписке он пользовался английским языком, знание которого также нельзя счесть хотя бы удовлетворительными. Сохранился отзыв об описании Гека берегов от мыса Дранкинского до мыса Наварин [ЦГА ВМФ, ф. 404, оп. 1, д. 157, л. 120]. В распоряжении Гидрографического управления оказались два перевода с английского текста, написанного Геком, сделанных в штабе командира эскадры Тихого океана и в штабе командира портов Восточного океана. Подлинник в Гидрографическое управление не попал. Варианты перевода не согласовывались между собой и с приложенными к ним картами. Вряд ли следует винить в противоречиях переводчиков. Один из переводов (тот, что выполнен в штабе командира портов Восточного океана) уцелел до нашего времени [ЦГА ВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 340а, л. 7—14]. Переводчик — корпуса флотских штурманов подпоручик Панов — сразу же за заголовком сделал оговорку о ненадёжности перевода. Подтверждая свою оговорку, он в ряде случаев приводит в скобках английский текст. Эти цитаты позволяют предположить, что даже в пределах немногочисленных шаблонных оборотов, употребляющихся в лоциях и иных руководствах для плавания, английский язык Гека был далёк от совершенства.

О его познаниях в области истории географических исследований можно судить хотя бы по тому, что С. И. Дежнева он считал «знаменитым кругосветным мореплавателем», как он охарактеризовал его, нанося в 1885 г. на карту открытую и названную им бухту Дежнёва (Гек, 1888-О).

Ф. Ф. Шуберт умер за двадцать лет до плавания Гека, а практическую деятельность прекратил ещё ранее. К тому же, он никогда не занимался Дальним Востоком и потому никогда не пользовался широкой известностью на Тихом океане. Всё это позволяет довольно убедительно предположить, что вряд ли имя Шуберта было известно Геку. Видимо, причиной для названия послужило что-то иное. Но что?

Ответ можно получить, если рассматривать топоним «мыс Шуберт» совокупно с некоторыми другими названиями, нанесёнными Геком на карту в том же 1900 г., и вспомнить историческую обстановку 1900 г. В Южной Африке в полном разгаре англо-

бурская война. Симпатии всего человечества, в том числе и России, на стороне сражающихся за свою независимость буров. Со страниц мировой печати, в том числе и русской, не сходили имена руководителей и военачальников республик Трансвааль и Оранжевой. Неудивительно, что о них вспомнил и Гек. Два мыса в южной части Кроноцкого залива получили названия мыс Штейн и мыс Кропье по фамилиям президента Оранжевой республики М. Т. Штейна и одного из бурских генералов П. А. Кропье.

Есть подобное название и в Камчатском заливе. К северу от мыса Шуберт Гек нанёс на карту мыс Крюгер. С. И. П. Крюгер — президент республики Трансвааль — был в то время одним из самых известных и популярных государственных деятелей. Может быть, и Шуберт — также фамилия одного из деятелей бурских республик? Ведь вполне могло случиться так, что если рядом с именем президента Штейна Гек поставил на карте имя генерала Кронье, то и рядом с именем президента Крюгера уместно нанести на карту фамилию генерала? Среди деятелей южноафриканских республик не было никакого Шуберта, но вспомним, что в транскрипции Гека многие названия сильно искажены. Например, вышеупомянутый поручик Панов прочёл в его транскрипции фамилию Дежнева как «Джизнов», название «Крещёный огнём» — «Кристньон Агнем» и т. п. Поэтому надо поискать лицо с фамилией, похожей на Шуберт. Такая фамилия есть. Почти наравне с Крюгером был известен главнокомандующий бурской армией генерал П. Я. Жубер. Правда, правильное написание его фамилии — Joubert — никак нельзя прочесть как «Шуберт», но что стоило не очень-то грамотному Геку (к тому же финну!) написать её так, что единственно возможным прочтением стало «Шуберт»?

К нашему времени из этих четырёх топонимов сохранился только мыс Шуберт, мыс Крюгер называется сейчас Осыпным, Кронье — Калыгирь, Штейн — мысом Наквасина.

Среди других посвятительных топонимов Гека — залив Корфа (А. Н. Корф — первый приамурский генерал-губернатор), бухта Гека, бухта Лаврова (один из участников основания Владивостока, лично знакомый с Геком), рейд Скобелев (М. Д. Скобелев — начальник русской военной экспедиции в Среднюю Азию в 1880—1881 гг.), мыс Линдгольма (О. В. Линдгольм — владивостокский купец, владелец шхуны «Сибирь»), гавань Ресина (А. А. Ресин — участник плавания на шхуне «Сибирь», выполнявший поручения приамурского генерал-губернатора по обследованию условий

жизни коряков, чукчей и других народов Северо-Востока), мыс Витгенштейна, о котором подробно говорилось выше, и другие.

Среди посвящений имеются не только фамилии, но и имена. Плавание Гека в 1885 г. — первый случай массового появления на карте Камчатки топонимов, образованных не только от фамилий и отчеств, как это имело место раньше, но и от имён. Мыс и бухта Наталии названы по имени жены О. В. Линдгольма, по имени одной из дочерей Гека названа бухта Анастасии. Воскобойников, правда, считал, что Наталия и Анастасия — имена дочерей Гека (Воскобойников, 1962-С).

Против мнения В. И. Воскобойникова возражал А. И. Алексеев (1962), считавший почему-то, что бухта Наталия названа мореходом Д. Я. Шабалиным по названию его судна «Наталия», а бухта Анастасии — по имени великой княгини Анастасии Михайловны. Второе подтверждает и участник плавания Ресин (1888).

Вряд ли следует считать мнение А. И. Алексеева в отношении бухты Наталии правдоподобным. Бригантина Шабалина «Наталия» была построена в Охотске в 1777 г. и сразу же ушла к Курильским островам, где и плавала до своей гибели в 1780 г. у острова Уруп. Шабалин возвратился на Камчатку на байдарах и в последующие годы плавал между Камчаткой и Русской Америкой. В районе бухты Наталии он никогда не бывал и, следовательно, никак не мог дать названия. Далее, впервые это название появляется лишь на картах 1888 г., составленных по работам Гека, а точнее — полностью копировавших его рукописные карты [ЦГА ВМФ, ф. 404, оп. 1, д. 157, л. 123], через сто лет после Шабалина! И, наконец, сам Гек прямо пишет, что бухта Наталия названа по имени жены Линдгольма (Гек, 1888-О).

Несколько сложнее обстоит вопрос с бухтой Анастасии. Как уже говорилось, участник плавания Гека А. А. Ресин (1888) писал, что бухта названа по имени великой княгини Анастасии Михайловны, того же мнения придерживался и А. И. Алексеев (1962), считавший, правда, что название дали офицеры отряда кораблей контр-адмирала А. Б. Асланбегова. Сам Гек о причинах названия умалчивает. Отряд Асланбегова отпадает сразу. Его корабли не производили никаких работ в районе бухты Анастасии. К тому же и Гек, и Ресин недвусмысленно сообщают, что бухта названа именно во время плавания шхуны «Сибирь» в 1885 г.

Придётся отказаться и от великой княгини. В то время просто было немыслимо назвать великую княгиню, входившую в состав «августейшего семейства», «Анастасией». Это было бы, по мень-

шей мере, рискованно, хотя бы в устном публичном выступлении, не говоря уже о фиксировании такого «кощунства» на карте. На упоминавшейся рукописной карте Гека можно видеть мыс *князя* Витгенштейна, залив *барона* Корфа, а рядом бухта Анастасия, безо всякого титула! Такая вещь до революции не могла быть случайностью. Упоминание титула было обязательным даже при фамилиях и не столь аристократических, не говоря уже об «августейшем семействе».

Что же касается разнобоя во мнениях Гека и Ресина, то его не так уж трудно объяснить. Ресин мог не знать имени дочери Гека. В конце концов, кто такой для него, офицера, выполняющего особое поручение генерал-губернатора, какой-то там шхипер Гек? Но Ресин, армейский штабс-капитан, ранее служивший субалтерн-офицером (младший офицер в роте, эскадроне, батарее или команде. — *Ред.*), не мог не знать великой княгини Анастасии Михайловны. Ведь он по долгу службы должен был контролировать занятия солдат так называемой «словесностью», в программу которой входило и знание назубок состава «августейшей» фамилии. Да и самому ему в бытность юнкером приходилось зазубрить то же самое. Естественно, что для него название бухты сразу же ассоциировалось с великой княгиней. А как это выглядело на карте — он не знал, ибо с прибытием во Владивосток он покинул шхуну, совершенно не интересуясь тем, что там будет чертить и писать Гек.

Имелись у Гека и другие виды посвящений: названия его судов — Сибирский рейд (первой на нём побывала шхуна «Сибирь»), река Сторож; события — скала Геок-Тепе (одну из крупных побед Д. М. Скобелев, именем которого назван рейд Скобелев, одержал у селения Геок-Тепе) и другие.

Столь широкое употребление посвятительных географических названий даже вызвало неудовольствие в гидрографии. Начальник Гидрографической части портов Восточного океана капитан Казаринов в отчёте за 1885 г. писал, что плавание шхуны «Сибирь» принесло большую пользу, но к этому присовокупил: «...одно надо сожалеть, что названия местностей он давал, не придерживаясь характеристики берега, а придерживаясь принятому сибирскому обычаю увековечивать имена лиц, плававших в этих местах или даже долго служивших в Сибири. Таким образом, все наши карты испестрены различными именами лиц, желавших и не желавших увековечить своё имя. Что, по моему мнению, неудобно и даже затруднительно, в особенности для лиц, первый раз плававших.

Между тем, как зачастую случается, что контур берега сам себе даёт название. Капитан Гек, как видно, был не чужд общему сибирскому правилу и испестрил всю карту именами лиц» [ЦГА ВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 338, л. 56—57].

Описательные названия Гека довольно разнообразны. Среди них встречаются случаи использования для образования названия формы или окраски объекта: мыс Песчаная коса, гора Пирамидальная, холм Отличительный (то есть приметный), скала Чёрная, мыс Красный и другие.

В ряде случаев в его географических названиях отражены обитавшие в данном месте представители животного мира: мыс Ория (место гнездования уток вида Ориа), мыс Ара (птицы породы ара), мыс Аргали (многочисленные стада горных баранов вида аргали), бухта Моржовая, бухта Тюленье озеро и другие. Сюда же можно было бы отнести и мыс Орангутанг, но орангутангов на Камчатке никогда не бывало. И в очертаниях мыса не усматривается никакого сходства с обезьяной. Впрочем, у каждого могут возникнуть на сей счёт свои ассоциации.

Не обошёлся Гек и без Северных, Южных и тому подобных мысов. Любопытно происхождение названия мыса Приятель. Здесь находилось становище коряка, владевшего тысячными стадами оленей. Он охотно продавал их, но главную прелесть торговли видел не в барыше, а в том, чтобы как следует поторговаться. Начиная с совершенно немыслимой цены, он подолгу торговался с Геком, который в конце концов отказывался от покупки. Тогда коряк, очень довольный происшедшим торгом, уступал оленей за бесценок. При этом он громко выкрикивал: «На, приятель!» Подобные сцены повторялись несколько раз (Гек, 1888-О).

Один из мысов получил название мыс Крещёный огнём. Причину такого названия установить не удалось. Гадая о ней, В. И. Воскобойников предлагал две версии. Первая — мыс назван мореплавателями в связи с пожаром на нём, вторая — местными жителями из-за столкновений между коряками и чукчами (Воскобойников, 1962-С). Он решительно склонялся на сторону второй, основываясь на находках на мысу каменных стрел и других предметов быта кочевников и на преданиях о битвах за угодья в данном районе. Не говоря уже о том, что до прихода русских коряки и чукчи не знали огнестрельного оружия, а значит и не могли связывать понятия война и огонь, совершенно непонятно, с чего бы это корякам давать мысу русское название, да ещё такое вычурное? Предположение о пожаре выглядит более правдопо-

добным, но и в его пользу нельзя привести никаких подтверждений. Гек о причинах этого названия умалчивает.

Остались непонятными и некоторые другие названия Гека. В частности, он почему-то дал название «Рубикон» реке, расположенной примерно там, где сейчас проходит граница между Камчатской и Магаданской областями. Трудно сказать, какие ассоциации она могла вызвать у Гека, приведшие к такому громкому названию.

20. Топонимы Гидрографической экспедиции Восточного океана

Плановые гидрографические работы на русских и сопредельных берегах Тихого океана начались в 1862 г. Длительное время они производились на юге, а на Камчатке они появлялись эпизодически. Этим и объясняется столь большое значение таких, казалось бы, неточных и примитивных материалов, как работы Гека и некоторых других.

Отсутствие плановых работ приводило даже к появлению картографических материалов, составленных, так сказать, «заочно». В. И. Воскобойников (1962-С) писал, что остров Енгалычева в Подкагерной губе на севере западного берега Камчатки назван по фамилии командира шхуны «Ермак» лейтенанта К. Е. Енгалычева во время описи острова экипажем этой шхуны. В подтверждение он ссылался на устное сообщение капитана 1-го ранга Карпинского. Из «Памятных книжек Морского ведомства» усматривается, что, действительно, в 1872—1873 гг. шхуной «Ермак» командовал лейтенант князь Енгалычев. До революции остров назывался островом князя Енгалычева (Деливрон, 1905). Эти данные подтверждали предположение В. И. Воскобойникова.

Но данные, противоречащие его предположению, выглядели не менее убедительно. Во-первых, при просмотре вахтенных журналов шхуны «Ермак» [ЦГА ВМФ, ф. 470, оп. 1, д. 14252, 16161 и др.] не найдено сведений о её плавании не только в бухте Подкагерной, но и вообще у берегов Камчатки. Во-вторых, название «остров князя Енгалычева» впервые появился на «Наглядном плане бухты Подкагерной», составленном подпоручиком корпуса флотских штурманов Клыковым в 1871 г., то есть за год до назначения Енгалычева командиром шхуны.

Одновременно с фамилией Енгалычева на том же наглядном плане появились ещё две фамилии — Божедомова и Тобизина

(мыс Божедомова и копи Тобизина). В подобных случаях, когда примерно в одном районе появляются сразу несколько топонимов, образованных от личных имён, очень часто, почти всегда, находится что-то общее между этими лицами. Выше рассматривался аналогичный пример с мысами Крюгера, Кронье, Штейна и Шуберта. Так оказалось и с топонимами бухты Подкагерной — Енгалычев, Божедомов и Тобизин служили вместе на шхуне «Сахалин», погибшей в 1867 г. по вине всех троих несколько южнее устья реки Тигиль [ЦГА ДВ, ф. 1, оп. 2, д. 225, л. 4].

Лейтенант Г. Р. Тобизин командовал шхуной, подпоручик корпуса флотских штурманов И. М. Божедомов был старшим штурманским офицером шхуны (младших, впрочем, не было), а лейтенант К. Е. Енгалычев — вахтенным офицером, тоже в единственном числе. После кораблекрушения команда шхуны пошла пешком к устью реки Тигиль, где её подобрала шхуна «Ровер». Регулярно плавая у западных берегов Камчатки, Тобизин неоднократно заходил в бухту Подкагерную, чтобы пополнить запасы угля. Уголь там лежал прямо на поверхности, и команде не представляло труда набрать нужное количество его. По совету Тобизина зашла в бухту за углём и шхуна «Ровер».

С прибытием в Николаевск началось расследование причин гибели шхуны. В состав комиссии вначале входил в числе прочих членов подпоручик корпуса флотских штурманов И. А. Клыков. Расследование длилось очень долго. Божедомов и Тобизин умерли, не дождавшись суда. Енгалычев был по суду оправдан, как лицо второстепенное.

И. А. Клыков никогда не был в бухте Подкагерной. Его авторство в отношении «Наглядного плана» довольно спорно. Скорее всего, его план — не более чем копия с аналогичного плана бухты, составленного кем-то из офицеров шхуны «Сахалин» (наиболее вероятно, Тобизиным). По-видимому, со слов кого-то из них или всех понемногу написано и «Описание бухты Подкагерной», приложенное к плану [ЦГА ВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 919, л. 127—140]. План и описание направлены в Гидрографический департамент почти сразу же после смерти Тобизина (сентябрь 1870 г.) и Божедомова (февраль 1871 г.). Вполне естественно, что при таких обстоятельствах И. А. Клыков не преминул воспользоваться случаем для выражения своего почтения к покойным сослуживцам проставлением их имён на карте (Кусков, 1970-Б).

В 1914 г. Гидрографическая экспедиция Восточного океана начала плановую опись камчатских берегов. Работы начались на

западном берегу Пенжинской губы и затем продолжались вдоль побережья Камчатки без пропусков. В основном экспедиция работала в почти безлюдных местах. В то же время она наносила на карты множество ранее неизвестных объектов. Понятно, что при этом пришлось давать не одну и не две сотни новых названий. Новизна и привлекательность процесса называния были давно утрачены в ходе многолетней кропотливой работы. Называние географических объектов стало лишь одним из элементов её, таким же будничным, как и все остальные. Поэтому среди названий, возникших при работах экспедиции, очень редко встречаются привлекающие внимание своей необычностью.

Для Гидрографической экспедиции Восточного океана типичны названия в виде кратких описаний объектов, которым они присвоены. Например, мысы Водопадский, Обрубистый, острова Зубчатый, Конус, Ровный. Такие названия уже сами по себе облегчают опознание объекта и, конечно, куда удобнее в употреблении среди мореплавателей, чем объекты, названные чьими-то именами, в большинстве случаев забытыми и ничего не говорящими. Наряду с чёткими, легко запоминающимися названиями, возникающими само собой при первом взгляде на мыс, гору, остров и т. д., есть немало и таких, которые не содержат в себе характеристики внешнего вида объекта, но зато дают другую информацию, необходимую мореплавателю. Это такие названия, как мысы Рифовый, Опасный, залив Мелководный и другие.

Топонимы, образованные от личных имён, для экспедиции редкость. Они, как правило, хорошо обоснованы. Например, во время работ 1914—1915 гг. на карте появилось всего три (а практически даже два) топонима, образованных от личных имён. Это полуостров Елистратова и мыс Елистратова на этом же полуострове, а также остров Добржанского. Причиной послужило то, что полуостров впервые описан ещё в 1787 г. геодезистом Елистратовым, и то, что остров описан при деятельном участии одного из помощников начальника экспедиции капитана Н. А. Добржанского, много лет прослужившего в экспедиции (Жданко, 1916).

В незначительном количестве имеются топонимы, напоминающие о более или менее значительных моментах в деятельности экспедиции. Один из мысов к югу от устья реки Пенжины назван, к примеру, мысом Астрономическим. На этом мысу выполнен полный комплекс астрономических наблюдений для определения координат мыса и сооружён знак астрономического пункта. Работа весьма важная, ибо на прежних картах, более или менее правильно

информировавших об очертаниях берегов, ошибки в координатах в переводе на линейные меры достигали величин порядка полусотни миль.

Подобных методов образования топонимов экспедиция придерживалась и в последующие годы своей работы, продолжавшейся и после Великой Октябрьской социалистической революции.

21. Несколько слов о формировании топонимики внутренних районов полуострова в XIX в.

Выше довольно подробно говорилось об исследовательских работах, связанных с ними новых географических названиях на побережье Камчатки. Это не случайно. В XIX в. ломка и переделка, расширение и обогащение камчатской топонимики происходили преимущественно на побережье её, поскольку составление морских карт стало насущной необходимостью. А отсутствие карт внутренних районов никого особенно не волновало. Поэтому специально топографические экспедиции на Камчатке не работали со времён геодезистов И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина, весьма бегло прошедшихся по Камчатке в 1721 г. Не внёс в топонимику Камчатки почти ничего и академический отряд Второй Камчатской экспедиции. Горный инженер К. В. Дитмар в 1851—1855 гг. дал несколько новых названий безымянным объектам, но они не вошли в употребление, так как долгое время оставались записанными в его бумагах, но никому неизвестными. Нападение англо-французских интервентов в 1854 г. на Петропавловский порт и последовавшая в 1855 г. эвакуация порта в устье Амура надолго превратили Камчатку в никого не интересующее захолустье. По этой причине К. В. Дитмар не публиковал своих работ до 1901 г. Разумеется, спустя полвека данные им названия не имели никакого практического применения (Дитмар, 1901).

Отдельные исследовали, например, К. С. Старицкий, Н. Н. Лелякин и другие, работали на Камчатке, но в силу ряда причин их работы не имели систематического характера, а сводились к определению географических координат ряда пунктов, во многих случаях опять-таки на побережье. Понятно, что какого-то воздействия на топонимику внутренних районов такие работы оказать не могли.

В результате топонимика внутренних районов сохранялась в том виде, в каком она сложилась ещё в середине XVIII в. Она представляла собою смесь географических названий коренного населения и сибирских казаков. Конечно, процесс забывания старых

географических названий и появления новых никогда не прекращался, но он происходил медленно и незаметно. Появления новых названий десятками, а то и сотнями, как это бывало во время экспедиционных работ, не отмечалось. Образующиеся естественным путём топонимы по своему характеру ничем не отличались от древних топонимов и от образованных русскими землепроходцами в годы начала освоения Камчатки.

22. Географические названия Камчатской экспедиции Географического общества

С 1908 г. на Камчатке работала комплексная экспедиция Географического общества. В составе её был геологический отряд во главе с С. А. Конради. В задачи отдела входило составление карты Камчатки. С. А. Конради работал на Камчатке три года, с 1908 по 1910. Ограниченность времени и недостаточность сил для такой колоссальной работы не позволили создать карты в планировавшемся объёме. Тем не менее, работы геологического отдела внесли очень большой вклад в картирование Камчатки (Конради, 1908—1910; Конради и Келль, 1925; Келль, 1925; Келль, 1928).

При работах геологического отдела объекты, названия которых были известны, сохраняли их, а безымянные объекты, или сочтённые таковыми, назывались как-нибудь лишь для того, чтобы както оперировать с ними в полевых книжках. Лишь очень немногие относительно общего количества сразу же получили названия, предназначенные для нанесения на карту. Это сопка Машковцева (по фамилии топографа А. Ф. Машковцева), вулкан Штюбеля (по фамилии немецкого вулканолога Штюбеля), сопка Шмидта и водопад Шмидта (по фамилии начальника зоологического отдела экспедиции П. Ю. Шмидта), ледник Комарова (по фамилии начальника ботанического отдела В. Л. Комарова), ледник Эрмана (по фамилии путешественника А. Эрмана), ледник Тюшова (по фамилии петропавловского врача В. Н. Тюшова) и другие. По-видимому, сразу предназначались для карт и такие названия, как сопка Приемыш (вершина, имеющая общее основание с сопкой Ходутка), Граммофон (похожа формой на граммофон), Двухзубая, Дикий Гребень, Беленькая, Тупая, Острая и другие.

В отношении остальных названий предполагалось, что при камеральной обработке материала найдётся время для замены их на более уместные. Как это обычно бывает, времени не оказалось. На карте в результате появились не совсем обычные, а подчас

и курьёзные названия (Келль, 1928). Некоторые из них сохранились до наших дней. Это сопка Предполагаемая (при засечках её вершины возникло сомнение — является ли данная вершина вершиной сопки или нет, почему она фигурировала в полевых книжках как «предполагаемая вершина»), небольшая возвышенность Поэзия Чубарова (причина названия неизвестна), Сопочка Повыше, Сопочка Пониже и многие другие аналогичные названия.

Маршруты отделов экспедиции не совпадали. Естественно, что ботаники, зоологи, метеорологи также обнаруживали и наносили на карты неизвестные ранее горы, озёра и т. д. Поскольку у них такие вещи случались гораздо реже, то почти во всех случаях они давали посвятительные названия. В их числе гора Крашенинникова, кратер Савича (по фамилии сотрудника ботанического отдела В. П. Савича), озеро Державина (по фамилии зоолога А. Н. Державина) и другие.

23. Формирование топонимики в наши дни

После Великой Октябрьской социалистической революции на карте Камчатки продолжают появляться новые топонимы. Возникают новые населённые пункты, работают экспедиции научно-производственных учреждений, продолжаются работы топографов. Характер названий существенно изменился. Исчезли фамилии князей, имена святых, фамилии губернаторов. Взамен появились фамилии борцов за советскую власть (селения Елизово, Лазо и другие), фамилии героев Великой Отечественной войны (бухта Ильичёва, мыс Вилкова и другие).

Главное же в том, что процесс переименования и новонаименования до какой-то степени упорядочен. Прекращено, например, присвоение имён государственных и общественных деятелей при их жизни. Установлено, что такие названия населённым пунктам и административным районам производятся только по решениям Верховных Советов союзных республик (Указ, 1957). Упорядочен учёт существующих населённых пунктов (Указ, 1962). В РСФСР регистрации и наименованию подлежат лишь пункты с постоянно проживающим населением. Временные (лесные кордоны, полевые станы) и служебные (железнодорожные будки, дома бакенщиков и другие поселения, связанные с обслуживанием транспорта, производством метеонаблюдений и т. п.) населённые пункты названий не получают и регистрации не подлежат. Названия селений утверждаются Президиумом Верховного Совета автоном-

ной республики или исполкомом областного (краевого) Совета депутатов трудящихся по ходатайствам городских, районных и других Советов. Ходатайство обязательно должно обосновывать название с учётом географических, исторических, национальных и прочих условий. Не допускается присвоение наименований, уже имеющихся в области. Переименование производится только по решению Президиума Верховного Совета РСФСР.

Издана также инструкция о порядке применения указа, где в числе прочих указаний предусмотрено согласование нового названия с соответствующей организацией Географического общества. Подобная практика имела место и на Камчатке. Ряд названий населённых пунктов по рекомендации Камчатского отдела Географического общества отклонены. Практика показала необходимость помимо выполнения требований, прямо предусмотренных указом и инструкцией, учитывать удобство использования названия в качестве почтового адреса, возможность удобного образования от названия населённого пункта названий административного района, местного предприятия, жителей этого селения, а также соответствие предлагаемого названия нормам русского языка.

При обобщении опыта применения вышеуказанных законодательных актов выяснилась необходимость согласования новых названий с заинтересованными организациями (Министерство связи, Министерство путей сообщения и другими), что и отражено в постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 сентября 1964 г.

Наряду с официальными географическими названиями продолжается образование новых топонимов и населением. Топонимы, возникшие у местного населения, обычно не попадают ни на карты, ни в документы и потому существуют сравнительно короткое время, одно-два поколения. Во многих случаях невозможно выяснить время происхождения их, а очень часто и причины, особенно когда речь идёт о сравнительно мелких объектах. В начале 1950-х гг., например, производилась топографическая съёмка ранее совершенно необследованных районов Срединного хребта. Во время этих работ на картах появилось большое количество корякских топонимов. Частично топографы использовали географические названия, употреблявшиеся коряками и ранее, а в других случаях придумывали новые. По существу, новые названия давали даже не топографы, а их проводники-коряки, так что это подлинно корякские названия. И всё же спустя десять-пятнадцать лет местные жители, хорошо помня о топографических работах

и возникших в их ходе географических названиях, начисто забыли, которые из них существовали раньше, а которые придуманы во время топографических работ.

Глава 5. О происхождении названия «Камчатка»

24. Различные предположения о происхождении названия «Камчатка»

Как уже говорилось, очень многие исследователи стремились выяснить причину возникновения названия реки Камчатки, позже ставшего названием всего полуострова. В. И. Воскобойников (1962-С) приводит сравнительно полную сводку всех предположений о происхождении топонима «Камчатка».

Начинает он с легенды о коряке Хончате, в ознаменование подвигов которого стала называться Хончаткой местность, где он жил. Затем это название распространилось и на реку, а позже, изменившись в «Камчатку», — и на весь полуостров. Эта легенда, повидимому, сравнительно недавнего происхождения, является одним из вариантов легенды, известной ещё во времена землепроходцев. От первоисточника она отличается включением множества деталей из современного фольклора. В. И. Воскобойников не очень верит в её истинность. Он сообщает, что она имеет несколько вариантов, имеющих некоторые отличия друг от друга, но во всех идёт речь о событиях конца XVII — начала XVIII вв., в то время как называние реки Камчатки появилось на русских картах в 1667 г., следовательно, оно возникло раньше.

Есть и такие легенды, в которых слово «Камчатка» рассматривается как сочетание двух имён «Кам» и «Чатка». В одних случаях это возлюбленные, бросившиеся в реку, в других — влюблённые, превратившиеся в реки, и т. п. Искать в них объяснение причин возникновения названия бесполезно. Такие легенды представляют интерес только как образцы фольклора о географических названиях.

Покончив с легендами, В. И. Воскобойников излагает мнения Г. Ф. Миллера, Г. В. Стеллера, В. П. Маргаритова и других, останавливаясь наиболее подробно на мнении С. П. Крашенинникова. Большинство из них сводятся к подысканию созвучия названия реки с каким-либо ительменским или корякским словом.

Многие из предположений выглядели достаточно правдоподобно и убедительно, но в лучшем случае лишь одно из них могло

быть правильным. В конечном итоге В. И. Воскобойников, не высказывая какого-либо нового предположения и не отдавая предпочтения никакому из ранее высказанных, заключил: «Несмотря на ряд предположений, которые заслуживают внимания и, конечно, дальнейшего изучения, история названия “Камчатка” остаётся ещё невыясненной. Несомненно одно: слово это местного происхождения, вероятнее всего, ительменского» (Воскобойников, 1962-С, с. 24).

25. Приёмы образования названий рек землепроходцами

Оставив пока в стороне вопрос о конкретных предположениях, попробуем разобраться, как же вообще образовывались названия рек у землепроходцев. Огромное количество названий рек Северо-Востока России легко сводится в несколько групп, в зависимости от приёма образования их названия. Надо думать, что в одну из этих групп войдёт и название реки Камчатки, ибо ничего исключительного в нём нет. Речь идёт именно о названии реки, ибо в XVII и в начале XVIII в. Камчаткой называли только реку, что отмечено и С. П. Крашенинниковым (1949, с. 100): «Самые камчатские казаки под именем Камчатки разумеют токмо реку Камчатку с окрестными местами».

Известно пять способов образования названий рек русскими землепроходцами. Первое — искажение названия, принятого у местного населения. Второе — описание физико-географических характеристик реки. Третье — использование имени наиболее выдающегося жителя реки. Четвёртое — использование имени русского служилого человека, открывшего реку, погибшего на ней или каким другим образом связанного с этой рекой. Пятое — отражение примечательных событий на реке.

Казаки отнюдь не стремились перечеркнуть топонимику, созданную коренными обитателями полуострова, тем более, что это принесло бы им массу неудобств. Они были ничтожным меньшинством населения, почему волей-неволей должны были использовать ительменские и корякские названия. Иначе бы их не понимали местные жители и наоборот. Даже много позднее в казачьем обиходе равноправно существовали и русское, и местное название какой-либо реки. Могло ли быть, что и «Камчатка» — искажение ительменского или корякского названия?

Исследователи, отыскивающие в названии реки Камчатки созвучия со словами из местных языков, молчаливо соглашаются с таким предположением. Ведь если «Камчатка» — искажение

ительменского или корякского слова, то этим словом должны были они её называть. Не могло же быть так, чтобы казаки назвали реку не по-русски, а по-корякски или по-ительменски. Но река Камчатка «по-камчатски (то есть по-ительменски. — *В. К.*), Уйкоаль, то есть большая река называется», и это название «дано ей издревле» (Крашенинников, 1949, с. 101). Очевидно, что невозможно так исковеркать название «Уйкоаль», чтобы из него получилось «Камчатка». Этого никто не делал.

Нет никаких данных, чтобы река Камчатка когда-нибудь называлась теми словами, которые берут исследователи за исходные для получения названия «Камчатка». Возникает вопрос: а могла ли так называться река? Например, И. И. Огрызко (1953, с. 173) предположил, что название «Камчатка, очевидно, произошло от ительменского “комачу”, что значит “мыс, полуостров”. Действительно, в рукописи С. П. Крашенинникова есть упоминание, не вошедшее в окончательный текст книги, что ительмены называли мыс Лопатку «Комачу, то есть продолжение». Что ж, вполне понятное и уместное название для мыса, но вряд ли возможно название реки, означающее «продолжение», «мыс», «полуостров». Вероятно, И. И. Огрызко почему-то упустил из виду, что Камчаткой назвали не полуостров, а реку.

Е. П. Орлова обратила внимание «на то, что по-камчадальски “кчамзалх” означает “человек”. Крашенинников приводит сходное слово того же значения: “ушкамжа”. Очевидно, термин “Камчатка” происходит от одного из самоназваний камчадалов или ительменов» (Берг, 1946, с. 58). Созвучие не вызывает сомнения, хотя оно и несколько меньше, чем в предположении И. И. Огрызко. Но остаётся тот же вопрос: могли ли ительмены назвать реку «человеком» или как-то похоже? Видимо, на такой вопрос возможен только отрицательный ответ.

Прочие предположения выглядят ещё менее убедительно. Таким образом, приходится признать, что Камчаткой реку, скорее всего, назвали, не используя её местного наименования. Видимо, оно возникло самостоятельно.

К тому же нельзя не обратить внимания на многочисленные варианты русского произношения иноязычных названий рек. Известно около двух десятков вариантов записи названия реки Анадырь (Онандырь, Андио, Адырь, Нанабара и другие), свыше полудесятка вариантов записи названия реки Авачи (Овача, Савача, Вовача и прочие). Ничего подобного неизвестно о реке Камчатке. Начиная с 1667 г. река называлась только Камчаткой. Известны

лишь два отклонения от этого написания, причём незначительные и легко объяснимые, обнаруженные Б. П. Полевым (1967). В челобитной, писанной под диктовку И. М. Рубца 15 декабря 1668 г., река названа «Комчаткой». Вероятно, это простая ошибка, ибо через два дня тот же писец в другом документе написал правильно «на реке Камчатке». Второй случай — «Кончатка» в челобитной И. Ермолина в 1670 г. Б. П. Полевой считает, что в данном случае причиной послужили особенности произношения юкагиров и коряков, от которых Ермолин услышал это название.

Второй, также очень распространённый, способ образования названий — описание физико-географических или иных характеристик. Примеры можно увидеть при первом же взгляде на карту Камчатки. Это реки Большая, Быстрая, Мутная, Лесная, Ольховая, Лиственничная и другие. Единственное русское слово того же корня, что и название реки — «камчатая», как называли один из видов ткани. Очень трудно предположить, что казаки усмотрели на реке Камчатке что-то такое, что заставило их сравнить её с тканью, да ещё не с какой-нибудь, а именно с камчатой. Да и вообще, на Дальнем Востоке нет ни одного случая, чтобы реку назвали суконной, холщёвой и т. п.

Правда, при желании можно подобрать какое-либо слово из любого языка, созвучное со словом «Камчатка», в котором найдётся что-то характеризующее реку Камчатку. Например, В. К. Маляревский обратил внимание на созвучие с названием реки слов «камча», то есть плеть. При известной фантазии возможно уподобить панораму течения реки брошенной плети или представить долину реки как след удара плети. Но в языке землепроходцев отсутствовали и камча татарская, и плеть русская. Причина простая — хотя и были «конные» казаки, но не было лошадей. Звание конного служилого человека было условным, более почётным, нежели пешего, сопряжённым с получением несколько большего денежного оклада. Правда, служилых людей били не меньше, чем лошадей. В документах можно встретить битьё кнутами, батогами «смотря по вине», «безвинное» верчение «клячем», но плети почему-то и для этой цели не употреблялись.

Второй пример ещё более правдоподобен. А. И. Попов указал, что слово «камчат» по-татарски — бобёр. Здесь не нужно никаких пояснений. Достаточно вспомнить, что в своё время сибирские казаки именовали Кроноцкий залив Бобровым морем. Но татар на Камчатке не было, и нет никаких оснований предполагать, что татарское нашествие могло коснуться и Камчатки.

Вышеприведённые мнения В. К. Маляревского и А. И. Попова, конечно, не следует рассматривать как очередные предположения о происхождении названия реки Камчатки. Это просто примеры того, к чему могут привести поиски созвучий.

Многие реки названы по именам наиболее выдающихся жителей острожков, расположенных на их берегах. Так названы реки Амшигачева (по имени Амшигача), Налычева (от имени Налачь), Начики (от имени Начика), Облуковина (от имени Аглукома), Хайрюзова (от имени Харус) и другие. По этой же причине могли бы назвать и реку Камчатку, но «имя Хончат камчадалам неведомо» (Крашенинников, 1949, с. 361). Если не было такого или хотя бы схожего имени, то не могло возникнуть и названия.

Четвёртый вариант — образование названия от отчества или фамилии-прозвища русского человека. Отчество, очевидно, отпадает. Человек же с фамилией-прозвищем, схожим с названием реки, существовал — Иван Иванов Камчатой. Сходство фамилии-прозвища и название реки явное. Об этом варианте будет подробно сказано ниже при рассмотрении гипотезы Б. П. Полевого.

Наконец, последнее — образование названий в связи с какими-то событиями. Такие примеры единичны. Можно упомянуть реку Воровскую, впадающую в Охотское море, и остров Изменный, ныне Завойко, в Авачинской губе. Первое название происходит от слова «вор», которое в XVII в. означало не похитителя, а бунтовщика, мятежника. Жители реки Воровской и были известны частыми возмущениями во время сбора ясака и нападениями на сборщиков. На острове же укрывались восставшие ительмены, с точки зрения казаков — «изменники». Видимо, этот вариант для реки Камчатки неприемлем.

Приведённое деление топонимов на группы в известной степени условно. Это деление можно детализировать, но как будто перечисленные способы образования названий охватывают все варианты образования географических названий в период освоения Камчатки. Наиболее подходящим выглядит вариант образования названия реки от фамилии-прозвища служилого человека.

26. Гипотеза Б. П. Полевого

Несколько другим путём к такому же выводу пришёл Б. П. Полевой (1967). Он и обнаружил в архивных документах сведения о служившем на северо-востоке Сибири Иване Иванове Камчатом. В первую очередь Б. П. Полевой обратил внимание на «Чертёж земли

Якутцкаго города», где возле искажённого изображения Камчатки имеется надпись: «А на Камчатке приходят люди грамотные, платье на них азямы камчатые» (Ремезов, 1882, л. 31). Примерно такая же надпись поставлена С. У. Ремезовым и на «Чертеже вновь Камчадальския земли и моря»: «Остров (термина «полуостров» тогда ещё не употребляли. — *В. К.*) Камчатой, приходя[т] люди грамотные, платье на них азямы камчатые» (Ефимов и др., 1964, № 47). Две почти полностью совпадающие надписи навели Б. П. Полевого на мысль, что С. У. Ремезов как-то связывал название реки Камчатки с камчатскими азямами.

Затем Б. П. Полевой проанализировал ранние сведения о реке Камчатке. Когда в Якутск осенью 1736 г. прибыл Г. Ф. Миллер, то он узнал от властей, что, по словам камчадалов, река Камчатка получила своё название после прихода русских по имени «знатного воина Кончата». Вот это и есть первоисточник легенд о «воине». В нём чрезвычайно важно то, что прямо сказано о возникновении названия «Камчатка» после прихода туда русских. К сожалению, в последующей передаче именно эта деталь и оказалась утраченной. Миллер почему-то решил, что оный Кончат должен был быть участником похода В. В. Атласова в 1697—1699 гг. Но в якутских архивах нашёлся документ о намерении группы казаков лет за десять до похода Атласова бежать на реку Камчатку, предварительно ограбив кое-кого в Якутске (ОРЗ, с. 477). Этот документ начисто разбивал версию о Кончате, участнике похода Атласова. Тогда Миллер предположил, что де русские узнали о реке от коряков, которые якобы называли ительменов «кончало», от какового слова и образовалось название «Камчатка».

Почти одновременно с Миллером вопросом происхождения названия реки занимались Г. В. Стеллер и С. П. Крашенинников. Первый из бесед с ительменами сделал вывод, что «Коншат — имя жившего на этой реке в прежние времена одного очень уважаемого и знаменитого человека» (Стеллер, 1744, с. 2). Потому де ительмены и назвали реку Камчаткой. Русские же приняли уже существовавшее название, а заодно и образовали от него название жителей реки — камчадалы. Таким образом, Стеллер считал Кончата ительменом.

С. П. Крашенинников убедительно возражал против мнения Г. В. Стеллера: «Некоторые пишут, аки был помянутой народ камчадалами от россиян прозван по реке Камчатке, которая до их ещё приходу называлась Камчаткою, по имени славного воина Кончата, и аки бы россияне от тамошних язычников чрез знаки

приметя, что великая оная река Коншатка по их именуется, всех тамошних жителей прозвали камчадалами. Но сие есть искусной вымысел и предрассуждение: 1) для того, что россиянам с камчадалами чрез знаки говорить не было нужды, ибо при них довольно было толмачей из сидячих коряк, которые камчатской язык совершенно знают, 2) что имя Хончат камчадалам неведомо, 3) а хотя бы того имени и был у них человек, то река не могла прозваться его именем, ибо камчадалы ни рек, ни озёр, ни гор, ни островов именем людей не называют, но дают им имена по некоим свойственным им качествам, или по сходству с другими вещами, 4) что Камчатка река не Коншаткою, но Уйкуал, то есть большою рекою называется, как уже выше объявлено. А с чего коряки камчадалов зовут хончало, о том хотя заподлинно объявить и нельзя, для того что коряки и сами причины тому не ведают, однако не без основания думать можно, что хончало, есть испорченное слово из коочь-ай, что значит жителя по реке Еловке, которая течёт в Камчатку и Коочь называется» (Крашенинников, 1949, с. 361—362).

Далее Крашенинников предполагает, что в результате искажения «коочь-ай» превратилось в «хончало», а «хончало» — в «камчадал», подразумевая, что отсюда и произошло название «Камчатка». Мнение Крашенинникова долгое время считалось наиболее правильным. Он весьма убедительно показал, что название Камчатки возникло не среди ительменов или коряков, а среди русских. Б. П. Полевой усмотрел в его словах также намёк на то, что Кончат был не русским, а ительменом. С последним согласиться трудно, но Крашенинников, наоборот, оспаривает существование ительмена по имени Кончат. Он считает, что название реки произошло от названия народа, а не от имени человека.

Инспектор училищ Приамурского края В. П. Маргаритов (1899) высказал совершенно иное предположение. По его мнению, родоначальники якутского казачества — донские казаки — были чрезвычайно поражены отличием горной Камчатки от степного Дона, почему и назвали её «Комчаткой», то есть искомканной, в комьях. Ошибки Маргаритова очевидны. Якутские казаки в основном были выходцами с европейского севера, не имеющими ничего общего с донцами ни в обычаях, ни в диалекте. Оставив в стороне не совсем уместное сравнение камчатских гор с комьями, напомним ещё раз, что Камчаткой назвали не страну, а реку, так что горы или степь здесь ни при чём.

Б. П. Полевой разбирает также предположения И. И. Огрызко, Е. П. Орловой (см. выше) и многие другие, всё дальше и дальше

уходящие от сути дела и становящиеся почти фантастическими. Но помимо Камчатки на полуострове существует река Камчатка на материке. Она впадает в Бодяриху, правый приток Индигирки. «По Индигирке, далее по её притоку Бодярихе и по реке Камчатке, истоки которой находятся вблизи реки Ожогиной, притока Колымы» проходил путь с Индигирки на Колыму (РМ, с. 75).

Известно, что название реки Ожогиной образовано от фамилии-прозвища погибшего на ней промышленного человека Ивана Ожоги, реки Падерихи (сравнительно недавно усилиями картографов превращённой в Бодяриху) — от фамилии-прозвища промышленного человека Никиты Падеры. А не было ли вместе с Ожогой и Падерой человека, от фамилии-прозвища которого могло бы образоваться название «Камчатка»? Б. П. Полевой нашёл в архивах сведения о том, что в середине XVII в. на Индигирку хаживал Иван Иванов Камчатой, товарищ Ожоги и Падеры. Служил он преимущественно на Колыме, в походы ходил главным образом с Падерой. Видимо, в одном из таких походов и прошли Падера с Камчатым с Колымы на Индигирку новым путём, по рекам, названным вследствие этого их именами.

Конечно, образование названия индигирской Камчатки может быть и другим, отличным от образования названия реки на полуострове, несмотря на одноимённость их, но то, что от фамилии Камчатой казаки образовывали название вида «Камчатка» (а не Камчатая или, скажем, Камчатина) можно считать бесспорным.

Но для того, чтобы чьим-то именем назвали какой-то объект в XVII в., необходимо было иметь какую-то очевидную взаимосвязь между этим человеком и объектом. То есть для того, чтобы считать Ивана Камчатого причиной названия реки Камчатки, нужно хотя бы доказать, что он мог побывать на ней.

Б. П. Полевой нашёл и такие доказательства, хотя и косвенные. В 1657 г. И. И. Камчатой в отряде Чюкичева вышел на реку Чендон (ныне Гижига), где было основано Чендонское зимовье. В том же году они ходили из зимовья на юг к Охотскому морю, а затем «ходили к морю же, но за другую сторону» (Полевой, 1967, с. 105). Это «на другую сторону» можно истолковать только как поход на берега Пенжинской губы, то есть на подходы к Камчатке. Там они узнали «о неясашных коряках» и пошли к ним. Они взяли у коряков несколько аманатов и принудили их к уплате ясака. На следующий год от коряков стало известно о наличии поблизости «рыбьей кости», то есть моржового зуба, за которым и отправился в 1658—1659 гг. Камчатой. Поскольку в то время,

как и сейчас, моржей на берегах Охотского моря не было, остаётся предположить, что Камчатой ходил на берега Берингова моря, пересекая основание полуострова Камчатки. Б. П. Полевой предполагает, что именно во время этого поход Камчатой и узнал о большой реке на полуострове.

В следующем году Ф. А. Чюкичев и И. И. Камчатой приводили в ясачный платёж «неясачных закаменных иноземцев» (Полевой, 1967, с. 106). «Закаменными иноземцами» называли жителей территории за Колымским хребтом. На Пенжине и Гижиге ясак к тому времени уже собирали, следовательно, Чюкичев и Камчатой ходили южнее реки Пенжины, то есть на Камчатке. Летом 1660 г. года их видели на Пенжине, а потом они исчезли. Позднее их нашли убитыми в зимовье на реке Блудной. Бывшие при них ясачные книги оказались уничтоженными, и потому о маршруте их похода можно только гадать.

Исходя из вышеизложенного Б. П. Полевой и высказал свою гипотезу о происхождении названия реки Камчатки от фамилии служилого человека И. И. Камчатого. Ительмены были правы, говоря, что река стала называться Камчаткой «по имени славного воина Кончата» лишь с приходом русских. «Кончат» — вполне естественное искажение русской фамилии Камчатой в произношении ительменов. Впервые река Камчатка указана в чертеже Сибири, составленном в 1667 г., то есть через семь лет после первого похода Чюкичева и Камчатого по полуострову. Срок для получения сведений в Якутске вполне подходящий.

Гипотеза Б. П. Полевого по существу подтверждается и всеми предыдущими предположениями, исключая явно надуманные. В самом деле, ительмены совершенно правильно говорили, что река названа по имени «славного воина Кончата», но казаки не сумели узнать в нём своего собрата Камчатого, о котором успели забыть. Прав и С. П. Крашенинников, что не могли камчадалы назвать реку именем человека, но ему не пришло в голову, что это могли сделать русские. Не остались в стороне и люди в «азямах камчатых». Иван Иванов получил своё прозвище Камчатой для отличия от других Иванов Ивановых из-за своего камчатого кафтана.

Другой вопрос: та ли эта самая река, или название было перенесено по ошибке на другую реку? На древних чертежах истоки Камчатки показываются где-то у реки Пенжины, Таловки, Воямполки и течёт она с севера на юг. Лишь после похода Атласова её наносят на чертежах примерно так, как и сейчас. Может быть,

первоначально Камчаткой называли водную артерию от истока Еловки до устья Камчатки? Разумеется, этот вопрос ни в коей мере не затрагивает вопроса и происхождении названия реки.

Глава 6. Легенды о географических названиях и действительность

27. Как возникают легенды

Возникновение легенд о географических названиях вполне понятное и закономерное явление. Каждому человеку хочется гордиться своей родиной, хочется, чтобы место, где он родился и вырос, где он живёт и работает, чем-то отличалось от других, понятно, в лучшую сторону, чтобы они обладали чем-то таким, чего нет в других местах. Поскольку людей много и взгляды у них разные, то различны и причины для гордости. Нередко причину ищут и в названии селения. Вторая, столь же естественная, причина — стремление объяснить непонятное.

Конечно, Москве особой надобности в легендах нет. Название «Москва» само по себе звучит достаточно внушительно и не требует каких-либо пояснений или приукрашиваний. То же можно сказать и о Ленинграде. А вот уже о происхождении названия города Киева имеются легенды. Впрочем, таковые есть и о происхождении названия Москвы.

Под легендой в данном случае понимается развитие случайных ассоциаций, возникающих в связи с тем или иным географическим названием, в более или менее законченную форму, нередко со стройным и небезынтересным сюжетом. Иногда вся легенда состоит в одной фразе, а иногда это целое повествование. Подобные легенды возникают намного позже возникновения топонима, когда его первоначальный, всегда предельно ясный смысл забыт, и ни в коей мере не объясняют его значения. В лучшем случае эти легенды следует рассматривать как осмысление топонима в рамках существующих культурно-исторических условий. Исключений из данного положения, по-видимому, крайне мало, на Камчатке, например, нет ни одного.

Легенды возникали во все времена. Однако раньше они не получали столь широкого распространения и существовали сравнительно недолго, если не считать отдельных исключений. Одно поколение сменяло другое, легенда предшествующего поколения оказывалась неприемлемой или утрачивала интерес, почему она

заменялась другой или просто забывалась. В наши дни устойчивость легенд куда выше. Они попадают в печать, становятся известными широким кругам, используются как сюжеты для более значительных произведений. Благодаря невзыскательности отдельных авторов они даже попадают в научную литературу. В таких условиях очень трудно противопоставлять истину легендам, тем более, что последние сильно выигрывают своей законченностью и занимательностью.

Правда, есть примеры географических названий, прямо заимствованных из легенд. На Камчатке можно к таковым отнести название побочного кратера на Ключевской сопке — кратер Билюкай. Он назван А. А. Меняйловым и С. И. Набоко (1939) именем ительменского бога-громовержца. В ительменских легендах говорится, что Билюкай «живёт на облаках... и будто гром, молния и дождь испускает, а радугу почитают за подзор на его платье» (Крашенинников, 1949, с. 308—309). Другой побочный кратер Ключевского вулкана назван ими же Козеем. Козей — кличка собаки бога землетрясений Туйлы. По ительменским сказкам, она и была причиной землетрясений. Те происходили, когда Козей «отрясает снег с себя». Именем самого бога назван побочный кратер вулкана Туйла (Иванов, 1937).

Но такие названия — совсем другое дело. Легенды о Билюкае, Туйле, Козее ни в коей мере не связаны с названными объектами. Их следует рассматривать как одну из разновидностей посвятительных названий, обычных для современных исследователей.

В то ж время следует помнить, что в легенде, возникшей вскоре после возникновения названия, нередко заключено рациональное зерно, хотя и не всегда возможно извлечь его из-под шелухи многолетних наслоений.

28. Примеры камчатских топонимических легенд

Если не считать легенды о «славном воине Кончате», ставшей в основе своей былью в результате исследований Б. П. Полевого, то самой древней из топонимических легенд Камчатки будет, пожалуй, легенда о названии реки Федотовки. На картах она сейчас называется Николкой (искажение ительменского Никул), но среди населения до сих пор помнят названия, бывшие в употреблении в XVIII в. Название Федотовка (или Фетодовщина) несомненно связано с каким-то Федотовым, но ничего достовер-

ного о его происхождении не известно. Эта неизвестность и привела к предположению, что название образовано от имени спутника С. И. Дежнева — Федота Алексеева Попова (Берг, 1946). Позже Попову приписали даже честь открытия Курильских островов (Огрызко, 1953-О). Единственное основание для таких предположений — совпадение имени Ф. А. Попова и названия реки.

Анализ известных фактов убеждает, что никакой связи между рекой Федотовкой и Ф. А. Поповым нет (Кусков, 1966). Дежнев в своих отписках сообщает, что 20 сентября 1648 г. Ф. А. Попов ранен в стычке с чукчами. Позднее кочи Дежнева и Попова разнесло бурей. После 1 октября коч Дежнева выбросило бурей на берег южнее устья Анадыря, откуда дежневцы добирались до Анадыря семьдесят дней. Вот и все дошедшие до нас данные об исходе плавания С. И. Дежнева и Ф. А. Попова.

По ним очень трудно определить место кораблекрушения, но предположение о выбросе коча на берег где-то на Олюторском полуострове (Белов, 1955) должно быть отклонено. Расстояние от Олюторского полуострова до Анадыря по прямой около семисот километров. Пройти его по бездорожью пешком в зимнее время невозможно. Разумеется, Дежнев и не шёл по прямой. Откуда он мог взять направление на Анадырь? А если бы он и знал это направление (что, в общем-то, никак не могло иметь места), то всё равно не пошёл бы им напролом через совершенно незнакомые хребты. Конечно, дежневцы пошли по берегу моря, которое являлось для них единственным ориентиром. Кроме того, море давало надежду на добычу продуктов питания, хотя бы на находку трупов морских животных, выброшенных на берег.

Таким образом, вопрос определения места крушения коча Дежнева сводится к определению расстояния, которое можно пройти по берегу моря за семьдесят дней. С одной стороны, выносливость сибирских служилых людей была весьма высокой, нельзя не учесть, что их подстёгивало сознание того, что вопрос достижения Анадыря — вопрос жизни или смерти. Но очень труден оказался путь. Казаки мёрзли и голодали, им пришлось тащить на себе самодельные нарты с уцелевшим добром. О трудностях красноречиво говорит тот факт, что половина спутников Дежнева умерла в пути (ОРЗ, с. 278). Побережье к югу от устья Анадыря обрывистое, сильно изрезанное довольно большими бухтами, часто встречаются непропуски. Не раз, наверное, дежневцы заходили в тупики и возвращались назад. Думается, что 350—

400 километров — скорее завышенная, чем заниженная протяжённость пути С. И. Дежнева. Иными словами, коч погиб где-нибудь северо-западнее мыса Наварин, но никак не южнее его. Это хорошо согласуется и со словами Дежнева, что катастрофа произошла после прохода Анадырского устья. А если бы буря вынесла коч за мыс Наварин, то очень трудно предположить, чтобы она же потом возвратила его в почти противоположном направлении к Олюторскому полуострову.

По-видимому, и коч Ф. А. Попова погиб где-то поблизости. После Дежнев кое-что сообщил о его судьбе: «А в прошлом 162 году ходил я, Семейка, возле моря в поход и отгромил я, Семейка, у коряков якутскую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что де Федот и служилой человек Ерасим померли цынгою, а иные товарищи побиты и остались невеликие, сеи побежали в лотках с одною душою, не зная де куда» (Дежнев, 1964, с. 132). В указанное время Дежнев ходил на моржовый промысел в Анадырский лиман.

Со слов Деженева можно считать, что кочи Федота и Дежнева погибли примерно в одном месте на южном берегу Анадырского лимана. Дежнев оказался на пустом месте, а Попов наткнулся на становище коряков. Их или уговорили, или подчинили силой и зазимовали вместе с ними. Раненый Попов не перенёс зимовки и умер, затем умер от цинги и Герасим Анкундинов. Казаки остались без предводителей, что, по-видимому, вызвало среди них некоторое брожение. Воспользовавшись этим, коряки перебили большую часть из них («остались невеликие»), а уцелевшие бежали на лодках в море безо всяких припасов («с одною душою»). Вряд ли они далеко ушли.

Между гибелью кочей и отгромлением «якутской бабы» прошло шесть лет. Что могло произойти за эти годы? Скорее всего, ничего. Попов и все его спутники погибли в первую же зиму, а якутская баба кочевала себе с коряками, пока её не отгромил Дежнев. Но есть и другие предположения.

Первым обнаружил отписки Дежнева Г. Ф. Миллер, который и пересказал их. О якутке он писал так: «И та баба сказала, что федотово судно разбило близь того места, а сам Федот пожил там несколько времени, цынгою умер, а таварыщи его иные от коряков побиты, а иные в лодках неведомо куда убежали» (Миллер, 1948, с. 222), то есть ничего нового Миллер не добавил. Но далее он сообщает, что сведения отписки Дежнева подтверждают «носящейся между жительми на Камчатке слух» о том, что «жил

некто Федотов сын на реке Камчатке на устье речки, которая и ныне по нём Федотовкою называется... Оной Федотов сын по всему виду был сын вышепомянутого Федота Алексеева, который по смерти отца своего, как товарыщи его от коряков побиты, убежал в лодке подле берегу и поселился на реке Камчатке; и ещё в 1728-м году в бытность господина капитана командора Беринга на Камчатке видны были признаки двух зимовей, в которых оной Федотов сын со своими товарищами жил» (Миллер, 1948, с. 222).

То, что река Федотовка названа по имени некоего Федотова сына, — факт, не вызывающий никаких сомнений, а вот то, что «оной Федотов сын» — сын Федота Алексеева — начало легенды. В числе участников похода Дежнева-Попова сын Попова, если он у него вообще был, не участвовал. Суть, конечно, не в том, чей сын, тем более, что в походе участвовал «своеужинник Васька Федотов», единственный Федотов сын среди участников похода (РМ, с. 105), важно то, что, по мнению Миллера, некоторые участники похода оказались на Камчатке.

Вряд ли это возможно. От Анадырского лимана до устья реки Камчатки примерно тысяча триста километров. Такое расстояние проплыть в лодке «с одною душою» затруднительно и летом. А зимой? К тому же тысяча триста километров — это кратчайшее расстояние, Федотов сын, видимо, плыл, повторяя все изгибы берега, не рискуя терять его из виду, что увеличивает расстояние раза в полтора. Но всякое бывает! Предположим, что Федотову сыну просто-напросто повезло, и он вопреки всему добрался до устья реки Камчатки.

Теперь обратимся в Крашенинникову. И он упоминает, что «по словесным известиям» торговый человек Федот Алексеев, «по которого имени впадающая в Камчатку Никул речка Федотовщиною называется», прошёл из Ледовитого океана в Тихий на семи кочах и «будто погодою отнесён он от других кочей и занесён на Камчатку, где он и зазимовал со своим кочем, а на другое лето обошёл Курильскую лопатку, дошёл Пенжинским морем до реки Тигиля и от тамошних коряк убит зимою со всеми товарищами» (Крашенинников, 1949, с. 473—474). Примерно то же писал и Г. Спасский (1821), причём можно предположить, что он в основном использовал данные книги С. П. Крашенинникова.

Крашенинников считал, что это устное известие «несколько сумнительно». Он прав. Это устное известие является смешением

фактов о походе Дежнева-Попова с совсем недавними домыслами. Никакая якутка, как и сам Попов, не могли сказать, что они дошли до Тигиля. И дело не в том, что Тигиль стал известен русским лишь после похода Атласова. Дело в том, что название «Тигиль» появилось не раньше, чем в тридцатых годах XVIII в. Так что никто не мог назвать какую-то реку в середине XVII в. Тигилём, а позже точно так же некому было отождествить её с Тигилём.

Впрочем, Миллер, Крашенинников, Спасский и другие рассматривали вариант с «Федотовым сыном» — сыном Ф. А. Попова как весьма вероятный, но отнюдь не бесспорный. Первым заявил о бесспорности пребывания на реке Камчатке, причём не «Федотова сына», а Федота Попова, И. И. Огрызко (1953-О). Основанием для него послужила копия Миллера с чертежа Камчатки, вычерченного в 1726 г. И. П. Козыревским. Эта копия обнаружена и опубликована С. И. Баскиным в виде штрихового рисунка (1949). И. И. Огрызко опубликовал её повторно полностью. На чертеже нанесена и река Федотовка. Возле неё надпись: «В прошлых годех из Якуцка города морем на кочах были на Камчатке люди. А которые у них в аманатах сидели, те камчадалы и сказывали. А в наши годы с оных стариков ясак брали. Два коча сказывали». Другая надпись гласит: «Зимовья два были». Эти надписи И. И. Огрызко безоговорочно относит к Ф. А. Попову.

Но почему? Ведь название Федотовка может относиться к Федотову или Федотову сыну, но не к Федоту. Во-вторых, если старики, дожившие примерно до 1726 г., сидели в аманатах у Попова, то они дожили до ста лет! Что-то не верится в наличие таких долгожителей у камчадалов. К тому же откуда бы взялись у Попова аманаты? Ведь он не служилый, а торговый человек. Непонятно и то, почему Попов, или пусть Васька Федотов, не зазимовал в устье Камчатки. Несмотря на множество удобных мест, сравнительно густо заселённых, они пошли вверх по Камчатке километров на триста против сильного течения, особенно в Камчатских Щёках. Да и могли ли они войти в Камчатку? Ведь 1 октября (по новому стилю 11 октября) они ещё были в Анадырском лимане. В устье Камчатки температура ниже нуля устанавливается не позже третьей декады декабря. Чем выше вверх по течению, тем раньше начинаются заморозки.

Что же могло заставить людей упрямо пробиваться через лёд, не обращая внимания на множество удобных для зимовки мест?

Федотовка — топонимический памятник какого-то русского похода на Камчатку. Какого именно — сказать нельзя. Во всяком случае, связать этот топоним с походом Дежнева — Попова нельзя. Слишком много недоумённых вопросов порождает такое предположение. А доказательство лишь одно — совпадение имени Попова с названием реки. Такое совпадение может быть совершенно случайным.

Легенда о могучем богатыре Конпаке (Тюшов, 1906), от имени которого образовано название реки Колпаковой, при обращении к фактам превращается во вполне реальную справку о «лутшем мужике» Конпаке, никаких особых подвигов не совершавшем (Полевой, 1962).

И на Пятибратской горе не жили пять братьев-богатырей. Просто землепроходцы имели обычай называть группы из двух, трёх, пяти камней братьями. В одном единственном случае вместо братьев появились сёстры — камни Три Сестры на юго-восточном побережье.

Весьма красочна, но столь же неправдоподобна, как и все остальные, легенда о происхождении названия селения Сероглазка. Во время де обороны Петропавловского порта в 1854 г. на месте селения располагался госпиталь, где вместе с прочими ухаживала за ранеными девушка с серыми глазами, которую ласково называли Сероглазкой. А потом де на месте госпиталя возникло селение, названное в память об этой девушке Сероглазкой. Легенда получила очень широкое распространение. На основе её написаны стихи и даже снят кинофильм. Но стоит обратиться к фактам, и от легенды ничего не останется.

Селение возникло до обороны порта. Ещё в 1853 г. здесь поселены казаки, привезённые из Гижиги для пополнения камчатской команды. Селение расположилось на берегу бухты Сероглазка (Дитмар, 1901). Строительство началось ещё раньше — уже в 1852 г. на берегу бухты стояли три дома и баня, а строительство двух домов заканчивалось [ЦГА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 26, л. 3—4]. Сама же бухта называлась Сероглазкой ещё за четверть века до возникновения селения (Литке, 1835). Так что сероглазкинская девушка не могла послужить причиной названия после 1854 г.

Откуда же взялось название? На берегу бухты издавна селились люди из-за обилия рыбы в этих местах. Об этом говорит и другое название бухты — Чавычья. Примерно до 1731 г. здесь жили ительмены. Последний тойон острожка — Апаучь Шароглазов —

был одним из руководителей восстания. При подавлении восстания Шароглазов острожек разгромлен. Но название сохранилось, перейдя от острожка на урочище. Мало-помалу оно исказилось в Сероглазку и в таком виде дошло до наших дней.

Точно так же и название горы Мишенной никак не связано с мишенями, хотя существует легенда о том, что примерно в 1850—1854 гг. у её подножия ставили мишени для учебных стрельб. Эта легенда вызывает сомнение при одном только взгляде на план Петропавловска того времени. Северная окраина города тогда не доходила до Култушного озера, почему оно и называлось тогда Дальним. Так что не было никакой надобности обходить озеро и идти пару вёрст до Мишенной ради учебной стрельбы, особенно если вспомнить, что ружья тех времён стреляли на 150—200 шагов. Название возникло раньше, ибо в 1854 г. оно уже было общеупотребительным [ЦГА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 102, л. 11], в то время как слово «мишень» вошло в употребление несколько позже. Вероятно, «Мишенная» — искажение древнего ительменского названия. В литературе начала XX в. встречается и другое название горы — Меженная (Дитмар, 1901; Комаров, 1950). Это результат ошибки К. В. Дитмара в транскрипции, из-за чего при переводе его книги с немецкого переводчик понял «Меженная».

На западном побережье есть селение Запорожье, расположенное на берегу реки Озерной. Название само собою ассоциируется с запорожцами. Так считают и рыбаки колхоза «Красный труженик». По их мнению, лет шестьдесят назад прибыли на Камчатку потомки запорожских казаков, переселённые с Украины, и основали селение Запорожье. Откуда могло взяться такое мнение? В 1907 г. И. А. Потужный арендовал рыбалку на реке Озерной и привёз для работы на ней около сотни переселенцев из Херсонской области. Они-то и построили посёлок Унтербергер (фамилия генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера), переименованный после революции в Озерный, а в 1948 г. — в Озерновский. Среди них, конечно, могли быть потомки запорожцев, но все они вскоре покинули реку Озерную, не поладив с Потужным. А селение Запорожье возникло намного позже, примерно в 1923 г. И нет надобности вспоминать о днепровских порогах для объяснения названия селения — на Озерной достаточно своих порогов, хотя и меньших по размеру, чем днепровские.

Или, скажем, название селения Кунжик. В мае 1958 г. газета «Камчатская правда» опубликовала статью бывшего директора

Колпаковской средней школы об основании селения Кунжик. Восемь рыбаков во главе с А. Егоровым осенью 1936 г. начали строиться на реке Безымянной. Стройка — стройкой, но пить-есть тоже надо. Решили ловить рыбу. Дальше — как в сказке: первый раз закинули невод — вытащили пустой, второй — попалась какая-то рыба, но ушла, да так быстро, что и не разглядели какая. Условились — какую рыбу поймают первой, так и назовут свой посёлок. Забросили невод третий раз — вытащили большую кумжу. Вот и назвали селение Кунжиком, заодно также назвали и безымянную реку.

Всё это хорошо, если не обращать внимания на то, что «Кунжик» всё-таки не «кумжа», но та же газета в ноябре 1935 г. писала несколько иначе. Тогда просто и деловито сообщалось, что группа крутогоровских рабочих решила поселиться на реке Кунжик и в ближайшее время приступит к строительству домов. А если заглянуть в более старые источники, то выяснится, что ительмены называли реку Кунчь (Тюшов, 1906). Таким образом, название Кунжик искажение ительменского названия Кунчь, а селение названо по названию реки. История же с рыбой кумжей придумана.

Можно продолжать подобные примеры, и все они покажут, что ни одно из географических названий не возникло на основе легенды.

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

— топонимика Камчатки, насчитывающая примерно шестьдесят тысяч топонимов, в настоящее время изучена недостаточно. Опубликованные статьи и заметки рассматривают в основном частичные вопросы. Работы В. И. Воскобойникова (1962-К, 1962-С) и В. П. Кускова (1967-К, 1970-Н и др.) следует рассматривать лишь как первые попытки обобщения имеющихся данных;

— изучение камчатской топонимики затрудняется отсутствием данных: сведения XVII в. крайне отрывочны и содержат лишь упоминания отдельных топонимов, а о более ранних временах сведения вообще отсутствуют;

— в настоящее время на Камчатке существуют русские, корякские, ительменские, чукотские, юкагирские, эвенские и алеутские топонимы. Возможно также наличие на юге заимствований

из айнского, а на севере — из эскимосского языков, но прямых подтверждений этому не имеется;

— более половины камчатских топонимов возникли на языках древних обитателей Камчатки, которые сейчас или неизвестны, или претерпели большие изменения, почему смысл многих географических названий, существующих в настоящее время, неизвестен;

— русская топонимика Камчатки начала формироваться триста лет тому назад и сравнительно легко поддаётся изучению. Она во многом схожа с топонимикой Восточной Сибири и севера Дальнего Востока, формировавшихся примерно одновременно с камчатской топонимикой и примерно в таких же социально-экономических условиях. Для этих территорий характерно широкое распространение топонимов, образованных от личных имён. При этом до XIX в. такие названия образовывались от отчеств или фамилий-прозвищ, а не от собственно имён;

— очень часто наряду с официальными географическими названиями, закреплёнными на карте и в документах, существуют названия тех же объектов, принятые в употреблении местным населением. Это в известной степени объясняется возникновением в процессе исследовательских работ топонимов, придуманных без учёта бытовых, природных, национальных и иных условий Камчатки, а потому чуждых для местного населения и неприемлемых для обиходного употребления;

— в топонимике Камчатки нашли отражение её физико-географическая характеристика, а также деятельность исследователей всех времён, начиная с В. В. Атласова и даже более ранних походов, и некоторые исторические события;

— название основной реки полуострова Камчатки, образованных от него топонимов — русского происхождения. В конечном итоге, они восходят к фамилии-прозвищу енисейского служилого человека Ивана Иванова Камчатого, вышедшего на Камчатку примерно в 1660 г.;

— на Камчатке нет ни одного топонима, возникшего в связи с легендой, связанной с названным объектом. Напротив, все существующие топонимические легенды созданы ради объяснения географических названий;

— территория Камчатской области изучена далеко не полностью, почему следует в будущем ожидать нанесения на её карте значительного количества географических объектов, а, следовательно, и возникновения новых географических названий. При

этом целесообразно сохранять существующие местные названия, а безымянные объекты называть применительно к существующим особенностям камчатской топонимики.

Список географических названий Камчатки, упоминающихся в тексте

Анаган, р.; Авача, р.; Авачинская, губа; Авачинская, сопка; Авачинский, з-в; Авнявли, р.; Алкаингын, р.; Алнгэй, г.; Альховаям, р.; Амшигачева, р.; Ананнон, п-ов; Анапка, р.; Анастасия, б.; Анаун, р., Апахончич, кратер; Ара, м.; Аргали, м.; Арий Камень, о-в; Арка, м.; Арчер, банка; Асача, г.; Астрономический, м.; Атвалык, п-ов; Африка, м.; Ачайвеем, р.

Бакенин, г.; Банная, р.; Баранья, г.; Басовская (Басовка), р.; Безымянная, р.; Безымянный, м.; Белая, р.; Беленькая, г.; Белый, вулкан; Берёзовая, р.; Берёзовка, сел.; Берёзовый, сел.; Берингово, море; Беринга, о-в; Бечевинская, б.; Билюкай, кратер; Ближняя Плоская, сопка; Бобровая, р.; Божедомова, м.; Большая, р.; Большерецк, сел.; Большерецкий, острог; Большерецкий, сел.; Бурлящий, гейзер; Быстрая, р.; Быстринский, р-н.

Ватына, г.; Вауа, м.; Вельгуней, г.; Велюна, р.; Верхнекамчатск, сел.; Верхотуров, о-в; Вестник, б.; Вилкова, м.; Вильгуней, г.; Вилюна, р.; Вине, г.; Витгенштейна, м.; Водопадный, м.; Водопадский, м.; Воровская, р.; Восточный, хр.; Воямполка, р.; Всевидовская, гавань; Вторая, г.; Вуйвэн, сел.; Высокая, г.; Высокий, м.; Вэхльнун, сел.

Гаврила, б.; Гаврилова, р.; Ганалы, сел.; Ганальские Востряки, г.; Ганальский, хр.; Гейзерная, р.; Гейзеров, долина; Гека, б.; Геок-Тепе, скала; Глотова, р.; Глубокая, б.; Говена, п-ов и м.; Голенищева, р.; Голыгина, р.; Горбатый, м.; Горелая Сопка, вулкан; Граммофон, г.; Гытгапель, р.

Дальнее, оз.; Дальняя Плоская, сопка; Двузубая, г.; Дежнёва, б.; Державина, оз.; Дехтерева, р.; Дикий Гребень, г.; Добржанского, о-в; Дранка, р.; Дранкинский, м.

Елизово, сел.; Елистратова, п-ов и м.; Еловка, р.; Енгалычева, о-в.

Жёлтый, ледник; Жёлтый, м.; Жупаново, сел.

Забияка, м.; Завойко, о-в; Запорожье, сел.; Зубчатый, о-в.

Иванова, р.; Ивашка, р.; Изменный, о-в; Илывлвын, р.; Ильинская, г.; Ильичёва, б.; Ильинская, р.; Ильпинский, п-ов; Ильпыр, п-ов; Ипелька, г.; Иссопа, м.; Ича, р.; Ичинская, сопка; Ишхамчан, р.

Казарменная, г.; Калыгир, м.; Камбальная, сопка; Камбальный, м.; Каменистая, б.; Каменистый, вулкан; Каменка, источник; Каменный, ручей; Камчатка, р.; Камчатская, г.; Камчатская Вершина, г.; Камчатский, з-в; Камчатский, м.; Камчатский, п-ов; Камчатский, хр.; Канучь, р.; Карага, р.; Карагинская, б.; Карагинский, о-в; Квачина, б.; Квачина, р.; Кедровый, сел.; Кекурный, м.; Кекурный, о-в; Кирпичный, сел.; Китоловная, банка; Кихчик, р.; Ключевская, сопка; Ключевской, дол; Ключи, сел.; Ключовка, р.; Козей, кратер; Козыревка (Козыревская), р.; Козыревск,

сел.; Козыревская, г.; Козыревский, острог; Козыревский, хр.; Козыревское, сел.; Кол, р.; Колесовская, б.; Колпакова, р.; Колхозная, г.; Командорские, о-ва; Комарова, ледник; Конус, г.; Коочь, р.; Корфа, з-в; Коряки, сел.; Корякская, сопка; Корякский, нац. округ; Корякское, нагорье; Кострома, коса; Кошегочик, р.; Кошелева, г.; Красная, г.; Красный, м.; Красный Яр, урочище; Крашенинникова, вулкан; Крашенинникова, м.; Крестовая, р.; Кресты, сел.; Крещённый Огнём, м.; Кроноцкий, з-в; Кроноцкий, п-ов; Кроноцкое, оз.; Кронье, м.; Крутобереговая, р.; Крутогорова, р.; Крюгера, м., Кузмищева, м.; Култушное, оз.; Кунжик (Кунижик, Кунчь), р.; Кунжик, сел.; Купкин, острожек; Курильское, оз.; Кыгыл, р.; Кылхта, р.

Лаврова, б.; Лазо, сел.; Лахтак, оз. и осыпь; Левашова, м.; Ледяная, г.; Лесная, р.; Ликвэн, р.; Лидгольма, м.; Лиственничная, р.; Ложных Вестей, б.; Лугунавеем, р.; Лопатка, м.

Майнское, плоскогорье; Манчжур, о.; Машковцева, г.; Маячный, м.; Медвежка, сел.; Медный, о.; Мелководный, з-в; Мильково, сел.; Минеола, банка; Мишенная, г.; Монастырь, г.; Монати, м.; Моногычь, м.; Моржовая, б.; Морошечная, р.; Моховая, б.; Мутенкуп, г.; Мутная, р.; Мутновская, г.; Мухина, р.

Наквасина, м.; Налычева, р.; Наталии, б.; Наталии, м.; Начики, р.; Начикинский, м.; Непропуск, м.; Нерпичье, оз.; Нижнекамчатск, сел.; Николка (Никул), р.; Нитасьу, м.; Нынгучу, р.

Облуковина, р.; Обрубистый, м.; Обрывистый, м.; Овача, р.; Озерная, г.; Озерная, р.; Озерная Камчатка, р.; Озерный, п-ов; Озерный, сел., Ольховая, р.; Олюторский, з-в; Олюторский, м. и п-ов; Олюторский, р-н; Опасный, м.; Орангутанг, м.; Ориа, м.; Орловая, р.; Осиновая, р.; Оссора, б.; Острая, г.; Осыпной, м.; Отвесный, м.; Отличительный, холм; Охотское, море.

Палана, р.; Палана, сел.; Панкара, р.; Паратунка, р.; Партизан, м.; Парящий, гейзер; Пахача, р.; Пахачинский, м.; Пенжинская, губа; Пенжинский, р-н; Первая, сопка; Песчаная Коса, м.; Петропавловск-Камчатский (Петропавловский порт), гор.; Петропавловская, б.; Пикась, г.; Пирамидальная, г.; Пирамидный, м.; Пиратков, м.; Пираткова, б.; Пирожникова, р.; Плоская, г.; Плотникова, р.; Поворотная, г.; Поворотный, м.; Повыше, г.; Погыча, р.; Подкагерная, б.; Половина, б.; Половинная, долина; Половинная, р.; Половинная, тундра; Половинный, хр.; Полосатый, м.; Пониже, г.; Потатгытхын, оз.; Поэзия Чубарова, г.; Предполагаемая, г.; Приёмыш, г.; Призма, г.; Приятель, м.; Пупыр, м.; Пятибратская, г.; Пятибратская, р.

Ресина, гавань; Рифовый, м.; Ровный, о.; Рубикон, р.; Русакова, р.; Рыбная, б.

Савача, р.; Савича, г.; Саичик, р.; Самзат, сел.; Сапосмы, м., Саранное, оз.; Северный, м.; Седанка, р.; Семёнова, м.; Сероглазка, б.; Сероглазка, сел.; Серый, м.; Сибирь (Сибирский рейд), б.; Сивучий, м.; Сивучий, о.; Сигнальный, м.; Складчатый, м.; Скобелева, рейд; Соболево, сел.; Сопочная, р.; Сопочное, сел.; Сопочный, м.; Среднекамчатск, сел., Срединный, хр.;

Средний, м.; Старичков, о.; Столбовой, м.; Столовая, г.; Сторож, р.; Суаачю, р.; Сузх, сел.; Сулковского, м.

Таловка, р.; Тареин, острожек; Тарьинская, б.; Тарья, сел.; Тарья, п-ов; Теклетунуп, г.; Тигиль, р.; Тинтигин, р.; Тихая, р.; Тклевеем, р.; Тобизина, копи и п-ов; Толбачинский, вулкан; Толбачинский, острожек; Толбачик, р.; Толмачева, вулкан; Толмачева, оз.; Толмачева, р.; Толмачево, сел.; Толмачевские, горы; Тополовая, р.; Топорков, о.; Три Сестры, камни; Туйла, кратер; Тулуачь, р.; Тумлат (Туумлат, Тымлат), р.; Тупая, г.; Турпанка, б.; Тыгым, р.; Тюленье, оз.; Тюшова, ледник.

Уемлян, р.; Уйкоаль (Уйкуал), р.; Укелаят, г.; Улкаденгыту, р.; Унтербергер, сел.; Ускыг, р.; Усть-Камчатск, сел.; Усть-Камчатский, р-н; Утка, р.; Уут, р.

Федоскина, м.; Федосьи, м.; Федосьи, оз.; Федотовка (Федотовщина), р.; Фельдгаузена, м.; Фролова, б.

Хайрюзова, р.; Хайрюзова, м.; Хлебалкин, о.; Хувхойьун, г.; Хчукыг, р.; Хычьет, сел.; Центрально-Камчатская, равнина; Центрально-Коряк-ский, горный массив; Чавычья, б.; Чажма, м.; Чажма, р.; Чаохч, г.; Чаячья, б.; Чёрная, скала; Чёрный, м.; Чёрный Яр, урочище; Чукча, м.

Шаманка, р.; Шапочка, г.; Шароглазов, острожек; Шестифутовое Озеро, б.; Шивелуч, вулкан; Шипунский, п-ов; Широкая, г.; Шлем, г.; Шмидта, водопад; Шмидта, сопка; Штейна, м.; Штык, скала; Штюбеля, вулкан; Шуберта, м.; Шумная, р.

Эмматунуп, г.; Энпа, р. и г.; Эрмана, сел.; Эссо, сел.

Южно-Быстринский, хр.; Южный, м.; Юлгваям, р.; Юшина, м.

Явина, р.; Ягодная, б.; Якут, банка.

Список использованной литературы

1. *Абдрахманов А. А.* Отражение этнонимов в топонимике Казахстана. ВКТ, 1965.

2. *Алексеев А. И.* По поводу одной легенды. Дальний Восток, № 6. Хабаровск, 1962.

3. *Багров Л. С.* Карты Азиатской России. Петроград, 1914.

4. *Баскин С. И.* Большой чертёж Камчадальской земли. Известия ВГО, т. 81, вып. 2, 1949.

5. *Бауэрман К. И.* К вопросу об азиатском происхождении коряков. Северная Азия, № 5—6 (23—24), 1928.

6. *Башарина А. А.* Газообразные продукты вулканов Ключевского и Шивелуча. Бюллетень вулканологической станции на Камчатке, № 18. М.—Л., 1953.

7. *Беккер Э. Г.* Семантика гидронимов тазовских селькупов. ВКТ, 1965.

8. *Белов, Плансон, Клыков.* Исторический очерк гидрографии русских морей. Часть 2. Восточный океан. СПб., 1899.

9. *Бендер Н. А.* Имена русских людей на карте мира. М., 1948.

10. *Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Изд. 3, Л., 1946.

11. *Березин Н. И.* Географические имена, вып. 1. СПб., 1894.

12. *Боднаровский М. С.* Словарь географических названий. М., 1958.

13. *Вдовин И. С.* Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков. Труды института океанографии им. Миклухо-Маклая, новая серия, том 64, 1961.

14. *Виноградов В. Н.* О режиме камчатских рейзеров. Вопросы географии Камчатки, вып. 2. Петропавловск-Камчатский, 1964.

15. *Виноградов В. Н.* Ледники Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1965.

16. *Виноградов В. Н.* Камчатка. Каталог ледников СССР, том 20, части 2—4. Л., 1968.

17. *Виноградов В. Н., Огородов Н. В.* Вулканы и ледники Северной части Срединного хребта (массив Острая — Хувхойтун). Вопросы географии Камчатки, вып. 4. Петропавловск-Камчатский, 1966.

ВКТ — Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. Л., 1965.

18. *Власов Г. М., Чемесов Ю. Ф.* Основные этапы формирования рельефа полуострова Камчатки в четвертичный период и его геоморфологическое районирование. Известия ВГО, том. 82, вып. 3, 1950.

19. *Воробьёва И. А.* Русская гидронимия Восточной Сибири. ВКТ, 1965.

20. *Воскобойников В. И.* К истории происхождения географических названий на Камчатке. Известия ВГО, том 94, вып. 1, 1962.

21. *Воскобойников В. И.* Слово на карте. Петропавловск-Камчатский, 1962.

22. *Гаврилов В. Т.* Вулканы Кроноцкого заповедника. Известия ВГО, том 76, вып. 5, 1944.

23. *Гек Ф. Ф. К.* заметки по лоции берегов Камчатки. Записки по гидрографии, вып. 3, СПб., 1888.

24. *Гек Ф. Ф. К.* От Владивостока до мыса Наварин. Владивосток, № 31—35, 1888.

25. *Головнин В. М.* Замечания о Камчатке и Русской Америке в 1809, 1810 и 1811 годах. Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана, вып. 2, СПб., 1861.

26. *Гречишкин Л. А.* Геологический очерк восточного побережья Камчатки. Труды НИГРИ, серия А, вып. 72, 1935.

27. *Гринблат М. Я.* Этническая топонимия и антропонимия Белоруссии. ВКТ, 1965.

28. *Гультен Э.* Некоторые географические заметки к карте Южной Камчатки. Известия ВГО, том 57, вып. 1, 1925.

29. *Давыдов Б. В.* Лоция побережий РСФСР, Охотского моря и восточного берега полуострова Камчатки с островом Карагинским включительно. Владивосток, 1923.

30. *Давыдова М. И.* Горы и межгорные низменности Дальнего Востока. В кн. «Физическая география СССР». М., 1966.

31. ДАИ — Дополнения к актам историческим. Том 4. СПб., 1851.

32. *Дежнев С. И.* Подлинные документы о плавании С. И. Дежнева. В кн. «Русские арктические экспедиции XVII—XVIII. Л., 1964.

33. *Деливрон С. Р.* Лоция северо-западной части Восточного океана. Часть 3. СПб., 1905.

34. *Деливрон С. Р.* Дополнение к третьей части лоции северо-западной части Восточного океана. СПб., 1915.

35. *Деливрон С. Р.*, *Клыков М. А.* Лоция северо-западной части Восточного океана. Часть 4. СПб., 1909.

36. *Дитмар К. В.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Часть 1. Исторический очерк по путевым дневникам. СПб., 1901.

27. *Егерман Е. Г.*, *Алексеев А. И.* Лоцманские заметки. Морской сборник, № 11, 1884.

38. *Ефимов А. В.* О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII века. В кн. *Крашенинников* «Описание земли Камчатки». М., 1949.

39. *Ефимов А. В.*, *Белов М. И.*, *Медушевская О. М.* Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке. XVII—XVIII вв. М., 1964.

40. *Жучкевич В. А.* Топонимика. Минск, 1965.

41. *Жучкевич В. А.* Общая топонимика. Минск, 1968.

42. *Иванов И. З.* Исследование газообразных продуктов побочных вулканов Ключевской сопки. Бюллетень вулканологической станции на Камчатке, № 1. М.—Л., 1937.

43. *Ивановский А. А.* Географические имена. М., 1914.

44. Камчатская область. Административно-территориальное деление. Петропавловск-Камчатский, 1962.

45. *Келль Н. Г.* По поводу карты Южной Камчатки Э. Гультена 1923 года. Известия ВГО, том 57, вып. 1, 1925.

46. *Келль Н. Г.* Карта вулканов Камчатки. Л., 1928.

47. *Кириллов А.* Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей. Благовещенск, 1894.

48. *Клыков*, *Зотов*. Географический обзор русских берегов Восточного океана. Командорские острова. СПб., 1888.

49. *Комаров В. Л.* Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг. Избранные соч., том 6. М.—Л., 1950.

50. *Конради С. Л.* Полевые дневники 1908—1910 гг. Машинописная копия. Библиотека ИВ СО АН СССР.

51. *Конради С. А.*, *Келль Н. Г.* Геологический отдел Камчатской экспедиции 1908—1911 гг. Известия ВГО, том 57, вып. 1, 1925.

52. КПЦ — Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Л., 1935.

53. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М., 1949.

54. *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах... на кораблях «Надежда» и «Нева». Части 1—2. СПб., 1809—1810; Атлас. Часть 1., СПб., 1813.

55. *Куницын Л. Ф.* Опыт природного районирования Камчатки. В кн. «Природные условия и районирование Камчатской области». М., 1963.

56. *Кусков В. П.* К вопросу изучения топонимики Камчатской области. Вопросы географии Камчатки, вып. 3. Петропавловск-Камчатский, 1965.

57. *Кусков В. П.* Был ли Федот Попов на реке Камчатке? Вопросы географии Камчатки, вып. 4. Петропавловск-Камчатский, 1966.

58. *Кусков В. П.* Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967.

59. *Кусков В. П.* О некоторых географических названиях в районе: полуостров Ильпыр — полуостров Олюторский. Вопросы географии Камчатки, вып. 5. Петропавловск-Камчатский, 1967.

60. *Кусков В. П.* Бухта Подкагерная. В кн. *Кусков В. П.* «Камчатские были». Петропавловск-Камчатский, 1970.

61. *Кусков В. П.* Происхождение названия мыс Шуберта (Камчатка). Известия ВГО, том 102, вып. 6, 1970.

62. *Кусков В. П.* Некоторые вопросы многоязычия камчатской топонимики. Вопросы географии Камчатки, вып. 6. Петропавловск-Камчатский, 1970.

63. *Литке Ф. П.* Путешествие вокруг света... на военном шлюпе «Сенявин» в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах. СПб., 1835.

64. Лоция Берингова моря. Часть 1. 1938.

65. Лоция Берингова моря. 1954.

66. Лоция Берингова моря. Часть 1. 1959.

67. Лоция Берингова моря. Часть 2. 1959.

68. Лоция Берингова моря. Часть 1. 1969.

69. Лоция Охотского моря. 1938.

70. Лоция Охотского моря. 1954.

71. Лоция Охотского моря, вып. 1. 1959.

72. Лоция Охотского моря, вып. 2. 1960.

73. Лоция Охотского моря, вып. 1. 1968.

74. *Любимова Е. А.* Камчатка. М., 1961.

75. *Магидович И. П.* Русские имена на морской карте мира. В кн. «Русские мореплаватели». М., 1953.

76. *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.

77. *Маракуев А. В.* Краткий обзор топонимики как географической науки. Учёные записки Казанского ун-та, том 18, вып. 2, 1954.

78. *Маргаритов В. П.* Камчатка и её обитатели. Записки Приамурского филиала РГО, том 5, вып. 1. Хабаровск, 1899.

79. *Мартыненко В. П.* О характере географических названий Тигильского района. Вопросы географии Камчатки, вып. 4. Петропавловск-Камчатский, 1966.

80. *Мархинин Е. К.*, *Сирин А. Н.* Основные данные о действующих вулканах СССР. В кн. Мархинин Е. К. «Цепь Плутона». М., 1965.

81. *Меновщиков Г. А.* Палеоэскимосские топонимы Северо-Восточной Сибири. Вопросы языкознания, № 6, 1963.

82. *Меняйлов А. А.*, *Набоко С. И.* Деятельность камчатских вулканов за первый квартал 1938 г. Бюллетень вулканологической станции на Камчатке, № 6. М.—Л., 1939.

83. *Миллер Г. Ф.* Известия о северном морском ходе из устья реки Лены ради обретения восточных стран. В кн. Ефимов А. В. «Из истории русских экспедиций на Тихом океане». М., 1948.

84. *Мурзаевы Э.* и *В.* Словарь местных географических терминов. М., 1959.

85. *Набоко С. И.* Гейзеры Камчатки. Труды лаборатории вулканологии, вып. 8. М., 1954.

86. *Никонов В. А.* Пути топонимического исследования. В кн. «Принципы топонимики». М., 1964.

87. *Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1965.

88. *Новаковский А.* Лоция ближайших к Владивостоку вод и побережий. Владивосток, 1897.

89. *Огрызко И. И.* Владимир Атласов. Учёные записки Ленинградского ГПИ им. Герцена, том 132. Л., 1953.

90. *Огрызко И. И.* Открытие Курильских островов. Учёные записки Ленинградского ун-та, № 157, вып. 2. Л., 1953.

91. ОРЗ — Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на Северо-Востоке Азии. М., 1951.

92. Отчёт о действиях Главного гидрографического управления за 1900 год. СПб., 1901.

93. *Пийп Б. И.* Новое эруптивное состояние вулкана Шивелуч в 1944—1945 гг. Бюллетень вулканологической станции на Камчатке, № 14. М.—Л., 1948.

94. *Пийп Б. И.* Эруптивная деятельность Ключевской сопки в 1944—1945 гг. Бюллетень вулканологической станции на Камчатке, № 14. М.—Л., 1948.

95. *Пийп Б. И.* Ключевская сопка и её извержения в 1944—1945 гг. и в прошлом. Труды лаборатории вулканологии, вып. 11. М., 1956.

97. *Полевой Б. П.* Правда о таинственном Конпаке. Камчатская правда, 5 августа 1962 г.

98. *Полевой Б. П.* Семён Ремизов и Владимир Атласов. Известия АН СССР, серия географическая, № 6, 1965.

99. *Полевой Б. П.* О происхождении названия «Камчатка». В кн. *Кусков В. П.* «Краткий топонимический словарь Камчатской области». Петропавловск-Камчатский, 1967.

100. *Попов А. И.* Географические названия. М.—Л., 1965.

101. *Попов А. И.* Основные принципы топонимического исследования. В кн. «Принципы топонимики». М., 1964.

102. *Поспелов Е. М.* Применение картографического метода в топонимике. В кн. «Принципы топонимики». М., 1964.

103. *Поспелов Е. М.* Топонимика и картография (автореферат дисс. на соискание уч. степ. докт. геогр. наук). М., 1970.

104. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О порядке наименования и переименования краёв, областей, районов, а также городов и других населённых пунктов, предприятий, учреждений и организаций» от 25 сентября 1964 г.

105. ПСИ — Памятники сибирской истории. Книга 1. СПб., 1882; Книга 2, СПб., 1885.

106. *Ремезов С. У.* Чертёжная книга Сибири. СПб, 1882.

107. *Ресин А. А.* Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. Известия ВГО, том 24, 1888.

108. РМ — Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Л.—М., 1952.

109. *Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. СПб., 1811.

110. *Сарычев Г. А.* Атлас северной части Восточного океана. СПб., 1826.

111. *Семёнов-Тян-Шанский П. П.* Географическо-статистический словарь Российской Империи. Тома 1—5. СПб., 1863—1885.

112. *Соколов А. П.* Восточный берег Камчатки по описям Ильина и Скрыпова. Записки Гидрографического департамента, часть 10, 1852.

113. *Соколов А. П.* Западный берег Камчатки по описям Ушакова и Елистратова. Записки Гидрографического департамента, часть 10, 1852.

114. *Спасский Г.* История плавания россиян из рек сибирских в Ледовое море. Сибирский вестник, часть 15, 1821.

115. *Спасский Г.* Описание Медного острова. Сын Отечества, часть 18, 1852.

116. *Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки. Лейпциг — Франкфурт, 1744 (на нем. яз.).

117. *Степанов А. Я.* Северная дальневосточная страна. В кн. «Физическая география СССР», часть 2. М., 1965.

118. *Суворов Е. К.* Командорские острова и пушной промысел на них. СПб., 1912.

119. *Тан-Богораз В. Г.* Чукчи. Часть 1. Л., 1934.

120. *Тебеньков М. Д.* Атлас северо-западных берегов Америки. СПб., 1852.

121. *Тюшов В. Н.* По западному берегу Камчатки. Записки ВГО, том 37, № 2, 1906.

122. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упорядочении дела присвоения имён государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населённым пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям» от 11 октября 1957 г.

123. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об упорядочении регистрации, наименования и учёта населённых пунктов в РСФСР» от 28 мая 1962 г.

124. *Устинова Т. И.* Камчатские гейзеры. М., 1955.

125. *Шталь.* Командорские острова и восточный берег Камчатки. Записки по гидрографии, № 19, 1898.

126. *Щербаков А. А.* Два геологических пересечения полуострова Камчатки. Труды Камчатской комплексной экспедиции АН СССР 1934—1935 гг. М.—Л., 1938.

127. ЭБ — Экспедиция Беринга. М., 1941.

Научно-популярное издание

Камчатский летописец

Историко-краеведческий сборник

Выпуск 5

Составитель: Сергей Витальевич Гаврилов

Редактор С. В. Гаврилов
Корректор Е. А. Рыбаченко
Оригинал-макет С. В. Гаврилова

Подписано в печать 20.07.2016. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,4.
Тираж 500 экз. Заказ № .

Издательство «Камчатпресс». 683017, г. Петропавловск-Камчатский,
ул. Кроноцкая, 12а.

Отпечатано в ООО «Камчатпресс». 683017, г. Петропавловск-Камчатский,
ул. Кроноцкая, 12а, www.kamchatpress.ru